

Олег Царьков

**Чако, 1928-1938. Неизвестная
локальная война. Том I**

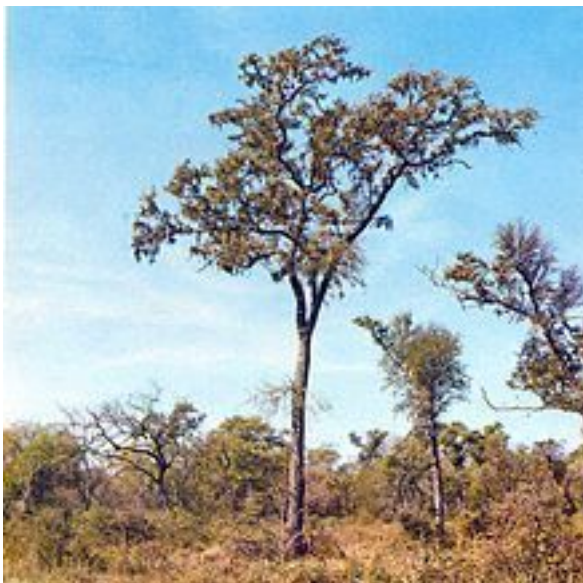
«ЛитРес: Самиздат»

2018

Царьков О. Е.

Чако, 1928-1938. Неизвестная локальная война. Том I /
О. Е. Царьков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Территориальный спор между Боливией и Парагваем уходит своими истоками к временам конкистадоров. Пограничный конфликт тянулся с момента получения независимости обеими странами. Переговоры об установлении границы между Боливией и Парагваем начались в 1879 году и безрезультатно велись сорок лет. После их провала обе стороны сделали ставку на насильственное решение проблемы, что привело к вооруженным конфликтам на границе, впоследствии, к широкомасштабной войне, во время которой погибло более 100000 человек.

Одной из главных причин территориального спора между Боливией и Парагваем было полное отсутствие данных о Гран-Чако или Чако-Бореаль. Эта обширная область расположена между Верхним Перу и королевством Ла-Плата и занимает площадь 150000 квадратных лиг (свыше 400000 квадратных километров). Делимитация границы затруднялась также тем, что в Чако отсутствуют какие-либо значительные географические объекты. Переговоры об установлении границы между Боливией и Парагваем начались в 1879 году и безрезультатно велись вплоть до 1913. Впоследствии они возобновились в 1928 году, но очень быстро зашли в тупик. Эскалация напряжённости на линии соприкосновения патрулей привяла к нагнетанию военной истерии и локальной «гонке вооружений», которые переросли в трёхлетнюю войну. Эти кровавые события были заслонены грядущей мировой катастрофой, и поэтому Чакская война осталась неизвестной мировому сообществу, несмотря на то, что она внесла определенную лепту в развитие военного искусства – массированное применение автоматического оружия. Она впервые поставила под сомнение целесообразность тактики первой мировой войны и во многом служила прообразом операций японской императорской армии в джунглях Восточной Азии. Война интересна тем, что явилась одним из этапов противостояния прусской и русской военных школ: в рядах парагвайской армии сражались белоэмигранты, а войска Боливии возглавлял немецкий генерал и бывшие офицеры Австро-Венгрии.

Долгое время эта война была забыта, но в последние десятилетия к ней был проявлен интерес со стороны российских журналистов и исследователей, апологетов Белого Движения, стали довольно часто обращаться к этой теме. Опираясь на мемуары генерала И.Т.Беляева, архивные материалы и другие источники, они стараются превознести роль белоэмигрантов в этой далёкой и никому не нужной войне. Между тем, парагвайские источники, отдавая должное героизму и вкладу русских иммигрантов, довольно скупно освещают их роль в своих архивах и мемуарах. Это объясняется не каким-то «антирусским заговором», а тем, что помимо них в рядах парагвайской армии воевали такие же эмигранты из Италии и Германии, в также их потомки. К тому же, следует заметить, что мемуары и просто записки военачальников могут служить источником информации, но с определённой оглядкой, поскольку в большей степени являются их апологией и часто подвержены влиянию политического момента. При написании данной работы использовались, в первую очередь, парагвайские и, в меньшей степени, боливийские источники: официальные документы, отчёты и, естественно, мемуары. Кроме них при

написании книги использовались американские источники: книги Зука, Фарко, Фостера и других, а также справочники и словари. Не принижая значения русских белоэмигрантов, автор постарался объективно и всесторонне изложить события той далёкой войны, а также по мере своих сил осветить их роль в ней.

Первый том описывает предысторию Чакской войны и кампании 1932 и 1933 годов.

I

.Противники

1. Т

erra bellum: Чако.

Зеленый ад. Исследование и освоение Чако. Претенденты в 1865-1888. Дипломатия: 1888-1927.

Чако на языке гуарани, основного населения Парагвая, означает «охотничье поле», и представляет собой природную область в центре Южной Америки, расположенную между 19 и 29 южной широты общей площадью около четырёхсот тысяч квадратных километров. Точная площадь равнины Чако-Бореаль составляет 300000 квадратных километра, из которых к началу конфликта часть уже была разграничена. В соответствии с результатами мирного договора 1938 года можно смело утверждать, что спорная территория из-за которой разгорелся конфликт составлял 265000 квадратных километров. Из них примерно 111000 приходилось на территорию, которую занимал Парагвай до начала конфликта. Ещё 123000 квадратных километров были получены страной во время войны, а 31500 – подлежали арбитражу.

Область Чако-Бореаль охватывает северную часть Ла-Платской низменности высотой 50-70 метров и предгорные равнины Анд, повышающиеся к западу до 500-600 метров. Субэкваториальный климат на севере Чако сменяется тропическим и далее к югу субтропическим. Средние температуры июля составляют от 12С до 21С (в среднем 19°С), а в январе достигают 26-30С (в среднем 29С). В Чако расположен южноамериканский «полюс жары» (47°С). Осадки выпадают в течение летних месяцев (с апреля по сентябрь) в небольшом количестве: от 500 мм на юго-западе до 1200 мм на северо-востоке. Континентальный характер климата увеличивается к западу.

Собственно, Чако представляет собой плоскую равнину, слегка наклоненную на восток. Это определяет хаотическое направление водных потоков, протекающих во внутренних районах и наличие больших заболоченных пространств предгорьях Анд. Речная сеть наиболее развита по краям Чако на западе и востоке, а внутренние районы лишены поверхностного стока. Большие реки, пересекающие Чако: Пилькомайо, Рио-Беремехо, Рио-Саладо транзитные, с резкими летними паводками. Например, Беремехо теряет значительную часть своих вод в болотах и заводях, называемых *эстерос*, расположенных по всему пути ее протекания через Чако. В растительности преобладают сухие редколесья (квебрахо, гуаякан, альгарробо, чаньяр, восковая пальма) на коричневых почвах, а на западе к ним добавляются ксерофитовые кустарники. Фауна Чако богата: здесь водятся пекари местной породы, бразильский тапир, гигантский муравьед, нутрии, болотный олень броненосцы-армадиллы, лягушки-быки, в южные районы заходят из пампы стада страусов – нанду и оленей пампы. Всего в Чако орнитологи насчитывают 365 видов пернатых. Это два десятка видов попугаев, туканы, чирки, дятлы, ибисы и белые цапли. Вместе с ними обитают и более неприятные животные: *мбарагуи*, тихие и невидимые, как сама смерть, громадные пауки, полчища змей и других гадов, скорпионы, тарантулы, мириады мошек и блох, муравьев и москитов. Наиболее сильно людям досаждают винчокос, летающие клопы длиной в 2 сантиметра, и *полворины*, маленькие мушки, от которых не спасает даже москитная сетка. Активность *полворин* приходится на дождливый сезон.

В местах, где сохраняется влага, буквально кишат различными видами змей, наиболее опасной из которых считается гремучая. В делях прячутся боа, волки, пумы и ягуары, а в непросохших после дождей *эстерос* таятся анаконды, кайманы и *якаре* – местная разновидность аллигатора.

Чако Бореаль (Северное Чако) представляет собой северную часть географической области Чако и охватывает территорию равную по площади Польше. Центр Чако – одно из самых негостеприимных мест на Земле. Не пустыня и не джунгли, оно совмещает в себе наихудшие черты обеих. Во время сухого сезона с марта по декабрь Чако представляет пыльные заросли высохших кустарников и редколесья, перемежающиеся с открытыми пространствами. Постоянный доступ к воде возможен только в долинах Парагвая (на востоке), Пилькомайо и Рио-Беремехо (на юге). Река Пилькомайо, ограничивающая спорную часть Чако с юга, течет с Боливийских Анд. Ее медленное, извилистое течение окаймлено высокими (от 5 до 8 метров) прирусловыми валами, затопляемыми в половодье. За ними лежат старицы и болота. На 24°30' река теряется в болоте, а затем делится на рукава. Устье реки образует дельту, непостоянную по форме и размерам. В низкую воду в нижнем течении глубина реки всего 20 сантиметров, хотя в половодье (весна) река судоходна вверх по течению на 200 километров. В дождливый сезон, особенно в апреле и мае, большая часть поверхности превращается в непролазную грязь, настоящее «море» воды, из которого поднимаются отдельные возвышенные островки. Зимой обмелевшие, пересохшие реки не достигают реки Парагвай, заканчиваясь в засоленных болотах или разбиваясь на цепочки мелководных озер.

Температурные колебания значительны, когда с Антарктики дует ветер *суразо*. В этом случае температура может упасть с 42С до 0 С. Западные области Чако, граничащие с Андами, более живописны. Они представляют собой холмистые луга и леса, орошаемые потоками, бегущими с гор. Восточная часть Чако, прилегающее к берегу реки Парагвай также более приветлива и представляет собой превосходные пастбища для выпаса крупного рогатого скота. Правый берег реки Парагвай занят песчано-глинистой равниной, представляющей почти идеальную плоскость, незаметно поднимающуюся с высоты 75 метров над уровнем океана до 300 метров на западе и северо-западе. Это – саванна с рощами восковой пальмы (*Copernicia cerifera*). С удалением от реки возрастает засушливость климата, и увеличивается проницаемость песчаных почв. Сочные луга сменяются зарослями ксерофитовых колючих кустарников и невысоких деревьев: акаций, *альгарробо* и других, чередующихся с солончаками и болотами. Особенностью ландшафта внутренних районов Чако являются открытые пространства, поросшие жесткими злаками, – *каньяды* и рощи среди них – *исла*. Наличие *каньяд* объясняется не только составом почвы, но и близостью воды. Как правило, более пышная растительность *исла*, выдает близость подпочвенных вод. По своему происхождению *исла* родственна флоридскому *хэммоку*, и представляет собой своеобразный оазис в зарослях ксерофитов. В *исле*, как правило, находится один или несколько источников пресной воды. Некоторые *каньяды* тянутся на десятки километров и достигают ширины от сотни метров до десятков километров. Из-за небольшого наклона на юго-восток *каньяды* летом превращаются в болота, медленно стекающие в Пилькомайо или Парагвай.

С военной точки зрения значительная часть Чако-Бореаль представляла собой закрытую местность и являлась очень сложным театром военных действий. Один из сподвижников Че Гевары, Вильегас так охарактеризовал эту местность:

«... Попробуйте представить себе, что из себя представляют те места: местность с очень неровным рельефом, сплошные зигзаги и холмы, соединяющиеся между собой таким образом, что, хотя мы находились всего лишь в 300, 400 или 500 метрах друг от друга, но не имели возможности разглядеть с одной позиции, что происходило на соседней...»

Пересеченность местности возрастает по мере продвижения от долины реки Парагвай в сторону Анд. Единственным более или менее удобным полем боя при таком характере ландшафта были *каньяды*, становившиеся удобным рубежом для обороны, а *ислас* превраща-

лись в своеобразные опорные пункты. Вследствие труднопроходимой местности важную роль стали играть прорубаемые войсками дороги и тропы, которые позволяли осуществлять им хоть какой-то маневр на местности. Дороги в Чако (*терраплен*) представляют собой небольшую полусферическую насыпь, огороженную с двух сторон канавами. Это делается для того, чтобы в дождливый сезон вода быстрее стекала в канавы. В этот период она проходима только для грузовых автомобилей и двухколесных парагвайских повозок. Даже такие «дороги» в Чако требуют ухода, поскольку через два-три года могут разрушиться и зарости кустарником. Далее к северу, в более засушливой местности дороги ухудшаются. В период засухи *терраплен* рассыпается, превращаясь в пыль, а выбоины, оставляемые тяжелым транспортом, за два-три месяца могут привести трассу в негодность. Поэтому дороги в Чако нуждаются в постоянном ремонте. В предгорьях Анд возможности скрытного маневра резко возросли, благодаря изменению характера растительности. Вместе с тем наличие каньонов и оврагов вызывало значительные проблемы для войск, незнакомых с местностью. Таким образом, быстрое продвижение по чакским дебрям крупных масс войск было практически невозможно.

Основным богатством растительного мира Чако, помимо пастбищ, является дерево *квебрахо*, кора которого служит сырьем для добычи дубильного экстракта – танина. Красная древесина *квебрахо* чрезвычайно тверда и немногим уступает железу. *Quebrag* – на местном диалекте испанского означает “ломать”, а *hacha* – «топор». Когда в 1947 году в Буэнос-Айресе меняли деревянную мостовую на каменную, ее торцы носили незначительные следы износа, хотя по ним за сотню лет проехали миллионы экипажей. Шпалы на железных дорогах Аргентины и Парагвая никогда не меняются по той же причине – они сделаны из древесины *квебрахо* (произносится как *кебрачо*). Для рубки этих деревьев необходима специальная сталь – простой топор быстро тупится. Кроме своей большой прочности *квебрахо* обладает другим свойством – оно чрезвычайно тяжело и не годится для постройки судов, хотя практически не гниет. Тридцатитонная железнодорожная платформа может принять только 3-4 бревна этой породы.

Помимо физико-географических факторов, затрудняющих освоение Чако, к ним добавились экономико-демографические. Аборигены Чако – дюжина племен, наиболее многочисленными из которых являются *тоба*, *нивакле*, *ленгва*, упоминаются еще австрийским иезуитом Мартином Добрицхоффером. Большинство из них переселилось в негостеприимный край под давлением испанцев. Как и ныне они кочуют по Чако, промышляя охотой, и разбивают свои стойбища у водных источников и на окраинах парагвайских и боливийских поселений и военных постов. Географически Чако соседствует непосредственно со столицей Парагвая Асунсьоном, а расстояние от Ла-Паса до реки Парагвай равно расстоянию от Берлина до Москвы. Большинство боливийских населенных пунктов удалены от Чако на многие сотни километров.

Испанцы пришли в Чако не с запада, а с востока: сначала отряд Доминго Мартинеса де Иралы в 1549, а за ним испанская экспедиция под командованием Ласаро Ортеги Вальехоса в 1650 году проникли из Асунсьона в Чако. Солдаты соорудили несколько укрепленных постов, которые подчинялись коменданту Асунсьона. Спустя столетие креолы проникли в восточные районы Чако. Интенсивность освоения дикого края несколько возросла после 1782 года, когда Парагвай стал отдельной интендансией, подчиненной непосредственно вице-королю Ла-Платы. Век спустя, 1 марта 1870 года в Серро-Корре, расположенной на правом берегу реки Парагвай был убит президент Франсиско Солано Лопес, планировавший продолжить сопротивление бразильским оккупантам. Однако этот район продолжал оставаться *terra incognita* для многих жителей сопредельных стран. Только после окончания войны точные границы Чако определил дед Эрнесто Че Гевары, состоявший на королевской службе.

Чако, самый север вице-королевства Ла-Плата, впрочем, как и остальная часть пампы, представляет собой бескрайнюю равнину, где паслись неисчислимые стада. В те времена, чтобы считаться королем, достаточно было иметь коня и тесак. Здесь гаучо, пастух и забойщик скота, обладал наивысшим социальным статусом. Он стал еще более жестоким, чем маро-

дер-индеец, который приходил с севера, чтобы пожить. Сбор кож был основным занятием местного населения. Когда испанскому владычеству пришел конец, южное Чако отошло к Аргентине и вошло в состав провинций Сальта, Кориентес, Сантьяго-дель-Эстеро и Санта-Фе. Во главе каждой из них стоял каудильо, предводитель гаучо. Большинство из них сохранили образ мыслей разбойника: они также легко расправлялись со своими противниками, как до того забивали коров. Так, первыми хозяевами Чако стали главари банд. Некоторые из них, такие как Ферре из Корриентеса, были более «просвещенными», другие вроде Фаустино Кироги менее, одни стояли за федерацию, другие – за унитарную республику. Это им не мешало вести постоянные междоусобные войны и потенциально угрожать Парагваю, отрезанному от океанской торговли. Севернее реки Пилькомайо скитались индейцы, которые потеряли свои очаги и прежних богов. Как только одному из каудильо требовались деньги, он продавал несколько кусков земли, которые никому не принадлежали. Заплатить можно было не только золотом, но и натурой. За несколько лошадей и мушкетов иногда покупался участок, который надо было обмерять целый день. Со временем вся центральная часть Аргентины, как стала называться Ла-Плата после объединения провинций, оказалась поделена на участки. Новые вожди новой страны, исповедуя старые, феодальные ценности, стали больше обращать внимания на окраины.

В последние десятилетия испанского владычества Чако полностью входило в состав вице-королевства Ла-Плата и было гипотетически разделено между интендансиями Чаркас (Чако-Бореаль) и Сантьяго (Чако-Ориенталь). Граница проходила по реке Беремехо. Она сохранилась и после обретения независимости. До 1865 года изоляционистская политика Асунсьона и политическая нестабильность к югу от Беремехо и на Альтиплано давали возможность Парагваю владеть Чако де-факто. Этому способствовало близость его экономических центров к этой области. Большую часть XIX века южная граница страны проходила по реке Беремехо (на 250 километров южнее нынешней границы). Впервые вопрос о принадлежности Чако возник во время войны Тройственного Альянса. Конвенция от 1 мая 1865 года, предусматривала полный раздел Парагвая между Аргентиной и Бразилией по рекам Парана и Парагвай. В этом же соглашении признавались права Боливии на порт на правом берегу Парагвая. Данная клаузула удовлетворила притязания президента Мельгарехо, который не допустил снабжения войск маршала Ф.С. Лопеса через территорию своей страны.

Однако, вследствие противоречий между победителями, Парагвай смог сохранить свою независимость. К 1876 году он выполнил обязательства по мирному договору, что привело к выводу оккупационных войск. Это не остановило соседей. Молодой и амбициозный аргентинский президент Авельянеда предъявил претензии на территорию Чако Бореаль, расположенную между Рио-Беремехо и Рио-Верде. Опираясь на поддержку Бразильской Империи, парагвайский представитель Мачайн предложил пригласить представителя США в качестве арбитра. Эта почётная роль выпала вице-президенту США Р.Б.Хейесу (произносится как *Айес*). Не ожидая негативного решения, аргентинский дипломатический представитель Иригойен согласился на это. Р.Б. Хейес разделил спорную территорию примерно поровну, и с 3 февраля 1876 года аргентино-парагвайская граница прошла по реке Пилькомайо. Боливия попыталась вмешаться в процесс раздела и защитить свои интересы, но ее политический демарш был проигнорирован всеми участниками арбитража.

Первые переговоры между Асунсьоном и Ла-Пасом по Чако состоялись 15 октября 1879 года, когда министр иностранных дел Парагвая Х.С. Декуд подписал с полномочным послом Боливии А. Кихаро договор о разделе спорной территории. В нем признавались права Боливии на территорию к северу от линии, соединяющей исток реки Пилькомайо и устье реки Апа, впадающей в Парагвай. Переговоры шли в условиях нестабильного внешнеполитического положения. Парагвай был слабо населён и еще не оправился от последствий войны с Тройственным Альянсом, а Боливия конфликтовала с Чили. Через месяц (16 ноября) армия Боливии потер-

пела поражение у Сан-Франсиско. Это событие заставило президента Кандидо Барейро повременить с ратификацией договора. Правда, неудача чилийцев у Тарапаки 27 ноября 1879 года временно восстановила авторитет союзников, но политический момент, благоприятный для ратификации договора Декуда-Кихаро, был потерян. Победа чилийцев над союзными перуано-боливийскими войсками при Такне 26 мая 1880 года вывели Боливию из войны и убедили К.Барейро и стоявшего за ним генерала Б.Кабальеро в слабости северного соседа. Следствием этого стало освоение парагвайцами правобережья реки Парагвай, географически относящимся к Чако. Правительство Б. Кабальеро стало распродавать по бросовой цене большие участки прибрежных пастбищ. Значительная их часть попала в руки испанского эмигранта Карлоса Касадо дель Алисаль, поселившегося в Аргентине. К 1886 году он скупил 5625000 гектаров земли по цене 1500 за легву или 75 центов за гектар. Его земельные владения протянулись на 208 километров вдоль правого берега реки Парагвай. В центре своих владений дон Карлос основал в Пуэрто-Касадо первую фабрику по производству танина – экстракта, добываемого из смолы квебрахо. В 1904 году его наследники перепродали 16875 кв. километров нескольким аргентинским производителям, занимавшимся производством танина: Михановичу (Пуэрто-Састре), Пинаско, синдикату Пуэрто Гуарани. Их заинтересованность в сохранении своих позиций во многом повлияла на благожелательное отношение Буэнос-Айреса к своему северному соседу.

Поражение в Тихоокеанской войне и потеря Атакамы – выхода к Тихому Океану, заставило правительство Боливии искать доступ к реке Парагвай, объявленной свободной для судоходства с середины века. Несмотря на недавнюю катастрофу, страна была настроена достаточно агрессивно по отношению к своему южному соседу. Дабы унять страсти боливийской общности, парагвайский президент Б.Кабальеро, связанную с распродажей земель в Чако, предоставил боливийцу М.С. Аранье концессию в Баия Негра. Концессией разрешалось строительство порта на реке Парагвай и железной дороги от него до боливийского города Санта-Крус. В 1885 году Аранья заложил порт Пуэрто-Пачеко и начал прокладывать колесный путь на север. Узнав об этом, парагвайские либералы, оппозиционные генералу, расценили строительство в Баия Негре, как «покушение на права республики в Чако». В 1886 году компания Араньи обанкротилась, и боливийское правительство национализировало ее собственность. В Пуэрто-Пачеко был поднят флаг Боливии. Стремясь закрепить свои позиции в верховьях Парагвая, боливийское правительство предприняло новую дипломатическую акцию с целью определить границу со своим южным соседом. 16 февраля 1887 года министр иностранных дел Парагвая Б.Асеваль и чрезвычайный посол Боливии И.Тамайо заключили договор, который был чрезвычайно невыгоден для Асунсьона. Согласно ему, территория вдоль верхнего течения Пилькомайо, являвшаяся собственностью Парагвая по договору Декуда-Кихаро отходила к Боливии, взамен чего территория от параллели Фуэрте-Олиμπο до устья Апы объявлялась спорной и подлежала арбитражу Леопольда II, короля Бельгии.

Быстро ратифицированный боливийским парламентом, договор вызвал отрицательную реакцию со стороны парагвайских политиков, оппозиционных партии ставленнику Б.Кабальеро генералу П.Эскобару, и столичной общности. 10 июля 1887 года они объединились в партию *Демократического Центра*, которая повела наступление на правительство П.Эскобара. 11 сентября Б.Кабальеро образовал партию *Колорадо*, в которую вошли сторонники правительства. Они оказались в меньшинстве. Страсти вокруг договора Асевала-Тамайо накалялись, президента обвиняли в предательстве национальных интересов. Старому сподвижнику маршала Ф.С. Лопеса ничего не оставалось делать, как послать канонерку *Пунаро* в верховья Парагвая. 13 сентября 1888 года Пуэрто Пачеко было занято войсками, флаг Боливии спущен, а её чиновники арестованы и доставлены в Асунсьон. По решению парагвайского парламента Пуэрто Пачеко получил свое прежнее название – Баия Негра. Это был первый эпизод в серии военных столкновений между Боливией и Парагваем, приведшим к широкомасштабной войне.

Боливия протестовала против этого акта, но слабость вооруженных сил, отсутствие денег и удалённость театра военных действий помешали подкрепить слова силой.

После событий в Пуэрто-Пачеко боливийское правительство наконец осознало, что Парагвай никогда не ратифицирует соглашения ни 1879, ни 1887 годов. Захват парагвайцами Пуэрто-Пачеко ознаменовал начало длительного противостояния Боливии и Парагвая в вопросе разграничения Чако. Боливийские дипломаты основывались на принципе *uti possidetis* 1810 года, используя колониальные архивы и карты, определявшие границы аудиенсии Чаркас. Юго-восточная граница этого колониального предшественника Боливии проходила по рекам Беремехо и Парагвай. Парагвайская сторона настаивала на том, что именно ее граждане эффективно хозяйствуют на территории Чако, в то время как боливийская администрация удалена от этих мест на многие сотни километров. Сложность определения границ определялась еще и тем, что в документах колониальных времен границы аудиенсии Чаркас и провинции Парагвай проходили по неисследованным местам и зачастую описывались приблизительно. Обе республики не рассчитывали на появление третьего претендента, поскольку их границы с Аргентиной и Бразилией были полностью демаркированы. Таким образом, дипломатическая борьба вокруг Чако, пока там не обнаружили следы нефти, была больше вопросом политического престижа обеих стран.

23 ноября 1894 года начался новый раунд переговоров между Боливией и Парагваем. Стороны представляли Г.Бенитес и Т.Ичасо. Линия границы должна была проходить по прямой от Фуэрте-Олимпо до пересечения реки Пилькомайо с меридианом 61° 28' западной долготы. Хотя условия этого соглашения были гораздо более выгодны для Парагвая, чем предыдущие, договор был также враждебно встречен общественностью и, как следствие, не ратифицирован. Четвёртая попытка договориться о разделе Чако была предпринята в Буэнос-Айресе. 12 января 1907 года министр финансов Парагвая А.Р.Солер подписал с чрезвычайным послом Боливии в Аргентине К. Пинильей новый разграничительный протокол. До сих пор неизвестно кто был инициатором этого соглашения, поскольку предварительных консультаций между сторонами не велось. Поскольку протоколом предусматривался арбитраж президента Аргентины, существует мнение, что в дело вмешался сам глава Аргентинской республики Алькорга. Несмотря на значительное увеличение территорий, передаваемых Парагваю в сердце Чако, эта инициатива, как и все предыдущие, оказалась мертворожденной. Причиной этому был устойчивый интерес обеих договаривающихся сторон к долине Пилькомайо и истокам реки Парагвай. Освоение густых зарослей центрального Чако не вызывало особого энтузиазма ни у одной из сторон. Новый протокол, подписанный 5 апреля 1913 года Э. Айялой и Мухией, был последней попыткой мирного разграничения Чако. За его основу был взят протокол Солера-Пинильи с учётом уже имеющихся позиций сторон. Представляется, что его появление связано с осознанием сторонами невозможности эффективно контролировать Чако. Несмотря на выгодное для Парагвая начертание границы, протокол способствовал распространению боливийских застав-*фортинов* к югу. Впоследствии, во время Февральской революции 1936 года, сместившей Э.Айялу с поста президента, подписание этого соглашения было вменено ему в вину, как акт «предательства национальных интересов».

Освоение района Чако Боливией затруднялось отсутствием путей сообщения, которые ей приходилось строить. Только обнаружение нефти в предгорьях Анд стимулировало дорожное строительство. Предоставление в 1922 году монопольных прав на нефтяные месторождения в боливийской части Чако *Стандард Ойл* и начало ее добычи в Камири вызвали приток населения на северо-запад Чако и обеспечили финансирование «ползучей» экспансии Боливии на юго-восток. Парагвай, стремясь закрепить в Чако экономическими методами, продолжал осваивать земли на правом берегу. К 1914 году было распродано почти 200000 квадратных километров или почти 50% всей территории страны. Значительную роль в земельных спекуляциях занимали аргентинцы: так четыре крупнейших банка купили в 1919 году 4000

квадратных километров. Новым приемом в освоении Чако, примененным парагвайским правительством в двадцатые годы XX века стало предоставление земель *меннонитам*. В 1921 году президент Парагвая М.Гондра законом 514 предоставил этой конфессии самоуправление. Несколько тысяч меннонитов из Канады поселились на земле, приобретенной у наследников Касадо, в центре Чако и до начала военных действий основали две колонии Менно (1928) и Фернхейм (1932).

Наличие протокола Айялы-Мухии устраивало обе стороны до тех пор, пока линии их пограничных застав-фортинов не сблизились. В 1918 году, когда обе страны начали осуществлять эффективный контроль над многими районами Чако, они более не были готовы доверить арбитраж третьей стороне: они не хотели подвергнуть риску с трудом занятые позиции. Между отрядами, охраняющими границу, с обеих сторон началась сложная шахматная игра. Отряды парагвайцев и боливийцев старались занять все более удобные с точки зрения обороны, коммуникаций и водоснабжения места. Часто гарнизоны таких укреплений насчитывали несколько солдат. К 1927 году передовые посты обеих стран сблизились настолько, что избежать столкновения стало невозможно.

А.Рохас Сильва, сын экс-президента Л.Рохаса, погиб от случайного выстрела. Его солдаты и проводник – гуарани были немедленно отпущены, а правительство Боливии попыталось замять инцидент и принесло свои извинения. Когда весть дошла до Асунсьона, там разыгрались страсти. Временный президент Элигио Айяла отдал приказ начать подготовку к военным действиям. Ответные действия со стороны Боливии были менее жесткими, поскольку президент Силес считал свою страну не готовой к войне. Однако лидер оппозиции Даниэль Саламанка, возглавлявший местных *ястребов*, выдвинул лозунг “*pisar fuerte en el Chaco*” (твердо закрепиться в Чако). Возглавляемая им Республиканская партия была поддержана боливийскими военными, которые увидели в этом способ побряцать оружием. Несмотря на грозную риторику главы обеих стран осознавали, что их армии не готовы к ведению широкомасштабных военных действий. Кроме того, Силес считал более перспективным направлением экспансии возврат Такны и Арики, захваченных Чили. По условиям мирного договора, завершившего Вторую Тихоокеанскую войну, обе территории должны были быть возвращены Боливии. Поэтому 22 апреля был подписан очередной, шестой протокол, который предусматривал посредничество Аргентины. Его подписали Диас Леон и Гутьеррес. Переговоры при участии представителей аргентинского министерства иностранных дел открылись в Буэнос-Айресе в октябре. Боливию первоначально представлял Т.М.Элио, а Парагвай – Элигио Айяла. Он настаивал на выполнении условий соглашения Солера-Пинилья, которому его оппонент с самого начала воспротивился, поскольку боливийцам пришлось бы оставить несколько сильных позиций в центре Чако. В ноябре в Буэнос-Айрес на смену Элио приехал Д.Саламанка. Его прибытие способствовало ужесточению позиции Боливии, которая стала настаивать на передаче ей всего Чако, основываясь на том, что при испанцах вся эта территория входила в состав интендансии Чаркас.

В ноябре 1927 года Элигио Айяла предложил компромиссное решение для предотвращения разгорающегося конфликта. Основными принципами этого соглашения стали:

- 1) заключение пакта о ненападении между Боливией и Парагваем,
- 2) создание постоянной комиссии по разграничению,
- 3) возвращение к границе, определенной протоколом 1907 года.

Расхождения в терминологии и желание сохранить позиции, занятые согласно протоколу Айялы-Мухии, привели к прекращению переговоров. В январе 1928 года делегация Д.Саламанки покинула Буэнос-Айрес. Несмотря на это надежды на мирное урегулирование конфликта сохранялись и дипломатические контакты сторон продолжались. Несмотря на это, росла напряженность на линии соприкосновения боливийских и парагвайских патрулей. Если разведывательные поиски в расположение враждующих сторон велись до стычки у *фортина Сорпреса* были бескровными, то теперь они стали сопровождаться перестрелками и захватом пленных. Несмотря на агрессивные настроения обеих наций их интенсивность была невелика, пока существовала надежда на урегулирование конфликта. К августу рост джингоистских настроений, как в Боливии, так и в Парагвае достиг своего пика и сделал его невозможным: очередь была за пушками, и оба претендента на Чако стали готовиться к войне. Уже 7 марта в условиях военного психоза боливийское правительство мобилизовало самолеты ЛАБ (гражданской авиакомпании), а мэр Асунсьона в августе арестовал транспортный самолет *Латеккер* 26, на котором летал известный французский летчик Ж.Мермоз.

5 сентября боливийское командование направило сорок солдат в устье реки Рио-Негро, протекающей в северо-восточном углу Чако. Здесь было построено новое укрепление – *фортин Вангардия*. Он располагался в 20 километрах от парагвайского укрепления *Галлон* и контролировал верховья реки Парагвай. Президент Х.П. Гуджиари распорядился направить туда отряд под командованием майора Р.Франко. Его задачей было наблюдение за действиями боливийцев. Однако молодой честолюбивый офицер превысил свои полномочия. 5 декабря несколько сот парагвайцев под командованием бравого майора окружили фортин. При под-

держке ружейно-пулемётного огня Р.Франко поднял своих солдат в атаку и захватил *фортин*. Двадцать один солдат противника попал в плен, а уцелевшие бежали. Через несколько дней они достигли боливийского фортина Витрионес и рассказали о происшедшем. Разрушив *Вангардию*, майор Рафаэля Франко вместе с пленными вернулся в Гондру на место своей дислокации.

До сих пор неизвестно была ли эта операция личной инициативой Р.Франко или она была санкционирована свыше. В пользу первой версии говорит сам ход последующих событий, ибо парагвайские вооруженные силы были абсолютно неподготовлены к отражению нападения боливийцев, последовавшего за боем у Вангардии. Вместе с тем, направляя батальон под командованием энергичного офицера, Х.П.Гуджиари не мог не отдавать себе отчета в том, что это может перерасти в военный конфликт. Вообще в инциденте в *Вангардии* очень много непонятого. Есть основания считать, что захват фортина был больше в интересах Чили, где Р.Франко и военный министр генерал М.Скенони получали военное образование. Чили в это время находилась в жёсткой конфронтации с Боливией и Перу, которые требовали возврата территорий Такны, Арики и Икике, которые бы обеспечили Боливии доступ к Тихому Океану. Чилийское правительство намеревалось удерживать указанные территории любыми средствами и было заинтересовано в разжигании боливийско-парагвайской войны. Следует отметить, что во время гражданской войны 1922-23 годов в Парагвае проправительственные силы получили партию оружия из Сантьяго. Поэтому вполне возможно, нападение на *Вангарию* было уплатой по векселю. Однако в силу ряда обстоятельств Чили удалось остаться в стороне.

Реакция общественности обеих стран на события в *Вангардии* была очень резкой. Улицы Асунсьона заполнились демонстрантами, приветствующими действия парагвайской армии, отразившей вторжение боливийцев. В Ла-Пасе правительство Э.Силеса подвергалось нападкам джингоистов во главе с Саламанкой. Они требовали отпущения за кровь предательски убитых боливийских солдат. 9 декабря Э. Силес отозвал посла из Асунсьона и приказал полковнику Х.Л.Лансе, командовавшему войсками в Чако, восстановить *Вангарию*. Ни он, ни Гуджиари не отдавали себе отчет о последствиях. Поскольку в верховьях реки Парагвай боливийское командование не обладало достаточными сухопутными силами, оно решило нанести удар в южном секторе Чако. Боливийские части начали давление на передовые позиции парагвайцев по всей линии соприкосновения. Ланса чётко сформулировал задачу, стоявшую перед ними: захватить максимально большую территорию для последующего их обмена на Вангарию.

14 декабря подразделения пехотного полка *Кампос* после небольших стычек заняли парагвайские фортины *Бокерон* и *Марискаль Лонес*. На следующий день в Боливии завершилась частичная мобилизация, которая увеличила состав вооруженных сил до 16000 человек. В тот же день боливийские самолеты совершили первый в истории конфликта налет на Баия Негру, главную базу снабжения северной группировки парагвайских войск. В налете участвовали несколько самолетов *Бреге 19* и *Фоккер CVbs*. Сброшенные с них бомбы наделали много шума, но серьезных повреждений портовым сооружениям парагвайцев не нанесли. Один из боливийских самолетов *Фоккер CVbs* был поврежден ружейным огнем и упал, а его экипаж – лейтенанты Лосада и Манченго попали в плен. Фатальная случайность – гибель во время бомбардировки нескольких подданных Аргентины привели к вмешательству ее правительства в разгорающийся конфликт. Демарш возымел действие: опасаясь реакции южного соседа, боливийцы избегали бомбить суда, следующие по реке Парагвай, облегчив тем самым снабжение и доставку войск противника. 18 января 1929 года два боливийских самолета (*Бреге* и *Фоккер*), базирующихся на Пуэрто-Суарес повторно бомбардировали парагвайские сооружения в северном течении реки Парагвай. В этой миссии участвовал французский «советник» в Боливии майор Анри Лемэтр и его механик Эрнст Фуше. Активной авиации противника Парагвай мог противопоставить несколько старых итальянских машин.

16 декабря Х.П. Гуджиари объявил состояние войны с Боливией и на следующий день объявил всеобщую мобилизацию. К началу 1929 года численность парагвайской армии воз-

росла с 3 до 13 тысяч человек. Её начальником стал полковник М.Рохас, начальником Генерального Штаба подполковник Ф.Х.Эстигаррибия, главным интендантом – майор Ф.Вальдес, а командующим на севере – подполковника Х.Х.Санчес. Полностью развёрнуты и готовы к боевым действиям были следующие части:

1 пехотный полк *2 мая* под командованием майора Х.Б.Айялы занимал район Консепсьон-Нанава,

2 пехотный полк *Итороро* под командованием майора Э.Торреони занимал район центрального Чако,

4 пехотный полк *Курупаити* под командованием майора Г.Нуньеса занимал Пуэрто Касадо,

5 пехотный полк *Генерал Диас* под командованием майора К.Р. Фернандеса занимал Баия Негру,

1 кавалеристский полк *Валуа Риварола* под командованием майора Л.Иррасабалья занимал Парагуари,

1 артиллеристская группа *Генерал Бругес* под командованием майора Х.Л.Вера занимал Асунсьон,

Директором Военной Школы был майор А.Брей, Авиация майора Р.Франко базировалась на Нью-Гуасу, а флотилия М.Т.Апonte – на Асунсьон.

В ходе её развёртывания остальных частей выяснилась полная неготовность страны ни к современной войне, ни к мобилизации. На проверку оказалось, что вместо ожидаемых 30000 резервистов парагвайская армия может рассчитывать от силы на 7-8 тысяч. Но даже для этого числа наличных запасов оружия с трудом хватило, чтобы сформировать 8 пехотных и 2 кавалерийских полка, инженерный батальон и одну артиллерийскую группу(дивизион). Если стрелкового оружия оказалось достаточно, то артиллерии явно не хватало. Большинство из 10500 *маузеров*, заказанных в Испании, были неисправными и даже опасными для самих стрелков. Артиллеристский парк насчитывал 37 старых пушек, которые в лучшем случае могли стрелять прямой наводкой. Из автоматического оружия в армии имелось только 29 станковых пулемётов системы Максима. Эти громоздкие системы с водяным охлаждением было невозможно использовать в Чако. Уже в ходе подготовки к военным действиям были заказаны датские ружья-пулеметы *Мадсена* и американские станковые пулеметы *Кольта-Браунинга*.

Не лучшее положение дел оказалось и в Боливии, которая развернула шесть дивизий, но не могла их выдвинуть в Чако из-за отсутствия дорог. Кроме того, половину из них она должна была сосредоточить на западной границе против Чили и Перу, договорившихся о разделе Такны – Арики в обход Ла-Паса. Военные действия в начале 1929 года свелись к удержанию сторонами своих позиций, а также патрулированием и разведывательными поисками. Вместе с тем, обе стороны постепенно концентрировали свои войска. По окончании развёртывания вооруженных сил выяснился оперативный просчет обоих штабов – ни Боливия, ни Парагвай не располагали достаточным количеством средств для переброски и снабжения даже десяти тысяч солдат в Чако. К концу 1929 года в Чако были сосредоточены две боливийские дивизии и подготовлена к переброске третья. Парагвай развернул две группы – северную и южную. Всё было готово для ведения полномасштабной войны.

Эскалации боевых действий помешал ряд событий. Первым из них стало обращение Аргентины в Панамериканскую Лигу. Оно привело к объявлению реки Парагвай нейтральной и фактически положило конец налетам боливийских *Фоккеров* и *Бреге* на незащищенные парагвайские поселения. Вторым фактором снижения напряжённости в Чако стал военный переворот в Чили. 11 февраля 1927 года полковник Ибаньес сверг конституционного президента Э.Фигероа. Переворот напрямую был связан с вопросом статуса Такны и Арики, которые дипломатия США хотела передать Боливии. К лету 1928 года отношения обострились из-за начала прямых переговоров между Чили и Перу о статусе этих провинций. Отмобилизованная армия

Боливии могла быть направлена для отвоевания выхода к морю, поэтому чилийский диктатор стремился обрести еще одного союзника в развивающемся конфликте. Координации их демонстраций способствовали давние связи генерала М.Скенони с полковником Ибаньесом, который нуждался в поддержке соседей.

Можно предположить, что столь активная реакция парагвайских военных была спровоцирована чилийским правительством, заинтересованным в создании «второго» фронта против Боливии. Так или иначе, Боливия в начале 1929 года оказалась между двух огней, имея в перспективе войну на два фронта.

Аргентинская и чилийская акции, молчаливо поддержанные Бразилией и Перу, привели к почти полной политической изоляции Боливии на юге континента. Но дипломатия США стояла на стороне Ла-Паса и оказала давление на своих латиноамериканских коллег. Те, в свою очередь, предложили враждующим сторонам начать переговоры. 3 января 1929 года представители Парагвая и Боливии Рамирес, и Диес де Медина подписали очередной протокол. Согласно ему, Асунсьон брал на себя ответственность за события в Вангардии и передавал территориальный спор на рассмотрение комиссии нейтралов. Дипломатическая капитуляция Х.П.Гуджиари была не столько следствием состояния обороны, сколько результатом давления со стороны Аргентины, не заинтересованной в развитии конфликта. Ошибка дипломата, допущенная при подписании протокола, позволяла Лиге Наций объявить страну агрессором и ввести эмбарго на продажу оружия. Это означало, что заказанная во Франции современная артиллерия могла быть потеряна для страны навсегда. В начале января 1929 года три боливийских самолёта: «Юнкере F.13» по имени «Иллимано» совместно с «Бреге-19», названным «Потоси», и безымянным «Фоккером C.Vb» сбросили бомбы на укрепления форта *Баия Негра*. Это был первый в Южной Америке боевой вылет и, соответственно, первая воздушная бомбардировка. О результатах не сообщалось, все самолеты благополучно вернулись на базу. Как ни странно, налет не вызвал эскалации военных действий, и обе страны продолжили «качать мускулы», время от времени обмениваясь угрозами. Уже 5 января ими было подписано соглашение о временном прекращении огня, но стычки продолжались. Боливийцы по-прежнему удерживали *Бокерон*, а парагвайцы – *Вангардию*. Учитывая опыт первого развёртывания обе стороны развернули в Чако строительство дорог, соединявших основные районы государств с театром военных действий. Парагвайцы также начали обследование водных путей, ведущих внутрь Чако.

Тем временем, в Вашингтоне начала работу конференция, созданная в соответствии с протоколом Рамиреса-Диеса де Мендосы. В комиссию нейтралов вошли представители Парагвая, Боливии, Мексики, Колумбии, Уругвая, Кубы и США. Госдепартамент намеренно не включил в ее состав делегатов соседей, более дружелюбно настроенных к Парагваю. Дипломатическая поддержка, оказанная США Боливии, стала очевидной почти сразу. Одним из новых факторов, вынуждающих госдепартамент встать на сторону Ла-Паса, была необходимость в «моральной компенсации» за размежевание Такны – Арики, в котором дипломаты из Вашингтона, выступая «независимыми» арбитрами, лишили Боливию последней надежды получить выход к Тихому Океану. В результате этого арбитража Боливия сохранила за собой право только на строительство железной дороги к океану (без экстерриториальности). 12 сентября 1929 года комиссия нейтралов выработала условия перемирия, по которому Парагвай должен был восстановить *Вангардию* и передать его Боливии в обмен на *Бокерон*. Через четыре дня боливийские войска очистили занятые ими в конце 1928 года парагвайские форты, и, формально, конфликт окончился. Пока дипломаты стран-посредников поздравляли друг друга с успешным разрешением конфликта, Парагвай и Боливия вооружались, ликвидируя выявленные в 1928 году недостатки военного строительства. Несмотря на восстановление дипломатических отношений стычки в глубине Чако продолжались. Однако они не привели к эскалации напряженности из-за краха нью-йоркской биржи в *черную пятницу* 1929 года, ставшего нача-

лом Великого кризиса. В этих условиях президент Парагвая Х.П. Гуджиари обратился за поддержкой в Лигу Наций. Однако представители США воспрепятствовали посредничеству Лиги, заявив о необходимости поиска панамериканской альтернативы. Принятию этой аргументации Лигой послужил факт восстановления дипломатических отношений между Ла-Пасом и Асунсьоном, состоявшийся 22 июля 1930 года.

Следует отметить, что за все время своего существования Лига Наций только в двух случаях подробно рассматривала латиноамериканские дела и в обоих случаях без какого-либо эффекта. Безусловно, ее беспомощность была определена закулисной дипломатией великих держав, в первую очередь, США и Великобритании. Особенно жесткую позицию в этих вопросах занимал госдепартамент, старавшийся торпедировать любую попытку установления связей с межамериканскими политическими организациями. Настояв на передаче жалобы Парагвая в панамериканскую систему, контроль над которой находился в его руках Вашингтон тем самым косвенно поощрял Ла-Пас на дальнейшую эскалацию военных действий.

Большинство исследователей латиноамериканских конфликтов 30-х годов сходятся во мнении, рассуждая о чисто поверхностных причинах Чакской войны. Вместе с тем её скрытые пружины зачастую остаются недостаточно освещенными. По мнению П. Калверта и Б.Вуда, возникновение войны вызвано, в основном, социально-психологическими причинами, имеющими свои корни в реваншистских настроениях обеих сторон, подогреваемых депрессией 1929-1933. А.Б.Томас в своей *Истории Латинской Америки* более объективно подходит к причинам этой войны. В качестве таковых, он, помимо территориального спора, выделяет социальную напряженность внутри обеих стран, вызванную депрессией, и попытку выхода Боливии к морю. Потребность в выходе к морю стала особенно настоятельной после того, как с 1922 года *Стандард ойл* стала проводить разведку нефтяных месторождений на юго-востоке Боливии и в конце концов обнаружила её в области Камири. К 1930 году эта компания инвестировала свыше 54 млн. долларов и начала добычу нефти в районе Камири. Общий объем, найденной в этом районе, нефти оценивался в шесть с половиной миллионов тонн. Открытие в 20-е годы нефтяных месторождений в этом районе позволяло надеяться на наличие крупных ее запасов в междуречье Пилькомайо и Парагвая. К этому времени управление нефтяными полями Боливии перешло от *Стандард ойл оф Нью-Йорк* к ее дочерней компании *Стандард Ойл оф Боливи*, руководство которой приобрело дополнительные концессии в зоне Чако. В июле 1932 года она уплатила боливийскому правительству за них аванс в 2 миллиона долларов США. Несколько ранее американцы приобрели нефтяные концессии в аргентинской провинции Сальта. Это наносило серьезный удар по позициям *Ройял Датч-Шелл* в Аргентине и Парагвае. В условиях жесткого давления со стороны британских инвесторов правительство Аргентины, обложило транзит нефти через свою территорию запретительными пошлинами, нанося прямой ущерб интересам Боливии. Строительство нефтепровода через Анды к морю неосуществимо в силу технических причин, а транспортировка нефти через Чако в условиях военной конфронтации опасна, поэтому добыча нефти на экспорт в Камири была свернута. За годы Великого кризиса нефть для Боливии приобрела особое значение, как новый источник экспортных доходов, которые снизились из-за падения цен на олово. К 1932 году влияние американских нефтяных компаний в Боливии сильно выросло. Рост американских инвестиций в нефтедобывающем секторе этой страны ставили на повестку дня вопрос о получении концессий на все Чако. Именно поддержка США обеспечила приход Д. Саламанки к власти под лозунгом наведения порядка. Лидер республиканцев был поддержан военными кругами, что сразу привело к росту напряженности в Чако. Обосновывая претензии Боливии, новый глава республики в Андах писал, что «...естественным и логическим выходом явилось бы сооружение нефтепровода к р.Парагвай. Этому препятствует республика Парагвай, которая оспаривает территориальные владения Боливии и, кроме того, блокирует перевалку нефти. Боливия же не может примириться с жалкой участью страны, изолированной от мира».

Не только борьба за удобные маршрут транспортировки нефти, но и жажда обретения новых концессий на спорной территории ужесточало позицию Боливии. В условиях кризиса цены на нефть снижались и в связи с этим предпринимались меры по сокращению ее добычи. Поэтому вряд ли были правомочна декларация Д.Саламанки, о решении финансовых проблем страны за счет увеличения экспорта нефти. Требование выхода к реке Парагвай в этом случае не могло являться острой необходимостью для Боливии, а постройка нефтепровода через Чако была непосильна для подорванной кризисом экономики страны. Следовательно, не столько сами правящие круги Боливии были заинтересованы в чакской нефти, сколько стоящее за ними руководство *Стандард ойл*, рассчитывавшие вытеснить своих конкурентов с рынка Южного Конуса. Подталкивая боливийского лидера к войне, эта монополия обеспечила в 1932 году предоставление Ла-Пасу очередного займа в 20 миллионов долларов консорциумом нью-йоркских банков.

Таким образом, за спиной Д.Саламанки, отстаивавшего законные интересы Боливии в Чако, скрывались другие, более могущественные силы. Они имели совершенно другие мотивы, на которые ложится главная вина роста напряженности в Чако. Сенатор Лонг в своем выступлении в Конгрессе США в мае 1934 года констатировал: «... в развязывании этой войны виновата *Стандард ойл компани*, имеющая штаб-квартиру в Соединенных Штатах, и интересы ее филиалов». Специальное разбирательство, проведенное Конгрессом в 1936 году, подтвердило правоту сенатора. Несмотря на видимую «беспристрастность» Вашингтона к обеим воюющим сторонам, очевидна его заинтересованность в решении спора в пользу Боливии, экономика которой все больше переходила в руки американских компаний. К началу конфликта они контролировали 30% добычи олова и стремились к ее монополизации. Это связано с тем, что в первой половине XX века 80% добычи этого стратегического сырья находилось под контролем Британской Империи. Боливия была единственным неподконтрольным Лондону источником олова. Особую заинтересованность в войне проявили американские производители оружия, которые финансировались американскими банками, предоставившими Боливии кредит для этих целей еще в 1927 году. Основными поставщиками оружия во время войны являлась *Американская корпорация вооружения* (*American Armaments Corporation*), возглавляемая братьями Альфредом и Игнасио Миранда, и *Кэртис-Райт экспорте*, отделение авиаконцерна *Кэртис-Райт* и, соответственно, их президенты С.К. Клифф Трэвис и С.В. Уэбстер. Их заинтересованность в поставках оружия зашла так далеко, что братья Миранда подали иск в Верховный Суд США с целью отменить эмбарго на военные поставки в Боливию, а Клифф Трэвис просто игнорировал этот запрет, поставляя американское оружие из Сен-Луиса через третьи страны.

В ответ на происки американских компаний английские не остались безучастными. Будучи не в состоянии открыто вмешиваться в конфликт, они использовали зависимость Парагвая от Буэнос-Айреса. Даже спорадическая помощь со стороны Аргентины, основного плацдарма английского влияния в Южном Конусе, во многом определяла решительность Парагвая на полях сражений и за столом переговоров. Аргентинская дипломатия, помимо обеспечения экономических интересов страны, руководствовалась и другими геополитическими соображениями. В Буэнос-Айресе понимали, что приобретение Боливией порта на реке Парагвай повлечет проникновение влияния США еще на несколько тысяч километров южнее, чем прежде. Позиция Аргентины с начала конфликта во многом определялась ее олигархией. Интересы *портеньо* в Парагвае были очень значительны: в его экономику было вложено 50 миллионов золотых песо. Парагвай, наряду с Уругваем, рассматривался правителями Буэнос-Айреса как естественный сателлит. В 1930 году правительство одряхлевшего Иполито Иригойена, который получил кличку *пелудо* – крот, было свергнуто генералом Хосе Урибуру. С ним вместе к власти вернулась аргентинская земельная олигархия, отодвинутая радикально настроенной городской буржуазией. Олигархи вновь обрели свои прежние привычки. Опыт последние лет пребывания у власти радикалов, разгул коррупции, не заставили их пересмотреть

устаревшие принципы каудильизма. Урибуру и сменивший его на посту президента Аргентины Хусто откровенно ориентировались на фашизм. Несмотря на определенные политические связи с Уругваем и Бразилией Буэнос-Айрес всеми силами стремился сохранить свою гегемонию в долине Параны. Прорыв к этой реке Боливии, которой накануне был запрещен экспорт нефти через Аргентину, вызывал у аргентинских дипломатов, если не открытую враждебность, то холодное отчуждение.

В общем русле аргентинской дипломатии действовал и Монтевидео. Не претендуя на особые привилегии, уругвайские политики лоббировали свои интересы, связанные с поставкой сырья из Парагвая (леса, чая и т.д.). Именно из Монтевидео в Асунсьон поступила основная часть *мадсенов*. Являясь малой нацией, Уругвай не мог идти на прямую конфронтацию с великой державой и должен был маскировать свои чувства под маской нейтралитета. Роль других стран Южной Америки в большей степени определялась их национальными приоритетами в области внешней политики, чем ориентацией на своего «старшего» партнера. Так, с 1930 года Боливию негласно поддерживала Чили, традиционно придерживавшееся британской ориентации. В 1928 году мобилизация чилийской армии, нуждавшейся в союзниках в случае начала войны за Такну и Арику, приостановила развитие конфликта. Это заставило Ла-Пас уступить в этом вопросе для того, чтобы развязать себе руки в Чако. Когда 3 июня следующего года конфликт был улажен, чилийская дипломатия бросила своего союзника: политика Сантьяго, особенно после прихода к власти радикалов в 1931 году, сводилась к «канализации» боливийской экспансии в бассейн Параны. Такая позиция объяснялась желанием правящих кругов Чили навсегда закрепить результаты соглашения 1929 года, путем втягивания Боливии в длительную войну за Чако. Эта позиция радикалов, несмотря на все их заявления о желательности прекращения конфликта в Чако, оставляла порт Арику открытым для транзита оружия, следующего из США в Боливию, вплоть до конца 1934 года.

Политика Бразилии в Чакомском вопросе до октября 1932 года была связана рядом внутренних проблем. Тем не менее, ее дипломатия следовала традиционной тактике. Посредничество, с которым выступали представители страны при урегулировании американских территориальных споров, повышало престиж Бразилии и выдвигало ее на второе место в Пан-американском союзе после США. Такая осторожная политика способствовала росту политико-экономического веса Бразилии в соседних странах. Однако сохранению такой позиции мешали острое соперничество за влияние в стране между Великобританией и США, а также претензии Аргентины на ведущую роль в районе Южного конуса. В тех случаях, когда внешние и внутренние трудности Бразилии бывали преодолены, она могла на равных противостоять американской дипломатии в странах Южного конуса. Приход Жетулиу Варгаса к власти 3 ноября 1930 года был расценен мировым сообществом как переориентация Бразилии с Лондона на Вашингтон. Либеральная революция 1930 года была следствием острого соперничества буржуазно-помещичьей группировки, где доминировали кофейные бароны Сан-Паулу и горные магнаты Минас-Жерайса, с националистами во главе с губернатором штата Рио-Гради-ду-Сул Ж.Варгасом. Созданный под его руководством Либеральный альянс вошел в союз тенентистами, мелкобуржуазным течением среди военных, и получил финансовые влияния из США. С 1925 года, как главный покупатель бразильского кофе, они начали целенаправленную борьбу против политики поддержания цен на него. Еще тогда будучи министром торговли Г.Гувер запретил D.&W. Seligman и Spreyer & C предоставить Сан-Паулу займы на 40-50 миллионов долларов, так как «это способствовало бы росту уровня цен».

Следует отметить, что как английские, так и американские интересы в Бразилии не были однородными. Так, в 1906 году Ротшильд отказался финансировать кофейный сектор, в то время как First national city bank выделил 1000000 \$. В 1918 году госсекретарь Э.Лансинг взял под контроль приобретение кофе в Бразилии и спас ее от банкротства. Таким образом, политика Вашингтона в отношении Рио-де-Жанейро менялась в зависимости от сиюминутных

интересов. Вместе с тем американские фирмы выявили для себя ряд секторов экономики, в которых они хотели занять господствующие позиции. Это было производство кофе и каучука и добыча марганца и железной руды. Мощное проникновение американских фирм на внутренний рынок страны привело к тому, что 26% импорта и 45% экспорта Бразилии направлялись в США. Это способствовало и росту внешней задолженности США (20% иностранного долга). Таким образом, под влиянием международного разделения труда структура республики приспособлялась к укреплению в стране американских позиций. Английские интересы в Бразилии были долгосрочными и уходили своими корнями в 1809 год. Британский капитал контролировал производство кофе электрическую сеть, транспорт, а также имел обширный рынок сбыта своих промышленных товаров. Связь между Лондоном и Рио была закреплена рядом государственных займов.

Ситуация в конце 1930 года была весьма благоприятной для американской дипломатии и деловых кругов, которые видели в олигархах Сан-Паулу основных противников их экспансии. Однако главной причиной Либеральной революции стало не внешнее вмешательство, а жестокий экономический кризис, начавшийся на несколько дней до нью-йоркского краха, когда 5 октября 1929 года банки штата Сан-Паулу прекратили выплаты по векселям и прекратились все экспортные операции. Даже отказ от поддержания цен на кофе не помогло остановить банкротство кофейных магнатов, которые требовали от центрального правительства помощи. Вооруженные выступления либералов начались в октябре 1930 года и охватили территорию девяти штатов. Вплоть до 24 октября, когда военные отстранили президента Вашингтона Луиса от власти, официальный Вашингтон поддерживал его правительство и ввел эмбарго на продажу оружия либералам, в то время как деловые круги оказывали содействие восставшим. Введение эмбарго за два дня до падения старой республики вызвало ряд трений между диктатором и американцами. Это напряжение сохранялось и впоследствии, когда выяснились, что ряд американских банков и компаний укравают доходы и проводят незаконные сделки.

Ж.Варгас оказался более независимым в своих политических привязанностях, чем от него ожидали силы, поддержавшие его приход к власти. Однако диктатор очень умело маневрировал на политической арене. Так, он привлек Ротшильда для поддержки бразильских финансов, а затем способствовал укреплению крупнейшей англо-бразильской паровой *компани Ллойд бразилейро*. Поддержка восстания американскими фирмами *конституционалистов* Сан-Паулу привела к сохранению напряженности между Рио-де-Жанейро и Вашингтоном. Несмотря на благожелательную позицию госсекретаря к Ж.Варгасу, деловые круги США, заинтересованные в бразильском кофе, поддержали его противников. Так, Кэртис продавал им самолеты через Чили, а Форд – грузовики через Парагвай. Движение конституционалистов Сан-Паулу было попыткой буржуазно-помещичьих кругов самого богатого штата Бразилии, восстановить свою гегемонию. Под флагом немедленного восстановления конституции паулисты, за спиной которых стояла Великобритания, стремились вновь овладеть государственной властью в масштабах всей страны. Противостояние вылилось в войну. Всего в боевых действиях приняли участие по 80-100 тысяч человек с каждой стороны. Военные действия длились с июля по октябрь 1932 года и закончились поражением *паулистов*. На их стороне воевали русские белоэмигранты, а находившуюся под контролем тенентистов бразильскую армию готовили к операциям немецкие советники. Несмотря на военную победу, одержанную при тенентистов, Ж.Варгас был вынужден пойти на политический компромисс с олигархами Сан-Паулу, представители которых вошли в состав центрального правительства. Была избрана Конституционная ассамблея, а 14 июля 1934 года была принята новая конституция.

Первоначальное отношение Ж.Варгаса к конфликту в Чако была более благоприятно для Боливии, чем Парагвая. Оно определялось целым рядом причин. В частности, предоставление свободы рук Ла-Пасу в Чако представлялась дипломатам из Рио-де-Жанейро своеобразной компенсацией за аннексию Акре в 1903 году. Другим фактором, определявшим настроен-

ное отношение режима Ж. Варгаса к Асунсьону, было снабжение *паулистов* через пограничный городок Педро Хуан Кабальеро. В-третьих, Республиканская партия была идеологически ближе для Ж.Варгаса, чем парагвайские либералы. Эту политическую линию поддерживали *тенентисты*, возглавляемые К.Престесом, который за пять лет до этого со своими солдатами укрылся на территории Боливии. Немаловажную роль в холодном отношении к Асунсьону была традиционная ориентация парагвайских либералов на Буэнос-Айрес.

С середины 1933 года позиция Бразилии по отношению к конфликту в Чако стала меняться. Это было связано с политической переориентацией Ж.Варгаса. На внутреннем фронте это был разрыв с левым крылом *тенентистов*, компромисс с кофейной олигархией и поощрение фашистского течения *интегралистов*. Во внешней политике Рио-де-Жанейро взял курс на сотрудничество с нацистской Германией. Другим фактором, существенно повлиявшим на активизацию Бразилии на Ла-Плате, стала аргентинская гегемония в Парагвае. Аргентина была практически единственной страной, оказывавшей на протяжении всей войны моральную поддержку и материальную, пусть нерегулярную, помощь, чему способствовала и языковая близость стран. Бразильские военные круги не исключали, что в случае конфликта с Аргентиной, Парагвай может выступить на стороне последней. Такой конфликт возник в 1943 году и бразильское правительство было вынуждено использовать все свое умение, чтобы не допустить коалиции Буэнос-Айреса, Монтевидео и Асунсьона. Поэтому, начиная с конца 1934 года, когда явно обозначилась военная победа Парагвая, Рио-де-Жанейро постарались занять в Чакомском вопросе позицию арбитра. Однако это у него в одиночку не получилось.

Отношения Боливии и Перу после сепаратного соглашения с Чили по Такне и Арике стали достаточно напряженными. Перуанские правящие круги были заинтересованы в ослаблении своего соседа, который был возмущен «предательством» Лимы. Чилийские и перуанские дипломаты на протяжении войны в Чако выступали единым фронтом, формально занимающая позицию нейтралитета. Поскольку через их порты доставлялась львиная доля оружия Ла-Пас, последний попал в зависимость от них и был вынужден де-факто признать раздел 1929 года. Политика Перу в отношении Боливии была очень осторожной, поскольку была вовлечена в территориальный спор с Колумбией. Военные действия в трапедии Летисия длились с 1 сентября 1932 года по 19 июня 1934 года. К району конфликта были стянуты почти все наличные силы противников, включая авиацию и флот. Противостояние в трапедии достигло такого напряжения, что Бразилия была вынуждена направить в этот район сильный обсервационный корпус. Его задачей была «охрана суверенитета страны». Таким образом, весь первый период Чакомской войны дипломатия Перу была заинтересована в затягивании боевых действий. Для этого оно приняло участие в миротворческих усилиях, присоединившись к Бразилии, Аргентине и Чили. Однако, с середины 1934 года перуанское правительство заняло жесткую позицию по отношению к своей соседке и несколько раз закрывало порты. Перехваченные военные грузы использовались для нужд перуанской армии, что вызывало протесты не только Боливии, но и стран-поставщиков. В начале эти шаги напрямую координировались с Сантьяго, но затем это прекратилось, поскольку позиции сторон стали понемногу расходиться.

Чилийская дипломатия эволюционировала в обратном направлении: от поддержки Парагвая к нейтралитету дружественному Боливии. Чилийская политика во время конфликта Чако имела главной задачей закрепить раздел Такны и Арики, сделанный в 1929 году. Для этого было два пути: военный шантаж Боливии или существенное ослабление ее военного потенциала. С началом конфликта в Летисии первый путь был неприемлем, поскольку Сантьяго оставался без военного союзника. Внутренний политический кризис привел к свержению в 1931 году полковника К.Ибаньеса, ориентировавшегося на Парагвай. В следующем году произошло два военных переворота, в результате которых президентом стал либерал Х.Алессандри Пальма, который опирался на пронемецки настроенную военщину. Он координировал свою внешнюю политику с Буэнос-Айресом. Общим её направлением было сохранение

статус-кво в регионе. Когда очевидным стало военное поражение Боливии, правительство Х.А.лессандри Пальма перестало опасаться своего северного соседа и начало зарабатывать на транзите оружия. Примерно такую же роль играл Монтевидео в отношении Асунсьона. Однако \, в отличие от своего коллеги президент Габриэль Терра действовал очень последовательно: с самого начала войны уругвайские территория и флаг использовались для контрабанды оружия в Парагвай.

Ещё одним негласным участником Чакской войны был Советский Союз. Способствуя победе мировой пролетарской революции, Коминтерн и внешняя разведка СССР внимательно следили за антисоветской диаспорой. В Южной Америке они действовали через местные коммунистические партии и советское внешнеторговое общество Южамторг, которое возникло в 1927 году на базе аргентинского отделения Амторга. Амторг являлся не столько торговой, сколько шпионской организацией. Через него в Советский Союз утек ряд передовых технологических и военных разработок из США. Эта организация также вербовала специалистов для работы в Советском Союзе. Большую часть средств эта организация получала за счет распродажи культурных ценностей России. В 1925 году было открыто отделение Амторга в Аргентине. Его оборот составил 4,5 миллиона долларов США. Два года спустя он вырос до 14,5 миллионов, а отделение было реорганизовано в самостоятельное торговое общество Южамторг с центральным бюро в Буэнос-Айресе. Председателем правления стал Б.И.Краевский. Срок действия общества был установлен в 50 лет, а его главной целью было «осуществление и всемерное развитие прямой торговли между СССР и республиками Южной Америки». Вскоре отделения Южамторга были открыты в Уругвае, Чили, Бразилии и Парагвае, а оборот в первом полугодии 1928 года достиг 12,5 миллионов долларов. В обмен на пушнину, лес и нефть СССР закупал кожи, танин, кофе, какао и шерсть.

Торговая деятельность способствовала возникновению организаций – агентов влияния коммунизма. Так, в Аргентине возникло Общество друзей новой России, а в Бразилии и Уругвае – соответственно, Ассоциация и Общество друзей СССР. Следующим шагом была активизация коммунистического движения в этих странах. Так, в Коммунистическая партия Аргентины «очистила свои ряды от правых и левых уклонистов и определила свою тактику в буржуазно-демократической революции». В июне 1929 года в Буэнос-Айресе собралась первая конференция компартий Латинской Америки, на которой присутствовали 38 делегатов из 15 стран. В том же году на профсоюзном конгрессе в Монтевидео была создана прокоммунистическая Латиноамериканская профсоюзная конфедерация. Политическая деятельность Южамторга вызвала неприятие во многих странах Южного конуса. Первым прервал отношения с этой организацией Парагвай, поскольку Б.И.Краевский использовал торговое представительство для организации Коммунистической партии Парагвая (создана 19.02.1928 года). Три года спустя 20 февраля 1931 года полторы сотни повстанцев под коммунистическими и анархическими лозунгами захватили Энкарнасьон, но не смогли его удержать. Большая их часть бежала в Бразилию, но 17 человек попали в руки полиции. Участие коммунистов в захвате Энкарнасьона послужило причиной свертывания деятельности Южамторга в Парагвае, либеральное правительство которого стало с опаской относиться к СССР. Разрыв торговых отношений и поступление на военную службу белых генералов И.Т.Беляева и Н.Ф.Эрна и их товарищей по оружию дали серьёзную прививку против коммунизма. В ответ Южамторг стал налаживать торговлю с Боливией, переведя свое отделение из Асунсьона в Ла-Пас. С началом Великого кризиса выявилось основное предназначение Южамторга – пропаганда идей Коминтерна. При новом председателе правления А.Е.Минкине он также превратился в канал финансирования латиноамериканских коммунистов. Наряду с развёртыванием политической деятельности торговая активность организации падала: уже в 1929 году ее оборот упал на треть, а еще через год – вдвое. Через четыре месяца после событий в Энкарнасьоне аргентинский диктатор генерал Урибуру обвинил Южамторг в коммунистической пропаганде и демпинге и отдал приказ

обыскать главную контору организации. После этих разоблачений советская разведывательная работа была свернута, а правление Южамторга перебралось в Уругвай, где был построен нефтеперерабатывающий завод, работавший на советской нефти. Однако в Монтевидео А.Минкину удалось продержаться до декабря 1935 года, когда советско-уругвайские дипломатические отношения были вновь расторгнуты из-за «коммунистической деятельности» советских дипломатов, а жалоба на их подрывную деятельность направлена в Лигу Наций.

Европейские державы рассматривали Парагвай и Боливию как потенциальных покупателей их оружия. При этом Великобритания, Франция и Италия стремились укрепить свои позиции в Южном конусе, подталкивая его страны к дипломатическому вмешательству в конфликт, что косвенно вело к ослаблению позиции США. Вместе с тем они официально занимали позицию невмешательства и на словах осуждали войну. Германия также была не прочь зацепиться в этом регионе. Наличие большого числа фольксдойче значительно облегчили ей эту задачу. Так, к 1930 году нацистские ячейки возникли во всех странах Южного конуса. Однако Лондон и Париж, Рим и Берлин прекрасно осознавали, что затягивание войны ведет к распаду Панамериканского союза и снижению авторитета Вашингтона в регионе. Наложённое Лигой Наций эмбарго было неполным и позволяло приобретать оружие у посредников. Этим воспользовались малые страны Европы (Испания, Бельгия и Чехословакия), обладавшие военной промышленностью. Таким образом, несмотря на то что локальная война в Чако затронула вопросы не столько глобального, сколько регионального характера, она была известна в Европе.

Проекты разграничения Чако Бореаль

3. «Боливия – цивилизованная страна, но...» (генерал А. Овандо).

История республика в Андах. Страна и жители. Консерваторы, либералы, республиканцы.

До середины XX века Боливией за ее пределами мало кто интересовался, за исключением агентов металлургических и нефтяных компаний. Ее столица Ла-Пас, расположенная на высоте 4000 метров над уровнем моря, почти недоступна европейцам, ее раньше называли кладбищем гринго (безъязыких). Иностранцы посещали эту горную страну столь же редко, писал в начале 60-х годов боливец Л. Луксич, как Центральную Африку или Гиндукуш. Гринго был противопоставлен ее климат – и физический, и политический. Завоевав в 1532 году империю инков, испанские военачальники Гонсало Писарро и Диего де Альмагро разделили их между собой. Первый стал правителем Новой Кастилии – современного Перу, а второй – Нового Толедо или Горного Перу, нынешней Боливии. В 1563 году последнее было превращено в ауденсию Чаркас. В нее вошли обширные территории бассейна Амазонки и Параны, которые были захвачены испанскими авантюристами, прибывшими из Асунсьона. Их предводитель Н. де Чавес основал столицу Ориенте – Санта-Крус де ла Серра. Его потомки и сподвижники осели на завоеванных землях. Один из них, тезка конкистадора, даже стал вице-президентом Боливии в 1950 году.

Колониальное общество Нового Толедо состояло из коренного индейского населения, креолов – *чоло*, небольшого количества негров и голландцами, и привилегированного слоя – испанцев – гачупинов. После конкисты положение индейского населения почти изменилось – энкомьенда (крепостная зависимость) и мита (трудовая повинность) не сильно отличались от прежних повинностей инков. Социально-экономические отношения колониального периода представляют собой переплетение рабовладельческих и феодально-крепостнических отношений. Только с середины XVI века постепенно происходит смягчение этих институтов закабаления туземного населения. На протяжении всего испанского господства ауденсия Чаркас являлась экономическим центром испанской колониальной империи. С 1545 года важное значение в экономике провинции приобрела добыча серебра в Потоси. С открытием в 1565 году месторождений ртути годовая добыча драгоценного металла еще более возросла. Стоимость добытого за два с половиной века в Боливии серебра составила 1600 миллионов песо. Через сто лет после падения инков население Имперского города Потоси составило 160000 жителей. К этому времени в городе насчитывалось 4000 каменных домов. Привлекаемые на горные разработки индейцы жили в 139 окружающих город деревнях. По некоторым данным, на этих рудниках погибал каждый третий, привлеченный на рудники индеец. Для сохранения и укрепления своей власти испанцы прибегали к жесточайшим репрессиям и держали местное население в условиях полного подчинения. Такое положение не могло существовать вечно: нарастал протест внутри колониального общества. Восстание касика Хосе Габриэля Кондорканки (Тупака Амару) показало испанской администрации и местной элите, что в массах покоренных ими индейцев назрел протест. Лидер восстания принадлежал к местной знати и носил титул маркиза Ороспеа. Он планировал только заговор, целью которого было восстановление империи инков, на его призыв откликнулись широкие массы индейцев. Движение быстро приобрело социальную окраску и оттолкнуло имущие классы. Весной 1781 года войска вице-королей Ла-Платы и Лимы подавили мятеж.

Важную роль в становлении национальной элиты страны сыграл основанный в 1624 году в городе Чаркас университет Сан-Франсиско Хавьер, который стал одним из культурных цен-

тров Испанской Америки. Несмотря на просвещенность *чоло* – местной элиты, Верхнее Перу стало последней провинцией испанской империи на материке, освобожденной войскам Боливар. Это объясняется не только сосредоточением основных сил колониальных войск, но и полным отрывом креольской верхушки от основной массы индейского населения. Имушие классы боялись повторения событий 1781 года. Только после битвы при Аякучо 9 декабря 1824 года войска венесуэльского генерала Антонио Хосе де Сукре-и-де Алькала смогли поставить под контроль патриотов Горное Перу.

Ла Пас открыл ворота победоносному генералу в феврале следующего года, а еще через полгода – 6 августа была провозглашена республика Боливар. Она охватывала миллион квадратных миль с населением около одного миллиона человек. Учреждение республики не ликвидировало, а еще более упрочило разделение на как бы два изолированных общества: господствующее буржуазное – «городское», руководимое белыми и *чоло* Ла-Паса, и подчиненное феодальное – периферийное, охватывающее почти всю остальную территорию страны. В середине XIX века на испанском говорило не более 20% населения страны, насчитывавшего около 2 миллионов человек. В республике, конституцию которой разработал Симон Боливар, избирательным правом обладали только собственники, едва составлявшие десятую часть мужского населения. Главой государства был пожизненный президент, фактически назначавший своего наследника – вице-президента. Законодательную власть осуществлял трехпалатный парламент. Административная система Боливии была скопирована с Первой французской республики и теоретически была централизована. На практике местные органы власти были монополизированы латифундистами, опиравшимися не только на свои земельные владения, но и силу.

Первоначальное ядро правительственной армии составили колумбийцы – ветераны кампаний Боливар, прибывшие в страну вместе с А.Сукре. Многие из них получили землю в качестве награды за участие в революции. Эти профессиональные военные не желали превращаться в земледельцев и продали свои участки латифундистам и земельным спекулянтам. Таким образом, социально-экономическое положение Боливии со времен интендансии Чаркас сильно не изменилось. Элита республики опиралась на свою локальную власть и внешнюю военную силу. Покидая в декабре 1825 года страну, Боливар передал верховную власть А.Сукре, который через пять месяцев был провозглашен первым президентом республики, которая претендовала на территорию в 904052 кв. мили. Это более чем вдвое превышает ее современную площадь (420000 кв. миль). Сохраняя монополию на власть, креольская верхушка Боливии хищнически эксплуатировал серебряные прииски, составлявшие главное богатство страны и ревниво оберегала свою монополию на это. Так, элита, апеллируя к Освободителю, отказалась вступить в Перуанскую Конфедерацию, объединившую остальные части вице-королевства Лима. В 1827 году среди колумбийского гарнизона в Лиме начались волнения, которые были использованы как предлог для их вывода за пределы страны. Год спустя аналогичные события произошли в Боливии. Будучи не в силах подавить восстание А.Сукре был вынужден обратиться за военной помощью к президенту Перу Хосе Ламарру. Перуанский корпус возглавляли офицеры Аугустин Гамарра и Андрес Санта-Крус, которые при поддержке банд латифундистов разгромили мятежников. Осознав, что он является пешкой в руках перуанцев, президент сложил свои полномочия и уехал в Колумбию. В январе 1829 года перуанские войска вторглись в Эквадор и заняли Гуякиль. А.Сукре возглавил местные войска и 27 февраля разгромил интервентов у Тарки. В следующем году он возглавил Национальный Конгресс Великой Колумбии, но вскоре был убит, а Эквадор отделился от Великой Колумбии.

После сражения у Тарки, власть над Боливией, как теперь стала именоваться республика, перешла к генералу Андресу де Санта-Крусу, потомку конкистадоров и Тупака Амару. Во время своего пребывания у власти он предпринял ряд мер, способствующих политической стабильности и экономическому росту. Он провел кодификацию законов и ликвидировал

внешнюю задолженность, поддерживал развитие здравоохранения и распространение образования. В правление Санта-Круса был проведен большой объем общественных работ: строились дороги и мосты, общественные здания и городские сооружения. Во внутренней политике генерал укреплял авторитарные и патерналистские элементы в системе власти.

В 1836 году его амбиции переросли границы Боливии: В июне 1835 года его армия вошла в Лиму. Он присвоил себе чин маршала и заставил перуанского президента Л. Орбегоса согласиться 28 марта 1836 года на создании Перуано-Боливийской Конфедерации. Формально, она состояла из трех суверенных штатов (Боливия, Северное и Южное Перу), возглавляемых президентами. Однако главы штатов Х.М.де Веласко, Х.Орбегос и Р.Эррера были только наместниками всемогущего маршала, объявившего себя наследственным протектором. Восстановление «империи инков» вызвало озабоченность у южных соседей Боливии. Аргентина и Чили отказались признать объединение и 11 ноября объявили войну Конфедерации. Армии маршала удалось отразить нападение войск Мануэля Росаса на Тариху. Окрыленный военными успехами протектор завершил юридическое объединение в мае 1837 года. Война с Чили оказалась губельной для маршала. 20 января 1839 года чилийский генерал Мануэль Булнес разбил армию Санта-Круса в битве при Юнгае. Потеря опоры привела к изгнанию протектора во Францию и восстановлению прежних границ к июню того же года. Два с половиной года спустя попытку восстановить Перуано-Боливийскую конфедерацию предпринял сподвижник Санта-Круса президент Перу Аугустин Гамарра, который выступил на Ла-Пас. 20 ноября 1841 года перуанская армия была разбита в сражении при Ингави.

Победивший в этом сражении генерал Бальвивиан в течение шести лет пытался укрепить республиканский строй. В 1847 году во время очередного политического кризиса его усилия пошли прахом. С приходом к власти в декабре 1848 года генерала Мануэля Исидора Белзу республика стала существовать только на бумаге. Основной опорой генерала стали войска и латифундисты, основным лозунгом которых было: «Ni producen, ni consumen». Несмотря на господство полунатуральной экономики, правительство Белзы всячески поощряло местную коммерцию. Именно в эпоху в стране были основаны торговые династии Пачеко и Армайю. Последние прибыли из Колумбии, заинтересовавшись перспективами горной добычи, основу которой по-прежнему составляли серебряные прииски. Генерал Белзу был непопулярен – против него было организовано свыше сорока заговоров. Тем не менее, он смог удержаться до августа 1855 года, а основанный им режим просуществовал еще два года под руководством его зятя генерала Жоржа Кордовы. В 1857 году у кормила власти его сменил гражданский президент Линарес, продолживший политику *laissez faire*. Спустя время спустя новый президент был вынужден вернуться к диктаторским методам правления, за что был свергнут генералом Хосе Марии Ачей. Этот диктатор растерял чью-либо поддержку к 1864 году, когда был свергнут объединившимися сторонниками Линареса и М.Бельзу. Однако результатами революции воспользовался не они, а комендант гарнизона Ла-Паса полковник Мариано Мельгарехо.

Победа над испанскими завоевателями и установление республики не облегчили участи индейцев, составляющих подавляющую часть крестьянства страны. Они по-прежнему трудились на латифундиях *чоло*, которые расширялись за счет общинных земель. Особенно широкий размах эта экспроприация приняла в годы правления М. Мельгарехо (1864-1871 гг). Благодаря ловкому лавированию и жестоким мер ему к началу 1865 года удалось окончательно устранить всех конкурентов в борьбе за власть. При М.Мельгарехо креольская аристократия окончательно укрепилась у власти, овладев главным богатством – землей. К началу XX века в руках 4.5% землевладельцев владели более чем 70% всех частных земель. Верхушку этой элиты составляли «пятьсот семейств», владевших поместьями свыше 10000 га каждое. Наиболее богатым из них считалось семейство Суарес, обладавшее 6.5 миллионами гектаров в департаменте Пандо. Ей удалось приобрести землю из расчета 10 сентаво за гектар пустующей земли и 1 боливар (боливийское песо) за гектар гевей. Основной фигурой в феодаль-

ной деревне того времени являлся *колоко* – крестьянин, отрабатывающий пользование клочком земли своим трудом, орудиями и скотом. Их ряды в 1886 году пополнились 300000 индейцев, лишенных своих общинных земель специальным правительственным декретом.

Внешняя политика М.Мельгарехо не отвечала долгосрочным интересам страны. Так, он не смог использовать в победу в Первой Тихоокеанской войне. Вместо того, чтобы закрепить границу в Атакаме по 25° южной широты, его дипломаты согласились признать полосу от Анд до океана шириной в два градуса к северу совместным владением Чили и Боливии. Помимо этого, за чилийцами были признаны права экстерриториальности и их предприятия были свободны от налогообложения. В 1871 году диктатор растерял кредит доверия латифундистов, был свергнут и убит. Несмотря на явные политические промахи, идея диктатуры оставалась очень популярна среди правящей землевладельческой олигархии. Не прошло и трех лет после свержения М.Мельгарехо, как его место занял генерал Даза, в общих чертах следовавший курсу своего предшественника. Боливии требовалась встряска, каковой стала Вторая Тихоокеанская война.

Социально-экономическая разобщенность страны сильно тормозили развитие общества и способствовали его дестабилизации: за 73 года независимости (1826-1899 гг.) в стране произошло не менее 60 переворотов и полусотни мятежей и переворотов и сменилось 9 конституций и 17 президентов, ни один из которых не ушел со своего поста по собственному желанию. Частая смена правительств Боливии порождена явлением каудилизма, столь свойственного Латинской Америке вплоть до XX века. В Боливии это усугублялось тем, что военная сила была основным источником сохранения власти Ла-Паса над периферией. Как грустно шутили жители столицы: «В год должно быть две революции, иначе что-то идет не так». Специфика использования вооруженных сил, как органа подавления политических противников и фракционной борьбы, не способствовали укреплению их боеспособности. Поэтому во внешних столкновениях Боливия часто терпела поражение. Исключение из этого общего правила составили только военные столкновения с Перу (1827-29 гг., 1836 г., 1841 г.), которые представляли собой больше гражданские войны и отражение вторжения армии буэнос-айресского диктатора Росаса в 1837 году. Последнее в большей степени не состоялось по политическим причинам.

Военные столкновения с Чили в 1838-39 гг. и в 1879-1884 гг. (Вторая Тихоокеанская война) окончились поражениями. Первая положила конец гегемонии Боливии в Перу, а вторая лишила страну селитряных копей Атакамы и выхода к Тихому Океану. Катастрофа стала поворотным пунктом в политической структуре республики. В ее результате стало ясно, что господство региональных олигархических клик не только тормозит развитие страны, но и ведет к ее территориальному расчленению. Следствием осознания этого факта стало возникновение политических партий, объединявших интересы различных элит Боливии. Так, в 1883 году возникла Либеральная партия, объединившая сторонников Линареса, в основном, городскую интеллигенцию и буржуазию. Через год не желавшие уступать власть серебропромышленники Чукисаки, и латифундисты создали Консервативную партию. Возникший политический механизм был настолько надежен, что за период 1884-1920 годы в стране произошел только один военный переворот. Консерваторам удалось сохранять монополию на власть в течение 15 лет. Внешне их господство выразилось в утверждении главного города серебряных копей Сукре (Чукисаки) столицей республики. При их правлении был проведен ряд несущественных реформ, главной из которых стало строительство железных дорог. Значительная их часть правительственных займов размещалась также на Лондонской бирже. В связи с этим главное место во внешней торговле страны заняла Великобритания и ее колонии. До конца XIX века главным экспортным продуктом республики оставалось серебро, снижение цен на которое привело к падению консерваторов. В течение многих веков – со времен конкистадоров до эпохи независимости, испанские власти и колонисты эксплуатировали недра Боливии, добывая исключительно драгоценные металлы Боливии. Реализации этой задачи было подчинен весь механизм

власти над туземным населением. Начавшийся с середины XIX века вывоз продукции лесных промыслов (хинной коры и каучука) постепенно приходил в упадок, не выдерживая конкуренции с более дешевым плантационным хозяйством Восточной Азии. Впоследствии, в начале XX века основные районы каучуконосов были захвачены Бразилией. Как уже отмечалось выше, в Тихоокеанской войне Боливия потеряла богатейшие в мире залежи селитры в Атакаме.

От банкротства страну спасло открытие олова. Его разработка связана с именем Симона Патиньо. Индеец по происхождению, он работал клерком на шахтах в Оруро. Патиньо удалось случайно приобрести выработанную серебряную шахту, в которой было найдено олово. Для его добычи он смог привлечь инвестиции из США и Великобритании. Через несколько лет его компания *Patino Mines & Enterprises Consolidated* была зарегистрирована в штате Делавэр, положив начало первой оловянной империи. Следом за Патиньо стали скупать оловянные рудники аргентинец австрийского происхождения Маурисио Хохшильд и семья давно осевших в Ла-Пасе колумбийских выходцев Армайо. С 1895 года резко возросла добыча олова в стране, что было связано с ростом мировой цены на него. Финансируя фирмы Патиньо, Хохшильда и Армайо которым со временем стало принадлежать большинство оловянных рудников в стране, британский капитал постепенно занял господствующие позиции в стране. К началу XX века олово стало главным предметом экспорта страны и заняло первенствующее место в ее экономике. С ростом горной добычи выросла иммиграция из стран Европы. Так, в Ла-Пасе возникла небольшая немецкая община, пополнявшаяся из года в год за счет искателей лучшей доли. Вместе с иммигрантами в Боливию проник иностранный, в первую очередь английский, капитал. Иностранные инвестиции осуществлялись в горную промышленность и строительство железных дорог. Первая ветка соединила Уюни и Оруро в 1887 году. Созданная в 1888 году *Antofagasta & Bolivia Railway Company* с правлением в Лондоне, к 1895 году соединила Оруро с Антофагастой в Чили. Через 13 лет рельсы дошли до Ла-Паса. Еще через пять лет вторая железнодорожная ветка соединила фактическую столицу Боливии с Тихим Океаном (Арикой). Как писал об этой ветке Дж. В. Файфер:

“Эта чилийская железная дорога, построенная на перуанской территории для Боливии английской компанией, позволяет за 24 часа проехать от Ла-Паса до Арики”.

Основное железнодорожное строительство в Боливии закончилось в 1917 году, когда была построена ветка Оруро-Кочабамба. Постройка железных дорог создала возможность вывоза цветных и редких металлов из страны. Процветание, порожденное экономическим бумом, охватившим весь мир, способствовало укреплению компрадорская буржуазии, которая требовала своей доли в пироге. Удачная рыночная конъюнктура на продукты боливийских недр, связь с иностранным капиталом и лучшее образование обеспечили ей победу.

Разгоревшаяся в 1899 году гражданская война быстро закончилась победой либералов. Ее внешним следствием стал окончательный переезд правительства и парламента в Ла-Пас: в Сукре остался только Верховный Суд. Пришедшие к власти под лозунгами свободы либералы представляли собой такую же олигархическую группировку, как и консерваторы. Их главное отличие заключалось в экономических интересах. За либералами стояли разбогатевшие во время бума владельцы оловянных рудников северного Альтиплано. При либералах до демократии было также далеко, как и при консерваторах, поскольку образовательный ценз лишал подавляющую часть боливийцев (до 97%) права голоса. Наиболее видным военным лидером либералов был генерал Исмаэль Монте, избиравшийся дважды президентом страны в 1903-09 и 1913-17 годах. Его либерализм ничем не отличался от политики консерваторов: используя грубую силу, он согнал индейцев окрестностей озера Титикака и присвоил их земли.

В 1903 году республика не рискнула идти на открытый конфликт с Бразилией и по договору в Петрополисе уступила ей 189353 квадратных мили в Акри – часть бассейна Амазонки. В октябре 1904 года по договору о мире, дружбе и торговле Ла-Пасу пришлось отказаться от 46233 квадратных миль Атакамы в пользу Чили. Однако страна не теряла надежды вновь выйти

к морю, поскольку статус провинций Такна и Арика на этих переговорах остался неопределенным. Через пять лет, в 1909 году, правительство либералов демаркировало границу с Перу и Аргентиной, уступив им, соответственно, 96527 и 65924 квадратных миль. Правда, в этих случаях боливийские власти только предъявляли претензии на эти территории, а эффективный контроль осуществляли правительства соседей.

Осознание лидерами консерваторов невозможности возврата к власти привело к переходу большинства из них в ряды либералов. Монополия одной партии на власть способствовала формированию олигархической верхушки боливийского общества – *роски*. Ее основу составили две группы крупных собственников – землевладельцы (бывшие консерваторы) и горнозаводчики (либералы). Они доминировали не только в политико-экономической жизни страны, но и задавали тон столичному обществу. В эту группу вошли богатые промышленники и купцы. Со временем в нее были допущены менеджеры иностранных компаний и банков, высшие правительственные чиновники и офицеры. Организационно они были объединены элитными клубами, разбросанными по всем крупным городам страны. К концу Первой мировой войны *роска* полностью монополизировала власть в республике. Ее лидеры традиционно ориентировались на Великобританию, несмотря на то, что под влиянием дипломатии последней страна в 1903-1909 годах была вынуждена пойти на колоссальные территориальные уступки.

В начале XX века страна стала превращаться в минерально-сырьевую базу индустриальных держав мира. В 1908 году Боливии был предоставлен Великобританией первый иностранный заем (500000 ф.ст.). За ним через два года последовал французский (1.5 млн. ф.ст.). В 1913 году правительство И. Монтеса получило еще 1 млн. ф.ст. от англичан. Однако волна иммиграции, направлявшейся в страны Южного Конуса из Европы, практически не коснулась страны в силу ее изолированного географического положения, неблагоприятного климата и слабого уровня развития капитализма. Этот этап хозяйственного развития Боливии не привел к существенным изменениям ее структуры и не сопровождался общим подъемом экономики. Сельское хозяйство продолжало оставаться на низком техническом уровне, а на селе господствовали феодальные отношения.

Нейтралитет Боливии в первой мировой войне вызвал экономический бум. Экспорт в воюющие страны вольфрама, олова, меди, висмута и сурьмы невиданно обогатил верхушку боливийского общества. В связи с военной конъюнктурой резко повысился даже сбор каучука (6000 тонн в 1917 году). Среди прочих олигархов особенно выделялись семейства *оловянных баронов* Патиньо, Хохшильда и Армайо, которые через *Banco Minero*, в котором преобладал американский капитал, вытеснили остальных конкурентов из оловянного бизнеса. За время войны приток капиталов из США резко возрос, и американцы постепенно вытеснили своих европейских конкурентов. Так, в 1922 году они поставили под контроль Национальный Банк Боливии, а компания *Стандард Ойл оф Нью Джерси* получила монополию на добычу нефти в стране. Через два года *Нэшэнэл лед компани* приобрела треть компании Патиньо и часть железных дорог. Эта экономическая победа была закреплена официальным вступлением Боливии в Международный оловянный картель, задачей которого было регулирование цен и объемов продаж олова в мире. Его работа оказалась неэффективной, поскольку Великобритания обладала собственным рынком сырья и не собиралась учитывать чужие интересы. Вследствие такой имперской политики Лондона монополии США оказались жизненно заинтересованы в контроле над боливийским оловом.

Изменение расстановки сил среди правящей верхушки страны привело к политическим изменениям и, в конечном счете, смене политической ориентации. В 1914 году на арене появляется новая сила – Республиканская партия, основателем которой стал Батиста Сааведра. Причиной ее возникновения стало разочарование широких слоев либералов в собственных лидерах, а также их капитулянтская внешняя политика. Не допущенная к власти мелкая и средняя буржуазия, отодвинутые на второй план офицеры и вечно недовольные городские

интеллигенты придали новой политической организации патриотически-националистический оттенок. При этом они не выдвигали никаких новых лозунгов, а только требовали смещения проворовавшихся чиновников-либералов. В партию вошли желавшие взять реванш остатки консерваторов. Они привнесли в ряды республиканцев дух патернализма и установили связь с земельной олигархией. Решающим для партии стало отношение горожан Альтиплано – *чоло* и олигархов – *роски*. Поскольку либералы широко пользовались поддержкой лондонских дельцов, Б.Сааведра стал искать внешнюю опору и нашел ее в США, подбиравшимися к недрам страны и предоставившими ей в 1917 году первый заем.

Несмотря на кажущую целостность, новая партия представляла собой конгломерат конкурирующих между собой фракций с различной идеологией, объединенных ненавистью к либералам и идеями национального величия. Причиной этого стала разнородность интересов различных слоев общества, поддерживающих республиканцев. Это иллюстрируется, тем, что один из левых радикалов будущий основатель компартии Густаво Наварро стал консулом в Генуе после прихода к власти республиканцев. Вместе с ним союзниками республиканцев стали Лига железнодорожников и региональные профсоюзы шахтеров. Внутри партии главными оппонентами Б.Сааведры были националисты Э.Силеса и социалисты Даниэля Саламанки. Все эти силы использовали ухудшение мировой конъюнктуры, связанное с мировым кризисом 1920 года. Ухудшение экономического положения *чоло* создало базис для новой революции, смявшей прогнивший режим либералов. В 1920 году с молчаливого согласия олигархии восставшие республиканцы свергли либеральное правительство Х.Г.Герры и положили конец 35 годам конституционного развития. Президентом страны стал Х.Б.Сааведра, который установил партийную диктатуру. Первые шаги Б.Сааведры, сблизившегося с *роски*, разочаровали многих его сторонников. Уже в январе 1921 года забастовали железнодорожники. Они заставили правительство пойти на уступки и принять рабочее законодательство. Для предотвращения дальнейших выступлений президент приступил к укреплению репрессивного аппарата. Для этого была создана специальная часть – карабинеры, в обязанности которой входили политический сыск и охрана президента. Несмотря на полицейские функции, они были вооружены как армейская часть винтовками и пулеметами.

1921 год ознаменовался нарастанием напряженности на западной границе, поскольку вновь поднялся вопрос о принадлежности Такны и Арики. Причиной такого неожиданного всплеска напряженности стали сугубо экономические причины, связанные с послевоенным мировым кризисом, сильно затронувшим интересы экспортеров сырья. Боливия в этом вопросе занимала двойственную позицию: с одной стороны, она пыталась сохранить дружеские отношения с Перу, а с другой получить выход к Тихому Океану. США пробовали оказать поддержку своему новому стратегическому союзнику, но натолкнулись на жесткую позицию Сантьяго. По предложению госдепартамента, в 1922 году стала работать четырехсторонняя конференция по разрешению этого конфликта. В связи с нарастанием военной напряженности Б.Сааведра, несмотря на протесты Франции, принял немецкого генерала Г.Кундта на должность главного военного советника. Его главной задачей было превратить боливийскую армию из преторианской гвардии *роски* в орудие экспансии. Появление группы прусских офицеров оживило деятельность немецкой общины и положило начало восстановлению позиций Германии в стране. Гонка вооружений и экономический кризис сильно ударили по экономике страны и стали причиной обращения в США за кредитами. Размещение второго займа на Нью-Йоркской бирже было связано с условием участия в оловянном картеле, подчинившем горную промышленность Боливии интересам монополий США. Это привело к снижению доходов *роски* и обнищанию трудящихся. Неудачная внутренняя и внешняя политика Б.Сааведры привели к его отставке с поста президента в 1925 году.

В январе 1926 году президентом Боливии стал политический оппонент Х.Б.Саламанки Э.Силес. Он опирался на молодых интеллектуалов и горнорабочих. Новый глава Боливии в

целом продолжил внешнеполитический курс своего предшественника, ориентируясь исключительно на США. Эта позиция была следствием финансовой зависимости Боливии от своего северного соседа. С 1917 по 1928 годы банки США предоставили Боливии займы на 68400 тыс. долларов и на их оплату уходило 65% всех доходов правительства Боливии. Наиболее крупными были займы развития *Диллона Рида* в 13.6 и 22.8 миллиона долларов, предоставленные в 1927 и 1928 годах. Большая часть этих миллионов была истрачена на вооружения. С 1912 года инвестиции компаний США в экономику Боливии выросли 11 раз и к началу Великого кризиса достигли 133 миллионов долларов. Это составило 90% всех иностранных капиталов в стране. Обслуживание большого внешнего долга Боливии потребляло треть всех бюджетных поступлений. Экономическая зависимость делала Вашингтон главным внешнеполитическим партнером республики. Государственный департамент оправдывал ожидание своего младшего партнера. В связи с ростом американских интересов в этой стране у Ла-Паса возникла надежда получить доступ к морю без применения вооруженной силы. В июле 1926 года США распустили конференцию по Такне и Арике, а 30 ноября 1926 года госсекретарь США Ф.Келлог в жесткой форме предложил в своем меморандуме передать обе спорные провинции Боливии в качестве компенсации за потерю Атакамы. Это было крупным политическим козырем в игре только что пришедшего к власти президента.

В том же году Э.Силес предоставил компании *Стандард Ойл оф Нью Йорк (Сокони)* крупные концессии площадью 9135 тысяч гектаров в Чако, которая сразу же организовала добычу нефти. Она получила нефть, но вывозить ее могла через Парагвай к какому-нибудь бразильскому порту. Другим вариантом могла стать перекачка нефти через Анды, но, как показали расчеты, строительство нефтепровода оказалась чрезвычайно дорогостоящим. В этих условиях руководство *Сокони* стало склоняться к первому варианту. Однако под давлением Аргентины, заинтересованной в сохранении своей монополии на добычу и переработку нефти в Южном Конусе, Парагвай соглашался пропускать нефть только на таких условиях, которые абсолютно не устраивали Рокфеллера. В связи с этим, руководство *Сокони* стало подталкивать Э.Силеса к захвату Чако. «То, что хорошо для *Стандард Ойл*, то хорошо для Америки», – под таким девизом в этот процесс включились чиновники госдепартамента, которые организовали внешнеполитическое давление на Парагвай:

Рассчитывая на поддержку США, Э.Силес планировал разрешить территориальные споры в свою пользу силовым путем. При поддержке госдепартамента Панамериканский союз должен был нейтрализовать Лигу Наций, доктрина Монро ограничить вмешательство остальных великих держав. На американские займы боливийская армия продолжила свою модернизацию под руководством отставного прусского генерала Г.Кундта. Этот довольно посредственный прусский военачальник оказался неплохим организатором. Благодаря этим способностям он оставался неформальным руководителем вооруженных сил Боливии на протяжении четырех лет. Вдохновлённым результатами военного строительства и быстрым наращиванием военного потенциала Э.Силес считал совершенно реалистичным отвоевать Чако и Атакаму в ходе двух скоротечных войн.

Несмотря на значительный прогресс в некоторых областях экономики Боливия в начале 30-х годов продолжала стоять на пороге XX века. Вследствие архаичности социальных отношений она, несмотря на свои огромные минеральные богатства, представляла собой «нищего на золотом троне». По-прежнему сохранялось пропасть между *роской, чоло* и *колоко*, неграмотными индейцами аймара и кечуа. Более 80% трехмиллионного населения Боливии проживало в горных районах Альтиплано, Кочабамбы и Юнгаса, занимаясь низко продуктивным сельским хозяйством. Минеральные ресурсы составляли основную статью экспорта страны. В 1929 году добыча олова достигла 47000 тонн стоимостью более сотни миллионов боливийских песо. Боливийское олово конкурировало на равных с малайским, но прекращение мировой войны резко сказалось на доходности этой отрасли. Начиная с 1918 года, цена на этот основ-

ной продукт боливийского экспорта, дававшего до 70% валютной выручки, упала к 1929 году вдвое.

Выпущенный в 1920 году республиканцами джин радикализма стал набирать силу: В 1928 году возникли студенческая федерация и Коммунистическая партии, а шахтеры объединились в единый профсоюз. Руководство всеми этими организациями оказалось в руках радикально настроенных левых, которыми впервые был выдвинут лозунг: «Земля – народу, шахты – государству». Экономическая нестабильность экономики вела к росту радикализма. 12 августа 1927 года началось крестьянское восстание, охватившее департаменты Сукре, Кочабамба и Потоси. Оно было вызвано нищенским положением *колоко*, их низкими заработками, голодом и эпидемией. В восстании приняли участие более ста тысяч человек. В Сукре повстанцы были рассеяны пулеметным огнем, но в других местах им удалось собраться. Тридцать тысяч плохо вооруженных *колоко* сосредоточились у Кочабамбы. На их подавление из Оруро были двинуты восемь тысяч солдат и полицейских. В нескольких стычках правительственные войска одержали победу и рассеяли повстанцев. В боях погибли более двухсот индейцев и только один каратель. Окончательно сопротивление восставших было подавлено силами полиции в следующем году, поскольку вследствие нарастания напряженности с Парагваем, войска были переброшены в Чако.

Помимо восстания индейцев падению популярности лидера националистов способствовали два совпавших по времени крупных внешнеполитических поражения: отказ от конфронтации с Парагваем после инцидента в Вангардии и окончательная потеря выхода к Тихому Океану. Это произошло потому, что Боливия, послушно следуя за Вашингтоном, в конце 20-х годов XX века оказалась в изоляции. Чили и Перу отказались признать меморандум Келлога и приступили к прямому диалогу. Это было первое крупное поражение американской дипломатии в регионе, которое сильно сказалось на авторитете Вашингтона в андских странах. Чилийская сторона не желала пересматривать выгодные для нее результаты Тихоокеанской войны. Свергнувший в 1927 году правительство консерваторов, генерал К.Ибаньес дель Кампо взял политический курс на сближение с Перу. В 1928 году страны восстановили политические отношения и начали двусторонние переговоры о судьбе Такны и Арики. Во время инцидента в Вангардии они сосредоточили свои вооруженные силы на границе и отвлекли наиболее боеспособные боливийские полки. События в Вангардии показали слабую подготовку боливийской дипломатии и армии к войне на два фронта. По расчету Г. Кундта, ему требовалось еще два-три года на оснащение и развертывания современной армии. В связи с этим начавшиеся военные действия были прекращены при посредничестве комиссии нейтралов во главе с США и Лиги Наций. 3 июня 1929 года в Лиме был подписан двухсторонний протокол, по которому Такна была возвращена Перу, а Арика оставалась за Чили. Под давлением Лиги Наций и США, пытавшихся «исправить ошибку» Келлога, Э.Силес удовлетворился строительством экстерриториальной железной дороги к тихоокеанскому порту Мольендо. В условиях банкротства ориентации на Вашингтон, который оказался предателем интересов Боливии, правительство Э.Силеса начало ориентироваться на Лондон, где в 1929 году были размещены военные заказы на пятнадцать миллионов долларов.

Летом 1929/30 года в разгар Великого кризиса в стране произошло новое восстание. В этот раз нем помимо *колоко* приняли участие горнорабочие и полностью разочаровавшиеся в своём прежнем кандидате *чоло*. Дальнейшее ухудшение экономического положения, жестокое подавление крестьянских восстаний и сплошные неудачи во внешней политике лишили Э.Силеса остатков влияния даже внутри его собственной фракции. Понимая это президент Боливии решил сделать ставку на армию. Он подавил восстание и взял курс на установление военного режима. Казалось, для этого есть все предпосылки. Армия была прекрасно обучена и вооружена. Ее фактический главнокомандующий генерал Г.Кундта и группа старших армейских офицеров во главе с полковником Д. Торо поддержали президента, но, как выяс-

нилось, они составляли меньшинство. Против режима Э.Силеса действовали сразу несколько противников: американцы, *роска* и социалисты Д.Саламанки. Многие генералы и офицеры – выходцы из *роска* с одобрения американского посла прямо саботировали приказы командующего, в то время как младшие чины – *чоло* примкнули к социалистам Саламанки и в решающий момент просто не выполнили приказы старших офицеров. Поэтому попытка Силеса стать диктатором оказалась смехотворной. В июне 1930 года верные *роске* генералы отказались выполнять приказы. Они заняли президентский дворец и заставили Э.Силеса уйти в отставку. После смещения президента власть была передана военной хунте во главе с генералом Х.Галиндо. Так, впервые за полвека в Боливии к власти пришли военные, пока только как наемники *роски*. Госдепартамент и американские деловые круги оказали им широкую внешнеполитическую и финансовую помощь. Генерал Кундт и офицеры, поддержавшие Силеса, включая полковника Торо, были отправлены в отставку. В январе 1931 года президентом был избран лидер социалистической фракции Д.Саламанка. Он пришел к власти на волне социальной демагогии и джингоизма. На выборах он опирался на негласную поддержку *роска* и американцев. Они перед лицом угрозы своему политическому господству объединили свои усилия и сколотили коалицию из республиканцев и либералов. Это искусственное объединение вскоре после выборов распалось, но дело было сделано: президентом страны стал проамериканский политический деятель. Д.Саламанка краеугольным камнем своей внешней и внутренней политике сделал ставку на победоносную войну с Парагваем. Его демагогия увлекла значительную часть недовольных и на время погасила социальный конфликт.

Эусебио Айяла

Даниэль Саламанка

ПРЕЗИДЕНТЫ ПАРАГВАЯ И БОЛИВИИ

4. «Латиноамериканский Мидас».

География, население. Регионы и инфраструктура. Экономика: «нищий на золотом троне».

Республика Боливия – государство в Южной Америке расположена между 9 40' и 2410' южной широты и 5735' и 69 30' западной долготы. Территория страны (без спорной области Чако) составляла к 1930 году около 950 тысяч квадратных километров, а население – примерно 3 миллиона человек. Официальной столицей страны до сих пор считается Сукре. Фактическое местопребывание правительства – город Ла-Пас, экономический центр Альтиплано. Артур Лундквист, посетивший в середине XX века боливийскую столицу, дает следующее описание:

«Крутые улицы ведут к площади Мурильо, вокруг нее дворец президента (Паласио Кио Квемадо), дом правительства и собор. Фонарные столбы словно специально приспособлены для того, чтобы вешать на них президентов и министров. Вы как бы чутьем угадываете тайные выходы, скрытые на окраинных улицах города; через них в самый последний момент улепетывают всякие важные господа, прихватив с собой государственную казну или еще более солидную сумму денег. Горняки устраивают на этой площади демонстрации, набив предварительно свои карманы динамитом, предъявляют здесь ультиматум правительству. Нередко случается и так, что государственных деятелей разрывают на куски или просто пристреливают, а потом просто выбрасывают с балкона на улицу».

Государственный язык Боливии – испанский. В административном отношении республика делится на 9 департаментов: Ла-Пас, Кочабамба, Потоси, Санта-Крус, Чукисака, Тариха, Оруро, Бени и Пандо. Запад страны, где сосредоточено ее основное население горный, занят Андами, а восток – равнинный. В Боливии этот горный хребет достигает наибольшей для континента ширины – 700-800 километров, и состоит из Западной (Главной) и Восточной Кордильер. Снеговая линия в Западной Кордильере проходит на высоте 6000 метров, а Восточной – 4850. С запада к Главной Кордильере, высота которой достигает 4500 метров, примыкает Альтиплано или западная *пуна*, расположенная на высоте 3800 метров. Здесь сосредоточены все основные центры Боливии. Западная *пуна* представляет собой обширную бессточную область, в рельефе которой характерно чередование котловин, занятых озерами и солончаками, с невысокими хребтами кристаллических пород. Кроме них здесь встречаются отдельные вулканические вершины и лавовые плато. Восточная Кордильера, высшей точкой которой являются вершины Ильмпу (6550 м) и Ильмани (6447 м), представляет собой несколько последовательных хребтов – кордильер, несущих мощное оледенение. Северная часть Восточной Кордильеры начинается шестикилометровым поднятием Кордильеры Реаль, которая переходит в ущелье Ла-Пас. За ним располагается столь же высокая Кордильера Кимсакрус и более низкая Кордильера Фрайлес. Последняя очень богатая серебром, оловом, вольфрамом, сурьмой. К этим хребтам на высоте 4 километров примыкает восточная *пуна*, которая полого спускается на восток. Она изрезана густой сетью глубоких ущелий верховий рек Бени и Маморе. Вся эта горная система носит название Боливийского нагорья. Равнины восточной Боливии протянулись с севера на юг от бассейна Амазонки и Параны. На севере – это нижние долины рек Бени и Маморе, на юге – Чако-Бореаль, а в середине песчаниковое плато Чикитос, достигающее местами высоты 1000 метров над уровнем моря. В основании восточных равнин Боливии лежит кристаллическая плита, а на поверхности обнажаются третичные и современные аллювиальные отложения. Они медленно понижаются к востоку с предгорий Анд до высоты 300-500 метров над уровнем моря.

Ископаемые ресурсы Боливийского нагорья весьма разнообразны и значительны. На протяжении тысячи километров с севера на юг, от озера Титикака до границы с Аргентиной, тянется “оловянный” пояс, с которым связаны месторождения вольфрама, цинка, свинца, серебра, висмута и сурьмы. Основные месторождения олова сосредоточены вокруг Оруро, Потоси, Ла-Паса и Серро-Чорокольке (недалеко от Туписы). Крупнейшее из них Льяльягуа-Унсия, расположенное в окрестностях Оруро, содержало до 200000 тонн олова и давало не менее половины его добычи в первой половине XX века. Серебряные месторождения Потоси, эксплуатировавшиеся в колониальный период, дали металла на 1 миллиард долларов США, ценой жизни 8 миллионов индейцев. Общие запасы металлов к началу 30х годов в Боливии оценивались в следующих объемах (тыс. тонн чистого металла): олово – 350, цинк – 2178, свинец – 1000, вольфрам (в окиси) – 24.

Резкие различия в рельефе страны изменяют ее климат от холодного, полупустынного до влажного тропического. В *пуне* средние показатели температуры зимой (апрель-октябрь) колеблются около 0С, а по ночам часты заморозки. С ноября по март средние температуры колеблются от +10С до +15С, изредка повышаясь до +24°С. Вследствие большой высоты и разреженности воздуха суточные амплитуды бывают очень велики и могут достигать 15С. На юго-западе страны фиксировались максимальные дневные перепады температур в 53С. На северо-востоке страны выпадает около 550 мм, а к югу от 17 южной широты еще меньше. Это объясняется тем, что Главная Кордильера задерживает влажные воздушные потоки со стороны Тихого Океана. Влажный период в боливийских Андах приходится на лето (с декабря по февраль). Дожди часто чередуются с туманами (в Ла-Пасе 143 туманных дня в год).

На восточных склонах Анд с убыванием высоты средняя температура летом повышается в ноябре с +14С на высоте 2600 метров, а зимы с +10С. Наибольшее количество осадков выпадает в зоне «медии юнгас», расположенных ниже по восточному склону Анд на высоте 1600 метров. Показатели температуры для этого района составляет +20С летом и +14С зимой. Здесь отчетливо выражена смена ветров по сезонам: летом дуют влажные северные и северо-западные ветры, а зимой сухие юго-западные. На равнинах Боливии, расположенных к северу от плато Чикитос среднегодовые температуры постоянны и равны +24С с амплитудой в два-три градуса. Годовое количество осадков здесь существенно выше и достигает 1000-1500 мм. Большая их часть выпадает летом – с ноября по апрель. К югу от Чикитос колебания температур растут. Их среднее значение в январе составляет +28С, а в июле +18С. Резкие изменения погоды могут произойти в считанные часы из-за проникновения масс холодного антарктического воздуха, которые могут повлечь за собой похолодание до +10С. В этом районе большая часть осадков (до 1000 мм) выпадает за 4-5 влажных месяцев, приходящихся на зиму.

Речная сеть Боливии принадлежит на западе бассейну внутреннего стока Альтиплано, а на востоке – бассейну Атлантического Океана. В северной, более влажной части Альтиплано, на высоте 3800 метров лежат два больших озера Титикака (6900 кв.км, северная часть которого принадлежит Перу) и мелководное Поопо, питающиеся водами Западной и Восточной Кордильеры. Озера соединяются судоходной рекой Десагуадеро (длина 297 км), по которой ходили небольшие пароходы. На юг от Поопо лежат два больших солончака Койпаса и Уюни.

В ущелье Ла-Пас начинается другая река Десагуадеро, которая течет на восток и впадает в Бени. Реки восточной *пуны* в верховьях спокойны и извилисты, поскольку протекают в глубоких долинах. Их среднее и нижнее течение проходит через каньоны Восточной Кордильеры, где водные потоки набирают стремительность. Южнее 17 южной широты в области сухого климата долины заполнены массой обломочного материала, и только две большие реки стекают с Восточной Кордильеры – Пилькомайо (длина 1200 км), правый приток Парагвая, и Парапети, теряющаяся в болотах Исосог. Остальные иссякают в конусах выноса. Главные реки северных равнин – Бени (длина 1500 км) и Маморе с притоком Гуапоре образуют при слиянии Мадейру, крупнейший приток Амазонки. В своем нижнем течении они преодолевают крупные

пороги, прерывающие судоходную связь с Амазонией. Их многочисленные притоки образуют сложную сеть вяло текущих рек с озерами и болотами. В летне-осеннее половодье (декабрь-май) область льяно Мохос площадью в 120000 квадратных километров, расположенное между Маморе и Гуапоре, совершенно затопляется. Коммерческое судоходство в Боливии осуществлялось только на озере Титикака между портами Гуаки и Пуна.

Растительность Боливии различна в зависимости от климата и рельефа. Ксероморфный тип растительности преобладает в *пунах*. Он представлен жесткими дерненными злаками (ковыль), подушковидными (*Azorella*) и стелющимися по земле формами, кактусами и ксерофитными кустарниками *тола* в долинах. Эти виды растений приспособлены к долгой засухе, сильному испарению и значительному перепаду температур. Вокруг озер в изобилии встречается камыш *тотора* и галофиты в окрестностях солончаков. В защищенных от ветра котловинах *пуны* вызревают ячмень, люцерна, бобовые и различные овощи. По восточному склону Анд спускаются злаковые степи и заросли ксерофитов. С 1800 метров над уровнем моря начинаются горные низкорослые вечнозеленые тропические леса *нефелогилей*. Их верхняя граница отмечена появлением ольхи, подокарпуса и *Polylepis incana*. *Нефелогилей* отличаются обилием мхов, папоротников, других эпифитов и бамбука. Из произрастающих здесь деревьев наибольшее хозяйственное значение имеют хинное дерево, распространенное на высоте свыше 1500 метров к северу от 17 параллели. Ниже 1000 метров расположены *гилей* – влажные тропические леса, в которых преобладают пальмы. Здесь произрастает кустарник кока, культивируемый на склонах гор с высоты более 800 метров. В долинах этой зоны располагаются плантации кофе, фруктов, сахарного тростника, какао. На равнине Чако-Бореаль преобладает ксерофитная растительность *монте*, густые заросли колючих кустарников и кактусы, редкие рощи мимозы, а также степи и саванны с восковыми пальмами. Долины рек Бени, Маморе, Гуапоре и их притоков заняты *льяносами Маморе* – саваннами со злаковым и осоковым покровом и пальмами *бурити* и *Vactris inundata*.

В зоогеографическом отношении низменности Боливии входят в пределы Колумбийско-Бразильской подобласти Неотропической зоогеографической области, а горные районы – Чилийско-Аргентинской. На территории страны отчетливо выражены три ландшафтные зоны со свойственным животным миром. Зона влажных тропических лесов является продолжением таких же лесов Бразилии. Она занимает весь северо-восток страны. Фауна зоны чрезвычайно богата и включает почти все виды млекопитающих, типичных для тропических лесов Южной Америки (опоссум, летучая мышь, ленивцы, древесные муравьеды, дикобразы, куницы, обезьяны, пекари, тапиры). В реках встречались амазонские дельфины и ламантины. Не менее богат мир птиц и пресмыкающихся, земноводных и рыб. Зона тропических саванн занимает большую часть восточной Боливии. Ее фауна гораздо беднее и схожа с животным миром саванн Бразилии. Их млекопитающих здесь обитают большой муравьед, броненосцы, гривистый волк, кустарниковая собака, скунс и пума. Мир земноводных и птиц также беднее по сравнению с зоной лесов, но пресмыкающихся очень много. Зона андских нагорий обладает наиболее бедной фауной. Из млекопитающих распространены вигонь и гуанако, а также горные грызуны (шиншилла, пушак и моко). Среди птиц наиболее известен кондор. Пресмыкающиеся почти отсутствуют, а земноводных вообще нет.

Испаноязычные креолы и метисы – *чоло*, объединенные в господствующий этнос составляли в 30-е годы менее половины населения Боливии (соответственно, 13% и 28%). За время независимости их удельный вес постепенно увеличивался за счет ассимиляции части индейцев (*каничана*, *каювава* и других). Однако до полной консолидации было пока далеко. Даже внутри этноса существовало определенное противостояние между креолами, потомками европейцев, и метисами. К *чоло* примыкали потомки иммигрантов неевропейского происхождения (негры и выходцы из Азии), составлявшие около 7% населения. В культуре *чоло*, которые формировали исключительно высший и средний классы боливийского общества, черты европей-

ского происхождения (жилища колониального типа) подверглись сильному индейскому влиянию (например, в архитектуре и музыке). Почти все «белое» население республики было сосредоточено на Альтиплано, где проживало свыше 80% всего населения страны.

Индейцы кечуа и аймара, внесшие весомый вклад в культуру *чоло*, к этому времени были выкинутыми за пределы «цивилизованного» общества. Составляя 52,35% населения страны, они проживали в своих характерных поселениях с рыночной площадью в центре и узкими улицами, на которые выходили глухие стены их жилищ. Прямоугольные дома индейцев с двускатной крышей и земляным полом строились, в зависимости от местных материалов, из деревянных блоков и тростника (на озере Титикака), камней, скрепленных глиной (в горах) и сырцового кирпича (Альтиплано). Эти жилища не имели окон и дымохода, а дверь, обращенная на восток, завешивалась шкурой или циновкой. В центральной, самой большой комнате располагался глиняный очаг, а остальные помещения служили кладовыми. Большинство мужчин обеих племен носят сандалии, в то время как женщины даже зимой ходят босиком. Традиционная одежда аймара, живущих на севере страны, состоит из штанов до колен, туники, пончо и котелка. Их женщины носят тунику и шаль, особым образом закрепленную на голове. Головные уборы более многочисленных кечуа, проживающих южнее, отличаются от аймара: мужчины носят под широкополыми шляпами шерстяной вязаный шлем, а женщины закрепляют свою шаль (*лыклью*) большой брошью на груди. Оба основных индейских народа Боливии потребляют, в основном, растительную пищу, только в рационе аймара, живущих на озере Титикака, присутствует рыба. Важным элементом питания этих индейских народов является потребление листьев кустарника *коки*, содержащих наркотик. Национальным блюдом жителей Боливии является *чуньо*, обезвоженный специальным образом картофель.

Весьма незначительная плотность населения привела к тому, что плодородные восточные склоны Анд (департаменты Кочабамба, Чукисака, Тариха) стали интенсивно осваиваться боливийцами довольно поздно – с начала XX века. К началу войны в них проживало около шестой части населения страны, преимущественно индейцев. На оставшуюся часть восточной Боливии (департаменты Санта-Крус, Пандо и Бени), включая Чако, приходилось не более 5% жителей. Восточная часть страны слабо освоена и транспортно разобщена с Альтиплано. Социально-классовая дифференциация общества, как уже ранее отмечалось, совпадала с его этническим делением. 8-13% креолов представляли собой политически и экономически господствующий слой. Метисы *чоло* были заняты в торговле, администрации и составляли квалифицированную часть рабочего класса. Индейцы составляли самые низшие, наиболее эксплуатируемые классы населения.

В 11 издании *Encyclopedia Britannica* (1910 г.), в начале XX века в Боливии насчитывалось 733 начальных школы с 938 учителями, где обучалось 41587 учеников, т.е. уровень образования был в десять раз ниже, чем в соседней Аргентине. Только половина школ были государственными, остальные принадлежали частным лицам и церкви. Высших и средних учебных заведений в стране насчитывалось всего 27. Высшие учебные заведения приобрели современный статус только в первой четверти XX века под влиянием школьной реформы 1918 года в Аргентине. Только после нее было отменено преподавание теологии в государственных университетах. Тем не менее, влияние католической церкви сказывалось в области образования на протяжении нескольких десятилетий. Данные об образовании указывают на то, в каких условиях формировалась боливийская элита кануна войны в Чако.

При своеобразии естественных условий особенности исторического развития обусловили односторонность развития Боливии, ее зависимость от мировых держав – Англии и США. Хозяйственная деятельность в Боливии, как уже выше отмечалось, в течение столетий сосредоточена на эксплуатации минеральных ресурсов высокогорной части страны. Природные условия Альтиплано создают для добывающей промышленности особые трудности. В связи с этим ориентированные на экспорт горные промыслы оказались сравнительно менее конкурентоспо-

собными на внешних рынках, и, тем самым, заставили иностранный капитал концентрироваться только на немногих, наиболее выгодных, металлах, в первую очередь олове. Тем не менее, благодаря экспортному значению минерального сырья, горная промышленность, в которой было занято до 60000 рабочих, из них 32000 на оловянных рудниках, отодвинула на второй план сельское хозяйство, которое является основным занятием большинства населения страны. Развитие сельского хозяйства из века в век тормозилось не только природно-климатическими условиями, но и низкой производительностью и малой товарностью крестьянских хозяйств, скованных пережитками феодализма.

Сельское хозяйство Боливии носило в значительной степени натуральный характер. В нем были заняты от 2/3 до 4/5 населения страны. Из 2500000 крестьян только треть обладали клочками земли величиной не более одного гектара. Специфические природные условия Альтиплано мало способствовали развития там земледелия. Его суровый климат ограничивали земледелие немногими оазисами, а транспортная разобщенность восточных склонов Анд препятствовали сбыту их продукции и расширению производства. В тропических лесах бассейна Амазонки господствовало потребительское земледелие. Согласно оценкам, в первой половине XX века в Боливии обрабатывалось примерно 2% от 27 миллионов гектаров, пригодных для обработки. Наиболее удобные земли оказались сосредоточенными в эстансиях – латифундиях потомков креольской аристократии, сосредоточенных в Юнгас, восточном склоне Анд. Перед войной в этом районе полностью обладали 516 семей, каждая из которых имела владения свыше 10000 гектаров. Размеры владений некоторых из них достигали 3000 квадратных километров только сельскохозяйственных угодий. Согласно земельной переписи, 6.3% боливийских земельных собственников, обладали более 1000 гектарами земли каждый и владели почти половиной всех частных земель.

Одной из причин формирования системы латифундий, как в Боливии, так и в Латинской Америке в целом, было огромное значение, которое придавали господствующие слои общества владению землей в противоположность остальным видам богатства. Размер земельных владений для потомков конкистадоров являлся мерилом благородства происхождения. На разбогатевшего промышленника или финансиста представители *роска* смотрели с неодобрением до тех пор, пока он не становился земельным собственником. Борьба за сохранение латифундий, как формы монополии господствующего класса на землю, стала одним из краеугольных принципов боливийской внутренней политики. Следствием этого стало появление на селе значительной прослойки батраков и исполщиков, в основном индейского происхождения.

Основные сельскохозяйственные культуры оазисов Альтиплано – картофель, ячмень, *киноа* (вид проса). В Юнгас распространены кукуруза и экспортные культуры: сахарный тростник (до 500 тыс. тонн), табак, кофе (до 3 тыс. тонн), какао (100 тонн), бананы и ваниль. Произрастают в тропических лесах и Юнгас маниок (сбор до 60000 тонн с 4000 га), называемый здесь юккой. Важное товарное значение имели листья *коки*, составлявшие часть индейской культуры. Только в северной части департамента Ла-Пас собиралось ежегодно до 3500 тонн листьев. Значительная часть производимой в стране кукурузы и сахара перегонялась в алкогольные напитки (*чичу*), широко потребляемые в стране. Скотоводство носило экстенсивный характер: его основной продукцией были шерсть и кожи. Индейцы Альтиплано разводили лам и овец. Саванны Восточной Боливии использовались для разведения крупного рогатого скота, как в эстансиях, так и индейских хозяйствах. поголовье скота в 1938 году составляло (в тысячах голов): лошади – 232, мулы – 100, ослы – 273, крупный рогатый скот – 1842, овцы – 2608, ламы и альпака – 400, козы – 1005, свиньи – 523. Последствия аграрного кризиса начала XX века практически не сказались на местном сельском хозяйстве, ориентированном исключительно на внутренний рынок. Вследствие этого его отличительной чертой стала неуязвимость к аграрному кризису начала XX века. Однако Великий кризис больно ударил по сельскохозяйственному производителю, поскольку город резко сократил потребление продуктов пита-

ния. Его прямым результатом стали непрекращающиеся крестьянские восстания в конце президентства Э.Силеса.

Лесные ресурсы Боливии значительны: разнообразные по породам леса до сих пор покрывают верхнюю часть восточных склонов Кордильер, особенно в бассейне Амазонки. Тем не менее, в то время почти все необходимые лесоматериалы импортировались из США и Канады. Боливийские леса в начале XX века давали только кору хинного дерева (около 600 тонн в год) да каучук (около 1000 тонн). Уступка в 1903 году каучуконосного района Акри Бразилии лишила республику значительной части доходов. После этого добыча каучука никогда больше не играла ведущей роли в экспорте страны.

Обрабатывающая промышленность страны, как уже отмечалось выше, была сосредоточена в Ла-Пасе и состояла из 694 небольших предприятий с 9600 рабочих (данные на 1939 год), производящих предметы потребления. Наиболее крупными из них были цементный завод и открывшаяся в 1929 году хлопчатобумажная фабрика в городе Виача (окрестности Ла-Паса), две шерстомойки и два хлопкоочистительных завода (Ла-Пас и Кочабамба), три табачные фабрики (Сукре, Кочабамба и Ла-Пас). Имелось несколько мельниц, алкогольных, пивных и кожевенных заводов, мебельных мастерских, часть из которых принадлежала иностранцам. К концу войны в строй вступил небольшой чугунолитейный завод, а число промышленных рабочих превысило 11000 человек. Из 330 миллионов боливиано продукции обрабатывающей промышленности в 1939 году, более 48% пришлось на долю пищевой, 18% текстильной (до 10 миллионов метров тканей в год). Ее развитие сильно тормозилось зависимостью от иностранных источников необходимого для производства сырья, составлявшего не менее 30% от потребляемых объемов. Кустарное производство удовлетворяло большинство потребностей сельского населения страны.

Оловянная промышленность в годы Чакоской войны давала 25-27 тысяч тонн олова. После мирового кризиса 1920 году эта горнодобывающая область была полностью монополизирована: половина всего олова добывалась компанией Патиньо, а остальная часть – в равной пропорции Армайо и Хохшильдом, за которыми стоял американский капитал. Однако монополия США длилась недолго: в 1922 году горнорудной промышленностью заинтересовался немецкий миллионер Гугенхейм, основавший свою компанию. За короткие сроки она стала одной из ведущих горнодобывающих фирм. Добыча оловянного сырья проводилась в тяжелых высокогорных условиях (на высоте 4000 метров), дорогостоящей была и транспортировка оловосодержащей породы на обогатительные фабрики. В Оруро компания Патиньо попутно добывала вольфрам и сурьмы. Компания Хохшильда эксплуатировала два свинцово-цинковых рудника, один из которых находился на границе с Перу, а другой близ города Уанчаки. Некоторое экономическое значение имела добыча сурьмы у Туписы, и меди в Корокоро. В районе Потоси добывался в небольших объемах висмут. Золото добывалось, в основном в аллювиальных отложениях, рек восточной *пуны*. Его объем из года в год сильно колебался. Так, в 1937 году в Боливии было добыто 585 кг золота. Кроме него добывалось серебро – ок. 200 тонн и вольфрам – ок. 1000 тонн. Цветные металлы добывались в большом количестве: медь – до 4 тыс. тонн, свинец – более 18 тыс. тонн, цинк – почти 12 тыс. тонн, олово – 25.5 тыс. тонн олова и сурьма – 10 тыс. тонн

Объем добываемых металлов сильно колебался от конъюнктуры рынка. Так, во время Великого кризиса общий импорт США снижался в полтора раза за год, а добыча олова и меди упала вдвое. К 1933 году он достиг своей низжайшей отметки и составил 30% от уровня 1929 года. Из-за ориентации внешней торговли Боливии на американский рынок экспортные доходы резко упали. Наиболее тяжелыми в этом отношении были вторая половина 1932 года и первая половина следующего. Сокращение потребления боливийских металлов сопровождалось падением цен на них. В среднем это составило от 20% до 25%. Падение своих доходов боливийская промышленно-торговая элита компенсировала увеличением степени эксплуатации горняков

и ростом объемов добычи. Это приводило к волнениям на приисках. Несмотря на высокие показатели в добыче полезных ископаемых геологические исследования охватывали менее 2% всей территории страны. Даже те немногие залежи минералов, которые были известны, скрывались их исследователями от центрального правительства. Так, в районе Альто Бени местными помещиками контрабандно разрабатывались залежи аллювиального золота.

В горнодобывающей промышленности было занято от 60 до 70 тысяч человек, главным образом индейцев. Они подвергались жестокой эксплуатации. Как правило, горняки жили в закрытых поселках, полностью находившихся под контролем владельца рудника. Здесь порядок поддерживала собственная полиция, товары продавались только в одной лавке, также принадлежавшей владельцу. Условия жизни в горах и работы на рудниках стали катастрофически ухудшаться в годы Великого кризиса. Поражение восстаний в 1929 и 1930 годов поставило их жителей в полную зависимость от администрации приисков. Средний заработок горняков при 11-12 часовом рабочем дне позволял только покрывать их текущие потребности и текущий кредит в лавке поселка. Во многих горных поселках действовал комендантский час. Отсутствие элементарных норм техники безопасности и трудные условия высокогорных районах были причиной высокой заболеваемости и травматизма шахтеров. Убыль горных рабочих часто пополнялась путем насильственной вербовки. Часто для этого использовались воинские части, которые совершали налеты на индейские поселения и угоняли работоспособных мужчин на рудники. Тяжелые условия труда сплотили боливийских рудников, которые сплотились вокруг анархо-синдикалистской Национальной конфедерации трудящихся Боливии.

Обладая громадными минеральными богатствами, Боливия оказалась абсолютно лишена собственного угля. Потенциально крупные гидроэнергетические ресурсы страны (4 миллиона киловатт на восточном склоне Анд и 700000 в районе Титикаки) в то время практически не использовались. Немногие гидроэлектростанции располагались на восточном склоне Анд. Их мощность составляла чуть более половины процента гидроресурсов страны. Строительство электростанций и производство электроэнергии, бывшее первоначально сферой вложения германского капитала, перешло под контроль канадской компании, связанной с американцами. Производство электроэнергии в стране составляло около 80 миллионов киловатт-часов в год.

Эксплуатация нефтеносной зоны, тянущейся вдоль восточного склона Анд, была начата в 1922 году филиалом рокфеллеровской *Стандард Ойл Компании оф Нью-Джерси* – СОКОБ (*Стандард Ойл Компании оф Боливия*). Основными эксплуатировавшимися месторождениями стали Беремехо, расположенное южнее Виллы Монте у Санандиты, и Камири на северо-западе Чако. В 1938 году они дали 17600 тонн сырой нефти. Если транспортировка нефти из месторождения Беремехо была возможна через Аргентину, то доставка ее из Камири, считавшемся чрезвычайно перспективным, была связана со значительными издержками. Для снижения издержек в районах нефтедобычи были построены два нефтеперегонных завода, которые бесперебойно снабжали боливийскую армию бензином на протяжении всей войны. Боливия себя полностью обеспечивала нефтепродуктами, за исключением смазочных масел и авиационного бензина. Отсутствие нефтеперерабатывающих заводов поставило бы перед боливийским командованием в Чако вопрос о снабжении войск гораздо острее. В годы Великого кризиса нефть для боливийцев приобрела особое значение, как новый источник экспортных доходов, которые снизились из-за падения цен на олово.

В начале XX века можно было выделить три основных экономико-географических региона страны: Альтиплано, Юнгас и Ориентес (Восток). На Альтиплано, занимающем весь запад Боливии, исторически сложился центр экономической жизни страны. Именно здесь были сосредоточены четыре пятых населения страны, ее городские и промышленные центры, сеть железных дорог. Однако природные условия Боливийского нагорья затрудняют дальнейшее развитие этого района. Лишенный древесной растительности он не обладает и источниками минерального топлива, а связь с Тихим Океаном проходит через Западную Кордильеру, что

чрезвычайно повышает транспортные издержки. Хозяйственная деятельность на Альтиплано определяется потребностями горной промышленности с ее основными центрами на востоке – Потоси (висмут, олово, серебро, цинк, свинец), Оруро (олово и серебро), Ла-Пас (олово, висмут), Корокоро (медь), лежащими вдоль железной дороги Ла-Пас – Антофагаста. Его суровый климат ограничивает земледелие немногочисленными культурами и разведением овец и лам. Основные районы земледелия сложились вокруг основных городских центров. Однако продукция местного примитивного хозяйства не обеспечивает всех потребностей городов и рудников, и поэтому значительная часть продовольствия ввозится из Юнгас и из-за границы.

Крупнейшими городами Боливии, являлись Ла-Пас, Сукре, Кочабамба и Оруро, являвшиеся одновременно и университетскими центрами. Ла-Пас и Оруро являются важнейшими центрами Альтиплано. Наибольшим из них является фактическая столица республики – Ла-Пас, расположенная на высоте 3690 метров над уровнем моря, население которого превышало четверть миллиона человек. Это крупнейший хозяйственный центр страны, соединенный железной дорогой с тихоокеанскими портами Мольендо в Перу, Арика и Антофагаста в Чили. В первой половине XX века в Ла-Пасе производилось до 80% всей продукции обрабатывающей промышленности, представленной хлопчатобумажными, шерстяными, табачными, обувными, цементными и стекольными предприятиями. Столица «оловянных баронов» Патиньо – Оруро вырос из узловой станции на железной дороге из Ла-Паса к Тихому Океану. Со времени первой мировой войны он стал главным центром горнодобывающей промышленности страны.

Юнгас, занимающие склон Восточных Кордильер, представляют собой переходный район от сурового высокогорного плато к тропическим Восточным равнинам. Глубокие узкие долины с богатыми наносными почвами, называемые *юнгас*, представляют собой наиболее благоприятный для земледелия район. Земли в долинах в те времена практически полностью принадлежали 516 семьям латифундистов, которые сдавали их в аренду, осевшим на них метисам – *чоло* и индейцам. Их арендаторы возделывали маис, ячмень, пшеницу, сахарный тростник, кофе, какао, фрукты и овощи. Большая часть товарной продукции поступала в городские центры Альтиплано, а часть кукурузы и сахарного тростника перерабатывалась на спиртовых заводах. Скотоводство было развито слабо, и распространялось только в верхних частях долин, где немногочисленные индейцы разводили лам и овец. Крупный рогатый скот и мулы использовались в качестве тягловой силы. Центром Юнгаса являются города Сукре и Кочабамба, а прилегающие к ним районы отличаются наибольшим развитием земледелия. Номинальная столица страны – Сукре с населением около 30 тысяч человек, расположенная на высоте 2694 метра, соединялась железной дорогой с Потоси. В ней находился старейший в Америке университет. Город являлся центром пищевой и табачной промышленности. Второй по населению город страны – Кочабамба был в пять раз меньше Ла-Паса. Вместе с тем население этого города гетерогенно – здесь всегда было относительно мало индейцев. Железная дорога соединяла его с Оруро, две небольшие ветки шли дальше, к городкам Арани и Винто – центрам лесоразработок. Его специализацией была пищевая и кожевенная промышленность, сырье для последней поступает с Восточных равнин. В лесах, покрывающих восточные отроги Анд издревле был развит сбор листьев *коки*, входящей в традиционный рацион индейцев кечуа и аймара. Этот вид промыслов уже тогда (до появления наркомафии) был одним из наиболее доходных промыслов. В северной части Юнгас существовали небольшие плантации хинного дерева. На склонах гор существовали и небольшие лесоразработки, которые снабжали пиломатериалами рудники и города Альтиплано. К Юнгас относятся и нефтеносные районы Камири и Санандита.

Ориентес или Восточные равнины занимает по площади более половины Боливии, но в то время это была самая неисследованная и отсталая ее часть, несмотря на периодические кампании по их заселению. Северные районы Ориентес до сих пор покрыты тропическими лесами, прорезанных реками, принадлежащими к бассейну Амазонки, вдоль которых были разбросаны редкие деревни индейцев и поселения сборщиков каучука и хинной коры. Вблизи

этих поселков на небольших, примитивно очищенных участках земли выращивались кукуруза, кассава, сахарный тростник и овощи. Главный доход местным жителям давал сбор каучука, достигавший 2-3 тысяч тонн в год. Далее, в междуречье рек Маморе и Гуапоре простирались *льянос* – саванны, на которых вплоть до реки Бени велось примитивное пастбищное скотоводство. Только в районе города Санта-Крус земледелие и скотоводство приобретали товарный характер, тем не менее, оставаясь экстенсивными. Наиболее крупный населенный центр Восточных равнин – город Санта-Крус-де-ла-Серра с населением 32800 жителей был окружен плантациями кофе и сахарного тростника. Другими крупными центрами региона были центры департаментов Бени и Пандо – Тринидад (7000 жителей) и Риверальта (4000 жителей). Эстансии, занимающие десятки и даже сотни квадратных километров, разводят скот, перегоняемый в западные районы страны. В небольших количествах здесь возделываются различные потребительские культуры для нужд батраков и других жителей эстансий, а также проводился сбор коры хинного дерева (600-800 тонн). К югу этого региона примыкает Чако, занятое саваннами и редкими лесами. Скотоводческие эстансии здесь встречались чрезвычайно редко лишь по верхнему течению рек Пилькомайо и Парагвай. Расовые и этнические различия *ориенталес* с жителями Альтиплано и Юнгаса, а также значительная удаленность от центра страны способствовали культивированию сецессионистских настроений в провинции Санта-Крус. Начиная с первых лет республики, в правящих классах этого департамента существовали фракции, ориентировавшиеся на Бразилию (купечество) и Аргентину (скотоводы).

Обширная территория Боливии крайне слабо обеспечена путями сообщения. При общей длине сети железных дорог в 2170 километров они до сих пор распределены по стране крайне неравномерно и сосредоточены на Альтиплано, связывая его с железнодорожной сетью Аргентины и тихоокеанскими портами Чили и Перу. Остальная часть страны была полностью лишена железных дорог. Ла-Пас являлся главным железнодорожным узлом страны: от него отходят все основные магистрали: 1) к порту Мольендо (Перу); 2) к порту Арика (Чили); и 3) через Оруро и Уюни на Антофагасту (Чили). Последняя ветка, являющаяся собственностью британской компании, смыкается с железнодорожной сетью Аргентины при посредстве ветки на Тупису. У этой ветки есть два ответвления – на Кочабамбу и Сукре через Потоси. Основной грузопоток на железных дорогах ориентирован на тихоокеанские порты. Дорожная сеть достигала примерно 10000 километров, из которых половина была проходима только в сухое время года. К концу войны количество автотранспорта в Боливии едва достигало трех тысяч автомашин, из которых две трети были грузовыми. Даже двадцать лет спустя сообщения с некоторыми горными селениями и рудниками поддерживались караванами мулов и лам.

В 20е годы в Боливии стала действовать авиакомпания ЛАБ (*Lloyd Aero Boliviano*), оснащенная дюжиной транспортных самолетов немецкого производства. Она открыла несколько авиалиний, соединявших центры департаментов страны с десятком других населенных пунктов, расположенных в Восточной Боливии, самым удаленным из которых был Пуэрто-Суарес, и Буэнос-Айресом. В годы II мировой войны монополия на авиаперевозки перешла в руки американцев. В 1948 году самолеты *Панамерикен Грейс айрлуэиз* связывали Ла-Пас со столицами соседних государств.

Для внешней торговли Боливии того времени характерно активное торговое сальдо. Превышение экспорта над импортом стало основным источником выплат дивидендов и процентов по долгам и займам, иностранным государствам и компаниям. Это делало ее особенно привлекательным для иностранных инвесторов (в отличие от других стран Латинской Америки). До 90% экспорта составляла продукция горной промышленности, причем олово играло определяющую роль. Вывозились не сами металлы, а концентраты руды, ибо цветной металлургии в стране практически не существовало (за исключением небольшого оловоплавильного завода). В 1938 году стоимость экспорта составила 27 миллионов долларов и в полтора раза превысила импорт.

Боливийский импорт, в основном, состоял из готовых изделий, топлива, некоторых предметов питания (масла, мяса, пшеницы, сахара), предметов роскоши и сырья для обрабатывающей промышленности. Более 20% импорта приходилось на Германию, 25.5% – на США, и только 7% – на Великобританию. В экспорте доминировали США – 37-38% и Великобритания – 12.5%. Из соседних стран важное место в торговле страны занимала Аргентина, поставлявшая в Боливию продовольствие. Послевоенное расширение торговли стимулировала реализация совместного проекта железной дороги Сукре – Якуйва. В годы II мировой войны значительный интерес к сотрудничеству стала проявлять и Бразилия, которая предоставила зону *франко* в Сантусе и приняла участие в реализации совместного проекта по строительству железной дороги Корумба – Санта-Крус. Значительную часть в 1931-38 годах составляли товары военного назначения.

Включение экономики Боливии в систему международного разделения труда уготовило горнодобывающей промышленности специфическую роль. Относительная изолированность всего региона позволила местной верхушке прибрать к своим рукам землю и недра страны. Иностранное проникновение в боливийскую экономику началось во второй половине XIX века в форме экспансии британского торгового капитала, который стремился поставить под контроль экспорт минеральных ресурсов Боливии. Одним из результатов его влияния на политику в регионе стала серия войн, в результате которых республика потеряла выход к Тихому Океану. После этого ее внешняя торговля попала в прямую зависимость от английской железнодорожной компаний. На следующем этапе в страну проникли иностранные финансисты, кредитовавшие как правительство страны, так и местных земельных и горных магнатов. Кульминацией британского проникновения в экономику стали привязка национальной валюты к фунту стерлингов и открытие в 1911 году эмиссионного банка *Banco Central*, контрольный пакет которого принадлежал британским подданным.

Денежная единица Боливии – золотой боливиано по паритету 1929 года содержал 0.54918 г чистого золота и был равен золотому песо. В начале XX века английские позиции в Боливии были поколеблены экспансией молодых империалистических хищников – Германии и США. Открытый немецкими переселенцами банк в скором времени стал конкурировать с английским *Banco Central*, а АЭГ и Симменс захватили рынок электротехнических изделий I мировой война резко ослабила позиции европейских держав на всем континенте и, особенно, в Боливии. С 1911 года в экономике страны начинают доминировать американские монополии, проникновение которых началось со сбыта *Стандард Ойл* своих нефтепродуктов, а *Дженерал электрик С^о*, *Вестерн электрик* и *Вестингауз* – электротехнических изделий. В канун I мировой войны общий объем иностранных инвестиций в Боливию был невелик и составлял 3 миллиона фунтов стерлингов. Примерно 60% этой суммы приходилась на США, а остальные в равных долях делились между Германией, Францией и Великобританией. Великий кризис и II мировая война нанесли окончательный удар по частным британским инвестициям в Боливию. Их объем снизился до 3,1 миллионов фунтов стерлингов, в то время, как вложения компаний США к 1940 году достигали 80 миллионов долларов. В разгар Великого кризиса в обращении внутри Боливии остались только бумажные деньги. В 1931 году это было законодательно закреплено. В этот год официальный курс боливиано составил 3.65 цента США. Этот весьма непопулярный шаг Даниэля Саламанки был согласован с центральным эмиссионным банком Боливии *Banco Central of Bolivia*, принадлежавшим частному капиталу. Он был основан англичанами в 1911 году под названием *Banco Central*. В 1928 году банк был реорганизован и приобрел функции центрального банка и являлся главным посредником при проведении экспортно-импортных операций. Его представители играли немаловажную роль при закупке оружия в Британии.

Бюджет страны в долларовом исчислении колебался на уровне 15-25 миллионов долларов в год. Доходы сильно различались в связи с изменением рыночной конъюнктуры: около 70% его поступлений в бюджет составляли пошлины на продукцию боливийской горной промышлен-

ности. Однако этот факт, как и наличие, широкой возможности кредитования, позволяли боливийской армии вести войну на истощение. Война в джунглях в то время стоила относительно недорого: 45 долларов в месяц в расчёте на одного солдата. Поэтому Д. Саламанка со спокойной совестью пошел на ограниченную войну в Чако, полагая, что содержание десяти тысяч солдат обойдется стране в 5-6 миллионов долларов в год. Он сильно ошибся в этом. Война обернулась тяжелым испытанием для бюджета и боливиано. Необходимость оплаты поставок вооружения зачастую приводила правительство к необходимости дорогостоящего краткосрочного кредитования, обеспечением которого служили валютные доходы страны от экспорта руд. Заклад доходов от экспорта и высокая доля бюджета, направляемая на погашение предыдущих иностранных займов, заставляли Даниэля Саламанку и его преемника Техаду Сорсано включать печатный станок и увеличивать налоги. Налоговый пресс давил, в первую очередь, на средние слои населения, что сказывалось на их отношении к войне. В какой-то момент инфляционные процессы стали угрожать доходам оловянных и земельных олигархов.

Однако эти процессы не зашли так далеко, чтобы привести к социальному взрыву, а оживление мировой конъюнктуры дало возможность восстановить платежеспособность правительства. Всего за годы войны боливийское правительство израсходовало до 200 миллионов долларов США, большинство из которых было получено путем ограбления жителей собственной страны. Одним из этих способов стало резкое падение обменного курса боливиано, покупательная способность которого за годы войны снизилась в полтора раза (до 2,5 центов США). Несмотря на тяжелое финансовое положение, боливийское правительство тем не менее не пошло на введение прямых налогов с населения (подходного и подушного), что сделали в годы первой мировой основные воюющие державы. Их наличие, с точки зрения либеральной идеологии, определял уровень несвободы общества. В условиях нестабильного, разбитого на социально-этнические отдельные сегменты боливийского общества, введение прямых налогов привело бы к социальному взрыву. Окончание конфронтации привело к восстановлению золотого паритета боливиано – 0,021159 г, что соответствовало курсу 42 национальных единицы за доллар. Однако финансовые результаты войны продолжали сказываться на национальном бюджете и позже, несмотря на военную конъюнктуру. Так, в 1948 году четверть расходов страны направлялась на обслуживание государственного долга, составившего к 31 декабря 1946 года 6055 млн. боливиано. 90% этой суммы были одолжены в США. Вместе с частными американскими инвестициями долг страны составил 241 миллион долларов.

5. Армия Боливии в 1825-1931 годах.

Наследники Боливара в борьбе за власть. Сиеста. Тихоокеанские войны. Реформы консерваторов. Акри. Французская и немецкая миссии. Генерал Ганс.Кундт и республиканцы.

Несмотря на высокий социальный статус военных, боливийская армия почти не имела славных военных традиций. Исторически сложилось так, что вооруженные силы республики составили осевшие в стране сподвижники Боливара во главе с маршалом А.Сукре. Сочетание политико-экономических и географических факторов сделало интендансию Чаркас последним оплотом испанской монархии на материке. Подкрепленная незначительными контингентами кадровых войск ее милиция оказалась последней военной силой испанской колониальной империи в Южной Америке. Вследствие этого традиции освободительной армии оказались искусственно привнесенным на боливийскую почву. Более того, ее руководители настороженно относились к местной аристократии, поскольку большинство ее представителей либо прятались в горах, либо воевали на стороне испанцев. В соответствии с проектом Боливара ветераны А. Сукре должны были получить большие земельные наделы и пополнить элиту республики. Однако этого не произошло, поскольку отвыкшие от производительного труда военные предпочитали жить в гарнизонах и проматывать жалование и награды. Они быстро распродали свои наделы земельным спекулянтам и местным богачам.

А.Сукре определил первоначальный состав армии в размере трех батальонов пехоты, полков улан и артиллерии. Декретом от 24 июня 1826 года была создана военизированная национальная полиция, главной задачей которой стало обеспечение порядка в провинции. Боеспособность боливийской армии была достаточна для подавления восстания индейцев и мятежей. Нерегулярная выплата жалования и личные амбиции старших офицеров стали причиной военного путча в конце 1828 года. Не в силах справиться с мятежниками, Сукре обратился за помощью к перуанскому президенту Х.Ламару. Там за год до этого произошли аналогичные события. Экспедиционный корпус под командованием А.Гамарры и А.Санта-Круса вошел в пределы страны и получил широкую поддержку латифундистов, враждебно настроенных к иноземцам. Они обеспечили перуанские войска проводниками, продовольствием и фуражом. За считанные дни колумбийцы были разбиты и капитулировали. Оказавшись в полной зависимости от оккупантов, А.Сукре ушел с поста президента и уехал в Колумбию, а правителем Горного Перу (как иногда называли Боливию) стал перуанский военный губернатор генерал А.Санта-Крус. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Х.Ламар объявил о слиянии обеих Перу в единую республику.

Схожесть социально-политического статуса объединяла креолов Боливии и Перу, среди которых была популярна идея восстановления империи инков от Эквадора до Чили. На повестке дня стоял вопрос: «Кто станет центром объединения?». Уже через год он вновь стал актуален: войска А.Сукре и Флореса уничтожили армию Х.Ламара в Эквадоре и позволили Боливии восстановить независимость. Поражением своего патрона воспользовался генерал Андреас Санта-Крус-и-Калахумана, который целое десятилетие (1829-39 гг) управлял страной. Он сделал много для воссоздания боеготовой армии, численность которой достигла 5 тысяч человек. При нем была возрождена национальная полиция. В 1835 году диктатор учредил военный колледж (Colegio Militar). Создание эффективного военного механизма позволило А.Санта-Крусу реализовать свои амбиции: в том же году он вновь воссоединил Боливию и Перу в единое государство.

В XIX веке армия Боливии пополнялась за счет рекрутских наборов. Солдаты должны были служить шесть лет, после чего могли вернуться домой или завербоваться вновь. Набор солдат происходил на месте квартирования части ее командирами. Относительное аграрное перенаселение Альтиплано и крайняя нищета солдат облегчали вербовку отрядов регулярных войск и милиции латифундистов. Помимо новобранцев в армию попадали деклассированные элементы города: безработные, бродяги, бандиты и другие искатели приключений. Печальная боливийская действительность: провинциальные путчи и индейские восстания, открывали им широкие возможности для грабежа. С солдатами заключались договора, по которым они

служили в составе части и получали оружие, обмундирование, довольствие и жалование. Эти соглашения исполнялись только частично, поскольку командиры старались сэкономить на подчиненных. Каждый офицер получал средства на содержание своего подразделения от непосредственного начальника. Выделяемые суммы зависели от количества в нем солдат. Эта практика служила дополнительным источником личных доходов офицеров, так как при отсутствии учета возникали широкие возможности для финансовых злоупотреблений. Как правило, число солдат в частях завышалось. Более того значительная часть жалования рядовым вообще не выплачивалась, а оседала в карманах их начальства. Не получая жалования и довольствия в полном объеме, солдаты кое-как существовали на голодном пайке и вымогали у населения продукты и прочие ценности, которыми они были вынуждены делиться с офицерами. Грабеж гражданского населения приводил к замыканию военных в касту, которая повсеместно в Латинской Америке получила судебную привилегию: право судиться военным трибуналом. Это усиливало ее автономность и изоляцию в обществе.

Разразившаяся в 1935 году гражданская война в Перу позволила А.Санта-Крису овладеть Лимой в июне и объявить о создании Перуано-Боливийской Конфедерации. Увеличение экономического потенциала позволило маршалу вдвое увеличить численность вооруженных сил. Опасаясь за свою судьбу, южные соседи нового государства – Чили и Ла-Платы начали превентивную войну с амбициозным протектором Конфедерации. В 1937-38 годах его армии удалось отразить войска ставленника *портеньо* М.Росаса и вывести Буэнос-Айрес из войны. Однако 20 января 1839 года А.Санта-Крус был наголову разбит чилийцами при Юнгае. Потеря главного инструмента власти положила конец политической карьере этого выдающегося деятеля Боливии. Ему на смену пришли местные каудильо-латифундисты, которые взяли под контроль часть местных военных формирований. Однако боевые традиции не были утеряны до конца. Еще два года на развалинах Конфедерации продолжалась борьба за власть, в которой добился успеха А.Гамарра. Во второй половине 1841 года он с 5000 перуанцев вторгся в Боливию. 18-20 ноября у селения Ингави в пригородах Ла-Паса произошло сражения, в котором 4100 боливийцев под командованием Хосе Бальивиана одержали победу. На поле боя пал А. Гамарра, а с ним мечты о восстановлении империи инков. С этого момента между обеими странами, имевшими схожие этнический состав и социальную структуру, установились союзные отношения.

Битва при Ингави стала вехой в истории вооруженных сил страны: на смену эпигонам Боливара пришла местная милиция. Опасаясь за свою власть, земельная олигархия Боливии практически ликвидировала регулярную армию и взяли под полный контроль формирования местной милиции. На протяжении последующих четырех десятилетий они были главным инструментом контроля за верховной властью в республике. Вследствие этого президентами страны часто были военные: Х.Бальвиан, М.Белзу, Х.М.Ача, М.Мельгарехо, Н.Камперо и другие. С 1825 года по 1930 год в стране произошло 187 переворотов и мятежей, основную роль в которых играли местные военные. Вплоть до II Тихоокеанской войны армия состояла из двух частей: регулярных войск численностью 1500-2000 и 2500-3000 *монтонеры* латифундистов. Вторая составляющая превратилась в реальную силу в 1847 году, когда после свержения Х.Бальивиана был «за ненадобностью» закрыт военный колледж. Следующие пятнадцать лет страна и ее армия находились в состоянии сиесты. В шестидесятых годах регулярная армия стала возрождаться вследствие прихода к власти «сильных» лидеров. Это началось после разгрома мятежа генерала Переса солдатами президента-генерала Хосе Марии Ача. Несмотря на победу, этот глава республики оказался настолько непопулярным, что был вынужден передать власть экс-президенту М.Белзу, снискавшему популярность среди *чоло* Ла-Паса своим крайним национализмом. Гарнизон Ла-Паса под командованием полковника М.Мельгарехо не позволил М.Белзу вернуться к власти и провозгласил своего начальника новым президентом. Полковник смог удержаться у власти десять лет, установив жестокую диктатуру, опиравшуюся на штыки. Войска гарнизона составили основу новой, самой привилегированной части прави-

тельственной армии – полка Колорадос. Рядовые этого полка получали такое же жалование, как капитаны регулярных войск. Остальная кадровая армия состояла из пехотных полков *Сукре* и *Иллимани*, двух артиллерийских подразделений и двух эскадронов кавалерии.

В канун II Тихоокеанской войны боливийская регулярная армия насчитывала 690 офицеров (16 генералов, 21 полковников, 215 майоров, 100 капитанов и 256 лейтенантов) и 2175 солдат. Они практически не имели боевого опыта, поскольку участие Боливии в I Тихоокеанской войне было символическим и свелось к моральной поддержке чилийцев и перуанцев в борьбе против кораблей прежнего сюзерена. «Победа» в этой войне всколыхнула прежние идеи Перуано-Боливийской Конфедерации и стала основой для военно-политического сближения республик в Андах. В 1873 году был заключен секретный военный союз, который был направлен, в первую очередь, против Бразилии, пограничники которой вышли в бассейне Амазонки к перуанским и боливийским аванпостам. Исторический ход событий привел к военному столкновению с Чили. Союз 1873 года создал миф о тотальном военном превосходстве обеих андских республик над Чили: их лидеры самонадеянно считали войну выигранной. Это сделало позицию боливийского президента Дазы в споре за Атакаму очень жесткой. После того, как в 1875 году ее правительство ввело дополнительные налоги на добычу селитры, политики Сантьяго пришли к необходимости силового решения проблемы.

14 февраля 1879 года 200 чилийских солдат заняли Антофагасту и взяли под охрану селитряные промыслы. К началу конфликта чилийская армия насчитывала в своих рядах 2845 солдат и офицеров, а войска союзников – 8096. Рассчитывая на легкую победу, союзники легко пошли на эскалацию боевых действий. Победа была необходима для земельной олигархии для упрочения собственного положения как внутри страны, так и по всему континенту. 1 марта Боливия объявила Чили войну, причиной которой была названа оккупация Антофагасты. В соответствии с условиями договора 1873 года к ней присоединилась Перу. В ответ на это 1400 чилийских солдат продвинулись на север и заняли юг Атакамы.

В ходе войны Боливия развернула пять кавалерийских эскадронов, артиллерийский полк, инженерный и девять пехотных батальонов численностью 12172 человек. Эти части комплектовались добровольцами и отрядами латифундистов. Основу волонтеров составили горняки (выставившие шесть полков) и *чоло* Ла-Паса (три полка). К середине мая союзники сосредоточили 9000 солдат в Тарапаке, 4000 – в Такне и 7000 – в Арике. В конце октября сюда прибыли 10000 чилийцев. Решающим эпизодом, предрешившим исход борьбы за Атакаму, стал увод Дазой с лучшей частью боливийской армии. Отступление на Альтиплано объяснялось непрочностью внутривнутриполитической позиции боливийского президента. Несмотря на несколько успешных столкновений союзники, очистили Икике и отошли к Такне. К северу от нее у Альто де Альянса произошло решающее сражение войны. 26 мая 1880 года их 10000 солдат атаковали чилийцев. В ходе мясорубки боливийский генерал Нарсисио Камперо Лейес потерял 90% из своих 5465 солдат. Только шестистам из них удалось вернуться на Альтиплано: остальные полегли у Альто де Альянса. Это сражение для боливийских военных оказалось последним. 17 января чилийские солдаты промаршировали по Лиме. В течение двух последующих лет они пытались овладеть внутренними районами Перу, но это им не удалось. 20 октября 1883 года в Анконе был подписан мирный договор между Чили и Перу. Несколько месяцев спустя, 4 апреля следующего года в Вальпараисо было подписано перемирие с Боливией, по которому к Сантьяго переходил контроль над всей береговой полосой. Переход к победителю всех четырех боливийских портов привел к ликвидации небольшого боливийского военного флота, состоявшего из трех небольших кораблей. Тихоокеанская война воспитала у боливийских военных комплекс неполноценности и впервые со времен Боливара поставила вопрос о реорганизации армии.

Послевоенные руководители Боливии сделали попытку создать профессиональную армию. Вернувшийся с побережья генерал Н. Камперо легко сверг Дазу и четыре года удерживал

вал власть. Этот получивший военное образование в Европе генерал использовал свой боевой опыт для возрождения вооруженных сил своего отечества. Его первым шагом стало ограничение влияния латифундистов в армии: был запрещен доступ лицам без военного образования к командным должностям и восстановлена национальная полиция. Задуманная как вспомогательное военизированное формирование для контроля за провинцией, она после падения маршала Санта-Круса стала орудием местных *каудильо*. Прошло 60 лет прежде, чем полиция превратилась в грозную силу в руках центрального правительства и стала главным орудием правопорядка в эпоху гегемонии консерваторов. Н. Камперо переоснастил армию: еще в годы войны на ее вооружение поступила современная артиллерия – две батареи 75мм горных пушек Круппа, закупленных через Аргентину. Президент Ансието Арсе Руис (1888-1892) продолжил реформу армии. В 1891 году он восстановил военный колледж *Collegio Militar* в Сукре. Его возглавил обучившийся в Сен-Сире боливиец. На протяжении нескольких поколений колледж оканчивали представители лучших семей страны, который при поддержке своих родственников быстро продвигались по службе и занимали руководящие посты в армии и полиции. Их обучение проводилось по французским методикам времен франко-прусской войны. Кадеты в течение трех лет последовательно проходили обучение в пехотном, кавалерийском и инженерно-артиллерийском отделениях. Таким образом, выпускники колледжа выпускались универсальными специалистами. Некоторое время спустя колледж был переведен в Оруро. Несмотря на известную профессионализацию, офицерский корпус республики оставался чрезвычайно политизирован. Это произошло вследствие сохранения пережитков эпохи *каудильо*. Армейские офицеры были напрямую связаны с политическими фракциями и часто подкрепляли их авторитет штыками и саблями своих солдат. Шагая в ногу со временем, новый президент М. Баптиста (1892-96) в 1894 году принял закон о всеобщей воинской повинности. Согласно ему, в армию на два года призывались мужчины в возрасте от 21 до 25 лет. После демобилизации они до 50 лет числились в резерве. Фактически, при консервативном режиме на военную службу призывались единицы, поскольку у республики не было ни сил, ни средств на обучение резервистов.

Приход к власти либералов во главе с генералом Х. Пандо открыл новый этап в военном строительстве. В 1899 году в Ла-Пасе была учреждена школа подготовки сержантов – *Escuela de Clases Sargento Maximiliano Paredes*. Туда же был переведен офицерский колледж был переведен из Оруро в Ла-Пас. Возросло количество кадетов в *Colegio Militar*, где на двух факультетах (основном и специальном) одновременно стали обучаться до 40-50 человек. Несмотря на возросший уровень подготовки, мятеж 1902 года в Акри закончился очередной капитуляцией боливийских военных. Для подавления мятежа Пласидо де Кастро Х. Пандо направил три слабых пехотных батальона с ограниченным запасом припасов. Вскоре они оказались окружены в Порто-Алонсо. На суше против них действовали не только повстанцы, но и регулярные бразильские войска генерала Каладо, которых со стороны реки поддерживала бразильская эскадра контр-адмирала Аленкера. Несмотря на подавляющее военно-техническое и численное превосходство противника, боливийцам удалось удерживать Порто-Алонсо до тех пор, пока конфликт не был переведен в дипломатическое русло. В 1903 году Акри было уступлено Бразилии за 110000 фунтов стерлингов. Капитуляция Порто-Алонсо способствовала росту сепаратистских тенденций среди ориенталес, объявивших в том же году о своей независимости. Они рассчитывали на поддержку Бразилии, но последняя оказалась связанной соглашением по Акри. Для борьбы с мятежниками даже не потребовалось призывать резервистов. В 1903 году в составе армии было всего 275 офицеров, 558 унтер-офицеров и 181 музыкант. Этих сил хватило, чтобы полностью подавить мятеж и восстановить контроль над Восточной Равниной.

Основными причинами поражения Боливии в конфликтах конца XIX-начала XX веков была не столько слабость духа, сколько антикварное вооружение ее солдат. Боливия вступила в борьбу с прекрасно оснащенной армией Чили, вооруженная мушкетами наполеоновской

эпохи, а ее однозарядным ружьям и горным пушкам образца 1874 года бразильцы противопоставили магазинные винтовки и скорострельные морские орудия *Армстронга*. Сразу же после окончания кризиса в Акри эта ошибка была учтена. К 1905 году они получили современное оружие: 15000 винтовок *Маузера* и четыре батареи пушек *Круппа* образца 1898 года. Заказанных военных материалов было достаточно, чтобы трижды оснастить вооруженные силы страны. Получение новейшего оружия еще не означало увеличения боеспособности армии – требовалось их обучение современным методам боя.

Создание вооруженных сил по европейским стандартам началось во время президентства генерала И.Монтеса, ближайшего сподвижника Х.Пандо. В 1905 году им была приглашена французская военная миссия в составе 5 офицеров. Французы должны были превратить наследников *монтонеры* в профессионалов, главная задача которых заключалась в защите республики. За четыре года миссия проделала большую работу. По ее инициативе был создан Генеральный штаб – (*Estado Mayor General*), при нем колледж офицеров Генерального штаба (*Colegio del Estado Mayor*) и курсы подготовки офицеров резерва (*Escuela de Oficiales de la Reserva*). В *Colegio Militar* к основному и специальному факультетам добавился третий – технический. Норма приема офицеров в них была увеличена в 2-3 раза, но это не решило проблему подготовки офицерских кадров. По настоянию французской миссии был пополнен армейский арсенал. В 1906 году в Германии были приобретены 4000 винтовок и 1000 карабинов *Маузер*, а также 16 пулеметов системы *Максима – Норденфельдт*. В 1909 году армия состояла из 300 офицеров и 4000 солдат, объединенных в 7 пехотных и 1 пулеметный батальоны, 2 полка кавалерии и артиллерийский дивизион. В 1910 году последний был развернут в полк. Однако французам не удалось достичь главной цели – деполитизировать армию, вырвать ее из-под влияния местных *каудильо*.

Преемник И.Монтеса президент Э.Вильясон в январе 1911 года пригласил германскую военную миссию, в составе 5 офицеров и 13 унтер-офицеров во главе с майором Гансом Кундтом. Она приступила к переобучению армии Боливии по немецким стандартам. Прусская военная машина считалась тогда самой передовой в мире, поэтому большинство американских стран предпочитали приглашать офицеров кайзера для модернизации своих вооруженных сил. Правительство Боливии не являлось исключением из этого правила. Первоначальная задача, поставленная Э.Вильясоном перед миссией Г.Кундта, состояла в организации послушной президенту преторианской гвардии, позволяющей не только обуздать провинциальных *каудильо*, но и инкорпорировать в состав вооруженных сил представителей правящей элиты. Это позволило поставить провинцию их под контроль центра. Фактически, Г.Кундт наделялся широкими полномочиями и мог через голову командующего обращаться непосредственно к президенту. Так, он добился приема в армию десятка немецких иммигрантов, служивших в кайзеровской армии. Своими взглядами он приобрел широкую популярность среди высшего света Ла-Паса.

В военной подготовке, как и в большинстве армий мира, значительное внимание уделялось муштре в ущерб инициативе. Военные обозреватели того времени указывали на снижение уровня боевой подготовки боливийских солдат. Действительно, как в дальнейшем показал ход военных действий боливийские военнослужащие редко проявляли инициативу. Однако это не столько вина немецких инструкторов, сколько результат пополнения армии иррегулярными формированиями латифундистов. Вместе с ним и их офицерами в небольшую кадровую армию прусского образца был привнесён дух *монтонеры*, которую пришлось выстроить муштрой. Самое широкое использование кадров старого офицерства при создании новой армии отразило те изменения, которые произошли в стране за пятнадцать лет либерального правления. Появление в армии выходцев из креольской плутократии только консолидировало правящий класс. Военная миссия начала специальную подготовку младшего командного состава, который являлся последней инстанцией передачи приказа офицера солдатам, обеспечивающей контроль за их исполнением, а также соблюдение правил внутреннего распорядка и дисциплины. Прусский устав делал немецкого капрала главным винтиком военной машины. Несмотря на то, что боливийские унтер-офицеры выбирались из лучших солдат и проходили обучение в школе сержантов, они редко были на высоте положения и оставались самым слабым звеном новой боливийской армии: их присутствие не ощущалось во время боя

Миссия приступила к переформированию армии по немецкому образцу. Уже в 1911 году началось формирование 3 смешанных бригад по прусскому образцу. Они должны были состоять из 2 пехотных полков по два пехотных батальона. Штаб каждой бригады являлся инструментом военного управления и планирования. Он включал разведывательный и оперативный отделы и занимался снабжением, комплектованием и юстицией. Теоретически, каждое соединение могло действовать автономно на различных ТВД. Основу бригад составили созданные

французами батальоны. После включения в их состав региональной милиции они были превращены в полки, которые стали основной организационной и боевой единицей. В зависимости от рода оружия и места расквартирования они могли насчитывать до полутора тысяч человек. Шесть пехотных полков имели в своем составе два пехотных батальона четырех ротного состава и пулеметную роту (4 пулемета). Создание новых пулеметных частей потребовало дополнительных закупок этого нового вида оружия: в Германии были приобретены еще 10 *Максимов*, а также вооружения на 3000 человек. Инженерные части были сведены в батальон (полк), состоявший из понтонной, минной и телефонной роты. Основным пехотным и инженерным подразделением была рота, имевшая по штату 200 человек (8 санитаров) и 20 лошадей. Кавалерийский эскадрон имел по штату 150 сабель. Артиллерия в дополнение к крупновским орудиям была пополнена семью батареями 75мм горных пушек Шнейдера. Пять из них были укомплектованы горными орудиями (модель MD), а две – полевыми (модель LD). Прибывшие орудия стали основой для формирования горного артиллерийского полка. Каждый полк мирного времени состоял из 4 батарей. Их штат насчитывал 110 солдат и офицеров и имела на вооружении 6 орудий и 70 лошадей

В тактическом плане боливийская армия полностью следовала германским уставом, где основной тактической единицей являлся батальон силой в 600 штыков. В соответствии с уставом каждому батальону должны были быть приданы по два пулемета и артиллерийских орудия. Кавалерия рассматривалась как вспомогательный род войск. Ее главной целью становились патрулирование и разведка. Особое внимание немцы уделяли выездке кавалеристов и маршу в плотном строю, что в условиях бездорожья было бессмысленно. В канун I мировой войны численность вооруженных сил Боливии мирного времени достигала по штату 10000 человек. Фактически это число следует уменьшить вдвое, поскольку ни одна из воинских частей не была полностью укомплектована. На их вооружении находились 64 орудия и 24 пулемета. Отзыв германской военной миссии после начала войны прервал военное строительство. Несмотря на короткий срок пребывания в Боливии, немцам много удалось придать армии прусский облик. Это касалось, в первую очередь, профессиональной подготовки офицерского корпуса и создания небольшого обученного армейского резерва вместо ополчения. Вместе с тем военные эксперты Антанты и США отмечали на снижение боеспособности боливийской армии при росте дисциплины. Следует отметить, что количественно состав вооруженных сил за время работы немецкой миссии вырос вдвое за счет призывников. В этих условиях становилось более актуальным воспитание в индейских рекрутах чувства локтя и осознания ими места в строю в ущерб инициативе. Это правило было принято за аксиому и продолжало действовать с убитием миссии Г.Кундта. В годы мировой войны боевая подготовка солдат в боливийской армии свелась к обыкновенной муштре. Попытки самостоятельного приобщения к опыту Первой мировой войны для боливийских военных закончились провалом. Примером этому может послужить попытка создания летной школы в 1915 году. В два последующие года в Испанию, Чили и Аргентину были отправлены три офицера для обучения летному делу. Еще два года спустя конгресс выделил средства для создания школы военных летчиков. Вторая попытка создания военной авиации окончилась неудачей из-за восстания республиканцев, которые, опасаясь, что самолеты будут использованы против них, вывели их из строя. Стагнация либерального режима привела к тому, что армия в своей массе осталась нейтральной во время восстания республиканцев. Новому президенту Х.Б.Сааведре была совершенно очевидна необходимость повышения боеспособности армии, роль которой при новом режиме должна была вырасти. Республиканцы восстановили роль национальной полиции, приниженную в период господства либералов. Она перестала играть ту роль, которую имела при консерваторах и превратилась в структуру по поддержанию порядка. Единственным ее военизированным подразделением стал сформированный президентом Х.Б.Сааведрой, специальный батальон карабинеров, который

обеспечивал личную безопасность президента. Наличие этой автономной структуры обеспечивало свободу рук главе государства в отношении военных.

Х.Б.Сааведра считал, что вооруженные силы должны стать весомым аргументом на переговорах о судьбе Такны и Арики. Пришедшая к власти в результате военного переворота Республиканская партия не доверяла генералам, многие из которых возглавляли либеральные правительства. Она нуждалась в аполитичном, опытном боевом командире, который мог бы реорганизовать армию, используя опыт мировой войны, и повести ее к новым победам. Агрессивная внешняя политика третьестепенной державы вызвала непонимание у стран-победительниц, охваченных антивоенными настроениями. Не желая провоцировать новый региональный конфликт, они отказались послать в Ла-Пас военную миссию. Вместе с тем, авторитет немецких военных в мире оставался велик. В этих условиях правительство Боливии решило пригласить в страну несколько германских офицеров. Генерал Г.Кундт полностью удовлетворял требованиям нового режима. По рекомендации *роска* и офицеров-республиканцев Х.Б.Сааведра пригласил его на действительную военную службу и присвоил чин полного генерала. Несмотря на энергичные протесты французского посланника, он в 1920 году вступил в должность.

ГЕНЕРАЛ ГАНС КУНДТ

Генерал Ганс Кундт родился 28 февраля 1869 году в Ной-Стрелице (Мекленбург). Закончив в 1888 году Прусскую Военную Академию, он долгое время работал в Германском Генеральном Штабе. В 1911 году он был направлен во главе немецкой военной миссии в Ла-Пас, где в течение 3 лет занимался переучиванием боливийской армии с французских уставов на прус-

ские. Выдающиеся организационные способности и работоспособность главы немецкой военной миссии не остались незамеченными: его авторитет среди офицеров и *роски* был чрезвычайно высок. Отозванный с началом войны в Германию, Г.Кундт получил чин подполковника и полк ландвера на Восточном фронте. В 1915 году он стал начальником штаба X резервного корпуса. Г.Кундт окончил войну в чине генерал-майора, командуя бригадой на Восточном фронте. 30 апреля 1920 года он был демобилизован и как частное лицо прибыл в Боливию, где был восторженно принят *роской*, нуждавшейся в военном специалисте для реорганизации армии. Официальной целью поездки Г.Кундта была организация поселений немецких эмигрантов на принадлежащих Боливии неосвоенных территориях бассейна Параны и Амазонки. Окунувшись в атмосферу Ла-Паса, Г.Кундт поменял свои планы и возглавил Генеральный Штаб. В этой должности он пробыл пять лет, после чего получил портфель военного министра в кабинете президента Силеса.

Имевший за плечами опыт мировой войны, новый начальник Генерального Штаба вполне подходил на роль организатора армии. Обладая высокой работоспособностью и феноменальной памятью, немецкий генерал любил театральные эффекты. Он неожиданно инспектировал отдаленные гарнизоны, и в отличие от большинства боливийских офицеров пользовался любовью солдат. Большую часть своей военной карьеры Г.Кундт провел на штабной работе и прекрасно ее знал, умело организовывал снабжение и обучение войск, но его опыт командования боевыми операциями был невелик и сводился к частным операциям на Восточном фронте. Несмотря на ограниченный боевой опыт Г.Кундт был противником позиционной войны, которая, как он полагал, привела Германию к революции. Для помощи в обучении боливийской армии генерал пригласил несколько боевых офицеров кайзера. Среди них был будущий глава штурмовых отрядов капитан Эрнст Рем. После провала «Пивного путча» и расхождения с Гитлером, он пребывал не у дел. В 1928 году Рем, который всегда считал себя солдатом, а не политиком прибыл в Ла-Пас, где получил пост военного советника в чине подполковника. За время службы он в совершенстве овладел испанским языком.

Так или иначе, германский генерал стал сильной фигурой при первых президентах от Республиканской партии – Х.Б.Сааведре и Э.Силесе.

В своих воззрениях на строительство армии Кундт и его германские коллеги следовали мнению генерала фон Секта. В своей статье «Мысли солдата» руководитель рейхсвера утверждал, что война должна начинаться с внезапного нападения воздушных сил и небольшой, отлично вооруженной профессионально-народной армии. Эти взгляды во многом разделяли и другие ведущие теоретики того времени (Л.Гарт, Ф.Кюльман, Шалеа). Склонный к доктринерству генерал Г.Кундт во многом следовал этой теории при строительстве боливийских вооруженных сил. Из собственного боевого опыта он вынес убеждение о необходимости высокого насыщения войск автоматическим оружием и инженерными средствами. При этом он оставался последователем Мольтке и Шлиффена, полагая, что вооруженное столкновение с вероятным противником сведется к одной наступательной операции с решительными целями. В отличие от своих европейских коллег, оценивших опыт мировой войны и ставивших перед своими войсками задачу уничтожения живой силы противника, генерал Г.Кундт полагал выиграть войну с потенциальным противником (Чили или Парагваем) путем достижения абстрактных географических рубежей (соответственно, южной границы Атакамы или среднего течения реки Парагвай), игнорируя при этом географические условия. Вслед за ним многие высшие боливийские офицеры предпочитали воевать на карте, а не появляться на передовой. Ужасная организация связи приводила к тому, что их оперативно-тактические решения не совпадали с реалиями Чакоской войны. Мировая война способствовала как изменению тактики вооруженных сил, так и появлению новых видов вооружения. В 20-е годы Боливией был создан новый вид вооруженных сил – авиация. В 1924 году верховное командование Боливии официально объявило о создании военно-воздушных сил и летной школы. Для обучения первой боевой

эскадрильи была приглашена французская военная миссия. С нею было доставлено несколько учебных и боевых машин. По настоянию Г.Кундта она была вскоре заменена швейцарцами под руководством Ганса Хаберли. Лейтенант швейцарских ВВС Г.Хаберли в течение пяти лет создал на пустом месте боеспособную авиацию. При поддержке Г.Кундта ряд боливийских летчиков был послан на обучение в Германию, а в Голландии были закуплены самолеты *Фоккер*.

Изучив обстановку, в которой находилась боливийская армия, Г.Кундт нашел, что только 30% офицерского корпуса обладают необходимым уровнем военной подготовки, и предоставил Х.Б.Сааведре проект по их реорганизации. Президентским декретом от 22 января 1924 года боливийские смешанные бригады были переформированы в дивизию. Так было положено начало первому соединению боливийской армии, состоявшему из 6 полков. Некоторое время спустя была сформирована вторая дивизия. Теперь каждое из двух соединений состояло из трех пехотных, кавалерийского, инженерного и артиллерийского полков. Штат мирного времени каждого из них достигал 3000 человек, а военного – 10000. Переформирование старых частей сделали необходимым приобретение новых вооружений. В середине 20-х годов правительство Х.Б.Сааведры приобрело 50 станковых пулеметов *Кольта-Браунинга*, 100 ружей-пулеметов *Мадсена*, 8 мелкокалиберных зенитных орудий *Setag* и некоторого количества пистолетов-пулеметов *Бергмана*, *Фольмера* и *Шмайсера*. Последними планировалось вооружить штурмовые отряды, формировавшиеся пехотных полков. Состав и вооружение такого отряда (*stoss grupp*) и копировали германский опыт Первой мировой войны. Он состоял из двух групп:

– лёгкопулемётной (*lechte maschinengewehrtrupp*) в составе пяти человек, лёгкого пулемёта и четырёх пистолетов-пулемётов,

– штурмовой (*stoss trupp*) из семи стрелков, вооружённых карабинами или укороченными винтовками.

На основании опыта Первой мировой войны немецкий генерал внес существенные изменения в организацию боевых подразделений. Так, четвертые роты в батальонах были превращены в пулеметные, а полковая пулеметная рота – в инструкторскую. В военное время последняя должна была послужить базой для формирования штурмовых частей и депо пополнений. Кроме того, при полковом штабе были созданы взводы связи и разведки. При мобилизации в полку формировался третий батальон, управление пополнялось хозяйственными подразделениями и разворачивалась в штабную роту. Штат полка мирного времени едва достигал семисот солдат и офицеров, но после мобилизации он увеличивался втрое. У него на вооружении предполагалось иметь свыше ста единиц автоматического оружия и два пехотных орудия. Штаты инженерных полков повторяли пехотные с тем отличием, что в них было больше транспорта и шанцевого инструмента, но меньше пулеметов. Штат дивизии мирного времени предусматривал наличие четырехсот саперов. Их число с мобилизацией выросло в четыре раза. Дивизионные уланские полки состояли из трех сабельных и учебно-ремонтного эскадронов. Каждый из них представлял собой роту, усиленную взводом вьючных пулеметов. Штатная численность кавалерийского полка достигала шестисот человек. При мобилизации учебно-ремонтный эскадрон служил базой для пополнений и не участвовал в боевых действиях. Такая организация позволяла возрождать боливийскую конницу гораздо быстрее чем пехоту. Артиллерия мирного времени была представлена двумя дивизионными полками (в составе 5 горных артиллерийских и 1 зенитной батарей каждый) и группой полевой артиллерии (2 полевые и горная батареи). Исходя из опыта войны, штатное вооружение батарей было уменьшено на треть (с 6 до 4 орудий). Кадр артиллерии составлял всего семьсот солдат и при мобилизации вырастал вдвое.

При новом президенте – республиканце Э.Силесе (1926-30 гг) генерал Г.Кундт получил портфель военного министра. Этим назначением ознаменовался новый этап в истории вооруженных сил Боливии: был принят новый военный устав, который учитывал опыт мировой войны. В 1925 году была создана централизованная военно-медицинская служба. Вслед за этим была проведена реформа военного управления: вся территория страны была разбита на 6 военных зон, каждая из которых должна была стать базой для формирования дивизии. Причиной этому стал постепенный рост военной напряженности на границах страны. Первая военная зона имела штаб в Ла-Пасе и охватывала центральные районы столичного департамента. Вторая со штабом в Сукре включала департамент Чукисака и часть Кочамбамбы. Центром третьей зоны была Тариха, которой подчинялись военные гарнизоны департамента Тариха и частей департаментов Кочабамба и Санта-Крус. Четвертая зона с центром в Потоси охватывала горнорудный центр страны – департаменты Оруро и Потоси. К пятой военной зоне со штабом в Тринидаде относились часть департаментов Бени и Санта-Крус. В Шестую зону, штаб которой располагался в Риверальте, входил департамент Пандо и северные части департаментов Ла-Пас и Бени. По проекту Г.Кундта к 1930 году в каждой военной зоне должна была быть развернута бригада (половина дивизии). Ко времени инцидента в Вангардии это было начато только в первых четырех зонах, а в пятой и шестой стояли малочисленные гарнизоны.

Оснащение боливийской армии стало главной заботой президента Э.Силеса, который стремился найти в ней опору своей власти. Начиная с 1926 года, его правительство разместило заказы на заводах *Виккерса* в Великобритании. Заказ стоимостью 3 миллиона фунтов включал 15 самолетов, 2 танкетки *Карден-Ллойд*, 3 танка *Виккерс (2 пулеметных Mk.A и 1 пушечный Mk.B)*, несколько броневых автомобилей *Роллс-Ройс*, 36000 винтовок, 250 пулеметов *Виккерс*, 500 автоматических ружей *Виккерса-Бертье*, 196 артиллерийских орудий со снарядами и 40 миллионов патронов. Первая партия этого оружия поступила в Боливию в конце 1927 года. Его доставка превратила боливийскую армию в самую оснащенную армию Латинской Америки.

По мнению ряда военных экспертов, Г.Кундту удалось создать регулярную армию, отвечающую мировым стандартам. Как показали дальнейшие события, это была только видимость. Обученная немецкими советниками кадровая армия представляла собой внушительную силу, но ее резервы оставляли желать лучшего. С прибытием первых военных грузов началось комплектование третьей дивизии, а численность кадровой армии достигла 8600 человек. Частичная мобилизация, проведенная в 1927 году, позволила удвоить состав вооруженных сил, но прервало ход реформы Г.Кундта. Последний был вынужден направить свои усилия на формирование четырех новых пехотных, кавалерийского полков, трех инженерных батальонов и группы 105 мм горных гаубиц. К декабрю Боливии удалось сосредоточить на севере Чако Вторую Дивизию: 8000 солдат и 10 самолетов, а остальные части придвинуть к чилийской границе. Вместе с тем, сосредоточение войск на ТВД выявило неэффективность дивизионной структуры и ряд логистических проблем. Для боливийских условий громоздкая шестиполковая дивизия была неповоротливой. Несмотря на красоту схемы Г.Кундт осознал её нелепость и провёл реорганизацию соединений.

Спад напряженности в Чако предоставил Г.Кундту возможность их исправить и начать подготовку новых воинских контингентов. К середине 1929 года громоздкие дивизии были переформированы в 6 бригад, а 1 инженерный полк *Пандо* – в полк связи. К концу 1929 года боливийская армия состояла из 3 артиллерийских 5 кавалерийских, 4 инженерных и 13 пехотных полков, 3 отдельных батарей и 2 авиационных эскадрилий (20 самолетов).

Новым шагом в оснащении войск стала моторизация: создание автомобильного корпуса, который должен был насчитывать 600 машин. Этот шаг отражал осознание Г.Кундтом логистической проблемы. Однако, как и в случае с поставками оружия, для полной реализации этого проекта Боливии не хватило средств. Великий кризис вызвал снижение объемов экспорта и падение цен на олово. Это снизило финансовые возможности страны, но тем не менее армия получила часть заказанного оружия (танкетки, самолеты и пулеметы, а также часть артиллерийских орудий) на 1250000 фунтов.

Вероятно, что Э.Силес под давлением Кундта изыскал бы средства для оплаты поставок Виккерса и сохранил контракт. Однако, *роска*, поддержанная частью армии, считала его политику неприемлимой и добилась его ухода в отставку. Вместе с экс-президентом армейские посты покинули его приверженцы и все немецкие советники. Вооруженные силы подверглись чистке, сокращению и реорганизации. Так элитный полк *Камперо*, поддержавший экс-президента, был в полном составе направлен в Чако. Затем, в целях экономии, было уменьшено число батальонов в пехотных полках: с двух до одного, а эскадронов и батарей – с трёх до двух. Организационный состав соединений стал более хаотичным. Их штабы оказались разбросанными по всей громадной территории Боливии: Оруро и Ла Пас, Камачо (Чако), Муньосе (долине Пилькомайо), Санта-Крус (бразильской границе) и Тринидаде (департаменты Бени и Пандо). По штатному расписанию в рядах армии должно было числиться 9660 человек, включая 800 офицеров. Однако к моменту начала военных действий на довольствии состояло только 6418 едоков, в том числе 5539 боевого состава. Преемником Э.Силеса стал его политический оппонент – Даниэль Саламанка. Когда Генеральный Штаб обратился к нему за ассигнованиями для оплаты поставок, он отказался финансировать закупки у Виккерса дальше, мотивируя это материальными трудностями. Впоследствии он горько пожалел об этом. Как показали события, отсутствие необходимого количества автомобильного транспорта ограничило снабжение армии на Чакском ТВД, стало причиной ряда серьезных неудач на первом этапе военных действий и, в какой-то мере, решило исход войны. Хотя отставка генерала Г.Кундта, высылка германских советников, увольнение скомпрометированных связями с Э.Силесом офицеров, сокращение финансирования и урезание штатов сильно сказались на выучке армии, её мотивации и дисциплине, она всё ещё представляла собой слаженную боевую машину, вооружённую современным оружием.

Значительная часть солдат и офицеров кадровой армии были ветеранами освоения Чако, которое рассматривалась военными как область применения оружия. Многие из них, основываясь на своём опыте и наблюдением за парагвайцами, преисполнились чувством собственного превосходства, которое Э в определённой мере было даже обосновано: босые, оборванные и плохо вооружённые патачилас не шли ни в какое сравнение с бойцами Третьей и Пятой Дивизий.

Группа боливийских офицеров Второй Дивизии. Третий слева - подполковник Э.Пеньяранда. Капитан Москосо обведён кругом

6. «... любящие Отцы покинули нас давным-давно». (Из легенды гуарани об иезуитах)

Парагвай: история республики в междуречье Франсия и Лопесы. Конституция 1870 года. Эпоха каудильо. Националисты и либералы. Административный аппарат.

В отличие от Боливии Парагвай был колонизирован испанцами без особого кровопролития. Это произошло благодаря деятельности четвертого губернатора Парагвая (1542-1544 гг.) Альваро Нуньеса Кабеса де Ваки, который старался ограничить произвол конкистадоров в отношении местного населения. Его относительно гуманное отношение к аборигенам, позволило его отряду в 400 человек совершить без потерь пеший переход через тропические джунгли от острова Сан-Маргарита у побережья Атлантики до Асунсьона и исследовать среднее течение реки Парагвай. Невозможность прохода в Верхнее Перу через Чако и отсутствие месторождений драгоценных металлов привело к тому, что испанская корона потеряла интерес к этой территории. Столица Ла-Платы была переведена в Буэнос-Айрес, а сама провинция вошла в вице-королевство Перу. До прихода колонизаторов индейские племена занимали всю территорию страны. В Чако жили несколько десятков кочевых племен. Плодородные равнины Восточного Парагвая занимали индейцы племени гуарани, а менее благоприятные земли – низкие горные цепи и леса – родственные им племена аче. Тот исторический момент, в который сравнительно более благоприятные условия развития приобрели решающее значение для первых (в частности более гибкие формы организации и высокие демографические данные), стал началом регресса для вторых. Все более оттесняемые на вглубь сельвы они перестали развиваться. Быстрый прогресс соседей лишил аче земель, благоприятных для земледелия, и заставил перейти к охоте и собирательству, перемежающимся с набегами на поля соседей и кражей скота у испанцев.

С укреплением колониального господства испанцев и расширением колонизации обширных пространств Ла-Платы роль Асунсьона падает. Его функции все больше перетягивает на себя более удачно расположенный Буэнос-Айрес. Это сказывается и на его статусе. Отдаленность от Лимы привела к разделению в 1617 году провинции Парагвай на губернаторства Ла-Платы и Гуайра со столицами в Буэнос-Айресе и Асунсьоне. В 1776 году губернаторство Гуайра было подчинено вице-королю Ла-Платы и через шесть лет стало называться *интендансией* Парагвай. Не в пример империи инков, где испанцы встретили развитое классовое общество, в Парагвае господствовали родоплеменные отношения. Число конкистадоров, осевших в долинах Параны и Парагвая, было незначительным и не могло обеспечить интересы испанской колониальной империи перед лицом португальской экспансии с территории Бразилии. Эту роль на себя взял Орден иезуитов. Их господство в 1607-1768 годах определило особый путь развития парагвайского общества. Уже в 1587 году по приглашению доминиканского епископа Гуайры Алонсо Гуэры были приглашены первые три миссионера, которые заложили основы своеобразного и неоднозначного государства иезуитов. С 1610 по 1740 годы иезуиты основали 30 миссий – редукий, население которых достигло 141182 жителя. На территории охватившей долины Параны и Уругвая паслись тысячи голов крупного рогатого скота, доходившие до берегов Атлантического океана. Попадая в зависимость от иезуитов, индейцы бассейна Параны постепенно сближались с колонистами и «приобщались» к цивилизации. Одним из таких способов стала служба в милиции редукий. В период расцвета иезуитских миссий в их охране состояли более тридцати тысяч человек. Относительная легкость «приручения» земледельцев – гуарани способствовала их сближению с европейскими поселенцами. Это симбиоз стал основой для возникновения парагвайской нации. Одновременно с этим у «цивилизован-

ных» индейцев увеличивался антагонизм с их «дикими» сородичами, как аче, так и гуарани. Процесс этнического поглощения последних сопровождался созданием нового социального слоя, который складывался из дикарей, попавших в долговую кабалу от оседлых жителей, как белых, так и индейцев. Процесс поглощения «диких» племен длился практически до конца XX века. Так, из описанных в самом начале XX века австро-венгерским этнографом А.В. Фричем племен, к середине века исчезло более десятка. Многие из них были ассимилированы гуарани, чему способствовали их особые психо-этнографические воззрения.

Несмотря на жесткий диктат со стороны миссионеров, редукции обеспечили значительный культурный прогресс среди индейцев, которые получили представление о технических достижениях Европы и смогли в значительной степени сохранить свою самобытность. Знакомство с европейской цивилизацией получили и дикие племена, вошедшие в торговые отношения с иезуитскими миссиями. Иммиграция австро-венгерских, немецких и швейцарских ремесленников только способствовала этому. Каменное строительство, производство пороха, чеканка монеты и запуск первого в Южной Америке печатного пресса в 1700 году – вот основные вехи просветительской деятельности иезуитов. Антиклерикальные настроения в Европе и колониях, а также Мадридский договор 1750 года, по которому часть владений иезуитов перешла Португалии, привели к исчезновению этого государства. В результате высылки иезуитов в 1767 году их владения перешли в руки энкомьендерос – правящей верхушки Асунсьона, под управлением которых численность населения редукций снизилась к моменту независимости до 41000 человек, в то время как остальное население Парагвая составляло 104000 человек. Политическое развитие и наличие полуавтономных латифундий на территории интендансии способствовали росту сепаратистских настроений среди местного правящего класса. Несмотря на свою малочисленность (в 1794 году население Асунсьона составляло всего 2500 семей, из которых 300 можно было отнести к аристократии) местная элита сумела в своих руках сосредоточить всю власть в провинции. Автономистские настроения особенно усилились после английского десанта в Буэнос-Айрес и Монтевидео в 1806-1807 гг., в отражении которого участвовал отряд из 850 парагвайцев. Разгромив своими силами, экспедиционные корпуса Бересфорда и Уайтлока, многие местные креолы осознали, что испанская власть в колониях ослабела и выдвинули лозунг независимости.

Майская революция 1810 года на Ла-Плате заложила основы независимости Парагвая, упрочившейся после поражения экспедиции аргентинского генерала Мануэля Бельграно. Зимой 1811 года власти Буэнос-Айреса от имени Соединенных провинций Ла-Платы организовали войско из 1,5-2 тысяч человек для покорения «реакционного» Асунсьона, вся вина которого заключалась в том, что он не хотел признать политическую и торговую монополию портеньо. Поражения экспедиции не только способствовали укреплению власти креольской аристократии, отстранившей испанскую администрацию, но и победе сепаратистских настроений внутри парагвайского общества. После сложной политической игры к власти пришел д-р Хосе Гаспар Родригес де Франсиа, спекулировавший на суверенитете Парагвая. Он постепенно устранил всех своих конкурентов и установил диктаторский режим (1814-1840 гг.). Представляя наиболее радикальное направление в освободительном движении испанских колоний, Франсиа пошел в его реализации гораздо дальше своих современников. Под его руководством Парагвай не только отстаивал свою независимость, но и пошел вперед в своем социально-экономическом развитии. Политика диктатора способствовала консолидации парагвайского государства и ее можно рассматривать как незавершенную «революцию сверху», направленную на уничтожение пережитков колониального режима.

В самом начале своего правления пожизненный диктатор, принявший титул *El Supremo*, основал 18 государственных хозяйств, получивших название *эстансий родины*. поголовье скота в них исчислялось сотнями тысяч голов. За годы *Franciata* их количество выросло до 64, а доход достиг 64000 золотых песо. Однако основную часть бюджета страны давали пошлины

на вывозимые из страны продукты: шкуры, йерба – мате, хлопок. В отличие от бедственного состояния финансов других латиноамериканских стран наличность в парагвайском казначействе с 1815 по 1840 годы выросла с 107 тысяч золотых песо до 1 миллиона. Тем не менее самоизоляция страны, централизация и регламентация народного хозяйства, режим личной власти Франции тормозили политическое развитие общества, его демократических институтов.

Это сказалось на судьбах Парагвая после смерти Франсии, на смену которому пришла диктатура Лопесов, отца и сына. В период их долголетнего правления (1841– 1870 гг.) процесс социально-экономического развития Парагвая вступил в новую фазу. Первым шагом к этому было прекращение самоизоляции страны. Уже в 1845 году парагвайский экспедиционный корпус принял участие в войне против аргентинского диктатора Росаса. После официального провозглашения независимости Парагвая II Национальным Конгрессом в ноябре 1842 года ее признали Боливия в 1843 году, Бразилия в 1844 году и Аргентинская Конфедерация в 1852 году. Поражение аргентинского диктатора Росаса при Монте-Касерос открыло судоходство по Паране и установлению отношений Парагвая с США, Англией, Францией и Сардинией. Их развитию способствовала практика посылки граждан страны на учебу, носившая название *технической программы*. Всего за годы президентства Лопесов в Европе получили высшее образование 53 парагвайца. В дополнение к ним в Асунсьон приехало несколько десятков иностранцев, основавших современные предприятия. Экспорт Парагвая за период 1851-1861 гг. вырос с 341000 до 1700000 золотых песо, в то время как импорт с 231000 до 1074000. Пропорционально росли и таможенные пошлины, дававшие 345000 песо в год. На протяжении первого периода своей независимости (1810-1870 гг.) Парагвай имел положительное сальдо торгового баланса. Развитие внешнеторговых связей способствовало подъему экономики, в которой стали наблюдаться две противоположные тенденции: усиление роли государства и концентрация частной собственности в руках узкого клана лиц, связанных с диктаторским режимом. Процесс экономического развития Парагвая отличался своеобразием, обусловленным исторически сложившейся структурой сельского хозяйства – главной хозяйственной отрасли республики. При небольшом числе частных и государственных эстансий на селе господствовали фермерские хозяйства, основанные на личном и наемном труде. Парагвай с миллионным населением был наиболее образованной страной континента: в 1862 году 435 учителей обучали в школах 25000 детей.

Различие социально-экономических систем, а также отсутствие четко демаркированных границ и амбиции президента Ф.С. Лопеса способствовали возникновению войны Тройственного Альянса (1864-1870 гг.), опустошившей Парагвай и повернувшего его на путь большинства республик Латинской Америки. Несмотря на отчаянное сопротивление парагвайцев, призвавших в ряды своей армии даже женщин, страна потерпела катастрофическое поражение. Число жителей за время войны из-за голода и болезней уменьшилось до 230000 человек, из которых только 29000 составляли мужчины и 106000 – женщины. Республика была оккупирована бразильскими войсками и была на грани поглощения Аргентиной и Бразилией. Только ювелирное лавирование между империей и конфедерацией позволили послевоенным парагвайским политикам сохранить независимость страны. В конце концов Парагвай сохранил свою независимость, но вынужден был уступить 156 тысяч квадратных километров – половину своей территории Бразилии (территория Пунта-Поран на юге Мату-Гросу) и Аргентине (междуречье Пилькомайо и Беремехо) и выплатить контрибуцию в 236 млн. песо. Бразильский гарнизон размещался в столице республики до 22 июля 1876 года. Аргентина гораздо раньше вывела свои войска, оставив небольшой отряд в Вилье-Оксиденталь, расположенной в месте слияния рек Пилькомайо и Парагвай.

Сразу после окончания войны союзники превратились в соперников за влияния в Парагвае. Это стало причиной сохранения независимости страны: каждая из держав-победительниц противодействовала экспансии другой. Так, бразильцы сразу отвергли кандидатуру арген-

тинского генерала, парагвайца по происхождению, Х.А.Гелли-и-Обреса на пост президента страны. Избегая открытой конфронтации, дипломаты обеих стран пытались поставить под контроль парагвайское правительство, поддерживая тех или иных политиков. Пришедшие к власти противники режима Лопесов попытались создать модель общества, основанную на принципах либерализма и свободного предпринимательства. Дальнейшее его развитие привело к возникновению двухпартийной системы в стране и проникновению иностранного капитала в ее экономику. 22 июля 1869 года в Национальном Театре собрались 130 представителей парагвайской общественности, которые из своей среды выбрали 21 депутата. Они избрали пятерых электоров, которые, в свою очередь, должны были назначить трех триумвиров временного правительства. За несколько месяцев до этого события возникли две основные политические группы, которые в течение всего последующего времени определяли политическое развитие страны. Так, 31 марта 1869 года возник Клуб Союз за Республику под председательством Фернандо Итурбуру. По официальным данным он насчитывал 338 членов, но активной политической деятельностью занималась только треть из них. В клубе были как сторонники режима Ф.С.Лопеса (*лопистас*), так и 74 легионера, которые активно воевали в рядах союзных войск против диктатуры Ф.С.Лопеса. 26 июня их противники во главе с Э.Декудом создали Народный Клуб. Он состоял из 50-60 представителей креольской верхушки, из которых только девять были легионерами. Ориентирующемуся на Аргентину Народному Клубу удалось провести в состав электоров трех своих представителей, в то время как сторонникам Ф.Итурбуру только одного. Бразильский посол в Парагвае Х.М. Сильва Параньос был разочарован результатами и вмешался в выборы. В результате этого в триумвират вошли по одному представителю от клубов и независимый кандидат. Однако, вскоре сторонникам Декуда удалось занять все руководящие посты во временном правительстве.

Создание временного правительства и назначение выборов на 3 июля следующего года привели к существенной перегруппировке внутривластных сил. Так, в Народный клуб вошли члены нескольких богатейших семей страны и десять членов Клуба Союза. На 23 марта 1870 года, когда он был преобразован в Большой Народный Клуб, в нем числилось 52 члена, среди которых было четырнадцать экс – легионеров. Его печатным органом газета *Возрождение*. 24 марта включился в предвыборную борьбу, Клуб Союза за Республику (издававший газету *Голос народа*), который воспользовался сменой названия конкурента и стал называться Народным Клубом. Отличительной чертой парагвайской политической жизни этого периода была исключительная молодость политиков. Конституционный Конвент открылся 15 августа. В нем преобладали сторонники Большого Клуба. Спустя 16 дней его руководители, опираясь на большинство, попытались захватить власть, но попытка конституционного переворота была пресечена бразильскими войсками, а руководящие посты в администрации перешли к их политическим противникам. Вмешательство оккупантов привело к тому, что 58 деятелей Клуба (из 81) отошли от активной политической деятельности.

Конституция 1870 года предусматривала установление в Парагвае президентской республики. Главой государства и правительства являлся президент, формировавший кабинет из вице-президента и пяти министров (внутренних дел, внешних сношений, финансов, юстиции и войны и флота). В годы Чакоской войны их ряды пополнились министром экономики. Вице-президент, как правило, часто играл важную роль в правительстве, представляя старую гвардию правящей фракции. Законодательная власть осуществлялась конгрессом, состоявшим из сената (1 сенатор от 12000 избирателей) и палатой представителей (1 депутат от 6000 человек). Первый послевоенный президент страны С.А.Риварола оказался бразильской марионеткой и составил свой кабинет из членов Народного Клуба. Ему не удалось долго продержаться у власти: он вскоре был отстранен более сильными политиками. В Парагвае начался короткий период господства *каудильо*. Он сопровождался постоянным вмешательством соседей во внутреннюю политику страны и гражданской войной. В 1871-1873 годах банкирский дом Бэринга

предоставил республике «восстановительные» займы на сумму 3 миллиона ф.ст. Из них только 800000 достигли казначейства и пошли на выплату контрибуции, а остальные были разворованы. Следует отметить, что, несмотря на жажду власти, Б.Ферейра и Х.Батиста Гиль были патриотами своей страны и, используя противоречия держав-победительниц, смогли добиться прекращения оккупации страны. Еще 9 февраля 1872 года Республика заключила мирный договор с империей, по которому передавала ей 62325 квадратных километров своей территории в обмен на гарантию независимости. 20 мая 1875 года был заключен мирный договор Соса-Техедор, по которому республика отказывалась от прав на Мисьонес и часть Чако в пользу Аргентины в обмен на снижение размера контрибуции. Империя выразила резкий протест против такого капитулянтского соглашения. Следствием этого стала эскалация напряженности и пересмотр условий мирного договора. В феврале 1876 года было заключено более выгодное для Парагвая соглашение Мачайн-Иригойен. Таким образом, вследствие внешнеполитических маневров размер контрибуции снизился, а стране была гарантирована независимость.

Изменение политической структуры привело к коренной ломке социально-экономической жизни Парагвая. Некоторое экономическое оживление началось при Х.Б.Гиле, который после прекращения оккупации сделал упор на хозяйственные реформы. Главный упор в них делался на крупных земельных собственников, производивших экспортную продукцию: *йерба* – *матэ*, табак, хлопок, скот и древесину. Главная проблема заключалась в финансах: полном отсутствии кредита и наличных капиталов. Еще одну проблему составляла текущая задолженность правительства державам-победительницам. Правительство Х.Б.Гиля попыталось решить значительную часть финансовых проблем путем введения налога с продаж, монополии на соль, табак и мыла, а также выпуска бонов внутреннего займа. Одновременно его правительство попыталось разместить в Лондоне новый заем. Безудержный выпуск бумажных денег привел к гиперинфляции и стагнации экономики. Положение ухудшилось после окончательного вывода бразильских войск из страны, являвшихся одним из основных потребителей продовольственных излишков. Экономический коллапс 1876/7 годов привел к краху *каудильизма* и заложил основу двухпартийной системы.

Этот механизм окончательно сформировался в 80-е годы XIX века под непосредственным влиянием генерала Б.Кабальеро. Авторы Конституции 1870 года находились под влиянием идей Джефферсона, рассматривавшего нацию как ассоциацию свободных фермеров. Экономические условия 1882 года сильно отличались от теории. Недостаток средств, протекция и отсутствие квалифицированных специалистов были большим местом государственного аппарата. В 1887 году в стране было только 14 врачей. Ситуация усугублялась низким уровнем развития производительных сил: большинство фермеров вели натуральное хозяйство. Значительная их часть даже не имели документов на владение землей, которую они обрабатывали. Несмотря на это многие из ранее обработанных земель лежали впусе. Только немногие производили продукцию на продажу. Стремясь к получению прибыли, их владельцы культивировали экспортные товары: древесина, скот, шкуры, табак, *йерба* – *мате*, танин и в небольших количествах хлопок и сахар. Вследствие этого в экономике страны сложилась ситуация, вследствие которой четверть ее импорта составляли продукты питания. Парагвайская промышленность была представлена кустарями, изготавливавшими мебель, кожаные изделия, бумагу, чернила и одежду. В стране не было банков, а международный кредит был исчерпан. Министр финансов выпускало ничем необеспеченные денежные знаки.

Политическая стабильность, обеспеченная приходом Б.Кабальеро и его партии к власти, позволила восстановить экономику страны. Инициатором хозяйственных реформ стал Х.С.Декуд, получивший пост министра финансов. Его первые шаги привели к полной денационализации государственного сектора и росту латифундий. Так, после принятия в 1883 году закона о продаже земли были распроданы 10000 квадратных лиг (27 млн.гектаров) по цене 6000 золотых песо каждую. От продажи государственных имуществ было выручено 62 миллионов золо-

тых песо, позволивших покрыть значительную часть долгов. Другим важным элементом программы Х.С. Декуда стало привлечение иммигрантов и иностранного капитала. К 1890 году 79 зарубежных инвесторов приобрели 6,4 миллиона гектаров. Значительная часть продаж пришлась на Чако (в Восточном Парагвае 11 инвесторов приобрели только 100000 гектаров). Распродажа земель позволила Б.Кабальеро укрепить свою политическую базу – часть их попала в руки его сторонников. Таким образом земельная олигархия оказалась связанной с правительственным аппаратом. Этот механизм существовал до тех пор, пока государственный земельный фонд не оказался полностью исчерпан. Внедрение иностранцев в экономику страны дало сильный толчок ее социальному развитию. Так, вскоре в Асунсьоне открылась торговая палата. В 1878 году открылась высшая элитная общественная школа – *Collegio Nacional*, а четыре года спустя – университет. Уже в 1889 и 1890 годах бюджет страны, составлявший 5-6 млн. песо, сводился с положительным дефицитом (соответственно, 128000 и 315000 песо при государственном долге в 27 миллионов). При наличии в стране 300000 граждан (общее население – 430000 человек, включая индейцев) поголовье скота превысило миллион. Росло число иммигрантов. Так, в 1890 году в страну въехало 5957 человек, из которых 1657 были итальянцами, 1342 немцами. Недостаток населения привел к очень либеральной иммиграционной политике. До середины XX века это была одна из редких стран, в которую можно было получить въездную визу даже при отсутствии денег. Однако, столкнувшись с естественным и политическим климатом в стране, беднейшая часть переселенцев старалась при первой же возможности эмигрировать в соседние страны – Аргентину и Бразилию. Исключение составляли переселенческие колонии, такие как меннонитов или выходцев из славянских стран Европы. Так возникли славянские анклавы в Кармен-дель-Парана и Фраме. Однако для большинства бедных европейцев Парагвай оставался «пересадочной станцией Южной Америки».

Возрождению экономики страны способствовало строительство в 1889 году в Пуэрто-Касадо первого в Южной Америке завод по производству экстракта *квебрахо*, первая партия которого (350 тонн) была вывезена в 1900 году. Тем не менее концентрация основных богатств страны – земли и скота не достигли таких размеров, как в Бразилии. В первой половине XX века из 39000 животноводческих хозяйств, только 1500 имели стада свыше 400 голов. Тридцать тысяч беднейших скотоводов владели только десятой частью поголовья. Таким образом, олигархию составляли шестьсот скотоводов, владеющих более 1000 голов, владели двумя третями всего поголовья скота, из них только 12 владели более 20000 голов каждый. В области землевладения 154 латифундиста контролировали 547000 гектаров, составлявших 35,3% всех сельскохозяйственных угодий. В то же время 45000 фермеров с наделами менее 5 гектаров владели 124000 га (около 8%). Благодаря предпринятым либералами мерам внешний долг республики снизился до 850 тыс. ф.ст. в 1895 году. К 1902 году он вновь вырос до 6 миллионов фунтов, но к 1932 году опять снизился до 830000. Основная часть этой суммы была погашена путем учреждения Англо-Парагвайской скотопромышленной компании, которая стимулировала внедрение англо-аргентинского капитала в парагвайскую экономику. Ориентация на экспорт, разработка источников местного сырья: *йерба-матэ* (парагвайского чая) и *квебрахо* способствовали росту активности населения в хозяйственной сфере. К 1890 республика практически оправилась от войны, но стала больше напоминать остальные страны Латинской Америки: та же борьба между *каудильо* за власть, зависимость от иностранного капитала и ориентация на сильных соседей. К 1887 году система политических клубов и фракций *каудильо* окончательно изжила себя. На их месте возникла двухпартийная система, представленная оппозиционным Демократическим Центром (позже Либеральная партия, основан 2 июля) и Национальной республиканской ассоциацией *Колорадо* во главе с Б.Кабальеро (основана 25 августа). Обе политические организации имели схожие корни и идеологию: их отличало только одно – отношение к власти. Сторонники *Колорадо* стремились любыми средствами удержать свои во власти, в то время как либералы – сместить их. Эта борьба сопровождалась грызней фракций внутри самих

партий. Так, с 1887 по 1904 годы внутри колорадос соперничали *кабальеристы* и *цивилисты*. Это даже привело к введению поста второго вице-президента.

1894 год ознаменовался прямым вмешательством Бразилии во фракционную борьбу. Ее правительство приложило целый ряд усилий для того, чтобы не допустить к власти Х.С.Декуда. Следствием этого стал раскол *колорадос*, часть которых примкнула к либералам. Авторитет генерала Б.Кабальеро некоторое время цементировал его сторонников. Однако с истощением земельного фонда его политическая база стала сужаться. Восстание либералов в 1904 году стало роковым для созданного им политического режима. Оказанная Аргентиной широкая поддержка и раскол внутри *колорадос* обеспечили победу либералов. Их лидеры оставили государственный аппарат страны неизменным, заменив сподвижников Б.Кабальеро своими сторонниками.

Министерство внутренних дел (*Ministerio del Interior*), созданное еще в 1869 году, ведало полицией, которая была организована при оккупации по образцу Национальной гвардии Бразилии. В ее ведении находилась и пограничная охрана, и контроль за «дикими» индейцами. После победы либералов полицейские силы страны были увеличены до тысячи человек и реорганизованы. Из ведения министерства внутренних дел был изъят контроль за «дикими» индейцами, а сама полиция разделена на столичную и сельскую примерно равными по численности. С этого момента начальник полиции Асуньсьона стал восьмым по значимости чиновником в государстве. Ему подчинялись полицейские столицы и столичного департамента, организованные по лондонской модели. В условиях политической нестабильности важным инструментом правящей фракции стал департамент расследований, выполнявший роль криминальной и политической полиции. Однако этого оказалось недостаточно: вскоре в прямом подчинении префекта Асуньсьона появились части военизированной полиции. Они получили на вооружение пулеметы и по выучке не уступали армейским подразделениям. Вмешательство военизированной полиции предотвратило не один путч военных. К 30-м годам XX века она состояла из пехотного батальона и эскадрона кавалерии. Изменилось и административное деление страны. Из прежних 25 департаментов были созданы 13 (12, включая столичный, – в Восточном Парагвае и один – в Чако), которые состояли на 30 партидо (округов) и 1293 комиссианадо (селений). После 1904 года примерно пятьсот полицейских были распределены по 11 департаментам Восточного Парагвая. В каждом из них было создано полицейское управление (командансия). Порядком в Чако заведывали военные и частные компании, имевшие собственную военизированную охрану.

В пограничных районах Восточного Парагвая были развернуты 7 субкомандансий, которые осуществляли патрулирование сухопутной границы. Существенной частью провинциальной полиции были подразделения портовой стражи, которые располагались во всех портах страны и имели в своем распоряжении около десяти моторных катеров. Их малочисленные посты на суше осуществляли иммиграционный и таможенный контроль. Поскольку на западном берегу реки Парагвай контроль осуществлялся военными, портовые полицейские оказались единственными сотрудниками МВД в Чако. В организационном отношении они подчинялись местным полицейским хефе (командантам). За четверть века с момента прихода либералов к власти численность сельской полиции выросла вдвое и сравнялась по численности со столичной.

Министерство внешних сношений (*Ministerio de relaciones exteriores*) было основано в 1870 году. Авторитет этого министра в правительстве был невелик. Министерство финансов (*Ministerio de hacienda*) было образовано одновременно с МВД 26 августа 1869 года. Помимо фискальных органов, важнейшим из которых в годы Чакской войны стало учрежденное в 1916 году обменное бюро (*Oficina de cambios*), в него входили дирекция статистики (*Direccion General de Estadistica y Censo*), сельскохозяйственная дирекция (*Direccion de agricultura y defensa agricola*) и служба государственного контроля (*Controloria del Estado*). 30

июля 1926 года службы министерства пополнил департамент колонизации (*Departamento de tierras y colonizacion*), созданный Элигио Айялой для снижения земельного голода в Восточном Парагвае. Министерство юстиции (*Ministerio de Justicia, Culto e Instruccion Publica*) возникло в 1870 году и занималось помимо основных функций – отправления правосудия, организацией общественных работ, вопросами образования и здравоохранения, а также культурами и спортом.

Авторитет военного министра в правительстве зависел от степени его влияния на армию. Как правило, ставленник министра обороны управлял и центральным военным округом. Важную и часто независимую роль играло управление речным флотом, а также с некоторых пор и специальные части (артиллерия и инженеры) и военное училище. Тоталитарное сознание, культивировавшееся в сознании индейцев – гуарани, основного населения Парагвая, сначала иезуитами, затем Х.Г.Р.Франсией и Лопесами, привело к тому, что в политической жизни страны стала участвовать узкая прослойка, состоящая из креолов, интеллигенции и зажиточной части эмигрантов. За 60 лет с момента гибели Ф.С.Лопеса до начала конфликта в Чако в стране сменился 41 президент. Хотя последствия войны быстро перестали сказываться на демографической и экономической ситуации, население страны составляло в 1890 году 300000 человек, не считая 60000 «цивилизованных» индейцев. Большинство населения сосредоточилось в радиусе 100 км от столицы. В лесах бродили около 70000 «диких» индейцев. Несмотря на тропические болезни: малярии, лихорадку денге, *сусто* и *ура*, население страны постоянно росло, хотя средний возраст парагвайцев того времени составлял всего 24 года. Даже эпидемия холеры, которая в 1886-1887 годах охватила Асунсьон, в котором проживало только 14 врачей, не смогла остановить этот рост. Через 22 года в стране свирепствовала бубонная чума, но на этот раз с ней удалось справиться быстрее. В 1927 году в Асунсьоне возник первый медицинский научный центр – институт педиатрии и гигиены детей. К 1930 году в Парагвае было 66 больниц с 1900 койками, 650 врачей, 191 дантист, 409 медицинских сестер и 150 ветеринаров.

С внедрением иностранного капитала в экономику Парагвай модернизировался. Уже в 1876 году в стране количество начальных школ достигло 350 (из них 30 для девочек), в которых училось 12000 учеников (2000 девочек). К началу XX века число учащихся возросло до 25247, а число учителей достигло 752. 5147 школьников и 205 педагогов проживали в столице. Через тридцать лет после этого ситуация в стране ненамного улуччилась: в стране имелось более пятисот учителей на более чем 55000 учащихся.

В 1877 был основан *Colegio Nacional*, первая средняя школа в стране. В ней учились многие политики времен Чако, а через три года вновь открылась католическая семинария *Seminario conciliar*.

В 1889 году в Асунсьоне открылся университет с медицинским и юридическим факультетами с 23 профессорами и 174 студентами. В 1921 году было основано научное общество Парагвая, объединившее научные кадры страны. Однако просвещение медленно распространялось на периферии: к 1942 году три четверти сельских жителей были неграмотными. Это сказывалось на тиражах и количестве печатных изданий, число которых в годы войны достигло 32. Наиболее крупными из них были газеты *El Pais* (основана в 1923 году, тираж – 20000 экз.) и *La Tribuna* (1925 год, 25000 экз.).

В начале XX века в стране было 252 километров железных дорог с широкой колеей, соединявших столицу с Энкарнасьоном и Аргентиной. Ее владельцы (сначала, Луис Патри, а затем английская компания *Perry, Cutbill, de Lungo & C°*) оказывали серьезное влияние на местных политиков. Уже в 1901 году на 1504 предприятиях Парагвая работало 2250 рабочих и имелось 2298 торговых домов. В столице действовали две трамвайные и две телефонные компании, судовой завод, три кирпичных и два мыловаренных завода. Основным богатством страны продолжал оставаться крупный рогатый скот, поголовье которого вдвое превышало население страны. Значительную часть правящей элиты составляли *эстансьеро* – крупные скотоводы. Бюджет республики, в связи с тем, что внешние источники финансирования были

закрыты, достигал примерно 5 млн. песо и был сбалансирован. В обращении находились золотые и серебряные монеты аргентинской чеканки. В финансовой сфере изначально господствовали два банка с англо-аргентинским капиталом: *Banco del Paraguay* (1884-1892), *Banco del Paraguay y Rio de la Plata* (1889-1895) и Коммерческим банком Луиса Патри, впоследствии слившимся с первым из них. В 1890 году министр финансов выпустил первые парагвайские банкноты на 2 миллиона песо, однако банки отказывались их принимать к оплате. Кризисные явления привели к ликвидации этих банков: им на смену пришли государственный *Banco Agricola del Paraguay*, основанный в 1892 году, частный *Banco mercantil*, основанный голландским эмигрантом А.Плате и отделение французского *Banco Frances del Rio de La Plata*. В эти годы начался выпуск необеспеченных бумажных денег, который продолжался с перерывами до гражданской войны 1922-23 годов. Уже к началу XX века государственный долг составил 6 миллионов фунтов стерлингов в пять раз превышал доходы бюджета. Перед первой мировой войной английские капиталовложения в парагвайскую экономику составили 3.2 миллиона ф.ст., а аргентинские – 6 миллионов ф.ст. К 1905 году главные населенные пункты были соединены телеграфными линиями. Всего в стране насчитывалось к этому времени 24 отделений телеграфа, соединенных 1131 километрами линий.

Бурный расцвет был не только следствием иностранных вливаний, но и следствием благоприятной рыночной конъюнктуры. Аграрный Парагвай не затронули мировые кризисы XIX века. Даже кризис 1900 года в этой стране начался задержкой на три года. Эта задержка не сгладила его последствий: резко упал сбыт экспортных культур страны. Производители считали причиной экономического спада не явления экономического порядка, а налоговую политику *колорадос*. Либералы требовали введения политики *laissez faire*, а иностранные инвесторы отмены ограничений на вывоз капитала. Крестьяне хотели снижения налогов, лавочники – отмены государственных монополий, а интеллигенция – гражданских свобод. Все вместе они объединились для ликвидации монополии *колорадос* на власть.

Августовская революция 1904 года привела на волне народного недовольства Либеральная партия пришла к власти и провела ряд реформ. При либералах началось усиленное дорожное строительство и телеграфных линий. Всего до войны было проведено семь террапленовых дорог общей длиной в 1250 километров, количество отделений телеграфа возросло до 60, а телеграфных линий до 1828 километров. Все эти меры обеспечили приток иностранных капиталов в страну. Важными этапами в государственной монетарной политике стали учреждение либеральным правительством в 1908 году *Banco de la Republica* совместно с *Banco Frances del Rio de La Plata* и в 1916 году государственного Бюро обмена валют – *Oficina de Cambios*.

Однако в скором времени выяснилось, что либералы не лучше *колорадос*: монополии были заменены акцизами, а налоговое бремя почти не снизилось. Выигрыш получили только крупные землевладельцы и коммерсанты. Политическая нестабильность была хроническим явлением в Либеральную эру: Еще до прихода к власти она состояла из двух фракций: радикальной и умеренной (*сивикос*). Каждая из них дробилась на своеобразные «группы поддержки» того или иного лидера. Эта разобщенность было предопределена большим произволом латифундистов на местах.

«После 1904 года на северо-востоке Парагвая – районе зарослей кустарника *йерба* – исчезли последние следы власти, которую осуществляет государство по отношению к его жителям. Государство предоставило крупным компаниям по заготовке *матэ* солдат, которые были использованы для того, чтобы поджигать поселения индейцев, находившиеся поблизости от их владений...»

– так писал парагвайский публицист Бертони о Сьерре-де-Амамбай. Аналогичная ситуация наблюдалась в районе квебраховых разработок в Чако, в долине Апы и многих других местах. Местный латифундист становился *хефе политико* своего района и в соответствии с личным усмотрением поддерживал то одну, то другую фракции столичных либералов,

исправно поставляя им рекрутов для многочисленных гражданских войн в обмен на локальную политическую власть. Вследствие этого ни одно правительство не было стабильным.

В первые восемнадцать лет пребывания либералов у власти (с 1904 по 1922 гг.) Национальный дворец видел 15 президентов. За последующий такой же срок таких перемен было только шесть. Первым серьезным столкновением фракций был захват фракцией *cívicos* власти 1905 году. Три спустя года их лидер президент Б.Ферейра вызвал такое же недовольство, как и *колорадос*. Главной причиной падения *сивикос* был мировой экономический кризис 1907 года сильно ударивший по экспортерам. С 1910 по 1912 год страна была вновь ввергнута в хаос гражданской войны. Её инициатором был полковник Альбино Харой, выступивший против Мануэля Гондры. В этот раз основной причиной экономического краха Парагвая стал аграрный кризис, охвативший весь мир. Только после его окончания радикальная фракция, возглавляемая Э.Шерером, смогла пробиться к власти. На волне военной конъюнктуры гражданский мир в стране сохранялся восемь лет: танин, кожи, мясные консервы и хлопок были чрезвычайно нужны Антанте. Несмотря на определенный прогресс, платежеспособность Асунсьона всегда вызывала скепсис у инвесторов. Так, в декабре 1911 года в разгар аграрного кризиса во Франции было запрещено размещение займа правительства Парагвая, хотя его поручителями были Парижский кредитный банк и Международный банк по для выпуска и помещения ценностей (*International Issue and Investment Bank*). Основой для запрета стало несоответствие фактического положения вещей рекламному проспекту, а именно «неустойчивость правительства и задолженность страны». Правительство Э.Шерера пробовало приостановить процесс обесценения песо и предприняло ряд эффективных мер по снижению внешнего долга. В 1913 году он составлял всего 850000 фунтов. Тогда же было установлено золотое и серебряное содержание парагвайского песо – 1,697 грамма золота или 25 грамм серебра. Мировой кризис 1913 года не прервал рост экономики Парагвая, население которого быстро росло. Из-за военной конъюнктуры увеличился экспорт леса, экстракта квебрахо, йерба – мате, хлопка и сахара. Морская война привела к переориентации местного потребителя на аргентинские промышленные товары. Вместе с этим начался рост местной промышленности, которая начала перерабатывать местное сырье с помощью американских инвестиций. Так, появились текстильные предприятия, заводы по выработке танина и эфирных масел и развилась новая отрасль экономики – сахарная промышленность. Вместе с тем, произошло сокращение посевных площадей под зерновыми: дешевая аргентинская продукция разоряла местного производителя. Новые промышленники были удовлетворены экономической политикой президентов Э.Шерера и М.Франко. Первый из них принял деятельное участие в деятельности синдиката Фаркуара, который финансировал его приход к власти.

Эта компания образовалась в 1908 году и после победы Э.Шерера смогла установить контроль над компанией *La Industrial Paraguaya*, главного производителя *матэ*, а в последующие годы – Центральной железной дорогой *CALT* (трамваи и электричество). Одна дочерняя компания синдиката *Paraguay Land & Cattle C* получила в концессию 57000 квадратных километров, а другая *Central Product* – в 1917 году построила мясохладобойню в Сан-Антонио. Как выяснилось, процветание синдиката напрямую было связано с протекцией лидера радикалов. Уже в 1916 году *La Industria Paraguaya* перешла в руки англичан, а *CALT* – аргентинцев и итальянцев. Два года спустя синдикат обанкротился, а его имущество оказалось распродано. Земля и скот попали в руки британцев, а мясохладобойня в Сан-Антонио – другой североамериканской корпорации *IPC (International products corporation)*. Эта компания сменила в 1917 году таниновую компанию *New York & Paraguay C*, начиная с 1910 года владевшую концессиями в Пуэрто-Пинаско. Банкротство синдиката Фаркуара подорвало влияние Э.Шерера во фракции и его в 1919 году сменил давний противник – М.Гондра, который через год стал президентом. Борьба за власть между радикалами привела к отставке М.Гондры и расколола их на фракции *gondristas* и *schaereristas*. Президентом страны в 1921-23 годах стал компромиссный

кандидат Эусебио Айяла. Противостояние Гондры и Шерера вылилось в четырнадцатимесячную гражданскую войну, закончившуюся победой *gondristas*. Начиная с 1923 года, у власти беспрерывно находились её представители: *Элигио Айяла (1923-24, 1925-28 гг.)*, *Х. Гуджуари (1928-1932)*, *Луис Риарт (1925, 1932)* и *Эусебио Айяла (1932-36 гг.)*. Победившая фракция в последующие годы пожинала плоды экономического бума, связанного с повышением цены на хлопок. Если цена за тонну хлопка накануне I мировой войны составляла всего лишь 180 аргентинских песо, а в 1920 – только 80, то в 1923 году она выросла до 580. Это вызвало небывалый экономический рост, несмотря на то, что в следующем году цена снизилась до 350 песо за тонну. В последующие годы падение цен на хлопок продолжалось и к концу правления либералов достигло уровня 1920 года.

Когда великая депрессия сократила экспорт хлопка за пределы страны, этим воспользовался итальянский эмигрант-инженер Альберцони, основавший в Пиларе текстильную мануфактуру с 2000 рабочих мест. Вскоре она смогла удовлетворить внутренние нужды страны. Его примеру последовало еще несколько предпринимателей, воспользовавшихся прекращением импорта потребительских товаров. Следствием их экономической активности стал рост количества фабричных рабочих, число которых превысило 4000 человек. Только несколько сотен из них были квалифицированными специалистами, а остальные не сильно отличались от своих товарищей, работавших на скотобойнях и лесоразработках. К полутора десяткам тысяч рабочих по своему положению примыкала многотысячная масса ремесленников и мелких торговцев. Вместе с членами семей они составляли пятнадцатую часть населения страны. К ним примкнула интеллигенция, которая создала ряд радикальных организаций коммунистического (1928) и анархо-синдикалистского толка. При господстве либералов вырос средний класс, состоявший из служащих и верхушки мелкой буржуазии, также ориентировавшийся на новые ценности. Его идеологом стал Хуан Стефанич, основавший в 1928 году Лигу национальной независимости. Обе группы стали политически активны накануне Великого кризиса, который привел к сокращению традиционных рынков сбыта. Депрессия стала началом нового аграрного кризиса, в ходе которого произошло обнищание крестьянства. В его рядах новые политические силы стали вербовать себе сторонников. Возможное обнаружение нефти в Чако и экспансия *Стандард Ойл* в этот район вновь активизировали территориальный спор с Боливией. Внешние и внутренние неурядицы накаляли обстановку внутри правящей фракции. Страна требовала перемен, которых либералы под руководством Э.Айялы дать не могли.

ПАРАГВАЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: РЕЗУЛЬТАТ ВОЙНЫ С
ТРОЙСТВЕННЫМ АЛЬЯНСОМ

7. Страна высокой травы.

Страна и ее жители. Социальные и этнические особенности. Отношение к диким индейцам. Социальное неравенство в аграрном секторе. Сырьевой придаток. Торговля и финансы.

Парагвай в XX веке представлял собой наименьшее по числу жителей государство Южной Америки, не имеющее прямого доступа к океану. Это его объединяет с Боливией, однако реки Парана и Парагвай, омывающие границы этой страны доступны для океанских судов. Доступ к мировому океану этой страны зависит от ее южного соседа Аргентины, которая на протяжении почти двух веков претендовала в той или иной форме на гегемонию. Другим соседом Парагвая является Бразилия, граница с которой проходит по Паране и ее притокам Парагваю и Апе и горам Сьерры-ди-Амамбай. Северная граница Парагвая терялась в Чако, где виртуальным соседом страны была Боливия. Площадь бесспорной (восточной) части Парагвая, состоявшей из 12 департаментов (Вильета, Вильяррика, Ийху, Карагуати, Кааспа, Консепсьон, Куинди, Парагуари, Пилар, Сан-Игнасио, Сан-Педро, Энкарнасьон), составляла 158 000 квадратных километров. На западном берегу располагался единственный департамент – Чако, площадь которого представляла собой неизвестную величину, сравнимую с площадью остальных департаментов. Расположенный между 22° и 28° южной широты, в самом центре Южной Америки, Парагвай обладает типичным тропическим климатом. Средние годовые температуры 22-24°С. В связи с удаленностью от океана они сильно колеблются по сезонам, что особенно заметно на левом берегу реки Парагвай. Здесь летом (декабрь-февраль) жара достигает 27°С (максимум 40°С), однако при внезапном южном *суразо* температура может упасть до 8-10°С и сопровождаться сильной грозой. Зимой термометр опускается до 17°С, но по ночам может падать до 0°С.

Рельеф собственно Парагвая (территории лежащей в междуречье Параны и Парагвая) не представляет больших контрастов и может быть разделен на две основные части. Первая из них – восточная часть Парагвая занята базальтовым плато Параны, охватывающим также и Южную Бразилию (территории Понта-Поран и Игуасу, отторгнутые от Парагвая во время войны Тройственного Альянса). Это плато сложено слоистыми покровами темноокрашенной лавы, чередующейся с пластами красного песчаника. Его мягко-волнистая поверхность, понижаясь с высоты в 700 метров севернее 23 параллели до 300 метров у 25 южной широты, полого спускается к реке Паране, протекающей в глубоком каньоне. Западный край плато, протянувшийся в меридиональном направлении, обрывается к долине реки Парагвай и служит естественным водоразделом. На севере он четко выражен и носит название Сьерры-ди-Амамбай. Далее к югу он переходит в цепь возвышенностей из красного песчаника. Этот район получает наибольшее количество осадков – около 2000 мм в год. За исключением августа и сентября осадки равномерно выпадают в течение года. Второй район – левобережье реки Парагвай представляет чередование низменностей, протянувшихся из Гран-Чако, и разделяющих их холмов. На севере от долины реки Апы до города Консепсьон расположены холмистые предгорья, которые примыкают к Сьерре-ди-Амамбай. Последняя на западе представлена короткой, но самостоятельной сьеррой Кинсе-Пунтас, отвесные склоны которой в широтном направлении ограничены сбросами. Далее к югу от Консепсьона до реки Мандувира лежит большая, местами заболоченная низменность, отделенная от реки Парагвай прирусловым валом. Еще южнее, до реки Тебикуари, местность имеет пересеченный характер: эрозия отделила песчаниковые останцы от плато Параны. Глубокие эрозионные долины с почти отвесными склонами разделяют возвышенности из красного песчаника друг от друга. Между Тебикуари и Параной снова раскинулась болотистая равнина Неембуку. Осадков здесь выпадает больше чем в Чако,

но меньше, чем на плато Параны: 1200-1400 мм. Здесь уже ясно выражен зимний минимум, охватывающий четыре месяца с июня по сентябрь. Дожди выпадают в виде коротких и сильных ливней, сопровождающих грозы.

Главные реки Парагвая – Парана и Парагвай. Парана от верховьев до Энкарнасьона течет в глубоком каньоне и становится судоходной только после 90-километровой быстрины Сальто-Апипе, после которой начинается судоходство. Покинув каньон, Парана течет на запад, и ее берега быстро снижаются. Паводок на реке начинается в октябре и достигает у водопадов Игуасу 18-20 метров, хотя из-за крутых стен каньона больших разливов не бывает. Далее за Энкарнасьоном разлив реки достигает 20-30 километров. У города Кармен-дель-Парана Парану разделяют острова Харикета и Апипе, глубина которой падает местами до 1 метра, ширина достигает 0.5 – 1 километра, а скорость течения достигает 13 километров в час. За островами русло Параны расширяется и превращается в озеро. Здесь в реку впадает ее главный приток – Парагвай, направление которого она принимает. Река Парагвай пересекает страну в меридиональном направлении и является ее основной транспортной артерией. Ее спокойные желтые воды текут по плоской аллювиальной низменности. Извилистое русло с песчаными островами сопровождается широкими прирусловыми валами, за которыми находятся большие болота. В нижнем течении ширина реки достигает полутора километров, а глубина при впадении в Парану достигает 22 метров. Паводок на Парагвае – двойной. Первый подъем воды, вызванный разливом рек Чако, захватывает нижнее течение реки. Он начинается в октябре и заканчивается в декабре. Второй паводок сказывается в верхнем течении, где задерживается болотами, и только в мае-июне достигает устья. Наибольший спад воды бывает у Парагвая в конце зимы – августе и сентябре. Из притоков Парагвая судоходны только Жежуй и Тебикуари, два других больших левых притока – Ава и Акибадан порожисты. Важнейшим правым притоком Парагвая является реки Беремехо и Пилькомайо, текущие с Анд.

Сложный рельеф страны определяет разнообразие растительности. Плато Параны, где выпадает много осадков, и находятся плодородные вулканические почвы, занято лесами, которые не так густы, как амазонские *гилеи*. В этих лесах гораздо меньше лиан и эпифитов (в основном папоротники), и помимо вечнозеленых попадаются листопадные деревья. В местах, где на поверхность выходят красные песчаники, преобладают низкорослые древесные заросли. В этих лесах имеется целый ряд высоких деревьев с твердой древесиной, представляющей собой ценный строительный и поделочный материал (*Tecoma curiales*, *Cordia gerascanthus*, *Astronium urundeuva*, *Amburana cearensis*, *Tabebuia*, *Schinopsis balansae*, *Aspidosperma polyneuron*, *Balfourodendron redelianum* и других). Первое место среди растений плато по экономическому значению занимает парагвайский чай – *mate* (*Ilex paraguayensis*). Это кустарники и небольшие деревья от 4 до 8 метров высотой с густой раскидистой кроной и темными, блестящими листьями, из которых готовится напиток, распространенный в Бразилии, Аргентине и Уругвае. Другим интересным явлением являются рощи одичавших, выродившихся апельсиновых деревьев, протянувшиеся на десятки километров. Их горькие, несъедобные плоды имеют важное сельскохозяйственное значение – они идут на изготовление апельсинового масла. Аллювиальные равнины парагвайского левобережья заняты обширными влажными степями с высоким злаковым покровом и только вдоль русел рек перемежаются галерейными лесами. Севернее реки Ипане степи начинают напоминать бразильские *кампус*.

Как уже отмечалось выше, Парагвай перенес сильные демографические потрясения, связанные с конкистой, эпидемиями и войнами. После окончания последней из них он, благодаря природным условиям, не привлек сколько-нибудь значительной европейской иммиграции, и в нем, как и в Боливии, сохранилась структура населения, унаследованная с колониальных времен. Так, с 1909 по 1929 год в страну въехало 13000 европейцев, в основном немцев, итальянцев и испанцев, из них только половина осела в стране. Остальную часть эмигрантов составляли, в основном, аргентинцы, а также жители пограничных районов Бразилии. Общее число

их составило свыше 30 тысяч. Русских среди них было чуть более 0.5%. Тем не менее население страны постепенно росло. Если в 1871 году в Парагвае проживало 220 тысяч жителей, не считая индейцев, то в 1930 их было восемьсот тысяч. За эти годы число «мирных индейцев» тоже увеличилось, но не так сильно. Если в 1871 году их было 30 тысяч, то в 1900 году их стало 70. С этого момента размер популяции оставался на прежнем уровне. Что касается «диких индейцев», то их число быстро уменьшалось. Если в 1890 году их насчитывалось около 90 тысяч, то через сорок лет их осталось в шесть раз меньше.

Подавляющее большинство населения Парагвая составляли индейцы и метисы, говорившие сразу на двух языках: диалекте испанского и гуарани. Их большая часть проживала в деревнях по 100-300 домов. Типичное жилище парагвайского фермера – *чакра* имеет только три стены из сырцового кирпича, плоскую соломенную крышу на бамбуковых жердях и земляной пол. Двор перед жилищем обносится плетнем из тростника или бамбука. К ней, как правило, прилегает небольшой участок земли, на котором выращиваются местные корнеплоды и овощи. Несмотря на европейский покров в деревнях преобладает домотканая одежда. В отличие от своих соседей по Ла-Плате, мясо играет меньшее значение в рационе парагвайцев. Наследство гуарани – блюда из кукурузы (*локро-со-о*, *каша – абати поро*, *пирожки – чипас*) и маниоки (*мандиока – чипа де алмидон*, *мбеуа*), *мазамора* (грибов), преобладают в их меню. Национальным блюдом является парагвайский суп (*чипа гуаса*), напоминающий кашу или суфле из сыра с луком. Вообще, в отличие от других скотоводческих стран Южного Конуса, вместо жареного мяса – *париллада* жители Парагвая потребляют суп на мясном бульоне – *сооу сору* и *бори-бори*. Исконным парагвайским напитком является – *матэ*, парагвайский чай, который принято пить охлажденным через трубочку из специального сосуда – *бомбиллы*. По подсчетам каждый парагваец потребляет 10 килограммов листьев *йерба – матэ* в год. Другим традиционным напитком является *mosto*, напиток из сахарного тростника. *Канья и чича* – наиболее распространенные алкогольные напитки в стране, а церковь и *тульперия*, местный каба́к, – основные общественные места. Эксплуатация лесов Парагвая, положившая начало развитию современной парагвайской экономики, наложила отпечаток на форму повозок, используемых местными жителями, напоминающими среднеазиатскую арбу с колесами, достигающими двух метров в диаметре, которую тащит дюжина волов. Такая форма повозок обусловлена как характером местности Восточного Парагвая, так и отсутствием элементарных дорог.

Небольшое количество креолов, изредка пополняемое богатыми иммигрантами, образовала узкий господствующий слой землевладельцев. Иммигранты и их потомки занимались большей частью торговлей и промышленностью. Появившиеся накануне войны меннониты не в целом изменили ситуации, поскольку компактно поселились в глубине Чако. Большая часть населения страны, как и прежде, была сосредоточена на левом берегу реки Парагвай в полосе от Вильеты до Консепсьона и в окрестностях Вильяррики, второго по величине города страны. Более 80% всех жителей страны по-прежнему проживали не далее, чем в 100 километрах от столицы. Единственным городом Парагвая в прямом смысле этого значения в то время была столица – Асунсьон, имевшая население свыше ста тысяч человек и являвшийся единственным университетским центром страны. Долгое время на столицу приходилось 90% всего импорта и 75% экспорта страны. Здесь же концентрировалась вся интеллигенция страны. Обзор Парагвая будет неполным, если мы не упомянем «диких» индейцев, проживающих в сельве Восточного Парагвая. К ним в начале XX века относились племена *ава-чирипа*, *кааигуа*, *пай-тавитера*, *мбайя – гуарани*, *аче-гуаяки* и *тупи – каинанг*. У «цивилизованных» парагвайцев вплоть до конца XX века существовали предрассудки против них, возвращенные еще во времена иезуитов. Опрос, проведенный в 1972 году, показал, что 77% парагвайцев, считали, что «индейцы являются животными, поскольку они не крещены». На основании подобных воззрений убийство «дикого» индейца в Парагвае считалось славным деянием, а совершивший это солдат поощрялся. В XIX веке отношения с «дикими» индейцами (в основном племени *мбайя*)

были достаточно мирными, хотя на границе цивилизованных районов находилось 4 заставы (в Арекутакуа, Мандувири, Имате и Куареноте) со штабом в Консепсьоне.

Общее обнищание и обезлюдение страны после войны с Тройственным Альянсом, привели к конфликтам с индейцами. Парагвайцы нуждались в продуктах леса и рабочей силе, в особенности, детей как надежный резерв будущих трудовых ресурсов. Это привело к росту напряженности между «дикими» и цивилизованными индейцами. Появление латифундий привело к появлению прямой заинтересованности их владельцев к овладению индейскими территориями. К ним присоединялись и сохранившиеся минифундисты, которым досаждали беспокойные соседи. Проигранная война создала необходимый психологический климат для применения насилия к индейцам. Отношения оттесненных вглубь сельвы индейцев с минерос – сборщиками *йерба – матэ*, и лесорубами копировали конфликт между сборщиками каучука и индейцами в бассейне Амазонки. Гибель во время войны значительного поголовья скота привело к резкой реакции парагвайских ранчерос к лесным индейцам, похищавшим их скот. Тем более, что соблазн был велик: улучшить свое экономическое положение путем использования дешевой рабочей силы – пленных «диких». Пленные «дикие» становились фактически рабами на плантациях, где их приобщали к «благам цивилизации» их культурные соотечественники под контролем департамента по делам индейцев министерства обороны.

Природные ресурсы Парагвая создали предпосылки для его специализации как страны скотоводов и земледельцев. Лесные богатства Парагвая использовались односторонне. Хозяйственная жизнь страны сосредотачивалась в заселенных районах, прилегающих к главным транспортным артериям страны: рекам Парана и Парагвай и железной дороге, связывающей Энкарнасьон со столицей. Здесь были расположены основные сельскохозяйственные центры страны. В первой половине XX века они эксплуатировали не более 1,5 миллиона из 41 миллиона гектаров сельскохозяйственных угодий. На плато Параны население занималось сбором листьев мате и диких апельсинов. На правом берегу Парагвая несколько компаний добывали и перерабатывали в танин кору квебрахо. Благодаря поражению в войне с Тройственным Союзом страна оказалась объектом экономической экспансии не только Франции, Англии и США, но и своего соседа – Аргентины. Последняя по объему своих инвестиций в добычу квебрахо и речное судоходство даже обогнала своих конкурентов. Этому способствовала и транспортная зависимость страны от своего южного соседа. К 1914 году в экономику Парагвая иностранцами было вложено 30 миллионов фунтов стерлингов, семь восьмых из которых принадлежали англичанам и аргентинцам. I мировая война вызвала значительный отток капиталов из Парагвая. Шесть лет спустя иностранные инвестиции снизились втрое. В 1920 году из 59 миллионов золотых песо торгово-промышленного капитала 50 принадлежало зарубежным инвесторам. К 1939 году стоимость иностранной собственности в республике выросла в три раза. 30% этой суммы принадлежало аргентинцам, 25% – британцам, 20% – США, 15% – Германии, а остальные – итальянцам, французам и бразильцам.

К 1891 году первый земельный ценз показал наличие в стране 1,5 миллионов гектаров обрабатываемых земель, из которых 591 тысячу составляла пашня, а 705 тысяч – луга. Еще 15 миллионов га составляли пастбища, две трети которых находились в частном владении. Еще 300 тысяч гектаров лугов использовало правительство, а миллион сдавался в аренду. Остальные государственные земли были заняты *оккупантес* – крестьянами, самовольно занимавшими пустующие надель. Это явление было распространено и на частных землях. Как правило, оккупантес забирались в глухие места, где редко осуществлялся контроль со стороны владельцев. Понимая свое бессилие, либеральное правительство закрывало на эту практику глаза, довольствуясь несистематическими акциями по сгону оккупантов. Вследствие аграрной политики либералов к началу XX века значительная часть всех земель перешла в руки нескольких иностранных (британских и аргентинских) и связанной с ними правящей элиты. 176 латифундий и 74 земельных компании, площадью свыше 50000 гектаров, владели 60% всей земли

(в основном в Чако). Из них 154 латифундии, каждая площадью свыше 1000 гектаров, специализировались в земледелии и использовали 547000 гектаров. Другой полюс в 1920 году составляли 38 тысяч крестьянских хозяйств – *чакр*, обрабатывающих менее 10 гектаров каждое. К концу 30х годов их число выросло до 45000, но и величина надела снизилась ниже 5 га. *Чакры* занимали площадь в 124000 гектаров. 27% хозяйств имели в своем распоряжении деревянные сохи, а 55% не имели и их. 33% крестьян не обладали даже повозками и их единственным инвентарем были мотыга, топор и мачете. 85% всех крестьянских хозяйств являлись арендаторами или *окупантес*, самовольно занявшими пустующую землю. Проблема малоземелья в Восточном Парагвае осознавались правящей фракцией либералов. В 1926 году президент Элигио Айяла создал специальный департамент колонизации в составе министерства юстиции. Однако гонка вооружений и связанная с ней нехватка средств не позволили добиться каких-либо существенных изменений в положении парагвайских крестьян. Зато важную роль департамент сыграл в организации менонитских колоний в сердце Чако. Их передовое хозяйство обеспечило надежное продовольственное снабжение армии страны во время конфликта. В земледелии основной продовольственной культурой являлись кукуруза, маниок, арахис и рис. Для местных нужд и на экспорт производились виноград, хлопок, табак, цитрусовые и сахарный тростник. В небольших количествах выращивались картофель (8000 тонн), пшеница (7000 тонн), батат (77000 тонн) и фасоль (24000 тонн). Хлопковые плантации располагались к востоку от Асунсьона вдоль железной дороги. Более 5/8 его сбора экспортировались. К востоку от Асунсьона возделывался табак, поступающий на четыре местные табачные фабрики. Их продукция была широко известна в окрестных странах. Так, парагвайскими сигаретами снабжалась боливийская армия в Чако. Центром виноделия и виноградарства страны была Вильяррика. В либеральную эпоху началось освоение культуры сахарного тростника. До этого сахар импортировался из Франции. Первая сахарная фабрика – *сентраль*, была построена в 1878 году. В 1897 году возникла *Empresa Azucarera del Paraguay*, организовавшая скупку и переработку сахарного тростника на современной основе. Она построила механизированный сахарный завод и начала скупать урожай у мелких фермеров по более высоким ценам и предоставлять им кредиты. Традиционные латиноамериканские *сентралы* не выдерживали конкуренции и разорялись. Со временем она стала единственным производителем сахара в стране.

Великий кризис сказался на сельском хозяйстве Парагвая, тесно привязанному к англо-аргентинскому рынку. Падение в 1930 году на треть потребления в Великобритании хлопка вызвало кризис этой отрасли. Однако вскоре ситуация восстановилась и посевы под этой культурой даже расширились. Если аграрный кризис начала XX века мало сказался на сельском хозяйстве Парагвая, которое находилось на низком уровне технического развития, то в 1929 году этого не произошло. Падение цен на продовольствие и растительное сырье привело к общей деградации мелких крестьянских хозяйств, поскольку выручки большинства из них едва хватало, чтобы поддержать простое воспроизводство.

Экстенсивное скотоводство на протяжении многих веков являлось основой экономики Парагвая. Оно велось повсеместно, но наиболее важными для него являлись заливные луга треугольника в низовьях Парагвая и Параны, северная часть левобережья реки Парагвай (в районе Сан-Педро -Консепсьона) и саванны Чако. поголовье местного низкокачественного скота в канун войны достигало 4 миллионов. Однако треть его была поражена болезнями. Скот использовался для производства на экспорт мясного экстракта, консервов, сушеного мяса и кож. Овцы и свиньи составляли незначительную часть поголовья (соответственно, 146 и 206 тысяч голов) и разводились в мелких крестьянских хозяйствах. Около 200 тысяч лошадей, 300 тысяч мулов и ослов, число которых также упало, представляли собой главный вид транспорта во внутренних районах страны. По мнению некоторых аргентинских экономистов, скот в пампе Южного Конуса можно отнести к природному богатству, чем продукту труда. С испанских времен уход за скотом не требовал большого количества рук. Так, на отару из 5000 овец или стадо

крупного рогатого скота в 1000 голов было необходимо три пастуха, полудюжина собак и пастбище величиной в квадратную лигу (2700 га). В то же время на обработку такого же количества земли требовались 350 работников. Денационализация земельного фонда страны внесла известные коррективы, поскольку не всегда движимое и недвижимое имущество не всегда оказывалось в одних руках. Следствием этого стало возникновение специфических земельно-скотоводческих компаний. Аграрные кризисы начала XX века привели к разорению парагвайских крестьян и усугубили те диспропорции в распределении скота, которые возникли после войны с Тройственным Союзом.

В колониальное время переработка скота производилась в эстансиях, которые поставляли на внешний рынок исключительно шкуры, а туши зачастую оставлялось. В начале XIX века на крупнейших из них стали возникать *саладеро* – пункты по засолке мяса. Они перерабатывали только небольшую часть забоя, поскольку спрос на их продукцию был ограничен. В первой четверти XX века возникли три мясохладобойные компании, значительно расширившие свою деятельность во время первой мировой войны. Они быстро вытеснили *саладеро* благодаря внедрению технологии замораживания мяса. Символично, что первая его партия была направлена из Аргентины во Францию на пароходе *Парагвай*. Британская *Liebig's extract of meat company*, начавшая свою деятельность в 1898 году, приобрела 323130 гектаров земли. В 1922 году она купила у аргентинской компании *Swift* мясохладобойню *Seballos-Cue* мощностью 100000 голов (2000 рабочих) под Асунсьоном. Североамериканская *International products corporation* (IPC) в 1920 году купила мясохладобойню Сан-Антонио мощностью в 60000 голов (1000 рабочих), построенную в 1908 году американским синдикатом Фаркуара. Этот синдикат, сыгравший значительную роль в проникновении североамериканского капитала в Парагвай, обанкротился и к 1920 году прекратил свое существование. Мясохладобойня *Picete-Cue* на 30000 голов (1200 рабочих), расположенная в Сан-Сальвадоре, принадлежала группе местных скотоводов *La Industria Paraguaya de Carne*. Забой скота на всех трех предприятиях достигал 190000 голов, а экспорт консервированного мяса – 14000 тонн, мясного экстракта – 650 тонн. Несмотря на аграрный характер парагвайской экономики, его сельское хозяйство обеспечивало потребности населения в продовольствии на 80%. Остальные продукты, в основном пшеница, импортировались из Аргентины и Бразилии. Это еще более усиливало финансовую зависимость страны.

Основным продуктом лесов, покрывавших половину территории страны, являлся экстракт *квебрахо*. Промышленная обработка древесины *квебрахо* напоминает извлечение сахара из свеклы. Подъемные краны вытаскивают бревна из вагонов и передают их на дробильные установки, которые превращают их в порошок. Он обрабатывается горячей водой в диффузорах. Оттуда вытекает густая струя вишневого жидкости в мешки из юхты. Через два дня она становится твердой как камень и готова к транспортировке. В 20е годы он добывался шестью компаниями в парковых лесах Чако на правом берегу реки Парагвай, впоследствии их число сократилось до четырех. Тремя из них владели аргентинцы – Карлос Касадо, Николаус фон Миханович и синдикат Пуэрто Гуарани, а четвертый, расположенный в Пуэрто-Пинаско, принадлежал упомянутой выше IPC. Она его приобрела в 1917 году у *New York & Paraguay Company*. Объем экспорта квебрахового экстракта в отдельные годы достигал 20000 тонн. На Бразильском нагорье развился важный промысел – сбор *матэ*, которым занималось до 50000 человек, называемых *минерос*. *Минерос* получили свое шахтерское прозвище из-за специфических условий работы, напоминающую работу на рудниках. Их низкий социальный статус, тяжелое экономическое положение ставили их в положение рабов. Пожалуй, это были самые угнетенные слои населения Парагвая. В 1900 году плантации *матэ* принадлежали 45 мелким владельцам. Через двадцать лет их число снизилось вдвое, но основную часть сбора и сортировки *матэ* контролировали Доминго Барте, парагвайско-аргентинская *La Industrial Paraguaya*, основанная в 1886 году, и бразильская *La Mate Larangeira*, основанная на четыре

года раньше. Им же принадлежали основные заводы по сортировке и упаковке *матэ*. В связи с увеличением спроса на парагвайский чай аргентинские компании *La Industrial Paraguaya*, построившая порт на Паране Такуру-Пуку, и *Compania Yerbaterria del Amambay* занялись его культивированием. В 30-40х годах сбор матэ достигал 8000 тонн, а экспорт – 4200 тонн. По-видимому, общий сбор матэ был выше, поскольку статистика не учитывала его потребление в Парагвае, которое превышало 10000 тонн в год. Значительная часть этого количества могла собираться жителями Восточного Парагвая для собственного потребления и не учитываться в официальной статистике.

Собственно, лесозаготовки проводились, помимо *La Industrial Paraguaya*, компаниями Хосе Фассарди (основана в 1887 году) в Вильяррике, А.Перассо в Энкарнасьоне, *Compania Industrial y Comercial del Norte Paraguay*, владельцами которой были семейства Гуджиари, Гаона и Кеведо, в Сьерре-ди-Амамбай и французской *Fonciere du Paraguay* (основана в 1902 г.) в Консепсьоне. Они полностью удовлетворяли как местные нужды, так и обеспечивали его экспорт в Аргентину и Уругвай. Значительную часть местной древесины потреблял Асунсьон, являвшийся и главным деревообрабатывающим центром страны. Его верфи, столярные и деревообрабатывающие заводы поглощали значительную часть леса, вырубаемого на склонах Сьерры-де-Амамбай. Лесозаготовительные зоны Энкарнасьона и Вильяррики поставляли свою продукцию на аргентинский и уругвайский рынки.

Поскольку разведка минеральные ресурсы практически не велась, добывающая, как и обрабатывающая, промышленность страны продолжала находиться в зачаточном состоянии. Несмотря на то, что было известно о наличии залежей марганца, меди и железной руды, интерес к их разработке был слаб из-за необходимости больших инвестиций. Гидроэнергетические ресурсы, составлявшие по тогдашним оценкам 2 миллиона лошадиных сил (фактически в 20 раз больше), также не использовались по той же причине. Единственным местным видом топлива являлись дрова. Крупнейшая тепловая электростанция страны (в Асунсьоне) принадлежала аргентино-итальянской компании CALT и работала на привозном, аргентинском угле и местных дровах, и вырабатывала 45 миллионов киловатт-часов. В центрах департаментов имелось еще 13 небольших тепловых электростанций, работавших на дровах. Всего в энергетике было занято 432 рабочих. Электроэнергии не хватало, хотя ее производство росло и достигло 50 миллионов киловатт-часов. Английская *Royal Dutch Shell* монополизировала импорт всех видов нефтепродуктов в Парагвай.

Помимо выше перечисленных предприятий по переработке мяса и квебрахо, существовали и другие предприятия по переработке местного сырья. До Великого кризиса были только две хлопкопрядильных фабрики, которые принадлежали американцам. Они имели 4000 веретен и 138 станков. В 1931 году эмигрантом П.Ф.Альберцони было основано крупнейшее текстильное предприятие страны – *Manufactura de Pilar*. Итальянский инженер удачно воспользовался кризисной конъюнктурой, создав предприятие, удовлетворившее потребности страны в хлопчатобумажных тканях. Немецкие иммигранты основали несколько шерстоткацких предприятий с 1300 веретен. В канун войны в текстильной промышленности было 18 ценовых фабрик (капитал – свыше 5000 золотых песо и не менее 20 рабочих) с 1427 рабочими. Кроме них работали 8 швейных и обувных фабрик (405 рабочих). Еще 12 предприятий (674 рабочих) варили мыло (2 миллиона кусков в год), производили бытовой керосин (до 10000 банок в год), обрабатывали кожи. В это число вошли шесть эфирных заводов, принадлежавших компании *Algodones* (филиал североамериканской корпорации *Anderson, Cleyton & C*). Они вырабатывали эфирное масло из листьев апельсинового дерева. Восемь сахарных заводов *Empreza Azucarera del Paraguay* вырабатывали от 10-20 тысяч тонн сахара в год. Прочая пищевая промышленность была представлена дюжиной ценовых предприятий по производству растительных (хлопкового, касторового, арахисового) масел. Сбыт их продукции контролировала аргентинская *Fabril Paraguaya SA*. Дюжина ценовых предприятий (437 рабочих) специализи-

ровались в области деревопереработки и вырабатывали танин и бумагу. В начале века выходцами из Франции были основаны 4 крупные типографии (379 рабочих). В стране имелось несколько карьеров по добыче мрамора, известняка и строительного камня с несколькими тысячами рабочих. Кроме них к 1930 году в стране насчитывалось 9 частных цензовых предприятий по производству мебели и разного инвентаря (237 рабочих). Два из них имели оборонное значение: ремонтировали ружья и набивали патроны. Более половины из полутора сотен цензовых предприятий располагались в столице. Здесь же находилось 56% из 2000 кустарных мастерских.

Транспортная сеть в Парагвае была слабо развита. Дорожная сеть страны состояла из примерно 5 тысяч километров *terraпленовых* дорог, более напоминавших насыпи. Собственно, дороги представляли собой только 1385 километров из них и только 48 километров имели твердое покрытие. Большинство перевозок вдали от рек производилось гужевым транспортом, хотя в стране появились первые автомобили. Накануне войны их число составило всего несколько сотен, из которых только треть составляли грузовики. Телефонная связь с 1926 года обеспечивалась *Compania internacional de telefono*, контролируемой немцами. Единственная настоящая железная дорога *Ferrocarril Central del Paraguay (FCP)* длиной 441 километра состояла из основной линии, соединявшей Энкарнасьон со столицей, и ее ответвлений и полностью принадлежала британскому капиталу. FCP была основана еще в 1856 году, когда в Парагвай были доставлены первые 6 локомотивов. В 1861 году были проложены первые 7.6 километра железной дороги, соединившие столичный вокзал Сан-Франсиско и пригород Тринидад. К концу войны с Тройственным Альянсом, во время которой она интенсивно эксплуатировалась, длина ж.д. путей достигла 72 километров. Впоследствии, поменяв нескольких владельцев, дорога была достроена до Энкарнасьона в 1909 году. С тех пор, она играла важную роль в экономике страны, поскольку являлась важным путем ввоза-вывоза товаров из страны. Достигнув Энкарнасьона, железнодорожные грузы перебрасывались на левый берег реки в Посадас, являвшийся конечной станцией аргентинских железных дорог. Уже с 1913 года здесь стал действовать железнодорожный паром. За год FCP перевозила около 150000 тонн грузов и до 2 миллионов пассажиров. В 1913-14 годах при поддержке синдиката Фаркуара было начато строительство новой линии, которая должна была соединить Парагвай с Бразилией. Однако к моменту окончания строительства участка Борха – Абай длиной 64 километра синдикат обанкротился, и ветка стала использоваться для вывоза лесоматериалов из департамента Кааспа. В 1909 году началось строительство узкоколейной (1 м шириной) железной дороги Консепсьон – Оркета длиной 56 километров *Compania Industrial y Comercial del Norte del Paraguay* для вывоза ее продукции. Пять узкоколеек метровой ширины, общей длиной 425 километров, были построены квебраховыми компаниями и соединяли места добычи квебрахо и порты Пуэрто-Пинаско (130 км), Пуэрто-Касадо (165 км), Пуэрто-Састре (90 км), Пуэрто-Гуарани и Пуэрто-Пальма-Чика на правом берегу реки Парагвай.

Водный вид транспорта в Парагвае был несомненно более дешев, чем железнодорожный, а длина водных путей достигала 2200 километров. Однако с ноября по февраль по Парагваю и Паране было ограничено из-за летнего снижения уровня воды в реках. Только суда с мелкой осадкой рисковали в эту пору подниматься выше Корриентеса. Необходимость иметь лоцмана на Паране и Парагвае, а также портовые сборы, взимавшиеся в Корриентесе, Санта-Фе и Паране, удорожали речные перевозки. Еще в конце XVIII века стоимость перевозки тонны груза из Асунсьона до Буэнос-Айреса составляла 0.6 золотого песо, а от Буэнос-Айреса до Европы только 0.06. Парагвайские порты в год посещало до 4500 различных судов, а грузооборот достиг 2,75 миллионов тонн. Несмотря на наличие большого количества мелких портов по течению рек Парагвай и Парана главным портом страны был и продолжает оставаться Асунсьон, через который всегда проходил основной поток грузов. В 1927 году правительство реконструировало порт в Асунсьоне, получив под это кредит в 2700000 долларов. Это был

первый заем, размещенный в США. После реконструкции пропускная способность столичного порта возросла до 200000 тонн. Кроме того, в Нидерландах для его нужд были приобретены две драги и плавучий кран, а также оборудование для ремонта речных судов. Эта верфь и железнодорожное депо были самыми большими механическими предприятиями страны. Несмотря на то, что небольшие океанские суда посещали парагвайские порты, навигация по внутренним рекам была почти полностью монополизирована компаниями фон Михановича (аргентинский капитал) и *Ллойд Бразильеру*. Исключение составляли только суда крупных земельных компаний, таких как Карлос Касадо и Доминго Барте. В канун мировой войны под парагвайским флагом ходило 7 пароходов общим водоизмещением 1913 тонн и 18 парусников (водоизмещение – 5313 тонн).

Зависимая аграрно-сырьевая экономика Парагвая оказалась во время Великого кризиса в менее тяжелом положении, чем его у потенциального противника. Обороты внешней торговли страны и до кризиса были невелики и их снижение разве что сказалось на благосостоянии верхнего класса. Торговый баланс, как правило, сводился с положительным сальдо, но платежный баланс оставлял желать лучшего. Вследствие этого вывоз прибыли был ограничен обменным бюро. По окончании I мировой войны внешний долг снизился и составил шесть с половиной миллионов долларов США (включая портовый заем 1927 года). Это давало стране возможность оперировать довольно значительными объемами иностранной валюты, хотя по сравнению с Боливией это были крохи. Весь внешнеторговый оборот страны колебался в пределах 2.5-5 миллионов золотых песо.

В 1930-е годы экспортировались главным образом мясные консервы, хлопок, экстракт *квебрахо*, лес, кожи, *матэ*. Основная часть экспорта страны приходилась на животноводческий сектор. Это объяснялось и низкими издержками этой отрасли, где не требовалось большого количества рабочих рук, которых постоянно не хватало в сельском хозяйстве страны. Если обработка квадратной лиги земли (2700 га) требовала усилий 350 земледельцев, то для выпаса крупного рогатого скота было необходимо только трое пастухов и полдюжины собак. Забой скота и переработка шкур и мяса требовали примерно столько же рабочих рук как и переработка зерна. Следствием этого стало тяготение *чакр* к центрам *эстансий*. Многие из них становились центрами небольших селений. За пределами центральной зоны центры латифундий охранялись несколькими солдатами, строившими свои *фортиньы* для защиты жителей от набегов «диких» индейцев. Это явление свойственно для парагвайской глубинки с колониальных времен, и получило широкое распространение в эпоху независимости. Передавая *оккупантес* часть своих бескрайних земель, латифундист обеспечивал себя даровой рабочей силой для ухода за своим стадом, и получал в свое распоряжение необходимую военную силу, чтобы удерживать их от эксцессов. Освоение Восточного Парагвая привело к замене солдат полицией, но не изменило сути латифундий, представлявших собой минигосударства. Отсутствие капиталов для введения новых культур и недостаток рабочих рук определяли животноводство, как основной сектор сельского хозяйства в Парагвае. Большую часть кож, табака и хлопка покупала Германия, занявшая с 1933 года второе место среди торговых партнеров страны. Аргентина за счет реэкспорта большей части парагвайских товаров традиционно держала первое место, контролируя свыше трети всего торгового оборота. На нее приходилась львиная доля экспорта мяса, *квебрахо* и *матэ*. Большая часть аргентинского реэкспорта направлялась на рынки ее основных контрагентов – Англии и Германии. Портеньо Буэнос-Айреса всегда рассматривали сельское хозяйство Парагвая, как «резервную мощь», которую можно эффективно задействовать при благоприятной конъюнктуре рынка. Так было с добычей *квебрахо* и *йерба матэ*, так было с хлопком. Такому отношению способствовало глубокое проникновение англо-аргентинских компаний и капиталов в экономику страны и превращение ее в сырьевой придаток. Великобритания и США занимали в экспорте Парагвая более скромные места. При этом их компании целенаправленно эксплуатировали природные ресурсы страны. Однако в отличие от их

латиноамериканских коллег, они ориентировались на более долгосрочную прибыль. Английским дельцам при посредничестве их аргентинских компаньонов (типа Н. фон Михановича) удалось превратить Парагвай в сырьевой придаток своей империи. Парагвайские компрადоры были немногочисленны, но конкурентоспособны. Так, перед Великим кризисом около половины внешней торговли контролировал торговый дом Риус-и-Хорба, основанный сразу после войны с Тройственным Альянсом. Эта компания с капиталом в 1.5 миллиона золотых песо держала под контролем почти весь экспорт кож и до 60% экспорта табака.

Предметами парагвайского импорта являлись ткани, пшеница (до 50000 тонн), топливо, химикалии, жиры, транспортные средства и фармацевтические препараты. Их поставляли Аргентина, Япония, Германия, США, Великобритания, Италия и Бразилия. Парадоксально, но значительная часть аргентинского импорта приходилась на продовольствие, топливо и продукцию легкой промышленности. Такая ситуация сложилась с конца XIX века. Недостаток рабочих рук привел к концентрации значительной части рабочих рук в экспортных отраслях сельского хозяйства. Уже тогда четверть импорта Парагвая составляло продовольствие. Постройка железной дороги Асунсьон – Энкарнасьон связала внутренний рынок страны с аргентинским. Более дешевая аргентинская пшеница и жиры в условиях политики *laissez faire*, проводимой либералами легко вытесняли местных производителей. Таким образом, аграрная страна была вынуждена ввозить продовольствие в больших объемах. Несмотря на то, что Парагвай обладал ресурсами для самоснабжения, капиталистическое разделение труда навязало его экономике монокультуры хлопка, *матэ* и *квебрахо*. Рынок химикалий, лекарств и радиотехники контролировали немцы, а автомобилей и лесной техники – американцы и итальянцы.

Расчетной денежной единицей Парагвая во время войны был золотой песо равный 56% золотого содержания доллара США. Внутри страны обращался бумажный (парагвайский) песо, носивший название *песо фуэрте*. Частными организациями принимались к оплате аргентинские песо и валюта великих держав (франк, фунт, доллар). Впервые курс песо фуэрте был установлен законом от 14 июля 1885 года равным аргентинскому. Однако уже в 1899 году за него давали только 0.44 золотого. В дальнейшем стоимость *песо фуэрте* продолжала снижаться, несмотря на стабильность соотношения аргентинского и золотого песо 2,27:1. 28 января 1916 года в разрез с принципами *laissez faire* было учреждено правительственное обменное бюро – *Officina de Cambios (OC)*. Его главной задачей стало регулирование вывоза иностранной валюты из страны: при обмене оно удерживало пятую часть валютных доходов экспортеров. 17% от этой суммы выплачивалась экспортеру в *песо фуэрте* по официальному курсу, а остальные 3% поступали в бюджет. Уже в первые годы своего существования бюро принесло до миллиона золотых песо. Опыт *Officina de Cambios* широко распространился по Латинской Америке. Даже такая, относительно благополучная в финансовом отношении страна, как Бразилия для того, чтобы избежать утечки валюты из страны, создала Институт кофе. Функции обменного бюро усилились в 1923 году при президенте Элигио Айяле. Стараясь предотвратить утечку валюты из страны во время хлопкового бума, он присвоил *Officina de Cambios* дополнительные функции, свойственные Центральным Банкам. В банковском кредите Парагвая в начале 30-х годов XX века полностью господствовал английский *Bank of London & So. America (Lloyd Bank)*. Он открыл свое первое отделение в 1919 году. К 1932 году он оказался фактическим монополистом в банковской сфере, поскольку оба его конкурента – *Banco de la Republica* (с участием государства и французского капитала) и *Banco Mercantil* обанкротились во время Великого кризиса. Единственный сохранившийся государственный банк *Banco Agricola del Paraguay* влачил жалкое существование, поскольку крестьянство не могло отдавать кредиты из-за практически полного коллапса экспорта хлопка и кож. Изменение курса парагвайского песо к золотому, аргентинскому песо и доллару США наглядно иллюстрирует тенденцию снижения местной валюты вплоть до 1923 года, когда полномочия обменного бюро расширились вследствие вмешательства государства во внешнюю торговлю страны.

Таблица 1. Инфляция парагвайского песо фуэрте в 1914-1941 годах:

1 песо за	1899	1904	1914	1918	1923	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1939	1940	1941
1 зол.песо	8.15	12	23	21	42.6	44.32	63.6	157	205	184.1	160	166	189	175
1 арг.песо	3.95	5.28	10.1	9.24	18.8	19.5	28	69	90	81	70.4	73.2	83.2	77
1 \$ США	8.33	11.5	20.8	27.7	54.4	72.99	87.7	278	333	263.2	238	323	357	333

Зависимость от экспортных доходов определяла незначительность бюджета республики. Это стало основной причиной провала французского займа 1911 года. Тем не менее, доходная часть бюджета, оцениваемая в 20х годах в 263 миллиона песо, возросла накануне войны до 426 миллионов. Половину доходов, как и у большинства остальных латиноамериканских республик, давали торговые пошлины, возросшие в 2.5 раза. Остальную часть доходов давали табачный и алкогольный акцизы, продажа лицензий, а также почтовые и телеграфные сборы. С 20-х годов существенную часть правительственных доходов составили поступления от обмена *Officina de Cambio* иностранной валюты по принудительному курсу. Расходная часть бюджета в 20-е годы, как правило, совпадала с доходной. Ее основными статьями продолжала оставаться оборона, юстиция, администрация и внутренние дела, общественные работы, сельскохозяйственные субсидии, образование и обслуживание внешнего долга. В начале 30х годов в связи с реализацией плана М.Скенони военные расходы выросли вдвое и составили более половины расходной части бюджета.

Размер бюджета определяла и невысокие оклады парагвайских правительственных чиновников и военных, не менее половины из которых получали не более 28 золотых песо в месяц. Вследствие резкого колебания песо фуэрте по отношению к золотому песо, либеральные правительства ввели практику установления окладов государственным чиновникам в золотых песо. Так, почтовые служащие получали в год от 200 до 250, учителя I категории и профессора университета – 290-305, а судьи низшей инстанции – 305-350 золотых песо. Невысокими были ставки сотрудников министерств. Средний оклад в министерстве внутренних дел составлял 390, финансов – 310, юстиции – 370, а иностранных дел – 285 песо. Число высокооплачиваемых должностей было небольшим (около сотни). Самым высоким оклад был у министров и послов. Он составлял 2125 песо, включая деньги на представительские расходы. Высокие оклады были установлены также депутатам конгресса (1806), префекту столицы (1290) и начальникам департаментов (1230). Специалист, занятый в частном секторе, в среднем получал от 355 до 410 золотых песо в год. Для сравнения стоимость приличного проживания семьи в столице составляла от 660 до 710 песо. В провинции доходы были еще ниже. Четверть крестьянских семей имели средний годовой доход в 300 золотых песо, а еще 60% – не более 150. Бедность выталкивала часть сельского населения на рынок труда. К концу 20-х годов более ста тысяч человек уходили на заработки на плантации, лесоразработки и города. Там, им доставалась неквалифицированная работа в кустарных мастерских или портах. Счастливым удавалось попасть на фабрики или устроиться грузчиками. Большинство женщин попадали в сферу обслуживания. В лучшем положении оказывались люди с образованием, которые устраивались техниками, мастерами и инженерами, но их число было ничтожно. Большинство из них были выходцами из столицы или иммигрантами.

Либеральные правительства практически не предпринимали никаких мер по защите прав наёмных работников. Единственным их актом было установление минимальной заработной платы для портовых рабочих до 8 золотых песо в месяц. Этот акт был принят во время гражданской войны 1922-23 года, когда профсоюз грузчиков поддержал правительство и выставил добровольцев для защиты столицы. Таким образом, получение образования

и устройство на государственную службу было пределом мечтаний подавляющего большинства парагвайцев. Они считали получение должности гарантией обеспеченного существования и ревностно исполняли свой долг. Коррупция в нижних эшелонах власти была практически неизвестна, поскольку крестьяне находили против лихоимцев управу. Более высокие чиновники всегда находились под контролем своих оппонентов, которые не упускали случая устранить своих конкурентов. Фактически элементы лоббирования сосредоточились на уровне партийного руководства, которое часто злоупотребляло этим. Несмотря на это государственный аппарат под контролем либералов работал достаточно эффективно.

8. Vencer o morir: 1641 – 1931.

Милиция иезуитов. Монтонера. Франция и Лопесы. Война Тройственного Альянса. Немецкая миссия. Манлио Скенони и план вооружений 1925 года. Конфликт в Вангардии.

В отличие от армии своего будущего противника, парагвайские вооруженные силы имели долгую, славную и трагическую военную историю. Первые вооруженные формирования из гуарани на территории страны были созданы иезуитами для охраны их миссий (*редукций*) в долине Параны от нападений «диких» индейцев и португальских *бандернаите* – охотников за рабами (как их называли в Парагвае, *мамелюков*). 8 марта на реке Мбороре милиция иезуитов одержала решающую победу над последними. В этом сражении вожди Н.Неенгуайру и И.Абиару с 4200 гуарани разбили *бандейру*, состоявшую из 500 *мамелюков* и 3000 индейцев тупи. 120 бандернаите и сотни их вассалов остались лежать на берегах реки. После этого успеха иезуиты распространили опыт формирования милиции на все свои редукции в долине Параны. Их отряды состояли из пехотных (100 солдат) и кавалерийских (50 солдат) рот и насчитывали до 20000 человек. На их вооружении были луки, копья, сабли, мушкеты и небольшие пушки. Каждое подразделение имело свой значок и барабан. Командовали ротами индейские вожди, подчинявшиеся коадьютору редукции, как правило, отставному испанскому солдату, который занимался их боевой подготовкой. Милиция *редукций* широко использовалась вице-королем Ла-Платы для укрепления королевской власти. С 1644 по 1766 год отряды иезуитов использовались не менее 60 раз. Так, в 1665 году кавалерия гуарани охраняла Санта-Фе от набегов «диких» индейцев. В 1680 и 1705 годах солдаты *редукций* принимали участие в осаде португальской крепости в Сакраменто. В 1722 и 1735 годах 12000 ополченцев миссий были направлены на подавление восстания креолов Асунсьона. Все это проходило на фоне постоянной пограничной войны с португальцами из Сан-Паулу, направлявшими *бандейры* для захвата рабов. В 1750 году по Мадридскому договору территория редукций была поделена: территория семи из них отошла к Португалии. Во время демаркации границы произошел ряд инцидентов, приведших в 1754 году к Гуаранийской войне. Только через два года испано-португальским войскам удалось сломить сопротивление *редукций*. В феврале 1756 года основные силы милиции были разбиты, а автономия иезуитов ликвидирована.

Несмотря на это милиция редукций просуществовала до 1766 года, когда декретом вице-короля ее отряды были распущены. С этого момента пальму первенства в организации военных отрядов перехватила креольская верхушка Асунсьона, принявшая участие в борьбе с иезуитами. В канун XVIII века конфликт между энкомендерос и иезуитами достиг своего апогея. В 1721 комиссар ауденсии Чаркас Хосе Антекера-и-Кастро отстранил проиезуитски настроенного губернатора Диего де лос Рейеса Бальмаседу. На протяжении последующих трех лет *коммунерос*, как себя называли сторонники Антекеры, трижды выступали против иезуитов, пытавшихся восстановить Бальмаседу на посту губернатора. Так, в 1722 году Антекера с 600 солдат появился в районе миссий и заставил экс-губернатора бежать в Буэнос-Айрес. В августе 1724 года на реке Тебикуари трехтысячная *монтонера* креолов Асунсьона, разгромило двухтысячное войско редукций. Только через год губернатор Буэнос-Айреса Бруно Маурисио де Завала при поддержке милиции редукций смог занять Асунсьон и выслать Антекера в Лиму. Однако восстание продолжалось. Пять лет спустя *коммунерос* не пустили в город нового губернатора Игнасио де Сорету. В 1733 году в битве у Гуайя-Ибити парагвайская милиция полностью уничтожила испанский отряд во главе с новым губернатором Мануэля Аугустина де Руйлоба-и-Кальдерона. Только два года спустя де Завала при поддержке индейской милиции смог овладеть Асунсьоном и разогнать *коммунерос*. Память о восстании была так сильна,

что только спустя двадцать лет вице-король Ла-Платы разрешил создать первые иррегулярные формирования для охраны границ интендансии – три роты улан. В 1794 году в Асунсьоне были сформированы два конных полка, которые получили крещение в 1807 году в боях с англичанами под Монтевидео. Так в основу парагвайской армии легла *монтонера*, ополчение гаучо – погонщиков скота. Независимость Парагвая была завоевана не в борьбе с колониальной империей, а с *портеньо* Буэнос-Айреса. *Монтонера* полковника М.А.Кабаньяса в двух сражениях (19.01.1811 при Парагуари и 09.04.1811 при Такуари) нанесла поражение экспедиционному корпусу генерала М.Бельграно. Несмотря на двукратное превосходство в живой силе парагвайские солдаты были плохо вооружены: они имели только 300 мушкетов и 500 сабель на четыре тысячи человек. Капитуляция М.Бельграно, обнаружившего в рядах своих противников таких же непримиримых борцов за свободу, привела к заключению мирного соглашения между Асунсьоном и конфедерацией провинций Ла-Платы во главе с Буэнос-Айресом. Политическая нестабильность на юге, переросшая после похода Сан-Мартина в Чили и Перу, в гражданскую войну, являлась перманентной угрозой для независимости Парагвайской республики. Ее руководство подозревало, что *портеньо* со временем постараются восстановить свой контроль.

В 1811 году после отступления М.Бельграно было решено сохранить на постоянной основе 2 батальона милиции. Первой регулярной частью парагвайской армии стал сформированный в 1814 году гренадерский батальон для охраны главы государства (*El Supremo*) Х.Г.Р.Франсии. Диктатору при осуществлении реформ пришлось столкнуться с оппозицией, которую возглавили офицеры. 17 июля 1821 года 78 старших офицеров парагвайской армии были арестованы по обвинению в заговоре против *El Supremo* и расстреляны. В 1826 году режиму Х.Г.Р.Франсии угрожал новый путч, который был случайно раскрыт. Из-за этого он никогда не доверял своей армии и старался сократить офицерский корпус до минимума. Для защиты своей независимости республика содержала под ружьем до 5500 человек, в составе 2 кавалерийских полков, гренадерского, артиллерийского и 3 стрелковых батальонов. Еще 25000 человек составляли милицию. Несмотря на свою многочисленность, эта армия была слабо обучена и плохо вооружена: на 100 солдат приходилось только 25 мушкетов. При столкновении с лучше вооруженной и организованной *монтонерой* губернатора Корриентеса Ферре у Канделарии в 1832 году парагвайские войска позорно бежали. Немаловажную роль в слабой боеспособности парагвайской армии сыграли чистки 1821 и 1826 годов. В 1833 году Парагваю удалось вернуть утерянную территорию. Однако это была больше политическая интрига, чем военная победа над Ферре, не желавшего плясать под дудку *портеньо*. После его свержения ставленник диктатора М.Росаса Атьенда уступил Мисьонес Х.Р.Г. Франсии.

Преемник *El Supremo* Карлос Антонио Лопес при помощи своего советника, военного инженера Франца Виснера фон Моргенштерна реорганизовал армию. Им удалось преодолеть недостатки обучения и снабжения армии, построив в пригороде Асунсьона арсенал Сайония. При К.А.Лопесе вооруженные силы возросли до 4 гренадерских и 4 кавалерийских полков, 6 стрелковых батальонов и 2 артиллерийских корпусов, достигнув 6018 человек. Уже в 1850 году реорганизованная парагвайская армия оказала поддержку восставшим против диктатуры М. Росаса унитариям Ла-Платы во главе с каудильо провинции Энтре-Риос Х.Уркисой. 3 февраля 1852 году в битве при Монте-Касерос вместе с *монтонерой* унитариев (11000), войсками Бразилии (5000) и Уругвая (2000) участвовали пять тысяч парагвайцев.

Падение М.Росаса, защищавшего интересы *портеньо*, открыло свободное судоходство по Паране и дало возможность Парагваю выйти из экономической изоляции. Следствием этого стало переоснащение его вооруженных сил. Арсенал Сайония под руководством Д.У.Уайтхеда и Т.Н.Смита построил несколько военных кораблей, заложив основу флота страны. В 1854 году сын президента Ф.С. Лопес приобрел в Великобритании первое паровое военное судно Парагвая *Такуари*. После возвращения из Европы он провел новую реорганизацию армии, усилив ее

до 7000 человек в составе 8 пехотных батальонов, 5 кавалерийских и 2 артиллерийских полков. Его подруга-феминистка Э.Линч организовала первое женское подразделение в армии – Женский легион. Экономическое процветание Парагвая определило активную внешнюю политику Лопесов. Однако после разгрома армией *портеньо* войск Конфедерации Ла-Платы внешнее положение Парагвая стало ухудшаться. С целью предотвратить грядущий политический кризис Ф.С.Лопес вмешался в гражданскую войну в Уругвае на стороне партии *бланко* (белых). 30 августа 1864 года Ф.С.Лопес направил протест императору Педру II, требуя прекратить вмешательство во внутренние дела Уругвая. Имперское правительство это проигнорировало и направило в Уругвай корпус, который осадил столицу страны. Месяц спустя в Пайсанду капитулировала полевая армия *бланкос*. В ответ парагвайские власти арестовали бразильский пароход *Маркиз де Олинда* с губернатором Мату-Гросу полковником Ф.С.Кампосом на борту. В декабре два парагвайских отряда общей численностью в шесть тысяч человек выступили на север и заняли форты *Корумба*, *Коимбра* и *Дорадос*. Легкая победа в Мату-Гросу вскружила голову Ф.С.Лопесу, который решил “освободить” Уругвай и овладеть гегемонией в бассейне Параны. После мобилизации его армия достигла 25 тысяч человек, в то время как силы империи и ее союзников – 38. Президента Парагвая не обескураживало и то, что его войска технически уступали противнику. Его пехота была вооружена нарезными мушкетами, в то время как противник – казнозарядными ружьями. С тяжелым вооружением было еще хуже: из 108 пушек только 12 были нарезными, а речная флотилия состояла только из деревянных пароходов.

Война с Бразилией была плохо подготовлена дипломатически: Аргентина отказалась предоставить свободный проход парагвайских войск в Уругвай. Более того *портеньо* выступили посредниками между фракциями и заставили *бланкос* сдать Монтевидео. Президентом Уругвая стал лидер *колорадос* В.Флорес. Ф.С.Лопес посчитал это вмешательство достаточным поводом для объявления войны Аргентине. При этом он исходил из того, что эта страна не является серьезным противником. Президент считал, что провинции выступят против диктатора Буэнос-Айреса и ему удастся повторить Монте-Касерос. 18 марта 1865 года парагвайский конгресс провозгласил состояние войны с Аргентиной и присвоил Ф.С.Лопесу чин маршала. В начале апреля два парагвайских корпуса вторглись на территорию Аргентины и стали медленно продвигаться вниз по долинам рек Уругвай и Парана. Быстрое продвижение парагвайских войск в область соперничества Аргентины и Бразилии привел к созданию Тройственного альянса. 1 марта в Буэнос-Айресе представители Бразилии, Аргентины и Аргентины подписали пакт. В силу ряда обстоятельств его ратификация затянулась до середины июня, что позволило парагвайцам полностью оккупировать Мисьонес и выйти на подступы к Корриентесу и Уругваю. Дальнейшее продвижение войск Ф.С.Лопеса было задержано зимними дождями. Убедившись в невозможности дальнейшего продвижения по суше, маршал решил высадить десант в районе Канделарии. Воспользовавшись заминкой, союзники стали концентрировать свои силы для отражения противника.

11 июля 1865 года парагвайская речная флотилия с десантом на борту была встречена бразильской эскадрой, состоявшей из 22 паровых судов. В битве при Ричоэльо, парагвайцы попытались взять имперские пароходы на абордаж, но были отражены артиллерийским огнем. Это сражение приостановило дальнейшее продвижение колонны генерала В.Роблеса у ворот Канделарии, в которую стягивались аргентинцы. Тем временем, 12000 солдат полковника А. де ла Крус Эстигаррибии овладела Уругваяной и стала продвигаться в Риу-Гранде-да-Сул. 17 августа ее авангард под командованием майора П.Дуарте был почти полностью уничтожен имперскими войсками, поддержанными уругвайскими *колорадос* в сражении у Ятая Войска Эстигаррибии отошли в Уругваяну, где решили дожидаться помощи от В.Роблеса. Вместо того, чтобы деблокировать осажденный гарнизон генерал отвел главные силы парагвайской армии за Парану. Впоследствии генерал был отрешен от должности предан военно-полевому суду. 18 сентября пятитысячный парагвайский гарнизон Уругваяны капитулировал. Провал наступле-

ния заставил парагвайцев очистить весь Мисьонес. Начался новый период войны, в котором изолированный Парагвай боролся с крупнейшими державам континента. Армия Ф.С.Лопеса сосредоточилась в районе Умайты, контролировавшей устье Парагвая и Параны. Здесь были сосредоточены 126 береговых орудий и главные силы армии – 25000 солдат под командованием самого президента, ставка которого разместилась в Пасо-Пуку. Продвижение союзников было задержано самой природой: только в апреле 1866 года их войска во главе с президентом Аргентины генералом Б.Митре вышли на подступы к Умайте. 2 мая 35000 солдат Тройственного Альянса одержали победу при *эстеро* Бельяко, уничтожив 2500 солдат противника. Три недели спустя у Туйути произошло одно из самых кровопролитных сражений Южной Америки: на поле боя осталось лежать 6000 парагвайцев и 8000 их противников. Большие потери и неудача бразильской эскадры, которая безуспешно попыталась прорваться мимо Умайты, приостановили наступление союзников. За время передышки обе стороны пополнили свои войска. 3 сентября наступление союзников возобновилось. Имперским войскам удалось овладеть редутом Курусу и выйти на ближние подступы к Умайте. Постоянные неудачи заставили Ф.С.Лопеса искать контакты с Б.Митре, который также искал мира. Их встреча состоялась 12 сентября, но закончилась безрезультатно: их сорвал командующий имперским контингентом генерал Л.А. Лима-и-Сильва маркиз Кашиас, выполнявший инструкции Педру II. Здесь важную роль сыграла личная обида императора, уязвленного наглым поведением Ф.С.Лопеса в 1864 году. (Объективно Тройственный Альянс достиг своей цели и обуздал “агрессора” уже в конце 1865 года.) Срыв переговоров продемонстрировал желание империи вести войну до победного конца – полной капитуляции противника. Несмотря на первый успех до конца войны было далеко. Армия союзников оказалась обескровлена сидением под Умайтой и пирровыми победами Б.Митре. 22 сентября он вновь перешел в наступление на Курупаити и наткнулся на систему парагвайских земляных укреплений *квадрилатеро*, созданную полковником Дж. Томпсоном. Развернутые в них войска генерала Х.Диаса потеряли только 54 человек, уничтожив 9000 солдат противника.

Общественное мнение стран Тройственного Альянса обвиняло Б.Митре в потере более 20 тысяч человек под Умайтой и заставило его уйти с поста главнокомандующего войсками союзников. Его место занял имперский генерал маркиз Кашиас. Обиженный президент увел с собой значительную часть своих контингентов. Вместе с ним ушли и уругвайцы. Оставшиеся аргентинские войска возглавил генерал Эмилио Митре, брат президента страны. Он постоянно уклонялся от участия в решающих операциях, переложив всю тяжесть войны на имперские войска. Перед войной с Парагваем регулярная армия Бразилии была немногочисленной. Она состояла из 22 стрелковых батальонов, 4 гренадерских и 7 кавалерийских полков со штатной численностью 23000 штыков и сабель. Фактически регулярных солдат было еще меньше: в 1840 году на довольствии состояло 12000 человек в армии и 1500 – на флоте. Внушительную силу составляли войска провинций – 60 легионов национальной гвардии, представлявших личную гвардию сахарных и кофейных баронов. Они были хороши для ловли беглых рабов, а не борьбы с регулярными войсками. Имперский военный флот находился в лучшем состоянии и насчитывал более 40 кораблей. Однако этих сил было недостаточно для победы. Так, в мае 1866 года эскадра маркиза Тамандаре не смогла прорваться мимо береговых батарей Умайты. Таким образом, выяснилось, что империя не может вести активные наступательные действия самостоятельно. Следствие этого стала оперативная пауза, затянувшаяся на 14 месяцев. Остановка боевых действий под Умайтой дала повод европейской прессе окрестить ее «Севастополем Америки».

Отрезанный от внешнего мира Ф.С.Лопес не смог воспользоваться передышкой. У него оставалась единственная надежда: отсидеться за брустверами Умайты в ожидании экономического краха империи. Однако правительство Педру II оказалось более устойчиво в финансовом отношении, чем режим его отца. В 1829 году империя была ввергнута в продолжительный

кризис после четырехлетней войны за Банда-Ориенталь (Уругвай). К 1867 году армия Педру II достигла 70 тысяч человек, из которых три составили волонтеры (европейские наемники), а 12 – рабы, которым была обещана свобода. Против Парагвая были сосредоточены 48500 человек, из которых 33 – под Умайтой, а остальные были направлены в мае на Мату-Гросу. Эта экспедиция не добилась успеха: будучи не в силах преодолеть джунгли, корпус возвратился назад. 14 июня на поле боя под Умайтой появился воздушный шар, с помощью которого братья Алэн исследовали позиции парагвайцев. 3 ноября имперские войска начали новое наступление. Во второй битве у Туйути парагвайцы потерпели поражение и отошли. 18 января 1867 года 12 броненосцев, закупленных Бразилией в Великобритании, прорвались мимо береговых батарей Умайты. Ровно через месяц их вымпелы появились ввиду Асунсьона. 24 февраля столица Парагвая подверглась артиллерийскому обстрелу. Парагвайской элите стала очевидна бесперспективность сопротивления, и она предприняла попытку устранить маршала. После неудачного покушения заговор был раскрыт. В него оказались вовлечены два младших брата президента, два министра, епископ Асунсьона и генералы Х.Бругес и А.Барриос. Для суда над заговорщиками были созданы специальные трибуналы (*Tribunales de Sangre*), жертвами которых пали 368 представителей элиты, включая женщин и стариков. Бои у Умайты длились до 24 июля, когда главные силы парагвайской армии отошли на новую оборонительную линию – реку Пикириси. Ставка маршала перебралась в Сан-Фернандо. Гарнизон самой крепости сопротивлялся еще несколько недель.

Когда в августе 1867 года стало ясно, что крепость не удержать, ее комендант полковник П.Ален застрелился. Его заместитель полковник Ф.Мартинес капитулировал с 1300 солдат.

Героическая оборона Умайты позволила главным силам маршала оторваться от противника, который только через три месяца выдвинулся на линию Пикириси. 6 декабря императорская конница полковника М.Деодору де Фонсеки столкнулась на Ипане с уланами генерала Б.Кабальеро, защищавшими мост через речку Итороро. Встречный бой был выигран имевшими численный перевес бразильцами. Несмотря на победу, они понесли большие потери, а их предводитель был тяжело ранен. Этот бой стал встречей двух наиболее выдающихся офицеров противников. Будущий президент Парагвая генерал Б.Кабальеро начал свою военную карьеру в 1864 году. Виртуозность в кавалерийских схватках снискала ему прозвище «кентавра из Ибикуя». Благодаря ней он быстро сделал карьеру и через три года стал генералом. Будущий маршал и первый президент Бразилии Деодору де Фонсека потерял в войне трех своих братьев (из восьми). За храбрость он был трижды повышен в чине. Его прорыв позволил бразильской кавалерии вырваться на оперативный простор: 11 декабря в битве под Аваи произошло новое кавалерийское сражение, в ходе которого парагвайская конница перестала существовать. Через десять дней у Ита Ибате началось решающее сражение войны. Здесь на гряде Ломас Валентинас парагвайская армия пять дней отражала атаки втрое превосходящего противника. 27 декабря маршал Ф.С.Лопес отступил на север с оставшимися 60 солдатами.

После сражения уцелела только речная флотилия, которая эвакуировала раненых в столицу, проскользнув мимо бразильских броненосцев. Агностура капитулировал 30 декабря. Ее комендант Дж.Томпсон посчитал сопротивление безнадежным и сдал последний оплот на пути к столице. 1 января 1869 года бразильские войска вошли в Асунсьон, и император считал войну оконченной. Он даровал титул герцога маркизу Кашиасу и наградил своих солдат и офицеров. Однако Ф.С.Лопес спутал расчеты бразильцев. Остатки его войск перебравшись в район Сьерра-Леон, расположенный в 62 километрах к востоку от столицы. Речная флотилия расположилась в Вапор-Куэ, а гражданская администрация – в Пиребебуе. В Азскуре, Сьерра-Леоне и Пиребебуе были созданы депо, в которых началось формирование новых полков. Под ружье ставились старики и подростки, и вскоре парагвайцы стали угрожать коммуникациям союзников. Под знамена Ф.С.Лопеса продолжали стекаться уцелевшие у Ломас-Валентинас, а также подкрепления из северных гарнизонов.

Император требовал от герцога окончательного уничтожения противника. Однако Кашиас тормозил подготовку экспедиции, поскольку неожиданно столкнулся с саботажем аргентинцев. Выполняя волю своего брата, генерал Э.Митре прилагал все силы, чтобы предотвратить поглощение Парагвая Бразилией. Уже 20 марта он разрешил Парагвайскому Легиону, сражавшемуся под знаменами Аргентины, использовать национальный флаг. Этот корпус был сформирован парагвайскими эмигрантами и состоял из кавалерийского полка и пехотного батальона, которые едва насчитывали 500 человек. Многие из них разошлись по домам после вступления союзников в Асунсьон. Э.Митре наотрез отказался посылать своих солдат на Пиребебуй, мотивируя это тем, что война окончена. По приказу императора, который стремился к полной оккупации страны, герцог Кашиас направил против Ф.С.Лопеса корпус генерала М.А.Осориу, состоявший исключительно из имперцев и наемников. К ним присоединился и Парагвайский Легион, численность которого снизилась до 350 человек. Уже в ходе кампании он пополнился дезертирами. Избегая решающего сражения, плохо вооруженные парагвайцы отступали к Пиребебуй. По пути они изматывали противника засадами и налетами. 12 августа на подступах к Пиребебуй произошло сражение, в котором солдаты М.А.Осориу разгромили противника и захватили архив республики. Остатки парагвайской армии во главе с Ф.С.Лопесом ускользнули из окружения и отошли в Вапор-Куэ. Разгоряченные боем наемники учинили резню среди гражданского населения. Эти события получили огласку в Европе и послужили причиной отставки генерала. Через четыре дня у Акоста-Нью бразильцы полностью уничтожили парагвайский заградительный отряд под командованием полковника Ф.Овьедо. Большую его часть составляли 14-летние мальчишки.

Благодаря их самопожертвованию парагвайскому президенту удалось оторваться от преследования и соединиться с флотилией в Вапор-Куэ. Здесь выяснилось, что устье реки блокировано бразильскими броненосцами. Тогда Ф.С. Лопес приказал уничтожить корабли и отдал приказ уходить по суше на соединение с гарнизонами Магу-Гросу. В конце августа у него оставалось около 2500 человек, но бразильское командование решило не рисковать. Для уничтожения остатков парагвайской армии был отряжен корпус графа д'Э, зятя императора. 8 февраля 1870 года, сильно поредевший отряд Ф.С.Лопеса достиг Серро-Коры и разбил лагерь. 1 марта они неожиданно подверглись атаке 8000 солдат дивизии полковника Ф.Пейшоту (будущего маршала и второго президента Бразилии). Последние пятьсот защитников республики были разбиты в скоротечном бою, в котором погиб Ф.С.Лопес, его сын и вице-президент Д.Ф.Санчес. Среди пленных оказался генерал Б.Кабальеро. Война 1864-70 годов с Тройственным Альянсом стала тяжким испытанием для парагвайского народа. Построенная на бонапартистских началах, парагвайская армия показала высокую боеспособность. Несмотря на значительное количество развернутых военных частей (30 пехотных батальонов, 23 кавалерийских и 4 артиллерийских полков, общей численностью в 30000 человек) и высокую боеспособность парагвайцы были буквально раздавлены превосходящими силами Бразилии. Немаловажную роль в этом поражении сыграла стратегическая изоляция Парагвая с началом войны сразу потерявшего доступ к океану и рынкам современного оружия.

В 1874 году полуторатысячная правительственная армия численностью под командованием Б.Феррейры легко разбила четырехтысячную монтонеру генерала Б.Кабальеро. В этот период вооруженные силы Парагвая комплектовались из сподвижников *каудильо* и представляли собой регулярные банды, генетически восходящие к *монтонере*. Так, батальон *Гуарара* состоял из сторонников президента Х.Б.Гиля. После его убийства он был переформирован в президентскую гвардию. К 1887 году армия имела на вооружении канонерку *Пинаро* и насчитывала 347 кавалеристов и 1314 пехотинцев в составе батальона президентской гвардии и четырех застав (Арекутакуа, Манцувира, Имата и Куареноти). Посетивший Парагвай в конце XIX века английский путешественник так описывал пограничников:

«Нам встретился первый военный кордон на границе. В 2-3 закоптелых хижинах живет от 20-30 солдат. Европейского строевого обучения и подготовки эти солдаты не имеют. Вооружены они однозарядными ружьями и мачете. Дальше, в последовательном порядке до самой столицы расположены еще четыре кордона. Два из них расположены к северу от дороги, где кочуют «дикие» индейцы. От последнего из них до Асунсьона 3-4 дня пути...»

Несмотря на это, у парагвайцев оказалось достаточно сил, чтобы пресечь боливийские попытки закрепиться в Баия Негра, куда они так неосмотрительно впустили. С 1895 года правительством президента Эскобара были предприняты попытки по повышению боеспособности. В 1895 году правительство направило 25 офицеров на обучение в Чили и Аргентину. Три года спустя парагвайская армия преобрела 2000 магазинных ружей *Веттерли* с тремя сотнями патронов на ствол. В ее составе появились два эскадрона улан, батальон и нескольких рот пехоты. Революция 1904 года стала переломной точкой в развитии армии. Именно после нее были заложены основы победоносной войны в Чако. Две тысячи солдат армии либералов стали основой новых вооруженных сил республики, заменив милицию, составленную из сторонников Национальной ассоциации *Колорадо*. Расширился и арсенал армии. Флотилия пополнилась судами, приобретенными в Аргентине (самым крупным из них была *Конституция*, с 6 пушками и 70 человеками экипажа). В 1905 году усилиями *чилийцев* (офицеров, обучавшихся в Чили) была создан Генеральный штаб и основана военная школа с пятилетним курсом обучения. Первоначально в ней было только 4 преподавателя и 20 кадетов.

Год спустя правительство президента Б.Ферейры провело унификацию вооружения. Вместо растерянных за время революции ружей *Веттерли* на вооружение поступили 8500 винтовок и 1500 карабинов *Маузера* калибра 7мм. Если до этого офицеры сами приобретали себе пистолеты и боеприпасы к ним, то теперь бельгийский *Браунинг* образца 1903 года стал штатным оружием офицеров и полицейских. Всего было приобретено около двух тысяч пистолетов этого типа. Вместе со стрелковым оружием в Парагвай прибыли современные артиллерийские системы – 2 батареи пушек Круппа образца 1903 года (с 240 выстрелами на орудие), а также некоторые другие виды снаряжения. В те же годы началось восстановление арсенала в *Сайонни*, который в скором времени начал изготавливать патроны и ремонтировать стрелковое оружие.

ПАРАД В АСУНЬСЬОНЕ 1927 ГОД

Поступление современных видов вооружения и создание ремонтной базы позволило увеличить численность сухопутных войск и ввести в 1908 году обязательную военную повинность. Страна была разбита на пять военных округов со штабами в Концепсьоне (I), Парагуари (II), Вилья-Айесе (III, позже переведен в Пилар), Энкарнасьоне (IV) и Фуэрте-Олиμπο (V). Б.Ферейра планировал создать в каждом военном округе по пехотному батальону, кавалерийскому эскадрону, инженерной роте и артиллерийской батарее (полевой или горной) и довести числен-

ность армии до 10000 человек. Эти части должны были стать центрами обучения конскриптов. Недостаток средств позволил развернуть только 2 пехотных батальона, 3 эскадрона, инженерная рота и 2 полевые батареи в II и IV округах. Небольшие комендантские отряды располагались в Пиларе и Фуэрто-Олиμπο. Впервые были установлены нормы довольствия военнослужащих.

Во время гражданских неурядиц 1908-12 годов многие из начинаний были забыты. Прекратили свое существование флотилия, Генеральный штаб и военная школа, гарнизоны округов были переформированы, а кавалерия была сведена в полк, ставший козырем в борьбе за власть одного из последних парагвайских *каудильо* А.Хары. Победа его фракции в гражданской войне отбросила военную организацию Парагвая на десять лет назад. В августе 1912 года президентом страны стал Э.Шерер, который начал восстанавливать регулярную армию. Год спустя по его приглашению в страну прибыла немецкая военная миссия, которая приступила к обучению войск. Немаловажную роль в ее приглашении сыграл запрет размещения займа на Парижской бирже в декабре 1911 года и немецкие корни главы государства. Военная миссия проработала около года, но смогла внедрить в армию прусскую военную форму и уставы. После того, как в начале мировой войны немцы уехали, инициативу перехватили офицеры, получившие образование за границей. По их инициативе в 1915 году были восстановлены Генеральный Штаб, а через год военная школа, куда были приняты первые 44 кадета. Ее директором стал полковник Манлио Скенони (1879-1950), получивший военное образование в Чили. После возвращения с учебы в 1905 году М.Скенони долгое время был сотрудником Генерального Штаба. Усилия чилийцев не пропали даром: в 1917 году армия насчитывала 108 офицеров, 135 сержантов и 2255 рядовых.

Правительство Э.Шерера заинтересовалось возможностями нового вида оружия – авиации. Перед Первой мировой войной во Францию был отправлен на обучение унтер-офицер Сильвио Петиросси, ставший первым военным пилотом страны. В 1914 году он окончил летную школу в Реймсе и вернулся на родину вместе с монопланом *Деперюсена* модели Т. До его прибытия парагвайское правительство объявило о создании летной школы, первым директором которой был назначен чилиец Э.Молина Лавин. В ее парке находились 4 самолета (2 *Блерио*, *Фарман* и *Анзони*), на которых обучались несколько пилотов. Отсутствие ремонтной базы приводило к быстрому износу машин. Так, два года С.Петиросси потерпел аварию в небе Буэнос-Айреса и погиб. Тогда же летную школу возглавил шведский эмигрант капитан Э.Далквист. Только окончание мировой войны позволило обновить парк самолетов, для покупки которых в Европу был направлен один из выпускников школы – лейтенант А.Эскаррио. В августе 1919 года по его приглашению в Парагвай прибыли несколько инструкторов из итальянской военной миссии в Аргентине с 2 самолетами (*Лоне* тип 3 и *Ньюпор – Макки М.7*), а затем немецкий военный летчик – обер-лейтенант Оскар Граве.

Развитие вооруженных сил происходило под эгидой министра обороны полковника А.Чирифе. Это был наиболее опытный и авторитетный парагвайский военный, служивший в чилийской (1897-1903 гг.) и германской армиях (1904-7 гг.). Он широко ратовал за привлечение в ряды парагвайской армии немецких офицеров, потерявших службу после сокращения рейхсвера. По сообщению офицера парагвайской кавалерии штаб-ротмистра С.В.Голубинцева, в 1921 году три четверти иностранных инструкторов были немцами. Так, при Генеральном штабе состояли майоры Гестефельд и Притвиц унд Гафрон, пехоте – майор Вейс, артиллерии – майор фон Рудко-Ружинский, а флоте – фрегатен-капитан Эсс и его адъютант Бауэр. Кроме них в армии были и другие иностранцы – испанский артиллерийский капитан, сербский пехотный лейтенант и лейтенант английской службы Брей. С.В.Голубинцев оказался в парагвайской кавалерии тоже по приглашению А.Чирифе, который во время посещения Буэнос-Айреса пригласил его на службу. В отличие от других русских офицеров это был

типичный искатель приключений, сменивший Донскую Армию на французский Иностраннный Легион в Марокко, а после парагвайскую службу на милицию штата Рио-Гранде-да-Сул.

Влияние А.Чирифе было в армии столь велико, что его позиция способствовала отставке президента Гондры, передавшего власть более энергичному политику своей фракции – Эусебио Айяле. Новый глава государства предпринял ряд мер по восстановлению контроля над армией. Она состояла из 4 пехотных батальонов (по 3 роты), кавалерийского полка (4 эскадрона), 2 полевых батарей, жандармского эскадрона, саперной роты, маленькой радиостанции и авиационного парка. Весь старший командный состав состоял из генерала Эскобара и 4 полковников (А.Чирифе, М.Скенони, Роха, Брисуэлью). Флот имел в своем составе две канонерские лодки *Эль Триумфо* и *Адольфо Рикельмо*, а также несколько катеров. Сильный командующий был опасен, поэтому Айяла назначил военным министром полковника Роха, а А.Чирифе был назначен командиром военной зоны в Парагуари. Его соперник М.Скенони возглавил Генеральный Штаб и разработал программу реорганизации парагвайской армии. Она предусматривала формирование в каждом из военных округов по смешанному полку в составе 2 батальонов пехоты, эскадрона кавалерии и батареи артиллерии и восстановление речной флотилии. Общая численность вооруженных сил должна была достигнуть 780 офицеров и 11700 солдат. Офицерский корпус планировалось пополнить за счет увеличения числа слушателей в военной школе и военной подготовки студентов, для чего началась реализация программы подготовки резервных офицеров под руководством полковника К.Рекалде. Следствием этого шага стало быстрое размывание корпоративности офицерского корпуса, пополненного интеллигенцией. По приказу министра капитан Х.Ф.Эстигаррибия стал формировать в Вилье-Айес новый саперный батальон (4 роты).

Недовольный своим положением Чирифе стал готовить переворот, но правительство опередило его. 3 мая батальон Эстергаррибии был переброшен в столицу, а шесть дней спустя были посажены под домашний арест участники заговора – офицеры Эсс и Бауэр. Усиление президентского контроля над вооруженными силами очень не понравились А.Чирифе, который 27 мая выступил со своими солдатами на Асунсьон. Его поддержали командующие III и IV военных зон полковники Мендоса и Брисуэлью, а генерал Эскобар “заболел”. Сторону мятежников принял авиационный парк и все немецкие инструкторы, в спешном порядке выехавшие в Парагуари. Наступавшие на Асунсьон войска трех округов насчитывали 9 пехотных батальонов при 12 полевых орудиях и трех эскадронов кавалерии. На помощь им двигалась группа Брисуэлью в составе 2 пехотных батальонов, пулеметной роты, артиллерийской батареи и кавалерийского эскадрона. М.Скенони был назначен командующим правительственными войсками. Он действовал очень энергично и организовал эффективную оборону столицы. В начале июня у него имелось пять пехотных батальонов (2 регулярных и 3 добровольческих), три эскадрона кавалерии (гвардейский и два добровольческих под командой курсового офицера военного училища Иррасабалы и майора Вальдеса), речная флотилия и 6 полевых орудий. Основу правительственных сил составили полиция и профсоюз грузчиков, общее командование над которыми было поручено майору Эстигаррибии. Вскоре из Аргентины прибыли два самолета с пилотами: англичанином Стюартом и сербом Кусманичем. Этими силами удалось отбить первый наскок мятежников, а 29 мая даже перейти в контрнаступление. Ввиду явного численного превосходства сил Чирифе нападение на его войска было отложено. Приведя свои части в порядок, мятежники обложили Асунсьон с востока. К сентябрю выяснилось, что правительство не имеет запасов стрелкового оружия, необходимого для формирования новых боевых частей. Несмотря на то, что аргентинское правительство наложило эмбарго на его продажу участникам конфликта, М.Скенони удалось приобрести в Чили 2500 винтовок *Маузера* и 12 пулеметов *Максим*. В апреле Эусебио Айяла передал власть своему энергичному кузену Элигио, который организовал подавление мятежа и назначил М.Скенони военным министром. В железнодорожных мастерских под руководством гардемарина В.Г.Бабаша был построен бро-

непоезд, оснащенный морскими пушками Виккерса. Он принял участие в обороне города, но главный упор был сделан на авиацию. Разными путями в страну были доставлены 14 самолетов (по одному *Витворт* FK8s, *Спад -Эбрмон* S20 и *Капрони*, по два *SAML* S1s, *де Хэвилленд* DH-6 и *Ансальдо* SVA10s и пять *Ансальдо* SVA5s). Два аэроплана были подарены Германией, а остальные были закуплены через Бразилию и Аргентину. *Капрони* и один *де Хэвилленд* не достигли Парагвая, разбившись при перелете. Отсутствие собственных пилотов привело к тому, что в правительственных ВВС был высок процент иностранцев. Часть из них была наемниками (пилоты, летавшие под псевдонимами Стюарт и Браун), а остальные эмигрантами (например, Кусмасич – из Австро-Венгрии, а Н.Бу – из Италии). Правительственная авиация оказалась решающее значение в отражении второго штурма Асунсьона, проведенного мятежниками 9 июля 1923 года. После этого правительственные войска при поддержке бронепоезда перешли в контрнаступление в направлении Парагуари. Их поддержала *монтанера*, поднятая местными *хефе* Восточного Парагвая, недовольными политикой Э.Шерера. Скованная их действиями группа полковника Брисуэлью (2 батальона, пулеметная рота и батарея и эскадрон) так и не оказала поддержки главным силам А.Чирифе, ведущим бой у Вильярики. Во время дальнейшего отступления лидер мятежников неожиданно умер. Его смерть лишила мятежников талантливого вождя и надежды на победу. Правительственные войска, составившие 1 и 2 полки, при поддержке *монтанеры* быстро разгромили повстанцев и вытеснили их бразильской границе, положив конец гражданской войне.

Победа сделала М.Скенони непререкаемым военным авторитетом среди либералов. На протяжении пяти последующих лет он стоял во главе вооруженных сил и способствовал искоренению немецкого духа из армии. Почти все немецкие офицеры за поддержку или “сочувствие” А.Чирифе были уволены с военной службы, а некоторые даже высланы из страны. Это не остановило военную реформу. Уже в 1925 году выяснился еще один узкий момент – отсутствие офицерских кадров, необходимых для укомплектования полков. Поэтому в 1925 году в страну была приглашена французская миссия во главе с полковником Е.М.Ж.Куленом. В ее составе был майор авиации Х.С.Л.Фромон, который возглавил летную школу. По его инициативе авиационный парк был пополнен пятью учебными машинами (три *Анрио* и два *Морана-Солинье*),

а также четыре старых самолета (их планировалось использовать как макеты). Учитывая, что к этому времени боеготовыми были только три *Ансальдо* (из шести) Парагвай обладал только восемью самолетами вместо двадцати двух. В основу военного строительства была положена французская военная организация и тактика. При военной академии был создан штабной колледж, а кроме летной школы, были созданы курсы для подготовки офицеров других родов войск: пулеметчиков, кавалеристов, инженеров и артиллеристов. К 1927 году регулярная армия начала качественно меняться, но была по-прежнему очень мала: в ее составе числилось 175 офицеров (из них 20 Генерального Штаба) и 2679 солдат.

К началу 1924 года в вооруженных формированиях, включая полицию, насчитывалось почти 4000 человек. Сухопутные части состояли из 1 и 2 смешанных полков, расположенных гарнизонами в Консепсьоне и Асунсьоне, соответственно. В их кадровом составе насчитывалось 131 офицер и 2381 солдат. Сыгравшая важную роль в борьбе с мятежниками, речная флотилия насчитывала 26 офицеров, 217 матросов и 3 корабля: военный транспорт *Ричуэльо* и канонерские лодки *Эль Триумфо* и *Адольфо Рикельмо*. Продолжали существовать военная, морская и летная школы. Ревизия показала, что гражданская война очень сильно опустошила парагвайские военные арсеналы: на вооружении находились только 4000 винтовок, 14 пулеметов *Максим* и 25 артиллерийских орудий *Виккерса*, *Крупна* и *Гочкиса*. Большинство из них устарели и не отвечали требованиям современной войны, а значительная часть требовала ремонта. Поэтому новое правительство Парагвая разместило заказ у Виккерса и приобрело три с половиной миллиона винтовочных патронов в Аргентине.

Вооружения Боливии вызвали естественную озабоченность у правительства Элигио Айялы, который поручил М.Скенони разработать новый план реорганизации парагвайской армии и провести закупку необходимого вооружения. Уже в 1925 году генерал представил конгрессу очень амбициозный, но трудно реализуемый план. Согласно ему в каждом из четырех военных округов Восточного Парагвая должна была быть развернута автономная группа в составе 3 пехотных и кавалерийского полков, батальона инженеров и артиллерийского дивизиона численностью 5280 солдат и офицеров. Для их вооружения требовалось приобрести 13853 винтовки и 7600 карабинов с 20552 штыками к ним, 1227 пистолетов, 1700 кавалерийских пик и сабель, 128 станковых пулеметов, 96 пушек и 32 гаубицы, а также значительное количество радиотехнического оборудования и оптику. Кроме боевых частей в состав групп (фактически дивизий) должны были войти части тылового обеспечения, санитарные и другие учреждения. Количество офицеров Генерального Штаба должно было увеличиться до тридцати. Находясь под впечатлением опыта гражданской войны, М.Скенони считал необходимым приобретение 2 канонерских лодок и 64 самолета. Общая сумма закупок должна была составить семь с половиной миллионов американских долларов. Эта сумма составила семь годовых военных расходов Парагвая и на треть превышала весь бюджет страны.

Финансовые возможности республики не могли удовлетворить всем запросам Скенони, и его план был принят в урезанном виде. На заседании правительства было решено, что «в рамках первой мобилизации» будет закуплено 3453 винтовки, 1900 карабинов и 5138 штыков к ним, 176 лёгких и 32 станковых пулеметов, 8 минометов и 32 горных орудия (24 75мм пушек и 8 105мм гаубиц), по четыре сотни сабель и пик и 75 биноклей. Боеприпасы составили отдельную статью расходов, поскольку их заказы касались всех видов вооружения. Всего было приобретено 10 миллионов патронов, 2 миллиона капсулей, 3000 шрапнелей и 7800 75мм гранат, 1200 дымовых снарядов и 2000 105мм гранат. Средства связи были также сильно урезаны: в новом плане закупок числились только 12 радиостанций и 6 радиокоммутаторов мс двойным количеством телефонов. Количество самолетов было снижено до 16 единиц: 8 бомбардировщиков и по 4 истребителя и разведчика. Общая стоимость заказа составляла 2 миллиона золотых песо или военный бюджет республики за два с половиной года. Кроме сухопутных вооружений в Италии за полмиллиона золотых песо были заказаны две современные 745-тон-

ные канонерские лодки *Парагвай* и *Умайта* и оборудование для военно-морского арсенала, директором которого был назначен итальянец Басарно.

16 октября в конторе банкирского дома *Бэринг* был открыт счёт, на который были перечислены 96614 фунтов 11 шиллингов и 8 пенсов, предназначенных для закупок вооружения и обмундирования.

Первый заказ был сделан 16 января 1926 года. Он предусматривал поставку в течение полугодия 2000 комплектов обмундирования. Через четыре дня 54030 золотых песо были переведены в Аргентину в счёт оплаты полутора миллионов винтовочных патронов. В апреле последовал ещё один заказ на 2 миллиона патронов. В марте того же года с испанским государственным арсеналом *Армас де Овьедо* был заключён договор на поставку 8463 винтовок и 1900 карабинов *Маузера* по цене 175 песет за ствол. Впоследствии за испанскими *Маузерами* сохранилось прозвище «убийц». Общая стоимость заказа была чуть больше трёхсот тысяч долларов. Более удачно удалось разместить заказы в Дании. Там в августе были заказаны 176 ружей-пулеметов *Мадсена* за 240400 американских долларов. В феврале следующего года из США прибыли 32 пулемета *Кольта-Браунинга*, которые обошлись парагвайской казне за 35586 долларов. Чуть ранее из Нидерландов поступили 56 биноклей и 11 теодолитов. В Льеже были заказаны три сотни *браунингов* с 25 тысячами патронов к ним и полтысячи сабель. Эта роскошь обошлась для казны в 1365 фунтов. Кроме того, в Льеже было заказано два с половиной патронах дополнительно. Его стоимость составила 32000 фунтов.

25 апреля 1926 года во Франции был размещен заказ на 24 миномета *Брандта-Стокса* и 16 75 мм горных пушек и 8 105мм горных гаубиц системы *Шнейдера*, а также 13 самолетов (6 *Потез* и 7 *Вибо*). Это оружие обошлось парагвайской казне в астрономическую для масштаба страны сумму – около 11 миллионов франков (около 140000 фунтов стерлингов).

Ко времени инцидента в Вангардии в Парагвай прибыла только часть заказанного в Европе оружия. Им удалось обеспечить только 13000 солдат, которые были развернуты в 8 пехотных и 2 кавалерийских полка, артиллерийскую группу и инженерный батальон. На вооружении они имели 29 пулеметов системы *Максима* и 37 старых пушек разных систем. Этого явно не хватало для успешного ведения войны с Боливией. Поэтому прекращение конфликта было воспринято в парагвайских военных кругах с большим облегчением. Передышка была использована для наращивания вооружений. В 1928 году М.Скенони получил портфель военного министра в кабинете Х.П.Гуджиари и приступил к ликвидации изъянов, выявленных в ходе мобилизации 1927 года. В первую очередь, его деятельность была направлена на пополнение армейских арсеналов. Уже в феврале 1929 года в страну доставили 22 пулемёта, 5 миллионов патронов, 16 авиационных двигателей, 7 телеграфных станций, 25 парашютов и 5 фотопулемётов. несмотря на нехватку средств, военный министр приобрел в Бельгии 7000 винтовок *Маузера* и 200 ружей пулеметов *Мадсена* в Дании. Из тяжелого оружия во Франции были дополнительно куплены 24 миномета, а в Аргентине – пять учебных самолетов, а во Франции 12 авиационных пулемётов. Всего с начала реализации плана 1925 года Парагвай затратил на оружие 11145633 французских франков или 150600 фунтов стерлингов.

В 1930 году в составе сухопутных войск числились 8 пехотных и 2 кавалерийских полка, инженерный батальон и артиллерийская группа. Авиация состояла из летной школы, транспортной группы и двух боевых эскадрилий (разведывательной и истребительной). При помощи иностранных специалистов было улучшено управление войсками. Так, когда 20 февраля 1931 года полтора десятка анархистов захватили Энкарнасьон, военному министерству потребовалось 16 часов для ликвидации мятежа. В том же году на будущем театре военных действий было развернуто оперативное соединение (1 дивизия) со штабом в Пуэрто-Касадо. В неё вошли кавалерийский (2 *Толедо*) и 2 пехотных (2 *Итороро* и 4 *Курупаити*) полка, артиллерийская группа (2 *Генерал Роа*), медицинские, интендантские и транспортные подразделения.

Непомерные аппетиты военного министра и жестокая расправа над инсургентами в Энкарнасьоне вызвали серьезное общественное недовольство. В начале осени в *форте Галпон* произошёл солдатский мятеж. В его результате погибли трое и были ранены еще восемь парагвайцев. Недовольство столичной общественности большими военными расходами, скрытая оппозиция внутри офицерского корпуса и откровенная травля в деле закупок вооружения со стороны *калорадос* принудили генерала М.Скенони подать в отставку. Это произошло 14 апреля, ещё через девять месяцев покинул Президентский дворец Гуджиари. Его преемником стал Эусебио Айяла, которому предстояло провести Парагвай через большую войну. Несмотря на то, что М.Скенони не удалось полностью реализовать свои планы, этот талантливый военный организатор сделал, что смог. К началу военных действий парагвайская армия оказалась гораздо в лучшем состоянии, чем за три года до этого. Кадровая армия к этому времени насчитывала 3759 человек и на бумаге располагала обученным резервом в 20000 и достаточным количеством стрелкового оружия. В этот раз мобилизационные мероприятия прошли организованно и успешно. Уже через месяц к боевым действиям были готовы 5 пехотных и 3 кавалерийских полка, 2 артиллерийскими группы и инженерный батальон. В дополнение к ним в тылу формировались ещё 3 пехотных и 2 кавалерийских полка, третья артиллерийская группа и инженерный батальон.

Знаки различия

Digitized by Google

Original from
 UNIVERSITY OF MICHIGAN

II
 .Начало.

1. Планы сторон.

Доктрины и стратегические концепции. Прогнозирование характера военных действий и военные планы сторон.

С точки зрения военной теории ни Боливия, ни Парагвай не имели полноценного плана военных действий. В головах их военных руководителей витали смутные идеи, которые периодически излагались на бумаге. Например, в Боливии господствовали идеи генерала Г.Кундта, положившего в основу плана захвата Чако метод «ползучей оккупации». После его отставки никаких внятных оперативно-стратегических планов в Генеральном Штабе не имелось. Парагвайское военное руководство пыталось разработать стратегический план войны, но разошлось во мнениях относительно оперативного планирования. К началу боевых действий Генеральный Штаб имел некий план, разработанный его начальником Х.Айялой. Способности этого офицера были весьма ограничены и его проект скорее напоминал некую директиву, чем настоящий план. Реальное оперативное планирование в Генеральных Штабах обеих армий началось на рубеже 1932 года, когда оперативный отдел Генштаба Боливии возглавил немецкий генерал Клюг, а начальника армии Парагвая одно время замещал русский генерал И.Т.Беляев.

Осмысление исторических фактов гораздо труднее, чем их извлечение на свет. Понимание такого явления, как война, никогда не может считаться завершенным. История войны в Чако не может игнорироваться, ибо она предвосхитила опыт многих войн XX века. С другой стороны, это была последняя локальная война за национальные интересы без привлечения тоталитарной идеологии. Эта война, как и все другие, возникла вследствие экономического соперничества держав, конкуренции, захватов, борьбы, ограниченности и злой воли политических лидеров. Можно констатировать, что элита Боливии и Парагвая, их военные и политики, долгое время балансировали на грани мира и войны, разжигая в собственных целях пограничный конфликт. Территориальная проблема нередко превращается политиками в выгодную ситуацию, столь необходимую для отвлечения общественного мнения от внутренних проблем страны. Качество решений в конфликтной ситуации зависит от политической культуры их принимающих. В 30-е годы XX века в Латинской Америке гражданское общество только нарождалось. Одновременно происходило изменение представлений о войне и мире, росло осознание социальных и материальных последствий войны. Однако, креольская верхушка по-прежнему культивировала пережитки *монтонеры* и *каудильизма*. Латифундии оставались оплотом феодализма и патернализма. В этих условиях политическое мышление правящих классов неадекватно воспринимало реальность и представляла собой пеструю мозаику прогрессивных и реакционных идей. Вследствие этого в кризисных ситуациях часто принимались поспешные решения, которые только усугубляли положение. Наиболее явно это происходит в условиях напряженности, когда правительствами абсолютизируется мощь оружия и золота. В подобных условиях военщина подсказывает силовое решение. Этот путь часто не соответствует интересам нации, поскольку пределы роста военной силы ограничены. Достигнув определенного предела, военные перестают играть роль политического регулятора внутри страны. В таких условиях безопасность утрачивается в региональных масштабах, процесс выходит из-под контроля, и перетекает в военный конфликт.

Анализируя любую войну, следует учитывать не только соотношение сил и качество оружия ее участников, но и их гражданскую позицию. Политические приоритеты подвержены мощному влиянию общественных условий. Конкретный исторический период порождает в любой стране своих гениев и злодеев, новые надежды и опасности. Модернизация Латинской Америки сопровождалась освобождением от гнета иностранного капитала и земельной олигар-

хии. В ходе ее общество освобождалось от предрассудков и заблуждений эпохи *каудильо* и связанной с ними военщины. Прошло еще полвека прежде. Чем этот процесс завершился, но уже тогда становилось ясно, что наступили новые времена. В этих условиях иностранный капитал также менял тактику, меняя «большую дубинку» на политику «доброего соседа». Эклектизм взглядов и ломка прежней морали определили у политических лидеров такие черты как подозрение, страх и недоверие. Они стали стимулами для нарушения стратегической стабильности на континенте.

Милитаризм, присущий верхушке латиноамериканского общества, стимулировался накоплением оружия. В условиях нестабильной политической ситуации военный потенциал становится средством престижа и самоутверждения нации. Несмотря на то, что обладание новыми видами вооружений само по себе не становится причиной войны, оно является важным средством достижения политических целей от защиты и обеспечения безопасности до угрозы и давления. Этот фактор поныне способен подтолкнуть к силовым решениям психологически готовых к войне политиков. Боливия имела больше техники, ее войска были прекрасно экипированы, в то время как Парагвай был настолько беден, что его солдаты шли в атаку босиком. Английское оружие оставалось бы железом на складах, а солдаты – в казармах, если бы не люди, приведшие военную машину в действие – Даниэль Саламанка и его генералы. Руководствуясь своими идеями и миражами, они намеренно спровоцировали военную конфронтацию вокруг Питиантуты, вылившийся в трехлетнюю войну. Парагвайские либералы, перед которыми также стоял ряд неразрешимых внутривнутриполитических проблем охотно подхватили эстафету, начав общую мобилизацию. Таким образом, война в Чако стала не столько следствием гонки вооружений, сколько стремлением элиты обеих республик решить свои внутренние проблемы за счет соседа.

Джингоистская пропаганда вкупе с недостоверной информацией сыграла на патриотизме *чоло* и породила массовый психоз, который облегчил перерастание пограничного конфликта в Чако в широкомасштабную войну. Информационно-психологическая ситуация, созданная по заказу олигархов прессой Боливии и Парагвая, превратилась в мощную политико-идеологическую доминанту, заложниками которой стали сами инициаторы конфликта. Набрав силу, пропаганда и информация превратились в независимый от политиков и военных фактор, который обрел такую мощь, что повлиял на ход дальнейших исторических событий на два десятилетия вперед. Война в Чако стала не только военным, но и социальным потрясением для Боливии и Парагвая. После нее в обеих странах произошло коренное размежевание общества, приведшее Боливию к революции 1952 года, а Парагвай к диктатуре Альфредо Стресснера. С расстрела герцога Энгиенского любой агрессор стремился представить свои действия как вынужденные меры, вызванные высшими соображениями общей безопасности. При этом другая сторона объявляется опасным врагом, угрожающим целостности и процветанию. Часто к этому добавляется ссылка на историческую несправедливость. Действия инициаторов Чако-войны – президентов Д.Саламанки и Э.Айялы, со стоявшим у них за спиной Х.Ф.Эстигаррибией, Э.Пеньярандой, Д.Торо, О.Москосо и Р.Франко, противоречили логике общественного развития обеих республик. Преследуя различные интересы, эти и другие лидеры не смогли предвидеть общественного резонанса на содеянное ими. Никто из них не пытался соизмерить поставленные цели с усилиями по их достижению. На первом этапе конфликта оба противника старались избегать ситуаций, загоняющих их соперника в угол. Типичным примером этого является конфликт в Вангардии или превентивная оккупация парагвайских *фортинов* в июне 1932 года. Парагвай ответил на эти действия полумерами продвижением к 7 километру. Боливийская пресса приукрасила подвиги защитников *Бокерона*, а после его падения обвинила парагвайцев в расправе над пленными у *Питиантуты* и *Бокерона*. С умножением взаимных уколов росло ожесточение сторон. Иррационализм политического мышления руководителей обеих стран был не столько свойством их посредственных личностей, сколько резуль-

татом сцепленных между собой, логически вытекающих друг из друга политических событий и военных обстоятельств. Ставка на войну оказалась проигрышной для всех – и Д.Саламанка, и Э.Айяла были свергнуты, а военные вожди были отодвинуты на задний план.

Жомини называл войну «драмой, исполненной ужаса и страстей». Она состоит из четырех частей. В первой ее части пушки еще молчат, но работают политики, которые определяют действующих лиц и финансисты, приобретающие оружие. Их усилиями происходит скрытая мобилизация всех сторон общественной жизни и создается образ врага. Первые выстрелы звучат уже в этой части, но они говорят лишь о нарастании напряжения, которое вырывается наружу во второй, самой короткой части – начальном периоде войны. Перед каждой из сторон возникает противник в виде страны и ее армии. Текут операции, слагаются кампании, в ходе которых одна из сторон обретает решительный перевес. Третий акт протекает при решительном перевесе сил одной из сторон. Победитель, стремясь реализовать победу, выполняет миссию пристава, явившегося получить по долгу, а проигравший обретает энтузиазм отчаяния. Первый пытается реализовать свой успех и натывается на всенародное сопротивление. Если противнику его удастся одолеть война заканчивается, а если нет, то война превращается в затяжную. В ходе третьего акта низшие классы общества постепенно осознают, что «винтовка рождает власть».

Категории военной политики и стратегии, если их искусственно не запутывать, несложны. На протяжении истории их из политических соображений и стремления к наукообразию часто усложняли. Если военные теории доступны пониманию, то их реализация неизмеримо труднее. Для этого требуется организация работы лиц, обладающих военными знаниями и, желательно, талантами. Каждое государство в силу исторических, геополитических и идеологических особенностей имеет свои специфические национальные взгляды на применение вооруженных сил. Принято считать, что они изложены в военной доктрине, однако это не совсем так. Под военной доктриной принято понимать совокупность взглядов на цели и характер войны, включая методы подготовки к ней и способы ее ведения. Проблема состоит в том, что единого документа, отражающего систему этих взглядов, как правило, не существует. Для понимания той или иной доктрины необходимо рассматривать целый ряд вопросов от уставов и инструкций до транспорта и связи, образования и здравоохранения. Каждая страна формирует собственную доктрину на базе военной теории – системе принципов строительства, подготовки и тактики вооруженных сил. Со времен Наполеона они не совпадают, поскольку теория более объективна и интернациональна, а доктрина приспособлена к реалиям конкретной армии. Субъективность последней обратно пропорциональна военному потенциалу государства, ибо учитывает мнение конкретных политических и военных лидеров, уровень которых тем ниже, чем меньше и беднее государство. В подобных условиях военно-политические решения авантюры и имеют мало общего с системой научных знаний и здравым смыслом. Более адекватное совпадение теории и доктрины свойственно богатым и стабильным странам, которыми в XX веке были «великие державы». Сменно в них военное искусство превратилось в науку. Одним из показателей этого стало возникновение «аналитической стратегии».

Периодическое изменение военных доктрин обусловлено не столько научно-техническим прогрессом, сколько изменением социально-политических условий. История большинства из них достойна удивления. Перед первой мировой войной генеральные штабы всех независимых государств находились под влиянием Наполеона и Мольтке и исходили из возможности полной победы над всеми врагами за несколько месяцев. Военные и экономисты начала XX века исходили из предположения, что массовая мобилизация, оторвав от производительного труда массу населения, приведет экономику к коллапсу, а страну к революции. На основании своих резонов они не допускали возможность длительной войны. Короткая, победоносная война расценивалась многими из них как способ избежать внутреннего конфликта. В результате генеральные штабы воюющих стран оказались неподготовленными к ситуации,

когда в ноябре 1914 года маневренная война сменилась окопной. Только тут вспомнили они «мукденское сидение» Куропаткина и опыт русско-японской войны. Вместо трех месяцев вооруженное противостояние растянулось на четыре года.

Ни один генеральный штаб не смог предвидеть, какими стратегическими и тактическими свойствами обладает автоматическое оружие и тяжёлая артиллерия, как их распространение повлияет на войну, соотношение наступления и обороны. Свойства автоматического огня, проявившиеся прежде всего в обороне, оказались совершенно неожиданными для предвоенных теоретиков. Близорукость была потрясающей: как раз накануне мировой войны французы отказались от своей «Баталии» и перешли к доктрине Гранмезона. Даже во время боев на Марне пулеметы обеих противников тащились в обозе и не участвовали в боях.

Причиной банкротства многих военных доктрин заключается не в том, что авторы их плохо составляли, а в другом: в XX веке с одних только военных позиций абсолютно невозможно спрогнозировать даже малую, локальную войну, каковым был конфликт в Чако. Множество различных факторов определяли его развитие во времени и пространстве. Некоторые из них, например, столкновение империалистических интересов не зависели от его непосредственных участников, а были порождены событиями регионального и даже мирового масштаба. К ним относился не только Великий кризис, англо-американское соперничество за влияние в Южной Америки, борьба Аргентины и Бразилии за первенство на материке, но и переход войны, как политического действия, на новый уровень. С развитием технического прогресса война стала социально-экономическим явлением, о чем даже не догадывалась правящая элита обеих республик, привыкшая оперировать военными категориями.

В период между мировыми войнами военные теоретики попытались создать некую абстрагированную стратегию, пригодную для любой страны. Анализируя опыт мировой войны, они разделяли все основные стратегические концепции того времени на две группы, называемые стратегиями сокрушения и измора. Выросшая из наполеоновских сапог стратегия сокрушения была доведена до совершенства Мольтке и Шлиффеном. Ее аксиомой было стремление одним натиском достичь поставленной задачи. После первой мировой войны она виделась как ряд последовательных операций, объединенных одной целью. Три основных элемента операции – сила, время и пространство – при стратегии сокрушения комбинировались в следующем порядке: выигрыш времени и пространства являлся средством, а поражение основных сил противника – целью. Все интересы подчинялись задачам генеральной операции, которая была нацелена на решительный пункт. Именно он в стратегии сокрушения определял все маневрирование, а паузы в нем противоречат ее сути. Согласно этой теории, существует только одно правильное решение, диктуемое боевой обстановкой, и долг полководца – осознать его. Таким образом, задача сокрушения заставляла признать ничтожными все второстепенные интересы и направления и не оставляла полководцу выбора. Оперировав элементами быстроты и силы ударов, войска должны были добиться полного разгрома живой силы противника, главным образом, в одном или нескольких генеральных сражениях, которые должны были обеспечить решающий успех. Стратегия сокрушения была направлена на достижение конечной военной цели, но это еще не означало конца войны. Эта стратегия всегда требовала важной предпосылки: решающей победы. Без таковой наступление на неподготовленном ТВД ставило войска в невыгодные оперативные и материальные условия, при которых малейшая неудача могла обернуться катастрофой. Сторонники стратегии сокрушения после окончания I мировой войны признавали, что в случае военного паритета блицкриг будет невозможен, и решительный пункт может из Седана превратиться в Верден. Доктринеры сокрушения допускали, что в таких условиях военные действия могут потерять маневренный характер, и тогда задача истощения противника станет актуальной, и нацию надо морально готовить к длительной войне.

Стратегия измора предполагала последовательное решение ограниченных задач с гибкой тактикой маневрирования и ставила перед войсками цель постепенно измотать и ослабить

противника перед решающим ударом по нему. При этом она предусматривала не уничтожение вражеских сил, а всемерное ослабление противника, как в политическом, так и экономическом смысле. При этом, принципиально не отрицалась важность уничтожения живой силы, как цели операции, но это была лишь часть задачи вооруженных сил. Стратегия измора должна искать область наименьшего сопротивления неприятеля. В этом случае значимость географических пунктов и вспомогательных операций усиливалась во много раз. Следовательно, распределение сил между главным и вспомогательным операционными направлениями становилось главной дилеммой командования. При этом все операции характеризовались тем, что имели только ограниченную цель, но их проведение должно согласовывалось со стратегическими планами войны. Таким образом, военная теория того времени не слишком далеко ушла от Клаузевица, который делил все военные конфликты на войны с решающими и ограниченными целями.

Англо-саксонские военные концепции базировались на теории адмирала Мэхена, который декларировал возможность победы без решающего столкновения армий. Ее базовой посылкой становилось достижение господства на море и торговая блокада противника. Впоследствии Б.Лиделл Гарт распространил идеи «Морской мощи» на сушу, сформулировав принципы стратегии не прямых действий. Его концепция почти безупречна с этической точки зрения и предоставляет командованию гораздо больше возможностей при планировании операций, однако не дает конкретных путей для достижения цели. С концепцией Б.Лиделла Гарта перекликалась доктрина воздушной войны итальянского генерала Дуэ, которую можно рассматривать как конкретное воплощение стратегии не прямых действий, сформулированной для фашистской Италии. Создание мощного воздушного флота казалось панацеей против позиционной войны и удобным инструментом для борьбы за мировое господство. Многие идеи Дуэ пришлись по вкусу командованию многих латиноамериканских диктаторов, стремившихся обеспечить себе качественное превосходство при подавлении военных путчей и крестьянских мятежей. Так, например, возникли ВВС Доминиканской Республики, Гондураса и Никарагуа.

В войнах XII-XVIII века был выработан особый, европейский стиль оперативного искусства. Он был обусловлен техническим превосходством и передовой военной организацией. Целью войны становилось не политически целесообразное разрешение конфликта, а уничтожение армии противника. В последующие два века выковалась европейское понимание философии боя, когда произошел переход от искусства войны к науке. Толчком к нему послужило развитие методологии по описанию конфликта на базе диалектики Гегеля. Философское начало наиболее полно отражено у Клаузевица. Его философия легла в основу германской школы военного искусства, изложенного в трактате Мольтке-старшего «О войне». Из 13 глав в ней только две были посвящены стратегии, три – оперативному искусству и два – тактике. Остальные шесть глав рассматривали организационные вопросы (транспорт, связь, снабжение боеприпасами, продовольствие, санитарная часть, полевая почта). Сознательный упор на организацию вызвал появление «германского стиля управления войсками», выразившегося в усилении роли штаба. Эта схема оказалась более эффективной, чем традиционная иерархия начальников. Стратегия Мольтке сводилась к планированию первой операции, в которой противник должен быть разбит. Эта посылка стала базисом всей немецкой, а затем и советской военной школы – от плана Шлиффена до блицкрига, ставшего венцом германской военной мысли. В отличие от своих советских коллег, германские генералы пошли дальше теории глубокой операции и смогли учесть такое важное явление операции, как создаваемая ею тень.

Французская военная школа строилась на позициях позитивизма, которая выхолащивала методологию, бросаясь из крайности в крайность. Так, предвоенная наступательная Гранмезона сменилась сугубо оборонительной доктриной, являвшейся предельным вариантом стратегии истощения. Ее несостоятельность была доказана немцами в 1940 году. В 20-е годы авторитет французской армии, как победителей в мировой войне был чрезвычайно высок, и второстепенных стран бездумно копировали ее военную систему. Среди них были боливий-

ский (генерал Ф.Осорио) и парагвайский (генерал М.Рохас) командующие. Позиционный ужас мировой войны привел к появлению в 20-30-е годы доктрин о создании профессиональной армии. Теории генерала Секта, майора де Голля и Фуллера, сводились к идее *Victoire est aux meilleurs batallions* (Побеждают лучшие батальоны), переиначивая наполеоновское *Victoire est aux gros batallions*. Вне зависимости от того, чему отдавалось предпочтение – танкам, самолетам или профессиональному качеству солдат, каждая доктрина предполагала ведение молниеносной войны небольшой кадровой армией с целью решительного разгрома противника. Господство этих идей было вполне возможно в 20е годы, когда авторитет Лиги Наций был высок, а войн не предвиделось (за исключением карательных акций в колониях). Ведение таких ограниченных войн сводились к традициям XVIII века, когда народы не знали, с кем воюют их короли. Такими были действия французского и испанского иностранных легионов в Марокко, корпуса морской пехоты США на Гаити и в Никарагуа, итальянской армии в Абиссинии и англичан в Афганистане. Колониальные войска, иностранные легионы и корпус морской пехоты оказались идеальным оружием в руках великих держав для ведения ограниченной войны. Однако Англия в германских колониях и Трансваале, Испания и Франция в Марокко, Италия в Абиссинии были вынуждены развернуть, как минимум, вчетверо превосходные, прекрасно оснащенные техникой, силы для того, чтобы полностью сокрушить противника. В тех случаях, когда это соотношение оказывалось меньше, агрессоры терпели поражения. Это во многом объяснялось характером ТВД, где для обеспечения одного бойца требовалось привлекать до 12 тыловиков. Поэтому модные теории профессиональных армий лишь в небольшой степени подходили для малых стран.

Нельзя сказать, что во второй четверти XX века не существовало прогноза ограниченной войны между второстепенными государствами. Версальская система породила множество неразрешенных территориальных споров. Они существовали между наследниками Австро-Венгрии и лимитрофами в Европе. Перманентная война с применением разношерстного оружия – от мушкетов до танков – шла в Китае. В Америке помимо Чакской проблемы существовали территориальные споры вокруг Такны и Арики, Летисии, Москитии... Военные конфликты возникали даже между английскими протекторатами (например, Саравак и Бруней). Разрешение этих противоречий указывала на тот или иной ход военных конфликтов. Наиболее четко такая концепция существовала у Польши, претендовавшей на роль регионального лидера. Вместе с тем она оказалась зажатой между наследниками двух великих держав – СССР и Веймарской республикой. Кроме этого Варшава имела территориальные претензии ко всем остальным своим соседям. Один из военных лидеров страны генерал Сикорский сформулировал доктрину своей страны, в которой отстаивал идею “интегральной” мобилизации государства” ...

Военные теоретики 20-30-х годов исходили из того, что малое государства для защиты своего суверенитета вынуждены идти по пути возможно полного осуществления идеи вооруженного народа. В отличие от великих держав, которые призывали 2-3% населения в действующую армию, малые должны были мобилизовать 7-8%, т.е. до двух третей всего боеспособного населения. Таким образом, возможность пополнения у такого государства была меньше в пять раз. По мнению военных экспертов, начальный период войны должен был занять от 2 до 10 дней и свестись к маневрированию пехотных масс, слабо насыщенных артиллерией, авиацией и бронетехникой. Низкая оперативная плотность и, как ее следствие, невозможность ведения позиционной войны, а также отсутствие военной промышленности и ограниченность запасов мирного времени должны были заставить малые страны ориентироваться на стратегию сокрушения. По оценкам экспертов, мобилизация и развертывание могло у малых государств растянуться до недели, затем, в приграничной полосе проходило приграничное сражение, переходящее в решительную операцию, которая могла растянуться еще на неделю. Победившая в ней сторона переходила в наступление и в течение нескольких дней окончательно уничто-

жала живую силу противника, после чего занимала столицу. На это ей “отводилось” экспертами до трех недель. Вопросы политической работы и экономической мобилизации в условиях такой скоротечной войны полностью отпадали. Конечно, подобный сценарий составлялся для Европы, но и в Южной Америке он мог быть применен с определенным допуском.

«Военные готовятся к прошлой войне», – эта истина в полной мере применима к военным доктринам Парагвая и Боливии. Несмотря на почти полное отсутствие у них военного опыта, генеральные штабы обеих участников конфликта разработали свои планы ведения войны, подсознательно соотнося свои действия с предыдущими поражениями и опираясь на опыт иностранных военных специалистов, которых с избытком хватало в обеих армиях. Накопление большого количества оружия при быстром техническом прогрессе приводит к финансовым потерям вследствие его морального старения. Фактор особенно проявлялся в области высоких технологий, например, авиации, где смена поколений происходила каждые 5-6 лет. Так, в 1932 году более многочисленные ВВС Боливии уступили небо противнику. В условиях аграрно-сырьевой экономики было невозможно наладить военное производство, и поэтому автаркическая модель хозяйствования была неприемлема для обоих соперников. Обеспечение армий оружием и боеприпасами приходилось вести за счет мобилизационных запасов и поставок из-за рубежа. Обладая в несколько раз большими экспортными ресурсами, Ла-Пас легко себе обеспечил качественное и количественное превосходство в вооружении. По-видимому, Парагвай и Боливия стали рассматривать друг друга как потенциальных противников после инцидента в Баия-Негра (Пуэрто-Пачеко) с 1887 года. Однако реальное военное планирование началось около 1904 года только после начала соприкосновения пограничных патрулей. Военные реформы первых либеральных правительств указывают на то, что столкновение с Боливией из-за Чако прогнозировалось в Асунсьоне в середине первого десятилетия XX века.

Поражение в войне с Тройственным Союзом придавали военной доктрине Парагвая фаталистический характер. Предыдущий военный опыт привел к выработке концепции тотальной войны, во многом схожей с идеями генерала Людендорфа и Сикорского. Скорость развертывания войск на ТВД в Чако находилась в прямой зависимости от состояния мобилизационных запасов и путей сообщения. Это наложило свой отпечаток на планы сторон.

Несмотря на разногласия в оперативных вопросах высшие парагвайские офицеры и лидеры Либеральной партии не ставили под сомнение необходимость всеобщей мобилизации сил и средств для достижения победы в Чако. Понимая, что окончательная победа над Боливией недостижима, создатели парагвайской концепции ведения войны ставили перед собой задачу ликвидации военного присутствия противника в Чако и закрепления за собой стратегически важных пунктов в центральной его части. При разработке отдельных положений этой доктрины учитывался русский и немецкий опыт маневренной войны. Многие приемы, которые использовали парагвайцы в ходе боевых действий, проистекали из специфических условий гражданской войны в России. Тем не менее, применение опыта европейских войн было ограничено, поскольку ТВД (театр военных действий) – дебри Чако и предгорья Анд – сильно отличался от европейских равнин. В этом плане наиболее близкой по идее для парагвайцев была доктрина японской императорской армии эпохи русско-японской войны: нанести частное поражение Боливии, и, воспользовавшись его политико-экономической нестабильностью, заключить выгодный мир, опираясь на поддержку Аргентины, своего старшего стратегического партнера.

Третьестепенная страна, какой является Парагвай, могла выиграть войну только в случае “интегральной мобилизации государства”. Несмотря на трудности в обеспечении войск необходимым оружием, парагвайское военное министерство планировало провести всеобщую мобилизацию и использовать все возможные ресурсы для достижения победы. При этом предполагалось заставить работать на войну все государственные органы и частные предприятия, подвергнуть регламентации жизненные потребности фронта и тыла. Одним из ключевых эле-

ментов мобилизации стал контроль за средствами массовой информации. Настраивая общество на “интегральную” войну, либералы и их русские советники постарались учесть ошибки 14 года и оптимально распределить ограниченные ресурсы страны между фронтом и тылом. Этот вопрос усложнялся тем фактом, что десятая часть парагвайцев была заражена проказой. Всего в годы войны были мобилизованы свыше 140000 человек, три четверти из которых попали на фронт.

Парагвайское командование деятельно готовилось к военным операциям. На протяжении нескольких лет оно изучало театр военных действий (ТВД) и своего вероятного противника. В становлении разведки большую помощь оказал отдел G2 аргентинского Генерального Штаба. Сбор информации проводился не только в военной области, но и политической области. Так, после размещения заказов у Виккерса, Парагвай обратился за оружием к Франции. На рубеже 30х годов при Генеральном Штабе была создана картографическая секция. Её возглавил И.Т.Беляев, который был зачислен на действительную военную службу в чине полковника. Инструкция, данная ему Военным министерством Парагвая, гласила:

«Во исполнение данных директив необходимо:

– регистрировать все племена и поселения в восточной части Чако, описывая точки расположения, количество, материальное и моральное состояние, отношения к касикам (вождям), список которых приложить.

– передать под ответственность всех касиков племен необходимые орудия труда и материалы для жизнедеятельности.

– пригласить с собой в столицу страны представителей от каждого племени, с которым удастся вступить в контакт.

– принять меры для вакцинации индейцев с целью предохранения их от инфекционных заболеваний.

– выполнение означенных функций обязывает все гражданское население и военные органы Республики на местах оказывать посильную помощь.

– по возвращению из экспедиции все полученные данные, карты, планы и т.д. подлежат обязательной сдаче в архив.

– маршруты и внутренний порядок в экспедиции выбираются автономно с учетом необходимости достижения поставленной цели и экономии времени и ресурсов.

– при несчастном случае члены экспедиции приравниваются в правах к раненым (или убитым) на войне, а члены их семей – к членам семей раненных (или убитых) на войне».

Военное министерство с октября 1924 года по декабрь 1931 года организовало тринадцать наземных экспедиций. Каждая из них длилась от двух недель до полугода. В ходе них составлялись подробные карты, делалось описание местности, как с военной, так и с гражданской точек зрения, велись дневниковые записи. Немаловажным результатом экспедиций Беляева оказались контакты с племенами *гуарайо*, *ленгва*, *чакомоко* и *мака* племенами, населявшими Чако. В составе экспедиций, кроме военнослужащих Парагвая и индейцев-проводников, принимали участие русские, успевшие к тому времени осесть в стране: братья Игорь и Лев Оранжеевы, Орефьев-Серебряков, сын известного русского полярника, участника первых рейсов ледокола «Ермак» Александр Георгиевич фон Экштейн-Дмитриев.

Изучение ТВД и контакты с аборигенами дали существенные преимущества дипломатам из Асунсьона на переговорах, но не вели к окончательному разрешению территориального спора. С каждым голом становилось всё более очевидным военное решение проблемы Чако. Исследование потенциального противника было возложено на небольшое военно-статистическое бюро, созданное при Генеральном Штабе. Его данные не радовали правящую верхушку Парагвая. После мобилизации численность войск противника оценивалась в 95000 человек, из которых половина могла появиться на фронте.

С 1924 года парагвайское командование разработало четыре сценария войны с Боливией. Первый из них был представлен генералом-майором П.Эскобаром и полковником М.Рохасом в августе 1924 года. Они скептически оценивали результат столкновения в глубине Чако. Опираясь на авторитет генералов Людендорфа и Джемса, он предлагал отвести главные силы за реку Парагвай, оставив четыре тет-де-пона на правом берегу. Согласно плана в случае войны с Боливией требовалось разместить 780 офицеров и 11600 солдат в четырёх пунктах: Баия-Негра, Фуэрте Олимпо, Порто-Касадо и Вилья Айес. Здесь можно было бы использовать преимущество коротких коммуникаций и моральный потенциал народа. Эскобар и Рокас предлагали использовать водную артерию для попеременного сосредоточения сил на каждом из них. Попеременно сосредотачивая на каждом из плацдармов превосходящие силы, генерал планировал уничтожать противника по частям. При благоприятном ходе событий войска должны были перейти в наступление и овладеть фортом Баливьян, занятием которого планировалось окончить войну. С точки зрения мирового военного опыта этот план был наиболее очевидным. С определёнными оговорками этот план поддержал и военный министр М.Скенони. Эта концепция территориальной обороны также исходила из комплекса неполноценности по отношению к Боливийской армии, однако не была разделена всеми.

План Эскобара столкнулся с решительным сопротивлением со стороны некоторых старших военачальников. Одним из его оппонентов был подполковник Хосе Феликс Эстигаррибия, который возглавил Генеральный Штаб в 1929 году. Из его "мемуаров", с самого начала подполковника Эстигаррибии, который был начальником Генерального штаба в 1929 году. Эстигаррибия, знавший Чако, считал, что отход к реке Парагвай позволит противнику без труда достичь до восточного берега реки Парагвай, что означало его конечную цель. Этому мнению придерживались военный министр М.Скенони, его русские советники и майор Р.Франко, ставший знаменосцем бескомпромиссной борьбы с боливийской экспансией. К чисто моральному аспекту – активным боевым действиям, добавлялись соображения экономического плана: в случае реализации плана Эскобара, боливийцы занимали богатые правобережные луга, где имелось достаточно воды, и разработки квебрахо,

В своих «мемуарах» Эстергаррибия пишет, что настаивал на ведении активных боевых действий. При этом он предполагал использовать опыт русской гражданской войны. Свою точку зрения он обосновывал концепциями генералов Э.Бастико и Ф.Кюльмана, прогнозировавших повышение маневра на войне. Однако парагвайский исследователь подполковник Антонио Гонсалес считает, что стратегические концепции Эстигаррибии не выходят за рамки общих слов, поскольку никаких письменных доказательств этого не сохранилось. Конфликт между командующим бригадным генералом М.Рохасом и начальником штаба привёл к переводу Эстергаррибии в Чако. В 1930 году он был назначен командиром I пехотной дивизии со штабом в Пуэрто-Касадо. Прибыв на будущий ТВД, командир дивизии принял решение о вынесении базы развертывания в окруженном болотами *форте Исла-Пой*, который должен был стать местом концентрации его войск. Линией снабжения стала узкоколейная дорога, идущая от Пуэрто-Касадо вглубь Чако. При помощи инженерного батальона она была проложена до Минас-Куэ (145 км). Сменивший Х.Эстергаррибию на посту подполковник Х.А.Айяла при помощи небольшой группы офицеров стал автором плана войны с Боливией.

Первый набросок плана был сугубо оборонительным. Он был подготовлен в самом начале 1931 года и учитывал недостатки, выявившиеся в ходе всеобщей мобилизации, проведённой год назад. Анализируя возможные планы противника, Айяла, считал, что главными целями наступления противника будут Асунсьон и Консепсьон. Для эффективного противодействия противнику предлагалось продлить обе железных дорог, ведущие вглубь Чако от Пуэрто-Пинаско и Пуэрто-Касадо. Конечными их пунктами должны были стать Фортин Толедо и Кампо Эсперанса. Под перманентной угрозой со стороны противника считалась и Баия-Негра, которую следовало укрепить фортификационными сооружениями. Однако, это направление считалось второстепенным и, в случае угрозы Консепсьону, войска из этого района следовало эвакуировать. По мнению Айялы, основные бои должны были развернуться на линии Бокерон-Нанава. Для защиты этого направления в состав Первой Дивизии передавались 3 (*Корралес*) и 4 (*Курупаити*) пехотные полки, которые должны были защищать Пуэрто-Касадо и Пуэрто-Пинаско. Пространство между ними должен был прикрывать 1 кавалерийский полк *Валуа Риварола*.

В середине 1931 года начальник Генерального Штаба информировал военного министра Рауля Казалья Рибейро о мерах, принятых в обороне Чако в случае внезапного нападения боливийской армии. В его письме были изложены более конкретно и глубоко положения исходного плана. Исходя из анализа ТВД Айяла утверждал, что будущая война будет «войной коммуникаций». Основным отличием стало то, что в нём признавалась необходимость обеспечения обороны севера, куда планировалось направить 3 батальона, с одновременным усилением оперативной группировки сил в центре. Определяя сектор Пуэрто-Касадо в качестве основного, Х.Айяла справедливо предположил, что обладание им решит судьбу Чако. Силы противника, которые могли появиться в центральном Чако, Генеральный Штаб оценивал в 12-15 тысяч человек. На первом этапе здесь должна была действовать только одна боливийская дивизия из шести. На проведение мобилизации в Боливии отводилось два месяца, после чего было вполне вероятным появление ещё двух дивизий. Прикрытие развёртывания войск должен был осуществлять 1 кавалерийский полк в составе двух строевых эскадронов. Опираясь на Исла-Пой он должен был прикрыть фортины Бокерон, Корралес и Толедо, а также линию железной дороги до Пуэрто-Касадо. Основные силы 1 дивизии должны были обеспечить безопасность меннонитских колоний и «нависать» с правого фланга над позициями 5 боливийской дивизии у Арсе. В решающий момент дивизию на главном направлении должен был усилить 1 пехотный полк 2 мая. На втором этапе наступления на фронт должна была прибыть 2 дивизия, сформированная из резервистов. Наступление следует энергично продолжать с целью прижать основную группировку противника к реке Пилькомайо.

Окончательный план войны с Боливией был составлен в первые месяцы 1932 года. Он представляет собой 14-страничный документ. Излагая основные положения предыдущих проектов, Айяла дополнил их описанием будущего ТВД, особенно напирая на то, что боливийские гарнизоны в Чако отделяет восемьсот километров от ближайших тыловых баз. В оперативном плане ТВД был разделён на три сектора. Северо-восточный сектор имел по-прежнему второстепенный характер. Центральный сектор был решающим и охватывал сердце Чако располагаясь между параллелями Консепсьона и Нанава. К югу от него был выделен дополнительный сектор, охвативший северный болотистый берег Пилькомайо. Согласно полученной информации, театр операций будет разделен на три сектора. По мнению Айялы и его советников, в начале военных действий боливийцы должны были атаковать север и овладеть районом Баия Негра. На следующем этапе противостояние перетекало в бои за центральный сектор. Предполагалась, что главным объектом атаки будут Бокерон и Нанава, расположенная на асунсьонском направлении. Этот фортин занимал фланг позиции и был соединён с рекой Парагвай железной дорогой. Из его района можно было угрожать Муньосу, служившему главной базой снабжения боливийцев в Чако. По мнению Айялы борьба в дебрях центрального

сектора будет местом, где решится судьба войны. Для операций в южном секторе планировалось напасть кавалерийский отряд, который мог наблюдать за действиями противника к северу от реки Пилкомайо. Естественно, что этот план корректировался на месте в зависимости от действий боливийской армии, чтобы исследовать регион. В заключение подчеркивалось, что создание стратегического резерва и увеличение эффективного охвата войск противника является главным приоритетом планирования. При развёртывании в северном и центральном секторах первоначально развёртывается по 2500 штыков при 4 пушках, а в южном от 500 до 600 сабель. Именно этот план лёг в основу директивы № 2 от 29 июля 1932, выработанной после начала военных действий. Фланговое расположение 1 дивизии связывало боливийскую группировку в долине Пилькомайо для похода на Асунсьон. По замыслу Х.Ф.Эстигаррибии операции предполагалось начать сразу после всеобщей мобилизации. Наличие железной дороги позволяло в течение двух месяцев сконцентрировать на ТВД почти всю парагвайскую армию. Используя временное превосходство в силах, она должна была нанести удар на *форти Бальвиан* и отрезать боливийскую группировку у *Муњоса* от центра страны. Окруженные кадровые войска Боливии должны были отступить на территорию Аргентины и подвергнуться интернированию или сдаться в плен. После этого своеобразного «Седана» парагвайцы должны были продвигаться в район Камири, уничтожая выдвигающиеся резервы противника по частям. По мнению Х.Ф.Эстигаррибии, потеря нефтеносных районов сделает продолжение войны бессмысленным и заставит Ла-Пас пойти на переговоры и заключить мир.

Боливийская концепция ведения войны также не отличалась целостностью. По-видимому, вопрос о силовом решении территориального спора в Чако был поднят только после прихода к власти республиканцев, а реальное планирование началось только в середине 20-х годов XX века. На ее формирование сильно повлиял тот факт, что впервые за свою историю страна столкнулась с потенциально слабейшим противником. Поэтому боливийский Генеральный штаб предполагал провести ее ограниченными силами в короткое время на манер колониальной экспедиции. Залогом победы считалось техническое превосходство над врагом в воздухе и на земле. Учитывая опыт боев в Акре, военное руководство уделило значительное внимание организации снабжения и связи, однако полностью игнорировала возможность каких-либо активных действий со стороны противника. Согласно планам верховного командования, медленное сосредоточение войск позволяло готовить и постепенно адаптировать к суровым условиям Чако военные контингенты и методично выбивать гарнизоны противника с правого берега реки Парагвай. Залогом успеха в борьбе за Чако Генеральный штаб боливийской армии считал насыщение автоматическим оружием своих пехотных соединений и авиацию. В ограниченных размерах планировалось использование военных новинок – танков и огнеметов, а артиллерия считалась непригодной для действий в «зеленом аду».

Концепция «ползучего» наступления в Чако господствовала в офицерской среде. Знакомство с опытом колонны Престеса лишней раз убедило Генеральный Штаб, что операции сведутся к маршу через дебри и эпизодическим боям с парагвайскими заставами. Основным видом огневой поддержки наступающих войск должна была стать авиация. Ее численность должна была достигнуть 50 самолетов (включая десять транспортных). Не имея точной информации о противнике, боливийское командование считало, что ее кадровым войскам будет противостоять плохо вооруженная и необученная милиция, разбавленная небольшим числом кадровых солдат. Конечным рубежом наступления боливийцев была река Парагвай на всем ее протяжении от Баия-Негры до Пуэрто Пилькомайо. План предусматривал не форсирование этой водной преграды. На втором этапе войны планировалось развернуть артиллерию на правом берегу реки и с помощью авиации блокировать судоходство и бомбардировать столицу. Считалось, что после этого Парагвай капитулирует и будет вынужден уступить спорные территории. Причиной такого мнения стал опыт нахождения аргентинских войск в Вилье-Оксидентал, во время оккупации страны в 1868-76 годах. В каком-то смысле боливий-

ский план являлся адаптацией идей генерала Дуэ к латиноамериканским условиям. С легкой руки Д.Саламанки, боливийская пресса представляла парагвайскую армию как сборище босоногих индейцев, вооруженных мачете и одной винтовкой на троих, которые должны были разбежаться при виде боливийских солдат. Не имея точных данных о противнике, боливийский Генеральный Штаб попал в пропагандистское клише. На полном серьезе командование считало, что из-за недостатка материальных средств парагвайцы будут вести себя пассивно, как это произошло в 1928 году. Поэтому атака *Бокерона* превосходящими силами парагвайцев оказалась совершенно неожиданной для боливийского Генерального штаба и повергло его в состояние шока.

Из-за недооценки активности противника операция в Чако рассматривалась боливийским командованием как совокупность мер по снабжению своих войск. Главную базу снабжения в Вильясопе, соединенным с Ла-Пасом железной дорогой, а передовую – в фортине *Муньос*, находившимся в 250 километрах от Асунсьона. Обслуживать эту операционную линию должны были 600 грузовиков. В случае начала боевых действий их число должно было вырасти до полутора тысяч за счет мобилизации. Поскольку армия не располагала необходимым количеством транспорта перевозки начались заблаговременно. На протяжении 1928-32 годов в этот район были переброшены значительные запасы военного имущества, достаточного для обеспечения всем необходимым 20 тысяч солдат в течение трех-шести месяцев. Поскольку места для его складирования в Муньосе не хватило, значительная часть материалов оказалась разбросанной по другим гарнизонам – от *Бальивиана* до *Сааведры*. По плану, разработанному генералом Г.Кундтом, в случае начала войны в Чако планировалось перебросить 4 дивизии (30 тысяч солдат) и всю боевую авиацию. Они должны были перейти в наступление тремя колоннами на Вилью-Айес, Пуэрто-Касадо и Фуэрте-Олимпо. Главная задача ставилась южной колонне, состоявшей из двух дивизий. Она должна была преодолеть 250 километров болот и выйти к Асунсьону. Нехватка транспорта, оружия и финансов привели в 1931 году к коррекции плана Генеральным Штабом. На ТВД планировалось развернуть только три дивизии (3, 4, и 5) общей численностью в 18 тысяч человек. Их задачи оставались прежними:

– 3 дивизия из района Камачо наносила удар по *фортинам Корралес* и *Толедо* и далее на запад к Пуэрто-Касадо;

– 4 дивизия из района *Муньоса* должна была овладеть *фортинами* вокруг *Сааведры* (*Бокероном*, *Нанавой*, *Фальконом* и другими) обеспечивала правый фланг 3 дивизии, а затем наступала на Вилью-Айес;

– 5 дивизия из района Пуэрто-Суарес наступала по правому берегу реки на юг. Она должна была овладеть Баия-Негрой, а затем Фуэрте-Олимпо.

Новый вариант вызвал справедливую критику со стороны командующего Филиберта Осорио, указавшего на его авантюристичность. Распыление сил по отдельным направлениям могло привести к тому, что парагвайцы разобьют его армию по частям. Вместо этого он предложил правительству оттянуть войска к *фортину Баливьян* и на подступах к нему навязать сражение парагвайцам. Учитывая, что коммуникации противника будут растянуты, ему будет легко нанести решающее поражение. Только после этого командующий предлагал перейти в наступление. Политические амбиции президента Д.Саламанки не позволяли принять этот план, «как несоответствующий духу нации». Таким образом, у боливийских военных в канун войны не оказалось единого мнения о том, как вести войну. Тем не менее, нельзя считать, что у Боливии вовсе не было плана боевых действий. Генерал Ф.Осорио настоял на усилении войск на ТВД. С началом войны 4 дивизия в *Муньосе* должна была быть развернута в две и составить I корпус, а 3 в *Камачо* – во II. Усилилось изучение ТВД. Так, офицеры штаба стали совершать облет Чако и наносить наиболее заметные ориентиры на карту. По результатам собранной информации Ф.Осорио провел совещание старших армейских офицеров. На нем возобладали следующие мнения, что:

– вооруженные столкновения на линии соприкосновения с противником начнутся внезапно, поэтому гарнизоны передовых *фортинов* должны находиться в повышенной боевой готовности;

– с самого начала в боях будут задействованы все силы в зоне конфликта;

– во время мобилизации и сосредоточения корпусов передовые гарнизоны будут выполнять роль войск прикрытия;

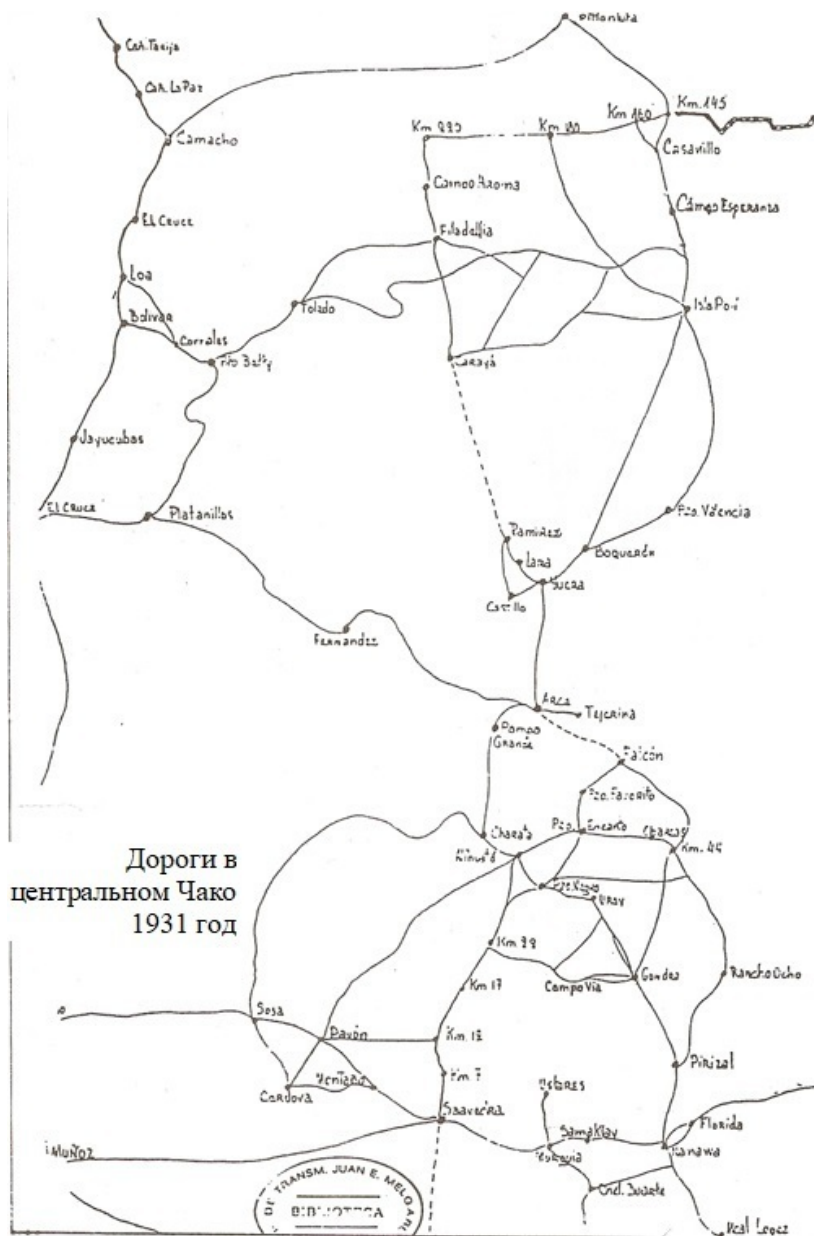
– до полного сосредоточения корпусов их командиры должны будут выделить передовые отряды, которые выдвинутся в расположение противника с целью овладеть его передовыми парагвайскими *фортинами* и завяжут бои местного значения;

– после своего сосредоточения силы обеих корпусов должны нанести удар по району сосредоточению главных сил противника (менонитские колонии, Исла-Пой и Минас-Куэ);

– задачи 5 дивизии остаются прежними;

– после победы в центре Чако дивизионные колонны выдвигаются к реке Парагвай.

Таким образом, предвоенные планы противников не предусматривали своей задачей полную победу, а ограничивались оккупацией Чако. Следует отметить, что обе стороны в начале войны тяготели к местам, получившим определенную известность в литературе. Противники часто тратили значительные силы и средства на удержание маловажных, но известных мест, абсолютно не уделяя внимание более важным. Вместе с тем планы, Боливии и Парагвая на начальный период войны определили треугольник Баливьян – Муньос – Исла-Пой, как основной район боевых действий.

2. Оружие конфликта.

Винтовка Маузера. Пистолеты и револьверы Автоматическое оружие. Артиллерия и минометы. Танки и средства транспорта. Речные корабли. Оптика и средства связи.

Значение материальных средств в войнах XX века было относительно, но громадную роль играла вера в них. Отсутствие промышленной базы у обоих противников привело к тому, что их техника и вооружение в сильной степени зависело от иностранных государств, которые использовали подготовку обеих стран к конфликту, для того чтобы избавиться от излишков оружия, оставшихся со времени мировой войны. К началу 20х годов армии Латинской Америки отстали в военно-техническом отношении на два десятилетия от современных требований. Правительства уделяли мало внимания оснащению своих войск. Этому способствовал целый ряд факторов, одним из которых была боязнь правительств, что современное оружие попадет в руки их политических противников и будет использовано в заговоре. Примером эффективности нового вида оружия – авиации стало ее использование правительством Э. Айялы при подавлении восстания «последнего парагвайского каудильо» Э.Шерера в 1922-23 гг.

После окончания I мировой войны внутренняя напряженность спала и ее место заняли территориальные споры, которые существовали со времен Боливара. Вызванная их эскалацией гонка вооружений охватила почти все страны континента. Она способствовала изучению и внедрению опыта мировой войны, а с ними новых взглядов на использование старых и внедрение новых видов вооружения. Боливия, обладая валютными ресурсами и доступом на рынок вооружений в США, смогла оснастить свою армию современными видами вооружения, качественно превосходящими парагвайские образцы. Тем не менее именно применение традиционных систем оружия оказалась решающим фактором в этой войне. Начало гонке вооружений положили заказы боливийского президента Э.Силеса в фирме *Виккерс*. Оружие на 3 миллиона фунтов стерлингов (14400000 долларов) могли обеспечить ей решающий перевес в войне, но вследствие Великого кризиса он был сокращен до одного миллиона. Тем не менее, парагвайская сторона также должна была приобретать современное оружие, на которое было израсходовано 770000 золотых песо. Контракты на поставку оружия заключал лично генерал М.Скенони, который для этого лично направился в Европу. Большую помощь в выборе контрагентов ему оказала Техническая миссия Аргентинской Республики, которую возглавлял полковник артиллерии А.Кирога. Оружия оказалось достаточно, чтобы противодействовать врагу. Рассмотрим все виды вооружений по очереди.

Основной винтовкой обеих армий были различные модификации системы *Маузера* образца 1898 года, которая явилась развитием более раннего образца магазинной винтовки (1888 года). Конструкция новой винтовки оказалась удачной. В ней был ряд новшеств, благодаря которым она смогла долго отвечать требованиям современной войны. Затвор был прост: собирался и разбирался без инструментов, а магазин был компактен и удобен. Поставщиком винтовок калибра 7 мм Парагваю были заводы *Маузера* в Германии, государственные арсеналы Овьедо (Испания), Аргентины и Чили, а также государственный военный завод в Льеже (*Fabrique Nationale*). Это предприятие производило винтовки системы *Маузера* по лицензии, не столько для нужд королевской армии, сколько на экспорт. Бельгийцы производили винтовки любого калибра. Боливия пополняла свой арсенал германскими и чешскими *Маузерами*. Государственный оружейный завод в Брно (*Зброевка Брно*) работал по лицензии и экспортировал большую часть своей продукции экспортировал. Продукция бельгийского и чешского заводов широким потоком направлялась в Китай, Латинскую Америку и Средний Восток.

Поставки стрелкового оружия осуществлялись, как правило, через частных посредников-дилеров. В дальнейшем эта схема позволяла продавать оружие воюющим государствам, несмотря на запрет Лиги Наций. Только введение прямого эмбарго на продажу оружия в сентябре 1934 года положили конец военной контрабанде.

В начале века Перу, Боливия и Парагвай приняли на вооружение так называемый Аргентинский Маузер образца 1891г. калибра 7.65 мм. В 1908 году Боливия пополнила свои арсеналы укороченной винтовку Modelo 1908 производства DWM, с необычным креплением ложевых колец. Такое решение было выбрано для совместимости со штыком аргентинской модели, имеющим крюк, чтобы крепить ремень по типу Gew.98. Он применялся для того, чтобы сократить и убирать ремень на винтовке, когда он не используется. Боливийская Армия была прежде всего политическим инструментом, который использовался, чтобы менять правительства. В отличие от Парагвая, где в общем то тоже происходили смены правительства на штыках армии, в Боливии редко доходило до вооруженного противостояния между политическими противниками. На встрече сторон подсчитывались штыки, и слабейшая сторона складывала оружие, а её лидер отправлялся в изгнание с неким «отступным». Из-за этого износ стрелкового оружия был минимизирован, и утрата винтовок проигравшей стороной, исчезающей с оружием, была редка, количество оставалось практически неизменным десятилетия.

Всего к концу мировой войны в стране имелось 4000 таких винтовок и карабинов. Некоторое их количество поступило в арсенал после разоружения колонны Престеса в феврале 1927 года. Бразильские винтовки имели калибр 7 мм и во всем кроме калибра были аналогичны германской модели П. Поскольку возможности для их переделки не было, их поместили на склад, а в годы войны использовали в учебных и тыловых частях. Интенсивная подготовка к войне привела к новым закупкам стрелкового оружия в Чехословакии. Винтовки VZ-24, производимые оружейными заводами Брно, имели калибр 7.65 мм и имели прекрасное качество. В 1932 число этих винтовок и карабинов в арсеналах Ла-Паса составило 39097 единиц. В течение войны декабрьского перемирия 1933 года Боливия получила 45000 дополнительных винтовок, включая ZB Vz24, стандартную модель Mauser Werke 1933, и Маузер тип 1930 FN. Всего же с начала войны в страну было ввезено 100000 единиц стрелкового оружия.

Парагвайская армия в 1907 году приняла на вооружение *Маузер* 1898 образца года калибра 7.65 мм. Первая партия оружия, состоявшая из 8500 винтовок и 1500 карабинов под патрон 7x57, была заказана в Германии в 1906 году на заводе в Обендорфе. К каждой из них полагалось по 300 боевых патронов. Груз был доставлен в Асунсьон в 1907 году, вследствие чего получила маркировку М1907. В серии *пронунсиаменто* 1912-16 годов большая часть винтовок была утеряна. Этому способствовала практика парагвайских революций: победители расходились по домам, прихватив с собой, выданные им винтовки. Значительная часть *асьендадо* имела дома штатное армейское оружие. Пополнение арсенала правительственных войск произошло после долгого перерыва: во время гражданской войны 1922-23 гг. М.Скенони смог приобрести 2500 винтовок в Чили. Ревизия арсенала, проведенная в 1924 году, показала наличие в стране 3991 винтовки и 110 карабинов. Нарастание напряженности на границе с Бразилией привело к размещению заказа на арсенале в Овьедо (Испания). Контракт на 8600 винтовок и 1900 карабинов образца 1916 года подписали испанский военный министр и полномочный парагвайский представитель Э.Айяла. К ним были дополнительно заказаны 10860 штыков и 2000 запасных стволов, а также 19 миллионов патронов, в т.ч треть из них в Аргентине.

В 1929 году 8463 винтовки и все карабины были готовы и доставлены из Овьедо в Асунсьон. При ковке стволов арсенал в Овьедо использовал сталь, рассчитанную на более слабый испанский патрон калибра 7 мм. Вследствие этого стволы парагвайских винтовок, произведенных в Овьедо, периодически не выдерживали давления газов и разрывались. От этого за ними закрепилась название «парамат» – «убийца парагвайца». Здесь следует отметить, что причиной

разрыва винтовок был не столько металл стволов, сколько бельгийский порох *Coulille*, которым снаряжались патроны. Он был закуплен в Бельгии в 1928 году и имел такие энергетические характеристики, что разрывал стволы не только испанских, но и аргентинских *маузеров*. Приобретенные на средства «ружейного займа» в 1931 году в Бельгии 7000 укороченных *Маузеров* модели М24. Они оказались прекрасного качества и позволили начать формирование боеспособных подразделений. Помимо официальной закупки вооружения за рубежом, правительству удалось собрать некоторое количество винтовок у местного населения через «Ружейный Комитет». Помимо него эта организация передала армии 5000000 песо (110000 долларов США) на приобретение других видов вооружения. Еще 8 миллионов песо (2150000 долларов США) на нужды Парагвая секретно выделила Аргентина. Эти средства были направлены на оплату французских и аргентинских военных поставок. Последние были сделаны в конце лета 1933 года прямо с военного арсенала в Буэнос-Айресе при посредстве аргентинского военного атташе генерала Швейцера. Некоторое количество оружия попало в страну после конфискации их военных грузов *паулистов*, следовавших через Педро-Хуан-Кабальеро в Сан-Паулу. Ещё несколько сотен винтовок и десятков станковых пулеметов попали в страну после интернирования остатков *конституционалистов*. Таким образом, к концу 1932 года парагвайская армия обладала менее чем 22000 винтовками, из которых не менее половины были некондиционными, что породило миф о «безоружности» парагвайских солдат. Ещё десять тысяч винтовок было приобретено во время войны в Аргентине. Однако, основное пополнение запасов стрелкового оружия происходило за счет трофеев: в ходе войны в руки парагвайцев попали 39000 винтовок.

В зависимости от конъюнктуры и места производства цена винтовки системы *Маузер* колебались в значительных пределах. Например, в середине 20х годов ее стоимость в Китае составляла в 75 мексиканских (\$37.5), а в Германии и Польше – только 30. Десять лет спустя цены на бельгийские *Маузеры* подскочили до 400 бельгийских франков (\$69), в то время как испанские стоили только 175 песет (\$35), а стволы к ним – 40(\$8). При этом стоимость старых винтовок на рынке колебалась от 12.5 до 25 долларов за штуку. В то время практика торговли стрелковым оружием предусматривала комплектацию каждой винтовки боекомплектом в тысячу патронов. Цены на боеприпасы также были различны: 30 долларов в Германии и 365 бельгийских франков (\$61.36) у бельгийских посредников. Поэтому экономному покупателю было выгодно приобретать оружие и боеприпасы отдельно. Для сбережения валюты многие государства стремились сэкономить на производстве боеприпасов. Они приобретали оборудование патронов и создавали собственные патронные заводы. В начале войны каждый из противников обладал собственной небольшой патронной фабрикой. Так, Боливия могла производить 20000 патронов в сутки по себестоимости 6 долларов США за сотню, а Парагвай – 5000 по 4 золотых песо. Парагвай же практику ввел еще в 1898 году, когда вместе с винтовками *Веттерли* приобрел два станка для набивки патронов. На них предполагалось вырабатывать по тысяче патронов в день для учебных целей. Начальные запасы и собственное производство боеприпасов, естественно, не удовлетворяло потребности воюющих армий. Даже парагвайцы, которые довольно часто захватывали мунисию своих противников, всё равно испытывали в них недостаток. По их официальным данным за время войны они ввезли 107820000 патронов, истратив на них более половины средств, выделенных на закупки оружия (4882 тыс. песо фуэрте из 9 с лишним миллионов).

Револьверы и пистолеты, состоявшие на вооружении армий противников, отличались большим разнообразием. Самой распространенной системой пистолета во время войны в Чако был пистолет системы *Браунинга*. В первом десятилетии XX века образец 1903 года стал штатным оружием парагвайских вооруженных сил и полиции. В годы гражданской войны 1922/23 годов на вооружение парагвайской армии поступила небольшая партия австрийских пистолетов *штейр* образца 1911 года. В 1928 году Парагвай приобрел в Сантьяго небольшую пар-

тию чилийских пистолетов FАМАЕ – точной копии *браунинга* образца 1906 года. В 1927 году наряду с размещением заказа в Овьедо в Херстале были заказаны 304 *браунинга*. Пистолеты этой системы были популярны и среди боливийских офицеров, по традиции приобретающих личное оружие на свой вкус. В ходе войны боливийский арсенал *браунингов* пополнился моделями 1910, 1910/22 и 1935 годов льежского производства.

Кроме них в обеих армиях имелись пистолеты и револьверы различных систем, являвшихся личным оружием офицеров и военных чиновников. У боливийцев кроме *браунингов* можно было найти *кольты*, *логеры* и *маузеры*.

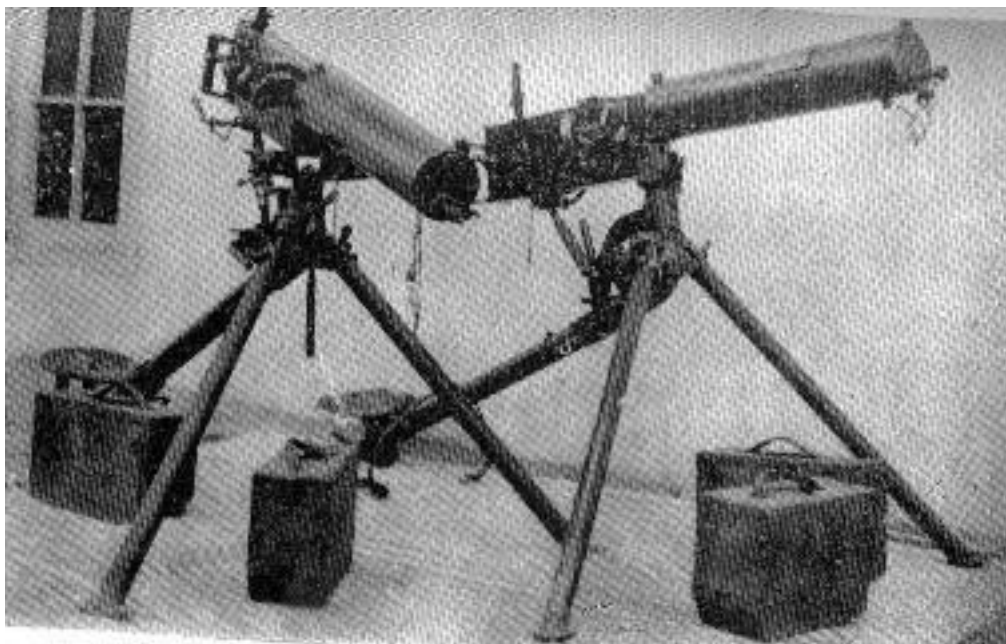
В начале 30-х годов рынок личного оружия обеих воюющих стран захватили эйбарские оружейники. Расцвет оружейной промышленности этого баскского городка явился следствием гонки вооружений в Южной Америке и Чакской войны. Их удалось вытеснить с оружейного рынка только после начала гражданской война в Испании. Одним из основных поставщиков личного оружия стала испанская фирма Эулохио Аростеги из Эйбара. Она изготовляла самые различные пистолеты типа *велдог*, копировала револьверы *Смит & Вессон*. но основным ее товаром были переделки *браунингов* моделей 1903 и 1906 годов. Пистолеты производства Э.Аростеги имели фабричную марку *асул*. Через посредников они поставлялись обеим воюющим сторонам. Автоматические пистолеты системы *маузера* модели К-96 были чрезвычайно популярны в Южной Америке, куда они, начиная с 1907 года, продавались в большом количестве под маркой *маузер-экспорт*. Недостаток автоматического оружия в значительной мере компенсировался поставками этой модели. Когда немецкая оригинальная модель *Mauser-verke 712* в начале 30-х годов появилась на южноамериканском рынке, выяснилось, что он полностью контролируется эйбарскими оружейниками. Подделками *маузера* модели 712 занимались Э.Аростеги и Б.Эрманос. Под марками *супер-асул* и *ройял* их оружие поставлялось в Китай и Латинскую Америку. Три тысячи эйбарских пистолетов были проданы *конституционалистам* Сан-Паулу. Какая-то часть из них после их поражения осела в Парагвай.

Из продавцов оружия Боливии эйбарцам не уступала только фирма *Кольта*, которая имела широкие связи в военных и правительственных кругах. Благодаря этому, за годы войны Ла Пасу ей удалось продать большие партии своих пистолетов калибра .32, .38 и .45. В конце 1933 года в Парагвае появилась аргентинская разновидность *кольта* – *балестьер-молина*. Ее поставляла фирма HAFDASA, производившая пистолеты на своем заводе в Буэнос-Айресе. Эта модель была точной копией модели M-1911 A1 калибра 0.45. Другим аргентинским пистолетом в Парагвае стали *Манлихер* модели 1901 года, известные как *модель 1905*. Недостаток личного оружия, необходимого для оснащения ряда категорий парагвайских солдат (пулеметчиков, техников и связистов) привел к тому, что их часть была вооружена револьверами различных марок и калибров, среди которых преобладали различные модификации *Смит и Вессон*. В боях многие военнослужащие меняли их на пользовавшиеся предпочтением пистолеты. В конце войны револьверы стали редкостью даже среди парагвайских тыловых частей, и найти их можно было только у сельской полиции.

Автоматическое оружие – основное оружие борьбы с живой силой противника на средних и дальних дистанциях в этой войне сыграло важную роль. Именно его использование заставило военные круги ряда стран пересмотреть свое отношение к пистолетам-пулеметам. Практическое осмысления опыта Чакской войны, войны в лесных массивах и на закрытых пространствах, способствовало принятию финской армией на вооружение модели *Суоми* и приобретением Японией швейцарских пистолетов-пулеметов *SIG* для своих специальных войск. Однако не следует абсолютизировать этот опыт: часто обыкновенная многозарядная винтовка в джунглях Чако и опыт стрелка оказывались важнее скорострельности ружья-пулемета. С легкой руки Лиддела Гарта в военно-исторической литературе бытует мнение, что изобретение Х.Максима породило позиционную войну. Это не совсем так.

«Не массовые армии явились причиной позиционной войны, а неправильная оценка действия пехотного огня. Если бы мы в мирное время имели совершенно ясное представление об этом действии, иначе организовали пехоту и дали ей вооружение, в котором она нуждалась, чтобы быстро и действительно преодолеть окопавшегося противника. Тогда обороняющийся не имел бы времени возвести сильно укрепленные позиции. Предпосылок для позиционной войны (время и возможность постройки позиций) не было налицо. Позиционная война в том масштабе, как это случилось в мировой войне, не возникла бы»,

– писал германский генерал пехоты Д.Вольтварт в 1934 году. Этому мнению придерживались многие ветераны мировой войны, которые считали пулемет наступательным оружием.

Обе армии приняли на вооружение пулеметы в ходе первой мировой войны. Первоначально это были станковые пулеметы системы *Максима* с водяным охлаждением. Его тяжесть ставила под вопрос их боевое применение в Чако. Помимо сложности транспортировки существовала проблема их водяного охлаждения в безводных районах Чако. В условиях жаркого и влажного климата Чако, у них быстро испарялась вода в охлаждающем кожухе, что в условиях недостатка воды приводило к выходу пулеметов из строя. Во время событий в Вангардии на вооружении парагвайской армии состояло 18 *Максимов* и 8 более современных *Виккерс*. Реализуя программу вооружения, Военное Министерство заказало 32 пулемета *Кольт* аргентинского образца. Они имели воздушное охлаждение и меньший вес (20,5 кг), но всё равно были очень громоздки. В первые месяцы войны отступившие на территорию страны *паулисты* сдали парагвайским властям еще несколько пулеметов. Боливийская армия могла противопоставить противнику 16 *Максимов* и 50 *Кольтов*. По контракту с *Виккерсом* в Ла-Пас были доставлены 250 единиц калибра 7.65 мм. В 1934-35 годах Боливия приобрела в Брно 200 прекрасных станковых пулеметов ZB53, в то время как Парагвай смог получить 100 *Кольтов* из Аргентины, а также множество трофеев.

Как показывал опыт мировой войны, мощные станковые пулеметы в общем удовлетворяли запросы войск, но в ближнем бою не могли решить все задачи. Насыщение автоматическим оружием войск выявило избыточную мощность винтовочных патронов для автоматического ведения стрельбы на коротких дистанциях. Особенно это сказывалось в оборонительных боях Западного фронта, когда расстояние между боевыми порядками противников составляло пару сотен метров. Уже в первый год мировой войны стала очевидной потребность в создании более легкого автоматического оружия для ближнего боя. Европейская инженерная мысль нашла несколько решений этой проблемы. Их вариантами стали создание ручного (облегченного варианта станкового пулемета) и автоматической винтовки, так называемого ружья-пулемета.

Первой широко распространенной моделью ручного пулемета стал английский *Льюис* (*Lewis*), а ружья-пулемета – французский *Шошо* (*Chauchot*). Следует отметить, что в русской кавалерии еще в эпоху русско-японской войны появилось ружье-пулемет системы датского инженера *Мадсена*.

Ручные пулеметы были относительно дороги и не отвечали ни финансовым возможностям противников, ни условиям ТВД. Поэтому командования обеих армий независимо друг от друга приняли на вооружение ружье-пулемет. Этот специфический вид оружия, представлявший собой облегченный вариант ручного пулемета, получил распространение в этот период. Благодаря своим четырем качествам – дешевизне, простоте, легкости и относительно высокой скорострельности, он был широко востребован колониальными войсками. Генерал Г.Кундт при формировании первой дивизии уже имел в своем распоряжении сотню ружей-пулеметов системы *Мадсена*. Контракт с *Виккерсом* предусматривал приобретение новой модели – ружье-пулемет *Бертье-Виккерса* (под патрон 7,65 мм) с лучшими огневыми характеристиками. Вес системы с магазином в 30 патронов составлял 9 кг. Она была принята на вооружение индийской колониальной армией и впервые применялась в англо-афганской войне, где неплохо себя зарекомендовало в боях на пересеченной местности и горных лесах. Ее недостатками была сложность механизма и установка магазина сверху, что мешало стрелку вести прицельный огонь. В 1928 году на вооружение боливийской армии поступило 500 единиц такого оружия. Это способствовало высокому насыщению пехотных подразделений автоматическим оружием. В 1933 году Боливия дополнительно приобрела 500 ружей-пулеметов на Льежской оружейной фабрике, которая обладала лицензией на их производство. С 1934 года легкие пулеметы были куплены на заводе *Зброевка Брно*. В течение последующих двух лет в страну поступило 2000 единиц модели ZB-26/30. Несмотря на большие потери (900 единиц) к августу 1934 года в боливийской армии состояло на вооружении 1628 единиц автоматического оружия. В период между 1935 и 1938 годами Боливия дополнительно приобрела 650 чешских пулеметов.

Выбор образца ружья-пулемета для Парагвая происходил под влиянием русских офицеров, имевших за плечами опыт мировой и гражданской войн. Поскольку ручные пулеметы *Льюиса* к началу 30х годов устарели, а системы *Виккерса-Бертье*, *Браунинга* и *Холлека* были не по карману для парагвайской казны, выбор пал на ружье-пулемет *Мадсена*. В 1924 году его модернизировали в соответствии с опытом I мировой войны. Кроме дешевизны основными критериями выбора этой системы стали ее простота и надежность, а также наличие представителя производителя в Монтевидео. В конце 29 января 1927 года первая партия в количестве 176 штук была отправлена из Ольборга. * или 9 марта она прибыла в Буэнос-Айрес, а в 1931 году – еще 200. Представительство Мадсена в Уругвае оказалось надёжным партнёром: несмотря на эмбарго оно снабжало своей продукцией парагвайскую армию на протяжении всей войны. Всего за три года войны поставили в Парагвай пять сотен пулемётов. Многие из них были заказаны представителем конституционалистов из Сан-Паулу доктором Феррейрой. После поражения восстания парагвайцы большую партию *мадсенов* оказалась невостребованной и застряла в парагвайском городке Педро Хуан Кабальеро. Они были дополнены сотнями трофейных ружей-пулемётов, которые попали в руки парагвайцев в ходе военных действий.

Немецкая конструкторская мысль в годы мировой войны работала над решением проблемы концентрации огня несколько в другом направлении, чем союзники и сосредоточила усилия над созданием самозарядных и автоматических пистолетов. Это было результатом новой тактической концепции, внедренной в войска генералом Людендорфом. В ее основе стояло создание особых штурмовых групп, обеспечивавших прорыв укрепленных линий врага. Одним из основных принципов этой тактической схемы было создание максимальной плотности автоматического огня при прорыве. Низкая маневренность ручного пулемета привела к поступлению на вооружение кайзеровской армии скорострельных пистолетов *Люгер* и *Маузер*. Вскоре практика показала, что их возможности ограничены и требуется более мощное оружие. Так появился пистолет-пулемет *Бергмана*, сыгравший важную роль в истории войн середины XX века. После первой мировой войны большинство военных экспертов стран победителей отводило пистолетам-пулеметам роль дополнительного огневого средства и рекомендовало для вооружения жандармерии и полиции, а также технических родов войск.

Первые пистолеты-пулеметы появились в Боливии в середине 20-х годов, когда началось формирование дивизий. По замыслу генерала Г.Кундта ими должны были быть вооружены солдаты штурмовых групп. Накануне войны Боливия получила из США незначительное число пистолетов-пулеметов *Томпсона*. Уже в первых скоротечных схватках на коротких дистанциях в джунглях Чако это оружие отлично показало себя. С возвращением Г.Кундта количество пистолетов-пулеметов в войсках резко возросло. Готовясь штурмовать укрепления Нанавы, генерал настоял на приобретении значительного числа пистолетов-пулеметов. В начале 1932 года оружейным фирмам *Бергман* и *Эрма* были заказаны пистолеты-пулеметы *Бергмана* МП-18/1 и *Фольмера* под патрон 9 мм *Байард*. Их планировалось направить на оснащение автоматическим оружием пехоты. В 1934 году в С.Г.Хенель (С.Г.Хаенал) был размещен заказ на производство крупной партии МП-18/II, перспективной разработке Хуго Шмайзера. Все заказы были размещены до введения Лигой Наций эмбарго, и это оружие поступило на вооружение боливийской армии. Во время войны Боливия приобрела большую партию пистолетов-пулеметов ZK-383 в Чехословакии. Не имевший доступа на мировой рынок оружия Парагвай был вынужден довольствоваться довоенными запасами и трофеями. В предвоенные годы в его арсенале был только один вид пистолетов-пулеметов *Эрма* МП-35 под патрон *Парабеллум*. Количество закупленного оружия неизвестно, но исходя из того, что ими штатно вооружались офицеры боевых подразделений, число пистолетов-пулеметов не превышало трёх сотен.

Цены на ручное автоматическое оружие в 20-30-е годы превышали цены на винтовки в 3-7 раз. Стоимость ружей-пулеметов колебалась в широких пределах от 80 до 250 долларов США в зависимости от модели. С ростом военной напряженности в Европе цены на оружие постепенно росли, что отражалось на бюджетах Боливии и Парагвая. Такая же ситуация была и на рынке станковых пулеметов, которые стоили от 400 до 700 долларов. Боеприпасы к пулеметам продавались по 10000-15000 патронов на ружье-пулемет, до 50000 на станковый. Для пистолет-пулеметов эта норма составляла всего тысячу.

Положение с боеприпасами для пулеметов в обеих армиях осложнялось тем, что калибр некоторых из них не соответствовал винтовочным. Лучше обстояло дело с выстрелами для пистолетов-пулеметов, в которых использовались патроны для пистолетов. С получением

чешских пулеметов диссонанс между стрелковым и автоматическим оружием в боливийской армии был ликвидирован. Парагвайская же сторона решала вопрос обеспечения боеприпасами увеличением выпуска патронов.

В боливийской армии использовались патроны двух основных типов – немецкие *Маузера* 7,65×57 (для винтовок, карабинов, чешских и немецких пулеметов), английские 0,303” (для пулеметов *Виккерса*) и американские 0.30 (7,65 мм – для *кольтов* и *мадсенов*). Пули в них были двух видов – легкие (для винтовок и карабинов) и тяжелые (для пулеметов), а также специальные (пристрелочные, трассирующие и др.). Парагвайцы использовали боеприпасы двух видов: патроны 7.65×57 с легкой пулей для стрелкового оружия и 7,65×57 с тяжелой пулей для автоматического. Кроме того, в 1933 году они приобрели 10000 бронебойных пуль для борьбы с танками. Широкое использование трофеев позволяло их применять и трофеи противника.

В ходе войны обе стороны старались применять различные новинки. Так, Парагвай в начале войны приобрел партию ручных гранат. Они были применены на поле боя у *Нанавы* и вызвали панику в рядах противника. После этого обе стороны стали использовать этот вид оружия, а парагвайцы даже начали производить их у себя на арсенале. В качестве корпусов для них использовались чугунные отливки и гильзы от мелкокалиберных снарядов, начиненные пироксилином. Аналогичным образом снаряжались и примитивные противопехотные мины. Для закладки более мощных фугасов часто использовался динамит. Другим нововведением на поле боя стало применение огнеметов. Их приобретение было связано с попыткой генерала Кундта внедрить немецкую штурмовую тактику в боливийской армии. Однако громоздкость аппаратуры и небезопасность стали причиной их ограниченного использования. В отличие от ручных гранат огнеметы не вызвали паники среди обороняющихся парагвайцев

Командование обеих сторон перед войной недооценивало возможности артиллерии. Это объяснялось не только особенностями ТВД, на котором применение орудий было затруднено, но и распространившимся после мировой войны мнением, что полевая артиллерия – сугубо оборонительный род войск. Ещё одной причиной было то, что офицеры обеих армий не умели вести огонь с закрытых позиций. Бедные страны считали артиллерию прожорливым и очень дорогой род войск, ненасытный потребитель не менее дорогих боеприпасов. Однако профессиональные военные понимали, что без артиллерии одержать решительную победу в войне невозможно. Готовясь к неминуемому столкновению, обе стороны старались обеспечить свои войска относительно немногочисленной, но хорошей артиллерией с достаточным запасом снарядов. Артиллерия стран Латинской Америки создавалась под влиянием опыта франко-прусской войны. Их артиллерийские парки состояли преимущественно из пушек *Круппа*, *Гочкиса* и *Шнейдера*. К моменту инцидента в Вангардии Парагвай имел на вооружении 17 горных орудий различных систем (Круппа, Виккерса и Армстронга) и 7 «пом-помов» системы Виккерса. Эти автоматические пушки планировалось использовать для обстрела вражеских самолётов. Парагвайская речная флотилия состояла из трёх старых канонерок, вооружённых десятью морскими пушками (Гочкиса и Виккерса) и одним 205 мм орудием.

В 1928 году артиллерия Боливии состояла из 16 пушечных батарей (64 орудия). Усовершенствованная полевая пушка *Круппа* образца 1896 года была основным образцом немецкого полевого орудия в начальный период мировой войны. Это надежное орудие было оснащено пневмогидравлическим противооткатным устройством и горизонтальным скользящим клиновым затвором системы *Круппа*. В облегченном горном варианте она в 1904 году поступила на вооружение боливийской армии, сменив своих собратьев образца 1874 года. Всего в Германии были приобретены 4 батареи пушек, составившие первый артиллерийский полк. К 30-м годам эти пушки безнадежно устарели, но продолжали состоять на вооружении запасных и учебных частей боливийской армии еще два десятка лет. В ходе войны крупновские орудия использовались для различных целей: береговой обороны, непосредственной поддержки пехоты, салютов и ПВО. Когда на фронте стал сказываться недостаток артиллерийских орудий часть из них

была направлена на пополнение полевых частей. В 1911 году на вооружение армии Боливии была принята 65мм горная пушка *Шнейдера* (MD), которая представляла собой максимально облегченную и упрощенную модель 1897 года (LD). Ее можно было достаточно быстро разобрать на шесть частей и перевезти на вьюках. Впрочем, если условия позволяли, то ее перевозили на конной или механической тяге. Эта пушка оказалась достаточно удобной и компактной, чтобы ее использовать не только в горах, но и для поддержки пехоты. Пять батарей этих орудий стали основой для формирования второго полка горной артиллерии. Тогда же в Боливию были доставлены две батареи 75мм полевых пушек *Шнейдера* (LD), которые стали эмбрионом полевой артиллерии.

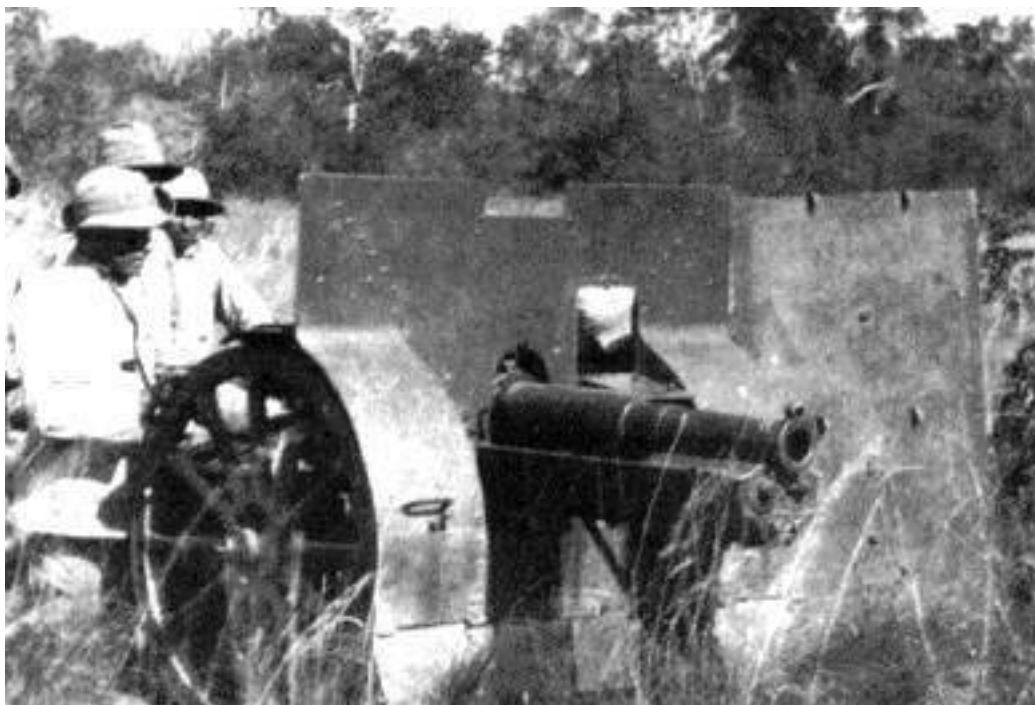
Программа вооружений Э.Силеса предусматривала заказ у *Виккерса* 196 артиллерийских орудий всех систем. Это были 105 мм горные (Мк С) и полевые (Мк В) гаубицы, 65мм пехотные (Мк Е), 70 мм горные (Мк КК) и 75 мм полевые (Мк ММ) пушки. Эти орудия были созданы на базе британских 2,75” горных, 13 и 18 фунтовых полевых пушек и 3,75” горных и 4,5” полевых гаубиц. Основным их отличием от стандартной британской серии QF был метрический калибр. 13-фунтовая пушка была сконструирована в 1904 году с использованием опыта англо-бурской войны и состояла на вооружении королевской конной артиллерии. Недостаточная дальность орудия этой системы не удовлетворяла запросам позиционной войны и были пущены на переделку или отправлены в колонии. У значительной их части были заменены стволы, позволившие их экспортировать в Южную Америку. В Боливию были направлены 30 13-фунтовых пушек, переделанных в пехотные и получившие ствол калибром 65мм. С ними прибыло 18 их увеличенных копий – 18-фунтовые полевых пушек со стволом 75мм ствол. 4,5” британская гаубица оказалась одним из наиболее эффективных орудий среднего калибра на протяжении всей мировой войны. Созданное фирмой *Coventry Ordnance Works* орудие поступило на вооружение британской армии в 1910 году и стало хорошим дополнением к полевым пушкам с настильной траекторией полета снаряда. За годы войны было произведено несколько тысяч таких орудий. Послевоенное разоружение позволило продать значительную их часть в разные страны мира. При поставке 8 полевых гаубиц в Боливию на них ставили ствол калибра 105мм. Прототипом горной пушки Мк КК стала британская 2,75” горная пушка. Она широко использовалась в индийской армии на северо-западной границе с начала XX века. Она имела составной ствол, части которого и лафет весили немного и могли легко перевозиться на шести вьюках. Однако в мировую войну она применялась только на Ближнем Востоке. Во время войны эти орудия были сняты с производства, а их запас распродан в английские протектораты и Латинскую Америку. На 47 орудиях, предназначенных для Боливии, были установлены 70мм стволы. 12 горных гаубиц МкС имели своим прототипом 3,7” горную гаубицу, у которой ствол имел калибр 105 мм.

Противовоздушную оборону страны составили 20-мм зенитные пушки *Becker-Semag*, предшественники швейцарских *Эрликонов*. Это скорострельное орудие было создано в 1917 году немецкой фирмой *Becker*. Однако после окончания Мировой войны ее производство на территории Германии было запрещено по Версальскому договору. В связи с этим патент на ее производство был продан швейцарской фирме *Semag*. В начале 20-х годов эта компания обанкротилась, а все ее оборудование вместе с документацией и опытными образцами досталась фирме *Erlicon Machine Tool*, которая организовала ее серийное производство под маркой *Semag* и стали экспортировать ее во многие страны мира. В ходе производства конструкторы фирмы значительно усовершенствовали дизайн орудия и превратили ее в простое и эффективное зенитное оружие. Генерал Г.Кундт первоначально заказал 8 таких орудий, из расчета по 2 на каждую дивизию. В 1928 году в Боливию прибыло 8 зениток, которые были переданы ВВС.

Кризис 1929 года заставил боливийское правительство сократить заказе *Виккерса* со 196 до 115 единиц. Шестьдесят четыре из них прибыли в Боливию до начала военных действий. Таким образом, армия Боливии вступила в войну со 136 артиллерийскими стволами. За следующие три года в страну дополнительно поступили еще 87 орудий разных систем, в том числе 16 спаренных *Эрликонов* и 10 противотанковых пушек. Остальные 51 единицы являлись продукцией *Виккерса*. Всего с 1925 года из Великобритании прибыло 115 орудий (30 МкЕ, 18 МкММ и 47 МкКК, 8 МкВ и 12 МкС). Несмотря на значительные потери (около 50 артиллерийских орудий) за годы войны боливийская артиллерия численно выросла, составив 54 батареи (всего более 170 орудий). Уже после заключения перемирия в Боливию прибыли еще 40 *Эрликонов*, существенно усиливших ПВО страны.

22 сентября 1926 года парагвайское правительство заказало на заводах Шнейдера во Франции восемь 105мм горных гаубиц, 24 75 мм пушек и 9200 снарядов к ним. Общая стоимость заказа составила 734800 долларов США. В 1932 году они поступили на вооружение двух артиллерийских групп, каждая из которых включала по две пушечных и гаубичную батареи. Горная гаубица *Шнейдера* М105/28 была разработана в 1913 году. Спустя пятнадцать лет её модернизировали и запустили в производства. Прекрасные боевые характеристики сделали ее одной из лучших разработок *Шнейдера*. В этой гаубице М105/28 использовались несколько технических новшеств: поршневой затвор, схема крепления ствола в люльке и пневмогидравлическое противооткатное устройство, резко повысившие его скорость и дальность стрельбы. Благодаря этому гаубица обладала высокими тактическими характеристиками. Однако, несмотря на свой внушительный радиус стрельбы, она не была дальнобойным орудием из-за сильного рассеивания снарядов. Каждую гаубицу обслуживал расчет из 8 человек. Она могла перевозиться конной упряжкой или на 8 вьюках. Другой артиллерийской системой Шнейдера, состоявшей на вооружении Парагвая, были 75 мм горные пушки образца М75/28 с расчетом в шесть человек.

Орудие стала прогрессивной разработкой фирмы Colonel Deport полевого орудия 1897 года. В ней был впервые применены раздвижной сошник лафета и необычная двойная система отката. При ней ствол двигался в пределах цилиндрической люльки, расположенной внутри обычной, в результате чего нагрев ствола не передавался на противооткатное устройство. Угол возвышения в 54° позволял использовать пушку для ведения навесной стрельбы и применять ее в горных районах. Ее транспортировка осуществлялась конной упряжкой или на 6 вьюках.

Первая батарея орудий Шнейдера прибыла в январе 1929 года, а вторая – в апреле. Они составили первую артиллерийскую группу. Остальными пушками оснастили вторую и третью артиллерийские группы, а шесть горных пушек *Виккерса* составили пятую артиллерийскую группу. *Крупна*, не имевшие прицелов для стрельбы с закрытых позиций, составили четвертую артиллерийскую группу. Они использовались при обороне Нанавы и Толедо. Впоследствии они были сняты с вооружения и заменены трофейными орудиями. Из восьми морских пушек *Виккерса* пять защищали Баия-Негра, а остальными вооружили *авизо Такуари* и «*Капитан Кабрал*». Пушки Армстронга обеспечивали оборону Фуэрте Олимпо. Четыре зенитных пушки *Семак* и пом-помы *Виккерса* составили основу ПВО. На разных этапах войны они прикрывали с воздуха Кампо-Гранде, Нью-Гуасу, Исла-Пой...

Благодаря изучению и анализу театра военных действий (ТВД) парагвайскому военному руководству стала очевидна необходимость в оснащении войск артиллерией с навесной траекторией стрельбы. Эта система была усовершенствована Эдгаром Брандтом, взявшим за основу миномет *Стокса*, использовавшийся союзниками на фронтах мировой войны. Схема этого оружия была проста – подпертая сошником с механизмами наводки гладкостенная труба, упирающаяся в массивную опорную плиту. Траншейные минометы явились очень эффективным средством поддержки пехоты: он мог вести огонь по очень крутой траектории и поражать противника в самых глубоких укрытиях. Французская миссия предложила оснастить миномётами подразделения огневой поддержки, входившие в состав парагвайских пехотных полков. Однако, это заказ не был сделан своевременно. Только в канун войны парагвайское военное министерство заказало во Франции заказаны 24 миномета системы *Стокса-Брандта* с сотней выстрелов к каждому. За них было заплачено 67581 американских долларов. Ещё дюжина

миномётов и 37000 выстрелов к ним были приобретены в начале войны. Они были доставлены в Асунсьон через Монтевидео.

Простота изготовления вида оружия и выстрелов к нему позволила начать их производство на асунсьонском арсенале. За годы войны было произведено две дюжины миномётов и 36000 снарядов для них. Познакомившись с их действием, боливийцы заказали в Англии партию 3” минометов. В ходе войны Боливия приобрела 180 единиц этого оружия, позволившее оснастить им все боевые части в достаточном количестве. Более сотни из них вскоре оказались трофеями парагвайцев, которые успешно использовали их против прежних хозяев.

Износ материальной части (в первую очередь стволов) стал причиной постепенного снижения количества орудий в боевых частях обеих сторон. Их замена составляла большую проблему для обеих сторон, поскольку ни одна из них не обладала соответствующими мастерскими. Как правило, ствол изнашивался за 10-20 месяцев. Отсутствие собственных мощностей вынуждали противников приобретать недостающие части для орудий за границей и собирать их в арсенале. Особенно плохо обстояли дела с орудиями снятых с вооружения систем. Заказ запасных частей для них был сравним со стоимостью нового, и поэтому изношенные орудия растаскивались на запасные части.

«Снарядный голод» мировой войны вынудил стороны обратить пристальное внимание на создание запаса артиллерийских боеприпасов. В 1928 году парагвайская артиллерия имела всего пять тысяч снарядов всех калибров, что вызвало большую озабоченность командования. В связи с этим оно надо было срочно обновлять свои запасы, но этого не было сделано. В результате французские пушки прибыли в Асунсьон со стандартным количеством снарядов (525 на орудие). До войны в Парагвай привезли 9200 снарядов для пушек и гаубиц Шнейдера. В арсенале также имелось 4400 75 мм снарядов для пушек Круппа и Армстронга, а также 2000 – для Виккерса.

Боливийцы оказались предусмотрительнее. При размещении заказов у *Виккерса* генерал Г.Кундт настоял на том, чтобы пушки имели запас в 1000 выстрелов, а гаубицы – 800. Благодаря этому Боливия обладала 140 тысячами артиллерийских выстрелов на 1932 год, в то время как Парагвай – не более чем 20. Однако более 50% артиллерийских парков Боливии состав-

ляли картечь и шрапнель. Последняя довольно эффективно использовалась в начале войны боливийцами, отразившими несколько атак противника. Парагвайцы использовали этот вид снарядов при обстреле самолетов противника, два из которых были сбиты.

В ходе войны стороны заказали пробные партии специальных выстрелов (бронбойных, зажигательных). Однако их применение не стало постоянным из-за их несовершенства и отсутствия достаточного количества целей. Наиболее распространенным видом снарядов для борьбы с наземными целями к концу мировой войны стала дешевая и простая в изготовлении граната, полностью вытеснившая из боезапаса шрапнель. Она в необходимой пропорции сочетала как фугасное, так и осколочное действие. Однако к концу войны ее запасы у обеих сторон были исчерпаны, поскольку за границей заказывались исключительно гранаты. Калибры 20мм, 37 мм, 75мм и 105мм было достаточно легко пополнить через посредников. Гораздо хуже обстояло дело с нестандартными калибрами – 65 и 70 мм, которые производили только немногие заводы. К концу войны Боливия нашла в Чехословакии их поставщика и преодолела кризис. Износ материальной части (в первую очередь, стволов) стал причиной вывода в ходе войны в резерв части артиллерии (системы *Армстронга*, *Шнейдера*, *Гочкиса* и *Круппа*).

Опыт мировой войны показывал, что в среднем, на действующие орудия тратиться 3 снаряда в день, а в течение года выходит из строя примерно четверть всех боевых единиц из-за износа механизмов. Эти факторы были положены для расчета необходимого количества боеприпасов. Боливийское командование полагало, что война продлится не более года и в соответствии с этими расчетами производило закупку боеприпасов и вооружения. Для обслуживания армии был сформирован артиллерийский парк в составе 4 взводов, который обеспечил бесперебойный подвоз боеприпасов на передовую. Впоследствии такие парки были развернуты при каждом корпусе. На артиллерийский ствол приходилось от 400 до 2000 выстрелов по цене от 5 фунтов стерлингов и выше. Этого количества при затяжной войне было недостаточно. Когда на втором этапе войны боливийскому командованию стало ясно, что война затянется на два года, Ла-Пас разместил заказы на артиллерийские боеприпасы из расчета тысяча выстрелов на орудие в год. Он сопровождался нарядом на запасные стволы (1 ствол на орудие в год). В связи с эмбарго и, связанными с ним перебоями в снабжении, их доставка производилась хаотически, и временами боливийская армия испытывала острую нехватку боеприпасов. Обеспечение ее артиллерии снарядами было сносным и составляло 12-20 выстрелов на день. Это позволяло ей вести беспокоящий, но мало результативный огонь по позициям противника.

Парагвайская артиллерия растратила свой боезапас за 1932 год и была вынуждена обходиться минимальным запасом снарядов (10-15 на орудие). Поставка дополнительных 36000 снарядов для ушек Шнейдера и 4000 для Круппа улучшило, но не исправило положения. Поиск артиллерийских боеприпасов для орудий *Шнейдера* стал после введения эмбарго проблемой для военного министерства. Оно было вынуждено приобретать его через посредников небольшими партиями втрюдорога. Исключение составляли только периоды, когда к ним в руки попадали боливийские трофеи или тогда, когда удавалось прорвать блокаду. Снарядный голод стал причиной того, что военное министерство попыталось организовать в Сайонии собственное производство. Для этого за границей были приобретены оборудование и приспособлены инструментальные станки арсенала. Лабораторию, мастерские и литейную возглавляли русские артиллеристы Н.Ф.Зимовский и братья Оранжеевы. Производство снарядов требовало большей точности при обработке деталей и привлечения для производства лучших специалистов. Эффект от этого был невелик – производство снарядов едва достигало полусотни в день и тормозило другие работы. Поэтому производство было перепрофилировано на выпуск минометных мин. Имея в артиллерийских парках не более ста выстрелов на орудие, парагвайская артиллерия использовала свои припасы чрезвычайно бережно.

Несколько лучше обстояло дело с производством мин, патронов, ручных гранат, снаряжением гильз, фугасов и авиабомб, которые требовали гораздо меньших трудозатрат и более

низкой квалификации рабочих. Траншейные минометы в начале войны имелись только у парагвайцев, которые имели по 400 выстрелов на ствол. Несмотря на значительный расход боеприпасов проблем с выстрелами у минометов не было, поскольку с февраля 1933 года арсенал Сайонии стал их выпускать в достаточном количестве. Во время войны на миномет в среднем приходилось 60 мин. Кроме этого в распоряжении командования всегда имелся запас в 2-3 тысячи выстрелов. Однако кустарное изготовление взрывчатки иногда приводило к трагическим результатам. Так, 3 июня 1933 года не сработали захваты двух авиабомб на *Помезе* N14, вследствие чего при приземлении машина была полностью уничтожена, а ее экипаж погиб.

Боливийские военные круги по подсказке генерала Г.Кундта обратили внимание на такой новый вид оружия, как танки и бронев автомобили. Они сделали у *Виккерса* заказ на 5 танкеток *Карден-Ллойд Mk VI*, 5 легких танков *Виккерс-6* тонн модели E (в т.ч. 1 – пушечный MkB) и 8 бронев автомобилей. В 1929 году размер поставок был снижен: Боливия получила 2 танкетки Карден Ллойд, одна из которых была вооружена огнемётом, и 3 танка (1-пушечный), а также несколько БРМ. Доставленный в Боливию танк типа А (вооружение – 2 пулемёта) имел заводской номер VAE532, пушечные же танки серии В имели номера VAE446 and VAE 447.

В 1931 году на параде боливийской армии в Ла Пасе был продемонстрирован танк *Рено FT*, но он не был доставлен на театр боевых действий и не принял участия в войне. Опыт использования легких бронированных машин в колониальных войнах вызвал определенные надежды у боливийского командования. Вследствие целого ряда факторов, в том числе неправильного применения бронетанковой техники на местности, их надежды не оправдались. Бронев автомобили были попарно приданы корпусам и использовались для охраны дорог от набегов парагвайских *герильерос*. Единственный раз они участвовали в боях при неудачной попытке установить связь с *Кампо Гранде*, где попали в засаду.

Неудачи применения бронетехники во многом связаны с отсутствием специалистов, которые не были в состоянии правильно использовать боевые машины. Если экипажи броневиков удалось комплектовать местными шоферами и пулеметчиками, то для первого танка пришлось привлечь австрийского майора Вальтера Коха. Он содержался в тюрьме Ла-Паса под именем Джон Кеннет Локхард и был осужден за уголовное преступление. Позже к нему присоединились два немецких майора Ахим Р. фон Криес и Вильгельм В.Брандт и два чилийских добровольца. За восемь недель им удалось обучить танковые экипажи, после чего бронетехника с большими трудностями была доставлена на театр военных действий. Однако британская бронетехника оказалась непригодной в «зеленом аду». Причиной этого стали не природ-

ные условия Чако, а жара: британские танки и танкетки не обладали системой охлаждения. В иные жаркие дни воздух внутри них нагревался до 50-60°C. В таких условиях экипаж мог находиться не более 30 минут. Этого времени не хватало даже для выдвижения на поле боя. Так, во время одной из атак на 7 километре в руки парагвайцев попал танк, покинутый экипажем из-за перегрева. Еще один танк MkV был захвачен во время одного из штурмов Нанавы. Вместе с разбитым в 1932 году у *Сааведры* танком MkA он был отправлен в Сайонию, где его удалось отремонтировать. Вскоре выяснилось, что у Парагвая нет специалистов для управления танком и его поставили в ангар. Впоследствии эта боевая машина вместе с другими трофеями была продана испанским республиканцам в 1936 году. Корпус MkA был поставлен у Военной Школы. Уже после окончания военных действий, в 1937 году из Италии в Ла-Пас поступили 12 итальянских танкеток CV-35.

Бронеавтомобили в боливийской армии использовались, в основном, для патрулирования маршрутов движения транспортных колонн. Единственный раз они участвовали в боевой операции при попытке прорыва к Кампо Гранде. Их низкая проходимость привела к тому, что обе машины застряли, а их экипажи были вынуждены сдаться парагвайцам в плен. Кроме собственно бронемашин боливийское командование часто использовало грузовики, обшитые стальными листами. Эти импровизированные бронетранспортёры использовались довольно активно. Несколько десятков из них были захвачены парагвайцами в ходе военных действий.

БОЛИВИЙСКИЕ ТАНКИ: Виккерс 6 тонн и танкетка Карден-Ллойд

Появление танков и бронемашин в Чако заставило парагвайское командование понервничать: были в срочном порядке заказаны 10000 патронов с бронебойными наконечниками, но их применение никак не отразилось на противотанковой обороне. Более эффективным способом борьбы против танков стали бутылки с зажигательной смесью и простейшие противотанковые заграждения в виде замаскированных фугасов, деревянных кольев, ям и траншей. Новым элементом в оснащении обеих армий стала высокая моторизация их тыла. Появление автотранспортных частей было предreshено ходом мировой войны. Во время битвы на Марне комендант Парижа генерал Галлиени впервые использовал мобилизованные парижские такси для переброски резервов во фланг наступающим немцам генерала Клука. С этого времени французы, а затем и более консервативные англичане стали широко использовать грузовики для переброски резервов. В США создание армейских автотранспортных частей началось уже весной 1915 года. Через год США использовали для снабжения своих войск в Мексику пять колонн грузовиков, на местности похожей по природным условиям на Чако. Их численность за время 11-месячной кампании быстро возросла со 135 до 500 машин. Несмотря на то, что автопарк Першинга был пестрым и запасных частей не хватало, его использование дало значительные преимущества американской оккупационной армии в области снабжения. По некоторым данным, объем военных грузов снизился на треть. Это было достигнуто за счет снижения объемов фуража и продовольствия, требуемых для частей снабжения. Используя опыт этой экспедиции, американцы развернули 50000 грузовиков в составе транспортных рот. Каждая из них

насчитывала 33 грузовика и 70 солдат. К 1918 году 294 автомобильные фирмы США произвели 227000 машин. К ним относились такие популярные модели, как Ford, White, FWD, Nash Quad (грузовик с полным приводом), Packard, Mack и Standard B, известная как Liberty. Еще один грузовик, White Standard Model A, была отмечена французами Военным Крестом, как наиболее подходящая модель. С 1918 года после демобилизации американской армии большая часть автомобилей, не вошедшая в состав Американского автомобильного корпуса, пошла на продажу в частные руки. Часть из них была экспортирована в страны Латинской Америки, где стала служить для перевозки грузов американскими компаниями. Не менее популярными в странах Нового Света были и грузовики Форда, отличавшиеся надежностью и относительно дешевой. Важным фактором, определившим продвижение продукции Форда на рынки своих южных соседей стало совпадение базы колес автомобилей с трамвайной колеей в ряде столиц Латинской Америки, например, в Асунсьоне. Значительно более дешевыми по сравнению с Европой оказались и запасные части к американским автомобилям.

Обе стороны в ходе войны провели моторизацию дивизионных тылов и артиллерии. За ними последовали разведывательные отряды и кавалерия. Создание армейского автомобильного корпуса в боливийской армии отразило стремление военного командования обеспечить надежное снабжение во время всей кампании в Чако. Тяжелый грузовой автомобиль заменял по грузоподъемности три артиллерийские двуколки на поле боя и столько же в обозе дивизии. Вместо 760 кг фуража потребляемых лошадьми ему требовалось только 100 литров бензина в день. Таким образом, наличие колонны из 20 полутоннажных грузовиков на линии фронта позволяло освободить от транспортной службы 120 артиллерийских и обозных двуколок и не менее 30 интендантских подвод. Вместо трехсот лошадей и двухсот солдат необходимых для их обслуживания требовалось только 50 человек, что резко позволяло снизить численность едоков и уменьшить расходы на содержание тыла.

Полутоннажная машина брала на борт 15 солдат или 13 солдат со станковым пулеметом и боезапасом. Она легко транспортировала 75мм пушку или пару зениток (в кузове), а это заменяло шестерку лошадей. Взвод из 20 таких автомобилей легко могли перебросить к месту боя за считанные часы 1-2 пехотные роты, авторота (80 машин) – целый пехотный батальон, а 7 рот могли перебросить пехоту целой дивизии. В планы боливийского командования первоначально входило создание транспортного парка в 1500 трехтонных грузовиков, однако финансовые возможности страны позволили приобрести не более 600. В начале войны боливийскому командованию удалось дополнительно мобилизовать еще около трех сотен автомобилей. Однако, этого не хватило для обеспечения фронта. Уже в ходе войны в Боливию из США поступило еще несколько сотен машин, которые не только компенсировали потери, но и пополнили автопарк армии до тысячи единиц.

При планировании военных операций в Чако, парагвайское командование первоначально недооценило возможности автотранспорта, поскольку планировало использовать водные пути и железные дороги. Обладая меньшими ресурсами и финансовыми возможностями, Парагвай сделал ставку на строительство стратегической узкоколейки от Пуэрто-Касадо вглубь Чако. Эта 160-километровая железная дорога, связавшая Пуэрто-Касадо с Минас-Куэ, разрешила значительную часть снабженческих проблем парагвайцев в первые полтора года войны. Однако со временем, парагвайское командование стало резко наращивать свой автопарк, начальную основу которого составили несколько машин, ездивших по улицам Асунсьона и грузовики *Форд*, доставшиеся от конституционалистов из Сан-Паулу, база снабжения которых располагалась в Понта-Поран (расположенного напротив Педро Хуан Кабальеро). Уже в сентябре 1932 года автомобильный парк увеличился на 50 автомобилей, доставленных из Аргентины. На арсенале они были обшиты листами и отправлены на фронт.

В ходе войны автомобильный парк парагвайской армии постепенно возрастал. Если в начале войны парагвайское командование располагало 62 автомашинами всех классов, то к концу 1932 года в его распоряжении оказалось 175 машин, половина из которых стояла из-за недостатка запасных частей. В ходе войны через Аргентину удалось ввезти 2308 шасси для автомобилей GMT, Ford и Шевроле. С введением эмбарго они импортировались в страну как сельскохозяйственные машины и только затем оснащались. К концу боевых действий в распоряжении парагвайского командования было около четырехсот полутоннажных грузовиков в составе транспортных взводов дивизий и секций полков. Уровень моторизации и механизации в этой войне определял скорость передвижения войск и глубину манёвра. Двигавшаяся пешком пехота делала 3-4 километра в час, а за сутки – не более 25 километров, кавалерия, соответственно, 10 и 40, в то время как автотранспорт – 40 и 120. По скорости переброски войск автотранспорт уступал только железным дорогам, но превосходил их в гибкости.

Боливийские железные дороги также интенсивно использовались в течение войны. По ним поступало вооружение и боеприпасы из перуанских и чилийских портов в район Вильясона, где перегружались на автотранспорт. Только в 1933 по 1934, по данным начальника Атакамской железнодорожной ветки Пиквуда, его поезда перевезли на юг 200000 солдат. В 1932 году в Чако было переброшено еще 80000 человек. Вместе это составило более 8000 пассажирских вагонов (или 8 вагонов в день). Еще около двадцати вагонов и платформ с военными грузами ежедневно прибывали в Вильясон, где разгружались и складировались. Таким образом, на нужды боливийских вооруженных сил были постоянно задействованы десять железнодорожных составов. Их число возрастало, когда из Европы и США приходили в порты Чили и Перу транспорты с оружием. Столь интенсивные перевозки и жизненная необходимость заставили боливийское руководство поддерживать состояние железнодорожного транспорта на должном уровне, что выразилось в приобретении правительством небольшого количества вагонов (1300) и локомотивов (10).

Большим подспорьем в организации снабжения парагвайских войск в Чако стали водные артерии, которые соединяли места дислокации войск в бассейне реки Парагвай с Асунсьоном – основной базой снабжения войск. Транспортные возможности парагвайского речного флота полностью удовлетворяли потребностям армии. Так, при развертывании в Чако парагвайских войск в начале конфликта пять мобилизованных пароходов совершили 22 рейса, перебросив в течение месяца 17000 солдат и более тысячи лошадей. Им ассистировали 2 госпитальных судна и военные суда речной флотилии. При перевозке значительного количества солдат или грузов каюты авизо отдавались под размещение штабов, а они использовались в качестве буксиров. При формировании каравана непосредственно за пароходом располагалась баржа с людьми, лошадьми, интендантским грузом и боезапасом. Для транспортировки людей баржи проходили незначительное переоборудование на арсенале Сайония. На верхней палубе устанавливались

деревянные перила высотой до метра и 20-25 скамеек на 6-8 человек. Для лошадей посредине баржи выгораживался загон. При перевозке войска снабжались питьевой водой из расчета 1,5 литра на человека в день и одна бочка на 6-8 лошадей. В экстренных случаях для переброски войск использовались канонерки, которые брали до 1300 солдат на борт каждая.

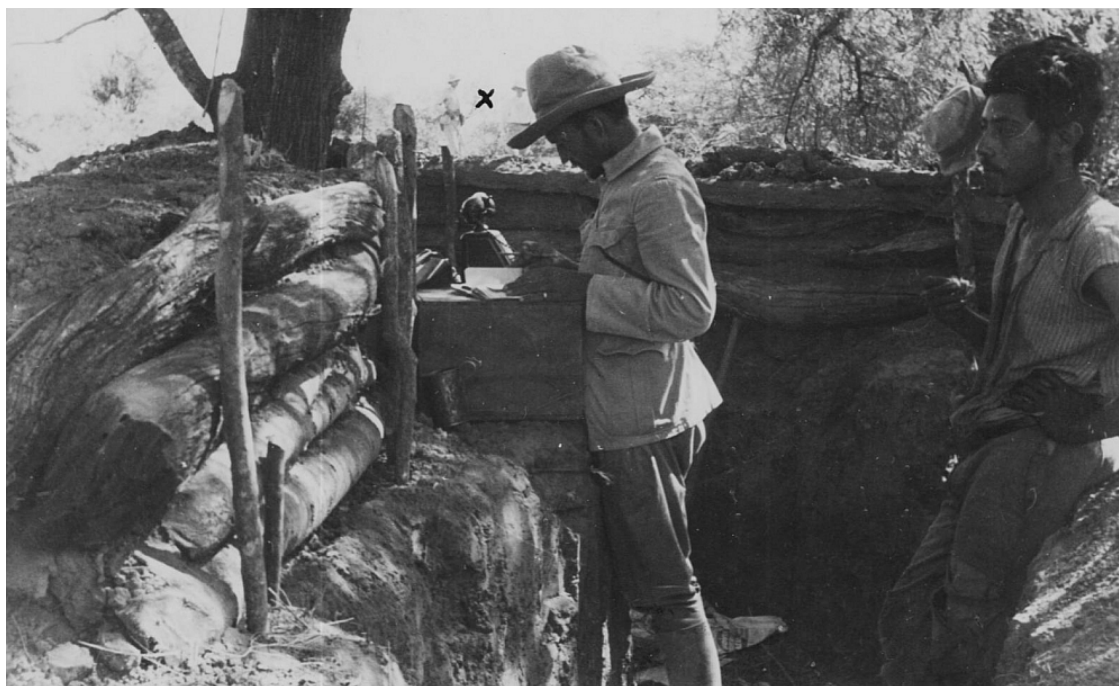

Река Парагвай представляла собой не только линию снабжения, но и последнюю линию обороны. Долгие годы флотилия формировалась из случайных судов и имела в своем составе 1-2 корабля и около двухсот человек. Флагманом в те годы была 150-тонная яхта английской постройки *Такуари*, вооружённая 4 75мм пушками и 2 37мм автоматами.

После гражданской войны 1922-23 годов в Италии были заказаны 2 бронированные канонерские лодки и 2 разведывательных гидроплана. В 1931 году *Умайта* и *Парагвай* прибыли в Асунсьон, составив костяк речной флотилии. Каждая из них имела 747 тонн водоизмещения, 3 75 мм и 4 47 мм пушки, а также 2 40мм зенитных автомата. В годы войны флотилия была дополнена пятью мобилизованными судами торгового флота, превращёнными в авизо. Каждое из них вооружили 75мм пушкой и 2 37мм автоматами. Авизо имели водоизмещение от 80 до 180 тонн и часто использовались для перевозки небольших отрядов и грузов. Лошади и повозки размещались на судах только в крайних случаях. В соответствии с установившейся практикой, в условиях военных действий на судно принимались от 2 до 5 пассажиров на лошадиную силу мощности главного двигателя. Это зависело от длительности рейса и военной необходимости. Так, суда, следовавшие по маршруту Асунсьон – Пуэрто-Касадо – Баия-Негра – Фуэрте-Олиμπο редко брали на борт более 2 человек на лошадиную силу, в то время как, транспорты на маршруте Концепсьон – Пуэрто-Касадо 4-5 человек, а Асунсьон – Вилью-Айес – 6-8. Вследствие особенностей региона и его транспортной системы в начале войны парагвайцам требовалось 32 дня, чтобы перебросить солдата от места мобилизации к линии фронта, в то время как боливийцам – 90. Только в 1933-34 годах речная флотилия перебросила на театр военных действий 331000 тонн военных и интендантских грузов и 1540 транспортных единиц.

Другой важной задачей речной флотилии было обеспечение безопасности фарватера, как от налетов боливийской авиации, так и стихии. Два авизо (*Капитан Бодо* и *Пирабабе*) погибли в 1933 году, исполняя свой долг. Из их обломков в Сайонии был построен новый 60-тонный авизо – *Лейтенант Фигари*. Он получил стандартное вооружение и прослужил в строю остаток войны. На расчистке каналов на Парагвае постоянно работали две драги *Асунсьон* и *Прогрессо* с экипажем в 58 человек.

Средства связи противников были иностранного производства. В армии Боливии это была продукция американских (*Дженерал электрик*, *Вестингауз электрик* и др.) и британских (*Виккерс*) радиотехнических фирм, а в войсках Парагвая – немецких (*Телефункен*), французских (*Альз-Том* и *Хаустон-Томпсон*) и итальянских (*Эдисон*). Последние применялись парагвайцами в авиационных и морских частях, в то время как французские и немецкие – в сухопутных войсках. Тактико-технические данные полевых телефонов и радиопередатчиков обеих сторон были схожими. В парагвайской армии в распоряжении полкового штаба по штату имелось 4 телефона, радиостанция и 20 км кабеля. На дивизионном и корпусном уровнях они дополнялись полевым телеграфом. Кроме этого в распоряжении парагвайцев было несколько более крупных стационарных радиостанций, обслуживавших авиацию и флот. Боливийские войска имели более широкий выбор средств связи. Так, их батальоны, действовавшие в составе полков или дивизионов, имели по 22,5 км кабеля и 9 аппаратов. Для отдельных частей это число вырастало до 28-43 км кабеля и 12 аппаратов. В целом, боливийская армия была лучше оснащена средствами полевой связи, но мало уделяла внимание радиосвязи. В условиях ТВД последняя вышла на первое место. Радиостанции (РС) действовали на расстоянии от 3 до 15 километров. Радиус действия вьючных РС достигал 25 километров, автомобильных – 50. Стационарные радиостанции, обслуживавшие штабы армий позволяли передавать сообщения на расстояния до 700 километров. Как уже отмечалось, более важным оказался фактор распределения средств связи в войсках.

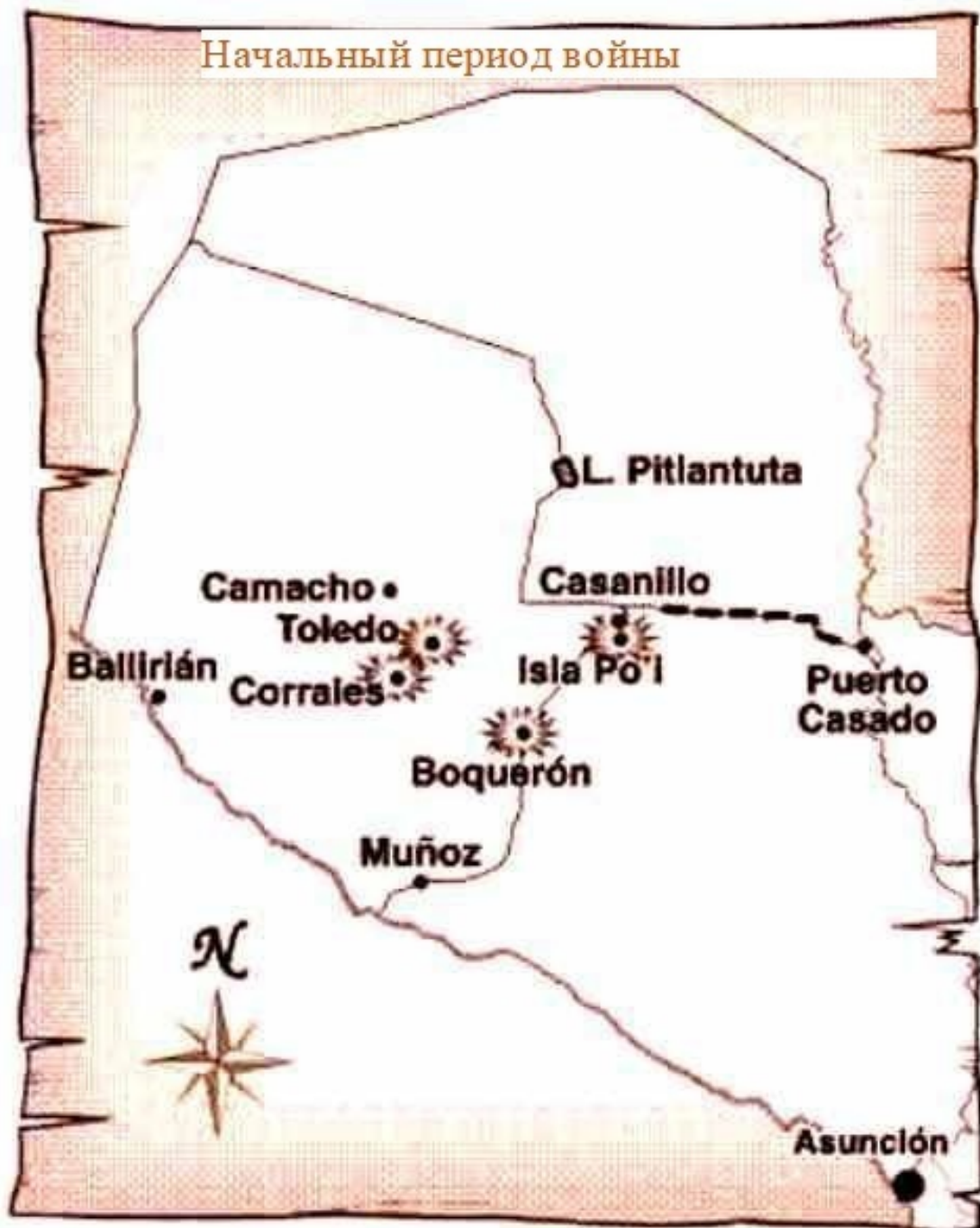

Необходимым залогом победы на поле боя является точность наблюдения за неприятелем. Это достигается при помощи разведки и наблюдения с использованием оптики. До миро-

вой войны Германия была практически единственным поставщиком качественной оптики. Фирмы Цейсса и Герца поставляли 6-кратные призмные бинокли, а также стереотрубы и оптические дальномеры с 8, 10 и 20-кратным увеличением. Первые наблюдательные приборы появились у обоих противников уже в начале XX века вместе с комплектацией орудий Крупна. Их число было невелико – по несколько единиц на батарею. С осознанием опыта мировой войны количество биноклей и буссолей в войсках резко возросло. Характер ТВД не позволял использовать оптику в полном объеме. В связи с этим парагвайские наблюдатели стали в ограниченных масштабах использовать русский опыт определения позиций противника по звуку. Однако кустарные звукометрические приборы батареи артиллерийской разведки не дали должного эффекта, хотя и позволяли засечь противника

Инженерное обеспечение войск было примитивным и представляло собой мотыги и топоры у боливийцев, мачете у парагвайцев, саперные лопаты и другой шанцевый инструмент. Примитивные механизмы использовались инженерными частями при строительстве шоссе и ремонте железных дорог, а боливийцы приобрели понтонный парк в качестве инженерных заграждений использовалась колючая проволока и примитивные мины – фугасы. Все это производилось на арсеналах противоборствующих сторон в достаточном количестве. Для технических нужд войска обеих сторон использовали механические и столярные мастерские. В составе полков имелись ремесленники: шорники, портные, кузнецы, которые могли провести простейший ремонт оружия, сбруи, обуви и обмундирования солдат. Их инструмент был примитивен, но необходим.

Экзотическим оружием для Латинской Америки стали огнемёты Flammwerfer M.16 Mod 1918. Восемь комплектов были заказаны генералом Г.Кундтом в Германии для оснащения штурмовых групп. Их громоздкая конструкция и большой вес требовали обслуживания командой из двух человек. К большому огорчению немецких советников, боливийские солдаты смогли успешно применить только один раз во время второго сражения под Нанавой. Остальные команды либо были перебиты снайперами, либо не смогли приблизиться к объектам атаки.

3. Барабаны войны.

Нестабильность парагвайского правительства. Отсутствие мирного решения. Отставка кабинета Х.П.Гуджиари. Питиантута. Индейцы. Захват боливийцами пяти парагвайских фортинов.

Несмотря на то, что ряд видных парагвайских политиков того времени, включая будущего президента Эусебио Айялу, были настроены на мирное разрешение конфликта, джингоизм охватил широкие круги парагвайского общества. Политика «компенсации», когда против каждого нового боливийского поста воздвигался парагвайский, привела к постоянным стычкам на границе, которые чудом не заканчивались кровопролитием. Парагвайский президент Х. П. Гуджиари всеми силами старался сбить военный настрой студенческой молодежи и предотвратить углубление конфликта. К.Юнг писал, что есть «вещи, которые поважнее мира и страшнее войны». Они редко обусловлены меркантильными соображениями и определяются психологией нации. Ожесточение, с которым сражались и умирали парагвайцы, указывает, что речь шла не о решении территориального спора и сохранении престижа, а о защите своего образа жизни. Таким образом, основным вопросом войны был межцивилизационный конфликт, в котором прагматичные, американизированные *чоло* встретились с патриархальными крестьянами долины Парагвая. Несмотря на то, что в каждой из стран существовали схожие этносоциальные группы – креолы, метисы, индейцы, их статус был различным. В боливийском обществе существовала скрытая сегрегация туземного населения – индейцев *аймара* и *кечуа*, в то время как малочисленная креольская элита Парагвая не отделяла себя от основной массы аборигенов – *гуарани*. Сами *гуарани* считали себя особым народом, который ничего не имеет общего с индейцами. В начале XX века назвать *гуарани* индейцем, означало оскорбить его настолько, что он свободно мог пустить в ход нож или револьвер. Все без исключения парагвайцы считали индейцев «красной рванью», которая живет в лесах Чако и не достойна называться людьми. Себя *гуарани* относили к белой расе. Пристрелить индейца считалось чуть ли не благородным делом, и власти на это смотрели сквозь пальцы. Несмотря на наличие креольской верхушки и достаточно монолитной европейской колонии, в Парагвае не существовала института типа *роски*, превращавшей Боливию в олигархию. Более того, *чоло* переняли американские ценности, которые были прямо противоположны мистическому восприятию *гуарани*, *кечуа*, *аймара*...

14 мая 1928 года группа националистически настроенной интеллигенции составила новое политическое объединение – Лигу национальной независимости (ЛНН), целью которой было построение нового Парагвая. Стараясь как-то снизить напряженность, президент перевел майора Р.Франко из Фуэрте-Олимпо в Нью-Гуасу и создал Совет национальной обороны (СНО), в котором должны были принять участие все политические силы страны за исключением коммунистов. Первым отказался войти в него экс-президент Э.Шерер, глава оппозиционной фракции либералов. Националисты – члены партии *Колорадо*, как обычно, разделились, зато в СНО вошел от ЛНН Х.Стефанич. Он и новый начальник Военной Школы полковник К.Рекалде предложили новый амбициозный план вооружений. Однако для его осуществления в казне не было средств. При помощи СНО Х.П.Гуджиари удавалось балансировать между различными политическими силами. Сталкивая их между собой, он пытался удержаться у власти. 19 марта 1930 года военный министр М.Скенони легко предотвратил заговор армейских офицеров во главе с «героем» Вангардии майором Р.Франко, который был отправлен в отставку.

Несмотря на эквилибристику, изоляция президента в обществе постепенно нарастала. К концу года его сторонником в правительстве был только министр финансов Эусебио Айяла.

Он стоял за мирные переговоры с Боливией и не был против передачи ей порта в судоходной части реки Парагвай. Свою позицию министр мотивировал тем, что его страна сможет получить дешевую боливийскую нефть и заработать на транзитных пошлинах. Прямо противоположную позицию в кабинете Х.П.Гуджиари занимал министр иностранных дел Ж.Зубизарета, который отказывался идти на какие-либо уступки Боливии. Его позицию сначала тайно, а затем и явно поддерживала Аргентина, недовольная исключением из состава комиссии нейтралов. По мнению Фили, американского посла в Ла Пасе, ее дипломаты оказывали постоянное давление на главу парагвайской делегации Эусебио Айялу, провоцируя его покинуть Вашингтон. Обструкция Ж.Зубизареты привела к тому, что 3 января 1931 года арбитражная конференция американских государств по умиротворению признала Парагвай агрессором. После этого события СНО недовольный «мягкостью» президента самораспустился. В результате этого Х.П.Гуджиари потерял последнюю общественную поддержку. Случайная смерть Элигио Айялы и аполитичность военного министра Манлио Скенони – двух наиболее популярных лидеров страны, способных его сменить на посту главы государства, дали отсрочку до 28 января 1932 года.

Тем временем внутривластный кризис постепенно нарастал. В феврале 1931 года анархисты на захватили Энкарнасьон. За считанные часы М.Скенони организовал операцию по освобождению города и ликвидировал мятеж. С этого момента верный конституции военный министр один стоял на пути недовольных. 14 апреля гарнизон *фортина Галтон* поднял мятеж. Он был подавлен в течение трех суток. Причиной возмущения гарнизона было недовольство тяготами военной службы и плохое снабжение гарнизона продовольствием, но при его захвате погибли трое и были ранены восемь солдат. Это незначительное событие привело к активизации оппозиции, которая настояла на отставке генерала М.Скенони с поста военного министра. В июле непримиримая позиция Ж.Зубизареты привела к разрыву дипломатических отношений между Боливией и Парагваем. Этот шаг был совершенно естественным для правительства Д.Саламанки, который провозгласил главной задачей своей политики захват Чако и выход страны к реке Парагвай. Поставив перед своим правительством такую задачу и ориентируя на нее пропаганду, президент Боливии не проявил политической мудрости. Вследствие этого его дипломатия стала предсказуемой, а это означало, что Боливия из субъекта региональной политики превратилась в ее объект.

19 октября 1931 года девятнадцать государств Западного полушария призвали Парагвай и Боливию найти территориальный компромисс в Чако. Этот политический акт был инспирирован демагогической резолюцией боливийского конгресса «О подписании пакта о ненападении с Парагваем». В этом документе была сделана специальная оговорка, согласно которой «данный пакт не должен привести к оставлению какой-либо территории или вывода войск из Чако». Таким образом своими мирными предложениями Боливия стремилась закрепить за собой «ползучую агрессию» на спорной территории. В свою очередь, министерство иностранных дел Парагвая инструктировало своих представителей максимально затянуть переговоры с целью способствовать дальнейшей модернизации армии и подготовке к войне. Комиссия нейтралов, на которой рассматривался территориальный спор между Ла-Пасом и Асунсьоном, состояла на этот момент помимо представителей США и соперников из дипломатов всех пяти государств Центральной Америки: Гватемалы, Сальвадора, Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики, ориентирующихся на позицию Белого Дома. Предложения комиссии нейтралов предусматривали:

1) восстановление дипломатических отношений между конфликтующими сторонами, 2) подписание соглашения об арбитраже,

3) мораторий на передвижение войск в Чако.

Парагвайская делегация обвиняла своего соперника в захвате территории и требовала отвода его войск за 62 западной долготы. При этом она соглашалась отвести свои войска за реку Парагвай. С точки зрения парагвайцев пакт о ненападении мог быть подписан только в

случае, если Боливия не выступит инициатором напряженности в Чако. Боливийские представители также критиковали предложения нейтралов. С их точки зрения, мораторий на переброску войск в Чако нарушал суверенитет страны. Вывод всех войск из зоны конфликта также не устраивал боливийцев, которые указывали, что парагвайская часть Чако заселена. Даже при выводе из Чако парагвайских войск на ней де-факто сохраниться суверенитет Асунсьона, в то время как отвод боливийских военных контингентов приведет к потере Ла-Пасом контроля над ныне контролируемой им областью Чако. Помимо этого, парагвайская армия, используя водные пути и железные дороги от Пуэрто-Касадо и Пуэрто-Пинаско, за несколько дней займет оставленные позиции, в то время как боливийской армии потребуются месяцы, чтобы восстановить свои позиции. В дополнение к своим возражениям, Боливия предложила исключить из арбитража некоторые зоны Чако (Камири, Бальвиан, Роборе, Пуэрто Суарес).

Бесконечные переговоры с предоставлением гарантий и контргарантий затягивались и постоянно прерывались, ибо дипломаты соперников требовали от своих правительств все новые и новые инструкции по весьма незначительным вопросам. В то же время выдвижение военных отрядов обеих противников становилось все интенсивнее: они основывали все новые и новые фортины, углубляясь в дебри Чако, напоминая игру в го. Цепь боливийских военных постов постепенно смыкалась, продвигаясь строго на север от долины Пилькомайо (4 дивизия), на юго-восток от Пуэрто-Суареса (5 дивизия) и на юг от Роборе (3 дивизия). Основной задачей этих постов был контроль над источниками воды. Парагвайская сторона не отставала от своего противника. Против каждой боливийской фортины, выдвинутой вглубь Чако, парагвайцы выставляли свои. Устройство такого поста занимало немного времени. В отличие от фортов американского Дальнего Запада их даже не обносили частоколами. *Фортин* в Чако, за редким исключением, состоял из нескольких хижин, служивших казармами гарнизона, обнесенных в лучшем случае плетнем и заграждением из колючей проволоки. Основное различие боливийских и парагвайских постов заключалось в численности гарнизонов фортинов: 3-5 парагвайцам противостояло 15-20 боливийцев. Рассредоточивая своих солдат по фортинам, боливийское командование уменьшало свои резервы, которые можно было бы использовать в случае возникновения конфликта в то время, как командующий Чакской дивизией майор Хосе Феликс Эстигаррибия, наоборот, стремился всегда иметь под рукой до тысячи свежих солдат.

7 сентября боливийцы заняли оставленный парагвайцами *фортин Самаклай*. Несмотря на цензуру, это событие стало через четыре недели достоянием парагвайской общественности. Вскрытие этого факта послужило запалом к невиданному взрыву национализма. 22 октября 1931 года студенты заполнили улицы и выступили против капитулянтской политики президента, требуя его отставки. Пока солдаты отгоняли одних демонстрантов от дома Х.П.Гуджиари, прочие недовольные разгромили редакцию правительственной газеты *El Liberal*. На следующий день толпа студентов собралась у дома майора Р.Франко, который выступил перед ними с речью, в которой прокомментировал ситуацию в Чако. После этого часть студентов разошлась по домам, а, примерно, четыре с половиной сотни двинулись к президентскому дворцу. Там по ним неожиданно открыли огонь солдаты президентской гвардии.

События 23 октября 1931 года, повлекшие за собой смерть одиннадцати и ранение двадцати девяти студентов, полностью дискредитировали растерявшегося президента. Хотя последующее расследование доказало непричастность Х.П.Гуджиари к расстрелу, лидеры правящей фракции либеральной партии сформировали новый кабинет и назначить новые выборы на весу будущего года. Наиболее влиятельным в нем был экс-президент и председатель Либеральной партии Луис Риарт, получивший пост военного министра и вице-президента. «Ястреб» Х.Зубизарета сохранил за собой МИД, Э.Айяла – министерство финансов, В.Рохас – министерство юстиции, а МВД возглавил Луис Эскобар. Министры номинально признавали главенство подавленного событиями Х. Гуджиари. Кандидатом Либеральной партии на новых выборах был выдвинут Эусебио Айяла, который 15 августа 1932 года стал новым президентом.

13 марта 1931 года предпоследняя экспедиция генерала И.Т.Беляева обнаружила в центральной части Чако большое озеро, получившее название Питиантута. Из-за отсутствия источников воды в этом районе оно приобретало стратегическое значение. Вскоре на озере был основан фортин, получивший название *Марискаль К.А.Лонес*. В октябре боливийский командующий генерал Ф.Осорио получил от своей разведки информацию о результатах этой экспедиции. Боливийский военный атташе в Аргентине подполковник Бернандино Бильбао Риоха по пути к месту назначения специально побывал в Асунсьоне и добыл информацию об открытии парагвайцами большого озера в глубине Чако. В начале 1932 года она достигла стола Ф.Осорио, который распорядился его найти. 25 апреля майоры О. Москосо и Х.Хордан проводили на самолете *Веспа* облёт центральных районов Чако и обнаружили его. После двойного облета озера они обнаружили на его берегу парагвайский фортин. В своих мемуарах О.Москосо так рассказывал про свою находку:

«...с первого момента мы поняли, что здания представляют собой парагвайский фортин, а не поселение аборигенов, [...] и мы это указали в докладе и картах, составленных после разведки». Тем не менее, когда карты озера были пересланы из Ла-Паса в штаб 4 дивизии в Камачо, на них появилась отметка: «возможное местоположение парагвайского фортина».

Доклад майора О.Москосо лег на стол полковника Э.Пеньяранды, командира 4 пехотного полка *Лоа*. Полковник был смелым, амбициозным офицером, эмоции которого превалировали над разумом. Он переслал разведанные генералу Ф.Осорио с собственными комментариями. На приложенной О.Москосо карте это озеро располагалось несколько восточнее, чем на самом деле – ближе к главной парагвайской базе в верховьях Парагвая *Фуэрте-Олимпо*. Несмотря на то, что боливийский командующий был противником войны, он быстро оценил стратегическую значимость Питиантуты. Под давлением президента Д.Саламанки было принято решение занять Питиантуту. 11 мая 1932 года небольшой патруль под командованием лейтенанта Эдуардо был выслан из Камачо к лагуне. Он двинулся в направлении найденного О.Москосо озера, которое на боливийских картах оно получило название Лагуна Гранде. Его задачей было найти водоем и построить на его берегу форт. Отряд В.Устареса проблуждал около двух недель по дебрям Чако и безрезультатно вернулась обратно. После этого из Камачо на поиски озера была послана новая колонна в составе 4 офицеров и 25 солдат 5 кавалерийского полка *Ланса* под командованием самого О.Москосо. 15 июня 1932 года этот отряд достиг Питиантуты. В своих мемуарах О.Москосо и В.Устарес указывают, что в полученном ими приказе отмечалось, что озеро «свободно» от парагвайцев. В случае, если все-таки в районе озера окажется парагвайский пост, командирам обеих колонн запрещалось вступать в бой. Однако в форте *Каньяда 16 июля* майора О.Москосо настиг новый приказ командира 4 дивизии полковника Ф.Пенья «очистить озеро от противника». Впоследствии, будучи в отпуске по болезни, Франсиско Пенья так прокомментировал свой приказ: «Переговоры в Вашингтоне приняли такой оборот, что нейтралы требовали определения четкой принадлежности позиций обеих сторон».

Даже старшие боливийские офицеры были не очень довольны службой, часто испытывали раздражение её условиями и, как правило, придерживались правых взглядов. В этом плане они не отличались от своих коллег в других странах. В Боливии, как и повсюду, молодой офицер, получавший финансовую помощь от родителей был счастлив, особенно в то время, когда его парадный мундир кружил головы девушкам на выданье из соседних креольских семей. Затем следовал краткий период обручения, производство в капитаны, брак. Росли расходы, поскольку статус надо было поддерживать, жалованья не хватало, а наследство надо было ждать. Военное рвение молодости за семейными заботами испарялось. Светский лев бальных залов превращался в помятого жизнью в гарнизонах служаку. Его жена мучилась и старела от постоянного безденежья, завистливо указывая на презираемых им более удачливых штатских. Это было естественно для всех латиноамериканских стран. Для многих капитанов и майоров был один выход из этой ситуации – головокружительная карьера во время войны или уча-

стие в *pronunciamento*. Последнее с некоторых пор становилось достаточно опасным: в случае неудачи могла последовать отставка без пенсии, и поэтому для боливийских офицеров был только один выход – небольшая война.

Дислокация вооруженных сил Боливии накануне конфликта со своим южным соседом была следующей:

1 дивизия насчитывала в своих рядах 900 человек. Она имела штаб в Оруро и состояла из 5 полков (2 пехотного *Сукре*, 2 инженерного *Падилья*, 1 кавалерийского *Авароа* и 1 и 3 артиллерийского *Камачо* и *Писагуа*);

2 дивизия имела 1250 военнослужащих и размещалась в Ла Пасе. Она имела в своём составе 5 полков (3 и 7 пехотных *Перес* и *Азурдуй*, 1 инженерного *Пандо*, 2 кавалерийского *Авароа* и 1 артиллерийского *Камачо*);

3 дивизия насчитывала 1000 человек. Её штаб находился в Роборе. Ему подчинялись 5 полков (1, 8 и 12 пехотных *Колорадос*, *Аякучос* и *Флорида*, 3 и 4 кавалерийских *Арома* и *Ингави*) и имела в своём составе отдельную артиллерийскую батарею;

4 дивизия имела 1200 человек и имела штаб в Муньосе. Она также состояла из 5 полков (4, 5 и 6 пехотных *Лоа*, *Камперо* и *Кампос*, 3 инженерного *Паукарната*, 5 кавалерийского *Ланса*) и имела в своём составе отдельную артиллерийскую батарею;

5 дивизия насчитывала 600 солдат. Её штаб разместился в Пуэрто-Суаресе. Она состояла из 3 полков (9 и 13 пехотных *Варнес* и *Кижара*, 4 инженерного *Санта-Крус*) и имела в своём составе отдельную артиллерийскую батарею;

6 дивизия имела штаб в Риберальта. Её 2 пехотных полка (10 *Роисиньо* и *11 Баге*) насчитывали 500 военнослужащих.

Отряд О.Москосо прошёл по дебрям Чако 170 километров, преодолев множество препятствий. Только 14 июня боливийцы вышли к озеру Питиантута в двух километрах от парагвайского фортиана *Карлос Антонио Лопес*. Он состоял из трёх хижин, которые занимали капрал Либорио Талавера и 5 солдат. В 5:30 следующего дня Москосо с двадцатью солдатами неожиданно атаковал малочисленный парагвайский гарнизон. Пять защитников *фортиана* благополучно скрылись в зарослях, а замешкавшийся капрал был убит. Сразу после этого майор О. Москосо послал конного вестового в Камачо с сообщением об одержанной «победе». 17 июня сообщение о занятии Питиантуты достигло Д.Саламанки. Ознакомившись с диспозицией, генерал Ф.Осорио приказал гарнизону Питиантуты перенести свои позиции с восточного берега озера на западный и «ни в коем случае не занимать парагвайских построек». О.Москосо получил строгий приказ приготовиться к обороне и постоянно сообщать об обстановке вокруг озера. Исполняя приказ, майор расположился у северо-восточного берега озера, примерно в миле от парагвайского *фортиана*. Каждый шаг он согласовывал с полковником Э.Пеньярандой. Поставив задачу удержать озеро за собой, боливийское военно-политическое руководство хотело избежать дипломатических осложнений в Вашингтоне, который требовал формального соблюдения международного права. 20 июня генерал Ф.Осорио дополнительно запросил Э.Пеньяранду о расположении боливийского отряда по отношению к парагвайскому *фортину*. Полковник доложил, что отряд О. Москосо находится на западном берегу озера и не может отступить от Питиантуты, поскольку это единственный источник пресной воды в районе. В докладе он сообщил, что на помощь майору направлен отряд из 2 офицеров и 120 солдат с 4 ручными и станковым пулеметами. Ближайшая его цель – пополнение гарнизона *фортиана Марискаль Санта-Крус* до 5 офицеров и 360 солдат. Согласно данным Генерального штаба, к июлю 1932 года из 5539 кадровых боливийских военнослужащих только 1251 солдат 4 дивизии находились в зоне конфликта. Отсюда следует, что полковник Э.Пеньяранда вводил в заблуждение свое командование, выдавая желаемое за действительное, поскольку отряд в 300 солдат никогда в Питиантуту не мог быть отправлен: в полку *Лоа* не было стольких боеспособных солдат.

Несмотря на несообразность получаемых донесений, которые к тому же было легко проверить, генерал Ф.Осорио в том же ключе информировал своего президента.

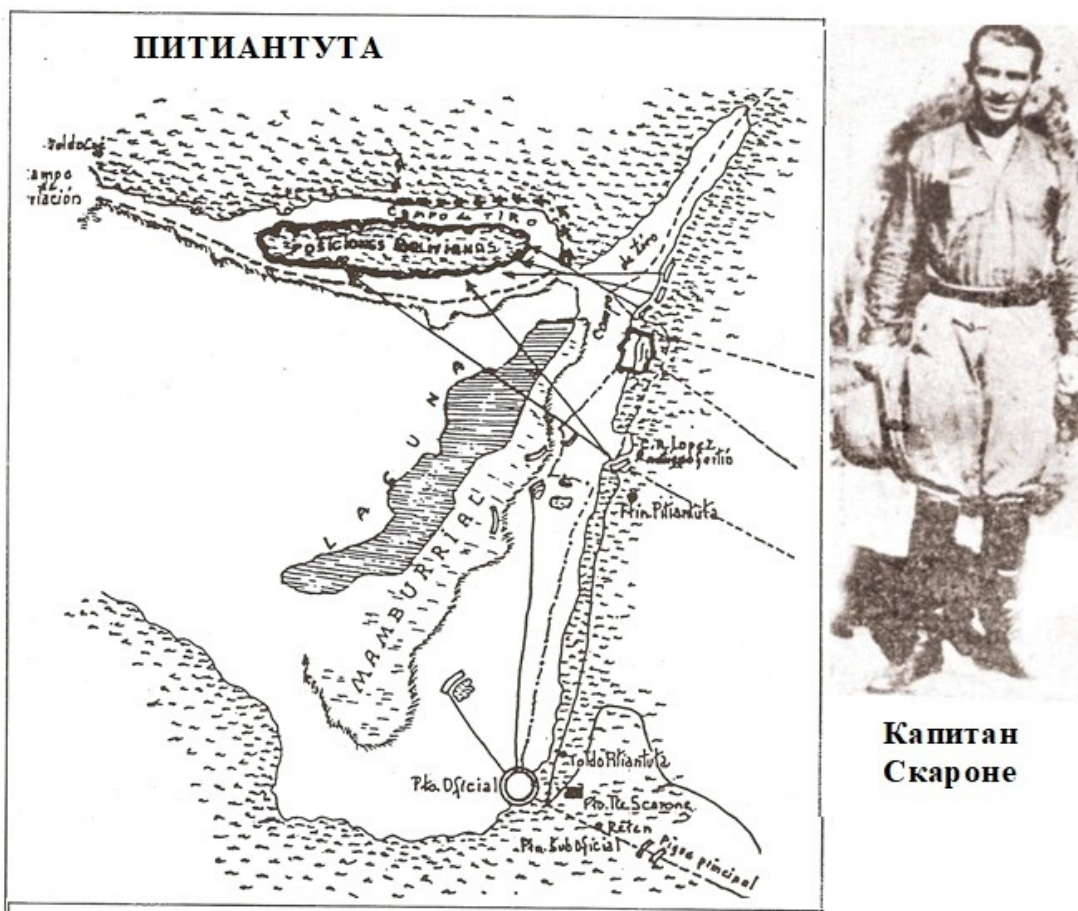
Подкрепления из Камачо равномерно прибывали в фортин *Марсикаль Санта-Крус*, гарнизон которого к 15 июля состоял из 143 солдат и 7 офицеров, вооруженных 2 станковыми и 11 ручными пулеметами. Он был укомплектован подразделениями кадровых пехотных полков 4 дивизии (*Лоа, Аякучо, Камперо*) и 5 кавалерийского полка *Ланса*. Такое перемешивание подразделений было свойственно боливийской военной организации. Оно не было изжито в течение всей войны. Это явление определялось местническими интересами политизированных командиров полков и вело к отсутствию внутренней спайки войск во время боя и потере устойчивости войск в бою. Получив поддержку Э.Пеняранды, О.Москосо стал расширять зону военного контроля. Он направил небольшой отряд на северный берег озера, где началось строительство взлетной полосы и разместил сторожевой пост из пятнадцати солдат с одним пулемётом на дороге в Камачо (в 15 километрах от своей основной позиции).

Тем временем, инициатива перешла в руки парагвайцев. 20 июня беглецы из гарнизона фортина *К.А.Лопес* достигли *Касанильо*, где размещались части Первой дивизии. Ее командир подполковник Х.Ф. Эстигаррибия срочно связался с президентом, сообщив о нападении боливийцев. Это сообщение переполнило чашу терпения не только жителей Асуньсьона и членов правительства, но и миролюбивого Эусебио Айялы, готовящегося к вступлению в должность. С командиром КОМАНСУР его связывала давняя дружба, особенно укрепившаяся в 1924-27 гг во время их совместного пребывания во Франции. Несмотря на дипломатическую конфронтацию с Боливией, новый глава государства выдерживал паузу, рассчитывая на позитивное решение конференции в Вашингтоне. Для *гондристов* капитуляция перед диктатором Боливии и США была политическим самоубийством, в то время как война была национальным самоубийством для прагматиков из оппозиции. Многие из них потирали руки, ожидая скорый передел власти. Однако, народ Парагвая решил иначе и заставил своих лидеров начать войну.

Только после событий у Питиантуты Э.Айяла и Л.Риарт обратились к парагвайскому конгрессу с просьбой вотировать средства на ведение войны. В тот же день военные кредиты были единогласно утверждены, а Х.Ф. Эстигаррибия получил приказ принять необходимые меры для отражения «боливийской агрессии». Жаждавший лавров подполковник стал готовить экспедицию для освобождения Питиантуты и ускорил строительство второй ВПП в *Исла-Тагуато*. Следуя инструкциям из Асуньсьона, он немедленно послал к озеру отряд лейтенанта Эрнесто Скароне, который состоял из 32 всадников из 2 кавалеристского полка и 50 пехотинцев 2 пехотного полка. Им был придан обоз и 4 санитаров. Всего в подчинении у Скароне оказалось 98 человек. В ночь на 28 июня его люди, совершив форсированный марш, достигли Питиантуты. В полдень следующего дня парагвайцы уничтожили передовой пост О.Москосо к югу от озера и продвинулись до хижин парагвайского *фортина*, где обнаружили еще один боливийский пост. Э.Скароне без предварительной разведки атаковал противника и попал под фланговый пулеметный огонь. Более многочисленный отряд майора О.Москосо легко отбил плохо подготовленную атаку парагвайцев, потерявших пять человек убитыми.

5 июля посол США в Асуньсьоне информировал президента Г.Гувера о захвате фортина *Марсикаль К. А. Лопес* боливийцами. По его сообщению, парагвайское правительство скрыло эту информацию от общественного мнения, чтобы не вызвать волнений среди оппозиции. Он считал, что избранный, но еще не вступившего в должность президента Э.Айяла является другом США и готов пойти на уступки Боливии. В своей телеграмме заместитель госсекретаря К.Холл предложил парагвайскому правительству воздержаться от ответной акции. Таким образом, в вопросе о принадлежности Питиантуты государственный департамент поддержал Ла-Пас. Несмотря на неудачу Э.Скароне и прямое давление США, парагвайское правительство решило продолжать борьбу за озеро. По приказу военного министра Х.Ф.Эстигаррибия направил в помощь лейтенанту отряд под командованием капитана А.Паласиоса. 12 июля

из Касанильо на Питиантуту выступил батальон полка *Итороро*, усиленный взводом кавалерии, секцией станковых пулеметов и одним минометом Стокса-Брандта. Его сопровождал И.Т. Беляев, которому был присвоен чин полковника парагвайской армии. Ему было поручено установить контакты с окрестными индейцами и обеспечить их поддержку. Через два дня 350 солдат А.Паласиоса достигли окрестностей озера, где соединились с отрядом Скароне. Теперь силы парагвайцев превысили четыре сотни человек и имели тройной перевес над противником, ряды которого косила малярия. Получив через индейцев сведения о противнике, Беляев убедил Паласиоса и Скароне немедленно атаковать. На только что законченный полевой аэродром в *Исла-Тагуато* были переброшены самолеты: 3 *Помеза* и 2 *Вибо*, которые начали облет боливийских позиций.

На следующий день капитан А. Паласиос разделил свои силы на две колонны и направил их для прощупывания боливийских позиций. Стычка со Скароне утвердила уверенность майора О.Москосо в том, что парагвайцы вновь попытаются овладеть окрестностями озера. Поэтому он с первых чисел июля стал готовиться к новому столкновению и укреплять фортификацию *Марискаль Санта Крус*. Его позиция представляла собой овальную траншею с пулеметными гнездами, растянутую на 150-300 метров. Для улучшения обстрела на пространстве от 20 до 100 м был выжжен кустарник. На удержание столь протяжённой позиции здоровых солдат не хватало. Положение усугублялось тем, что многие из бойцов О.Москосо оказались плохо обученными рекрутами, впервые попавшими в дебри «зеленого ада». Тем не менее, храбрый майор рассчитывал удержать вверенный ему фортификатор.

Начиная операции по изгнанию боливийцев из района Питиантуты, капитан А.Паласиос и полковник парагвайской службы И.Т.Беляев исходили из предположения, что боливийцы укрепились в районе парагвайского фортина и планировал завершить операцию, повторив атаку Э.Скароне. Утром 15 июля первая колонна под командованием лейтенанта Телеса вышла к западному берегу Питиантуты. В полдень она неожиданно атаковала строящуюся ВПП. Половина боливийских строителей была ранена или убита, а остальные бежали в фортин *Марискаль Санта-Крус*. Тем временем, вторая колонна Э.Скароне обошла брошенный парагвайский фортин с востока и наткнулась на главную позицию боливийцев. Скароне с ходу атаковал противника, но его атака была легко отбита. После этого он отвёл своих солдат к северо-востоку. Несмотря на неудачу, Э.Скароне выполнил свою главную задачу – обнаружил основное расположение боливийцев. Ночью 16 июля к боливийскому фортину с юга подошли солдаты Телеса, а несколько позже – А.Паласиос со штабом. Атака фортина *Марискаль Санта-Крус* началась с применения парагвайского «секретного оружия» – миномета, огонь которого корректировал лично генерал Беляев. Это оружие вызвало у незнакомых с ним боливийцев панику. Не слыша звуков выстрелов, боливийские солдаты предположили, что парагвайцы каким-то чудом подтянули к Питиантуте дальнобойную артиллерию. Минометный обстрел подорвал слабый боевой дух гарнизона. Воспользовавшись растерянностью своих командиров, многие новобранцы покинули окопы и бросились в джунгли, окружавшие фортин. Некоторое время спустя майор О.Москосо обнаружил, что в его распоряжении находится несколько офицеров и сержантов и дюжина солдат штаба. Такими силами удержать периметр *фортина Санта-Крус* было невозможно, и майор, прихватив ручные пулеметы, последовал за своими солдатами по дороге на Камачо. Парагвайцы продолжали минометный обстрел до тех пор, пока не обнаружили, что противник ушёл. В брошенном фортине парагвайцы нашли несколько забытых винтовок и одеял. Несмотря на то, что европейские газеты сообщали о потерях с обеих сторон, бой у Питиантуты оказался самым бескровным сражением Чакоской войны. Боливийцы потеряли 14 человек, а парагвайцы – десять. Вскоре малярия охватила парагвайский отряд. Поскольку никто не ожидал этой напасти, медикаментов было в обрез. Боевое патрулирование вокруг фортина несли немногочисленные здоровые солдаты и индейцы племени *чакомоко*.

В Чако обитали тринадцать немногочисленных полукочевых кланов, относящихся к четырём различным языковым группам. Наиболее воинственными из них были *морос*, обитавшие к северо-западу от Питиантуты. Они часто совершали нападения на своих соседей, которые долгое время не могли им противостоять. Чтобы сдерживать набеги *морос* даже парагвайские власти должны были содержать сильные заставы. Их начальники-креолы, как правило, с презрением относились к аборигенам, которые платили им той же монетой. Положение существенно изменилось с началом исследовательской деятельности И.Т.Беляева. Вследствие разумного его поведения большинство вождей *чакомоков*, *макка*, *сисгуай*, *ленгуа*, *гуарайо* и полудюжины других племён стали более доброжелательно относиться к парагвайцам. В каждой из своих экспедиций русский исследователь Чако старался не только установить контакты с местными племенами, но и погасить конфликты между ними: пара рубашек, охотничье ружьё и горсть безделушек делали его другом любого вождя, хоть как-то знакомого с цивилизацией. Особенно высокого авторитет русского генерала вырос после того, как он смог оградить аборигенов, обитающих вокруг Питиантуты, от набегов воинственного племени *морос*. Индейцы центральных районов Чако, подкупленные ласковым отношением И.Т.Беляева, однозначно поддерживали парагвайские войска. Их старейшины и вожди оказали большую помощь, сообщая о расположении гарнизонов и движении патрулей противника. Вместе с тем, низкий уровень культурного развития индейцев ограничивал их возможности как информаторов и бойцов. Исключение составили единицы, которые инкорпорировались в среду *гуарани*, переняв их обычаи и культуру. Вследствие особого восприятия мира местными аборигенами и особе-

ностями их быта, война прошла мимо большинства из них стороной. Тем не менее, отрицать вклад индейцев Чако в победу Парагвая будет, по крайней мере, неосмотрительно.

В первых числах сентября, генерал Беляев бросил в Питиантуте больных солдат и в сопровождении индейцев отправился в Касанильо, расположенный на ж/д ветке. За пять дней он проделал верхом на лошади 160 километров, где его встретил командир сапёрного батальона Ингрос. Отлежавшись в Касадо восемь дней, Беляев вновь отправился на фронт. Так закончилась первая военная операция, положившая начало длительной войне.

Новость о падении форта *Марискаль Санта-Крус* явилась одинаково неожиданной для столиц. В Ла-Пасе это вызвало патриотические митинги, вылившиеся в демонстрацию на Плаза Мурильо перед президентским дворцом. В те же дни студенты, рабочие и даже полицейские заполнили улицы Асунсьона. 19 июля они с большим энтузиазмом встретили поезд с Эусебио Айялой, прибывшим из Буэнос-Айреса, где он проводил консультации. В то время, как патриотические шествия в Ла-Пасе более напоминали праздничный карнавал, митинги в Асунсьоне были исполнены мрачного достоинства: память нации хранила последствия войны с Тройственным Альянсом. Многие парагвайцы считали новый конфликт очередной битвой за выживание нации. В произнесенной на вокзале речи Э.Айяла оправдывал позицию Парагвая, доказывая ее обоснованность. Он указал на то, что именно Боливия спровоцировала конфликт, выбив отряд парагвайцев из форта *К.А.Лонес*. Э.Айяла призывал толпу к спокойствию и заверял, что решение территориального спора в Чако возможно мирным путем. Тем временем, временный президент Л. Риарт и экс-президент Х.П.Гуджиари информировали госсекретаря США Г.Л. Стимсона о том, что после возвращения Питиантуты никаких враждебных акций против Боливии не планируется.

Президент Боливии Д.Саламанка занимал воинственную позицию. Выступая на площади Мурильо, он обратился к экзальтированной толпе с воззванием:

«Граждане и сыновья Боливии! Новым актом агрессии против целостности Боливии нанес ущерб нации... Если нация не реагирует на нападения она не имеет право называться нацией, и правительство не знает, как выполнять свои обязанности в этом случае. Я призываю вас поклясться, что пожертвуем собой при защите отчизны. Граждане, да здравствует Боливия!».

Этой речью боливийский президент окончательно сжег мосты для мирного урегулирования конфликта и добровольно сделался заложником ситуации. Ночью 18 июля президент Боливии собрал кабинет, на который пригласил высших военных. Утверждая, что парагвайцы атаковали позиции боливийских войск на западном берегу Питиантуты, он требовал ответной военной акции. По аналогии с инцидентом в Вангардии 1928 года он предлагал занять парагвайские форты *Корралес, Фалькон, Карайя, Толедо и Бокерон*.

20 июля 1928 года Д.Саламанка встретился с генералами Ф.Осорио, К.Куинтанильей и И.Монтесом для согласования деталей наступления в Чако. Генерал Ф. Осорио резко проти-

вился немедленному наступлению, резонно полагая, что пограничный инцидент станет началом войны. По представленному им докладу в Чако размещалось немногим более 1200 боливийских солдат 4 дивизии, размещенных в полусотне разных мест. Многие из них были недостаточно обучены и не имели необходимого снаряжения. Остальные участники совещания встали на позицию президента и поддержали его курс на проведение активной политики в Чако, указывая на экономическое превосходство страны и значительный арсенал оружия, находящийся в распоряжении армии.

Настойчивость президента, генералов И.Монтеса и У.Куинтанильи сломила сопротивление генерала Ф.Осорио, который отдал приказ о начале военных действий и назначил командира 1 дивизии на пост командующего полевой армией в Чако. На усиление гарнизонов в Чако направлялись кадровые войска из Оруро, Потоси, Виачи и 2 полка из гарнизона Ла-Паса. В тот же день Центральный Банк Боливии выделил на военные нужды правительства пять миллионов песо под 5% годовых, а газета *Ультима Хора* объявила сбор средств на военные нужды среди населения. Эта подписка дала дополнительно шесть миллионов боливиано. Воспользовавшись военной истерией, президент Д.Саламанка «по настоянию общественности» ввел осадное положение и приказал полиции принять меры против коммунистов и прочих антивоенных агитаторов. Этим же вечером более 15000 жителей Ла-Паса собрались на железнодорожном вокзале, чтобы проводить солдат отбывающих на фронт. На образовавшемся митинге выступил президент Боливии, который произнес зажигательную патриотическую речь, вручая судьбы своей страны солдатам. В Оруро, Потоси и Виачи погрузка войск на поезда сопровождалась такими же трескучими митингами. Утром 21 июля первые эшелоны разгрузились в Виласоне, откуда солдаты пешим порядком и на грузовиках направились вглубь Чако.

Общественное мнение страны подогревалось патриотическими речами президента и других ответственных чиновников. При этом обыватели вводились в заблуждение собственной прессой, представлявшей парагвайцев, как сборище оборванных индейцев, вооруженных мачете вместо винтовок. Вследствие этого большинство горожан рассматривали войну за Чако, как футбольный матч, а крестьяне и вовсе не знали о ней. Проиграв на протяжении предыдущего полувека две войны, боливийская элита полагала, что Чили и Бразилия обладали большим военным потенциалом и поэтому у них не было шансов победить. По ее мнению, Парагвай – дело другое: он в три раза меньше и беднее их страны. С подачи правящей верхушки такие настроения господствовали во всех слоях боливийского общества. Военная лихорадка захватила даже студентов, обучающихся за рубежом. В отличие от парагвайцев *чоло* не воспринимали будущую войну, как трагедию для нации. Для них это была ограниченная война. Они были готовы ее поддерживать пока ее стоимость будет ниже значимости.

В Парагвае войска, уходящие на фронт, также сопровождали оркестры и прощальные речи, однако на этих церемониях не было боливийского оптимизма. Семьдесят лет назад точно так же уходили на войну солдаты маршала Лопеса, из которых вернулся каждый десятый. Правящие круги Асунсьона более адекватно оценивали ситуацию и готовились к длительной и кровавой войне. Генерал М.Рохас весьма скептически относился к возможности оборонять Чако и поэтому сосредоточил свои усилия на проведении мобилизации. Ему помогал Военный Совет, в который помимо него вошли генералы П.Эскобар и М.Скенони. Советником при них был генерал Н.Ф.Эрн, выполнявший функции дежурного генерала. Парагвайская пресса представляла противника, как хорошо вооруженных солдат, получивших под руководством немецких офицеров прекрасную подготовку. Парагвайцы прекрасно понимали потенциальное превосходство своего соперника и сделали все, чтобы его преодолеть. Несмотря на разногласия, их военно-политическое руководство учло опыт мобилизации 1927 года и четко осознавало опасность, нависшую над их родиной. Местная пресса преподносила новую войну как борьбу за национальную независимость, играя на патриотических чувствах простых граждан.

До 1928 года инженерная подготовка местности в Чако носила чисто оборонительный характер. Поскольку обе южноамериканские республики всерьез не рассматривали возможность длительного военного конфликта из-за этой пустынной области. Каждый из них считал, что противник в последний момент отступится от своих претензий, не имея военных и финансовых возможностей вести широкомасштабную войну. В последующие несколько лет обе стороны предприняли ряд усилий, чтобы обеспечить своим войскам плацдарм для ведения действий. Тем не менее, имевшиеся фортификационные сооружения не составляли единой системы и не были предназначены для упорной и длительной обороны. Основные районы развертывания войск противоборствующих сторон (*Камачо, Муньос, Балъивиан, Исла-Пой, Фуэрте Олимпо, Баия-Негра*) на десятки километров были удалены от линии соприкосновения боливийских и парагвайских постов и патрулей и не обеспечивали развертывания наступательной группировки. Проезжие дороги заканчивались относительно далеко от зон будущего конфликта и не обладали большой пропускной способностью. На ТВД не было заранее подготовленных артиллерийских позиций и наблюдательных пунктов, а исходные районы для перехода в наступление не были обеспечены в инженерном отношении. Войска обоих противников, прибывавшие на фронт очень быстро столкнулись с этой проблемой, что сказалось на медленном развитии военных действий в первый год войны. В скором времени, боливийский фор-тин *Алихуата* и *Исла-Пой* стали местом активной строительной деятельности боливийских и парагвайских инженеров.

КАПИТАН МАРСА НА В БОКЕРОНЕ

Утром 27 июля полковник Э.Пеньяранда во главе батальона своего полка, подкреплённого ротой полка *Камперо* и полуэскадрой кавалеристов *Лансы* подошел к парагвайскому фортифу *Корралес*, гарнизон которого составлял 60 человек. Четыреста тридцать боливийцев атаковали противника, расположившихся в нескольких хижинах, обнесённых колючей проволокой. С воздуха колонну Э.Пеньяранды поддерживали *Веспы* разведывательной эскадрильи капитана Луиса Паравичини. Не приняв боя, парагвайцы отступили на восток, оставив противнику не успевший остыть завтрак. На следующий день колонна Э.Пеньяранды подошла к

фортину *Тоledo*, который обороняли тридцать человек. Продержавшись до вечера, парагвайцы отступили в фортин *Требол*, где к ним присоединился эскадрон кавалерийского полка *Тоledo*. В ходе продвижения колонны Э.Пеньяранды обе стороны потеряли несколько человек. Большая часть потерь боливийцев пришлось на перестрелку между своими частями.

Одновременно с Э.Пеньярандой из Муньоса в направлении на северо-восток выступила колонна подполковника Эмилио Агирре. Она состояла из батальонов полков *Камперо* и *Кампос* и эскадрона полка *Ланса*. Целью Э.Агирре был стратегически важный фортин *Бокерон*, который находился в непосредственной близости к главной парагвайской базе снабжения – *Исла-Пой* и контролировал источник пресной воды. Вечером 30 июля боливийцы достигли фортина, занятого ротой полка *Курупаити*. 31 июля в 5:30 боливийская пехота при поддержке артиллерии и трех самолетов (одной *Веспы* и 2 *Скаутов*) перешла в наступление. Парагвайский гарнизон в течение шести часов отбивал атаки противника. В 11:30 обходная колонна боливийцев вышла в тыл обороняющихся и перерезала дорогу на *Исла-Пой*. Избежав окружения, большая часть парагвайцев отошла в окружавшие фортин дебри. Торжествующие боливийцы устремились в оставленный противником фортин, но были расстреляны в упор из расположенных в засаде 6 парагвайских *мдсенов*. Их огонь поразил командира боливийского отряда и нескольких солдат. Парагвайские пулеметчики, опустошив свои магазины, скрылись в кустах.

После захвата фортинов *Бокерон* и *Тоledo* крупные наземные операции боливийцев приостановились, хотя их патрули совершали поиски в направлении реки Парагвай. Только 15 августа отряд из колонны Э.Пеньяранды занял фортин *Карайя*, а 19 августа другой его отряд атаковал фортин *Фалькон*. Нарращивание боливийских войск в Чако проводилось чрезвычайно медленно. Необходимость удерживать вновь занятые позиции и защищать коммуникации к ним отнимало много солдат из наступающих колонн, что сильно сокращало их боевые возможности и замедляло операции. Постоянную активность проявляли только самолеты Авиационного корпуса, базировавшегося на фортин *Муньос*. Во время одного из вылетов самолет *Веспа* №6, пилотируемый лейтенантом Э. Бельмонте, был обстрелян парагвайцами с земли и поврежден. Пилот был вынужден сесть на вражеской территории у фортина *Акино* и попал в плен. Это был первый боливийский самолет, потерянный во время войны в Чако. Через несколько дней в руки парагвайцев попала *Веспа* №5, приземлившаяся в их расположении из-за неисправности двигателя. Из этих двух самолетов парагвайцы собрали новую машину. При ее перелете в Нью-Гуасу пилот потерял ориентировку и приземлился в Аргентине, где был интернирован. Позже самолет был возвращен Боливии, а пилот вернулся в Парагвай.

4. Русские в Парагвае

Русская эмиграция и Парагвай. Парагвай в поисках военных специалистов. Генералы И.Т.Беляев и Н. Ф.Эрн, казаки, марковцы, корниловцы. Их судьбы. РОВС. Антикоммунизм.

В последнее время в средствах массовой информации достаточно широко освещается роль русских белогвардейцев в Чакской войне. Во многом это связано с публикацией ранее закрытых источников и мемуаров. Журналисты и литераторы, подвизающиеся на этой теме, к большому сожалению, часто необъективны. Несмотря на точные данные о числе бывших военнослужащих российского происхождения, имеющих в парагвайских архивах, их количество возрастает до сотен, а то и тысяч человек. Как бы не хотелось в это верить, общее число русских участников войны по парагвайским данным составляет только 86 человек. Шестьдесят два из них приняли непосредственное участие в боевых действиях. Шестеро офицеров полегли в бою, а ещё два русских офицера Распопов и Корнилович погибли вне боевых действий.

Русские в Парагвае появились уже в начале века. До первой мировой войны их присутствие в этой стране было эпизодическим. В гражданской войне 1908 года принял участие капитан императорской гвардии Комаров, отличившийся при взятии Парагуари в 1908 году. Позже он попал в плен и некоторое время находился в тюрьме, а потом был выслан во Францию. Это был первый русский офицер в военной истории Парагвая. В гражданскую войну 1923-24 года эскортным эскадром командовал штаб-ротмистр С.В. Голубинцев, а бронепоезд, служивший для обороны столицы, помогал строить гардемарин В.Г.Бабаш. По окончании боевых действий перед военно-политическим страной руководством встала задача организации современной армии. Генерал М.Скенони остро нуждался в компетентных специалистах, обладавших опытом мировой войны. В разгар гражданской войны было принято решение пригласить на службу республика иностранцев. Им гарантировалось сохранение выслуги лет и месячный оклад в золотых песо, а по демобилизации земельный надел в Чако. Такое предложение не вызвало особого энтузиазма: на него откликнулись немногие отчаявшиеся, преимущественно, итальянцы, поскольку немцам по окончании гражданской войны парагвайская служба была закрыта. Другим способом повышения профессионального роста армии стало повышение образовательного уровня старших парагвайских офицеров. Десятки из них были направлены на учёбу за границу. Однако, этих мер было недостаточно для повышения боеспособности вооружённых сил.

Внешние обстоятельства чрезвычайно печально бы отразились на судьбе Парагвая, если бы в повышении боеспособности его армии не была кровно заинтересована Аргентина. Лидеры Гражданского Радикального Союза и военные, попеременно находившиеся у власти, пытались установить гегемонию в Южном Конусе. Они обратили внимание М. Скенони о наличии большого контингента специалистов в рядах белой эмиграции. По-видимому, аргентинских военных на эту мысль натолкнули генерал-лейтенант А.В.Шварц и генерал-майор С.П. Бобровский, которые читали лекции в Академии Генерального Штаба и Высшей технической Академии в Буэнос-Айресе. Согласно мемуарам генерал-майора И.Т.Беляева проект массового переселения в Южную Америку белогвардейцев, вызвал негативную реакцию у «старой» эмиграции, хорошо обустроившейся в Аргентине и боявшихся конкуренции. Она группировалась вокруг православного клира, который давно и прочно обосновался на Ла Плате.

Первый православный храм в Буэнос-Айресе был открыт 14 июня 1888 года, а в следующем было завершено его строительство. Архитектура и внутреннее убранство церкви вызывали восторг как у иностранцев, так и местных жителей. В начале XX века его настоятелем стал протоиерей отец Константин (Константин Олегович Изразцов) – фигура в высшей степени

противоречивая. Его вклад в православие на южноамериканской земле, его заботу и попечительство о тех, кто осел и не думал возвращаться назад заслуживали самой высокой оценки, несмотря на то, что все близко знавшие его отмечали «полное отсутствие малейших проблесков человечности». Он резко выступил против идей генерала о привлечении русских белоэмигрантов на Ла Плату и ходатайствовал об этом перед президентом республики. В конечном итоге верхушка аргентинской колонии нашла союзника в лице С.П.Бобровского, который сыграл роль главного оппонента беляевской идее. Его именем прикрылись те, кто стремился дискредитировать И. Т. Беляева, подвергнув сомнению его генеральский чин и боевые заслуги.

Из-за обструкции, организованной Изразцовым, жизнь генерала Беляева в Буэнос-Айресе складывалась очень тяжело. Ему помог случай в лице баронессы Жессе де Лева, покойный муж которой был в свое время хорошим знакомым отца Ивана Тимофеевича. Она пристроила Беляева преподавателем немецкого и французского языков в одном из колледжей с окладом в 400 песо. Это было немного, но достаточно, чтобы свести как-то концы с концами. Беляев, не теряя времени, совершенствовался в испанском языке, изучение которого начал в юности. Через некоторое время на страницах газеты «Эль Либераль» появилось несколько рассказов о русской революции, впервые подписанные «Хуан Белайефф».

Не имея никаких перспектив в Аргентине, Иван Тимофеевич обратил свой взор к мечте своего детства – Парагваю. В апреле 1923 года он посетил парагвайское представительство в Буэнос-Айресе. В Парагвае в это время шла гражданская война и поэтому И. Т. Беляев был принят сухо. Однако он продолжал поддерживать контакты с экс-президентом Парагвая доктором М.Гондрой и военным агентом полковником Санчес, которые закупали оружие для правительственных войск. С окончанием гражданской войны ситуация изменилась: парагвайские чиновники охотно приняли Беляева и приветствовали желание обустроиться в их стране. В марте 1924 года Иван Тимофеевич прибыл в Асунсьон на пароходе «Берна». В свои сорок пять лет И.Т. Беляев обладал семилетним опытом боевого применения артиллерии, в первую очередь, конной и горной. Специалист такого класса был просто находкой для начавшей реорганизацию парагвайской армии. Аргентинские военные круги рекомендовали парагвайскому правительству обратить на него внимание. 8 марта 1924 года Беляев переехал в Асунсьон, где устроился преподавателем фортификации и французского языка в Военной школе с окладом в 1000 песо фуэрте. 29 июня 1924 года русский генерал получил через М.Скенони устное согласие президента Э.Айяла на приглашение русских на службу. На первом этапе парагвайское правительство хотело пригласить 12 технических специалистов. Им гарантировалось жалование в размере от 2500 до 5000 песо фуэрте в месяц и сохранение прежних воинских чинов. Привлечённые специалисты должны были иметь соответствующую квалификацию и диплом инженера, а также не состоять на службе в рядах Красной армии. Предпочтение отдавалось железнодорожникам, конструкторам и геодезистам). В перспективе генералу пообещали создание русской переселенческой колонии в районе Нанавы. В тот же день И.Т.Беляев редложение парагвайских властей Беляев опубликовал в белградской эмигрантской газете «Новое время» обращение ко всем русским, вынужденным жить за пределами родины, «ко всем, кто мечтает жить в стране, где он может считаться русским». Он призывал приехать в Парагвай и создать там национальный очаг, чтобы сохранить русскую культуру и традиции, оградить «детей от гибели и растреления». Все это предлагалось сделать в стране, «где ни истрепанная одежда, ни изможденное лицо не лишают права на уважение, где люди знают на опыте, что Феникс возрождается из пепла». Вскоре после этого генерал Беляев основал организацию «Русский Очаг», целью которой было объявлено содействие русской эмиграции в Парагвай. Объявление генерала упало на благодатную почву: на него откликнулись полковник-инженер Шмагайлов, шеф этапно-транспортного отдела военных сообщений ВСЮР полковник Кобылянский, полковник Щекин, инженеры Серебряков-Орефьев, Снарский, Пятицкий, Фишер, Яковлев, путеец Авраменко, конструктор Маковский, геодезист Аверьянов военный врач Тим-

ченко. И.Т. Беляев лично пригласил своего бывшего подчинённого полковника Кавказского конно-горного дивизиона В.Шафонского. На статью в газете откликнулись Лев и Игорь Оранжеевы, сын известного полярника А.Г.Экштейн и группа военной молодежи из училищ Русской Армии последних выпусков. Ее типичными представителями был выпускник Атаманского юнкерского училища 1920 года М.Долгачев и крымский кадет Анатолий Николаевич Флейшнер. Почти все вновь прибывшие получили должности. Так, полковник Г. Шмагайлов возглавил Технический отдел Военного Министерства, Н. Гольдшмидт – отдел картографии Генерального Штаба, есаул братья Оранжеевы и есаул Серебряков приняли участие в исследовании Чако. Набор волонтеров в Парагвай не оказался популярен по целому ряду причин. Одной из них был негативный опыт вербовки колонистов в Бразилию, организованный французами в Галиполи. Во время транспортировки поселенцев выяснилось, что их планируют использовать для работы на сахарных плантациях. Многие русские офицеры были возмущены поведением своих бывших союзников. Даже свидетельства Н.Ф.Эрна и дополнительные гарантии со стороны югославского правительства не смогли преодолеть недоверие русских. Другой причиной стали усталость от войны и неизвестность страны: в Парагвай ехали только отчаявшиеся люди, а также не успевшие повоевать искатели приключений. Третьей причиной стало нежелание руководителей белого движения распылять по миру свои кадры в ожидании скорого краха советской власти.

Естественно, что копию предложения Скенони Беляев направил в Сремски Карловац, где располагался штаб Русской Армии. Там шла подготовка ее реорганизации в Русский общевосточный Союз (РОВС). Перевод Русской Армии из зоны проливов на Балканы привел ее руководство к пониманию, что надежд на немедленное возобновление борьбы с большевиками нет. По мысли П.Н.Врангеля его войска должны были теперь существовать в «полускрытом» виде. Какое-то время это удавалось, поскольку Болгария и Королевство сербов, хорватов и словенцев предоставили возможность разместить боевые части на своей территории и даже обеспечить их средствами. Так, казаки служили в пограничной страже, а кавалерийский корпус – в таможене. Не все белогвардейцы смирились с участью беженцев и перешли к мирной жизни. Многие из них продолжили борьбу с красными в армиях китайских милитаристов или превратились в наемников, пополнивших Иностранные легионы Франции, Испании и Шанхая или колониальные войска. Другие нашли место в армиях лимитрофов и других второстепенных держав. Так, в декабре 1924 года группа кавалерийских офицеров (в основном, киевских гусар) способствовала захвату власти в Албании королем Зогу.

В 1924 году произошла кардинальная перемена в позиции великих держав в отношении Советской России. Вследствие этого возник вопрос о статусе Русской Армии, расположенной на Балканах. Пытаясь сохранить кадры белой гвардии, генерал П.Н. Врангель приказом N82 от 1 сентября 1924 года реорганизовал части Русской Армии в РОВС номинальным главой которого с декабря того же года стал великий князь Николай Николаевич. В союз вошли все остальные русские военные организации, сохранившие при этом свои названия и внутренний порядок управления. Вскоре этот союз стал единственной военной организацией, объединившей практически всех чинов белых армий за рубежом. Реорганизация Русской Армии в РОВС стала уступкой дипломатам великих держав и одновременно шагом по консолидации белого движения. Хотя в годы гражданской войны генерал-майор И.Т. Беляев находился в близком окружении генералов П.Н.Врангеля и А.П.Кутепова и был у них на хорошем счету, командование Русской Армии несерьезно отнеслось к его предложению. Более того, предложение переместить пятьдесят тысяч белогвардейцев в парагвайскую глушь вызвало неприятие у идеологов Белого Движения. Тем не менее перспектива распространить свое влияние на Латинскую Америку заинтересовала военно-политическое руководство белой эмиграции, в планах которого было создание сети белоэмигрантских организаций по всему миру. После ряда консультаций со своим окружением П.Н.Врангель принял решение командировать дежурного генерала сво-

его штаба Н.Ф.Эрна с группой из пяти офицеров в далекую страну. Его главной задачей было договориться о выдаче парагвайских паспортов для белоэмигрантов, желающих перебраться с Балкан в другие страны.

1 августа 1924 года Н.Ф.Эрн был отчислен из Русской Армии и отбыл в Монтевидео. Здесь он списался с генералом Беляевым и, благодаря его участию получил приглашение парагвайского правительства. 9 апреля 1925 года он был прикомандирован к Генеральному Штабу в качестве советника, а его брат С.Ф. Эрн стал читать лекции по фортификации в Военной Школе. Полковник Сергей Францевич Эрн был крупным специалистом в области полевой фортификации. Вскоре в Асунсьон прибыл его сын Борис, получивший пост в Военном министерстве. Неприятным сюрпризом для Беляева стало то, что Н.Ф.Эрн имел полномочия от РОВС во всей Латинской Америке. В эпоху своего расцвета РОВС делился на десять отделов, шесть из которых приходились на Европу. Входившие в союз организации были трех типов: кадр воинских частей Русской армии, территориальные организации, куда принималась молодежь, и объединения военнослужащих остальных белых фронтов. Не все офицеры смирились с участью беженцев и перешли к мирной жизни. Многие из них продолжили борьбу с «красными» в армиях китайских милитаристов или превратились в обыкновенных наемников, пополнив ряды иностранных легионов Франции, Испании и Шанхая. Другие нашли место в армиях лимитрофов, балканских и других третьестепенных государств мира. Вследствие этого за пределами Европы оказалось много русских военных профессионалов. Их можно было встретить в рядах итальянских колониальных сил в Сомали (дубатов), среди военных советников абиссинского императора, персидского шаха и султана Неджда. Все они в той или иной степени были связаны с РОВС. По-видимому, Беляев сам рассчитывал на то, чтобы возглавить отделение в Асунсьоне, поскольку был начинателем здесь белоэмиграции. Таким образом, создавая парагвайское отделение он становился в подчинение к Н.Ф.Эрну.

Многие русские эмигранты прибыли в далекую южноамериканскую страну с семьями. Так, в конце 1926 года в Парагвае проживали 30 русских, включая архимандрита Пахомия. В конце 1928 года их число выросло до 60 человек и организовали православную общину. Её старостой был избран Н.Ф.Эрн. Сей факт нанёс очередной удар по самолюбию И.Т.Беляева, который стал избегать своего соотечественника и его окружение. Этот раздор между генералами расколол русскую диаспору в Парагвае. Объективности ради следует признать, что в его основе лежали беляевские амбиции, принесённые в жертву общим интересам.

«...Русская эмиграция была как нельзя кстати для Парагвая, который начал вочстнавливать расшатанную экономику. Начали строиться мосты, дороги, административные здания, казармы и т.д. Страна постепенно оживала благодаря активной помощи русскоготехнического персонала», – писал Георгий Бенуа, посетивший Асунсьон в конце 20-х годов. Тогда в городе проживало уже 80 русских, а ещё через пару лет превысило сотню. Многие белые офицеры наши службу в Парагвае бесперспективной. Вскоре после своего прибытия отсылались В. Шафонский и М. Кобылянский, перебравшиеся в Аргентину. Не нашел места на парагвайской службе георгиевский кавалер, артиллерийский полковник А. Ефремов. Он вернулся в Буэнос-Айрес, где в 1927 году организовал отделение РОВС. Генерал Н.Ф.Эрн использовал своего подчиненного для сбора разведывательной информации в пользу Парагвая. Аналогичную роль играл глава русской колонии в Бразилии, бывший начальник штаба Донской Армии полковник В.Н. Жилинский.

В середине 1925 года к Н.Ф.Эрну присоединился С. П.Бобровский, которого командировало в Парагвай правительство Аргентины для организации Министерства общественных работ. Вместе с ним прибыла группа инженеров в составе А. Каширского, А. Богомольца, Б. Воробьева, В. Башмакова и других. Она стала костяком «Союза Русских инженеров и техников в Парагвае». Эта организация стала инициатором основания физико-математического факультета асунсьонского университета, вследствие чего Бобровский занял место декана и

стал получать больший оклад, чем Беляев. Его неуживчивый характер, очевидные претензии на лидерство, банальная зависть к «конкурентам» привели к тому, что значительная часть русских эмигрантов с образованием отвернулась от него и встали на сторону генерала Эрн и Бобровского, объединившихся в «Русский Клуб». К нему примыкали и другие деятели белого движения, приехавшие в Парагвай. Одним из них были подполковник Е. Середина тайный советник Артур Федорович Вейс, бывший начальник санитарной части Кавказского военного округа и хороший знакомый генерала А.В.Шварца. Участник корниловского движения, он с 1 октября 1918 года стал начальником санитарной части Вооруженных сил юга России, а затем руководил медицинской службой Крыма. В результате наплыва русских интеллигентов «Русский Клуб» превратился в оазис культурной и развлекательной жизни Асунсьона и на долгое время стал популярным местом отдыха в столице.

Ещё одним центром эмиграции в Асунсьоне стал дом капитана 1 ранга князя Я. Туманова, командующий Волжско-Каспийской флотилии в Астраханской армии. Он прибыл вслед за Н.Ф.Эрном и возглавил гидрографическое управление речной флотилии. Поддерживая дружбу с Эрном, он, между прочим, попытался создать собственный русский клуб. Князь выдавал себя за родственника российского императорского дома и этим какое-то время привлекал к себе внимание местной элиты. Через некоторое время «тумановские балы» превратились в «балаганы» и, потеряв свою былую привлекательность для высокой публики, постепенно сошли на нет. Даже учереждение прихода стало было поводом для трений между «беляевцами» и «бобровцами», на которых разделилась русская эмиграция. Вероятно, если бы не поручение Военного министерства, отправившего И.Т.Беляева в длительные экспедиции для исследования Чако, и большая терпимость генерала не только к своим оппонентам, но и соратникам этого раскола можно было бы избежать. Постоянное отсутствие в Асунсьоне самого Беляева, мягко говоря, не способствовало укреплению «Русского очага». Идеологические оппоненты генерала из числа белоэмигрантов через его голову вступали в контакты с эмигрантскими кругами в Европе, представляя проект И. Т. Беляева как «подрыв тех мощных организаций, которым суждено с помощью Германии разгромить большевистскую Россию». В то же время сам И. Т. Беляев и его сторонники никогда не воспринимали гитлеровскую Германию в качестве «спасительницы России». Экспедиции в Чако оказались фатальными как для реализации проекта создания русской земледельческой колонии под Нанавой, так и участием других русских в экспедициях в Чако. В последнем случае имеется свидетельство Л.Оранжевеева, утверждавшего, что Беляев бросил его умирать одного в джунглях.

Генерал Беляев

**Капитан I ранга
Язон Туманов**

Орефьев-Серебряков и индейцы

После конфликта в Вангардии парагвайское военно-политическое руководство убедилось в неизбежности военного конфликта и усилило вербовку среднего командного звена. В 1929 году в страну была приглашена большая группа марковцов во главе с артиллерийским полковником Л.Лешем. Находясь в Болгарии, он получил письмо И.Т.Беляева с предложением набрать среди своих однополчан группу волонтеров. После перевода кадра полка во Францию и Чехословакию многие марковцы так и не смогли найти места в мирной жизни и с энтузиазмом приняли предложение. Большинство из них были офицерами военного времени. Типичными их представителями военного поколения были офицерами военного времени капитан С. Керн, штабс-капитаны Н. Гольдшмидт и Г.Чиркин. С.Н.Керн был военным разведчиком. Данные, собранные им во время Сентябрьского восстания в Болгарии во многом способствовали поражению большевиков. К группе Л.Л.Леша присоединились кавалерийские офицеры и группа моряков. Среди них были ротмистры Б.П.Касьянов (Псковской драгунский полк), С.С.Салазкин (Текинский полк) и Н.А.Корсаков(3 уланский полк), хорунжий В.П.Малютин (Кубанский казак) и Николай Ширков (Архангельский гусарский полк), старший лейтенант В.Н.Сахаров и мичман Н.Ф.Зимовский. Кроме этой группы были и одиночки, которые на свой страх и риск ехали в Парагвай. Так, флотский лейтенант Всеволод Канноников последовал призыву Беляева и вместе с беременной женой с большими сложностями приехал в Асунсьон из Константинополя. Другим примером является В.Срывалин, живший в Аргентине. Разорившись, он при поддержке Н.Ф.Эрна перебрался в Парагвай в 1931 году и получил небольшой земельный надел.

Так, несмотря на явную конкуренцию между «Русским Очагом» и «Русским Домом», образовалось ядро группы военных экспертов, которые обладали семилетним боевым опытом современной войны. Многие из них были специалистами «широкого профиля» и знали, как штабную, так и практическую боевую работу.

С начала тридцатых годов Латинская Америка стала пользоваться популярностью среди русских белоэмигрантов. Здесь они становились из бесправных беженцев культуртрегерами и колонистами. Уже в 1925 году в Сан-Паулу белоэмигранты организовали Союз Русских воинов в Бразилии, а пять лет спустя – Союз Русских комбатантов в Уругвае. В 1930 году в Аргентину переехал крупный специалист в области взрывчатых веществ полковник М.М.Костевич, который в 1917 году он командовал химическими войсками российской армии. В 1930 году из Прибалтики в Сан-Паулу прибыла группа офицеров Северо-Западной армии во главе с полковником Генерального Штаба О. фон Крузенштерном, начальником тыла генералом Н.Юденичем. Вместе с ним приехали квартирмейстер СЗА генерал-майор Генерального Штаба Борис Семенович Малявин (1876-?) и начальник тыла Ливенской дивизии полковник В.А. Адлерберг, а также несколько младших офицеров, которые основали бразильский отдел РОВС. К ним присоединились другие белые офицеры: защитник Киева в 1918 году князь Святополк-Мирский и генерал-майор Отдельного корпуса жандармов Л.А. Иванов-Иверьев. Последний в скором времени возглавил бразильский отдел РОВС. Вслед за ними в Сан-Паулу осели соратники героя Северо-Запада Булак-Балаховича. Они постоянно поддерживали связь с командиром и сохраняли братство по оружию.

Парагвайское правительство старалось не афишировать поступление русских в их вооруженные силы. Поэтому до 1931 года практиковалась испанизация их фамилий и имен. Так, Арсений Вескин стал Arsenio Vaesken. Проще было лицам с немецкими фамилиями, таким как Леш, Гольдшмидт, Фрей и Вейс. Эти меры по обеспечению секретности были очень непопулярны и препятствовали привлечению на действительную службу русских военных чинов. Из-за этого многие из них предпочитали неофициально состоять при армии в должности советников или технических специалистов. Пребывание в Парагвае русских перестало быть тайной после назначения И.Т.Беляева на должность начальника картографического отдела Генерального Штаба и присвоения ему звания полковника парагвайской службы. Такое же звание

получил м Е.Ф.ЭрнС началом войны ряд русских офицеров был принят на различные строевые и штабные должности. Так, Л.Л.Лещ, ротмистры Б.П.Касьянов, Н.А.Корсаков, В.Ф.Орефьев-Серебряков, С.С.Салазкин, Н. Ширков, Н.А.Ходолей, И.Д.Оранжереев получили звание майоров, а Н.Блинов, Б.А.Дедов, В.П.Малютин, марковец Н.И.Гольдшмидт – капитанов. К этому времени в Парагвае проживало более 200 русских, из которых три десятка находились на государственной службе, в том числе 24 – в армии.

На протяжении предыдущих лет многие из них принимали активное участие в их строительстве вооруженных сил и исследовании театра военных действий. Так, за семь лет службы И.Т. Беляев совершил в Чако 13 экспедиций, а князь Туманов исследовал течение Рио-Верде. Большая часть русских офицеров сразу была привлечена к боевой подготовке, а другие прикомандировывались к штабам. Так, Н.Ф. Эрн стал генерал-инспектором армии и фактическим руководителем военной разведки. В этом ему помогал С.Н.Керн. Главным их достижением стала расшифровка боливийских военных кодов в самом начале боевых действий. Благодаря этому все намерения противника становились известны парагвайскому командованию раньше, чем они доходили до соответствующих частей боливийской армии. Победы Парагвая при *каньяде* Тариха, Зентено-Кампо Виа, Игнави могут быть названы победами криптографов. Вместе с тем важным элементом военной культуры стала организация четкого управления войсками и, в первую очередь надежной полевой связи. Этому вопросу уделялось большое значение, была выработана система военных кодов, которые использовались на протяжении всей войны. Русский военный опыт сказался на тактике и вооружении парагвайской армии. В частности, принятие на вооружение датских ружей-пулеметов *Мадсена* произошло по их рекомендации. В первую мировую войну русская кавалерия была вооружена этим видом оружия: он оказался надежнее французского *Шоша*, навязывавшегося французской военной миссией. Другим важным вкладом русских военных было приспособление уставов к требованиям современной войны – сочетание подвижной обороны с маневром. Парагвайской стороне, применившей русский опыт, принадлежит первенство в создании кавалерийской дивизии, созданной в начале войны (Боливия сформировала конный корпус только в конце 1934 года), а также организация молниеносных рейдов в тыл противника. Несмотря на малочисленность парагвайской артиллерии, ее деятельность была результативнее, чем у противника. Если парагвайцы предпочитали стрелять с закрытых позиций, то боливийцы часто использовали прямую наводку, что приводило к большим потерям среди личного состава. Немаловажную роль сыграла и русская школа фортификации и маскировки, которой учил парагвайских военных С.Ф. Эрн. Создание ложных артиллерийских позиций под Нанавой – его важнейший вклад в эту победу. Русские военные техники также не обманули ожиданий своих новых сограждан и приняли активное участие в реализации «большой программы» М.Скенони и созданию собственной оборонной промышленности. Так, Н.Ф.Зимовский возглавил снаряжательный отдел арсенала в Сайонии, где наладил производство миномётных мин и ручных гранат. Его вклад в производство вооружений был впоследствии высоко оценен: он получил звание генерала. Вместе с ним работали и сибирские артиллеристы братья Оранжереевы, одновременно преподававшие в Военной школе. Они управляли ремонтной мастерской, лабораторией и литейной.

В один из августовских дней в доме В.Канноникова собрались около двух десятков бывших русских офицеров. С речью выступил Н. Корсаков, который призвал своих соотечественников добровольно встать на защиту своей новой родины. На следующий день генерал Н.Эрн посетил командующего парагвайской армией М.Рохаса и предложил принять на службу бывших русских военных. Всего в парагвайскую армию и флот добровольно записались 19 русских офицеров, 2 врача и один ветеринар, увеличив русский контингент до сорока шести человек. Против службы русских в армии выступил Бобровский, которого поддержал Деникин. По мнению современников, конфликт между русскими генералами возник из-за их амбиций и пре-

тензий на руководящую роль в русской общине. Это вызвало первый раскол в среде эмигрантов и привело к увольнению Бобровского с парагвайской государственной службы.

Боевые действия вынудили парагвайское руководство использовать все пути для повышения качества своего офицерского корпуса. Поэтому оно начало приглашать на службу иностранцев. Одним из многообещающих направлений было использование связей белогвардейцев. Президент Парагвая призвал Беляева и Эрнэ пригласить как можно больше своих соотечественников, используя каналы РОВС. Так, И.Т. Беляев обратился за помощью к брату – полковнику Н.Т.Беляеву, заместителю председателя союза офицеров 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады, проживавшему в Париже. Тот обратился к нескольким своим однополчанам с предложением поехать в Парагвай. На его призыв отозвался ряд офицеров, наиболее известным из которых был капитан французской службы Юрий (Георгий) Михайлович Бутлеров, внук известного русского химика. Поступив вольноопределяющимся в 1 лейб-гвардии артиллерийскую бригаду, он отличился на фронте, стал георгиевским кавалером и был произведен в поручики. С февраля 1918 года он воевал в рядах Добровольческой Армии и был эвакуирован в Галиполи. Там Ю.М.Бутлеров завербовался во французскую армию. В 1932 году он демобилизовался и примкнул к группе марковцев, направлявшихся в Парагвай. По пути к ним присоединился подпоручик барон К.А. Унгерн фон Штернберг. Еще одним военным специалистом, прибывшим накануне войны в Парагвай, был морской летчик капитан Владимир Порфиненко, который успел послужить в финской авиации под псевдонимом Валдемар Адлерхейм и получил Крест Свободы. Окончивший Чехословацкую военную академию Степан Высоколян по прибытии в Асунсьон 5 марта 1934 года получил звание капитана и назначение в штаб 1 дивизии. Всего за время Чакоской войны в Парагвай прибыло несколько десятков русских военносущащих. Некоторые из них так и не достигли фронта. Другие офицеры, служившие в рядах парагвайской армии, например, полковник Щукин, последовали призыву генерала Бобровского и не стали воевать за Парагвай. В октябре И.Т. Беляев и Н.Ф.Эрнэ получили почётные звания генералов дивизии, высшего звания в парагвайской армии.

ГЕНЕРАЛ БЕЛЯЕВ С ГРУППОЙ ОФИЦЕРОВ

В 1933 году И.Т.Беляев получил от министерства иностранных дел полномочия для организации массовой иммиграции. В конце года И.Т.Беляев и консул Хуан Лапьер открыли в Париже «Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай». Его почетным председателем стал донской атаман А.П. Богаевский. Вскоре стала издаваться газета «Парагвай» с девизом: «Европа не оправдала наших надежд. Парагвай – страна будущего». Первая группа русских переселенцев во главе с полковником Гесселем и есаулом Хапковым в количестве ста человек отбыла из Марселя в апреле 1934 года. За ней в июле последовала вторая группа из 90 человек во главе с капитаном Ардатовым. Вместе с третьей группой, составленной из казаков, приехал сын известного русского писателя поэт П. П. Булыгин, военный топограф Борис Фрей и есаул М.С. Зеленков. В военных кругах он считался одним из наиболее талантливых кавалерийских офицеров белой эмиграции. Пятая, последняя из групп переселенцев прибыла в конце 1934 года. Ею руководил начальник Корниловского училища полковником Н.П. Кермановым. К ним присоединился последний капитан ледокола *Джигит* старший лейтенант флота Николай Николаевич Кунаков. Будучи ярким противником большевизма, он перебрался на Дальний Восток и жил в Шанхае. В 1934 году он получил приглашение перебраться в Парагвай и вскоре поступил на речную флотилию к капитану Канноникову. Группа П.Н.Керманова состояла из 44 человек и включала 12 женщин и детей. Наиболее известными из них были русский писатель-историк М.Д.Каратеев, оставивший довольно обширное описание парагвайского быта. Из нескольких сот русских иммигрантов второй войны не менее сорока поступили на парагвайскую военную службу.

Поступавшие на парагвайскую военную службу русские зачислялись на довольствие и после двухнедельной адаптации получали назначение. Из 86 офицеров, служивших в парагвайской армии, 2 имели чин генерал-майора, 8 – полковника, 4 – подполковника, 13 – капитана и 23 штабс-капитана русской армии. Как правило, заслуженные боевые офицеры сразу получали чин капитана или майора, а военная молодежь – лейтенанта. Исключение было сделано только для доктора А.Вейса, Н.Ф.Эрна и И.Т.Беляева, которые пользовались генеральскими правами с самого начала. Роль обоих русских генералов-соперников была высоко оценена парагвайским правительством, которое присвоило им звания генерал-лейтенантов. Заслуги тайного советника в создании военной медицины А.Ф.Вейса были отмечены производством в 1936 году в генералы медицинской службы. Его ранняя смерть нанесла большой удар парагвайской системе здравоохранения.

В августе 1932 года И.Т.Беляеву был присвоен чин полковника. Он был назначен старшим советником в сводное парагвайское соединение, которое должно было очистить от боливицев район Питиантуты. Затем он некоторое время находился при штабе КОМАНСУР. В октябре 1932 года И.Т.Беляев был произведен в почётные генерал-лейтенанты и немного спустя был отозван в столицу, где одиннадцать месяцев руководил Генеральным Штабом. Одновременно, он занимался вербовкой белых офицеров в парагвайскую армию. Беляев прилагал усилия, чтобы вдохнуть жизнь в русскую колонию Эсперанса, расположенную у *Нанавы*. Однако, этот проект земледельческого поселения россиян в Латинской Америке был обречен на провал. Неготовые к условиям грубой сельской жизни, русские военные и городские интеллигенты через пару-тройку лет постепенно сбегали в город. Многие из них впоследствии покинули Парагвай, осели в Аргентине или вернулись в Европу. Среди них были есаул Хапков и капитан Ардатов. Обвиненный генералом Эрном и его сторонниками в прокоммунистических симпатиях генерал в мае 1936 года был отправлен в почётную отставку – стал советником министерства обороны. С ноября следующего года И.Т.Беляев возглавил Национальный патронат по делам индейцев при министерстве земледелия. На этом посту отставной генерал двух армий занялся изучением аборигенных племен Чако и основал в 1942 году Ассоциацию аборигенов Парагвая, разочаровавшись в идее широкой русской колонизации Парагвая. Он пользовался большим уважением среди племени *мака*, которое приняло его в свои ряды. Умер

И.Т.Беляев 19 апреля 1957 года в Асунсьоне и был похоронен в основанной им *толдерии* (индейской колонии) Фра Бартолеме де лас Касас. В Парагвае он был объявлен национальным героем, а день его смерти был объявлен днем национального траура. После Чакской войны его главный соперник генерал Н.Ф.Эрн долгое время оставался профессором военного училища и академии Генерального штаба и советником Генерального штаба. Вместе с генералом С.П.Бобровским он придерживался фашистской ориентации и получив безоговорочную поддержку последних групп русских иммигрантов. По словам И.Т.Беляева они вступили в контакт с новыми лицами из эмигрантской верхушки, ратовавшими «с помощью Германии разгромить большевистскую Россию».

По-разному сложились судьбы прибывших в Парагвай старших офицеров. Полковник Е.В.Середа обучал cadетов Военной Школы тактике и кавалерийскому делу, после войны демобилизовался и умер в 1970 году в Асунсьоне. В.Канноников получил звание капитана 1 ранга. Под его надзором происходило вооружение и строительство нескольких вооруженных пароходов – *авизо*. К концу войны он возглавил весь речной флот Парагвая. После войны он и прибывший позже лейтенант Н.Н. Кунаков, организовали рыбный промысел на реке Парагвай и вскоре монополизировали его. Князь Туманов с началом войны получил чин капитана 2 ранга и должность начальника отдела кадров речного флота. После войны остался на военной службе, занимая должность советника морской префектуры (органа управления флотом). При этом он принимал активное участие в жизни русской колонии. С 1939 по 1954 г. князь Туманов состоял уполномоченным главы Российского Императорского дома (великий князь Владимир Кириллович, провозгласивший себя в 1924 г. Императором Всероссийским). Он принимал участие в строительстве православного храма в Асунсьоне, был учредителем русской библиотеки, почетным вице-председателем «Очага русской культуры и искусств», членом Исторической комиссии Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке, публиковался в эмигрантских морских изданиях. Скончался князь Туманов 22 октября 1955 г. от рака горла. Его провожали в последний путь не только представители русской колонии, но и парагвайские моряки, не забывшие его заслуг перед своей «второй родиной».

С началом войны майор Л.Леш сформировал батарею артиллерийской разведки, которая позволяла эффективно вести огонь по врагу. По окончании войны он остался на военной службе и в чине полковника возглавлял единственный артиллерийский полк страны. Ю.М.Бутлеров был назначен командиром кавалерийского полка *Ака Карайя*, отличившегося в этой войне. После войны он продолжал командовать своим кавалерийским полком и принял активное участие в последующих событиях. В 1959 году он был произведен в полковники, а три года спустя скончался в Асунсьоне. Н.А.Корсаков перевел на испанский русские кавалерийские марши и впоследствии возглавил 9 кавалерийский полк. После войны он демобилизовался и получил должность главного инспектора государственных работ. П.П.Булыгин всю войну преподавал в Военной школе. После войны он основал колонию староверов Балтика в месте слияния рек Парана и Парагвай. Он придерживался «эрновской организации» и умер от старых ран 17 февраля 1936 года на полигоне Нью-Гуасу. Трагически сложилась судьба М.С.Зеленкова, который после окончания военных действий был уволен с военной службы и оказался без средств к существованию. Он покончил жизнь самоубийством 3 ноября 1935 года в Энкарнасьоне. Похожая участь была и у полковника Ширкова, командовавшего 2 кавалерийским полком. Военный летчик Владимир Порфиненко заболел в парагвае туберкулезом и вернулся в Европу. Его друзья добились от финского правительства для него пенсии, но больной пилот умер в Вене, не дождавшись перевода. Полковник Н.П. Керманов организовал в военном училище процесс ускоренной подготовки офицеров. В течение двух десятков лет после окончания войны он оставался в Парагвае. Он придерживался «беляевской» ориентации и во время диктатуры И.Мориниго был отправлен в отставку. Он бедствовал долгое время и был выписан в 1958 году своими друзьями в Эш (Люксембург), где вскоре умер.

Молодые офицеры быстро адаптировались к местным условиям и испанизировали свои фамилии. Многие из них сделали военную карьеру. Например, С.Л. Высоколян сделал самую успешную карьеру в рядах парагвайской армии. Будучи зачисленным в штаб 1 дивизии в звании капитана в 1934 году, он закончил войну в чине генерала и командира дивизии. Последний одно время преподавал в университете, был профессором военной академии и кадетском корпусе. Он сменил Л.Л.Леша в должности начальника артиллерии парагвайской армии и состоял на действительной военной службе до 1977 года в чине дивизионного генерала. Его длительная военная карьера объясняется тем, что С.Л.Высоколян был боевым командиром Альфредо Стресснера. Будущий диктатор всегда хорошо отзывался о русских офицерах, называя их людьми чести. Александр Георгиевич фон Экштейн-Дмитриев был его личным другом и в 90-е годы XX века управлял «Ферретерия Парагуая». Он был одним из поручителей Йозефа Менгеле, а в сентябре 1959 года участвовал в похоронах Мартина Бормана в городке Ита. В 1941-45 годах он был в Европе и воевал с большевиками. С.Н.Керн во время войны занимался войсковой разведкой и в 1936 году получил звание капитана и назначение в Генеральный Штаб. В таком же чине закончили войну Михаил Долгачев, барон К.А.Унгерн фон Штернберг, Б.Фрей. А.Н.Флейшнер стал полковником и возглавлял один из отделов военного министерства.

После смерти атамана А. П. Богаевского, активно поддерживавшего проект казачьей эмиграции в Парагвай, фактически прекратилось действие Комитета по содействию массовой русской эмиграции. Перевод всего дела на чисто коммерческую основу окончательно подорвал и без того скромные финансовые возможности новых эмигрантов. Несмотря на это руководители РОВС внимательно следили за судьбой своих соотечественников в Парагвае. Так, в 1935 году в Парагвай был командирован начальник военной канцелярии союза генерал-лейтенант Николай Николаевич Стогов (1873-1959). Вернувшись из поездки, он в сентябре-октябре 1936 года опубликовал отчет о встрече с русскими на парагвайской службе. Не теряли контакта с русской эмиграцией и парагвайские волонтеры. И.Т.Беляев состоял в обществе офицеров 2 лейб-гвардии артиллерийской бригады и Корпорации академиков-артиллеристов, объединявшей преподавателей и выпускников Михайловского училища, а полковник П.Н.Керманов обладал большим авторитетом среди галиполийцев и корниловцев. Н.Ф. Эрн долгие годы возглавлял местное отделение РОВС с отделениями в Сан-Паулу (ген.Л.А.Иванов-Иверьев) и Буэнос-Айресе (полк.А.Н.Ефимов). Главой парагвайской группы РОВС был монархист князь Я.К.Туманов. Южноамериканскому отделу были организационно подчинены Союз русских воинов в Сан-Паулу (полк.А.В.Кушелевский) и Русский офицерский союз в Санта-Катарине (ротмистр С.В. Голубинцев). Южноамериканское отделение РОВС играло Важную роль в поддержании антисоветских и антикоммунистических настроений в среде белоэмигрантов. До 1946 года оно выпускало три периодических издания и охватывало в Парагвае, Аргентине и Бразилии. С началом разрядки напряженности РОВС был распущен в 1957 году.

Русские белоэмигранты внесли в ряды офицерского корпуса Парагвая новую идеологическую доминанту – ярый антикоммунизм. Испытав на собственном опыте ужасы красного террора, они старались не допустить повторения кровавых событий 1917-1937 годов в России на их новой родине. При этом русские долго сохраняли верность традициям приютившей их страны и братьям по оружию. Они поддержали военные правительства Рафаэля Франко и Инихио Мориниго, опорой которого была влиятельная группа *кавалеристов* во главе с Ю.М.Бутлеровым. Их идеологом стал полковник лейб-гвардии Преображенского полка Петр Александрович Веденяпин (1885-1960), прибывший в Парагвай из Шанхая в годы II мировой войны. Именно по его предложению *кавалеристы* настояли на переводе на гражданскую службу И.Т.Беляева. Его опыт антибольшевистской борьбы пригодился при создании репрессивного аппарата и при подавлении революции 1947 года. Роль П.А. Веденяпина в парагвай-

ских событиях не осталась незамеченной для революционеров: через тринадцать лет он был убит на территории Аргентины из мести.

Антикоммунизм *кавалеристов* не был поколеблен даже исходом Великой Отечественной войны. Их политический экстремизм вызвал новый раскол среди русских в Парагвае. Патриотов Советской России возглавил прежний враг Беляева генерал Бобровский, который был вынужден уехать в Аргентину. Во ходе революции 1947 года антикоммунистически настроенные русские офицеры единым фронтом поддержали правительство И.Мориниго. Благодаря их антисоветизму Парагвай предоставил убежище некоторым видным нацистам и служившие в Русском Корпусе русским. Наиболее известной фигурой среди них был бывший командир Технического полка 1 армейского корпуса в Галиполи полковник Е.Д. Лукин. Скрываясь от союзников, он в 1949 году прибыл в Асунсьон, где получил звание майора и должность в техническом отделе Генерального штаба.

5. Армия Боливии.

Структура и организация. Комплектование и боевая подготовка. Довольствие, экипировка, снабжение, медицина. Вооружение и обеспечение боеприпасами. Тактика.

Армия Боливии в 1932 году сохраняла ту форму, которую ей придал генерал Г.Кундт. Согласно конституции, ее верховным главнокомандующим был президент, при котором функционировал Верховный Военный Совет (Consejo Supremo de Guerra) с совещательными функциями. В него входил ряд министров и старших офицеров. По замыслу *роски* он должен был. Обеспечить координацию действий гражданских и военных властей. Другой его функцией было политическое обеспечение военного министерства. На него возлагалось обеспечения войск материальными ресурсами (оружие, боеприпасы, вооружение, финансы) и обученными кадрами, а также вопросы военного законодательства, военной юстиции и цензуры. Министру подчинялись генеральное интендантство (Intendencia General de Guerra), арсенал (Arsenal de Guerra), военно-медицинская служба (Sanidad Militar) и командующий армией. После прихода к власти республиканцев министром обороны назначался наиболее близкий к президенту старший офицер, который фактически выполнял функции офицера связи между военщиной и главой государства.

Командующий вооруженными силами в мирное время отвечал за боевую готовность армии и направлял работу Генерального Штаба. Ему подчинялись военно-учебные заведения (Esquella de Guerra, Collegio Militar, Escuela de Clases, Escuela de Musica, Escuela Militar de Aviacion), а также командиры бригад (дивизий) и коменданты военных регионов. Таким образом в его руках концентрировалось реальное управление обороной страны. При наличии доверия между ним и главой государства власть в Боливии приобретала необходимую стабильность. Как правило, назначение на должность командующего происходило после консультаций президента со старшими офицерами. Последние в подавляющей своей массе считали, что ведение войны является их исключительной компетенцией и стремились изолировать гражданских лиц от вмешательства в вопросы военного строительства и планирования. Эта монополия являлась краеугольным камнем боливийской военной машины. Даже президенты-генералы И.Монтес и Б.Галиндо не осмелились посягать на нее.

Генеральный Штаб Боливии был копией войскового управления рейхсвера (Truppenamt) Его штат насчитывал около семидесяти офицеров и подчинялся командующему. Только немногие из его сотрудников соответствовали занимаемой должности. Вследствие этого Штаб кое-как справлялся с организационными функциями, но совершенно упускал из виду вопросы планирования. Он состоял из центрального бюро (организация), архива и 4 отделов (боевой подготовки, оперативный, транспортный и иностранный). В каждой из структурных единиц штаба числилось от пяти до пятнадцати офицеров. Несмотря на явное сходство с рейхсвером, многие отделы Генерального Штаба исполняли совершенно иные функции. Так, ключевую роль в его работе играл начальник оперативного отдела, а иностранный отдел занимался назначением военных атташе вместо организации разведки.

В свое время генерал Г.Кундт планировал создание в каждом военном районе смешанной дивизии (бригады). Однако вследствие ряда объективных причин дислокация соединений не совпадала с округами. Причиной этому была не только напряженность на границах с Чили и Парагваем, но и индейские восстания. Вследствие неравномерного размещения частей их своевременное пополнение рекрутами было затруднительным. В первые месяцы 1932 года некомплект составил 32% (:418 из 9660). Он падал исключительно на строевые подразделения, где вместо 8780 человек числилось только 5539 (63% от штата). Часть отсутствующих

(1106) находились в лазаретах, отпусках и учебных лагерях. Таким образом, на действительной военной службе состояло 24 старших и 207 младших офицеров, 218 сержантов и 7075 рядовых. Четыре тысячи из них были солдатами срочной службы (вместо предусмотренных штатом 6136). Причиной некомплектности частей было не столько дезертирство, сколько чистка, проведенная Д.Саламанкой после смещения Э.Силеса. Под предлогом экономии средств состав дивизий был резко сокращен. Снижение численности соединений происходило за счет сокращения численности пехотных полков, в которых второй батальон переводился в резерв.

По планам боливийского командования развертывание дивизий в случае войны должно было проходить в два этапа. Сначала создавались дивизионные части и пополнялись до штатного состава боевые части, которые дополнялись резервными формированиями, а затем пехотные полки развертывали вторые батальоны. Штат дивизии военного времени должен был включать штаб, разведывательный эскадрон, санитарную и ветеринарную часть, маршевые подразделения, санитарный, артиллерийский и инженерный парки и обозы, а также боевые части: 3-4 пехотных полка, эскадрон кавалерии, артиллерийскую группу и роту инженеров. Вследствие частичных мобилизаций боливийским командованием была допущена ошибка: сразу началось формирование большого количества (29 пехотных и 11 кавалерийских) полков вместо развертывания вторых пехотных батальонов в существующих частях. Вследствие этого все дивизии на ТВД представляли собой конгломерат кавалерийских эскадронов и пехотных батальонов полков, усиленных отдельными батареями. Вследствие этого в 1932-33 годах численность дивизии колебалась в пределах 1500-5000 человек. Только к концу 1934 года за счет формирования вторых батальонов удалось несколько уменьшить этот хаос: дивизия стала насчитывать 3-5 полков с 2-6 батареями, а ее численность достигала 4500-7500 человек (из расчета 1500 на полк). В конце войны Боливия имела уже 10 пехотных и 3 кавалерийских дивизии. Наличие дополнительной вертикальной командной структуры приводило к потере взаимодействия между штабом дивизии и боевыми подразделениями, которые, учитывая характер местности и слабости связи, часто приводило к досадным неудачам особенно в первый год войны.

Большое количество автономных единиц в составе дивизий, сложные условия местности и отсутствие надежной техники затрудняло стабильную связь на ТВД. По опыту первой мировой войны основной упор в дивизионной роте связи делался на телефонные линии, которые обеспечивали устойчивое управление только при обороне на непрерывном фронте. Радиосвязь осуществлялась на расстояние до 30 километров, но ею были обеспечены только штабы дивизий. Поскольку мерам предосторожности уделялось небольшое значение радиопереговоры между штабами армии, корпусов и дивизий, как правило, велись открытым кодом и становились известными противнику даже раньше, чем командирам частей, входящим в дивизию. Ситуация еще более усложнялась отсутствием надежной связи с полками и батальонами, поскольку поисковые группы противника постоянно резали линии связи. Отсутствие надежной связи заставляло боливийское командование стягивать основные силы в компактную группировку, особенно, при переходе в наступление, что делало ее малоподвижной из-за ограниченного количества путей сообщения.

Увеличение числа соединений, выделяемых против Парагвая, привело к формированию корпусных штабов перед самым началом военных действий. Один из них должен был действовать на направлении *Бальвиан – Муньос – Асунсьон*, а второй *Роборе – Толедо – Исла-Пой*. Целесообразность их создания достаточно спорна: генерал Г.Кундт в 1933 году практически работал без них. По-видимому, возникновение корпусов являлось следствием политических игр боливийского генералитета. Во вновь созданные престижные штабы добивались назначения многие офицеры, чей опыт и знания могли понадобиться на фронте. Несмотря на небольшой штат (25 офицеров) корпусные управления во многом дублировали функции дивизий. Со временем, на них было возложены вопросы военной юстиции, распределения попол-

нений и организации тыла. С 1933 года генерал Г.Кундт передал корпусам вопросы размещения всех резервов и частично планирование операций. Функции дивизионных и корпусных штабов были четко разграничены только в 1934 году с прибытием чешской миссии. К этому времени были развернуты штабы 4 корпусов (3 армейских и кавалерийского).

Боливийская пехота вынесла на своих плечах всю тяжесть войны. Перед войной она состояла из 13 полков, а к ее концу – 50. Пехотный полк мирного времени состоял из штаба, обоза и боевого батальона и насчитывал 618 человек. При общей мобилизации в полку разворачивался второй батальон, а его штатная численность вырастала до 1096 солдат и офицеров. Благодаря наличию подразделений обеспечения полк мог действовать автономно в отрыве от дивизионных обозов. Боевую часть кадрового полка составлял батальон, скопированный с рейхсвера. Он состоял из управления, трех пехотных и пулеметной рот трехзвонного состава. Уже в ходе войны полки получили артиллерию – 70мм пехотные пушки *Виккерса*, а с 1933 года – секции 3” минометов *Стокса* (по 2 на полк). Вследствие этого штаты полков были увеличены на 21 единицу и достигли тысячи двухсот человек. Основным низшим подразделением боливийской пехоты было отделение, состоящее из 9 бойцов, восемь из которых были вооружены винтовками *Маузера*, преимущественно чехословацкого производства модели Vz 24, а один – ручным пулеметом Виккерс-Бертге или чехословацким же ZB-26. При этом взводного уровня не было и девять отделений напрямую объединялись в роту, которая дополнительно штатно имела два расчета станковых пулеметов Виккерс и один миномет.

Каждый полк мирного времени располагал двойным комплектом стрелкового вооружения (около тысячи единиц), складировавшимся в месте дислокации. Наличие этих запасов позволяло в считанные дни оснастить новые подразделения. Кроме того, каждая пехотная рота

располагала 6 ружьями-пулеметами *Виккерса-Бертье*, а пулеметная рота – 4 секциями станковых пулеметов (8 единиц). Таким образом, пехотный батальон имел по штату 26 пулеметов, а всего в полку военного времени планировалось иметь 60 единиц автоматического оружия (в распоряжении штабов и обоза было 8 пистолетов-пулеметов).

В канун войны самым престижным родом войск была кавалерия, которая состояла из 5 полков. В 1935 году в ее составе насчитывалось уже 17 полков. Кроме штаба они включали три сабельных эскадрона, эквивалентных по силе пехотным ротам. Штат полка насчитывал 420 человек. Главным отличием от пехоты была большая насыщенность автоматическим оружием (по 6 ружей-пулеметов и пистолетов-пулеметов на эскадрон) – 40 единиц на полк. Инженерные войска Боливии перед войной состояли из 4 полков и предназначались для выполнения различных функций. Так, 1 инженерный полк *Пандо* обеспечивал связь, 2 *Падилья* – железнодорожное сообщение и только 3 и 4 полки были саперными. Перед войной полки представляли собой совокупность штаба и трех рот, раскиданных по различным частям страны. В военное время в состав 1 и 2 полков были мобилизованы все связисты и железнодорожники, а 3 и 4 послужили базой для формирования дивизионных саперных частей.

При разработке штатов частей генерал Г.Кундт посчитал излишним оснастить кавалерию и пехоту траншейной артиллерией и минометами. Это, по его мнению, затрудняло маневр в дебрях Чако. Артиллерия дивизии была слабой: она состояла из одной– трех батарей, имевших по 4 артиллерийских орудия на автомобильной тяге каждая. Они развертывались на базе 3 полков и 3 отдельных батарей мирного времени. Они имели на вооружении орудия систем *Крупна*, *Виккерса*, *Шнейдера*. В организационном плане артиллерийский полк представлял собой штаб, артиллерийскую группу (дивизион) и артиллерийский парк. В отличие от прочих частей он не предназначался для участия в боевых действиях, а служил базой формирования боевых подразделений. Артиллерийская группа (дивизион) являлась самым крупным из них и состояла из управления с эшелоном и трех моторизованных огневых батарей. Они состояли из 2 огневых взводов (по 2 орудия, 4 зарядных ящика), управления с секцией прикрытия (2 пулемета) и амуниционной колонны (18 зарядных ящиков). Такая организация оказалась оптимальной в условиях Чакской войны. Всего в ходе войны было сформировано 9 артиллерийских групп и 54 батареи.

Guerra-Museo-Historia-Militar

Анализ театра военных действий подсказывал, что наиболее целесообразно использование более легких горных орудий и пехотных пушек. Однако необходимость использования для перевозки горных орудий вьючных животных ставила этот вид артиллерии в зависимость от источников воды. Несмотря на моторизацию, подвижность пехотной артиллерии также оставалась низкой из-за незначительной дорожной сети. Следует специально отметить, что артиллеристы были наиболее подготовленной и компетентной частью офицерского корпуса Боливии. При этом артиллерия оказалась технически неготовой к боевым действиям в Чако. Имея на вооружении, в основном, пушки, а в парках – шрапнель артиллеристы были не в состоянии подавить оборону, зарывшегося в землю противника. Только на последнем этапе войны, когда война пришла в предгорья Анд, артиллерия стала действовать более эффективно.

По расчетам боливийского командования недостаточное количество артиллерии должна была компенсировать авиация. Ее развитие являлось одним из государственных секретов и шло под прикрытием авиашколы. Только в июне 1932 года она была преобразована в Авиационный Корпус (*Cuerpo de Aviacion*). Он состоял из 2 разведывательно-бомбардировочных (6 самолетов *Веспа*, 2 *Фоккера* и 3 *Бреге*), и истребительной (6 самолетов *Виккерс Скаут*) эскадрилий. В летной школе состояли на вооружении 7 учебных самолеты (5 *Фоккеров*, из которых только 2 были в рабочем состоянии, и 2 *де Хэвилленд ДН9*), которые могли быть использованы в военных целях. В составе корпуса действовала транспортная эскадрилья, сформированная на базе самолетов ЛАБ (9 *Юнкерсов*). Часть ее самолетов (*Юнкерс W34*) могла быть использована для бомбардировки.

С 1904 года в Боливии была введена военная повинность для всех мужчин старше 18 лет, а общий срок службы установлен в 25. Год из них каждый военнообязанный проводил на действительной военной службе, 7 лет числился в резерве первой очереди, 7 лет – во второй и 10 – в третьей. По достижении возраста в 45 лет каждый резервист проходил медицинское освидетельствование и зачислялся в милицию. По подсчетам военных экспертов того времени страна имела свыше 400000 боеспособных мужчин, а призывной контингент составлял от 15 до 20 тысяч человек в год. На практике, бюджетные ограничения привели к тому, что военную подготовку проходили только 20% (не более 4000) призывников. Прочие военнообязанные тем или иным способом уклонялись от несения службы. Следует отметить, что военная служба не пользовалась уважением среди большинства зажиточных *чоло*, которые любыми способами избегали призыва. Главными из них были: симуляция недееспособности, поступление на учебу (в местный или заграничный университет), признание негодным к военной службе или поступали на государственную и муниципальную службу. Благодаря этому военная полиция на уклонявшихся от военной службы *чоло* практически не обращала внимание. Несколько другая ситуация складывалась с индейцами. Часть из них были потеряны для армии, поскольку их селения были недоступны властям. Других «отмазывали от армии» горнорудные компании, заинтересованные в привлечении молодых, здоровых рабочих. Третьи, будучи связанными с индейскими касиками, получали места в сельской полиции. Таким образом, в армию попадали неграмотные индейские крестьяне из деревень Альтиплатано и немногие метисы.

Как уже отмечалось инцидент в Вангардии показал неподготовленность обеих сторон к большой войне и не способна вести боевые действия. Опыт развертывания в декабре 1928 года выявил незначительность подготовленных резервов. Временный спад напряженности в Чако предоставил возможность генералу Г.Кундту частично исправить положение. Как уже отмечалось выше, одной из принятых мер стало формирование новых воинских контингентов. Уже к концу 1929 года штаты бригад были заполнены. При мобилизации на базе каждой из них могли быть развернуты дивизии общей численностью в 30000 человек. Призыв и обучение новобранцев происходили по принципам, заимствованным в германской армии накануне мировой войны. Общий срок службы был увеличен до 35 лет, из которых каждый военнообязанный проводил 2 года на действительной военной службе, 9 – в резерве первой очереди, 10 лет – вто-

рой очереди, 9 лет – третьей очереди и 5 лет в ополчении. Благодаря усилиям Г.Кундта, к 1930 году резерв второй очереди составлял 30000 человек, третьей – 40000, а ополчения – 15000. Несмотря на финансовые трудности, военно-политическое руководство Боливии считало подготовку обученного резерва для развертывания массовой армии одной из главных задач военного строительства. По просьбе Э.Силеса генерал Г.Кундт потратил для ее реализации немало времени и сил. Однако более двух третей индейцев, которые могли быть призваны на военную службу не были охвачены военным обучением. Из 115 тысяч резервистов только 40% могли считаться обученными, а треть вообще не держала оружия в руках.

Комплектование армии производилось по территориальной системе: каждый военный округ имел депо, которое формировало маршевые пополнения для сформированных в нем полков. В мирное время три четверти боливийцев, приходивших на призывные участки, регистрировались и распускались по домам. Эти «резервисты» не считались обученным резервом, но могли быть мобилизованы в любой момент. В окружном депо они обучались выправке и шагистике. После превращения толпы рекрутов в подразделение, способное двигаться и менять строй по команде, им выдавали винтовки и патроны. Изучение личного оружия сводилось к его сборке и разборке, а также прикладке (наведению на цель без производства выстрела). Вслед за этим производилось обучение рассыпному строю и простейшим ружейным приемам. Это считалось развертыванием в боевой порядок. Если хватало времени, то солдат выводили несколько раз на стрельбище, где они стреляли с постоянным прицелом. Следствием такого поверхностного подхода к стрелковой подготовке оказалось неумение многих солдат правильно определять дистанцию до цели и выбирать установку прицела. Несколько в лучшем положении с крестьянами находились горожане, проходившие начальную военную подготовку при школах в группах скаутов. Их как наиболее понятливых выдвигали на должности капралов и сержантов. Для их обучения при депо были сформированы учебные команды с 3-4 месячным сроком обучения. Остальные резервисты часто направлялись на фронт, даже не закончив обучения. Предполагалось, что они усвоят дисциплинарные требования и обретут боевые навыки по месту службы. В начале войны, подразделения, составленные из таких резервистов, не успевали распределять по частям и бросали прямо в бой. В этих случаях войска несли неоправданно большие потери.

Культивируя прусский дух в вооруженных силах, Г.Кундт стремился отладить военную машину до идеала, где каждый был винтиком беспрекословно выполняющим приказ сверху. Этому ему достичь удалось только в кадровых частях. Несмотря на социально-культурные различия в них существовала спайка, основанная на приверженности своему полку. Ускоренное формирование резервных частей не дала возможности сделать из них полноценный военный материал. Проблема дисциплины стала главной проблемой среди мобилизованных, у которых слишком требовательные командиры вызвали дружную ненависть. Даже через три десятилетия после окончания войны эти проблемы сохранялись. Секретный меморандум, подготовленный ЦРУ во время операций против партизан Че Гевары, очень критически отзывался о состоянии боливийских вооруженных сил. Даже кадровые солдаты постоянно демонстрировали свою неумелость, агрессивно вели себя по отношению к гражданскому населению, терроризировали горожан, приставали к женщинам и в целом производили очень неблагоприятное впечатление.

Генерал Кундт среди солдат

Г.Кундт, приложивший немало усилий для укрепления дисциплины, не мог скрыть изумления и разочарования поведением кадровых солдат, искренне любивших его: «Марш продемонстрировал полное отсутствие твердой дисциплины; несмотря на лично прилагаемые мной усилия, я не мог прекратить вылазок своих людей за водой или за тем, что им приходило в голову», – докладывал своему командиру один из немецких офицеров. Действуя драконовскими методами, военной полиции удалось навести в войсках некоторый, но далеко не полный порядок. В 1933 году офицер, посылавший своего солдата по какой-то надобности снабжал его уведомлением. Всякий отставший от своего полка, не имеющий такой бумаги, немедленно арестовывался полицией и подлежал отправке в стрелковую цепь. Однако, при малейшей панике порядок рассыпался и требовались энергичные меры для его восстановления.

Анализируя своих подчиненных, немецкий генерал считал их идеально подходящими для достижения цели: исполнительными, неприхотливыми, храбрыми и выносливыми. Вместе с тем, им не хватало главного качества немецкого солдата – инициативы на поле боя. Этой же болезнью страдал и офицерский корпус. Очень существенным недостатком боливийской армии было противопоставление офицеров-креолов рекрутам-индейцам, что сильно снижало боевой дух. Оно усугублялось на языковом уровне: многие новобранцы не знали испанского, а офицеры считали знание языков кечуа и аймара, которые были родными для многих солдат, ниже своего достоинства. Впоследствии это сказалось на боевом духе войск и привело к ошибкам и поражениям. Если индейца можно было призвать в армию и гнать в бой из-под палки, то *чоло* старались всячески увильнуть от военной службы. Отчёт боливийского Генерального Штаба приводит следующие данные. За время войны от мобилизации уклонились 21576 человек «по болезни», ещё 15000 человек скрылись за границей, а 9000 дезертировали. Ещё одним недостатком, сильно отразившемся на качестве боливийских пополнений, был очень низкий

образовательный уровень призывников, который усугублялся военной безграмотностью значительной части офицерского корпуса. Кроме этого не на высоте оказался и унтер-офицерский корпус. Подготовка младших командиров осуществлялась в школе сержантов и окружных учебных командах, куда отбирались *чоло* со средним образованием и лучшие солдаты за отличное знание службы. Поскольку последние составляли цвет армии, их направляли в сержантскую школу в Ла-Пасе. Кроме того, было установлено производство достойных солдат в унтер-офицеры за боевые отличия.

В 1932 году в стране действовали два учебных заведения подготовки офицеров: Военный колледж, где обучались 140 кадетов, и курсы офицеров запаса. Боливийский командир выходил из военной школы совершенно неподготовленным к какой-либо работе со своим взводом. Он еще мог в мирное время обучать своих солдат строевым и ружейным приемам, движению в колонне и развертыванию в густую цепь. Однако в боевых условиях этого было явно недостаточно. Для пополнения офицерского корпуса во время войны были установлены следующие требования. От кандидата требовалось:

- общеобразовательный ценз;
- обязательное предварительное пребывание в строю (от 3 месяцев до года).

Независимо от рода войск кандидаты, удовлетворявшие этим условиям, направлялись на курсы подготовки офицеров в Ла-Пасе. На них облегчался доступ заслуженным сержантам, но для них устанавливался более продолжительный срок обучения в отношении общего образования. Длительность пребывания на этих курсах колебалась от 6 недель до трех месяцев для пехоты и от 3 до 10 месяцев для остальных родов войск. Она зависела не только от уровня знаний кадетов, но и срока их пребывания в армии. В последний год войны характерным признаком обучения в школе было преобладание практики над теорией. По окончании обучения кадеты выпускались в чине альфереса на должности командира взвода. Для дальнейшего роста офицеры ускоренных выпусков должны были командироваться в Военную Школу на краткосрочные курсы усовершенствования офицерского состава.

Политизация офицеров сильно сказывалась на всех уровнях командования. Она породила патронаж– протекционизм и имела чрезвычайно негативные последствия в области управления войсками (например, «раздувание» штабов различного уровня). Вследствие этого офицерский корпус превратился в замкнутую корпорацию, отличавшуюся политическим ретроградством и жестким консерватизмом. Наименее политизированной и наиболее образованной его частью были артиллеристы. Это объяснялось тем, что этот род войск оказался за бортом политики, поскольку *роске* было важно количество штыков и сабель, находящихся в распоряжении ее сторонников. Высокий профессиональный уровень привел к тому, что многие из артиллеристских офицеров во время конфликтов быстро росли в должности, перескакивая с командования батареей на общевойсковые соединения. Вследствие этого они не успевали передать свой опыт преемникам. Такой отбор кадров породил ряд специфических черт, которые негативно отразились на слаженности военной машины.

Классическими недостатками офицерского корпуса Боливии были:

- порожденные образом жизни креольской элиты пассивность и неспособность к длительному напряжению воли, беспечность и небрежность, сильно развитая способность к критике и излишняя болтливость;
- отсутствие гражданской дисциплины, подмененной корпоративностью;
- отсутствие солидарности и взаимное недоверие, вызванное интригами в офицерской среде;
- нервозность на поле боя, вызванное военной безграмотностью.

Несмотря на личную храбрость, многие офицеры терялись в сложных обстоятельствах и быстро падали духом. Часто старшие начальники старались избежать ответственности и риска. Эти изъяны их характера были незаметны в мирное время, но рано или поздно проявились

на фронте. Решительность, самоуверенность и предприимчивость в бою были присущи только небольшой группе офицеров, ставших героями войны. (Б.Риоха, Д.Торо, Г.Буш).

Неплохое состояние боливийского бюджета позволяло стимулировать офицерский корпус. Денежное довольствие командиров строилось по немецкому образцу, где оклад назначался за выслугу и занимаемую должность. В соответствии с этим правилом любой военнослужащий получал основной оклад и доплату за командование. Кроме того, существовали доплаты за семейное положение и выслугу лет, ранения и пребывание в зоне боевых действий. Это позволяло поднять заработок офицера еще в полтора раза, что обеспечивало достаточно высокий для боливийского общества жизненный стандарт. Чтобы заручиться поддержкой армии Э.Силес накануне Великого кризиса установил следующие ставки месячного оклада офицеров (в золотых боливиано): у альфереса – 150, младшего лейтенанта – 200, лейтенанта – 230, капитана – 280, майора – 330, подполковника – 430, полковника – 500, а генерала – 600. Несмотря на то, что жалование было в два раза ниже европейского, оно было чрезвычайно высоко для Латинской Америки. Выплаты солдатам и сержантам были существенно ниже. Так, солдаты и сержанты срочной службы помимо пайка получали от 8 до 18 боливиано. Нижние чины имели систему поощрений, которая распространялась только на них. Это могли быть льготы и дополнительные выплаты за беспорочную службу, а также специальные премии за боевые операции. Рядовой сверхсрочник за вычетом содержания получал на руки уже 20 боливиано, а сержант – 40. Высокая степень материальной защищенности делала кадровую армию привилегированной кастой, действующей в собственных интересах внутри республики и защищающую территориальную целостность Боливии.

Боливийская парадная военная форма копировала прусские образцы начала века, но полевая была упрощена и представляла собой серо-зеленый френч с широкими карманами спереди и сбоку. Офицеры носили фуражки, а солдаты – кепи, напоминающие панамы. Знаки различия офицерского для состава имелись на погонах, а в петлицах помещались номера частей или знаки подразделений. Младшие офицеры в чине от второго лейтенанта до капитана носили матерчатые серо-зелёные погоны, отличавшиеся только количеством вышитых на них шестиконечных матерчатых звёзд. Старшие офицеры от майора до полковника имели посередине погона широкую полосу, на которых в ряд располагались точно такие же звёзды, как и у младших офицеров. Широкая полоса на погоне имела цвет рода войск, к которому принадлежал конкретный офицер. Генералы носили красные погоны с широкой золотой полосой посередине. На ней в ряд располагались золотые звёзды. У маршала их было три, генерала – две, а генерал-лейтенанта – одна.

Материальное превосходство Боливии над Парагваем особенно заметно, если сравнить источники снабжения и объемы поставок воюющих сторон оружием, боеприпасами, продовольствием и прочим военным имуществом. В то время как парагвайские войска испытывал недостаток во всем, начиная от пушек и пулеметов и заканчивая обувью, боливийские солдаты по сравнению с ними порой «купались в роскоши». Боливийская военная форма представляла собой в рубаху и брюки цвета хаки. В качестве форменной обуви служили высокие ботинки темно-коричневого цвета, называемые *chocolateras*, а в качестве головного убора служила круглая кожаная шляпа с широкими полями. В состав снаряжения каждого военнослужащего входили фляга, саперная лопатка, одеяло и противомоскитная сетка. В качестве индивидуального оружия пехотинцы получали винтовку *Маузера* со штыком немецкого образца, а солдаты прочих войск – карабины. Если пулеметчики, саперы и артиллеристы в качестве холодного оружия также имели штыки, то кавалеристы – сабли и пики. Первые номера пулеметов вместо карабинов вооружались пистолетами. Офицеры могли приобретать личное оружие по собственному вкусу.

Интендантская часть боливийской армии оказалась плохо приспособленной к выполнению задач, поставленных перед ней. Не учитывая природно-климатические особенности Чако,

она не смогла обеспечить солдат достаточным количеством медикаментов, обмундированием, быстро приходившим в негодность в дебрях Чако, и солью, необходимой для организма в условиях жаркого климата. Норма довольствия у боливийских солдат включала 300 г свежего мяса, 80 г сухого мяса, 300 г зерновых культур, 200 г хлеба или муки, 50 г сахара, 30 г соль и 5 г коки или кофе. Обычный рацион военнослужащих состоял из фляги кофе и куска хлеба или сухаря на завтрак и ужин, а обед состоял из чашки супа *llagua* (типа русской сборной солянки) и хлеба. Если этого было почти достаточно в условиях казармы и окопного сидения, то во время длительных маршей и не менее тяжелых боев солдаты быстро теряли силы. Поэтому, при первой возможности интенданты старались добыть мяса. Обычным способом поднятия боевого духа боливийцев стала раздача листьев *коки*, поднимавших тонус солдат. По правилу, введенному генералом Г.Кундтом, офицерский и солдатский пайки в армии не различались и составляли 25 боливiano в месяц. На практике командный состав боливийской армии питался самостоятельно или в офицерских столовых, куда рядовые не допускались. Приготовление пищи осуществлялось при помощи полевых кухонь. Штатное расписание предусматривало наличие одной полевой кухни на 225 человек. Жили солдаты в палатках различной вместимости (10-ти и 20-ти местных).

Не на высоте оказалась и организация медицинской службы. По штату каждый полк должен был иметь трех врачей при штабе и по 1 – на каждый боевой батальон. Количество санитаров было в четыре раза больше (по 1 роту или 2 на эскадрон). Считалось, что одного врача будет достаточно на 50 больных, а санитары – на 10. Однако, эти пропорции редко соблюдались, поскольку находившиеся в стрелковых цепях санитары выбывали из строя, а замена им приходила в последнюю очередь. Аналогичная ситуация была с врачами: многие из них были неплохими хирургами, но оказались беспомощными в борьбе с укусами насекомых. Нехватка медикаментов и врачей привела к тому, что раненые солдаты редко могли избежать ампутации. Несмотря на присутствие врачей в стране многие из раненых стали калеками из-за того, что при транспортировке и операциях нельзя было обеспечить стерильность. На первом этапе войны действовали в основном смешанные отряды, составлявшие конгломераты подразделений из различных полков, в которых как правило не было даже санитаров. В этих условиях для медицинской части оказалась сложной организовать борьбу с насекомыми и другими ядовитыми обитателями дебрей Чако и дизентерией. Это привело к неоправданно высокой заболеваемости солдат и смертности тяжелораненых.

Отсутствие собственной промышленной базы сделало боливийскую армию зависимой от поставок оружия из-за границы. Этим она не сильно отличалась от своих соседей. К началу 20-х годов Боливия в военно-техническом отношении стала постепенно отставать. Это было связано с тем, что генералы-либералы рассматривали армию как опору внутри страны, а не орудие экспансии. Приход к власти радикалов привел к смене политического курса: при поддержке государственного департамента США Ла-Пас реанимировал территориальные споры с Чили и Парагваем. Курс на их силовое решение привел к гонке вооружений в Южном Конусе. Благодаря деятельности президентов Х.Б.Сааведры и Э.Силеса боливийские вооруженные силы располагали 59000 винтовками, 600 ружьями пулеметами, 316 станковыми пулеметами, 136 артиллерийскими орудиями, 34 самолетами всех типов, 5 танками и танкетками, а также 200 американских грузовиков. Этого оружия хватало для оснащения 100 батальонов и 34 артиллерийских батарей.

Для снабжения войск на ТВД была создана колонна, которая обслуживала центральный склад в Вилья-Монтес. Ее связь с полевым складом в *Муньосе*, *Роборе* и *Пуэрто-Суаресе* должны были осуществлять транспортные роты дивизионных полевых парков. Однако с формированием корпусов эти функции были переданы им. Дивизионные распределительные пункты направляли боеприпасы и продовольствие в полки. По расчетам боливийского Генерального штаба для снабжения 20000 солдат в Чако требовалось доставлять не менее 445 тонн

грузов в день, в том числе 230 тонн боеприпасов, 180 тонн продовольствия и фуража и 35 тонн горючего. Для этого требовалось 300 1,5-тонных грузовиков или 9000 вьючных животных. В связи с этим транспорт стал важнейшим элементом, влиявшим на боеготовность страны. Создание мощного автопарка отражало стремление военных обеспечить надежное снабжение, однако до полной реализации проекта не хватило средств. По рекомендации Г.Кундта Э.Силес акцептировал приобретение для нужд армии 600 грузовиков. Однако его отставка повлекла остановку этого проекта, и войска получили только 200 машин. Автомобильный транспорт был развернут в службу автомобильного обоза, состоявшего из управления, мастерских, 4 рот (по 50 машин) грузоподъемностью 75 тонн каждая. Даже с авиацией и железнодорожниками этого оказалось недостаточно. В связи с этим была проведена мобилизация частного автотранспорта.

Вследствие этого число автотранспортных рот возросло до 11, а их общая грузоподъемность достигла 800 тонн. Этого было недостаточно для сиюминутного обеспечения 20000 человек в Чако с учетом того, что часть автотранспорта должна была быть выделена для переброски резервов (80 грузовиков брали пехотный батальон) и моторизации артиллерии (около 100 машин). Вследствие этого при корпусах были созданы промежуточные склады и парки, в которых создавался резерв военного имущества. Он накапливался в периоды затишья (во время периода дождей) и расходовался в период интенсификации боев. Ситуацию спасало то, что численность боливийских войск в центре Чако не превышала 20000 человек. Впоследствии, когда коммуникации сократились, обеспечение войск сразу улучшилось. При этом следует отметить, что численность войск выросла сначала втрое, а затем впятеро.

Предвоенные боливийские нормы обеспечения боеприпасами копировали рейхсвер. При их расчете военное министерство исходило из того, что в случае вооруженного конфликта с Чили и Перу из-за выхода к океану у Боливия может оказаться отрезана от внешнего мира. Благодаря деятельности генерала Кундта, эти нормы и принципы снабжения учитывали опыт мировой войны (патроны: 400 – на винтовку, 8000 – на пулемет, снаряды – 1000 на пушку, 800 на гаубицу). Всего перед войной Боливией должна была иметь 36 миллионов патронов и 136 тысяч снарядов, но фактически патронов было гораздо больше – 74 миллиона.

Тактика боливийской армии разрабатывалась Г.Кундтом и его немецкими помощниками с учетом опыта мировой войны. Она базировалась на германских уставах и вследствие этого в своей основе была наступательной: строевой пехотный устав 1906 года, рассматривавший как основные встречный бой и атаку, был дополнен инструкцией «Наступление в позиционной войне» 1918 года. Другой настольной книгой боливийских военных было наставление рейхсвера «Ведение боя с применением всех видов оружия». Кроме них изучался опыт колонны К. Престеса, с участниками которой установились тесные контакты во время их интернирования в Боливии. Несколько тысяч восставших за 28 месяцев прошли 25000 километров по территории 14 штатов Бразилии (от Рио-Гранде-да-Сул до Мату-Гросу). В ходе движения колонна выдержала 53 боя с войсками правительства и милицией штатов. Этот опыт был воспринят боливийскими военными однобоко, но они смогли ценить роль автоматического оружия в джунглях. При ползучей агрессии в Чако они стали применять особую тактику, высылая сильные патрули для исследования местности. Обнаружив выгодную позицию, обладающую источником воды, они немедленно высылали за подкреплением и основывали *фортин*. Затем к нему прорубалась тропа или строилась дорога. Закрепившись на новом месте, боливийское командование высылало новые патрули. Эта тактика была оправдано в условиях «тактической пустоты», т.е. слабого присутствия противника. Подобным способом боливийские генералы пытались действовать в начале войны, атаковав парагвайские фортины по всем направлениям. Это дало некоторый успех, но затем привело к поражению о Бокерона.

При столкновении с крупными силами противника командиры всех уровней, несмотря на знакомство с основными положениями общевойскового боя, часто пренебрегали боевым охранением и маневром, действуя напролом, что вело к высоким потерям и падению боевого

духа войск. Главным постулатом боливийских военных перед войной был тезис Г.Кундта, что победа достигается вследствие постоянной энергичной атаки противника. Его применение на поле боя породило основной недостаток боливийского тактического построения – отсутствие резервов. Стремясь ввести в боевую линию максимальное число бойцов, боливийские командиры старались первым натиском сломить сопротивление противника. Вследствие этого для исправления критических ситуаций они должны были использовать поваров и музыкантов. Основной тактической схемой при наступлении было разделение боевой линии на три части. При наступлении фланговые колонны старались охватить боевые порядки противника и заставить его отойти с занимаемых позиций под угрозой обхода с тыла. Вследствие плохой организации войсковой разведки маневры этих колонн были неглубоки и превращались в лобовые атаки укреплений противника. В случаях глубоких обходов и охватов разрыв связи приводил к потере управления войсками и успех боя зависел от частной инициативы офицеров обходящих подразделений. Шаблонное стремление к охвату приводило к утончению боевых порядков наступающих, что обрекало их на неудачу.

В бою командиры боливийской армии ставили своим войскам задачи не на уничтожение войск противника, а на достижение того или иного рубежа или пункта, что чрезвычайно сковывало инициативу полковых и батальонных командиров и приводило даже в случае успеха к большим потерям. Тактические решения во время боя часто сводились к выдавливанию противника с позиции на позицию. Это совершалось не за счет маневра огнем, а старым дедовским методом – штыковой атакой. Однако, то что хорошо было в эпоху Боливара, не годилось для XX века. Боливийская пехота в начале войны наступала в густых стрелковых цепях и старалась выйти на дистанцию штыкового удара, а не поражать врага издалека. При этом, предполагая плохое оснащение противника современным оружием, боливийское командование считало излишним артиллерийскую подготовку. Убедившись в ложности известий об огневой мощи противника, Г.Кундт и его ученики попытались достичь победы, применив новые виды оружия (танки, авиацию, огнеметы) и выдвинув артиллерию на прямую наводку. Если применение авиации на поле сражения давало свой эффект, то использование огнеметов и танков не дало результата, поскольку были нарушены основные принципы их использования на поле боя.

Особенности ТВД ограничивали применение пушек, стрелявших по настильной траектории и использовавших шрапнель. Уже перед войной это осознавалось командованием, которое включало в состав дивизий одну – две батареи. Более массивное использование орудий планировалось на втором этапе при бомбардировке Асунсьона. Однако из-за допущенных просчетов плотность артиллерии в боевых порядках оказалась низка, и создание огневого кулака невозможно. Немногочисленные дивизионные орудия распылялись между участками обороны, что позволяло отражать атаки противника, но было недостаточно для подготовки атаки собственных войск. Это было следствием пренебрежения артиллеристским делом среди кадровых боливийских офицеров, а также неумением самих артиллеристов вести огонь с закрытых позиций. Они достигали большего эффекта только при выдвижении пехотных пушек *Виккерса* на прямую наводку.

ГАНС КУНДТ

ХОСЕ ФЕЛИКС ЭСТЕРГАРРИБИЯ

6. Вооруженные силы Парагвая.

Структура командования и численность. Медицина и снабжение. Организация, штаты вооружение. Экипировка и довольствие, комплектование и боевая подготовка. Тактика.

К началу 1932 года военно-политическое руководство Парагвая осознало неизбежность столкновения с Боливией. Структура обороны страны замыкалась на главе государства, который по конституции 1870 года являлся верховным главнокомандующим. Его помощником в кабинете являлся военный и морской министр, которым в годы войны был Л.Риарт. В его распоряжении был небольшой аппарат (30 человек), а в непосредственной функции входило решение административно-финансовых вопросов. Кроме центрального аппарата в министерство входили 9 (позже 10) главных управлений (Direccion General): флота, гидрографии, arsenалов, инженерное, интендантское, военных материалов (закупок), авиации, военно-медицинское и военных сообщений, из которого позже была выделена связь. В компетенцию каждого из них входило решение вопросов в конкретной области обеспечения войск. Хотя штаты были унифицированы, их личный состав постоянно менялся, что сказывалось на качестве работы. Военному Министерству подчинялись военный госпиталь в Асунсьоне, арсенал, военные коменданты и 7 военных школ (Военная, Флотская, Летная, Военных и Флотских специалистов, субофицеров и сержантов, а также Высшая военная).

Непосредственное командование армией и речной флотилией осуществлял военный командующий (КОМАНГЕР), которому подчинялся Генеральный Штаб, и региональные командующие, располагавшие собственными управлениями. Они являлись старшими воинскими начальниками и формально подчинялись военному министру, поскольку, как и он, назначались президентом. Каждый из них самостоятельно руководил своими частями и судами: проводили кадровые перемещения, устанавливали их дислокацию, определяли оперативное подчинение. Командующие отвечали за боеготовность вверенных им войск, их дисциплину и довольствие. Командующим парагвайской армии (КОМАНГЕР) был полковник М.Рохас, который накануне войны был произведён в генералы. Помимо главного командования на ТВД были созданы региональные: КОМАНОР (п/полк. Санчес) и КОМАНСУР (п/полк. Эстиргаррибия). Их руководители отвечали за два основных района, в которых планировалось вести боевые действия против Боливии: верховья реки Парагвай и центральные районы Чако. Уже в предвоенное время здесь были созданы штабы Второй и Первой дивизий для оперативного руководства войсками. Особое положение в офицерском корпусе занимал бывший начальник Генерального Штаба подполковник Эстераррибия, который к тому же был личным другом президента Э.Айялы.

Вместе с тем, у парагвайского президента и военного министра было больше возможностей для вмешательства в военное строительство и планирование. Это было связано с тем, что Генеральный Штаб занимал в структуре командования обособленное положение. Его структура являлась отдалённой копией русских штабов мировой войны, поскольку его организацией занимались русские. Ядром Генерального штаба было Управление квартирмейстера (аналог русского Главного Управления Генерального Штаба), которое имело три отдела-бюро. Они занимались:

S1 оперативный – планированием военных операций,

S2 информационный – мобилизацией и военной статистикой (сбор разведывательной информации),

S4 организационный – обучением войск (Военный колледж, колледж Генштаба, кадры и подготовка офицеров резерва) и военным управлением (снабжение войск, медицина, транспорт),

Адъютантская часть (аналог Управления дежурного генерала) во главе с генералом Н.Ф.Эрном ведала канцелярией, кадровыми и хозяйственными вопросами. Ей подчинялись военный прокурор, инспекции родов войск, комендант, офицеры связи, военная полиция и служба военных сообщений. Последняя помимо обеспечения транспортных путей и линий связи следила за порядком в армейском тылу, обеспечивала военную цензуру и охрану военных объектов.

Секция картографии была создана под руководством генерала И.Т.Беляева. В ходе Чакской войны эта секция координировала сбор разведывательной информации. Она, совместно с бюро военной статистики Управления квартирмейстера, в котором перед войной были созданы шифровальный и технический отделы, обеспечивала действующую армию информацией о ТВД и противнике.

Первоначально военная разведка была организована в составе Военного министерства, но затем перешла в ведение Генерального Штаба. Её первой военной акцией стала миссия капитана А.Брея, осуществлённая в апреле 1924 года. Под именем Артур Брайтон он въехал в Боливию по аргентинским поддельным документам. Он пересёк её территорию по маршруту Тартагал–Якуиба– Вилья Монтеc– Санта Крус–Пуэрто–Суарес. Вернувшись в Асунсьон через бразильскую территорию, парагвайский лазутчик представил обширный доклад о положении на юге Боливии и её приготовлениях по продвижению в Чако. Именно он стал причиной обращения военного министра Л.Риарта к генералу И.Т.Беляеву с просьбой организовать систематическое изучение Чако. Вторая военно-разведывательная миссия была осуществлена подполковником Э.Гараем в мае 1927 года после инцидента с лейтенантом Рохасом Сильвой. Он обследовал район Корумбы. Доклад послужил основой для повышения мер безопасности в районе Баия Негра. Уже в августе это дало свои результаты: в районе фортифа Галтон парагвайцы захватили в плен начальника штаба 4 боливийской дивизии вместе с группой сопровождавших его офицеров.

Разведывательные органы в дальнейшем совершенствовались совместными усилиями отдела G2 Генерального Штаба аргентинской армии и русскими эмигрантами. Если С.Н.Керн при содействии генерала Н.Ф.Эрна создал войсковую разведку, то аргентинский военный атташе в Парагвае полковник Швейцер и члены РОВСа – агентурную. Используя дипломатические каналы, он поставлял информацию о неприятеле в распоряжение высшего руководства Парагвая. В обмен на нее аргентинцы добились создания в Асунсьоне своей резидентуры (к концу войны ее численность достигла нескольких десятков человек). Войсковая разведка велась специальными отделами дивизионных штабов. Почти в каждом из них работал русский специалист (например, в 1 дивизии – Н. Гольшмидт, а после него – С.Н.Керн). Важную роль в изучении ТВД сыграли экспедиции, которые возглавлял лично И.Т.Беляев, и батарея топографической разведки, организованная Л.Л.Лешем. В речной флотилии аналогичную роль играло гидрографическое управление во главе с князем Я.К. Тумановым. Благодаря их деятельности парагвайское военное руководство имело гораздо лучшее представление о ТВД, чем его противник. Уже в ходе Генеральный штаб парагвайской армии по совету генерала Беляева попытался организовать диверсионную деятельность. Для этого было создано специальное формирование – кавалерийский полк *Герильерос де ла муэрте (Партизаны смерти)* во главе с Пласидо Харой. Этот отряд формировался исключительно из добровольцев, среди которых были индейцы Чако и аргентинцы. Его задачей были операции на коммуникациях противника. Однако эта затея не увенчалась успехом.

В составе службы военных сообщений имелся центр радиоперехвата с группой дешифровщиков, который активно сотрудничал с аргентинскими коллегами. Благодаря их работе

парагвайцы узнавали планы боливийского командования раньше, чем его подчиненные. В рамках службы военных сообщений существовал ряд органов, выполнявших в комплексе функции контрразведки. В их состав входили военная полиция, трибунал и органы цензуры. Военная полиция была организована по принципу жандармерии и имела отделения в каждом из военных округов и речную секцию. Полномочия сотрудников военной полиции были широки, что позволяло быстро восстанавливать порядок. При создании корпусов были созданы еще 3 группы военной полиции и в нее были включены криминалисты. Впоследствии ее опыт был использован парагвайскими диктаторами, превратившими ее в политическую полицию. Военная полиция очень тесно сотрудничала с полевой почтой, которая проводила перлюстрацию всей частной переписки военнослужащих. Ее работа облегчалась тем, что более половины солдат не были грамотными. Первоначально органы цензуры входили в состав полевой почты, но затем их переподчинили военной полиции.

Особняком от полиции и цензуры стояла система военной юстиции, подконтрольная военному министру. Перед войной в ее систему входил Военный трибунал со следственной частью во главе с военным прокурором. В разное время его аппарат насчитывал от 26 до 51 сотрудника, включая 15-20 офицеров. Несколько позже были созданы военные трибуналы при штабах корпусов. Они также насчитывали пять членов, из которых четыре были строевыми офицерами, а пятый – прокурором. Такая система судов была важным элементом поддержания военной дисциплины: большинство рассмотренных ею дел касались дисциплинарных проступков, в первую очередь, мародерства. В отличие от *трибуналов крови* Ф.С.Лопеса военные суды Чакоской войны были объективны и часто выносили оправдательные решения.

Военное ведомство на территории республики было представлено военными комендантами, которым подчинялись этапные части, военные склады и подразделения, а они, в свою очередь, – военному министру. После отправки основной массы войск на фронт в округах Восточного Парагвая оставалась небольшая охрана военных объектов и сельская полиция. Штат комендатур был невелик, но они тесно сотрудничали с охранными частями, сельской и военной полицией. В случае необходимости в распоряжении комендантов выделялись запасные и учебные части. Окружные коменданты взаимодействовали с территориальными отделениями управлений министерства при размещении производства и организации закупок. Однако основной их задачей было пополнение армии живой силой, в частности, выявление уклонистов и дезертиров.

Снабжение парагвайской армии первоначально возлагалось на военное министерство, в котором существовал военно-административный департамент. Он имел в своём составе 3 отдела: казначейский, продовольственный и вещевого. Впоследствии он был передан в состав Генерального Штаба и выполнял функции Военного интендантства. Боевые припасы и довольствие войск концентрировалось на главном армейском складе в Асунсьоне, а оттуда перебрасывалось в Исла-Пой, где располагалась передовая база снабжения действующей армии. Исключение составляли только части 3 дивизии, ВВС и речная флотилия, снабжавшиеся напрямую из Асунсьона. Из Исла-Пой довольствие и боеприпасы распределялись по дивизионным паркам. По совету французской военной миссии в Коммерческой Школе Асунсьона были организованы курсы военных интендантов.

Связь Асунсьона с Исла-Пой осуществлялась силами речной флотилии и мобилизованного персонала железных дорог, ведущих вглубь Чако (Пуэрто-Пинаско (75 км), Пуэрто-Касадо (160 км) и Пуэрто-Састре (76 км)), а также линии Концепсьон-Оркета (20 км) и Асунсьон-Энкарнасьон (252 км). Центральная железная дорога сыграла важную роль при мобилизации и снабжении. За годы войны по ней, не считая грузов, было перевезено полмиллиона парагвайских солдат и шестьдесят тысяч военнопленных. Грунтовая дорога от Минас-Куэ до Исла-Пой, где располагались тылы армии, обслуживалась гужевым транспортом, состоявшим

из вольнонаемных. Уже первые дни войны показали неэффективность последнего. В это время в армии по штату было очень мало грузовиков: один на полк и два – на дивизию. Полковые грузовики служили для интендантских нужд, а дивизионные – для санитарных. Перед началом военных действий в распоряжении фронта было всего четыре грузовика. По мере прибытия новых частей и соединений, а также мобилизации частного автотранспорта (62 единицы) их число постепенно росло и достигло полусотни. Вследствие частых поломок многие из них стояли в ремонте, поэтому для перевозки использовались два или три десятка. Для пополнения армейского автопарка парагвайское правительство срочно закупило в Италии партию грузовиков *Pea*. Они были заказаны под видом сельскохозяйственных машин. Затем последовали новые партии грузовиков *Форд* и *Шевроле*, приобретаемые через Аргентину. По мере поступления автомобилей на фронт и захвата трофеев в частях и соединениях создавались транспортные секции и взводы, постепенно вытеснившие гужевой транспорт. Автотранспортные секции (4 грузовика, 10 солдат) появились в каждом полку, а взводы (20 грузовых и легкой автомобили, 27 солдат) – в дивизиях и корпусах. На театре военных действий интендантством были развернуты хлебопекарня, скотобойня, отделение полевой почты и военной цензуры, полевая мастерская по ремонту и эвакуации техники и вооружения, команда по сбору трофеев и охране пленных.

Вступавшая в войну парагвайская армия имела по сравнению с 1928 годом больше оружия. В июне 1932 года на ее вооружении находились 21000 винтовок и карабинов *Маузера*, 376 ружей-пулеметов *Мадсена*, 58 станковых пулеметов (*Максима*, *Виккерса* и *Кольта*), 24 миномета *Брандта-Стокса*, 65 полевых орудий (8 горных гаубиц, 31 горных, 11 морских и 15 зенитных пушек), 26 самолетов и 7 боевых кораблей. Значительная часть пехотного оружия (7000 карабинов, 200 пулеметов и 10 миллионов патронов к ним) была доставлена в 1929 году и обошлась казне в 730000 долларов. Этого оружия было достаточно, чтобы оснастить современным оружием 6 пехотных и 3 кавалерийских полков, 3 артиллерийские группы и 2 инженерных батальона. По мере развертывания новых частей выявилась нехватка различных видов снаряжения, в первую очередь, боеприпасов. Это было связано с тем, что военное министерство в целях экономии средств приобретало у Шнейдера не тысячу снарядов на артиллерийский ствол, а только 200-300. Вследствие этого в парагвайских арсеналах оказалось очень мало минометных мин (2400 штук) и снарядов (15800 всех калибров).

Запасы оружия и боеприпасов вследствие эмбарго и блокады трудновосполнимы. Содержание тех незначительных военных грузов, которые удавалось получить из-за границы, тоже было недостаточно. Трофеи, захваченные в ходе боевых действий, были главным источником вооружения парагвайской армии. Однако они не могли быть использованы вследствие поломок или загрязнения. Чтобы привести их в порядок требовалось тщательно их почистить и отремонтировать. Эту задачу выполнял военный арсенал *Сайония*. Его основа была заложена еще в XIX веке, когда правительство *колорадос* приобрело два станка для набивки гильз. Здесь же возникли кустарные мастерские по ремонту стрелкового оружия. В 1926 году М.Скенони назначил директором арсенала был капитана 2 ранга Х.Боцано. Этот военно-морской инженер, обучавшийся в Соединенных Штатах, энергично взялся за дело и провел модернизацию арсенала. Им были созданы пороховое и гильзовое отделения, увеличена мощность снаряжательного отделения. Два года спустя в арсенале были построены цех колючей проволока и литейная. Уже в ходе войны под руководством братьев Оранжереевых и Зимовского были созданы цеха, производившие минометные мины и ручные гранаты. Всего за годы войны было произведено 27000 минометных мин и 300000 ручных гранат *Карумбе I* местного производства.

В годы войны на *Сайонии* было двадцать четыре специализированных отделов, на которых работало восемь тысяч местных и иностранных специалистов. Они обслуживали и ремонтировали оружие, машины, корабли и точные приборы, производили боеприпасы, взрывчатые вещества, котлы, больничные койки, небольшие лодки, обшивали грузовики дополнительной защитой. При *Сайонии* действовали курсы, которые готовили также готовили водителей-механиков для действующей армии. Всего на них было обучено 3000 человек.

Арсенал кооперировался с частными мастерскими. Наиболее важной из них была судостроительная верфь в Сан-Исидро, которая помимо мощностей обладала собственным транспортом. На ней из обломков двух парагвайских *авизо*, уничтоженных боливийской авиацией, было построено новое, получившее название *Лейтенант Фигари*. Кроме верфи и пары частных оружейных мастерских на нужды армии работали мастерские при паровозном депо в Сапукае и ряд частных автомастерских в Асунсьоне. Авиационные мастерские в Нью-Гуасу смогли восстановить поврежденные *Потезы*, *Фиаты* и упавший в расположении парагвайских войск боливийский разведчик *Веспа 149*. Снабжение прочим военным имуществом обеспечивали как частные, так и государственные предприятия. Так, проблему обмундирования войск в мирное время обеспечивала хлопчатобумажная фабрика *Дель Акуа и К**, а обуви – армейские коженные мастерские и поставки из-за границы. В военное время на армию стала работать мануфактура *Пилар* и многочисленные частные коженные мастерские. Помимо собственно обмундирования они производили сёдла и сбрую, москитные сетки и палатки, ремни и под-

сумки. Таким образом, на нужды войны с первых дней были задействованы все наличные мощности. Уже в первый период войны Боцано, чтобы сократить время обслуживания армейского имущества, развернул передовую ремонтную базу в центре Чако под началом капитана 1 ранга Шойлинга. Её наличие заметно повышало эффективность использования оружия парагвайцами.

После поражения в войне с Тройственным Альянсом парагвайская армия долгое время представляла собой разнородный конгломерат подразделений разных родов войск. Полковая структура армии была восстановлена президентом А. Харой. В 1923 году общая численность парагвайской армии составила 1889 человек. Они были распределены среди трёх полков, численность которых колебалась в интервале между 550 и 750 человек. По штату каждый полк должен был состоять из кавалерийского эскадрона, 2 пехотных батальонов и артиллерийской батареи. Фактически в 1927 году вооружённые силы Парагвая имели следующий состав:

- 3 пехотных полка (Баия Негра, Консепсьон, Асунсьон),
- кавалерийский полк(Парагуари),
- 2 отдельных кавалеристских эскадрона (Баия Негра и Сан Хоакин),
- 1 отдельная артиллеристская батарея в Канго,
- 1 артиллеристская группа в Такумбу,
- артиллеристски парк(рота),
- интендантская рота,
- медицинская рота,
- 3 пограничные заставы в Чако,
- рота речной флотилии,
- Военная Школа,
- Авиационная Школа,
- курсы медицинских сестёр,
- школа судовых механиков,
- военный и морской арсенал.

В 1925 года Боливия разместила заказ у *Виккерса* на 3 миллиона фунтов стерлингов. Известие об этом открыла региональную гонку вооружений. Опасаясь своего северного соседа, парагвайское правительство утвердило свою программу. Она получила название *План Скенони*. Кроме закупок оружия он предусматривал создание в каждом из военных округов Восточного Парагвая “автономной группы. Каждое соединение должно было включать 3 пехотных и кавалерийский полки, инженерный батальон и артиллерийскую группу (дивизион). Французская миссия, основываясь на опыт европейской войны предлагала троичную структуру организации.

Всего предполагалось развернуть армию в 35000 человек, но для её формирования денег в казначействе просто не было. В урезанном виде она была представлена Конгрессу. Ею, в частности предусматривалось, увеличение кадровой армии до четырёх тысяч человек и создание резерва численностью от 24 до 30 тысяч. Президент Элигио Айяла сильно урезал аппетиты военных и санкционировал создание армии в десять тысяч человек. Её основой стал смешанный полк в составе 1455 человек:

- 2 пехотных батальона по взводу кавалерии, две стрелковые и пулемётная роты в каждом,
- эскадрон, в составе трёх уланских и пулемётного взводов,
- горная батарея из 4 орудий,
- взвод связи с двумя радиотелеграфными станциями,
- секция миномётов Брандта-Стокса,
- медицинская секция,
- интендантская секция.

Глава французской военной миссии полковник Куле предлагал создать как-минимум три таких полка, которые должны были быть направлены в Чако в составе дивизии. Вторую такую дивизию планировалось иметь в резерве. Трёхротный батальон должен был иметь на вооружении 2 миномёта, 2 станковых и 27 лёгких пулемётов. По идее французской миссии станковые пулемёты и миномёты должны были составить группу поддержки батальона, а ружья-пулемёты распределялись по стрелковым отделениям. Всего в составе кадровой армии планировалось иметь 5820 пехотинцев и 425 кавалеристов, на вооружении которых должно было поступить горная артиллерия (24 пушки и 8 гаубиц) и 8 миномётов.

Расчёты показывали, что каждое из соединений вместе с маршевыми частями и тыловыми подразделениями будет насчитывать около шести тысяч человек, половина которых будет задействована в первой линии.

Из соображений экономии формировалось только три полка различного состава. Первый полк предназначался для защиты Чако и состоял из 1 и 2 батальона, расположенных в Баия Негра и Консепсьоне. Уланский эскадрон совместно кавалерийским взводами размещался в Сан-Эстанислао. Штаб полка и остальные подразделения были расквартированы в Консепсьоне. Штаб и 5 батальон Второго полка размещался в Асунсьоне, его 3 батальоны – в Вилья-Айес, а остальные части – в Парагуари. Третий полк состоял только из 4 батальона, размещённого в Энкарнасьоне, и 3 эскадрона в Сан Игнасио. Формирование Четвёртого полка было запланировано на 1926 год. Президент Э.Айяла согласился с этим проектом и 17 августа 1925 года издал указ N21.211, утверждавший программу вооружений. Во исполнение его М.Скенони отправился в Европу и разместил заказы на 635822 фунтов стерлингов 11 шиллингов и 1 пенс. На 30 мая 1928 года из этой суммы были оплачены 526822 фунта 12 шиллингов и 8 пенсов. Анализ закупок показал, что приобретаемого тяжёлого пехотного оружия не хватит для оснащения армии по разработанному французами штату. В частности, для него не хватало 114 пулемётов (110 *Мадсенов* и 4 *Кольтов*) и 12 миномётов. В соответствии с планом Скенони 1925 года пехота должна была перейти на полковую организацию и быть увеличена с 8 (фактически 5) пехотных батальонов до 36. В 1926 году в этот план были внесены существенные изменения.

16 февраля из кавалерийских частей, размещённых в Сан-Игнасио, Сан-Эстанислао и Парагуари был сформирован 1 кавалерийский полк «Валуа Риварола» под командованием капитана Иррасабалы, вернувшегося после учёбы в Чили. В его составе было 22 офицера, 35 сержантов и 350 нижних чинов. В полку было три эскадрона и секция вьючных пулемётов. Одновременно с реорганизацией кавалерии из состава полков были выведены 1 и 2 артиллерийские батареи, объединённые в отдельную группу. В июне 1927 года все части в Чако были объединены под единым командованием. В пятый военный регион вошли гарнизоны Баия Негры, Фуэрто Олимпо, Пуэрто Касадо, Нанавы и фортов в долине Пилькомайо. Численность сухопутных войск к этому времени составила 3517 человек. В их числе были 3 генерала и 210 офицеров. 28 января 1927 года произошла очередная реорганизация пехоты. Три полка из четырёх были передислоцированы поближе к Чако. Так, 1 полк *2 мая* численностью в 613 человек был размещён в Консепсьоне, 2 *Итороро* с 855 людьми занимал Асунсьон, 667 солдат из 3 *Корралес* разместились в Пуэрто-Гуарани, занимая гарнизонами Фуэрте Олимпо, Баия Негру и Пуэрто Касадо. В Энкарнасьоне для защиты Восточного Парагвая оставался только один полк слабого состава. Это был 4 полк *Курупаити*, который насчитывал только 247 человек. Приказом от 24 августа 1928 года началось формирование двух новых полков. 5 полк *Генерал Диас* в составе двух батальонов и одной роты общей численностью 1001 человек был передислоцирован в Баия Негру, а 6 полк *Бокерон* силой в 604 человека развёрнулся на Вилле Айес. Во время мобилизации 1928 года их численность быстро выросла до десяти тысяч. Пехотные полки были развёрнуты до штатной численности в 1001 человека, а кавалерия сведена в полк. Он состоял из четырёх эскадронов и двух пулемётных секций и насчитывал 1641 человека. Непосредственно на линии соприкосновения с противником располагались с севера на юг

следующие полки: 5 пехотный *Генерал Диас* насчитывал 1001 солдат, 3 пехотный *Корралес* (5 и 6 батальоны) – 677, 1 пехотный *2 мая* (1 и 2 батальоны) – 613, 2 пехотный *Итороро* (3 и 4 батальоны) – 835 и 1 кавалерийский *Валуа Риварола*. Таким образом, вместе с кавалерией на линии фронта оказалось около четырёх с половиной тысяч парагвайцев против семи тысяч боливийцев.

Структура дополнительных закупок показывает, что парагвайское командование почти сразу отказалось от французской схемы организации армии. Это было связано не только с финансовыми трудностями, но и наличием нескольких оперативных направлений разной значимости выяснилась необходимость создания соединений менее громоздких, чем троичные дивизии. В соответствии с концепциями Х.Ф. Эстергаррибии и Х.Айялы, возглавлявших Генеральный Штаб, было принято решение о формировании двух-трёх оперативных соединений различного состава. К 1930 году основная часть заказанного оружия прибыла в страну и позволила начать формирование новых частей. Приказом от 30 июля в существующих пехотных полках развёртывались третьи батальоны, восстанавливался незадолго до этого расформированный 6 полк Бокерон и формировались два новых – 7 *24 мая* и 8 *Пиребибуй*. С прибытием вооружения из Европы артиллерийская группа Генерал Бругес и инженерный батальон Генерал Акино пополнили свои ряды, а кавалерия получила новую организацию. Сохранившиеся после мобилизации полки 1 *Валуа Риварола* и 2 *Коронель Монгелос* были уменьшены на один эскадрон. Из них был сформирован третий полк *Коронель Толедо*. В 1931 году парагвайская кадровая армия насчитывала 219 офицеров и генералов, 146 военных чиновников, 200 кадетов и 3325 солдат и сержантов. В резерве числилось ещё 511 офицеров и 14000 солдат.

С началом Великого Кризиса и неурядицах Боливии напряжённость в Чако несколько спала, что позволило демобилизовать три пехотных полка. Из освободившихся солдат была сформирована вторая артиллерийская группа *Коронель Эрмоса*, пополнены и приведены в боевую готовность гарнизоны на севере. Баия-Негру и Фуэрте-Олимпо усилили пулемётами и артиллерией. Несмотря на финансовые трудности в Пуэрто-Касадо продолжалось развёртывание 1 пехотной дивизии, командиром которой был назначен подполковник Х.Ф.Эстигаррибия. В 1932 году в Консепсьоне началось формирование 2 дивизии, а база 1 дивизии была перенесена в Исла-Пой. В начале 1932 года в Баия Негре был размещен штаб 3 пехотной дивизии, а в Пуэрто-Пинаско – кавалерийской. Они находились в эмбриональном состоянии. Так, К.Фернандес назначенный в августе 1932 года командиром 1 дивизии, писал, что у него в подчинении оказалось 2 вторых лейтенанта, интендант и доктор.

В целях экономии пехотные полки были переведены на штаты мирного времени. Теперь они состояли из двух батальонов, а группа огневой поддержки была переведена в структуру полка. Технические, хозяйственные и медицинские службы также были реорганизованы. В отличие от французского проекта, где главный упор делался на полковые службы, организация тыла была возложена на дивизионные управления. По новому расписанию в него входили штаб, разведывательно-шифровальный отдел, лазарет и интендантство с обозом и полевым парком. Штаб дивизии с группой связи осуществлял общее руководство соединением и состоял из нескольких десятков человек. В их распоряжении находился радиопередатчик, полевые телеграфная и телефонная станции. Разведывательный отдел становился важным элементом управления. Помимо собственно разведки в его функции входили перехват и дешифровка сообщений противника, обеспечение секретности и организация пропаганды. Дивизионное интендантство обеспечивало снабжение войск (довольствие, боеприпасы). Ему подчинялся небольшой полевой парк и обоз. В начале войны он был конным и представлял собой полсотни местных двухколесных повозок, приспособленных под перевозку военных грузов и раненых. При обозе имелся шанцевый и столярный инструмент, который использовался для ремонта повозок и путей сообщения.

Медицинская часть парагвайской армии находилась в лучшем состоянии, чем у ее противника. Её возникновение относится к 1912 году, хотя официально она была учреждена семью годами раньше. В 1924 году, когда главным военным врачом стал доктор Идояга, военно-медицинская часть была представлена только Центральным Госпиталем в Асунсьоне. Первым шагом к изменению этого положения стала организация курсов медицинских сестёр, где ежегодно обучалось по 20 человек. Несмотря на реформу военно-медицинской части, проведённую в 1927 году, накануне войны в стране было только 219 врачей и фельдшеров. Двадцать четыре из них находились уже в возрасте, а 25 были иностранцами. В столице имелось 93 врача (из 108) и две машины скорой помощи. В начале войны в боевых частях ощущался сильный недостаток в обученном медицинском персонале, и поэтому полевые лазареты не могли обеспечить раненым надлежащий уход. Часто врачи не имели нужного уровня образования и практики, не хватало оборудования, литературы и медикаментов. Вследствие этого даже легкое ранение приводило к ампутации. Согласно штатам, медицинская часть каждого полка должно было иметь четырех врачей и одного хирурга скорой помощи. Осознавая недостатки правительства издало указ, по которому все медицинские работники были сведены в отдельный корпус, во главе которого встали Х.Рекальде и К.Васконселос. Их консультантом был назначен А.Вейс. Благодаря их энергичным мерам был обеспечен необходимый уровень медицинского обслуживания и снабжения. Если верить генералу Н.Н.Стогову, Парагвай закупил медикаментов и других материалов на 10 русских корпусов, что в три раза превысило норматив Великой войны. Вейс внедрил методы военной санитарии, разработанные в ходе войн. Так, была внедрена сортировка раненых с помощью ярлыков, каждый солдат получил индивидуальный перевязочный пакет, а полевые лазареты – готовые повязки для осколочных ранений. Примером может послужить Вторая Дивизия, которая была сформирована в Консепсьоне в августе 1932 года. Она состояла из двух пехотных полков и артиллерийской группы, а её медицинская часть состояла из двух хирургов, 20 адьюнктов, 11 фармацевтов и биологов, 8 стоматологов, 3 ветеринаров и 43 медсестер. Кроме того, в дивизии имелось 2 лазарета с скорой помощи со 134 местами. Однако, по мере роста числа соединений численность медперсонала в них убывала, поэтому в войсках стали готовить санитаров и санинструкторов из наиболее подготовленных солдат. Подобные меры давали положительный эффект только при наличии медикаментов, поэтому в годы войны А.Ф.Вейсу приходилось постоянно бороться с министром финансов о выделен средств на их покупку.

Эвакуация тяжелораненых в Восточный Парагвай превращалась для них в сущий ад, когда они пересекали болотистую долину Эстерос де Каранхо. Пять упряжек волов с трудом перетаскивали санитарные транспорты через пятикилометровую топь. Многие солдаты не выдерживали томительного ожидания застрявшего транспорта и умирали от дизентерии и потери крови, переохлаждения или перегрева, обезвоживания и гангрены. Дорога между Исла-Пой и Пунта-Риэль (последней станции узкоколейки) усеяна могилами не выдержавших транспортировки. Далее раненые следовали по узкоколейке в Пуэрто-Касадо, где находился этапный госпиталь. Оттуда их развозили по госпиталям два санитарных судна. Официальная статистика Военного госпиталя Асунсьона свидетельствует, что через него прошло 130 000 человек, из которых 104 000 были больны, а 34398 серьёзно ранены. Из этого числа 17107 солдат умерли от ран и болезней. Для такой слабо развитой страны как Парагвай смертность в размере 12% является большим достижением.

Госпитали делились на три категории: полевые, тыловые и эвакуационные. Первые полевые госпитали были развёрнуты на Вилле Милитар и Исла Пой. Они насчитывали по сто мест, а в их штате числилось врач, два хирурга, два адьюнкта и старшая медсестра. Потери под Бокероном в первый день составили 110 человек и сразу превысило вместимость развёрнутых лазаретов. Это сразу поняли руководители санитарной службы и поспешили создать дополнительные мощности, организовав в Казанильо эвакуационный госпиталь. По мере продвижения параг-

вайской армии на север её линии снабжения растягивались. Вместе с ними увеличивались расстояния между тыловыми и фронтовыми госпиталями. Эта задача решалась путём увеличения числа санитарных автомашин, а в особых случаях – санитарных самолётов. Прибывшие на берег реки Парагвай, раненые и больные должны быть госпитализированы в этапный госпиталь в Пуэрто-Касадо, но чаще помещались на госпитальное судно *Кюба*. Оно развозило их по больницам Консепсьона, Сальвадора или Асунсьона. В ходе войны к ним добавилась ещё одна больница на сто коек. Она была построена в столице меннонитских колоний Филадельфии на их деньги. Главным центром госпитализации и лечения более важным является Асунсьон, который помимо центрального военного госпиталя имел гражданскую больницу «Сан-Лоренцо», оборудованную банком крови, больницу «*María Auxiliadora*» и ряд медицинских центров, устроенных в церквях и школах за счёт благотворительных сборов.

Новые штаты паргвайских частей создавались уже не на базе отвлечённой французской схемы, а на основании опыта Вангардии и наличия запасов имеющегося оружия. Следует отметить, что парагвайское правительство отчётливо осознало тот факт, что в условиях Великого Кризиса средств на приобретение дополнительных партий оружия у страны нет и в ближайшее время не будет. Штаты подразделений, разработанные в начале 30-х годов, были настолько удачными, что без изменений просуществовали всю войну. Парагвайский пехотный полк мирного времени насчитывал семьсот пятьдесят человек. Он состоял из управления, 2 батальонов, пулеметной роты с миномётной секцией. Кроме того, в полку были техническая, медицинская и интендантская группы, а также секция связи. Пехотный батальон состоял из трёх рот и имел на вооружении 18 ружей пулемётов.

В роте фактически не было отделений и подразделением низшего уровня был взвод, по штату достигавший 34 стрелков, хотя на практике их количество редко переваливало за 20, вооруженных или старыми, но качественными, маузеровскими винтовками. Как правило, в резервных частях винтовок на всех не хватало и часть пехотинцев ходила в атаки с привычными мачете, поднимая винтовки с убитых товарищей и врагов. Основным оружием такого взвода были один-два ружья-пулемёт *Мадсена*, которые находились в руках лучших стрелков. При переходе на штаты военного времени полк формировал третий батальон, а его штатная численность увеличивалась до пятидесяти шести офицеров и 1600 солдат. В пулемётной роте имелось 4 станковых пулемёта и 2 миномёта. Кроме винтовок и личного оружия офицеров, после мобилизации полк имел по штату 40 единиц автоматического оружия (27 лёгких и 4 станковых пулемёта) и 2 миномёта. Количество шанцевого инструмента было мизерным: на роту приходилось не более два десятка лопат и топоров и дюжина мачете.

Служба в кавалерии, традиционно носившей название драгун (президентская гвардия) и улан, в Парагвае всегда пользовалась престижем. Даже генерал М.Скенони во время своих закупок попал под влияние этой традиции: в списке его заказов числится 500 кавалерийских сабель. Распространение скотоводства и гражданские войны способствовал появлению большого числа неплохих наездников, близких по выучке русским казакам. Они послужили базой для развертывания многочисленной конницы. Штат предвоенного уланского полка предусматривал наличие в его составе штаба, двух сабельных и пулемётного эскадронов с миномётной, медицинской и интендантской секциями. Всего в полку было 350 солдат и офицеров, на вооружении которых состояли 1 миномёт, 16 лёгких и 4 станковых пулемётов. При мобилизации в каждом полку планировалось развернуть ещё два сабельных эскадрона по четыре взвода каждый, увеличив его штатную численность до 22 офицеров и 700 солдат. Фактически спешенный кавалерийский полк в начале войны был по силе равен пехотному батальону.

Инженерные части предназначались для строительства и обслуживания подъездных путей. С окончанием конфликта в Вангардии инженерный батальон *Генерал Акино* был направлен на строительство узкоколейной железной дороги от Пуэрто-Касадо до Минас-Куэ. К этому времени он состоял из трёх рот: понтонной, переправочных средств и железнодорожной и

насчитывал только 75 человек. Во время мобилизации эта кадрированная часть должна была достигнуть численности в 300 солдат и 15 офицеров. Всего в четырёх инженерно-сапёрных и строительных полках за время войны проходило 3100 человек, не считая вольнонаёмных. Боевые потери в этих подразделениях были минимальны, поскольку их не использовали в первой линии.

Организация парагвайской артиллерии основывались на французских уставах. Их теории огневого боя, опыт мировой войны и материальная часть послужили для формирования артиллерийской группы *Генерал Бругес*. Его организация представляла собой дивизион в составе трёх четырёхорудийных батарей. Две из них были пушечными, а одна – гаубичной. Уже 1924 году в Великобритании на заводах Виккерса был размещён заказ на боеприпасы и запасные части для пулемётов и 37мм пушек стоимостью 13142 фунта стерлингов. В 1929 году в Асунсьон прибыли заказанные во Франции пушки и гаубицы, позволившие полностью укомплектовать две артиллерийские группы современными артиллеристскими системами. Каждая батарея располагала своей связью, шанцевым инструментом и мачете и насчитывала 150 человек. Батареи были на конной тяге и состояла из взвода управления с секцией прикрытия и двух огневых взводов с двумя орудиями в каждом. Штат артиллерийской группы составлял 22 офицера и 450 солдат. Впоследствии из-за недостатка людей секция прикрытия была расформирована. В сентябре в Первом Корпусе появились батарея артиллерийской разведки. Она была создана майором Л.Л.Лешем по инициативе генерала Беляева во время битвы за *Бокерон*. Она включала в себя группы наблюдения, картографии, связи и обеспечения и позволяла вести огонь по невидимым целям. корректировщиков. Благодаря ее работе огонь парагвайской артиллерии был более точен.

Штаб Первой Дивизии начало 1932

В канун войны парагвайские вооружённые силы насчитывали 3 кавалерийских и 5 пехотных полков, две артиллерийские группы и инженерный батальон общей численностью 3759

человек. В их числе было 501 офицеров, 200 кадетов, 690 унтер-офицеров и 2365 солдат. В июне 1932 года их количество увеличилось до 4600.

Состав и дислокация парагвайских частей и соединений перед открытием военных действий были следующими:

1 дивизия занимала район Исла-Пой и состояла из 2 и 4 пехотного полков *Итороро* и *Курупаити*, 2 кавалерийского полка *полк. Монгелос*, 2 артиллерийской группы *ген.Лоа* и инженерного батальона *ген.Акино*,

В оперативном подчинении 1 дивизии находились 1 и 3 кавалерийские полки *Валуа Риварола* и *полк. Толедо*, занимавшие Пуэрто-Касадо и Пуэрто-Пинаско, соответственно;

2 дивизия занимала район Консепсьона и состояла из 1 и 3 пехотных полков *2-е мая* и *Корралес*, 1-й артиллерийской группы *ген.Бругес*. Один батальон 1 пехотного полка, усиленный отдельным эскадром и батареей, составленной из пушек Круппа, был выдвинут к фортифу *Нанаве*, к которому вплотную подошли аванпосты боливийцев.

3 дивизия охраняла район Баия-Негра и Фуэрто-Олимпо, которые занимали 5 пехотный полк *ген.Диас* и батальон речников *Ричуэло*, соответственно. Артиллерия обоих пунктов состояла из устаревших орудий: в Баие Негре установили 5 пушек Виккерса, а Фуэрто Олимпо – 7 Армстронга. В Баия-Негру был дополнительно выдвинут отдельный эскадрон. В его задачу входило патрулирование окрестностей.

В глубоком тылу располагались 6 и 7 пехотные полки *Бокерон* и *Пиребебуй*, комплектованные военизированными организациями и добровольцами.

Таким образом, общее расположение частей армии представляло собой длинный кордон, который растянулся по правому берегу реки Парагвай. При энергичном руководстве войсками противника он мог быть подвергнут атаке в любой точке и разорван на части, при условии, что речная флотилия будет уничтожена авиацией.

Парагвайские ВВС (*Fuerza Aerea*) возникли на несколько лет раньше боливийской. Ее состав более отвечал оборонительным целям (звено транспортных гидросамолетов и по эскадрилье разведчиков и истребителей: по 7 машин в каждой). В 1932 году парагвайские самолеты оказались качественно лучше устаревших моделей противника и это позволило им в первое время даже преобладать в воздухе над Чако. Кроме боевых в составе ВВС находились три транспортных самолета. Вместе с гидропланами они использовались для связи и перевозки раненых. Существенную роль в сохранении паритета в воздухе сыграло наземное обеспечения авиации, развернутое впоследствии в батальон *Сильвио Петиросси* (штат саперного батальона), солдаты которого самоотверженно чинили в полевых условиях поврежденные боевые самолеты. Некоторые из них они буквально на руках вытаскивали из джунглей и делали готовыми к вылетам. Важное значение руководство ВВС придавало обучению пилотов. Это объяснялось тем, что страна полностью зависела от поставок из-за рубежа. В условиях эмбарго каждый боевой самолет был на счету, и парагвайская армия просто не могла себе позволить терять машины из-за аварий. Вследствие этого, количество тренировочных самолетов в парагвайской авиации было выше, чем у противника, и составляло 7 машин против 5.

Речная флотилия стала в годы войны важным оперативным фактором. В 1923 году она имела только две канонерки с экипажем в составе 26 офицеров и 111 матросов. Ещё 168 военнослужащих, в т.ч. 7 офицеров, составляли её наземные службы. В соответствии с планом М.Скенони ее численный состав за предвоенные годы был увеличен втрое и достиг 67 офицеров и 600 матросов. Перед войной парагвайские моряки имели 2 итальянские бронированные канонерки *Умайта* и *Парагвай*, деревянную яхту *Такуари* и авизо голландской постройки 1908 года *Лейтенант Эррера*. Корпус береговой обороны состоял из батальона морской пехоты *Ричаэльо* и береговой батареи (в Фуэрте-Олимпо). Их численность составляла около четырехсот солдат и офицеров. При оперативном развертывании эти подразделения вошли в состав 3 дивизии, защищавшей северный фланг парагвайской армии. Со временем штаты корпуса БО были уни-

фицированы с армейскими: на базе огневой батареи была развернута артиллерийская группа, а батальона морской пехоты *Ричуэло* – в полк. Звено гидропланов также базировалось в Баия-Негра и состояло из двух транспортных самолетов. Мероприятия по усилению боевого состава флотилии увеличили количество парагвайских вооруженных судов вдвое. В 1932 году были вооружены 4 авизо голландской постройки 1908 года: *Капитан Кабрал*, *Капитан Бадо*, *Пирабабе*, *Полковник Мартинес*. Каждое из них было вооружено 1 3” и 2 37 мм пушками. Главной задачей флотилии было обеспечение переброски войск и военных грузов через реку Парагвай. Кроме того, на канонерские лодки была возложена противовоздушная оборона главной водной артерии. Для этого на них были дополнительно установлены по 2 40мм зенитных орудия *Эрликон*. Кроме речных грузовых пароходов в составе флотилии действовали два пассажирских парохода *Посадас* и *Корриентес*, использовавшиеся как госпитальные суда, и 2 драги голландской постройки 1907 года *Асуньсьон* (107 тонн водоизмещения, экипаж – 28 человек) и *Прогрессо* (140 тонн водоизмещения, скорость – 6 узлов, экипаж – 30 человек).

По совету французской миссии в Генеральном штабе парагвайской армии был создан пятый отдел, занимавшийся военной администрацией. Его задачей была организация всех военных служб, закупок внутри и за пределами страны, контроль поставки и обеспечение армии оборудованием, топливом, смазочными материалами, военной и коммуникационной техникой и их складирование. Во время войны департамент был преобразован в Главное управление военного снабжения. Возглавил его майор С.Харрисон, обучавшийся в Чили. С начала войны его управление тесно сотрудничало с Секцией снабжения Главного управления экономики, обеспечивая логистику продовольственного и вещевого довольствия для армии. По мере развития военных действий управление увеличивало свой штат за счёт мобилизованных чиновников и выпускников Национальной торговой школы. В ведении управления находились полевые интендантства корпусов и дивизий действующей армии, а также все тыловые сооружения, включая складской и казарменный фонд. Штаб-квартира Главного интендантства находилась в Кампо Гранде, где происходило формирование большинства новых частей. Сюда же доставлялись излишки трофеев и прочие реквизированные предметы. Всего же общий объем расходов Парагвая на снабжение армии составил около 30 миллионов песо фуэрте, что вдвое больше стоимости оружия, приобретенного в 1926-1935 годы.

В снаряжение каждого парагвайского солдата, помимо винтовки или карабина системы *маузера* и сотни патронов, входили мачете и фляга. Уланы кадровых полков дополнительно имели пики с флюгерами и сабли, но вскоре отказались от них, сменив на мачете. Рядовые второго класса шли на войну босиком, за что заработал кличку *патапилас*, сокращение от *pata pelada* – необутый, босоногий. Это название было легко распространить на всю нацию, ибо боса была не только провинция, но таких людей было много даже на улицах Асуньсьона. Босоноготь значительной части рядовых стала явлением столь обычным, что на него почти перестали обращать внимание. Рассказывают, что многие солдаты перед атакой специально сбрасывали обувь, чтобы быстрее передвигаться. В сороковые годы в Парагвае ходил анекдот, согласно которому, босой преступник убежал от обутых солдат. Только скинув, в свою очередь бутсы, им удалось его снова догнать. Кожаная обувь в условиях Чако была наиболее изнашиваемой частью экипировки и, следовательно, чаще всего нуждалась в замене и ремонте. Только кадровые пехотные и все кавалерийские полки имели обувь. Из вновь сформированных полностью обутым был только 6 пехотный полк *Бокерон*, сформированный из жителей столицы и полицейских. Небольшие партии обуви поступали на фронт в течение войны, однако ее солдатам не хватало. Генеральный квартирмейстер предпринимались попытки как-то исправить положение. Так, в 1930 году началось строительства кожевенного завода. Однако его мощность была невелика: он обеспечивал потребность в сапогах регулярной армии и полиции. Большинство мобилизованных носили *альпаргаты* – испанский аналог лаптей. Их изготавливали из полотна на деревянной основе в каждой чакре. Изредка в армию поступала аргентинская полотняная

обувь. *Альпарагатас* быстро изнашивались во время маршей, а проблема кожаной обуви была решена лишь частично. Поэтому парагвайская пехота прошагала все Чако с юга на север босиком. Даже через десять лет после окончания войны обувь – кожаные ботинки – выдавали рядовым на втором году службы. Перед самой войной был основан еще один кожевенный завод, который стал производить ремни.

Синяя парадная парагвайская военная форма была точной копией германской тропической и отличалась только кокардой. Полевая форма оливкового цвета была введена указом от 8 февраля 1926 году. Она состояла из: брюк, мундира – *чамарры* и головного убора – *чамберго*, полотняного кепи с широкими полями. В кавалерии носили высокие сапоги с розеткой, а в остальные рода войск – ботинки с обмотками. Перед войной в обмундирование входил *фаха* – длинный, широкий пояс, который был во время войны заменен более практичным ремнем. Сержанты и рядовые носили узкие полевые погоны с выпушкой цвета полка. Кадеты имели по всей линии погона серебряный галун шириной два сантиметра. Несмотря на большое количество плантаций хлопка, до 1928 года текстильная промышленность в стране почти отсутствовала. Решая проблему обмундирования, военное министерство способствовало снованию в 1931 году в Пиларе крупной хлопчаткацкой фабрики итальянским эмигрантом П.Ф.Альберцони. Увеличив количество работающих до 2000, он смог обеспечить запросы армии. Хуже обстояло дело со снабжением войск одеялами. Это особенно проявилось в предгорьях Анд, где солдатам стали выдавать *чириты* – треугольные плащи и пончо, которые в горах пользовались большей популярностью. Вследствие этого солдаты снимали с убитых одежду и обувь. Мародерство вообще было одним из источников снабжения парагвайской пехоты обмундированием и снаряжением. Офицерская униформа и инсигнии копировали прусские образцы 1910 года. Полевой китель имел оливковый оттенок с окантовкой воротника, борта и обшлагов и застегивался на восемь белых алюминиевых пуговиц. Каждый род войск имел петлицы и кант различных оттенков красного: кавалерия – малиновый, пехота – красный, артиллерия – темно-красный, врачи – пурпурный, инженеры – красно-чёрный, Исключение составляли только офицеры Генерального Штаба, имевшие чёрный кант, и лётчики – голубой. Обмундирование военных моряков копировало армейское, но было темно-синего цвета.

Офицерский парадный мундир был светлее полевого и имел голубоватый оттенок. Обшлага и стояче-отложной воротник покрывались темным сине-зеленым сукном, а нагрудные и боковые карманы отсутствовали. К окантованному кителю также полагались такие же брюки навыпуск. Тулья офицерской фуражки была оливкового цвета, околыш – цвета полков (кадровых). Фибровый козырек покрывался черным лаком. Над козырьком на две пуговицы пристегивался шнур, свитый из серебристо – алюминиевых жгутов. На ногах офицеры могли носить хромовые сапоги с высоким жестким задником или ботинки с крагами. Парадная кавалерийская форма (кадровых полков) состояла из фуражки установленного образца, доломана и рейтузов. Адьютанты носили аксельбант. Генеральская форма отличалась от офицерской только деталями: мундиры – золочеными пуговицами и шитьем, брюки – красными лампасами, а фуражка – золотым жгутом. Старшие офицеры носили узкие плетеные погоны из серебряного галуна, а генералы – из золотого. Генералы носили на погонах одну и две большие золотые пятиконечные звезды в зависимости от ранга. Так, полковник (коронель) имел на погонах кроме звезды три галуна, полковник-лейтенант (команданте) – два, а майор – один. У капитана на простом серебрянном погоне было три звёзды, старшего лейтенанта – две, лейтенант – одна. Сержанты в зависимости от звания носили на погонах один, два или три жёлтых галуна, а капралы (кабо) – один или два на рукаве.

С момента зачисления в армию *пататилас* становился рядовым второго класса с окладом 5,5 золотых песо в месяц. В эту категорию входили солдаты учебных подразделений, нестроевые и военизированные рабочие. После перевода на службу в боевое подразделение он становился рядовым первого класса, а оклад увеличивался. Продовольственный паек содержал

3000 калорий в день и был лучше боливийского. Он состоял из 700 г свежего или мороженого мяса, 70 г кукурузы, 80 г фасоли, 50 г муки, 50 г риса, 60 г сахара, 30 г соли 30 г yerba mate, 30 г мыла и 300 г местных лепёшек. Вещевое довольствие, состоявшее из двух пар белья и комплекта обмундирования. Еще до войны в отдаленных гарнизонах Чако и позже на фронте его редко получали в полном объеме. Часто из-за трудностей снабжения солдаты довольствовались половиной этой нормы. Недостаток обуви и обмундирования превращали парагвайскую армию в толпу оборванцев, которая, если отнять у нее винтовки, выглядело бы более уместно на церковной паперти. Остается удивляться только силе духа *патапилас*, которые сражались и одерживали победы. Благодаря своему патриотизму простые парагвайские крестьяне, истощенные жаждой, голодом и болезнями, все же смогли сражаться и побеждать, внушая своим врагам уважение и страх. Проявленные в этой войне мужество и выносливость заслуживают, безусловно, самой высокой оценки. Такими солдатами могла бы гордиться любая страна, любая нация.

После вычетов каждый рядовой теоретически мог получить на руки 2-3 песо, которые выплачивались ему в *песо фуэрте* на десять дней вперед. Фактически эта сумма была ниже. Солдаты большую часть денег переводили своим родным, оставшимся дома, чтобы как-то облегчить их положение, или оставляли в полковой кассе. Как правило, в распоряжении рядового оставалось около одного золотого песо на месяц, которое он тратил на доступные развлечения (сигареты, выпивка). Солдат сверхсрочной службы попадал в привилегированное положение, так как получал прибавку к жалованию и мог рассчитывать на унтер-офицерскую должность. Рядовые этой категории зачислялись в кадровый состав и получали полное довольствие, включая обмундирование и обувь. После прохождения трехмесячного обучения в школе сержантов они назначались на должности командиров отделений с более высоким окладом. Такое же жалование было установлено для кадетов и иностранных волонтеров с боевым опытом. На сверхсрочников и младший командный состав распространялся ряд привилегий. Так, каждый военнослужащий, прослуживший сверх срока свыше шести месяцев, имел право на отпуск, а при демобилизации получал месячный оклад. В случае ранения им выплачивалось трехмесячное жалование, а смерти – семье полагалась пенсия и трехмесячное жалование.

Командный состав получал усиленное довольствие, но форму и личное оружие приобретал за свой счет. Жалование самой младшей категории офицеров – вторых лейтенантов составляло 2000 песо фуэрте. Этот чин при выпуске получали слушатели курсов офицеров резерва или кадеты ускоренной подготовки. Как правило, в годы войны они занимали должности командиров взводов или секций. Чин первого лейтенанта (оклад 2350 п.ф.) присваивался выпускникам основного курса Военной Школы (а также русским обер-офицерам, поступавшим на парагвайскую службу). Во время войны офицеры в этом чине командовали батареями, ротами и эскадронами. Чин капитана в армии соответствовал должности командира батальона. Его жалование составляло 3500 песо в месяц и едва позволяло содержать семью. Это звание получили большинство русских штаб-офицеров. По воспоминаниям Елены, жены капитана Срывалина, во время войны она вместе с пятилетней дочерью бедствовала и смогла выжить только благодаря помощи соседки, владелицы продуктовой лавки по имени Матильда. Таким образом, доходы среднего командного звена были сравнимы с заработками служащих и квалифицированных рабочих. Оплата старших офицеров также была невелика. Майор, командовавший полком, получал всего на 500 песо больше капитана. Командиры соединений коронель (полковник)-лейтенант и коронель (полковник) имели жалование в 5 и 6 тысяч песо фуэрте, а генералы бригады и дивизии – семь и восемь, соответственно. Накануне войны столичный префект получал втрое больше, а стоимость небольшой виллы составляла полмиллиона.

В 1908 году либеральное правительство ввело обязательную воинскую повинность и планировало довести численность вооруженных сил до 10000 человек, но последующие годы хаоса свели это начинание на нет. Закон о воинской повинности был скопирован с французского.

Срок действительной военной службы составлял 2 года, по ее окончании солдат состоял 8 лет в активном резерве, затем 10 лет – в национальной гвардии, а затем до 45 лет в территориальной гвардии. Он, однако, не выполнялся. Только в 1916 году президент Э.Шерер провел первый выборочный призыв военнообязанных старше 18 лет. Несмотря на этот закон, за 13 лет (1919-1932 гг.) военную подготовку прошли по самым оптимистичным оценкам не более 32000 человек. Из них по свидетельству одного из офицеров Генерального Штаба кап. Гарая только 70% могли считаться более или менее обученными.

После гражданской войны 1922-3 годов был проведен ряд мероприятий по созданию обученного резерва и подготовки старших офицеров, которых на тот момент было всего пять. Двенадцать офицеров (Х.Ф.Эсергаррибия, Х.Б.Айяла, Дельгадо, К.Х.Фернандес, Г.Нуньес, А.Брей, Рекальде, Ирассабаль, С.Хариссон, К.Боцано, Кабрал и Ф. Ортис Смит) были посланы для обучения за границу во Францию, Италию, США и Чили. Кроме них в аргентинскую Военно-морскую Академию были командированы тридцать военных техников с речной флотилии. Семеро из них окончили там офицерские курсы. Внутри страны действовали несколько военных заведений: Военная, авиационная и морская школы, а также военно-санитарные курсы.

Усвоив уроки 1928 года, Генеральный Штаб под руководством Х.Б.Айялы провёл обширные исследования мобилизационного потенциала. Согласно собранной им информации Парагвай располагал 150 тысячами боеспособных мужчин. Они были распределены на следующие категории:

- Кадровый офицерский корпус насчитывал 325 человек, из которых две трети окончили Военную Школу. Примерно половина из них состояла на службе в строевых частях, 80 – во флотилии, а остальные – в тыловых, технических и вспомогательных службах. Ни один из них не имел штабного образования. Старших офицеров в армии было 51, включая двух генералов;

- Корпус офицеров запаса также насчитывал 300 человек, вышедших на пенсию или резерв. Только треть из них окончила Военную Школу, а 134 прошли ускоренные или трехмесячные курсы. Остальные имели военные звания, связанные с их прежними, гражданскими профессиями – врачи, инженеры, строители, моряки, связисты;

- 200 сержантов кадровой службы. Около 60% из них не имели образования или были неграмотными.

- свыше 4000 призывников 1931 года;

- около 25 000 обученных резервистов, прошедших воинскую службу в 1921-1930 годах.

Сюда были включены и все лица, мобилизованные в 1928 году;

- 120 000 человек призывного возраста, которым требуется пройти начальную военную подготовку.

Кадровое офицерство формировалось под воздействием нескольких факторов. Главным из них был контроль за армией со стороны Либеральной партии, удерживавшей монополию на политическую власть в стране. После революции 1923/24 годов все командные посты в армии заняли *чилийцы* и их ставленники. Ведущий военный авторитет страны генерал М.Скенони был противником вмешательства армии во внутреннюю политику и предпринял ряд мер, чтобы усилить контроль над армией со стороны правительства. Не являясь представителями элиты, *чилийцы* стремились поставить армию вне политики, но наткнулись на саботаж консервативно настроенных военных из местной аристократии, которое спровоцировало отставку М.Скенони с поста военного министра. Это противостояние продолжалось до начала войны, когда личные амбиции отошли на задний план в связи с угрозой родине. План М.Скенони предусматривал наличие в составе вооруженных сил 2000 офицеров. Этой цифры планировалось достичь за десять лет, выпуская по 200 кадетов в год. Восстановленная в 1915 году Военная школа имела кавалерийский профиль и не могла обеспечить подготовку стольких офицеров. В связи с этим в страну была приглашена французская военная миссия и русские волонтеры. По их предложению базовый профиль школы был изменен на пехотный и созданы

курсы подготовки запаса во главе с полковником К.Рекалде. В 1929 году в школу набрали 60 кадетов вместо двадцати, а год спустя – 160. Для лучших из них были открыты курсы офицеров Генерального Штаба, получивший название Высшей военной школы, на который отбирались 10-15 лучших кадетов специальных классов. Всего с момента своего открытия по 1932 год Военная Школа подготовила 248 кадровых офицеров (36 майоров, 50 капитанов, 73 первых лейтенантов). Среди них 48 отличились на полях сражений будущей войны. За это же время мичманская школа флотилии выпустила 69 морских офицеров. Трёхмесячные курсы подготовки офицеров запаса должны были выпускать дополнительно кандидатов в офицеры (альфересов) в год. Обучение на них проводилось по трем дисциплинам (пехота, инженеры, техники). Планировалось подготавливать не менее 50 офицеров в год, но фактически численность выпускников была меньше. Так, если в 1928 году было подготовлено 80 кандидатов, то в 1929 их было только 22, а в 1931 – 34. Итак, из 336 аппликантов офицерское звание получили только 136 человек. В 1932 году К.Рекалде сменил на посту начальника школы Х.Мориниго, который организовал ускоренную подготовку кадетов. Так, в ноябре было выпущено 152 офицера военного времени, а через год – 135. Всего же до конца 1934 года школа подготовила 1200 офицеров резерва.

Мероприятия по подготовке офицерских кадров дали нужный эффект. Об этом свидетельствует тот факт, что весной 1932 года (октябрь) в парагвайской армии было 764 офицера: 4 генерала, по 16 полковников и подполковников, 48 майоров, 208 капитанов и 392 первых и 280 вторых лейтенантов. В составе военно-медицинского корпуса числились по 16 хирергов бригады и I класса, по 24 врача II и III ранга и столько же фармацевтов. Интендантство было представлено 16 интендантами первого и 32 второго класса. Кроме них в армейских частях состояло 160 административных служащих трёх рангов. Кроме них к штабу корпуса были приписаны 32 телеграфиста, 4 кузнеца первого класса и 12 второго. Эти двенадцать сотен офицеров и чиновников составили стеновой хребет парагвайской армии и привели её к победе.

После назначения полковника К.Рекалде начальником Военной Школы подготовка офицеров была объединена в одних руках. Офицерский состав Военной Школы обладал достаточной общей культурой, но имел разный уровень военной подготовки. Даже преподаватели-парагвайцы, закончившие зарубежные военные училища, имели очень ограниченный опыт современной войны. Иностранцы офицеры были на голову выше своих коллег, но на первых порах не могли полноценно участвовать в процессе обучения из-за незнания языка. Бедность Парагвая сильно ограничивала материальную базу Военной Школы, в распоряжении которой находилось по паре пушек и пулеметов. Главным достоинством парагвайских военных училищ стало обучение командного состава на регулярной основе.

В связи с отсутствием полигонов и дефицита боеприпасов возможности тактической и стрелковой подготовки были сильно ограничены. Несмотря на это, на тактических занятиях основной упор делался на огневое сопровождение атаки. Инструкторы Военной Школы учили своих подчинённых, что как ни мало было их подразделение, наступление должна сопровождаться охватом фланга противника. Организации маневра огнем и людьми на поле боя, организации разведки и боевому охранению придавалось важное значение. При организации обороны от курсантов обучали активному противодействию неприятелю. Особое внимание уделялось организации контратак. Отдельные темы посвящались вопросам маскировки и использовании местности для скрытого маневрирования, а также организации ночного боя. Перед войной многие кадровые офицеры прошли трехмесячную переподготовку при Высшей военной школе, где изучались уставы полевой и внутренней службы, стрелковое и артиллерийское дело, строевая подготовка и верховая езда. Идея создания курсов была заимствована у начальника германского Генерального Штаба в 1917 году генерала Фрейтаг-Лорингофена. В качестве основных предметов на курсах были тактика, топография, фортификация, вооружение, техника и пропаганда. Вследствие низкого общеобразовательного уровня значительная

часть кандидатов в офицеры задержалась на переподготовке на 6-9 месяцев. Однако подготовки на тактическом уровне для вождения войск недостаточно. Требовалось проводить на регулярной основе военные манёвры, но они были не по карману бюджету республики. Если не считать мобилизации 1928 года, военные сборы до начала конфликта проводились только один раз – в 1930 году. К. Фернандес так вспоминает об этом:

«Манёвры в Кампо-Гранде проводились скелетными и организационно деформированными подразделениями. Подводя итоги, все участники говорили о преобладающей анархии и отсутствии твёрдого командования».

Наличие среди призывников большого числа неграмотных ставила целый ряд проблем при комплектовании младшего командного состава, артиллерийских и технических частей. В связи с этим в пунктах подготовки войск были созданы начальные школы и сортировочные пункты, направлявшие наиболее образованных рекрутов в школу сержантов. Несмотря на энергичные меры, вооруженные силы постоянно испытывали нехватку специалистов. Особенно остро стоял вопрос обеспечения кадрами в ВВС. Несмотря на то, что французской военной миссии удалось подготовить за 1928-31 годы 25 пилотов и 18 авиамехаников, персонала для обслуживания самолетов не хватало. Это привело к приглашению на службу иностранцев. В 1932 году на службе в парагвайской армии состояли по два десятка русских и итальянских офицеров, а также три уругвайца (в ВВС). Еще сорок русских эмигрантов пополнили ряды армии в годы войны. Даже при наличии нескольких сотен аргентинских добровольцев иностранный контингент в составе парагвайской армии не превысил 2%. Эти цифры опровергают созданное американской пропагандой мнение, что война с Боливией велась русскими и аргентинскими наемниками.

При мобилизации в составе парагвайской армии было тысяча сержантов и вдвое больше капралов, 16748 солдат, 2082 шофёра, носилщика и погонщика, 224 медсестёр первого класса. Пехотные подразделения формировалась по территориальному принципу. Часто в одну роту попадали рекруты из одного дистрикта – партидо. Одни из них имели какой-то военный опыт, другие нет. Во время боевого слаживания командиры устанавливали контакт со своими подчиненными, выделяя из них самых способных. Их, как правило, выдвигали на должности кабо(капралов). Такая методика усиливало боевую спайку подразделений и авторитет среднего командного звена. Впоследствии это сказалось на устойчивости войск в бою. Коллективистский, общинный уклад гуарани предполагал ощущение «локтя соседа». Этот фактор и слабая тактическая подготовка привели к тому, что в первые атаки пехота ходила в плотных боевых порядках и теряла устойчивость при развертывании в рассыпной строй.

Если боливийский Генеральный Штаб делал ставку на техническое превосходство своей армии, то его противник, прекрасно осознавал собственную слабость и стремился изменить военный баланс в свою пользу за счет лучшей оперативно-тактической подготовки. При планировании операций в Чако Генеральный Штаб практически сразу отверг предложения французской миссии, строившихся на доктрине Фоша: они не учитывали характер ТВД, сильно отличавшийся от густонаселенной Франции. Гораздо больше уделялось внимания опыту фон Летов-Форбека и испано-французским операциям в Марокко. Маневр на местности, тактическое освоение пространств и высокая подвижность – вот три кита, на которых строилась тактика парагвайской армии. В отличие от европейских образцов устав оценивал маневренность выше ударности. Главное внимание уделялось действиям во фланг и тыл расположения противника – обходу и охвату. При этом боевая линия всегда сохраняла равномерную плотность. Первенство оперативного искусства привело к измельчению тактики. Конкретный бой рассматривался уставом не как случайное событие, а элемент операции. Атаки должны были производиться в той последовательности и порядке, какой требовался для достижения оперативной цели.

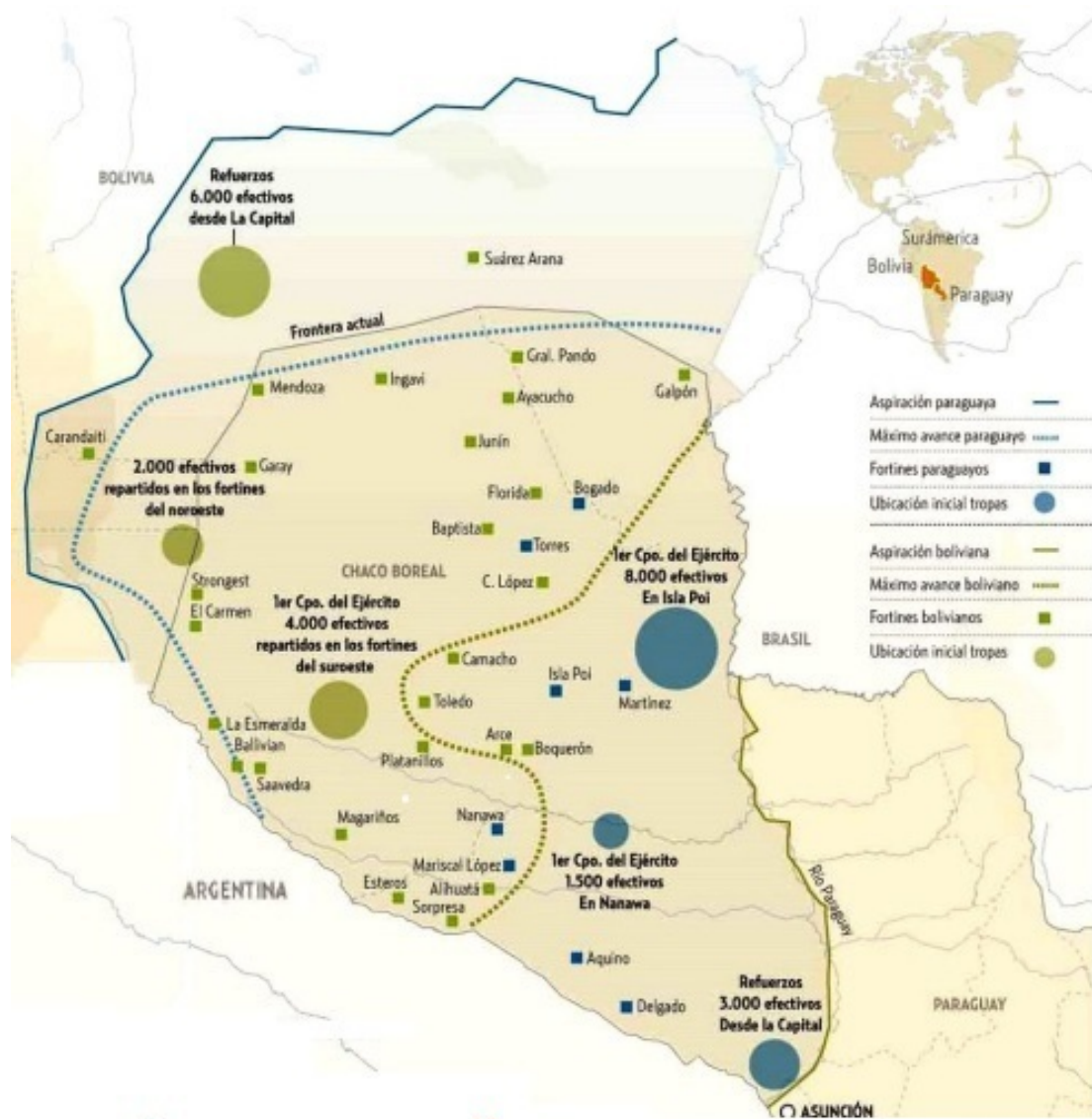
Основой боевых действий считалось наступление, которое начиналось с всесторонней подготовки. Оно проводилось с учетом тактических особенностей местности. Войска разделялись на две части – сковывающую группу, которая демонстративно атаковала в лоб, и обходную колонну, задачей которой был разгром тылов противника. Выдвижение последней осуществлялось заблаговременно и налегке. Фронтальная атака, осуществлявшаяся при огневой поддержке, должно была расстроить и перемешать неприятельские части до такой степени, чтобы у них не было никакой возможности противодействовать обходной колонне. Критерием успеха операции являлось не обладание каким-либо географическим пунктом, а уничтожение войск противника. Оборона рассматривалась в качестве остановки для организации тыла. Срок пребывания в ней определялось временем, необходимым для проведения коммуникаций инженерными войсками. Даже в случаях, когда противник атаковал расположение, устав рассматривал бой как наступательный: он не был связан с движением вперед из-за неготовности тыла, но преследовал целью разгром противника. Такое толкование обороны не означало отказа от применения искусственных заграждений: засек, колючей проволоки, траншей и других укрытий для войск. Наоборот устав рекомендовал их широкое применение на всех доступных для противника направлениях.

При ведении боевых действий каждое соединение действовало самостоятельно: объединение с соседом сил предусматривалось только эпизодически. Сближение с противником, его преследование рекомендовалось проводить с максимальной экономией сил. Существенное значение при этом отводилось организации боевого охранения. Важная роль отводилась организации встречного боя, поскольку в условиях насыщения войск автоматическим оружием он открывал новые возможности для поражения живой силы и захвата техники противника, не успевшего организовать систему ведения огня. Французская миссия считала этот вид боя наиболее пригодным для победы малой кровью. Авангарду полагалось сковать противника с фронта, в то время как главные силы должны были охватить фланг неприятеля. При этом рекомендовалось поддержать действия авангарда огнем из тяжелого оружия (станковые пулеметы, минометы, артиллерия). В благоприятной обстановке передовой линии даже предлагалось оттянуться, завлекая противника под удар.

В условиях преобладания маневра на оперативно-тактическом уровне важное значение придавалось организации пешего марша. На узких дорогах-тропах, преобладающих в Чако, оптимальным становилось построение части на марше в узкую колонну. В этих условиях командирам частей было необходимо двигаться в ее голове на случай возникновения боя. В отличие от французских уставов, при движении не было принято делать короткие привалы после каждого часа марша, поскольку при легкости снаряжения и вытянутости колонны солдаты меньше уставали. Вместо этого для восстановления сил через каждые 2-3 часа движения организовывались 15-20 минутные привалы (в зависимости от наличия пространства для остановки). Во время марша солдат кормили горячим только утром и вечером, а на время похода выдавали сухой паек. Это позволило отказаться от обеденных привалов, предусмотренных европейскими уставами. Двухразовое питание, если оно регулярно, обеспечивало солдатам силы, необходимые для боевых действий. Но поскольку пища не отличалась высокой калорийностью, один раз ненакормленные солдаты быстро слабели, что сказывалось на их боеспособности. Такая организация марша, позволяла *патапилас* совершать длительные переходы, иногда до полусотни километров в день. В случае встречи с противником колонна рассыпалась в цепь и старалась уничтожить его огнем своего оружия. Натыкаясь на сопротивление, она переходила к обороне, предпочитая штыковой атаке огневой бой на дальних дистанциях. Только в исключительных случаях парагвайцы прибегали к лобовым атакам.

В ходе войны парагвайское командование, используя русский опыт, создало оперативную конницу, сведенную в дивизии. В первые два года войны она сыграла значительную роль, защитив висящие в воздухе фланги парагвайской армии от возможных обходов по долине Беремехо

(у *Нанавы*) или в центральном Чако (у Толедо). Наличие оперативных соединений конницы позволило парагвайскому командованию быстро парировать обходные маневры противника и наносить серьезный ущерб его тылам и коммуникациям на протяжении всей войны. Однако с продвижением вглубь Чако конница потеряла маневренность, поскольку сильно зависела от источников воды, которых в этом районе было мало. Впоследствии это привело к спешиванию кавалерийских полков. Артиллерия использовалась только в составе групп (дивизионов). Другим важным тактическим новшеством стало применение в дополнение к гаубицам минометов. На закрытой местности использование минометов и артиллерии с навесной траекторией стрельбы под руководством подготовленных офицеров давало значительный эффект. К сожалению, широкому применению артиллерии в войне мешало ее небольшое количество и ограниченное наличие снарядов.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ВОЙСК В КАМПАНИЮ 1932 ГОДА

7. Концентрация.

Кабинет Эусебио Айялы. Доктрина Мендосы. Оснащение армия и интегральная мобилизация экономики. Развертывание и обучение войск. Боливийские мероприятия по развертыванию.

15 августа Э.Айяла официально занял пост главы государства. Он сохранил в полном составе прежний кабинет, ведущий страну к военному конфликту. Л.Риарт, Х.Зубизаретта, В.Рохас и Луис Эскобар сохранили свои посты, а пост министра финансов был отдан Р.Гонсалесу. Из всего высшего эшелона власти только начальник полиции Асуньсьона майор А.Брей, да министры финансов Р.Гонсалес и юстиции В.Рохас могли считаться надежными союзниками нового президента. Эусебио Айяла не считался среди либералов «жестким» лидером. Все помнили его пассивность во время гражданской войны 1922-23 годов. Тогда он подал в отставку и был замещен на посту главы государства своим кузеном Элигио. Зимой 1932 года президент казался совершенно другим человеком. Еще до вступления в должность он обращался к конгрессу, требуя денег на войну. 12 июля по его инициативе президент Гуджиари объявил о проведении мобилизации мужчин в возрасте от 19 до 50 лет. Если в день мобилизации парагвайские вооруженные силы насчитывали 4400 человек, то уже на следующий они увеличились на 4000 резервистов. К 15.07.1932 на сборные пункты явились ещё 6 тысяч призывников. Большинство из них были направлены в учебные лагеря, в которых стали формироваться маршевые команды, направляемые в действующую армию. В соответствии с планом развёртывания, утверждённым Генеральным Штабом, численность контингента КОМАНОР в августе должна была составить 3000 человек. Войска КОМАНСУР должны были быть разделены на две группировки – 8000 солдат в Исла Пой и 1500 – в Нанаве. Резервы численностью в 3000 располагались у Асуньсьона. В действующую армию на различные должности направлялись 8 подполковников и 12 майоров.

Тем временем президент Э.Айяла попытался предотвратить разрастание конфликта, отправившись в конце июля в Буэнос-Айрес. Аргентинское правительство связалось со всеми остальными государствами Южной Америки с предложением вмешаться в конфликт из-за Чако. Оно предлагало Парагваю и Боливии прекратить военные действия и отвести свои войска на позиции, которые они занимали на 1 июля. Эта дипломатическая акция получила название *доктрины Мендосы*. К 3 августа ее поддержали все страны континента. Представители всех южноамериканских стран обратились к соперникам с предложением ее принять. При поощрении госдепартамента США министерство иностранных дел Боливии проигнорировало *доктрину Мендосы* и направило ультимативное требование передать ей Пуэрто-Пачеко. Дипломаты из Ла-Паса утверждали, что Парагвай не является серьезным противником и не пойдет на военную конфронтацию. Начав боевые действия, Асуньсьон обрекал себя на международную изоляцию, которую при помощи США было легко превратить в экономическую блокаду. Не имея иностранных кредитов и источников оружия, Парагвай оказался бы в худшем положении. Впоследствии, в 1933 году эти соображения боливийского военно-политического руководства переросли в доктрину «экономической войны». Она была легко принята на вооружение президентом Д.Саламанкой с легкой руки нового главнокомандующего боливийской армией немецкого генерала Г.Кундта. Ее суть состояла в том, чтобы путем постоянного давления на фронте заставить противника тратить больше оружия и боеприпасов, чем он может приобрести и тем самым привести его к банкротству. В 1932 году ястребы из республиканской партии, *роска*, военные и *Стандарт Ойл* требовали от боливийской дипломатии бескомпромиссной позиции в вопросе о разделе Чако. Несмотря на то, что Э.Айяла готов был рассмотреть вариант ком-

промисса, в кулуарах министерства иностранных дел Аргентины с каждым днем нагнетались слухи об ужесточении условий. Это совершенно осознано делали не только сами боливийцы, но и дипломаты из США. В этих условиях Э.Айяле ничего не оставалось, как вернуться на родину и готовиться к тяжелой войне.

Парагвайское командование учло уроки 1928 года и основательно подготовил мобилизацию. В соответствии с концепцией Х.Ф.Эстигаррибии, в начальный период войны решающим фактором должна была стать быстрая концентрация войск в районе *Исла-Пой*. Единственной транспортной артерией, связывавшей ТВД с центральным районом, была река Парагвай. Поэтому декрет от 12.07.1932 предусматривал не только призыв резервистов, но и мобилизацию всех видов транспорта. Накануне войны почти весь речной транспорт страны принадлежал Н. Михановичу и ходил под аргентинским флагом. Он согласился передать пять грузовых судов голландской постройки 1908 года и два пассажирских парохода (*Посадас* и *Корриентес*) на нужды войны. Четыре грузовых судна были вооружены артиллерией (1 3» и 2 37мм пушки) и превращены в *авизо* (*Капитан Кабрал*, *Капитан Бадо*, *Полковник Мартинес*, *Пирабабе*), а пятое превращено в военный транспорт. Вместе с канонерками эти корабли использовались для переброски войск и противовоздушной обороны караванов барж, следующих по реке. На военно-морском арсенале были построены десять плоскодонных барж класса «Фортин». Они юбли предназначены для перевозки 25 тонн грузов по притокам реки Парагвай и имели осадку всего в 2 фута. Их использовали для снабжения войск по рекам Конфусо, Негро и Верде. Речные пассажирские пароходы со значительно большей осадкой использовались как госпитальные суда. Кроме них для перевозки войск использовались баржи, а для расчистки фарватера две драги голландской постройки 1907 года *Асуньсьон* (107 тонн, 28 человек) и *Прогрессо* (140 тонн, 6 узлов, 30 человек). Всего в состав военно-речных сил было призвано до десяти тысяч человек. Примерно четверть из них состояла на военной службе (корпус береговой обороны, экипажи судов), а остальные были заняты обслуживанием портов и речных перевозок. Кроме них военном арсенале *Сайония* и кооперированных с ним предприятий за годы войны было задействовано до 22000 человек.

Недостаток оружия частично исправлялся за счет *Сайонии*. Этот военный и морской арсенал был заложен в 1918 году по распоряжению департамента военных материалов Военного министерства. Его организаторами были два немецких эмигранта Краус и Нейман, к которым присоединился военно-морской инженер. В 1926 году Военный Министр поручил лейтенанту Боцано найти новую площадку и организовать на нём военно-ремонтные мастерские. Благодаря им, парагвайской армии удалось частично решить проблему снабжения войск боеприпасами. С началом мобилизации на нужды обороны стали работать частные оружейных мастерские, а количество рабочих в оружейной промышленности возросло до 900 человек. С первых дней войны выпуск патронов вырос втрое, а затем был налажен серийный выпуск ручных гранат и мин. Благодаря этому парагвайское командование всегда имело небольшой резерв боеприпасов. Благодаря усилиям военных мастерских армия в годы войны имела 70-100 патронов на винтовку, 300-400 на ружье пулемет и 500-600 на станковый пулемет. Мощности арсенала позволяли создавать резерв боеприпасов перед наступлением: боец получал 200-250 патронов на винтовку или 50 на бой. Недостаток артиллерийских снарядов испытывался уже с первых месяцев войны. Это отмечает в своих мемуарах генерал Беляев, которому отказали в выдаче всего пятисот снарядов для артиллерийской атаки *Бокерона*. Только благодаря военной контрабанде удавалось иметь по 100 выстрелов на орудие.

Парагвайские военные запасы перед войной насчитывали 21000 винтовок, однако большая часть их была низкого качества. Поэтому с началом мобилизации средства массовой информации и партийные ячейки либеральной партии развернули сбор средств и оружия для нужд обороны и обратились за помощью в Буэнос-Айрес. В конце июля Эусебио Айяле удалось заручиться поддержкой Аргентины, которая под большим секретом предоставила заем

в размере 8 миллионов песо. В его счет Буэнос-Айрес передал стрелковое оружие и продал грузовики и учебные самолеты. Первая партия стрелкового оружия из Аргентины прибыла в Асунсьон только в октябре 1932 года, а остальное – в феврале следующего. Этими операциями руководил аргентинский военный атташе в Парагвае полковник Швейцер. Помимо этого, правительство Аргентины закрыло глаза на набор волонтеров среди собственных граждан и транзит оружия в Парагвай через свою территорию. Всего в ряды парагвайской армии поступило около пятисот граждан Аргентины. Большинство из них служили волонтерами в отряде *герильерос* и кавалерийском полку *Сан-Мартин*. Когда эти подразделения были переформированы в регулярные, многие добровольцы покинули военную службу. Не менее полутора десятков офицеров аргентинской армии командовали ротами и батальонами. Четверо из них погибли в боях (лейтенанты Виттоне, Очоа, Ортис) и при бомбардировках (Аристекета).

Другим источником снабжения парагвайской армии современным оружием в начале войны стал транзит оружия для восставших в Сан-Паулу *конституционалистов*. Восстание в Сан-Паулу началось 9 июля под лозунгом возврата к старой республике. 1 августа повстанцы обратились к США признать их воюющей стороной. В этих условиях Парагвай, не обладавший свободной иностранной валютой, заработал на транзите оружия мятежникам Сан-Паулу. В США их интересы представлял профессор М.Ж. Феррейра, закупивший через консульство Китая 1000 пулеметов и 5 тонн патронов к ним через компанию *Байингтон и К.* Фирма *Кертис-Райт* получила заказ на поставку 10 самолетов, часть из которых была произведена в Чили. Всего в США было истрачено 530100 долларов на закупку оружия. Продажу оружия осуществляли датский *Мадсен*, английский *Виккерс* и американский *Форд*. 24 августа в Асунсьон пришло сообщение о неизвестном самолете над рекой Парагвай, и два *Вибо* (№1 и №5) вылетели на его перехват. Нарушителем оказался *Фалькон Д12* чилийского производства, перегоняемый аргентинцем Г. Хилкотом для конституционалистов из Сан-Паулу. Парагвайские истребители заставили его совершить вынужденную посадку у города Белен. Так парагвайские ВВС получили на вооружение один из мощнейших самолетов. Следует отметить, что остальные самолеты *конституционалистов* беспрепятственно пересекли территорию республики. Г. Хилкот был сразу же освобожден и еще несколько раз перегонял аэропланы из Аргентины. Предположительно, такая, несколько экстравагантная передача *Фалькона Д12* была платой *конституционалистов* за пролет самолетов над территорией Парагвая.

После блокады побережья штата бразильскими ВМС грузы для *паулистов* стали идти через Монтевидео и Буэнос-Айрес в Парагвай. С конца августа приобретенные *паулистами* за 115000 долларов грузовики *Форда* доставляли в Пунта-Поран бензин и продовольствие. Несколько позже по этому каналу поступало и оружие. Правительственным войскам удалось подавить восстание к 2 октября до прибытия основной его части. Этим воспользовались страны, через которые это оружие шло транзитом. Так, Асунсьону удалось приобрести некоторое количество автоматических пистолетов, винтовок и патронов. Интернирование *паулистов* на территории республики дало ещё средства связи, грузовики, сотни винтовок и пистолетов-пулеметов, столь необходимых Парагваю. Вместе с излишками и трофеями Бокерона это позволило приступить к оснащению полков второй линии. Их комплектование завершилось в феврале после прибытия стрелкового оружия из Аргентины, а также минометов из Франции.

Первым шагом правительства Э.Айялы при «интегральной» мобилизации экономики стал декрет, по которому Обменное Бюро получило право выдавать 50% валютной выручки в *песо фьюэрте*. Год спустя по закону N1362 эта организация приобрела права государственного банка и стала принимать депозиты. Бюро была главным источником поступлений в иностранной валюте. Поскольку государственные доходы складывались из таможенных пошлин и акцизов, а введение прямых налогов противоречило принципам *faire laissez*, правительство Э.Айялы решило финансировать войну путем увеличения денежной массы в обороте. Этим вызвало резкое падение покупательной способности *песо фьюэрте*. По отношению к аргентин-

скому песо его курс вырос с 19,5 в 1932 году до 28 – в 1933, 69 – в 1934 и 90 – в 1935. Инфляция привела к резкому росту цен на потребительские товары. Их индекс перед войной упал до рекордно низкого уровня: 67% к 1930 году. В 1932 году он поднялся на 10%, а через год в полтора раза превысил уровень 1931 года. В следующем году индекс потребительских цен вырос еще на 40% и составил 240% от уровня 1932 года. Быстрый рост цен на потребительские товары требовал от правительства принятия мер по регулированию потребления: уже с конца 1932 года были введены пайки двух категорий.

Тыловой паек парагвайских военнослужащих и приравненных к ним государственных чиновников состоял из 750 грамм маиса или маниоки, в то время как рабочие и гражданские служащие получали по 600 грамм. Каждый паек дополнительно включал 3 фунта мяса, 300 грамм масла и 400 грамм соли, а также в небольшом количестве специй. Остальные продукты (сахар, матэ, табак, алкоголь) надо было приобретать на рынке. На фронте солдаты часто получали дважды или трижды в день тарелку супа, сделанного из 300 грамм из кукурузы или маниока на воде или кукурузную муку, которую сами пекли на огне. Такое положение с провиантом ослабляло организм солдат: болезни косили ряды армии не хуже пуль и снарядов противника. Это стало главной причиной различных эпидемических заболеваний, например, гриппа зимой 1933 года. Периодически от десятой части до четверти состава действующей армии оказывалось в лазаретах, откуда не возвращался каждый двадцатый. Так, единственным спасением от дизентерии было постоянное потребление традиционного парагвайского напитка – *матэ*.

Обмен товаров был возложен на потребительскую кооперацию, имевшую широкую сеть местных отделений и четыре зарубежных представительства (3 – в Аргентине и 1 – в Монтевидео). Работа этой организации сняла с правительства заботу по обеспечению населения потребительскими товарами за счет валюты, поступавшей с *Обменного Бюро*.

За два месяца после объявления мобилизации парагвайские части были развернуты до штатов военного времени и сосредоточены на театре военных действий. Парагвайская армия к этому времени развернула следующие соединения:

Первая дивизия (командир – п/полк. Х.Ф.Эстигаррибия, нач.штаба – май. К.Фернандес) в составе следующих частей: 2 *Итороро* (май. Х.Р. Вера) и 4 *Курупаити* (май. Х.А.Ортис) пехотных, 2 *Толедо* (май. Т.О.Кабрал) кавалерийского полков, 1 инженерного батальона *Генерал Акино* (кап. Б.К.Ирала), 2 артиллерийской группы *Генерал Роа* (кап.Р. Ролон) и 1 медицинского отряда. К 13 августа дивизия насчитывала 3500 человек располагалась в Исла Пой и ожидала прибытия маршевых подкреплений, после чего была готова к активным операциям.

Вторая Дивизия (п/полк Г.Нуньес) в составе 1 *2 мая* (май. П.Антола) и 3 *Корралес* (май. Х.Д. Мельгарехо) пехотных и 1 *Валуа Риварола* (п/полк. М.Г. де Сунига) кавалерийского полков, 1 артиллерийской группы *Генерал Бругес* (май.Х.Л.Вера) и 2 медицинского отряда. Дивизия базировалась на Консепсьон и занимала силами до 1500 солдат Нанаву. Основу гарнизона этого форта составлял полк *Корралес*.

Третья Дивизия (п/полк. Х.Х.Санчес) в составе 5 *Ген. Диас* (п/полк Ф.Кабрера) пехотного полка, 1 батальона морских стрелков *Ричуэло* и гарнизонов *Баия Негра* и *Фуэрте Олимпю*, поддержанных канонеркой *Такуари* и авизо *Лейтенант Эррера* прикрывала верхнее течение реки Парагвай. 8 пехотный *Пиребибуй* (май. М.Л.Декуд) и 3 *Монгелос* (май. Ф.М.Смит) кавалерийский полки формально входили в состав третьей дивизии, но были удержаны главным командованием в качестве резерва.

В тылу быстрыми темпами формировались ещё два пехотных полка: 6 *Бокерон* (май. А.Брей) и 7 *24 мая*, а также 3 артиллерийская группа, получившая название *Коронель Эрмоса* (кап. А.Агилера)

Им противостояли боливийские войска общей численностью в три с половиной человека, из которых 2700 были комбатантами. Северо-восток Чако занимала 3 дивизия генерала Х.Ланцы, штаб которой располагался в Роборе. Её тысяча солдат занимали *фортины* Ингави,

Богадо и Мадрехон. В дивизию входили 12 пехотный полк *Флорида* подполковника Л.Гамарры, 4 кавалерийский полк Ингави майора Р.Барриентеса, 8 отдельная батарея м 3 инженерный батальон. Пуэрто-Суарес, расположенный в истоках реки Парагвай, занимал 13 пехотный полк *Кихара* подполковника З.Мурильо, входивший в 5 дивизию. Он насчитывал 500 солдат. В цетре чако располагалась 4 дивизия, командиром которой был полковник Ф.Пенья. В его подчинении находилось в 2016 человек, занимавшие линию фортинов, протянувшихся с юга от поста Тинфуник на Пилькомайо до Камачо. Дивизия состояла из трёх пехотных и кавалерийского полков, усиленных инженерным батальоном *Паукарната* и отдельной батареей. 4 пехотный полк *Лоа* под командованием подполковника Э.Пеньяранды занимал фортины *Алихуату* и *Баливьян*. Он насчитывал 540 человек и имел 2 полевых орудия. Триста шестнадцать солдаты 6 полка *Кампос* под командованием подполковника М.Марсаны защищали фортин *Арсе* в то время, как 8 полк *Аякучо* под командованием подполковника Х.Гальегильеса располагался от Сааведры до аргентинской границы. Оперативным резервом дивизии служил 5 кавалеристский полк *Ланса подполковника* А.Суареса. Большинство солдат дивизии были знакомы с местными условиями и заслуженно считались ветеранами Чако. 19 июля в Боливии был проведён призыв резервистов 1930-32 годов призыва. Они пошли на укомплектование десяти новых (14-23) пехотных и двух (5 и 6) кавалеристских полков. Первый резервный контингент, посланный в Чако составили 500 солдат 7 пехотного полка *Азурдуй* под командованием подполковника Э.Агирре. В последнюю неделю июля его часть выступила из Ла Паса. Следом за ним на театр военных действий двинулись 14 и 16 полки. На фронт они прибыли только в последних числах октября. В течение зимы (с июня по август) в зону боевых действий прибыло примерно две тысячи солдат, большинство из которых влились в 4 дивизию.

13 августа 1 и 2 пехотные дивизии Армии Парагвая были усилены 3 кавалерийским полком и 2 артиллерийской группой. И объединены в армейский корпус. Его возглавил Х.Ф. Эстигаррибии, а его начальником штаба был назначен подполковник М.Гарай. Командование первой дивизией принял подполковник Фернандес. Это соединение получало львиную долю пополнений, которые выгружались в Пуэрто-Касадо, Пуэрто-Пинаско и Консепсьоне. Уже 20 июля в 1 пехотную дивизию прибыли резервисты 2 пехотного полка *Итороро*. Всего через неделю были полностью укомплектованы полки *Коронель Монгелос* и *Курупаити*. 13 августа прибыли резервисты для артиллерии и инженеров, а состав, расположенный в *Нанаве* полка *Корралес* из 2 дивизии, был доведён до 1500 человек. Если общая численность парагвайских войск в районе *Исла-Пой* достигла 5000 человек, то к 23 августа в его составе насчитывалось 6538 солдат.

Первого сентября началась переброска частей 2 дивизии на фронт. К этому времени в составе 1 корпуса уже насчитывалось 7500 солдат.

Узкоколейная железная дорога Между Пуэрто Касадо и Минас Куэ

Пополнения в действующую армию прибывали речным транспортом в Пуэрто Касадо. Здесь они пересаживались в вагоны и по узкоколейной железной дороге длиной в 160 километров в Минас-Куэ. Отсюда они пешим порядком следовали через Касанильо в Исла-Пой. Дополнительными коммуникационными линиями корпуса были узкоколейки, ведущие вглубь Чако, от Пуэрто-Пинаско (75 километров) и Пуэрто-Састре (76 километров). Первая линия выводила к фортину *Рохас Сильва*, где концентрировалась 1 кавалерийская дивизия, а вторая к Каррерии, вспомогательной базе снабжения, расположенной несколько севернее Минас-Куэ. Всего с 12 июля по 17 августа 1932 года по этим маршрутам были переброшены 15000 человек. Существенную роль в перевозке войск сыграли новые канонерки *Умайта* и *Парагвай*, бравшие на борт за один рейс по пехотному полку (1300 человек) и ходившие в два раза быстрее, чем остальные пароходы. К 23 августа сюда прибыли часть кавалерийской дивизии, увеличив группировку до 6538 солдат. Следом прибыли 2 артиллерийская группа и тылы 2 дивизии. В начале сентября в распоряжении командования корпуса находилось 7500 человек из состава кавалерийской, 1 и части 2 пехотных дивизий. Переброска 2 дивизии закончилась к 14 сентября, когда на фронт прибыл входивший в эту дивизию 1 пехотный полк *2 мая* в составе 1500 человек.

Наряду с пополнением резервистами кадровых частей в тылу шло активное формирование полков второй линии – 4 (4-7) кавалерийских и 6 (6,7,9-12) пехотных полков и 3 артиллерийской группы. К 17 августа их численность достигала шести тысяч человек. Первый боеготовый полк – *Бокерон* (6 пехотный) под командованием начальника столичной полиции Артура Брея, прибыл на фронт 25 сентября. Он насчитывал 1800 человек. За ним последовали другие части, вскоре составившие 4 и 5 пехотные дивизии (4, 5 кавалерийский, 7 и 9 пехотные полки). Их переброска затянулась до 17 октября. К этому моменту численность парагвайских войск достигла 24 тысячи человек, в том числе две трети из них – на ТВД.

Развертывание частей и штабов выявило нехватку командного состава. Ускоренный выпуск кадетов, привлечение волонтеров и мобилизация офицеров запаса не смогли удовле-

творить потребности армии. Такая же ситуация была и сержантами. Это вызвало реорганизацию системы военно-учебных заведений. Так, в учебном лагере Кампо-Гранде были созданы курсы подготовки младших командиров, а количество кадетов в Военной школе и офицерских курсах был увеличен. Набор курсантов производился среди учащихся средних и высших школ, а также наиболее отличившихся солдат и сержантов Базовым профилем школы оставалась пехотная подготовка, но при ней действовали специальные классы: артиллерийский, саперный, связи, пулеметный и снабжения. Несколько позже были открыты классы разведки (25 человек), фехтования и гимнастики. Военную подготовку обеспечивали свыше полусотни преподавателей и инструкторов и почти пятьсот человек административного и обслуживающего персонала, включая солдат срочной службы. К процессу обучения были привлечены русские и аргентинские офицеры в отставке. Благодаря им качество обучения кадетов сохранилось на высоте. Уже первый выпуск позволил укомплектовать командные кадры 4 и 5 пехотных дивизий.

Пока парагвайское командование усиленно сосредотачивало войска и готовило плацдармы для штурма *Бокерона*, их противник приводил в порядок укрепления и склады *Алихуаты* и *Муньоса*, которые оказались неподготовленными к приему большого количества войск. Как только улеглась эйфория, вызванная военными призывами и бескровными «победами», начались проблемы, связанные с мобилизацией, снабжением и развертыванием армии. Будучи реальным политиком Д.Саламанка полагал, что парагвайское правительство постарается разрешить конфликт дипломатическим путем, и Боливии при поддержке США удастся выторговать себе новые уступки в вопросе разграничения Чако, в обмен на занятые форты. Поэтому он не спешил с объявлением мобилизации. Так, в июне были набраны солдаты призыва 1930-32 годов, в августе в столицах департаментов были призваны солдаты 1928-31 годов службы, и только 13 сентября – резервисты департаментов Чукисака, Санта-Крус, Ла-Пас, Кочабамба, Оруро, Потоси и Тариха служившие в 1927-29 годах. 23 сентября была объявлена мобилизация резервистов 1923-26 годов. На ход призыва сильно влияло общественное мнение. Первоначально, многие молодые *чоло*, охваченные патриотическим порывом, записались добровольцами в армию. После того, как стало ясно, что война обещает быть долгой и трудной, многие из них постарались устроиться в глубоком тылу, используя связи своих свойственников. На войну пошли представители низших классов – шахтеры и крестьяне.

В середине 20-х годов генерал Г.Кундт разработал план всеобщей мобилизации в случае войны с Чили или Парагваем. Во время инцидента в Вангардии в нем выявились недостатки, которые на бумаге были устранены. Что касается оперативного плана войны, то он с 1924 года существовал в виде случайной фразы, обороненной генералом: «Асунсьон можно взять лобовым ударом. Для этого мне потребуется 3000 штыков». Эта «директива» была уточнена начальником Генерального Штаба Родригесом. В 1930 году он планировал развернуть в случае войны с Парагваем 4060 штыков и 5 батарей. Силы противника, которые могут им противостоять в Чако оценивались в 3000 бойцов. Однако, последовавшее за отставкой Г.Кундта сокращение армии дезорганизовало всю систему развертывания войск. Мобилизационный план 1930 года предусматривал развертывание 6 смешанных бригад в 10 дивизий однородного состава. В каждую из них должен был входить один кавалерийский и 4 пехотных полка, а также группу артиллерии. В распоряжении главного командования оставались еще 8 пехотных полков, 8 групп артиллерии, 4 транспортных и 2 саперных батальона, 8 военно-санитарных учреждений и 5 автотранспортных рот, а также Авиационный корпус. В своих рядах они должны были насчитывать 106000 человек, в том числе 5 тысяч офицеров и 15 тысяч сержантов. Призыв резервистов осуществлялся через сеть призывных участков (44), разбросанных по стране. Участки направляли призывников в кадровые части, где формировались маршевые отряды для пополнения полевых войск. Однако по мере убытия кадровых офицеров и наиболее обученных рекрутов на фронт уровень боевой подготовки и сплоченности маршевых отрядов падал, что сказывалось на их боеспособности. В начале войны негативным фактором, действующим на мораль ново-

бранцев, было прохождение выздоравливающих солдат сквозь депо. Их подавленный боевой дух отрицательно сказывался на новых рекрутах. С другой стороны, наличие обученных солдат в составе маршевых подразделений позволяло проводить подготовку резервов прямо в поездах, идущих на фронт. В целом, полковые штабы боливийской армии справились с задачей обеспечения войск пополнением. Их наличие облегчило задачу восстановления боеспособности боливийских частей даже в случае их полного уничтожения.

На развертывание соединений в штаты военного времени и их выдвижение план Г.Кундта давал 10-15 дней. Особое внимание уделялось мобилизации транспорта. Войскам требовалось 20000 лошадей (5000 кавалерийских и 3000 артиллерийских). К 1932 году Боливия располагала 62000 годных для военной службы лошадей (5500 кавалерийских и 12200 артиллерийских). Однако главный упор делался на мобилизацию частного автотранспорта. На военное положение переводились все железные дороги и речные суда. На эти мероприятия мобилизационный план Г.Кундта выделял только два дня, но фактически время набора растянулось на несколько недель. Насколько вяло текла мобилизация, настолько же медленно наращивалось боливийское военное присутствие в зоне конфликта. В июле в Чако прибыло 1826 солдат, в следующем месяце – 3521, а в сентябре – 4216. К концу четвертого месяца конфликта боливийцам удалось сосредоточить на театре военных действий столько же войск, сколько Парагваю за один месяц. Быстрая мобилизация парагвайской армии и сосредоточение ее на театре военных действий оказались неожиданными для боливийского командования. Тем не менее, боливийский Генеральный Штаб оптимистично относился к перспективам войны, полагая, что появление двух прекрасно оснащенных дивизий в долине Пилькомайо и еще двух в верховьях реки Парагвай быстро решат исход войны. Ничего не делалось и для мобилизации промышленности: располагая значительными военными запасами, боливийское военное и политическое руководство, игнорируя опыт мировой войны, полагало обойтись ими. 3 августа началось формирование 7 пехотной дивизии в Вилье-Монтес в составе трех новых пехотных полков (14 – в Вилье-Монтес, 15 – в Тарихе и 16 – в Туписе). В связи с обнародованием доктрины Мендосы оно на следующий день было приостановлено специальным распоряжением президента и возобновилось только 12-14 августа.

Послевоенные критики Д.Саламанки обвиняют его в авантюризме при развязывании Чако войны и, в частности, задержке выдвижения указанных полков в Чако более чем на две недели. Поведение главы государства можно легко объяснить целым рядом факторов, как внутренних: слабой компетентностью верховного командования, так и внешних. В качестве основного аргумента для объяснения этой задержки приводится факт медленной мобилизации боливийской армии. Однако не следует забывать, что с большим наплывом резервистов штабы кадровых дивизий не могли справиться, а их нужно было подучить и оснастить. Во-вторых, *доктрина Мендосы* воспринималась *роской* как очевидное проявление слабости. Поведение Ла-Паса, основывалось на твердой уверенности боливийских и американских дипломатов, что Асунсьон боится начать войну, а Аргентина не способна активно вмешаться на его стороне.

Кроме политических факторов темпы концентрации боливийских войск в Чако сдерживали организационно-транспортные проблемами. Автомобильный парк боливийской армии был гораздо крупнее парагвайского, но и коммуникации были длиннее. От железной дороги в Туписе до передовой базы снабжения в фортине *Муньос* расстояние составляло 800 километров. Эта коммуникация обслуживалась несколькими сотнями автомашин, разделенных на колонны. На практике грузовики на маршруте смешались. Перегрев моторов и разъедающая пыль чакских дорог зимой и непролазная грязь летних дождей приводили к частым поломкам двигателей автомашин. Они усугублялись налетами парагвайских патрулей. Дорога от Вильи-Монтес до фортины *Муньос* была усеяна остовами неисправных грузовиков. Требовалось особое умение и терпение, чтобы привести движение транспорта по маршруту Туписа – *Муньос* в порядок. Как раз этого у боливийского командования не хватало.

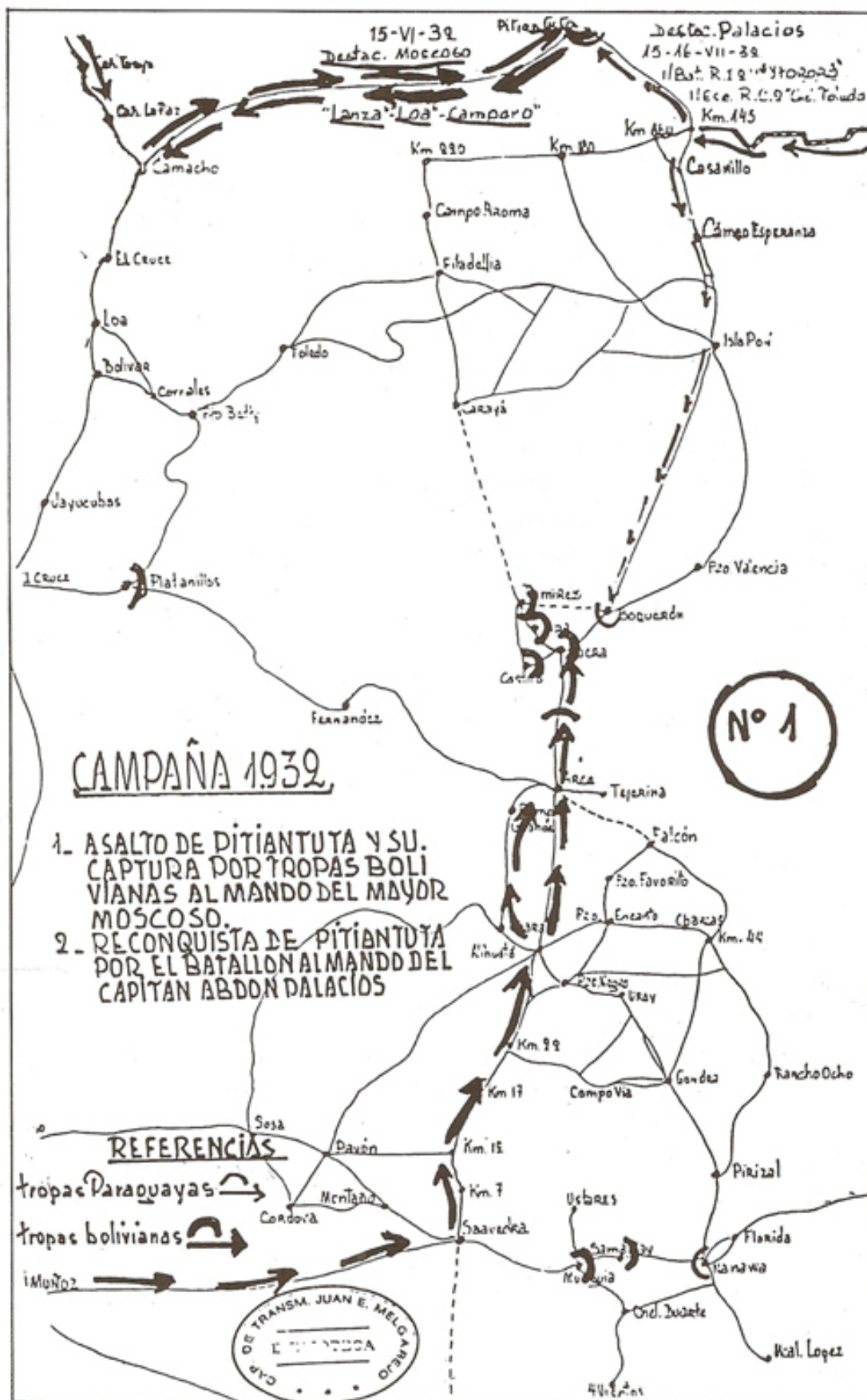
В сентябре 1932 года была объявлена мобилизация частного автотранспорта. В силу ряда причин она протекала очень медленно, чем тормозила переброску пополнений и военного имущества в Чако. В те годы автомобиль в Боливии представлял особую ценность. Владение грузовиком обеспечивало горожанину – *чоло* не только хороший заработок, но и определенный социальный статус. Поэтому при мобилизации водители старались со своей машиной попасть не на фронт, а устроиться в тылу: шоферы не хотели гробить свои машины, представлявшие в Боливии надежный источник дохода. Только к концу года военному министерству удалось обеспечить фронт необходимым количеством автотранспорта. За время войны в армию были приобретены и мобилизованы несколько тысяч автомобилей разного типа, которые составили основу системы снабжения действующей армии. Со временем, боливийское командование нашло простое решение проблемы для шоферов, гробивших свои машины: они направлялись на передовую. Поэтому между шоферами, может быть самыми привилегированными солдатами боливийской армии, происходило своеобразное соревнование за «выгодные» маршруты – подальше от линии фронта. Переход боливийского железнодорожного транспорта на военное положение прошел более гладко. Но и после этого большинство железнодорожных линий работали по мирному расписанию. Это было следствием легкомысленного отношения к противнику и проявлением авантюрной концепции «военного приключения на юго-востоке». В условиях ненадежного наземного транспорта экстраординарное снабжение боливийских войск в Чако держалось на дюжине транспортных самолетах, конфискованных у ЛАБ. Они в общей сложности могли перебросить до 8 тонн груза за один рейс и вывезти около 120 тяжелораненых из района военных действий. Их старались использовать в экстренных случаях и не подвергать опасности. Только один из них, *Чаркас* F13, был потерян за время войны. В 1934 году он попал в грозу и разбился. Транспортные самолеты оперировали с аэродрома Ла-Пас и совершали челночные рейсы сначала на *Муньос* и *Диего-Суарес*, а затем на *Бальвиан* и *Виллу Монтес*.

Офицер батареи *Селеме* Мануэль Сааведра Кирога так рассказывал о переброске своего подразделения в Чако. 15 августа их батарея погрузилось в Оруро в эшелон, направлявшийся в Тупису. Через два дня его подразделение выгрузилось и совершило пятидневный марш до Тарихи. Только 6 через 15 суток после прибытия, батарея пешим порядком выдвинулась в Виллу Монтес, куда прибыла 11 сентября. Здесь она получила на вооружение 4 горные 75мм пушки *Виккерса* и 5 грузовиков. Три дня спустя подразделение выехало в *Муньос* и достигло его на пятые сутки. Таким образом, путь регулярной части до театра военных действий составил в общей сложности 32 дня. Этот темп выдвижения в целом соответствовал уставам того времени.

Только в начале сентября военно-политическое руководство Боливии осознало неизбежность военного столкновения с Парагваем. Под влиянием момента было принято решение о формировании сразу всех частей, предусмотренных общей мобилизацией. При этом было решено оставить в каждом полку по одному батальону. Для комплектования 34 пехотных и 12 кавалерийских полков не хватало как солдат, так и командного состава. Вследствие этого многие части были в эмбриональном состоянии и были направлены на фронт с большой задержкой. Эти новые полки представляли собой слабые батальоны, а кавалерия не представляла собой регулярной силы. Недостаток в них командного состава привел к призыву всех отставных офицеров независимо от их политических симпатий и квалификации и произведен досрочный выпуск из Военного Колледжа, а также был втрое увеличен набор в военно-учебные заведения.

Обладая в несколько раз большими ресурсами, боливийское правительство ничего не делало для мобилизации экономики страны. Рост цен на олово обеспечил президенту Д.Саламанке широкое поле для маневра. Находясь под воздействия стереотипа, он искренне считал Парагвай варварской страной, а его армию – толпой оборванцев, вооруженных мачете. Поэтому он считал целесообразным не перекладывать на гражданское население тяготы войны. Вместе с

тем, он стремился обеспечить своим солдатам превосходство в вооружении над противником. Когда выяснилось, что парагвайские *Потезы* превосходят самолеты *Виккерса*, он приобрел десятки новейших машин *Кэртиса*, которые обеспечили полное господство в воздухе. Узнав о наличии у противника пары дюжин минометов, он выделил средства на приобретение сотни. Легкий доступ к иностранным рынкам оружия и боевого снаряжения привел к тому, что военное производство Боливии оказалось представлено только ремонтными мастерскими и небольшим военным арсеналом, производившим патроны и ремонт стрелкового оружия. Кроме него на нужды войны работали обувные, текстильные и швейные фабрики, нефтеперерабатывающие и чугунолитейные заводы. Все они выполняли заказы министерства обороны, получая в твердой валюте за поставленную продукцию.

8. Невидимый фронт.

Информационная блокада. Психологические установки и боевой дух солдат. Пропаганда и разведка. Деятельность секретных служб. SSB.

Удивительным самим по себе является тот факт, что затерянные в глубине Американского континента две немногочисленные нации смогли в течение трёх лет вести друг с другом дорогостоящую кровопролитную войну. При этом они не обладали практически никаким собственным военным потенциалам и имели ограниченный доступ к рынку современного оружия. Главное, что об этой войне долгое время было мало известно. Несмотря на то, что это события одного порядка наши современники хотя бы имеют представление о событиях на КВЖД и итало-эфиопской войне, а военные историки используют предвзятые американские источники. Причиной этому явилась излишняя идеологизация: советская историография не могла обойти значительный вклад белогвардейцев в Чакской войне, а в США постарались затушевать один из крупнейших внешнеполитических провалов первой администрации Ф.Д.Рузвельта. Еще до начала II мировой войны Лига Наций и Панамериканский союз поставили густую завесу вокруг этого конфликта, чтобы скрыть свое бессилие в решении простого территориального спора двух третьестепенных держав. Легко понять геополитические (стремление занять максимум пустующей территории), экономические (борьба за нефть и выход к водным путям) и идеологические (реваншизм и национальная гордость) истоки конфликта. Но это не объясняет длительности и ожесточенности столкновений за, в общем, бесплодную землю. Целых три года четыре миллиона человек в той или иной степени участвовали в войне и тратили на нее свое, итак незначительное, достояние. Только теперь стало ясно, что продолжительность конфликта была определена не столько геополитическими интересами соперников и стоявших за их спиной соседей, сколько интересами США. Парагвайцы оказались упорнее и победили в игре без приза: на последнем этапе войны парагвайская армия теоретически могла захватить нефтяные источники Боливии и серьезно осложнить ей дальнейшее ведение войны, она этого не смогла достичь в силу полного истощения своих сил.

Проведенный выше сравнительный анализ экономического и военного потенциала Боливии и Парагвая показывает несравнимое количественное превосходство первой. Так, по стрелковому оружию и авиации Боливия в начале войны превосходила Парагвай 4:1, артиллерийским системам – 2,3:1, пулеметам -5,7:1. Однако качественных различий между социально-экономической структурой обеих стран не было. Оба государства представляли собой олигархические республики, контролируемые латифундистами, компрадорами и иностранным капиталом (только в Боливии олигархия была структурирована в форме *роски*). Как было показано выше, их история, социальная структура, распределение собственности формировались схожим путем. Однако существовали и различия. Во-первых, боливийское общество было разделено на два противостоящих друг другу этноса – *чоло* и индейцев, занимавших разные уровни социальной пирамиды. Это различие подчеркивалось на культурном, языковом и ментальном уровне. Парагвайцы же были цельны как нация: культура гуарани являлась составной частью культуры асунсьонских креолов. Во-вторых, *чоло* и индейцы были, соответственно, городским и горским этносами, в то время как парагвайцы – жителями равнин. Вследствие этого, последние оказались лучше приспособлены к природным условиям Чако. В-третьих, *чоло* в материальном плане жила лучше парагвайцев и осознавала это. Относительно высокий уровень образования и кругозора давал им осознание бесперспективности войны, что выразилось в таком специфическом явлении как «пораженчество». В-четвертых, как показала война, правящая элита Парагвая смогла крепче сплотиться для руководства

войной, чем *роска*. Это было следствием тридцатилетнего господства в Парагвае Либеральной партии. Однако, эти факторы остаются второстепенными.

Главной причиной победы Парагвая в войне стал боевой дух его солдат и офицеров. Причиной стойкости стала психологическая установка, сохранившаяся со времен войны с Тройственным Альянсом: «Победить или умереть» (*Vencer o morir*). В ней причудливо переплелся присущий гуарани фатализм с прагматическим подходом асунсьонских креолов: «не проиграть». В общественном сознании нации Боливия выступила поборником агрессии, что только усиливало эффект. В своей массе парагвайские солдаты и офицеры были уроженцами сельской местности и самой своей жизнью были лучше подготовлены к воинской службе, чем изнеженные *чоло*. Их быт был непривычен, они часто ночевали под открытым небом, а каждый день был заполнен сельским физическим трудом, вырабатывавшим силу и выносливость. Кроме того, вследствие беспрестанных *пронунсиаменто* и гражданских войн в стране господствовал дух *монтонеры*, и многие жители с пеленок учились владеть оружием. Почти в каждой семье (за исключением иммигрантов) хранилась память о подвигах родственников в войне Тройственного Альянса или участии в конфликтах парагвайских политических фракций. На *асьендах* и *чакрах* имелись не только охотничьи ружья и револьверы, но и магазинные винтовки, и автоматические пистолеты, полученные их хозяевами во время либеральных революций.

«Даже те, кто делал карьеру вдали от политики, например, в сельском хозяйстве не могли без труда идти по тропе мира. Неопытные адвокаты часто носили в своем портфеле пистолет, управляющий ранчо или плантацией, живущий вдали от столицы, тем не менее постоянно совершенствовал свои навыки во владении ружьем и ножом. Редактор, который ежедневно рисковал оскорбить кого-либо пером, поступал непредусмотрительно, если пренебрегал средствами самозащиты» – так описывает состояние парагвайского общества в эпоху либерализма один из современников.

Таким образом, для гуарани война за Чако была борьбой за выживание, как нации. Из этого не следует, что все мужское население Парагвая готово было встать стеной на защиту Родины. Ряд крупных политических деятелей Либеральной партии уклонился от участия в войне, а некоторые даже встали на путь предательства. Во время войны существовали такие явления, как уклонение от призыва и дезертирство, но они не носили массового характера. Последнее часто вызывалось бедственным положением членов семей призывников. В этих случаях дезертиры возвращались в строй, оказав своим домашним посильную помощь. Гораздо более серьезной проблемой стало уклонение иммигрантов от военной службы. Многие из них, в основном немцы, приехали в Парагвай, бежав от ужасов мировой войны и революций, охвативших Европу. Когда перед ними встала необходимость вновь взять в руки оружие, они предпочли прикрыться своей верой.

Боливийская психологическая установка была ориентирована на легкую победу. При этом осознание конечной победы в течение всей войны витало над боливийскими солдатами и, естественно, удерживало их от самопожертвования. Поэтому, когда на них посыпались первые неудачи, солдаты пали духом и побежали. Как только эмоциональный подъем, охвативший Боливию с началом войны, пошел на спад, многие *чоло* стали испытывать тягу к мирной жизни. Для того чтобы покинуть ряды действующей армии они использовали любые благовидные (ранение) и не очень способы (связи), а некоторые попросту дезертировали. Даже те, кто оставался в строю, были морально слабее своего противника. Показательны соотношения боливийских и парагвайских пленных: 9 к 1, и потеря в вооружении: 50 к 1. В 1935 году, когда парагвайцы исчерпали все свои резервы боливийцы не смогли наступать.

Именно настрой парагвайской нации на тотальную войну позволил ей выйти из жестокого столкновения победителем. Однако и у них были *leftistas* – «закосившие». Они специально подставлялись под выстрелы противника, чтобы получить легкое ранение, или устраивали «самострелы». Только во 2 пехотном полку в сентябре 1932 года были зарегистрированы

несколько десятков самострелов. Аналогичная ситуация, замечалась и у боливийцев. Командир 3 боливийского саперного полка подполковник Кирога в своих мемуарах описывает ряд таких случаев. В рядах войск обеих противников имелись случаи дезертирства. Если среди парагвайцев их были единицы, то количество дезертировавших боливийцев за годы войны их число достигло трех тысяч человек.

Отношение правящих кругов, отражение положения на фронте и в тылу, успехи и промахи внешней и внутренней политики во многом определяют общественное мнение и дух армии во время войны. Степень и качество воздействия средств массовой информации на население часто является фактором, определяющим степень мобилизации страны. Исход боя зависит от морали войск, а войны – патриотического настроения народа. С начала XX века неизменным спутником каждой войны стало стремление снизить боевой дух противника средствами запугивания и подкупа, пропаганды и дезинформации. В горниле Первой мировой войны появилась массовая пропаганда. Первой ее создала Великобритания, обливавшая со времён Наполеона всех своих противников грязью. В течение последующих лет она совершенствовалась и стала эффективным оружием воздействия на общественное мнение страны и моральный дух ее противников. А. Гитлер открыто признавал превосходство англичан в этой области и считал ее главным фактором, приведшим Германию к Версалию. Позже пропагандистскую эстафету переняли у англичан тоталитарные режимы (большевики, фашисты, нацисты), превратившие ее в инструмент контроля над обществом.

Зарождение органов пропаганды в Боливии относится к годам президентства Э. Силеса, который поздно осознал ее силу. Первым толчком к ее появлению послужили крестьянские восстания конца 20-х годов. Просчет президента-диктатора привел к его падению. Новый глава государства Д. Саламанка перенял эстафету и широко использовал пропаганду для закрепления у власти. Ее основной задачей стала канализация недовольства *чоло* против «внешнего врага» – Парагвая, который мешает восстановлению «естественных рубежей Боливии от Тихого Океана до Параны». Если правительство Э. Силеса как-то маскировало военные приготовления, то новый кабинет включил «восстановление прежних границ» в свою политическую программу, из которой следовало, что Парагвай становится противником №1. Пропагандистский аппарат партии, контролируемые *роской* средства массовой информации и американская дипломатия подогревали джингоизм *чоло*, обьявив приобретение порта на реке Парагвай панацеей от всех экономических проблем. Такая массированная атака достигла результата – креольская часть Боливии жаждала крови своего южного соседа.

После событий у Питиантуты активисты Республиканской партии развернули широкую кампанию, осуждавшую парагвайскую провокацию. В столице и центрах департаментов прошли митинги с требованием наказать агрессора. Все это было глубинке внове: народ верил демагогии политиков. Под трескучие фразы боливийская армия заняла ряд парагвайских фортинов. Первые удачи дали новую пищу пропаганде: «Парагвай слаб, его солдаты босы и вооружены мачете». Эти клише стали быстро повсеместно распространяться. Вскоре они перешагнули границы страны и достигли США и Европы. Сотрудники госдепартамента с большим энтузиазмом поддержали «индейскую войну» белой Боливии. Сформировав образ врага, боливийская пропаганда совсем забыла о нем. Вопреки прогнозам поход в Чако затянулся, поскольку противник оказался стойким. Вскоре выяснилось, что дух парагвайской армии высок, а народ готов к жертвам. Боливийские листовки начала войны делали упор на необходимость мирного разрешения пограничного спора и бесперспективность сопротивления и войскам. Неудачи на фронте сделали эти доводы неубедительными. Они же заставили боливийских пропагандистов пересмотреть «образ врага» – теперь упор делался на «варварские методы» ведения войны и ужасов плена. В качестве наглядного примера использовался факт убийства с помощью мачете нескольких десятков солдат под фортином *Толедо*. Оно получило широкий резонанс не только внутри, но и вне страны и снизило престиж Парагвая. Благодаря

этим методам боливийской пропаганде удалось остановить разложение войск и повысить их боевой дух. В отношении противника методы агитации также изменились: теперь упор был сделан на описание лишений солдат и членов их семей на войне. Это принесло гораздо больший эффект и способствовало росту антивоенных настроений в армии и тылу противника.

До 1934 года многие боливийцы не брали войну в голову, считая ее не очень удачной авантюрой военных. В какой-то степени в плену этого мнения оказалась и *роска*. Существенный вклад в формировании этого мнения сыграла военная цензура. Она организационно офор-

милась во второй половине 1933 года, когда не удалось скрыть размеры катастрофы в Кампо-Виа. В течение последующих месяцев она достигла такой степени совершенства, что события у Эль-Кармен и Бальивиана не стали достоянием общественности. В сочетании с рекламой Таненберга в северном Чако (Альгодонал) боливийской пропаганде удалось сгладить размер поражений этого года. Одним из следствий этого стало прославление военных талантов командира кавалерийского корпуса полковника Д.Торо, заложившая первую ступеньку к падению республиканцев.

В начале 30-х годов парагвайское общество не было готово к активной психологической атаке: либеральная партия переживала очередной кризис, который выразился в отставке президента Х.П.Гуджиари. Сообщения прессы об аграрном кризисе, волнениях в Асунсьоне и мятеже солдат в фортине *Гальпон* рисовали картины раскола общества и близкой революции. На их фоне средства массовой информации многих стран представляли Парагвай легкой добычей. Однако, с началом войны произошло объединение нации против врага. Правительство предприняло все меры, чтобы сплотить общество для победы. Важнейшую роль в этом играла Служба информации и пропаганды министерства оборон, которое возглавил доктор Пастор Урбиета Рохас. Здесь были апелляция к героическому прошлому страны, ее нынешней слабости и патриотизму и невразумительные намеки на реформы после победы. После победы у *Бокерона* и последующих побед народ был охвачен единым патриотическим порывом, которые служили наглядной агитацией «войны до победного конца». Благодаря этой победе парагвайская нация приобрела иммунитет к вражеской агитации. Поэтому в Парагвае главным органом контрпропаганды стала военная цензура, составившая элемент военной полиции. Она не смогла остановить рост антивоенных настроений на третий год войны. Используя аппарат войсковой разведки, парагвайцы гораздо больше преуспели в агитации солдат противника. Проиграв борьбу за общественное мнение, официальные органы Парагвая стали намеренно подчеркивать слабость своей страны и армии. Налеты боливийской авиации на госпитали и нейтральные суда на Паране были использованы Асунсьоном на фоне, чтобы вновь привлечь внимание мирового общественного мнения к конфликту. Благодаря поддержке дружелюбно настроенных Аргентины и Уругвая Парагваю удалось нейтрализовать негативное влияние США.

Ведение активной пропаганды оказалось сложной задачей для обеих сторон. Она требовала знания азов психологии и журналистики. От парагвайцев дополнительно требовалось понимание этнической специфики противника, в частности, различий между *чоло*, кечуа и аймара. Пропаганда должна была вызывать доверие и убеждать правдивостью, понижая боевой дух противника и укрепляя мораль своих войск. Это можно достичь только при использовании реальных фактов. Именно поэтому информация в соответствующей интерпретации стала наиболее убедительной формой агитации командного состава. В начале войны это часто игнорировалось пропагандистами, которые предпочитали угрозы и запугивание. В ходе войны определились три основных вида агитации в зависимости источника и содержания:

- от имени правительственных органов (официальная информация);
- маскировочная (истинный источник заменен ложным, схожим с официальным источником противника);
- анонимная (скрытие источника информации).

По целям пропаганда делилась на общеполитическую (подрыв духа нации) и оперативную. Содержание первой определяли цели войны, а ведущее место занимали военно-политические и социально-экономические проблемы. В ней особенно преуспели боливийцы, которые создали и распространили ряд агитационных материалов. Оперативная пропаганда была обращена к личному составу войск противника и являлась скорее элементом войсковой разведки, чем СМИ, Она исходила из обстановки на конкретном участке и имела своими задачами ослабление боеспособности противника и оперативную маскировку. Агитация войск противника

началась с первых дней конфликта. Уже в сентябре 1932 года боливийские самолеты разбрасывали листовки над войсками противника. Этот способ был самым распространенным. Следует отметить, что он часто был неэффективен из-за малограмотности индейцев, составлявших в обеих армиях большинство. Другим способом стала посылка парламентариев и возврат пленных, призывавших соплеменников к капитуляции. Благодаря хорошо поставленной войсковой разведке и многочисленным пленным парагвайцы имели лучшее представление о конкретных частях противника, вследствие чего их оперативная пропаганда оказалась более эффективной.

Важным элементом информационного противостояния стала дезинформация. На мировой арене Боливия использовала каналы и поддержку, предоставленные ей дипломатией США, и уверенно доказывала свою правоту. Широкие дипломатические связи и правильно преподнесенная информация оказывали нужное воздействие на Лигу Наций и мировую общественность. Под ее воздействием либеральная Европа считала Парагвай дикой страной, а ее армию бандой мачетерос. В 1932-33 году общественное мнение великих держав было настроено в пользу Боливии и рассматривало войну в Чако как колониальную экспедицию. Лига Наций закрыла глаза на конфликт, передав его решение в руки Панамериканского Союза. Следует обратить внимание, на то, что прокоммунистические круги Южной Америки не столько противодействовали, сколько способствовали развязыванию конфликта, рассчитывая на его перерастание в крестьянскую революцию в Боливии. На это была особая причина – возникновение опорного пункта белой эмиграции в Асунсьоне. Деятельность Южамторга сильно связывала парагвайское правительство. С одной стороны, оно не хотело терять выгодного партнера, поскольку Южамторг, пытаясь закрепиться в Латинской Америке, демпинговал, а с другой, сохранить на своей службе белых офицеров. Для прикрытия последних была создана специальная группа, которая положила начало разведке. Эта дезинформация советских представителей и местных коммунистов удалась, благодаря опыту русских эмигрантов, которые «превратились в мирных колонистов, поселившихся в Нанаве». Тем временем, Н.Ф.Эрн занимался обучением новобранцев в Военной Школе, а Беляев исследовал Чако. Второй задачей парагвайских секретных служб стало создание надежных каналов информации о боливийской армии. В этом ей помог аргентинский военный атташе полковник Швейцер, передавший свою резидентуру в Ла-Паса. Третий крупный успех был достигнут уже накануне войны, когда от боливийцев удалось скрыть прибытие новейших видов вооружения и группы русских офицеров. Таким образом, парагвайской разведке удалось укрывать свои военные секреты не только от Ла-Паса, но и многоопытных дипломатов США, что свидетельствует о ее профессионализме.

Толчок к созданию военной разведки положил инцидент в Вангардии, когда после мобилизации обе стороны неожиданно для себя обнаружили, что почти ничего не знают друг о друге. При существовавшей тогда сравнительной простоте военного дела считалось достаточным наличие в столице противника искусного военного атташе. Поскольку ни Боливия, ни Парагвай не обладали такими кадрами, их генеральные штабы полагались на иностранных специалистов и своих коллег из Вашингтона и Буэнос-Айреса. Их данные оказались противоречивы и расплывчаты, что привело к дезинформации противоборствующих сторон. Это не удовлетворяло Асунсьон, который не обладал способностью выдержать длительную гонку вооружений с Боливией. Парагвайские разведывательные органы создавались при поддержке отдела G2 Генерального Штаба Аргентины, которым руководил полковник Эстебан Вакарейса. Модернизация боливийской армии, развитие дорожной сети, закупки крупных партий оружия – все это настоятельно требовало централизации сбора информации. Поэтому при Управлении генерал-квартирмейстера было создано бюро военной статистики, которое состояло из дюжины офицеров (включая военных атташе) и нескольких сержантов. Его бюджет составлял по тем временам немалую сумму. Нарастание напряженности на севере стали причиной создания особой группы в составе бюро. Она занималась изучением военного потенциала Боливии.

Парагвайская внешняя разведка содержала три элемента. Во-первых, это были дипломатические представительства Парагвая в Ла-Пасе и Лиме и многочисленные консульства. Они занимались сбором информации из официальных источников и прессы. Во-вторых, работа официальных дипломатов дополнялась разведывательными поездками офицеров парагвайской армии. В-третьих, сюда входила нелегальная резидентура, работавшая в интересах соседей Боливии. После первой мировой войны в Ла-Пасе действовали агенты США, Перу, Чили, Бразилии и Аргентины. Многие из них продавали секреты страны сразу нескольким хозяевам. Они рассматривали свою деятельность не как предательство родины, а как своего рода вид политической борьбы. В этих условиях парагвайской разведке было нетрудно создать собственную резидентуру, особенно, в департаменте Санта-Крус, где после подавления восстаний конца 20-х годов были сильны сепаратистские настроения, а образ жизни не отличался от парагвайского. Уже в 1928 году парагвайской разведке удалось внедрить своего агента капитана Фрейтаса. Он был заброшен в Боливию через Сан-Франциско и действовал под прикрытием коммерческой структуры. За пять лет работы он создал обширную шпионскую сеть, в которую входили не только аргентинцы и чилийцы, но и местные. Её деятельность была пресечена в начале 1934 года секретной службой Боливии при проведении операции *Rosita*, а сам Фрейтас арестован. Потеряв резидентуру, парагвайская разведка не имела ни возможностей, ни средств для её восстановления и стала использовать другие каналы. Важной задачей разведки в годы войны было обеспечение транзита оружия в Парагвай и воспрепятствование таковому в Боливию. Парагвайская агентурная сеть была широко раскинута, но оказалась недостаточно эффективной. Это было связано не столько с низким профессионализмом агентов, сколько с децентрализацией сбора разведанных. В годы войны в работе парагвайских спецслужб появился новый фактор – сотрудничество с аргентинскими дипломатами, собиравшими разведанные через случайных информаторов, многие из которых относились к низам общества. Другим источником были немногочисленные агенты РОВС, проживавшие в Латинской Америке.

Активизация боливийской инфильтрации в Чако привела к созданию в составе бюро второй группы. Её задачей стала борьба с инфильтрацией иностранных агентов в Восточный Парагвай. При помощи аргентинских коллег она выявила боливийского резидента в Асунсьоне Фернандеса Смбаути. Тридцатилетний испанец, выросший в Сукре, обладал незаурядными актёрскими способностями и был завербован в ССБ одним из его руководителей Гастона Веласко. Смбаути был заслан в Асунсьон боливийской секретной службой ССБ. Имея хорошо разработанную легенду, он выдал себя за ярого врага Боливии и был принят на службу в военную разведку, несмотря на строгий запрет генерала М.Рохаса на прием иностранных специалистов за исключением белоэмигрантов на военную службу. Став сотрудником парагвайской разведки, Смбаути действовал очень успешно: ему удалось информировать ССБ о наличии парагвайской резидентуры в Ла-Пасе и добыл исчерпывающие данные об агентах сети в Арике, следившими за транзитом военных грузов через этот порт. Когда он организовал взрыв машинного отделения канонерки *Умайта*, он попал под расследование контрразведки. После того, как в конце 1934 года был арестован курьер, доставивший динамит, он попытался скрыться в Военном госпитале. Здесь его арестовали агенты генерала Швейцера и передали его в контрразведку, где он был замучен до смерти.

После инцидента в Вангардии парагвайские военные продолжили усиленную топографическую разведку Чако, потребовавшую дополнительных затрат. Их действия заключались в выявлении военных мероприятий потенциального противника, превышавших потребности мирного времени, а также засылке агентов в районы дислокации войск. Другой областью стали усиленные исследования ТВД: помимо генерала Беляева изучением Чако занялись речники, лётчики, сапёры... Вместе с этим проводились и определенные контрразведывательные шаги: ужесточался контроль за пересечением границы, уточнялись списки неблагонадежных, уста-

навливался контроль за гражданской связью и т.д. Для этого при Генеральном Штабе была создана военная полиция, на которую в ходе войны была возложена и военная цензура. В Восточном Парагвая значительная часть функций возлагалась на полицию и пограничников, а расследование – на военные трибуналы. После организации военной полиции ассигнования на секретные службы выросли вдвое. В начале 1930 года бюро разделили на секции, через год в составе бюро был создан шифровальный отдел, а накануне войны появился специальный технический отдел. Он занимался радиоперехватом и превратился в главнейший источник оперативной информации. В его распоряжении была мощная радиостанция, обошедшая в 10000 фунтов стерлингов. Она позволяла осуществлять радиоперехват над всем районом Чако-Бореаль. В качестве агентурных шифров парагвайская разведка использовала лозунговые шифры вертикальной перестановки. Для правительственной связи криптографы Генерального Штаба под руководством капитана С.Н. Керна создали специальные шифровальные таблицы. Они представляли собой буквенно-слоговые разнозначные таблицы замены и сменялись раз в шесть месяцев. Для передачи коротких военных сообщений были созданы коды объемом в несколько тысяч словарных величин. Расширение бюро, разработка и внедрение новых шифров вызвали перерасход средств, что вызвало нарекания со стороны министерства финансов. Несмотря на это в 1931 году бюджетные ассигнования на военную разведку были увеличены. Как показали дальнейшие события, они окупились уже в первые месяцы войны.

Важную роль в полевой разведке играли индейцы Чако, с которыми были установлены дружественные отношения. Этому во многом способствовало изучение местности парагвайскими картографами под руководством генерала И.Т.Беляева, который в 1931 году вошел в контакт с местными племенами. Пренебрежительное отношение боливийских офицеров к аборигенам еще в большей степени расположило последних в пользу Асунсьона. Благодаря индейцам парагвайское командование получило представление не только о характере местности, но и боливийском военном присутствии и коммуникациях на севере Чако. В начале войны они информировали парагвайские гарнизоны о наступлении боливийцев, а один из их вождей (Чимакок) героически погиб при обороне *фортина Фалькон* в 1932 году. Широкая поддержка индейцев натолкнули генерала Беляева на мысль об организации диверсионной деятельности в тылу противника. Его идею поддержал командующий генерал М.Рохас, который санкционировал создание специального формирования. Его возглавил Пласидо Хара, который присвоил своему полку громкое название *Герильерос де ла муэрте (Партизаны смерти)*. Эта часть формировалась исключительно из добровольцев (парагвайцев, аргентинцев и индейцев Чако) и ставило своей целью уничтожение коммуникаций противника. Его главные успехи пришлись на первый период войны, когда боевые действия велись в центральном Чако. При помощи индейцев *герильерос* легко через кордоны боливийцев и устраивали засады на их отдельные колонны и совершали набеги на отдаленные посты. После того, как боливийцы усилили охрану своих коммуникаций, *герильерос* стали терпеть неудачи. Их боевой дух резко упал, а среди аргентинцев и индейцев участились случаи мародёрства и дезертирства. В связи с потерей боеспособности часть была расформирована, а её остатки влиты в новый кавалерийский полк. Это сильно ударило по самолюбию генерала Беляева и стало одной из причин его отставки с поста начальника Генерального Штаба.

Полевая разведка Боливии накануне войны находилась в зачаточном состоянии. Единственным полевым разведчиком в стране был Виктор Устарес Арсе, который значительное время посвятил исследованию Чако. Ему помогал крещённый индеец племени матако по имени Кабо Хуан. Во время конфликта в Вангардии он, будучи молодым лейтенантом, захватил *фортин Бокерон*, чем привлёк к себе внимание Г.Кундта. Трофейные документы противника выявили степень проникновения парагвайцев в центральные районы Чако и прояснили роль генерала Беляева, вследствие чего за его голову была объявлена награда в четыреста тысяч боливиано, что по тогдашнему курсу равнялось тысяче фунтов стерлингов. По приказу

Г.Кундта старшие офицеры частей, развёрнутых в Чако, должны были лично принимать участие в обследовании этого района. Многие из них манкировали этим, но другие довольно регулярно изучали будущего ТВД. Одновременно с этим были сформированы геодезические партии, исследовавшие контролируемые боливийцами районы. Усиленно велась аэроразведка. Все данные стекались в Генеральный Штаб, где систематизировались. Эти мероприятия дали существенный результат: к началу военных действий боливийский Генеральный Штаб имел точные топографические карты местности, расположенной к северу от линии *Бокерон-Муньос*.

Начало военных действий сопровождалось мобилизацией парагвайских органов разведки и контрразведки. Первым элементом последней стало введение военной цензуры, которая должна была воспрепятствовать проникновению за границу каких-либо государственных тайн. С началом мобилизации при всех почтово-телеграфных станциях были созданы комиссии по цензуре, которые подчинялись службе военных сообщений Генерального Штаба, а разведывательные группы слиты в шесть отделов, каждый из которых вел наблюдение за боливийцами в различных странах мира. С началом военных действий на первую роли в сборе информации вышла войсковая разведка. Для боливийских штабов она стала основным источником данных о противнике, которые использовались для подготовки информационных документов. Согласно мобилизационным предписаниям в составе штаба каждого военного округа (как Боливии, так и Парагвая) должен был быть офицер, занимавшийся сбором информации о противнике. Этого оказалось недостаточно. Вследствие этого в парагвайских дивизиях были созданы почтовые секции, занимавшиеся военной цензурой и криптографией. В частях и соединениях обеих сторон разведкой занимались специально выделенные для этого оперативные работники. На уровне дивизии и корпуса это был один из адъютантов, а полка – офицер разведки. Одной из его задач была работа по изучению морального состояния солдат противника. Они первыми анализировали содержание трофейных приказов и писем, дневников и печатных изданий. Однако работа с военнослужащими противника составляла главную часть их работы. Военнопленные и перебежчики всегда были важным источником разведывательной информации. Их постоянный опрос позволял составить представление о силах противника. К концу войны в практику офицеров разведки вошло ведение формуляров на части противника и их командный состав. Это находило отражение в листовках, обращениях и вещании на позиции противника. Наиболее впечатляющим был успех парагвайской оперативной пропаганды был результат сражения у Пампа Гранде, когда им удалось заставить сдаться ветеранов двух полков.

В парагвайской армии визуальной разведкой занимались посты корректировщиков, выделяемые из состава батарей наземной разведки, и авиаторы. Вооруженные оптическими приборами и радиопередатчиками они использовались при детальном изучении позиций противника. Боливийское командование не имело подобных постов, а полагалось на авиацию. Ее очень активно использовали в разведывательных целях обе стороны. Дело доходило до того, что при планировании больших операций место наблюдателя в самолёте занимали командиры корпусов и дивизий. Превосходство в небе позволило боливийцам беспрепятственно вести воздушную разведку, которая, как вскоре выяснилось, оказалась неэффективной вследствие широкого использования противником приемов маскировки и дезинформации. Их различные способы использовались уже в первые дни конфликта и позволили достичь оперативной внезапности, как в наступлении, так и в обороне. Главным источником разведывательной информации для парагвайского командования оставались не поиски и рейды войсковой разведки, а радиоперехват. Боливийские офицеры пользовались своими аппаратами очень легкомысленно, часто даже не шифруя свои сообщения. Впоследствии важные сообщения передавались простейшими шифрами (простой или пропорциональной замены), которые легко разгадывались парагвайскими криптографами. Благодаря этому они уже к лету 1933/34 года имели полное представление о каждой части противника на ТВД. Получив сообщение об этом, боливийское

командование было удивлено осведомленности противника и пришло к заключению, что в этом повинна вражеская агентура.

Пограничные полицейские отделения, карабинеры и многочисленная сыскная полиция образовали большой, но неэффективный механизм борьбы с врагами государства. Однако для выявления парагвайских шпионов, работавших почти открыто, у них не было опыта. Для их выявления в канун 1934 года была создана ССБ (*Servicio Secreto Boliviano* – Секретная служба Боливии). В неё были включены 48 сотрудников, среди которых было несколько женщин, среди которых была двадцатилетняя Роса Апонте Морено. Службу консультировали трое немецких специалистов, прибывших вместе с генералом Г.Кундтом: участник Первой Мировой Войны Карл Хеннинг, Вальтер Масс и Отто Берг. Парагвайцы часто привлекали к сбору конфиденциальной информации различные элементы, не считавшиеся ни с какими нравственными нормами. Нередко эти агенты работали на обе стороны, а часто были просто обманщиками. Они, главным образом, стремились выманить деньги у своих хозяев или всучить фальшивки. До Чакской войны, как в Боливии, так и Парагвае шпионаж был малоопасным занятием в мирное время, поскольку законодательство угрожало небольшой карой. Выдача государственной тайны стала считаться преступлением лишь впоследствии.

Сотрудники *Servicio Secreto Boliviano*

В начале 1934 года ССБ получила достоверную информацию, что парагвайская разведка действует с территории Аргентины под прикрытием консульства в Ла Куаке. Для её ликвидации руководство ССБ разработало и провело операцию *Rosita*. Она началась с того, что пограничный с Аргентиной Вильясон прибыла глубоко законспирированная группа агентов ССБ. Среди них была Росита Апонте, ранее работавшая в боливийском парламенте стенографисткой, Гастон Веласко и Карл Аккерман, профессиональный взломщик и ещё две женщины, говорившие на гуарани. Затем Роса Апонте переехала в Куаку, где открыла пансион. Он располагался прямо напротив парагвайского консульства, сотрудники которого вскоре стали клиентами симпатичной креолки. Однажды ночью, когда парагвайцы развлекались в заведении Роситы, Веласко и Аккерман проникли в здание консульства и вскрыли сейф. В нём они

обнаружили списки парагвайской агентуры. В них были аргентинцы, чилийцы и даже боливийцы. Однако венцом этой операции стало изобличение парагвайского резидента – капитана Фрейтаса, который был арестован в Ла Пасе уже на следующий день. Следующая операция, в которой была задействована Росита, была связана с вербовкой двух чилийских дипломатов, которые, по мнению ССБ, работали на Парагвай. Для этого был открыт бордель на площади Риосиньо в Ла Пасе, где клиентов сфотографировали с девицами лёгкого поведения, а затем шантажировали. Чилийцы пошли на сотрудничество с боливийской контрразведкой и выдали своих информантов. Роса Апонте принимала и в других «интимных» операциях ССБ, после чего вышла замуж за военного. Умерла она в 2004 году в возрасте 90 лет.

Мексиканский подданный, священник Альфонсо Ивар работал на Даниэля Саламанку ещё до создания ССБ и получил пост начальника столичной полиции. После отставки президента, он перешёл в ССБ, где возглавил отдел расследований. В конце 1934 года его внимание привлёк некий Зетаро, богатый аргентинец из Тукумана. Имея дипломатический паспорт, он в начале войны предложил свои услуги боливийской военной разведке и выполнял курьерские функции для Германа Буша. Проверив информацию по деятельности Зетаро, Ивар обнаружил, что тот работает на противника. Поскольку дипломатический иммунитет не позволял арестовать Зетаро, он был выслан из Боливии. Когда аргентинец сел на поезд, следующий в Гуаяку Ивар лично застрелил его. Несколько лет спустя мексиканец был убит неизвестными в Перу. До сих пор неизвестны причины его убийства, но, вероятно, это была месть коллег генерала Швейцера. В заключение надо отметить, что деятельность ССБ в 1934 году полностью парализовала парагвайскую агентурную разведку на территории Боливии и сопредельных с нею территорий Чили и Перу.

Работа секретных служб, психологические и идеологические установки играли важную роль в войне, но нельзя игнорировать и роль современной техники и готовности тыла поддерживать фронт. Отправляясь на малую войну, боливийские генералы, конечно, позаботились о снабжении, но они не мобилизовали экономику страны. Благодаря этому центральные районы

Боливии вплоть до лета 1933/34 годов наслаждался мирной жизнью. О войне напоминали лишь наборы очередных возрастов в армию, мобилизация автомобилей и талоны на бензин. Тонкая линия грузовиков, пылящая от Вилья-Монтес до фортина *Муньос*, да военные грузы, поступающие из портов Тихого Океана – вот все тыловое обеспечение боливийской игры в солдатики.

Парагвай, конечно, тоже изредка получал грузы и посылал грузовики, но его транспортные ресурсы были незначительными. Количество автотранспорта в стране было в пять раз меньше, поэтому особенно на первых порах для подвоза снаряжения и продовольствия на фронт использовались повозки, запряженные медлительными волами. Ситуацию исправляли река Парагвай, которая широко использовалась для военных перевозок, и узкоколейные железные дороги квебраховых компаний, доставлявшие военные грузы почти прямо на позиции. Однако это было не все. Тыл обслуживали не сотни и тысячи человек, как у боливийцев, а десятки тысяч. Они самоотверженно служили на транспорте (14 тысяч) и военной промышленности (22 тысячи). Показательным примером является факт, что парагвайские ремонтники умудрились протаскать потерпевший аварию самолет Potez-25 несколько сотен километров по дебрям Чако и вновь поставить его в строй. Именно работники тыла обеспечили высокую сопротивляемость парагвайцев и, в конечном счете, их победы.

Поведение армии на поле боя определяет желудок. В этой несчастной войне аграрный уклон парагвайской экономики сослужил ей хорошую службу. Рацион парагвайского солдата составлял 3000 калорий, в то время как крестьянин в мирное время потреблял 2200. Следовательно, для многих резервистов служба в армии становилась более привлекательной, чем работа на ферме (к тому же они получали небольшое жалование, которое отсылали семье). Ценой усиленного питания стало уменьшение поголовья крупного рогатого скота на полтора миллиона голов, забитого на нужды армии. Таким образом, Восточный Парагвай смог обеспечить своих солдат почти всеми видами довольствия (кроме обуви). Боливийскому Юнгасу было гораздо сложнее: этот район был вынужден был давать вдвое больше провианта не только для армии, но и для прокормления горняков Альтиплано, численность которых во время войны постоянно росла. Следствием этого стал завоз продовольствия из Аргентины. Закупки продовольствия у южного соседа, благожелательно настроенного к Парагваю, вызвали ряд сложностей. Так, за поставку продуктов питания и сигарет страна должна была расплачиваться иностранной валютой и бензином. Аргентинские поставщики перепродавали его парагвайским интендантам в обмен на сигареты. Таким образом, при помощи аргентинских посредников воюющие стороны обменивались дефицитными товарами.

Все вышеизложенные причины не могли привести к победе страну, не обладавшую военной промышленностью. Те несколько имевшихся у обеих сторон небольших патронных фабрик, набивавших использованные гильзы, не идут в счет. Можно выточить гранату, изготовить фугас, отремонтировать винтовку, собрать миномет, но тяжелое оружие произвести в кустарных условиях нельзя. Обе стороны зависели от поставок оружия на протяжении всей войны. Если Боливия обладала кредитоспособностью благодаря минеральным богатствам, то Парагвай ею не обладал. Вопреки практике *faire laissez* правительство Э.Айялы поставило под контроль, валютные доходы страны, расширив функции *Обменного бюро*. Наличие свободно конвертируемой валюты и кредита дали теоретическую возможность бесконечного ведения ограниченной войны страной, не имеющей военной промышленности. Впоследствии, этот опыт широко применялся для финансирования локальных войн XX века.

Подводя итоги мобилизационных приготовлений Боливии и Парагвая, можно сделать вывод, что политики из Асуньсона оказались дальновиднее своих оппонентов. Они сразу начали вести *тотальную войну*, в то время как их противники долгое время считали конфликт в Чако *колониальной экспедицией*. Столь высокомерное отношение *роски* в конечном счете привело к её падению и росту социалистических настроений и, в конечном счете, установле-

нию в Боливии леворадикального режима. Парагваю же довелось стать оплотом стабильности на многие последующие десятилетия.

**Часть
III
. Дебют генерала Кундта.
Бокерон.**

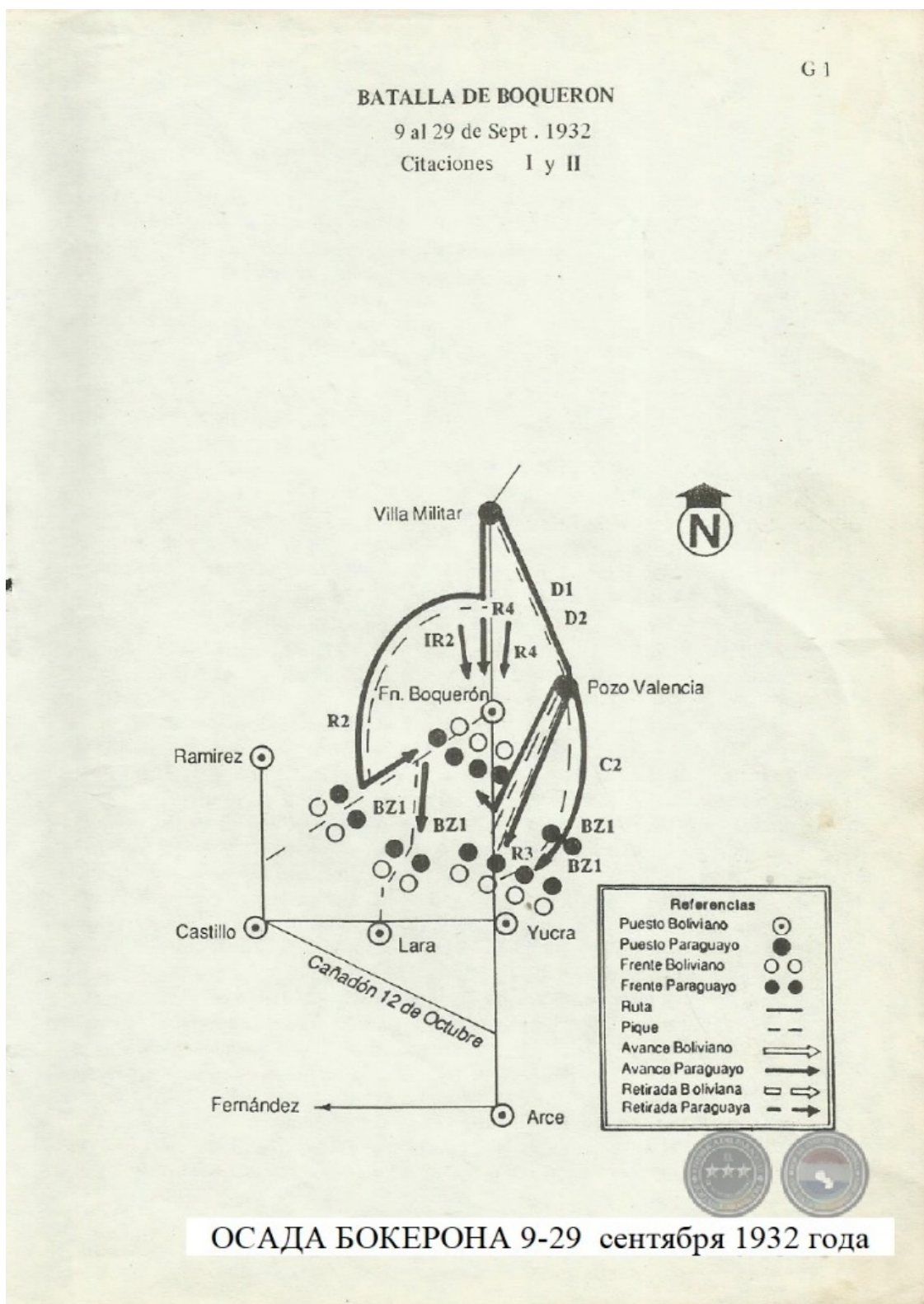
Фортин и его гарнизон. Меморандум Э.Айялы. Выдвижение корпуса КОМАНСУР и первые трудности осаждающих. Попытки деблокады. 29 сентября.

27 июля 1932 года Парагвай открыл счет в воздушной войне за Гран-Чако: боливийский разведчик «Виккерс Веспя» был сбит зенитным огнем над фортином Акуино. Оба члена экипажа попали в плен. Хотя боливийцы имели тогда двойное численное превосходство в воздухе – это мало сказывалось на ходе военных действий. Рассредоточенные по фронту боливийские ВВС ограничивались ведением ближней разведки и редкими налетами на позиции противника. Но такие «наскоки» мелкими группами по две-три машины, как правило, носили символический характер. Летчики не умели метко стрелять и точно сбрасывать бомбы, а в боливийском военном руководстве не нашлось человека, способного разработать эффективную тактику применения ВВС с учетом местных условий. Никто не догадался, к примеру, подвергнуть ударам с воздуха вражеские тыловые базы и растянутые линии коммуникаций, по которым шло снабжение осажденных крепостей. Нарушив подвоз боеприпасов, продовольствия и питьевой воды, боливийцы могли бы поставить парагвайские гарнизоны в достаточно трудное положение, но этого так и не было сделано.

Первоначальный успех боливийцев не получил развития вследствие замедленной реакции военного руководства.

В то время как боливийское командование размышляло как воевать или не воевать, гарнизон *Бокерона* готовился к защите. После трагической гибели Агирре его заменил подполковник Мануэль Марсана. Одним из первых его шагов была рассылка усиленных патрулей под общим командованием капитана Устареса, «следопыта Чако». Пикеты капитана выдвигались,

в первую очередь, на северо-восток (в направлении *Исла-Пой*), откуда ожидалось наступление врага. Один из его патрулей занял парагвайский пост *Хюихай*, незадолго до этого оставленный гарнизоном. Здесь разместилась застава численностью в 50 человек под командой майора Раймундо Карденаса. После этого подполковник Марсана логично предположил, что парагвайцы эвакуировали свои гарнизоны из Чако. Тем не менее, комендант продолжал укреплять занятые им парагвайские укрепления. В этом ему помогали майоры Ж.Хордан и А.Санталья. Последний служил волонтером во французских колониальных войсках и участвовал в кампании против рифов во Французском Марокко. Там он приобрел опыт строительства долговременных укреплений – блокгаузов.

Бокерон занимал *исла*, рошу вокруг источника пресной воды, протянувшуюся на пятьсот метров. На восток и север выдавались опушки, которые позволяли вести в северном и северо-восточном направлении перекрестный огонь. Санталья и Хордан укрепили фортин линией окопов, опутав подступы к ним колючей проволокой. Пулеметные позиции были расположены на кронах деревьев, а на наиболее угрожаемых направлениях из стволов квебрахо были соору-

жены бункеры – *chapas*. По инициативе М.Марсаны были расчищены расширенные сектора обстрела. Боливийские инженеры в *исле* нашли еще в двух местах воду, увеличив количество колодцев в фортине до трех. На юго-запад была проложена дорога, которая через фортины *Юкра*, *Арсе* и *Алихуата* связывала *Бокерон* с передовой базой снабжения боливийской армии, размещенной в фортине *Сааведра*. К сентябрю в подчинении М.Марсаны состояло из 463 солдат: батальона из состава 6 пехотного полка *Камнос*, усиленных ротой (120 человек) 16 полка, а также группы всадников из кавалерийского полка *Ланза*. Эти солдаты представляли собой элиту боливийской армии. Большинство из них служили в Чако долгое время и были адаптированы к местным условиям. Так, солдаты и офицеры полка *Камнос*, в отличие от их политизированных коллег из Ла-Паса, были профессионалами высокого уровня, проводшими не один месяц в Чако. На вооружении гарнизона имелось 13 станковых и 38 ручных пулеметов, две полевые пушки *Крупна* с 130 снарядами, горное орудие *Шнейдера* с 66 выстрелами и 2 мелкокалиберных зенитных орудия *Беккер-Семаг*. С воздуха *Бокерон* могли поддержать самолеты передовой базы Авиационного корпуса в фортине *Муньос*.

Судьба *Бокерона* была predetermined военными планами Ла-Паса. Как и в предыдущий раз, в 1928 году, его оккупация рассматривалась как карательная акция. После урегулирования спора его планировалось вернуть Парагваю. Поэтому сильные боливийские гарнизоны в *Арсе* и *Сааведре* не прислали подкреплений для усиления гарнизона фортина. 30 августа генерал Ф.Осорио под влиянием мнимых успехов в захвате парагвайских фортинов изменил, своей осторожной позиции. В докладе президенту он предложил перейти в наступление и полностью ликвидировать военное присутствие Парагвая в Чако до того, как будет заключено перемирие с Асунсьоном. Согласно его новому плану, *Бокерон* было необходимо удерживать до полного развертывания боливийской армии на ТВД. Другой причиной упорной обороны этого фортина стал пропагандистский фактор: взятый с такой помпой форт нельзя отдать без боя.

КОМАНСУР сосредоточило большую часть своих сил в *Исла-Пой* и наращивала силы для удара. 13 августа к выступлению были готовы 2, 3 и 4 пехотные, 2 и 3 кавалерийский полки, 1 саперный батальон и 2 артиллерийская группа общей численностью в 5000 бойцов. Четыре дня спустя, парагвайцы начали прелиминарные операции в окрестностях *Бокерона*: батальон 4 пехотного полка *Курупаити*, усиленный эскадром 3 кавалерийского полка *Толедо*, выбил боливийскую заставу из *Хюихая*. Во время боя командир заставы майор Раймундо Карденас бросил своих солдат и сбежал в *Бокерон* с «докладом». Когда подполковник Марсана направил его назад, бой уже окончился, и новый командир 1 дивизии подполковник Хосе Фернандес подсчитывал потери: свои и противника. За проявленную трусость майор был отправлен в тыл и предстал перед судом. Единственным положительным для боливийцев результатом этого короткого боя было то, что пленные вдвое преувеличили численность гарнизона *Бокерона*. Эта информация заставила командование 1 корпуса нервничать. Несмотря на удачное начало операции, парагвайский Генеральный Штаб не одобрял вопрос о наступлении: командующий генерал М.Рохас опасался, что поражение у *Бокерона* нанесет непоправимый ущерб боевому духу войск. Тем временем, количество парагвайских самолетов в центральном Чако выросло на 3 машины (2 *Помеза* и *Вибо*). В их распоряжении ВВС было две взлетно-посадочных полосы в Исла-Тагуато и Исла-Пой. Эти аэродромы, самолеты и их обслуживающий персонал составили основной костяк *Aviacion en Campana* – действующей авиации Парагвая. 24 августа неожиданно для себя парагвайские летчики боевое получили боевое крещение, перехватив над рекой Парагвай *Фалькон паулистов*.

После небольшой паузы боевые действия возобновились: 1 сентября командир I корпуса Х.Ф. Эстигаррибия получил через своего начальника штаба Э.Гарая секретный меморандум президента. В этом документе президент, как Верховный главнокомандующий, давал командиру I корпуса *carte blanche* в отношении операции по освобождению *Бокерона* и разрешал игнорировать мнение генерала М.Рохаса. Позиция президента была обусловлена желанием

его окружения и советников использовать благоприятные для страны временные факторы. Он также считал, что военный конфликт не продлится более четырёх месяцев, поскольку вмешается Лига Наций. Что касается начала боевых действий, то парагвайцы действительно имели преимущество за счёт того, что:

- опередили противника в мобилизации и развертывании войск на ТВД;
- получили дополнительных ресурсов для ведения войны (секретный кредит Аргентины, успешный сбор оружия во время «ружейной компании», сделка с *паулистами*);
- возникли серьёзные разногласия южноамериканской дипломатии (доктрина Мендосы) и госдепартамента США (комиссия нейтралов) в вопросе Чако,
- боливийское высшее военное руководство действовало преступно медленно.

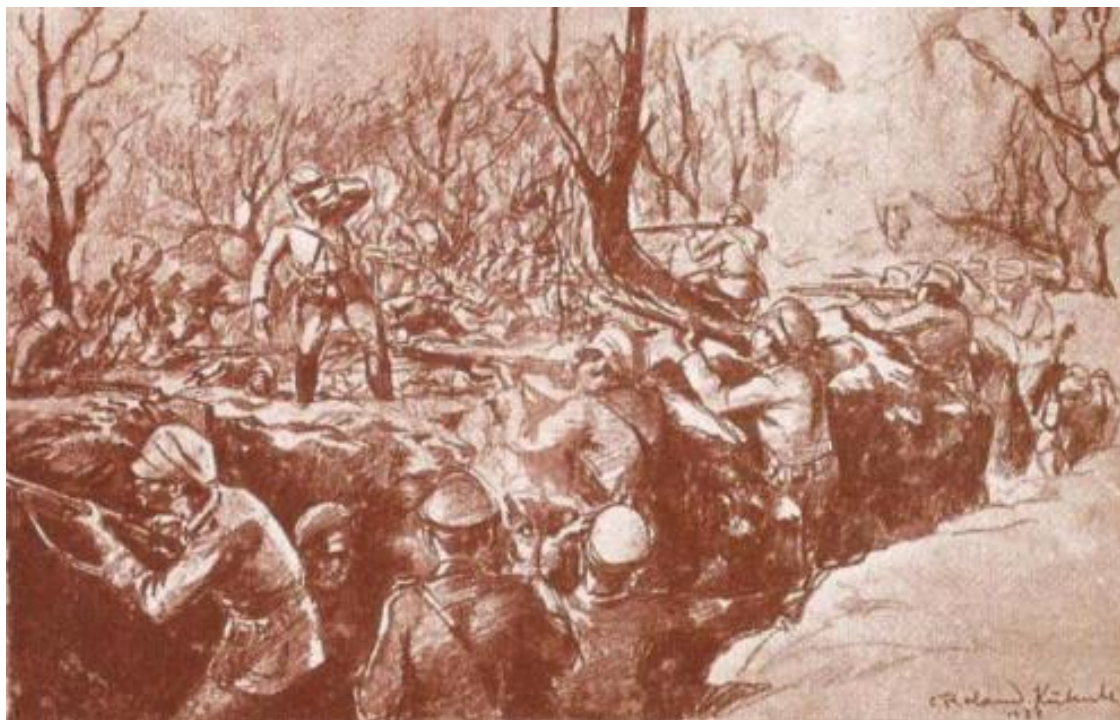
Э.Айяла и его окружение рассчитывали, что быстрая победа улучшит шансы страны при разграничении Чако и поднимет авторитет его фракции в стране. Кроме этого президент приобретал поддержку ястребов внутри кабинета. Вместе с тем он фактически отстранил от руководства военными действиями верхушку армии во главе с генералом М.Рохасом. Генерал М.Скенони не был вызван в действующую армию, а вместе с генералом П.Эскобаром и экс-президентом Х.П.Гуджиари введён в состав Совета Обороны. Этим ходом президент хотел показать *чилийцам*, что их первенство в армии закончилось. Этот шаг завершил десятилетний период в парагвайской военной истории, во время которого армия была «вне политики».

С получением меморандума руки у честолюбивого полковника оказались развязаны: в тот же день парагвайский патруль занял единственный колодец в окрестностях *Бокерона* по дороге на *Исла-Пой Посо-Валенсия*. Вслед за этим части корпуса начали концентрироваться на дальних подступах фортиана. Оперативный план Х.Ф.Эстигаррибии заключался в том, чтобы, используя численное превосходство нанести удар из района фортиана *Толедо* на форт *Бальвиан*, где располагалась основная база снабжения боливийской армии. Затем, перерезав коммуникации противника, принудить его части в центральном Чако к капитуляции. Осуществлению этого плана мешал гарнизон *Бокерона*, занимавший фланкирующее положение к основной операционной линии парагвайских войск. В рамках этой концепции Х.Ф.Эстигаррибия решился на проведение частной операции по овладению фортином.

7 сентября главные силы I армейского корпуса в составе 2 кавалерийского, 2 и 4 пехотных полков стали выдвигаться к Бокерону. Им предстояло совершить шестидесятикилометровый пеший марш через Чако. Длинные колонны пехоты, повозок и немногочисленных грузовиков двигались без какой-либо предосторожности. Одну из них с воздуха обстреляла из пулемёта боливийская *Веспа*. Её пилот капитан Л.Э. Риверы совершал разведывательный полет над *Исла-Пой*. В 15:00 следующего дня два боливийских *Бреге* вновь атаковали выдвигавшиеся части 1 дивизии. Они прошлись на бреющем полете над колоннами, разогнав пулеметным огнем и бомбами пехоту и обозы по придорожным кустам. Потери парагвайцев были минимальными, но атака имела должный психологический эффект. Несмотря на авианалёты, 2 пехотный полк к 9 сентября сосредоточился к северу от *Бокерона*. Одновременно с ним 4 пехотный полк отбросил пикеты и вышел к боливийским окопам. Тем временем, 2 кавалерийский полк обошел бокеронскую *ислу* с запада и перерезал дорогу, ведущую к фортиану *Юкра*. Командиры пехотных полков с ходу атаковали противнику, даже не проведя предварительную разведку местности. Принимая это решение, майоры Ортис и Вера использовали устаревшие данные и карты фортиана. Понадеявшись на численное превосходство, они решили сходу овладеть *Бокероном*. В 5:30 подразделения солдаты *Курупаити* пошли в лобовую атаку, в то время как один из батальонов полка *Итороро* попытался атаковать позиции противника с фланга. Их расположение предполагалось гораздо дальше от места развертывания, чем было на самом деле. В ожидании неминуемого штурма майор Марсана вынес вперёд пулемётные гнёзда и приказал расчистить сектора обстрела. Не ожидая противника батальоны 4 полка вышли на боливийские пулеметы сомкнутым строем и неожиданно попали под кинжальный пулемет-

ный огонь. Всего за пару минут они были рассеяны и откатились назад. Дезорганизованные подразделения, составленные из только что призванных резервистов, потеряли управление и больше были не способны вести бой. Неудачей закончилась фланговая атака батальона 2 полка. Он атаковал *Бокерон* густыми цепями и понёс большие потери. Приказ об отмене атаки вследствие неудачи 4 полка так и не был отдан. Неудачная первая атака *Бокерона* была сглажена действиями кавалерийского полка *Тоledo*, который в 9:15 перехватил патруль противника из фортин *Юкра*. Через полчаса кавалеристы майора Кабрала напали из засады на колонну боливийских автомобилей, двигавшихся к *Юкре*. Это были 1 и 2 рота 14 полка под командой майора Лайраны. Несмотря на то, что майор знал о возможном присутствии патрулей противника на маршруте следования его части, он самонадеянно двигался без охраны. Неожиданный перекрестный огонь деморализовал боливийцев настолько, что солдаты вместе с их незадачливым командиром почти без сопротивления сдались в плен. Оружия захваченного у противника было достаточно для того, чтобы полностью перевооружить им саперный батальон *Генерал Акино*.

В полдень состоялась повторная атака *Бокерона*. Подразделения 2 и 4 пехотных полков при поддержке минометов и артиллерии вновь атаковали фортин, но успеха не имела. Две неудачные атаки сильно обескровили 2 пехотный полк. На поле боя осталось около сотни трюпов, а в дивизионный лазарет были доставлены 110 тяжелораненных. Всего же потери парагвайцев за 9 сентября составили до полутысячи человек. Вечером *Итороро* был отведён с позиций. Ему на смену стал выдвигаться 3 пехотным полком из состава 2 дивизии. Во время этого манёвра командир *Коралеса* подполковник Мельгарехо погиб при случайном разрыве артиллерийского орудия, что временно дезорганизовало его часть. Временное командование полком принял командир 1 дивизии подполковник Хосе Фернандес, также пострадавший во время взрыва. Уже в первые дни положение осаждающих *Бокерон* парагвайцев уже осложнилось недостатком пресной воды, потребление которой в это засушливое время года достигало 10 литров в день на человека. Многие новобранцы, незнакомые с ситуацией, быстро опустошали свои фляги и оставались без питья. Прошедшие только азы военной подготовки парагвайские солдаты часто покидали свои позиции в поисках воды, но ближайший водоём находился только в Исла-Пой. Самовольные отлучки сказывались и на дисциплине внутри подразделений. Под влиянием неудач и жажды в парагвайских войсках стал резко снижаться боевой дух. В боевой линии это проявилось в появлении *leftistas* – «закосивших». Только во 2 пехотном полку в сентябре были зарегистрированы несколько десятков самострелов. Еще одной существенной проблемой стала борьба с дизентерией, вызванной потреблением загрязненной воды. Во время осады *Бокерона* почти половина парагвайцев были частично или полностью небоеспособны из-за этой болезни. Недостаток воды и большое количество раненых и больных сопровождалась растущей дезорганизацией тыла. Дезертиры, множившиеся по мере неудачных штурмов *Бокерона*, грабили обозы чужих полков. Ситуация на коммуникациях была настолько сложной, что часть подразделений была изъята из боевых линий для сопровождения важных грузов и охраны дорог.

Уже первые атаки показали командованию I корпуса необходимость ведения правильной осады, но в связи с постоянными вылазками противника и общей дезорганизацией тыла этого сделать не удавалось. Противник пользовался неразберихой и проводил конвой в *Бокерон*. Так, уже 11 сентября 4 рота 14 полка доставила осаждённым боеприпасы и продовольствие. Прибывший 14 сентября под Бокерон Беляев предложил провести бомбардировку фортификации и просил выделить для этого четыре пушки и пятьсот снарядов. Он убеждал Х.Ф. Эстергаррибию в несомненном успехе, но полковник отнёсся к его предложению скептически: до этого его артиллеристы стреляли плохо и редко попадали в цель. В связи с падением боеспособности подразделений штаб корпуса издал приказ остановить атаки до прибытия 6 пехотного полка *Бокерон*. Одновременно с этим, 15 орудий обеих артиллерийских групп должны были вести «беспокоящий огонь» по боливийским позициям. Для повышения эффективности огня была сформирована батарея артиллерийской разведки. Прибытие русских волонтеров на фронт укрепило боевой дух *пататилас* и подтянуло дисциплину в боевых частях. Х.Ф.Эстигаррибия надеялся, что бомбардировки и обстрел, недостаток снабжения и боеприпасов заставят гарнизон *Бокерона* капитулировать без новых боевых потерь. Однако, несмотря на запрет, атаки боливийских укреплений продолжались по инициативе полковых командиров изо дня в день. Часто это были тактические атаки, целью которых было занятие очередного пригорка или овражка. Подступы к фортификации были заполнены трупами атакующих, но кольцо вокруг *Бокерона* постепенно сжималось. При отражении атак противника несли потери и люди майора Марсаны. Уже через три дня после начала осады половина его солдат вышла из строя вследствие ранений и укусов насекомых, а у крупновских пушек закончились боеприпасы.

В первой половине сентября парагвайская авиация преобладала в воздухе над *Бокероном*: с 9 по 29 сентября парагвайские самолеты *Помез* и *Вибо*, дислоцированные в Исла-Пой, 27 раз выполняли разведывательные полеты над фортификацией и 12 раз бомбили его. 10 сентября в воздухе над фортификацией произошел первый воздушный бой в небе Чако. В этом столкновении участвовали всего два самолета – *Виккерс* и *Помез*. Несмотря на то, что оно окончилось безрезультатно. Боливийская авиация тоже не бездействовало и за счёт качественного и количественного превосходства постепенно перехватила инициативу: с 11 сентября её самолеты

сбрасывали осажденным тюки с боеприпасами и медикаментами, штурмовали позиции осаждающих и рекогносцировали их позиции. Несмотря на воздушные сбросы запасы гарнизона таяли. Уже 12 сентября Марсана, произведённый в подполковники, отдал приказ экономить патроны. Командиром боевого участка в *Юкре* был подполковник Пеньяранда. Он имел в своем распоряжении до 2000 солдат из 4, 5, 14 и 16 пехотных, 4 и 5 кавалерийских полков. Однако, не все части сохраняли боеспособность. Так, 14-й полк после боя 9 сентября мог выставить только 2-й батальон, а 5-й три дня назад прибыл из *Толедо* и еще не отдохнул после трёхдневного пешего марша. Несмотря на это, он был вместе с ветеранами 4 и 5 пехотных и 5 кавалерийского полков включён в деблокирующую колонну. Всего в ней насчитывалось 550 штыков. Её поддерживала танкетка Карден-Лloyd, управляемая майором Вальтером Кохом. Боливийцы были остановлены парагвайскими кавалеристами на дальних подступах к фортину. Только эскадрону капитана Устареса в составе 54 бойцов удалось просочиться через позиции противника и достичь *Бокерона*, увеличив его гарнизон до 619 человек. Это произошло в ночь с 13 на 14 сентября. Пеньяранда продолжал свои атаки на протяжении нескольких дней, пока не убедился в невозможности преодолеть сопротивление противника, о чём известил своё командование. Командир 4 дивизией генерал К.Куинтанилья был неприятно удивлен неудачей: он не ожидал, что *пататилас* остановят его отборных солдат.

К середине сентября обстановка в гарнизоне *Бокерона* стала постепенно ухудшаться. Начался сказываться недостаток во всем. Вследствие постоянного огневого боя, те немногие грузы боеприпасов, которые сбрасывались с воздуха не могли восполнить их расход. После прорыва отряда Устареса продовольственные запасы фортина были пополнены забоем обозных мулов, и угроза голода отошла на второй план. В дополнение ко всему стал ощущаться недостаток воды: пристрелявшаяся парагвайская артиллерия разрушила один из колодцев внутри периметра обороны, а подходы ко второму простреливались снайперами и пулеметами. Многие солдаты осажденного гарнизона, рискуя жизнью, ночью выползали в нейтральную полосу и собирали с убитых парагвайцев винтовки, ремни с боеприпасами и фляги с водой. 16 сентября шальной пулей погиб капитан Устарес, осуществлявший патрулирование окрестностей. Немногим лучше была ситуация у осаждающих. 14 сентября боливийский патруль, высланный из *Юкры*, просочился сквозь боевое охранение парагвайцев и недалеко от командного пункта 1 дивизии захватил в плен двух парагвайских офицеров. После этого случая командир 1 дивизии К. Фернандес был вынужден оттянуть ряд подразделений для охраны тыла.

Сильно сказывался недостаток воды и продовольствия. Концентрация большого количества войск вокруг *Бокерона* требовала организации подвоза до 50 тонн воды в сутки, для чего был задействован весь наличный транспорт. При интенсивных боях поступление воды падало, поскольку часть автомобилей направлялась для доставки боеприпасов. Жажда порождала очередной спад боеспособности осаждающих. Особенно это ощутилось после полудня – в самое жаркое время суток. К.Фернандес в своих мемуарах вспоминал, что даже дикие звери бежали за цистернами с водой, везущими воду из *Исла-Пой* на позиции в расчёте на то, что из них на ухабе выплеснется живительная влага. Его солдаты сходили с ума, одурев от жары и влаги, и следовали их примеру, а офицеры самыми жестокими методами наводили порядок. Так, 12 сентября в разгар атак Пеньяранды некоторые парагвайские подразделения были на грани мятежа, и только вмешательство старших офицеров возвратило солдат на позиции. Вместе с этим парагвайское командование продолжало наращивать свои силы в районе *Бокерона*. 14 сентября туда прибыли 1 пехотный полк, входивший в состав 2 дивизии, а вслед за ним – 6 пехотный полк *Бокерон*. Это был самая большая пехотная часть, сформированная во время войны. При отбытии из столицы он насчитывал в своих рядах 1800 человек. Полк был сформирован на базе военизированной полиции столицы, пополненной кадетами, студентами и волонтерами из «высшего общества» Асунсьона. Помимо штатного стрелкового вооружения полк

имел собственную артиллерию (2 пушки *Крупна*) и эскадрон конной разведки, а также шесть станковых пулемётов вместо положенных по штату четырёх. Командовал им майор Артуро Брей, который во время мировой войны служил в английской армии волонтером.

К 17 сентября под Бокероном сосредоточились парагвайские войска 1 корпуса численностью в 7565 человек. Они находились в составе следующих части и соединений:

1 дивизия включала 2 и 3 батальоны 2 пехотного полка *Итороро* (1000 человек), 1 и 2 батальоны 4 пехотного полка *Курупаити*, усиленные 1 батальоном 2 полка (1200 человек), 2 эскадрона 2 кавалерийского полка *полк. Монгелос* (240 человек), 1 инженерный батальон *ген.Акино*(230 человек) и 2 артиллерийскую группу *ген.Роа* (430 человек). Командовал этой дивизией подполковник Фернандес, под началом которого состояло 3100 солдат и офицеров.

Во 2 дивизию вошли 1 пехотный полк *2 мая*, усиленный 3 батальоном 4 полка (1400 человек), 3 пехотный полк *Корралес* (1000 человек) и 1 артиллерийская группа *ген.Бругес*(415 человек). Всего в соединении под командованием подполковника Нуньеса состояло 2815 солдат и офицеров.

Резерв корпуса составил 6 пехотный полк *Бокерон* (1650 человек).

Располагая столь мощными силами, Х.Ф.Эстигаррибия решил на второй штурм. Согласно плану, после короткой артиллерийской подготовки 6 полк должен был начать отвлекающую атаку с юга. Главный удар наносила пехота 1 дивизии с севера. Однако, штурм был сорван вследствие непредвиденных действий боливийцев: при выдвигании на исходные позиции для атаки полк *Бокерон* подвергся внезапной атаке с тыла. Это была колонна подполковника Мендеса, который был направлен Пеньярандой для деблокады фортина по обходной дороге. В неё входили 700 солдат 14 и 16 пехотных и 6 кавалерийского полков. Попав под неожиданный удар, *Бокерон* бросил свои позиции и отступил. Всеобщая атака была сорвана и, что было самое неприятное для Эстергаррибии, колонна Мендеса прорвалась в фортин. С ней прибыл небольшой обоз, в который доставил осажденным 8 выюков боеприпасов, продовольствие и 2 пулемета. Майор Брей восстановил порядок в своём полку и контратаковал. Несколько часов Мендес отбивал атаки *патапилас*, удерживая открытым коридор, ведущий к *Бокерону*. По нему спешно эвакуировали больных и раненых. Уже в самом конце дня на помощь к А.Брею подошли резервы 1 дивизии и прорыв был ликвидирован. Часть солдат Мендеса, прикрывая санитарный транспорт, отошла к *Юкре*. Остальные солдаты во главе со своим командиром влились в ряды защитников *Бокерона*. 18 сентября в 3 часа ночи на помощь *Бокерону* выступила колонна из *Рамиреса*. Пользуясь общей неразберихой в парагвайском тылу, он проскользнул в форт в 5 часов вечера. До сих пор остается загадкой почему К.Куинтанилья и Э. Пеньяранда выделили для деблокады только треть имевшихся в их распоряжении сил. Своевременная поддержка колонны Мендеса со стороны 4 дивизии могла решить судьбу *Бокерона* и, возможно, всей кампании. Однако, этого не произошло. Вместе с результатами боя 17 сентября временная убыль в парагвайских рядах из-за дизентерии достигла 50% штатного состава. Это вынудило Х.Ф.Эстергаррибию приостановить операции по плотному обложению фортина до прибытия новых подкреплений – батальона *Муньос*, численностью в 850 человек. Он был на марше и должен был прибыть не позднее 26 сентября. Чтобы как-то улучшить оперативную обстановку штаб корпуса активизировал деятельность поисковых партий, которые должны были беспокоить коммуникации противника. Для этой цели были выделены 2 дивизионных эскадрона и вторую половину 2 кавалерийского полка.

Перерыв в операциях был также обусловлен все возрастающими трудностями снабжения. Гужевой транспорт оказался чрезвычайно неэффективным, а количество исправных автомобилей недостаточным (24 штуки). Тыл корпуса тревожили боливийские патрули и дезертиры, нападавшие на отставшие повозки в надежде пожить. Все это очень тревожило штаб корпуса, которое направил для охраны тыла 1 и 3 кавалерийские полки. Другой серьезной угрозой боеспособности войск стало снижение уровня воды в озере у *Исла-Пой* и колодце в *Посо-*

Валенсия. С 1 сентября они обеспечивали водой в среднем 10000 человек, давая более 2000 литров в час, и быстро мелели. По свидетельству командира 1 дивизии подполковника К. Фернандеса, 19 сентября три четверти парагвайских солдат отсутствовали на позициях, занимаясь поисками воды или собирали сок опунции. Не лучше обстояло дело и с провиантом. Перебой со снабжением привели к тому, что солдатам пища стала выдаваться всего один раз в день. Она состояла из консервированного или солёного мяса и галет. Нехватка воды и продовольствия заставила Х.Ф.Эстигаррибию и его штаб даже рассматривать вопрос об отходе от *Бокерона*.

Вместе с тем, моральное состояние и физические силы защитников *Бокерона* продолжали падать. Дух осажденных еще более снизился после того, как 20 сентября парагвайцам удалось отогнать зенитным огнем боливийские самолеты от форта. Следующим утром над позициями воцарилась тишина: парагвайцы расценили это, как отсутствие патронов у противника. Действительно, к 20 сентября в Бокероне оставалось десятков патронов на винтовку и 1-2 ленты на пулемет. Однако это не помешало осажденным обстрелять несколько парагвайских водовозов, которые, сократив путь, попали в зону обстрела. Их повреждение были равносильно потере батальона, но оно не вызвало энтузиазма у защитников. 21 сентября Марсана сбросили с воздуха только один тук с патронами. Вместе с ним прибыло распоряжение К. Куинтанильи удерживать *Бокерон* любыми средствами. Но Марсана решил иначе и приказал части гарнизона вместе с подполковником Мендесом идти на прорыв. Комендант справедливо предложил, что уход части гарнизона снизит потребление и без того урезанных запасов. Ночью Мендес с тремя эскадронами 6 кавалерийского полка и ротой 14 пехотного полка прорвался сквозь линию парагвайских пикетов. Его люди имели с собой минимальное количество боеприпасов, но они почти не понадобились. Парагвайцы, не ожидавшие вылазки, после короткой перестрелки очистили путь на юг. Пехота Марсаны вообще разминувшись с неприятелем и не понесла никаких потерь. Кавалеристы наткнулись на бивак 2 дивизии и потеряли половину своего состава. Прибыв в расположение своих войск, Марсана выяснил, что организация новой попытки деблокады задерживается из-за больших потерь в частях 4 дивизии, которая в боях с 11 по 20 сентября потеряла более 800 человек убитыми и ранеными. Кроме того, появление в тылу парагвайских патрулей заставило направить несколько сотен боеспособных солдат на прикрытие дорог пикетами. Тем не менее, её командование 24 сентября предприняло новую попытку деблокады, направив в бой все наличные силы – 800 солдат. В этот раз атака окончилась неудачей.

Только через девять дней Х.Ф.Эстигаррибия решил повторить штурм Бокерона 26 сентября. Для участия в нем выделялись части 1 дивизии и 6 пехотный полк общей численностью в пять с половиной тысяч человек. В задачу двум тысячам солдат подполковника Нуньеса должны были плотно прикрыть направление на *Юкри* и не допустить появления противника в тылу наступающих войск. 26 сентября в 5:30 утра 24 артиллерийских орудия и 11 минометов начали пятнадцатиминутную бомбардировку форта с закрытых позиций. Артиллерийский обстрел оказался плохо скорректирован и снаряды легли далеко от целей. Защитники встретили цепи противника плотным огнем: в 6:00 атака 1 дивизии захлебнулась всего в 50 метрах от вражеских траншей. 27 сентября парагвайские атаки продолжались весь день. Во время одной из них 3 батальон полка *Итороро* достиг тактического успеха, закрепившись всего в 25 метрах от боливийских позиций. Им командовал «эль капитан русо» В.Ф.Орефьев-Серебряков, личным примером увлекший своих солдат. На захваченную 3 батальоном позицию, были доставлены 8 станковых пулеметов, которые начали обстрел внутреннего пространства форта. Успех его маневра предопределил падение форта. К этому времени положение осажденных стало невыносимым, но защитники смогли отразить все попытки противника проникнуть вглубь обороны. Причиной этому стала несогласованность действий парагвайских подразделений и ошибка командования.

В тот же день в *Муньюсе* состоялась встреча высших офицеров боливийской армии целью, которого был анализ положения у *Бокерона*. На нем присутствовали генералы Ф. Осорио, К. Куинтанилья, Х.Санхинес, И.Монтес и Б.Галиндо. Они пришли к выводу, что сил у 4 дивизии в *Юкре* недостаточно для деблокады *Бокерона* и рекомендовали военному министру ускорить переброску войск. Предельный срок для перехода в наступление был назначен 10 октября. На основании доклада Мендеса и авиаразведки, они пришли к выводу, что при поддержке с воздуха Марсана может отражать атаки противника в течение двух недель срока. Причиной таких оптимистических оценок стал провал парагвайского атак: генералы посчитали, что силы врага на исходе.

28 сентября 3 батальон *Итороро* вновь атаковал противника. Согласно воспоминаниям русских парагвайской службы, причиной этой бессмысленной атаки был характер «эль капитан русо», которого обвинил в трусости командир *Итороро* майор Роса Вера. Расстроенный его выговором капитан вернулся из штаба полка, приказал своим солдатам примкнуть штыки и повёл их в атаку прямо на боливийские пулемёты. «Что-то завораживающее было в сцене наступающего на саму смерть третьего батальона. Солнце, блестящее на штыках, создавало ореол святости вокруг солдат, торжественно, как на параде, маршировавших вслед за своим командиром.», – так описал последнюю атаку «эль капитано русо» подполковник К.Фернандес. Шедший впереди своих солдат капитан был убит, а атака сорвалась.

Несмотря на героическую, но неудачную атаку, В.Ф.Орефьеву-Серебрякову было посмертно присвоено звание майора, а его именем назван фортин в Чако. Вечером выяснилось, что у гарнизона *Бокерона* боеприпасов осталось на 10 минут боя, в то время как очередной приказ генерала Ф. Осорио требовал от Марсаны продержаться еще не менее 10 дней. Понимая, что до падения фортина оставались считанные дни, подполковник постарался выполнить приказ. Он собрал на совещание всех своих уцелевших офицеров. Они письменно подтвердили, что израсходованы почти все запасы. Отдав приказ испортить пулеметы, к которым не осталось патронов, комендант поручил военному чиновнику К. де Авиле в случае угрозы падения фортина сжечь боливийский флаг.

В ночь на 29 сентября в штаб I корпуса пришли сводки о потерях за время штурма. Из них становилось ясно, что штурм *Бокерона* провалился. Скрепя сердце, Х.Ф. Эстигаррибия приказал штабу подготовить последнюю атаку на *Бокерон*. В случае её неудачи он приказал своему начальнику штаба Гараю подготовить приказ об отходе на *Исла-Пой*. Тем временем, командиры осаждающих переговаривались с офицерами осажденных, предлагая сдаться. Пока шла эта перепалка на участке 6 полка *пататилас* спонтанно перешли в атаку. По свидетельству очевидцев, командиру одной из рот, совсем молодому лейтенанту, показалось, что противник выкинул белый флаг, и он отдал приказ об атаке. Согласно другой версии: солдатам показалось, что в предрассветной дымке им навстречу двигаются белые фигуры, которые они приняли за сдающихся боливийцев. Без единого звука солдаты *Бокерона* бросились им навстречу и за считанные минуты достигли траншей защитников. У боливийцев не было ни сил, ни средств оказать им сопротивление. Многие их командиры были скорее удивлены, чем испуганы, увидев в своих окопах парагвайцев. Последовавший следом за солдатами своего полка, майор Артуро Брей зашёл в штаб гарнизона и принял капитуляцию у подполковника Марсаны. Впоследствии командир 1 дивизии подполковник Хосе Фернандес не смог ему этого простить. Так или иначе, благодаря инициативе младшего офицера, *Бокерон* пал, и парагвайская армия обрела боевой дух и стратегическую инициативу. Этот случай высоко поднял мотивацию младших офицеров, которые стали смело проявлять инициативу на поле боя. В своих воспоминаниях генерал И.Т.Беляев заметил, что с падением *Бокерона* шанс выиграть войну у Парагвая стал 50:50 и появилась возможность дипломатического решения конфликта.

2. Первое парагвайское наступление

Последствия падения Бокерона. Реорганизация парагвайской армии. На юг: Юкра, «Поле мертвого мула», Арсе, Алихуата. Дальнейшее продвижение парагвайцев.

Падение фортификаций *Бокерон* явилось важным психологическим фактором, который сказался на боевом духе обеих воюющих сторон. Издавая победный клич в траншеях: *Бокерона* «Пиий-пуу!», *патапилас* до конца не осознавали значимость этой победы. С военной точки зрения она была пирровой: парагвайская армия смогла взять противника даже не числом, а измором: в начале боевых действий боливийцы смогли сосредоточить под Бокероном не более полутора тысяч солдат, в то время как их противник – восемь тысяч. Около тысячи из них в течение 19 дней сдерживали атаки армии противника, превосходящего его в шесть раз. При этом парагвайская армия потеряла примерно половину своего первоначального состава больными. Собственно, боевые потери сторон оказались не столь велики. По данным ген. Куинтинильи его корпус за сентябрь потерял 1887 человек. В это число вошли 20 офицеров и 446 солдат, попавших в плен при сдаче *Бокерона*: они представляли собой цвет регулярной армии Боливии. Под фортификацией был убит один из наиболее популярных боливийских офицеров – капитан Устарес. Боевой дух солдат 4 дивизии достиг нижней отметки: им всюду мерещились полчища *патапилас*. Входящие в неё 6 и 14 пехотные и 5 и 6 кавалерийские полки утратили боеспособность, потеряв от 50 до 75% боевого состава.

За счёт пленных боевые потери парагвайцев оказались даже ниже, чем у противника и составили 1486 человек, а сначала войны – 1513. В *Бокероне* в руки парагвайцев попало всё снаряжение его гарнизона и оружие одного из двух рот 14 пехотного полка. Важным приобретением в этом сражении были трофеи. Они составили свыше тысячи винтовок, десятки пулеметов, грузовики и пять пушек. Под фортификацией был убит один из наиболее популярных боливийских офицеров – капитан Устарес. Гораздо важнее оказался морально-политический эффект победы. Она вызвала взрыв патриотизма среди населения и окончательно заставила замолчать противников войны. Пропаганда постаралась выжать из нее все, что было возможно. День взятия *Бокерона* стал национальным праздником Парагвая – *Dia de la Victoria*, *Днем Победы*. Победа накануне поражения сильно подняла престиж Х.Ф.Эстергаррибии и

стала прочным фундаментом мифологизации его личности. Успешная операция по овладению *Бокероном*, проведенная вопреки мнению генерала М.Рохаса, укрепили доверие президента к Х.Ф.Эстигаррибии, и он получил *carte blanche* на проведение собственной кадровой политики в починенных ему войсках. 4 октября президент Э.Айала в сопровождении аргентинского полковника А.Швейцера лично прибыл в штаб I корпуса и лично вручил Х.Ф.Эстергаррибии полковника. При поддержке министра обороны он ввел систему командования, согласно которой корпусами и дивизиями командовали полковники (коронель), полки возглавляли майоры, а батальоны – капитаны. В этих условиях командир взвода – 2-й лейтенант имел постоянный контакт и практически ничем не отличался от сержантов и капралов своего взвода. Это позитивно влияло на боевую спайку подразделений, которые изначально формировались по территориальному принципу.

ПЕРВОЕ ПАРАГВАЙСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Боливийское командование вначале не поверило слухам о падении *Бокерона*. Только после того, как авиаразведка обнаружила колонны войск и автомашин, двигавшиеся в направлении *Исла-Пой*, Куинтанилья поверил в падение форта. Капитуляция элитных войск республики перед толпой босоногих крестьян вызвала шок в Боливии и сказалось на моральном состоянии ее командного состава. В течение полугода, начиная с 29 сентября 1932 года, над боливийской армией витал «призрак *Бокерона*». Общественное мнение страны было потрясено, а в окружении президента стали все чаще раздаваться голоса с предложением возвратить к руководству армией генерала Ганса Кундта. *Роска* также полагала, что известный имперский генерал будет лучше замороженного таланта, к этому мнению постепенно склонил президента, который отправил ему письмо. Приглашение Г.Кундта вызвало протест офицеров 4 и 7 дивизий и демонстративную отставку генерала К.Куинтанилья, несогласного с решением Д.Саламанки. Командир I боливийского корпуса рассчитывал на то, что президент пойдет на попятную. Однако, этого не произошло: Саламанка её принял и приказал передать долж-

ность генералу Х.Ланса. Обескураженный К.Куинтанилья попытался вернуть пост при поддержке генерала Ф.Осорио, объясняя свое предыдущее решение патриотическим побуждением. Однако, президент был тверд в своем решении. В наказание за фронду Ф.Осорио был освобожден от должности начальника Генерального штаба и получил назначение командиром II корпуса, развернутым на севере Чако. Смена командования I корпуса не улучшила моральное состояние войск: гарнизоны *Юкры* и *Арсе* не хотели идти в бой. Вскоре генерал Х.Ланса выяснил, что на бокеронском направлении сохранили боеспособность только три пехотных полка – 4,5 и 15, и срочно затребовал подкреплений. Всего в его распоряжении генерала Х.Лансы находилось 1687 солдат из семи пехотных (3, 4, 5, 14, 15, 16 и 45), двух кавалерийских (5 и 6) и одного(7) сапёрного полков. Их поддерживала только одна батарея. Из этого числа 550 солдат под командованием подполковника Э.Пеньяранды защищали фортин *Юкра*. Батальон 14 пехотного полка численностью в 200 человек занимал фортин *Рамирес*, а еще 120 солдат защищали *Платанильос*. Подполковник Рамос с 300 солдат удерживал *Кастильо*, а в форте *Рохас Сильва* разместились 500 солдат. По плану начальника штаба корпуса полковника Пеньи в случае наступления противника все силы корпуса должны были быть стянуты к *Campo de la muia muerta* – «полю мертвого мула», расположенного на дороге, ведущей из *Юкры* на *Арсе*. На эту позицию планировалось стянуть три тысячи солдат 4 дивизии и дать решительный бой противнику.

30 сентября в небе Чако произошёл первый воздушный бой: боливийский «Скаут» атаковал парагвайский «Вибо». В результате боя «Вибо» получил серьезные повреждения. Его летчик с трудом дотянул до аэродрома в Исла-Пой, но разбился при посадке. Таким образом, пилот «Скаута» майор Рафаэль Пабон одержал первую в Западной полушарии воздушную победу. В октябре произошел еще один бой между парой боливийских «Бреге» и двумя парагвайскими «Потезами». На этот раз меткость латиноамериканских авиаторов оставляла желать лучшего: противники впустую израсходовали весь боекомплект и разошлись восвояси. Но уже 25 ноября звено «Фоккеров» атаковало и сбило парагвайский «Потез-25» с экипажем в составе пилота Рамона Санчеса и летнаба Бенито Бери. 4 декабря вновь добился успеха майор Пабон, которому удалось расстрелять очередной «Потез» над поселком Сааведра. Со своими двумя победами он остался самым результативным летчиком-истребителем Чакской войны.

Боливийские войска в Чако от полного уничтожения спасла медлительность, с которой Х.Ф.Эстигаррибия перешёл в наступление. Несмотря на настойчивые требования подполковника Фернандеса и генерала Беляева, возглавившего артиллерию I парагвайского корпуса, движение вперед началось только 3 октября, на пятый день после падения *Бокерона*. Эстераррибия оправдывал эту паузу расстройством частей обеих своих дивизий. По его свидетельству, для продолжения наступления было необходимо провести реорганизацию пехоты и тылов. Изменения коснулись и корпусной артиллерии. Она была объединена под командованием полковника К.Рекалде, что вызвало очередное неудовольствие Беляева, который сам рассчитывал занять эту должность. С этого момента между командиром I корпуса и русским генералом начала расти пропасть, постепенно переросшая в стойкую неприязнь. Это пользовалось окружение командующего, которое постоянно донимало Беляева. Ему ставилось в вину неточность карт, неудачное развёртывание артиллерии и даже неэффективные действия партизан. Определённую роль в травле русского генерала сыграл А.Швейцер, видевший в нём конкурента. При неуживчивом характере И.Т. Беляева – это противостояние привело к конфликту: в январе 1933 года он получил пост генерального инспектора артиллерии и покинул действующую армию.

Осада *Бокерона* внесла коррективы в тактическую организацию парагвайской армии. Развернутые перед войной полки и дивизии оказались слишком громоздкими для условий Чако. Соединения оставались перегруженными тылами, которые работали в интересах своих полков. Скуденность войск и хаос в тылу во время осады *Бокерона* привели к тому, что значитель-

ная часть боеспособных солдат была отвлечена с линии фронта. Общий недостаток средств требовал перехода к централизованному распределению материальных ресурсов. Эта необходимость привела к передаче этого полковые тылы в ведение центрального командования и дивизионных, а после корпусных штабов. Наибольшие изменения произошли в военно-санитарной части, которая была переподчинена. После *Бокерона* была проведена реорганизация медицинских частей, которые были переданы в подчинение дивизии и корпуса. Ряд корректив был внесён в организацию пехоты. Отсутствие надежной связи в низовых подразделениях привело к тому, что командиры предпочитали сводить свои основные силы в кулак и располагать их в пределах видимости, что при большой численности вело к чрезмерному скоплению сил и средств, как следствие этого, к большим потерям. Поиск приемлемых форм боевой организации и отсутствие необходимого по штату вооружения способствовали появлению таких формирований как отдельный разведывательный эскадрон, отряд «Х», 1 и 2 стрелковые батальоны или батальон *Куарента* («Сорок»), которые отличались по боевым возможностям от стандартных пехотных частей. Так, батальон *Куарента* получил организацию кавалерийского полка. Выяснилось, что структура кавалеристского полка (2 стрелковых и пулеметный эскадрона/ роты) оказалась более гибкой и эффективной для боевых действий и снабжения в условиях Чако.

Прямым следствием *Бокерона* стала реорганизация пехотных полков, которые лишились своих третьих батальонов и части тылов. Все маршевые, хозяйственные и медицинские подразделения были переданы в подчинение дивизионных штабов, а количество тяжелых пулемётов и миномётов уменьше до двух. Основной тактической единицей пехоты оставался батальон, который сохранил свою прежнюю организацию. Выведенные из состава полков первой линии пехотные батальоны послужили основой для новых полков, которые стали оснащаться трофейным автоматическим оружием. Согласно проекту французской миссии, основанному на опыте мировой войн, для пополнения убыли в боевых частях планировалось иметь в маршевых подразделениях шестую часть от штатного состава войск. Запасные депо должны были насчитывать еще столько же новобранцев. Таким образом, армия лишалась 8 тысяч вполне боеспособных солдат. Ужасающие потери под *Бокероном* внесли свои коррективы в систему пополнения войск. С сокращением штатной структуры пехотных полков все маршевые части были направлены на пополнение старых и формирование новых боевых подразделений: в составе дивизий остались только роты пополнений.

Произошли существенные изменения в организации боевой подготовки. Территориальная система комплектования армии сделала возможной быструю мобилизацию значительно большей армии, чем кадровая, но оказалась неэффективной при подготовке пополнений. Поэтому учебные лагеря были реорганизованы в запасные полки, в которых наряду с новобранцами поступали выздоравливающие солдаты и офицеры. Как правило, офицеры откомандировывались на курсы в Нью-Гуасу для углубления военного образования, а лучшие из них зачислялись в Военную Школу. Ежемесячно каждый лагерь направлял на фронт по 2 маршевые роты общей численностью 200-300 человек каждая. Помимо нескольких учебных рот, где проходили трехмесячную подготовку новобранцы, в каждом из них существовали курсы подготовки младших командиров из старослужащих солдат В зависимости от уровня образования их обучение занимало от 12 до 18 месяцев, во время которых курсанты не только изучали военное дело, но и обеспечивали порядок. Кроме непосредственной подготовки пополнений они выделяли команды для охраны военных и важных гражданских объектов, а также использовались на сельскохозяйственных работах, лесоразработках и различных предприятиях. По сообщению аргентинских наблюдателей, инспектировавших учебный лагерь, питание в запасных частях было двухразовым и состояло из маниока и кукурузы с добавками свежего или мороженого мяса. Эти нормы были несколько ниже армейского пайка, но способствовали восстановлению сил выздоравливающих. В лагерях действовали швейная мастерская, чинившие обмун-

дирование и шившая одеяла, и лавка, в которой можно было приобрести *матэ*, табак, керосин, продукты, соль и даже материю. Вооружение лагеря было минимально: один-два пулемета и сотня-две старых винтовок с небольшим запасом боевых патронов. Все вышеописанные мероприятия начали реализовываться в октябре 1932 года и растянулись на десять месяцев.

К началу наступления I корпус представлял собой по местным меркам крупное соединение численностью в десять тысяч человек. В него входили 1, 2, и 4 пехотные дивизии, 1 кавалерийский полк и кавалерийская бригада майора Л.Иррасабалы. В него вошли вновь сформированные и прибывшие на фронт 4 и 5 кавалерийский полки *Ака Карайя* (май. Т.Мендоса) и *Ака Вера* (кап.К. Флорес). Майору Иррасабалу было поручено удерживать фортину *Нанава*. Этот пункт имел важное значение, поскольку от него расходились дороги на Консепсьон, Вилью-Айес и Асунсьон. К югу был развёрнут диверсионный отряд *Macheteros de la muerte* (*Мачетеро смерти*), целью которого были набеги на коммуникации противника. Он был сформирован исключительно из волонтеров, которые, по жалобам боливийцев в Панамериканскую Лигу «...больше грабили, чем воевали...». 1 кавалерийский полк был двинут на крайний северный фланг корпуса – отбитый 8 октября у противника фортины *Толедо*. Этот пункт играл важную роль в системе обороны, поскольку прикрывал с запада район меннонитских колоний. 1 и 2 пехотные дивизии не только полностью сохранили свой прежний состав, но и были усилены отдельными кавалерийскими эскадронами

В начале октября в место прежней кавалерийской дивизии была сформирована 4 дивизия. Ее командиром был назначен подполковник Дельгадо, а начальником штаба – майор И.Оранжереев. На 1 октября она имела в своем составе 3 кавалерийский и 6 пехотный полки. Ее усилили 6 кавалерийским полком «Генерал Кабальеро» и батальоном 7 пехотного полка *24 мая*, получившим номер 29. В составе дивизии было 3000 солдат. К концу года она была пополнена 5 пехотным полком *Генерал Диас*, взятым из состава 3 пехотной дивизии. Она по-прежнему располагалась в верховьях реки Парагвай и была усилена 8 пехотным полком *Пуребибуй* и 3 артиллерийской группой полк. *Эрмоса* (кап. А.Агилера) прибывшими в Баия Негру в конце сентября. В ее составе, гарнизонных и этапных командах имелось около 7000 подготовленных солдат. Ещё не менее трех тысяч новобранцев проходили обучение в военных лагерях.

2 октября начальник штаба I корпуса разослал в части приказо переходе в наступление на фортины *Юкра*, *Кастильо* и *Рамирес*, то есть ставил перед ними исключительно тактические цели. Это решение было вызвано опасением, что гарнизоны передовых боливийских фортинов усилены и будут сопротивляться с таким же ожесточением, как *Бокерон*. Наблюдения, сделанные патрулями и авиацией, фиксировали расположение значительных сил на заранее подготовленных позициях. Показания пленных подтверждали это. Таким образом, разведывательная информация давала основание считать, что парагвайцам противостоят равные им силы, лучше вооруженные и обученные. В этих условиях Х.Ф.Эстигаррибия не мог идти на еще одну пиррову победу и собрал старших начальников в канун наступления. На нём он потребовал от своих офицеров максимальной осторожности. Парагвайское наступление началось в тот же день с выдвижения головных застав к фортинам *Юкра*, *Рамирес* и *Кастильо*. Следом за ними двигались главные силы. Медленное продвижение I корпуса определялось постепенным налаживанием тылового обеспечения войск и переформированием пехотных полков. Только 5 октября 2 пехотный и 3 кавалерийский полки окружили фортины *Рамирес*, который удерживали двести солдат 14 боливийского пехотного полка. Они отразили атаку патапилас, которые вследствие недостатка продовольствия и воды отступили в сторону *Бокерона*. Солдаты боливийского гарнизона, воспользовавшись ошибкой противника, очистили *Рамирес* и отошли на юг к *Арсе*. Они действовали строго по приказу штаба корпуса. Под *Бокероном* плохое снабжение и перебои в доставке воды сильно сказывались на боеспособности войск. Именно недостаток воды под фортином *Родригес* привел к тому, что батальону 14 пехотного полка удалось избежать окружения и ускользнуть от противника. В этих условиях важную роль приобрели инженерные

войска, другое «секретное» оружие парагвайцев. Штаб I корпуса учел это: во всех дальнейших операциях инженерная подготовка наступления становилась одним из решающих факторов успеха. Для этого в каждой дивизии были сформированы инженерные команды, которые занимались поиском источников воды, без которой не могли двигаться машины, стрелять пулеметы, воевать солдаты, и маскировкой войск. Строительство и ремонт колесных дорог также были важны, но им занимались отдельные саперные батальоны, позже развернутые в полки.

Поскольку сдача *Юкры* была предрешена боливийским командованием, большая часть солдат ее гарнизона была отведена на юг, где использовалась на строительстве укрепленных позиций. Они были намечены по южному краю *Campo de la muia muerta*. В фортине оставался только ещё необстрелянный 35 пехотный полк. По данным парагвайской разведки на этой позиции ожидалось серьезное сопротивление противника. Поэтому подполковник Х. Фернандес, памятуя свой бокеронский дебют, тщательно подготовил атаку. Его план предусматривал охват боливийских позиций с фланга силами 4 пехотного полка. Однако атака сорвалась по причине отсутствия противника: 11 октября при приближении парагвайского авангарда боливийский гарнизон оставил фортин без боя. При этом командир полка забыл поставить об этом в известность коменданта! Несмотря на то, что парагвайцы вошли в фортин очень медленно, им удалось захватить в плен 7 офицеров и 70 солдат противника. Тем временем, 4 пехотный полк отрезал путь отступления арьергарду 35 пехотного полка противника, который на 6 грузовиках следовал на юг без какого-либо охранения. По-видимому, степень деморализации боливийской армии не осознавалась ни противником, ни собственным командованием!

С конца сентября фортин *Арсе* несколько раз подвергался налетам авиации противника. Во время одного из них два *Потеза* столкнулись с парой *Бреге*, вылетевших им на перехват из *Муньоса*. После скоротечного боя боливийцы ретировались. Это произошло на глазах отступающих войск и сильно повлияло на их боевой дух. После этого боя парагвайская авиационная группировка на ТВД была резко увеличена: на аэродромах в Тагуато и Исла-Пой сосредоточились все наличные *Потезы* и *Вибо*. Благодаря этому, парагвайская авиация на время овладела господством в воздухе над Чако. Если *Потезы* часто использовались для выполнения разведывательных и бомбардировочных миссий, то *Вибо* применялись для эскортирования и штурмовых ударов по боливийским аэродромам. Последнее они исполняли без особого успеха – несколько раз безрезультатно атаковали боливийские самолеты, открыто стоявшие на аэродромах в *Муньосе* и *Сааведре*. Причиной этих неудач стали зенитные орудия, создавшие плотную завесу огня.

19 октября передовые части I корпуса вышли на *Campo de la muia muerta*. Здесь расположились 1840 солдат 4,5, 7, 14, 15 и 16 пехотных полков. Парагвайцы с ходу атаковали боливийские позиции, но были обстреляны шрапнелью из четырех 65мм пушек *Шнейдера*, входивших в батарею майора Риверы, выведенных им на прямую наводку. Атака была отбита. Это было первое применение успешное боливийцами артиллерии в Чакской войне. На следующий день лобовая атака парагвайцев повторилась. Она была вновь отражена батареей Риверы. К 21 октября перед фронтом 4 боливийской дивизии находилось 6000 *патапилас*. Пользуясь своим численным превосходством, они растянули фронт и обтекли правый боливийской обороны. Этот манёвр был столь неожидан, что наступающим достались дымящиеся полевые кухни одного из правофланговых полков. Следом последовала атака с тыла. Она была направлена на позиции батареи Риверы. При помощи пехотинцев 14 полка артиллеристам удалось отбиться и отойти с поля боя. В 16:30 за ними последовали 15, 20 и 34 пехотные полки. Боливийские части в беспорядке отошли в направлении на *Арсе* и *Алихуаты*. Арьергард составили сохранившие порядок ветераны 4 и 5 пехотных и 5 кавалерийского полков.

Итак, три дня боев на укрепленной позиции окончились новым поражением боливийской армии. Его виновником был объявлен разработавший операцию начальник штаба I корпуса полковник Пенья. На его место был назначен один из участников заговора Э.Силеса –

подполковник Д.Торо. К 20 октября в распоряжении Э.Пеньяранды осталось три боеспособных пехотных полка (4,5 и 45), но он считал необходимым удерживать *Алихуату*, в которой были сосредоточены запасы военного имущества. Для этого он начал сколачивать из остатков других частей подобие «боевой группы». Не зная о бедственном положении противника, штаб I корпуса считал это военной хитростью и очень осторожно двигал свои части вперед. К полудню 22 октября головные заставы I корпуса преодолели выходы на подступы к *Арсе*. В 15:30 парагвайская артиллерия начала обстрел фортификации. Как только над *Арсе* разорвались первые парагвайские снаряды, деморализованные солдаты «боевой группы» двинулись двумя большими группами на *Алихуату* и увлекли за собой 45 полк. Только 4 и 5 полки остались на месте и удерживали взлетную полосу фортификации до следующего утра, после чего также отошли. Противник их не преследовал. В *Арсе* боевой дух боливийских войск достиг своего низшего предела за всю Чацкую войну. Во время боевых действий многое зависит как от степени облученности призывников, так и его морально-психологического состояния. Одно дело, когда личный состав прошел достаточную боевую подготовку и уверен в своих возможностях на поле боя. Иное дело, когда плохо обученные мобилизованные индейцы оказались в сложных боевых условиях. Большинство из них плохо выдержали испытание первым боем.

Спасению боливийцев способствовала военная хитрость. Подозревая, что противник прослушивает линию связи между штабом 4 дивизии и фортификацией *Фернандес*, Э. Пеньяранда дезинформировал парагвайцев, сообщив открытым текстом о том, что основные силы I боливийского корпуса концентрируются у фортификации *Платанильос* для нанесения флангового удара. Х.Ф.Эстигаррибия поверил этому сообщению: 23 октября его самая сильная дивизия – первая – была направлена на запад, где без боя овладела фортификацией *Фернандес*. Движение на *Алихуату* продолжила 4 дивизия, а 2 дивизия была оставлена в *Арсе*. Здесь ее части были переформированы и довооружены за счет трофеев, захваченные в ходе наступления. Так, только 3 пехотный полк *Корралес* пополнился до 800 человек и получил на вооружение 50 трофейных боливийских ружей-пулеметов. Приказом командования фортификации *Арсе* получил новое имя – *Доктор Гаспар де Франсуа*, а Фернандес – *Эррера*.

Несмотря на полное фиаско при обороне *Арсе*, Э.Пеньяранда попытался привести войска в порядок и удерживать *Алихуату*. Он полагал, что в его распоряжении имеется достаточно времени: ведь на преодоление 30 километров, разделявших *Бокерон* и *Арсе*, его противник затратил три недели! Из более чем 2000 солдат своей дивизии он смог рассчитывать на 400 солдат из состава 4 и 5 пехотных полков, батарею майора Риверы (110 солдат) и 478 солдат других частей. Он полагал, что за пять дней он за счёт подкреплений и перегруппировки сможет увеличить «боевую группу» 4 дивизии вдвое. Однако, в этот раз командование I корпуса действовало более активно. Передовые части 4 дивизии преодолели тридцать километров за два с половиной дня. 25 октября они захватили фортификацию *Техерина*, расположенный на подступах к *Алихуате*. Сознавая, что фортификацию удержать не удастся, штаб корпуса приказал оставить его без боя. Гарнизон начал судорожно уничтожать склады военного имущества, заготовленного для победного шествия на Асунсьон. Перед оставлением *Алихуаты* медики 4 дивизии заразили оба колодца холерными палочками в надежде вызвать эпидемию в войсках противника. На следующий день 4 парагвайская пехотная дивизия заняла фортификации. Войска быстро ликвидировали пожары, вследствие чего большая часть военного имущества, оставленного на складах, уцелела, а врачи дивизии продезинфицировали колодцы. Когда штаб I корпуса получил список захваченного имущества, то было шокировано его обилием. Среди трофеев были не только продовольствие и топливо, обувь и обмундирование, но и оружие и боеприпасы. Парагвайскому командованию не удалось помешать отступлению 4 дивизии, которое с воздуха прикрывали две из трех оставшихся в строю *Весн*. 27 октября их патруль захватил в плен несколько заблудившихся солдат 15 боливийского полка. После этой удачи *патапилас* на несколько дней потеряли контакт с противником и замедлили свое продвижение на юг. Отход боливийцев был

стремителен и продолжался до следующей удобной оборонительной позиции – *каньяды* седьмого километра, пересекавшей дорогу, ведущую в фортин *Сааведра*. Здесь генерал Х.Ланса решил остановить противника и дожидаться подкреплений, которые уже были на подходе. Так, к югу от Сааведры заканчивала развёртывание 7 дивизия, насчитывавшая 2000 человек личного состава. Ещё столько же, по сведениям Генерального Штаба, двигались от Виллы Монте к фортину *Баливьян*.

Причиной задержки парагвайского наступления стали реорганизация тыла корпуса. Х.Ф.Эстигаррибия и его штаб решили воспользоваться оставленным противником комплексом складов и казарм и превратить переименованную в *Зентено Алихуату* в передовую базу снабжения своих войск. Сюда были перемещены тылы и развернут лагерь для отдыха войск. Сразу же в нем началось перевооружение и пополнение 4 пехотной дивизии, выведенной в резерв. Преследование противника было возложено на 2 пехотную дивизию, части которой в конце октября были переброшены из *Франши (Арсе)*. В последних числах октября 2800 солдат подполковника Нуньеса выступили на юг. Одновременно с ними началось наступление 1 дивизии, которая двигалась на запад в направлении фортина *Платанильос*. 4 дивизии предстояло преодолеть полсотни километров, разделявших *Зентено(Алихуату)* на *Сааведру*. Двигавшиеся по дороге части сильно растянулись. Их марш затруднялся действиями десяти самолетов противника: боливийская эскадрилья в *Муньосе* была усилена 3 *Бреге*, переброшенными из Эль-Альто. В открытом бою они не могли противостоять *Вибо* и *Потезам*, но неплохо действовали против наземных войск. Вплоть до 20 декабря этот сборный авиаотряд принимал постоянное участие в боевых действиях и был задействован, в основном, для рекогносцировки. В этих полетах принимали участие полковник Д.Торо и майор Ж.Хордан, высматривавшие сверху заблудившиеся подразделения 4 дивизии и изучавшие расположение противника.

Тем временем, генерал командир I боливийского корпуса генерал Х.Ланса и его штаб прибыли в *Муньос*. Генерал Х.Л. Ланса был наиболее близким к президенту человеком: накануне войны входил в состав его кабинета. От других боливийских генералов он отличался большим профессионализмом. До прибытия генерала Г.Кундта он занимал пост командующего армией и неплохо себя проявил в этой должности. С помощью подполковника Бильбао Риохе и майора Ж.Хордана ему удалось жесткими мерами восстановить дисциплину в армии и задержать наступление противника. Для ловли дезертиров на всех дорогах были выставлены заградительные посты. Они сгоняли бросивших Э.Пеньяранду солдат в сводные роты и возвращали в строй. Вместе с вновь прибывшими пополнениями они направлялись на пополнение сохранивших боеспособность частей. В некоторых случаях дело доходило до военно-полевых судов, которые накладывали дисциплинарные взыскания и даже выносили смертные приговоры. Так, за убийство своего командира роты лейтенанта Хулио Мурильо, призывавшего солдат защищать вверенную им позицию, был расстрелян сержант Бенигно Мендоса. Эти жестокие меры распространялись исключительно на нижние чины. Благодаря заступничеству своих влиятельных родственников многие струсившие офицеры были легко «наказаны» – переведены в «глухие» гарнизоны, как это произошло с командиром *Хуихая* майором Р. Карденасом. Суровые меры в отношении дезертиров и мародеров, замедление продвижения противника спасли I боливийский корпус от развала. Начался новый этап противостояния в Чако.

Седьмой километр дороги *Сааведра-Зентено* представлял собой широкую *каньяду*, пересекающую дорогу, ведущую из *Зентено (Алихуаты)* на юг, к *Муньосу*. Эта прогалина в чакских дебрях протянулась с запада на восток на двадцать километров и местами достигала ширины в пять. На ее пространстве были разбросаны несколько *исла*, которые можно было использовать для организации опорных пунктов. Таким образом, *каньяда* седьмого километра представляла собой готовую позицию с широкими секторами обстрела, а ее протяженность позволяла не бояться тактических обходов. По плану генерала Х.Л.Лансы здесь должно было захлебнуться наступление парагвайцев. Подготовкой позиции занимался строитель *Бокерона*

майор Ж.Хордан. Ему были подчинены все боеспособные солдаты, которых можно было найти в окрестностях *Сааведры*. К развернутым на седьмом километре отряду каждый день присоединялись отступившие от *Алихуаты* солдаты и возвращаемые военной полицией дезертиры. Одной из главных проблем, возникших при строительстве земляных укреплений, стала не столько нехватка людей, сколько недостаток шанцевого инструмента: отступая, многие бойцы, бросили свои саперные лопатки. За исключением нескольких мачете и кирок, войска располагали только штыками и котелками. Понимая важность каждой минуты, Ж.Хордан в ожидании появления противника приказал отрыть стрелковые ячейки, хоть голыми руками. Зная, что в тылу их ждут пулеметы военной полиции и ускользнуть не удастся, бывшие дезертиры закончили свои окопы задолго до начала боя.

1 ноября к *каньяде* с севера подошел арьергард 4 боливийской дивизии, состоявший из уцелевших солдат 4 и 5 пехотных полков. Ими командовал подполковник Б. Бильбао Риоха. Генерал Х.Ланса высоко оценивший способности офицера, назначил его командиром боевого участка 4 дивизии и подчинял сборный отряд майора Ж.Хордана и батарею Риверы. После боя у *Campo de la mia muerta* многие солдаты его батареи обзавелись пулеметами, брошенными отступавшими пехотинцами. В результате этого, его артиллерийское подразделение оказалось способным постоять за себя в ближнем бою. В скором времени на усиление собранных на южной стороне *каньяды* частей должен был прибыть 1 кавалерийский полк *Абароа* в составе 400 сабель. Центр позиции занимал батарея Риверы, прикрывшая около километра фронта. Ее орудия, выставленные на прямую наводку, перекрывали еще шесть километров вдоль *каньяды*. Пехота 4 дивизии растянулась тонкой цепочкой вправо и влево от батареи, заняла по фронту 10 километров. Это составило всего от 50 до 100 человек на километр фронта. Такая концентрация сил была явно недостаточной для прочной обороны, но выбора у подполковника Б.Риохи не было. Шло время, а противник не появлялся. С каждым днем на позиции прибывали подкрепления, концентрация войск и боевой дух частей постепенно росли. 4 ноября под командованием Б.Бильбао Риохи уже имелось 1500 штыков, и он приказал выдвинуть передовые заставы в *ислах*, разбросанных по *каньяде* и выслал к на её северный край дозоры.

Наступившим на фронте затишьем решили воспользоваться боливийские дипломаты. В открытом письме президент Д.Саламанка демагогически согласился принять посредничество Комиссии нейтралов по разграничению в Чако. Понимая, что раздел будет не в пользу Парагвая Э.Айяла проигнорировал это приглашение к диалогу. Он рассчитывал на прямые переговоры с противником на основе доктрины Мендосы. Об этом он приватно проинформировал Буэнос-Айрес, рассчитывая на его поддержку. Аргентинская дипломатия не могла извлечь из такой позиции выгоду и оставила этот намек без внимания. Открытый призыв к миру впоследствии позволил боливийским представителям в Лиге Наций объявить Парагвай агрессором, в чём его охотно поддержали США и их сателлиты.

5 ноября пехотный полк *Корралес*, составлявший авангард 2 парагвайской дивизии, вышел на 12 километр от *Сааведры*. Это была северный упай *каньяды*: в пяти километрах к югу концентрировались войска противника. Парагвайское командование знало об этом, но не придавало этому значения, опрометчиво палагая, что боливийские солдаты утратили боевой дух. По свидетельству подполковника К.Фернандеса, легкая победа на *Campo de la mia muerta*, горы брошенного в *Арсе* и *Алихуате* имущества вселили уверенность в командование корпуса и 4 дивизии, что сопротивление боливийцев у *Сааведры* будет незначительным и не торопились. Атака была назначена на 7 ноября.

Эту эфорию подкрепляли разведывательные данные, а также сообщение о том, что 6 ноября авангард подполковника К. Фернандеса захватил фортын *Платанильос*, расположенный далеко к западу. Х.Ф.Эстераррибия и его начальник штаба Гарай считали, что боливийское командование, боясь глубокого флангового обхода и перехвата рокадной дороги *Камачо-Муньос*, будет вынуждено перебросить в этот район свои главные силы. Однако, боливийское

командование проигнорировало эту угрозу и выделило для защиты фортины всего 126 бойцов. Они не могли долго удерживать свои позиции против 3200 солдат и после нескольких часов боя отступили на запад. На следующий день 1 дивизия атаковала фортины *Боливар* и *Яюкуба*. Их гарнизоны оказали упорное сопротивление, но силы были неравными боливийцам пришлось отойти на северо-запад. Захват этих фортинов привел к перехвату парагвайцами рокадной дороги, ведущей от Камачо на юг. Авангарду 1 пехотной дивизии удалось перехватить обоз I боливийского корпуса, в который входили санитарный парк и штабная эстафета. Эстафета везла секретную документацию, благодаря которой парагвайцам удалось уточнить военные шифры противника. Еще через день, 8 ноября, передовые части 1 дивизии заняли фортину *Лоа*, расположенный на дальних подступах к *Баливьяну*. За десять дней солдаты подполковника Х.Фернандеса прошла в трудных условиях более сотни километров и сильно растянула свои тылы. Этот манёвр был проигнорирован штабом генерала Х.Лансы. Его начальник штаба полковник Д.Торо убедил, что судьба войны на данный момент решается у *Сааведры* и оказался прав.

В военной литературе медлительность командования 1 парагвайского корпуса, которому потребовалось сорок дней, чтобы преодолеть 189 километров от Бокерона до Сааведры, подвергается критике. По-видимому, первым кто начал об этом говорить был генерал И.Т.Беляев, привыкший к быстрому маневрированию в гражданскую войну. Чтобы понять, почему Х.Ф.Эстергаррибия и его штаб медлили, следует учитывать следующие факторы:

1. Большинство старших офицеров парагвайской армии не имели боевого опыта. Большинство из них получили образование в послевоенной Франции. Их учителя, имели за плечами опыт мировой войны, большая часть которой прошла для них в окопном сидении.

2. Информация о состоянии, вооружении и боевом духе боливийской армии была преувеличена и оценивалась по боям у *Бокерона*. Генеральный Штаб считал, что на новом рубеже противник окажет столь же яростное сопротивление.

3. Наступление на юг требовало растянуть линии снабжения и улучшить работу тыла. В первую очередь, организовать снабжение водой и продовольствием, чтобы не повторились случаи, имевшие место под *Бокероном*. На организацию транспортных колонн также потребовалось бы время.

4. Операции шли по расходящимся направлениям, поскольку свежие резервы противника могли концентрироваться в фортинах *Муньос*, *Баливьян* и *Камачо*. Поэтому для успешного наступления требовалось иметь три оперативных соединения, действующих в каждом секторе. Их организация и снабжение требовали дополнительного времени при подготовке наступления.

5. Для наступления вперед требовались слаженные полнокровные части с энергичными и решительными командирами, которых в распоряжении 1 корпуса было в обрез. Именно этим можно объяснить ротацию парагвайских дивизий при наступлении. С нашей точки зрения, этот метод себя полностью оправдал.

6. Только второй этап наступления выявил необходимость создания подвижных соединений для захвата выгодных рубежей. Это привело командование к необходимости создания кавалерийской бригады, а затем и дивизии. Её горячим сторонником был генерал И.Т.Беляев. Однако, в силу природных условий Чако характер «подвижности» частей сильно отличался от того, каким он был в гражданскую войну в России.

В заключение необходимо отметить, что даже захват *Сааведры* и успешный рывок на *Муньос* не остановил бы войну.

ШТАБ 1 ПАРАГВАЙСКОЙ ДИВИЗИИ В КАМПО ХОРДАН

3. Седьмой километр.

Бои на 7 километре. Перестановки в боливийском высшем командовании. Парагвай теряет инициативу. Прибытие генерала Г.Кундта. Новая комиссия нейтралов.

7 ноября 3 парагвайский пехотный полк легко выбил заставы противника из *ислас*, и начал выдвигаться к южной опушке *каньяды*. Солдаты *Корралеса* продвигались в колоннах без всякой разведки и совершенно неожиданно для себя попали под шрапнель батареи Риверы. После короткой заминки *патапилас* залегли и стали отходить. На следующий день командир полка попытался охватить боевой участок 4 дивизии с западного фланга. Для этого была выделена пехотная рота. Этот манёвр потерпел неудачу. Обходная колонна наткнулась на пулемёты противника и контратакована. Отступив с места боя, она и потеряла несколько человек пленными. Их допрос показал, что против боевой группы 4 дивизии действует только один полк в составе двух батальонов и без артиллерии.

Первые бои на седьмом километре совпали с новыми переменами в главном командовании боливийской армии. Во время отступления к Сааведре генерал Эрнесто Гульен, прикомандированный к штабу I корпуса, и полковник Д.Торо послали президенту телеграмму панического содержания, в которой требовали подкреплений и улучшения снабжения. По их мнению, единственный способ остановить победоносное наступление парагвайцев заключался, в немедленном перемирии. Излагаемые ими факты были близки к истине, однако у главы боливийского правительства хватило упрямства или гражданского мужества не пойти по этому пути, надеясь на более благоприятный исход событий. Прямые переговоры с противником на фоне его военных успехов ставили крест на внешнеполитической доктрине Д.Саламанки. Они вели к падению авторитета страны в глазах латиноамериканского сообщества и снижению популярности президента среди сограждан. Поэтому Д.Саламанка просто проигнорировал обращение Э.Гульена и Д.Торо.

По его мнению, удачные оборонительные действия на седьмом километре подтвердили боеспособность армии и доказали способности генерала Х.Л.Лансы. Он был отозван в Ла Пас и назначен на пост вр.и.о. командующего армией, который сохранял до прибытия генерала Г.Кундта. Командование I корпусом принял генерал Э.Гульен. Совершенно непонятно, чем руководствовался президент Д.Саламанка, утверждая назначение этого малоспособного генерала на столь важный пост.

Вечером 8 ноября к Бильбао Риохе подошел маршевый отряд Z, состоявший из нескольких сот необученных новобранцев. Зная от пленных, что против него действует только один парагвайский полк, Бильбао Риоха решил контратаковать противника. К 9 ноября в его распоряжении находилось более трех тысяч солдат, 12 артиллерийских орудий и десять самолетов. Бильбао в соответствии с теорией разделил свои наличные войска на три группы. На правом, атакующем фланге были развернуты главные силы дивизии – 1 кавалерийский, 4 и 25 пехотные полки, усиленные маршевым отрядом Z, общей численностью 1500 человек. В центре развернулась сковывающая группа: четыреста солдат 6 пехотного полка, усиленные батареей Риверы. На левом фланге разместились 950 солдат из 6 и 15 пехотных полков. Их задачей был обход связанного боем противника. Они должны были выйти на дорогу *Сааведра* – *Арсе* перерезать парагвайцам пути отхода на север. Общий резерв Бильбао Риохы составил 6 кавалерийский полк. Наступление было назначено на утро 9 ноября, но генерал Э.Гульен приказал его отложить на два дня, обещая подкрепления. Вместо них 11 ноября в штаб Бильбао Риохы прибыл начальник штаба Д.Торо, который повел себя как сторонний наблюдатель.

Проволочка с началом атаки спасло *Корралес* от разгрома: Вечером 10 ноября на 12 километр прибыл 1 пехотный полк *2 мая*, а следом за ним и остальные части 2 дивизии во главе с её командиром подполковником Нуньесом. Авиаразведка зафиксировала данный факт и своевременно известила Бильбао Риоху, который изменил свой первоначальный план. Он решил нанести фронтальный удар с охватом силами 15 полка правого (западного) фланга противника. Согласно новой диспозиции Бильбао Риохи, батарея Риверы должна была двинуться следом за пехотой и прикрыть обходную колонну своим огнем. Боливийская атака должна была начаться в 4:30, но она задержалась до 7:00 в связи с тем, что колонна 15 полка *Мургуи* заблудилось. Густые цепи восточной (ударной) группы 4 дивизии растянулись по *каньяде* и вышли к окопам *Корралеса*. *Патапилас* открыли по ним огонь из всех видов оружия и остановили противника всего в сотне метров от своих позиций. Необстрелянный солдаты маршевого отряда *Z* не выдержали огня противника, побежали и увлекли бойцов из других полков. Исключение составил 25 пехотный полк. Его солдаты вели бой с противником до полудня. Тем временем, солдаты *Мургуи* наткнулись на обходную колонну 1 парагвайского пехотного полка. Встреча оказалась неожиданной для обеих сторон. Завязался встречный бой на открытой местности. В это время майор Риверы снялся с позиции и переместил свою батарею на 2,5 км к северу на *ислу Кортада*. Маневр прикрыли цепи 6 пехотного полка, продвигавшихся поперек *каньяды*. Пушки Риверы оказались в выгодной позиции по отношению к противнику. Открыв шрапнельный огонь, они заставили дрогнуть солдат 1 парагвайского пехотного полка. 15 полк опрокинул противника и стал его преследовать. Батарея Ривера преследовала огнём отступающему противника. *Патапилас* попытались закрепиться на северной опушке *каньяды*, но после короткой схватки были опять опрокинуты. Воодушевленные победой солдаты *Мургуи* продолжили преследование и углубились в его расположение на два километра. Продираясь через заросли ряды полка расстроились, вследствие чего управление оказалось потерянным и полк приостановил своё победное движение. Эта задержка спасла Вторую дивизию от разгрома.

Во второй половине дня парагвайское командование осознало опасность и срочно перебросило к месту прорыва 6 пехотный полк. Солдаты *Бокерона* с марша контратаковали противника и восстановили связь боевых участков 2 дивизии. Вечером 25 пехотный полк подполковника Хулио Бретеля взбунтовался и покинул, занятые во время утренней атаки позиции. Для остановки мятежников батарея Риверы была срочно перемещена на свое прежнее место у 7 километра. Только через час порядок в полку Х.Бретеля был восстановлен, но момент атаки был утерян: позиции 25 полка уже были заняты парагвайцами. Солдаты 15 полка, лишившись артиллерийской поддержки, откатились назад. К исходу дня боливийцы, оставив усиленные заставы в *ислах*, вернулись на позиции, которые они занимали 6 ноября. Таким образом, попытка перехватить инициативу у противника потерпела провал. В результате пятидневных боев 4 боливийская дивизия потеряли от 300 до 350 человек убитыми, в то время как потери парагвайцев составили половину от этого количества. Однако, несмотря на тактическое поражение, стратегическая инициатива перешла в руки командования I боливийского корпуса, войска которого полностью восстановили боеспособность и организацию. Неудача у 7 километра привела к замене командира 2 дивизии подполковника Нуньеса на Дельгадо. 4 пехотную дивизию возглавил майор А.Брей. Укрепленная позиция на 12 километре получила название *Кампо Хордан*.

Операция Бильбао Риохи у *каньяды* седьмого километра вызвала серьезную критику его действий. Ее инициатором был начальник штаба I корпуса подполковник Давид Торо, его однокашник по *Collegio Militar*. Этот честолюбивый чоло был давним недоброжелателем Бильбао Риохи, талантливого представителя *роски*.

В враждебности Д.Торо лежали два события их военной биографии. Поступив в 1915 году, на год позже своего завистника, Бильбао Риоха одновременно с ним закончил Военный колледж с лучшим выпускным баллом. Через пятнадцать лет, будучи политически индиффе-

рентным, он предотвратил попытку установления диктатуры президента Э.Силеса. Главными его пружинами были генерал Г.Кундт и майор Д.Торо. Решительные действия Бильбао Риохи, занявшего казармы полка *Кампос*, поддержавшего Э.Силеса, заставили последнего покинуть пост президента. Г.Кундт был вынужден спрятаться в германском посольстве, а Д.Торо и ряд старших офицеров отправились в отставку. Теперь подполковник Д.Торо решил взять реванш. В своём докладе он обвинил своего недруга в ряде ошибок, одной из которых была задержка атаки на два дня. Факты, что именно генерал Э.Гульен задержал атаку парагвайских позиций, а Д.Торо с 10 ноября лично присутствовал на фронте 4 дивизии и мог вмешаться в ситуацию, были проигнорированы. Козлом отпущения был сделан подполковник Бильбао Риоха, один из наиболее выдающихся офицеров боливийской армии. Он был переведен на должность начальника Авиационного корпуса. На этом интриги Давида Торо не закончились. Временный командующий армией генерал Х.Л.Ланса посоветовал Д.Саламанке, как верховному главнокомандующему, лично возглавить войска и принять чин генерал-капитана. Этот шаг президента вызвал резкую оппозицию среди офицеров, которые увидели в этом нарушение своих традиций и привилегий. Партию недовольных возглавили Д.Торо, начальник оперативного отдела штаба армии А.Родригес и находившийся под их влиянием командир I корпуса генерал Э. Гульен. Заговорщики не рискнули открыто выступить против президента и втихую сеяли недовольство.

За полтора месяца после панического отступления от *Юкры*, боливийскому командованию не только удалось остановить противника, но и подготовить условия для контрнаступления. Благодаря мерам, предпринятым генералом Х.Л.Лансой, удалось восстановить боевую мощь всех частей и нарастить силы в Чако. К концу ноября закончилось формирование двух новых (7 и 8) пехотных дивизии. Вследствие этого силы I и II боливийских корпусов удвоились, а снабжение частей упорядочилось. I корпус генерала Э.Гульена оперировал на *Муньос* и состоял из 4 и 7 пехотных дивизий. В первую вошли части на 7 километре (4, 6, 15, 25 пехотные, 1 и 6 кавалерийские полки, 3 арт. батареи). После боев 11 ноября в дивизию были включены 2, 18 и 38 пехотные полки. 7 пехотная дивизия развертывалась в фортине *Агуа-Рика*, расположенном напротив *Нанавы*. В нее вошли 5 кавалерийский, 5, 14, 16, 20, 34, 35 и 45 пехотные полки. Резерв корпуса составили 3 саперный, 22 и 47 пехотные полки и артиллерийская батарея. II корпус генерала Ф.Осорио, состоявший из 3 и 8 дивизий, сосредотачивался в *Камачо*, нависая над флангом парагвайского корпуса. Он состоял из 1, 8, 9, 12, 13 и 33 пехотных и 3 и 4 кавалерийских полков полки и три артиллерийские батареи.

Штабу каждого боливийского корпуса непосредственно подчинялись интендантство с хлебопекарней, амуниционная колонна, комендатура с отделением полевой жандармерии и караульной ротой, рота связи с радиостанцией и полевой почтой и санитарно-медицинская часть. В ведении интенданта находились корпусные парки, снабжавшие войска всем необходимым: боеприпасами и продовольствием, обмундированием и фуражом, горючим и инженерным имуществом. Они располагались в 15-60 км от линии фронта. Их связь с центральным складом обеспечивала моторизованная амуниционная колонна, состоявшая из головного и паркового отделений. Последнее обслуживало инженерный и санитарный парки и корпусные склады. Головные отделения снабжало пункты боепитания дивизий и совершало по два оборота в день (в среднем по 30 км). За один рейс головной парк мог доставить на позиции четверть боекомплекта. Важным этапом развертывания стал перенос главной базы снабжения в Вилья-Монтес, где располагалось главное депо пополнений, армейский парк (батальон снабжения) и интендантство. Жесткими мерами удалось навести порядок на дороге *Вильясон – Муньос*. Автотранспорт стал передвигаться колоннами, а подступы к трассе патрулировались специально выделенными для этого отрядами. Важным фактором, улучшившим снабжение полевых войск, стало окончание строительства участка дороги от реки Парапети до фортины *Камачо*. Она обеспечивала коммуникации II корпуса, связав его тылы непосредственно с Юнгас.

Медицинская служба корпусов помимо парка с группой санитарных автомобилей включала несколько полевых госпиталей и лазаретов. Полевые коменданты отвечали за порядок в тылу и имели в своем распоряжении несколько заградительных отрядов, которые вместе с карбинерами и полицией вылавливали дезертиров и лазутчиков. Их дела рассматривал военно-полевой суд, состоявший из пяти офицеров. В составе полевой почты действовал отдел цензуры, который не только следил за настроениями солдат, но и вымарывал из писем какую-либо информацию о положении на фронте. Таким образом, службы при штабе корпуса охватывали почти все сферы обеспечения военных действий. Вскоре к ним добавилась еще одна функция: распределение пополнений. Это произошло после неудачного эксперимента с отрядом Z на 7 километре. С ноября распределение пополнений по частям полностью сосредоточилось в руках штаба корпуса. При корпусах спонтанно возникли депо, где концентрировались новобранцы и выздоравливающие. В ожидании распределения в часть они в них проходили переподготовку и обучение. Часто команды из депо использовались на строительных работах, обслуживании и охране тыла. Иногда этими солдатами комплектовали заградительные и конвойные отряды. Несмотря на широкие функции корпуса в боливийской армии были административными объединениями, а основным оперативным соединением оставалась дивизия.

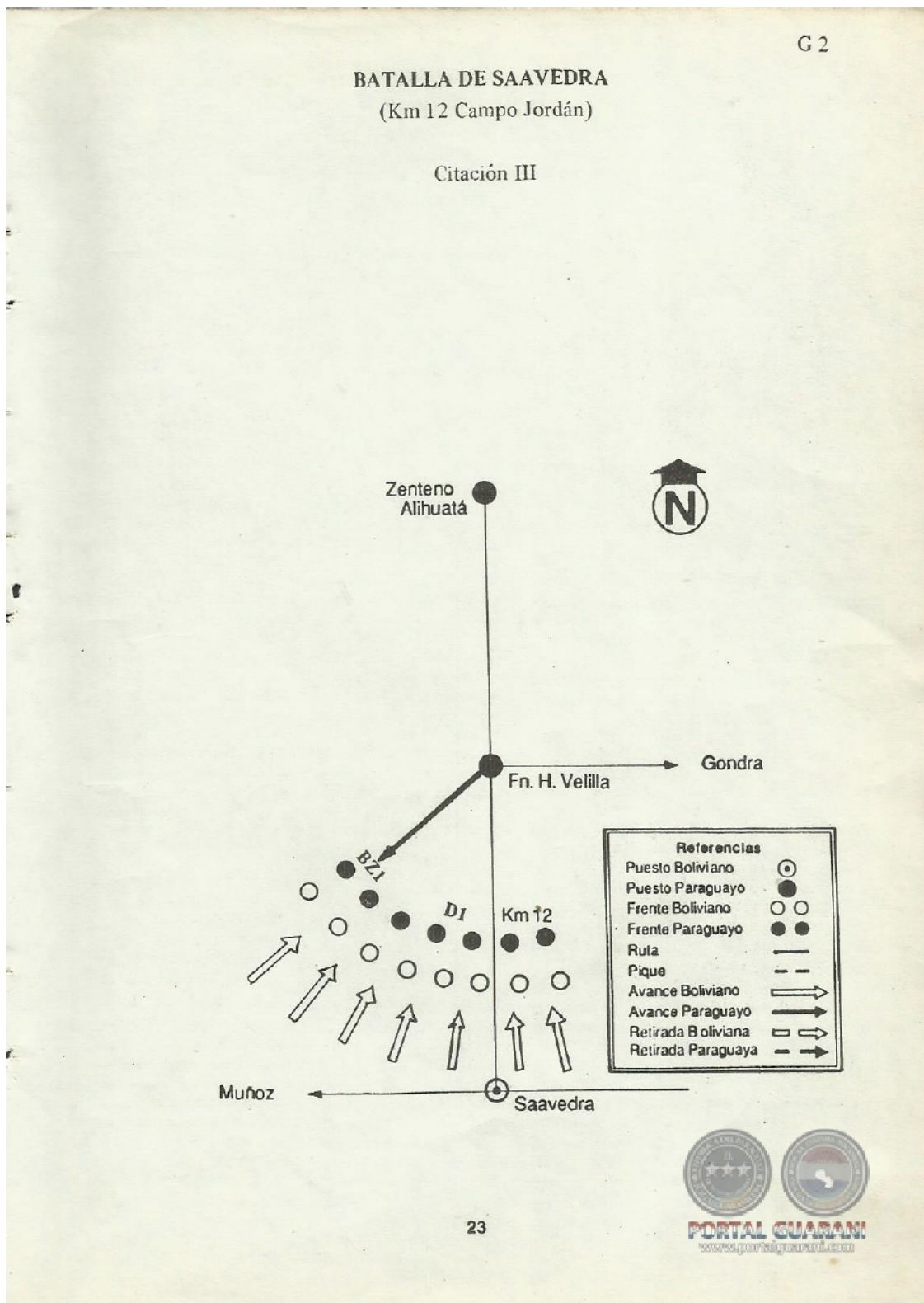
К 11 ноября парагвайские войска имели следующую диспозицию. Понесшая на 7 километре большие потери 2 дивизия была выведена в резерв в район *Зентено*. Пополненная 4 дивизии под командованием А.Брея, произведённого в подполковники, сосредоточились у *каньяды* седьмого километра, а 3 пехотная дивизия в Фуэрто-Олимпо. Тем временем, наступление 1 дивизии продолжалось. 15 ноября ее авангард продвинулся еще на полсотни километров к западу и овладел фортином *Ла Чина*, находившемся в оперативной близости форта *Бальвивиан* – основной цели I корпуса. Однако силы наступавших были на исходе. Парагвайцы не могли организовать прочное снабжение *Ла-Чины*, поскольку дорога на запад от *Платанильоса* подвергалась набегам боливийских патрулей. Для переброски грузов не хватало автомобилей, а использование повозок требовало привлечения к охране дороги значительных сил. Ряды парагвайцев продолжали косить дизентерия и грипп: к концу ноября ими переболела половина армии. Вследствие этого число боеспособных солдат в некоторых батальонах измерялось десятками. Численность 1 дивизии снизилась на четверть. Дальнейшее продвижение на этом направлении оказалось невозможным. В *Ла-Чине* была оставлена только передовая застава, а основные силы дивизии отошли к *Платанильосу*.

В конце ноября 1 дивизия была переброшена в *Кампо-Хордан* (12 километр), а ее место занял 1 кавалерийский полк майора М. Кастаньино. Он развернул кавалерийскую завесу, прикрывающая *Исла-Пой* с севера. Патрули парагвайцев растянулись от *Ла-Чины* до *Питиантуты*. С прибытием 1 дивизии, штаб I корпуса решил повторить атаку седьмого километра. По его плану свежая 4 пехотная дивизия наносила фронтальный удар через *каньяду*, а 3800 солдат 1 пехотной дивизии вместе с 1 пехотным полком из 2 дивизии должны были обойти противника с запада. Наступление началось в ночь с 30 ноября на 1 декабря. Однако обходное движение 1 пехотной дивизии сорвалось. 1 и 4 пехотные полки заблудились в темноте и на рассвете прямо в колоннах вышли на боливийские окопы. Здесь они попали под артиллерийско-пулеметный огонь и смешали свои ряды. Бегущие смяли 2 полк, который продолжал охват позиции противника. 3 кавалерийский полк, который должен был оседлать тыловую коммуникацию противника, вынужден был отступить, чтобы прикрыть образовавшуюся брешь. Несмотря на неудачное развертывание и провал обходного маневра, 1 и 4 пехотные дивизии сохраняли подавляющее превосходство над противником. Поэтому, несмотря на потерю тактической внезапности, полковник Х.Ф.Эстигаррибия приказал повторить атаку, используя поддержку с воздуха.

1 декабря длинные цепи парагвайцев вышли на опушку *каньяды*. Вытеснив заставы противника с *ислас*, парагвайцы атаковали основной фронт противника. В течение утра двумя

волнами *патапилас* штурмовали окопы боливийцев, которые за три недели сильно укрепили свои позиции. Бой был настолько интенсивен, что к полудню у скорострельных пушек *Виккерса*, которыми была оснащена боливийская артиллерия, стал заканчиваться боезапас. Положение спасло своевременное прибытие батареи майора Кироги с артиллерийским парком. Возобновившийся артиллерийский огонь и появление 22 пехотного боливийского полка на левом фланге решили исход боя в пользу боливийцев. Всю следующую ночь солдаты 4 дивизии укрепляли фланги позиции и совершенствовали систему огня. На следующее утро парагвайские атаки возобновились, но они уже не имели той стремительности, как раньше. Бои на южном краю *каньяды* продолжались вплоть до 7 декабря, пока части 1 и 4 дивизий не выдохлись. Эти атаки показали слабость старших парагвайских командиров в вопросах тактики и неэффективность предвоенных уставов. Только 1 пехотная дивизия за время боев потеряла около пятисот человек. Общие же потери I корпуса с 30 ноября только убитыми достигли тысячи человек, в то время как боливийские потери составили не более трёхсот. В качестве последнего козыря Х.Ф.Эстергаррибия решил произвести артиллерийскую бомбардировку позиций и поручил её планирование генералу Беляеву. Однако, он отговорил её проводить, сославшись на недостаток снарядов в парке, которых оказалось всего 1500 штук. К этому времени радиоперехват и авиаразведка выявили подход свежих частей противника к Сааведре, и КОМАНСУР стало ясно, что наступление окончательно провалилось. 8 декабря войскам был отдан приказ отступить к *Кампо-Хордан* на 12 километр – северную опушку каньяды, оставив в *ислах* усиленные заставы.

Неудачи на земле сопровождались потерями в воздухе. 4 декабря над *Сааведрой* был сбит парагвайский *Потез* №6, экипаж которого (капитан Р.А.Санчес и лейтенант Т.Б. Вера) погиб. Его атаковал *Скаутом* №96, который пилотировал лучший боливийский пилот майор Рафаэль Пабон. Происходивший из семьи богатого торговца, он получил среднее образование в Американском Институте в Ла-Пасе на английском языке. После его окончания Р.Пабон служил техником у майора С.Ф. Уолси, ставшего основателем Панамериканских Авиалиний. Затем он обучался полетам в гражданской авиашколе, организованной фирмой Кэртиса в Сан-Антонио, Техас, а затем три года служил в ВВС США, сначала механиком, а потом пилотом. Прекрасно аттестованный американцами Р.Пабон получил звание рядового 1 класса и специалиста 3 класса и вернулся в Боливию, где поступил на службу в Авиационный Корпус. Однако его постоянные стычки с подполковником Г. Блаку, французскими и швейцарскими инструкторами привели к скандалу и переводу в пехотный полк *Лоа* в Чако. С началом войны благодаря протекции родственников ему удалось вернуться в авиацию. Воздушный бой над *Сааведрой* стал первым результативным столкновением в воздухе в ходе Чакоской войны. С этого момента боливийские ВВС начали успешную борьбу за овладение воздушным господством на театре военных действий.

Окончание атак парагвайской армии на 7 километре ознаменовало переход оперативной инициативы к боливийцам. 6 декабря 1932 года генерал Ханс Кундт прибыл в Ла Пас и официально занял должность командующего армией Боливии. В этой должности ему были делегированы полномочия, более широкие, чем имелись у его предшественников – генералов Лансы и Куинтинильи. Вместе с новым командующим в Боливию прибыла большая группа его сорат-

ников. Оппозиционная пресса писала о прибытии 120 человек и установленных им громадных гонорарах, исчислившихся в сотнях миллионов золотых боливиано. Естественно, что это была всего лишь утка. Вероятно, что вся стоимость контракта с Кундтом составила 600000 золотых марок. В англоязычной прессе испанские мили(тысячи) превратились в миллионы, а немецкий «цванциг» в сто двадцать. Точное количество германских советников, приглашённых Кундтом, неизвестно, но вряд ли оно превышало два десятка. Их оклады, если и превышали боливийские, то, вероятно, не на много. Об этом свидетельствует тот факт, что новый командующий вынужден был направить свои соотечественников в штабы корпусов и дивизий парами или по одиночке, оставив при себе только нескольких помощников. Возвращение к командованию «отца» боливийской армии не только способствовало укреплению боевого духа ее солдат, но и способствовало росту оппозиционных настроений в среде офицерства, недовольного появления в штабах немецких *гринго*. Этому способствовало и высокомерное отношение немецкого генерала к своим коллегам. Так в одном из писем, он называл Ф. Пенью – развратником, Бильбао Риоху – предателем, генерала Ф.Осорио – лицемером, а А.Родригеса – канальей. Его похвалы удостоились только полковник Х.Феруфино и подполковник Д.Торо.

Первыми шагами нового командующего стало обеспечение армии резервами. Здесь он выступил прямым продолжателем генерала Х.Л.Лансы, ставшего к этому времени военным советником президента. Благодаря мерам, предпринятым Х.Лансой и к концу 1932 года общая численность боливийских вооруженных сил достигла 25000 человек. В Чако начала формироваться новая 9 дивизия. Ее командиром был назначен полковник Витторио Гутьеррес, а начальником штаба – Бильбао Риоха. По замыслу генерала Г.Кундта дивизия должна была стать главной ударной силой на южном участке фронта. Ее основу составили ветераны 6 пехотного полка *Кампос*. Позже к ним присоединили 27, 34 и 36 пехотные полки, эскадрон 5 кавалерийского полка и артиллерийскую батарею. Благодаря энергии и распорядительности генерала Г.Кундта, 9 дивизия была готова к боевым действиям в середине февраля 1933 года и имела 2500 человек личного состава. За несколько дней своего пребывания в Ла Пасе немецкий генерал и его офицеры успели много сделать по обеспечению войск пайками, водой и боеприпасами. В рационе солдат появились мыло и соль, была улучшена гигиена. Эти меры подняли боевой дух солдат на передовых позициях.

Важным мероприятием нового главнокомандующего стала реорганизация тыла. По примеру германской армии все подразделения обеспечения придавались конкретной прифронтовой зоне. По числу соединений на ТВД были созданы 6 дивизионных (3, 4, 5, 7, 8, 9) и 2 корпусных (I и II) управления тыла. Каждый дивизионный район обслуживался подразделением связи, военной полицией, отделением боепитания, интендантством, медсанчастью и автотранспортной колонной. Эта мера позволила генералу Г.Кундту легко перебрасывать боевые подразделения с одного боевого участка на другой, не внося хаос в снабжение. Таким образом, у боливийской армии оказался в распоряжении эффективный и слаженно работающий тыл. Это сразу сказалось на довольствии фронтовых частей и немало способствовало поднятию их боевого духа.

Имея представление о характере боевых действий только из газет, новый главнокомандующий знал театр военных действий исключительно по картам. Погодные условия и проблемы снабжения им не брались в расчет. Например, первым его приказом была эвакуация *Сааведры*. Только настойчивость командира I корпуса генерала Э.Гульена и его начальника штаба Д.Торо, пожинавшим лавры «победителей у Сааведры», заставила его отменить этот приказ. Ознакомившись с оперативной обстановкой, Г.Кундт решил восстановить тактическую связь между *Камачо* и фортином *Баливьян*. По его приказу генерал Хулио Санхинес возглавил боевую группу, которая начала наступление на западный фланг парагвайской группировки в Чако. Она насчитывала 1200 солдат и состояла из подразделений 3 саперного, 1 и 47 пехотных полков, усиленных эскадром дивизионной кавалерии и батареей 70мм пушек *Виккерс*. Про-

двигаясь при 46С, отряд генерала Х.Санхинеса без боя занял фортин *Ла Чина*. В 18:00 12 декабря боливийские войска подступили к фортину *Платанильос*, занятого солдатами 1 кавалерийского полка *Валуа Риварола*. Четыре сотни парагвайских кавалеристов в течение четырех недель рыли земляные укрепления фортина. Он представлял собой неглубокую подковообразную траншею с несколькими пулеметными гнездами, открытую со стороны *Франсии*. Фортин играл важную роль в системе обороны I корпуса, поскольку прикрывал фланг его главной позиции на *Кампо-Хордан*. Получив известие о появлении крупных сил противника у фортина *Ла Чина*, Х.Ф.Эстигаррибия решил усилить направление, развернув здесь новую кавалерийскую дивизию. Её формирование было последней попыткой генерала Беляева применить опыт гражданской войны в Чако. По его мысли, это соединение должно было находиться на острие удара в направлении *Платанильос-Баливьян*. Однако, военная дорога приготовила этому соединению совсем другую судьбу.

Количество частей и соединений в подчинении Х.Ф.Эстигаррибии постоянно росло, вместе с этим увеличилось и количество операционных направлений: с одного (*Исла-Пой – Муньос*) до трех (*Нанава – Муньос*, *Сааведра – Алихуата* и *Платанильос – Баливьян*). В декабре 1932 года парагвайские войска в Чако были реорганизованы в Южную группу, по настоянию президента командующим которой был назначен Х.Ф. Эстигаррибия. За время боевых действий его немногочисленный штаб (23 человека) оброс рядом вспомогательных служб: комендатурой, военным судом, интендантством, медицинской частью, в составе которой оказались корпусной лазарет и 5 полевых госпиталей. Во время боев под *Бокероном* последняя не смогла справиться с наплывом больных и раненых и подверглась серьезной реорганизации. В аналогичной ситуации оказалось и интендантство. Трофеи Арсе и Алихуаты позволили тыловым службам покрыть дефицит военных материалов. В октябре при коменданте штабе были организованы трофейная и конвойные команды, занимавшиеся с бором военного имущества и пленных. Во время реорганизации войск после *Бокерона* в ведении штаба оказалось распределение пополнений.

Множественность задач, стоявших перед штабом Х.Ф. Эстигаррибии, была вызвала его нежеланием уступить часть своих функций генералу М.Рохасу и Совету обороны, которые фактически оставались не у дел. В этом полковника поощрял президент, испытывавший недоверие к командующему армией из-за его «оборончества». КОМАНСУР постепенно концентрировал в своих руках все функции и насчитывал до двухсот человек, включая охрану. Если раньше он состоял всего из трех отделов: оперативного, разведывательного и военных сообщений, то теперь он занимался снабжением, строительством и распределением пополнений. В распоряжении командования передавалась вся артиллерия. Это позволяло концентрировать немногочисленные орудия на направлении главного удара. На дивизионные и полковые штабы было возложено решение частных оперативных и тактических задач. Однако недостаток квалифицированных кадров не позволял КОМАНСУР быстро реагировать на ситуацию. В конце 1932 года КОМАНСУР был вынужден приступить к формированию штабов корпусов, которые переняли часть его функций. Постепенно корпуса стал главной оперативной единицей на ТВД. Помимо 2 штабов дивизий в состав корпуса входили кавалерийский и 4 пехотных полка, артиллерийская группа в составе двух батарей и инженерный батальон или полк. Главной задачей последнего становилось обеспечение безопасности и исправности коммуникаций. Корпус имел свои интендантство, лазарет и полевые госпитали (из расчета 1 на дивизию), комендатуру и депо пополнений (2-4 роты). Как правило, штаб корпуса сам распределял вновь прибывших по частям (При этом старослужащих старались на править в их прежние подразделения).

12 декабря в 22:00 командир 1 кавалерийского полка майор М.Кастаньино получил приказ из штаба 1 кавалерийской дивизии удерживать *Платанильос* до подхода 7 кавалерийского полка. Однако 13 декабря в 2:00 47 боливийский пехотный полк при поддержке дивизионного эскадрона неожиданно атаковал и опрокинул третий эскадрон 1 полка. На рассвете боливий-

ские самолеты начали облет позиций полка. Вслед за ним начались артиллерийская подготовка и общая атака боливийских частей, которыми командовал лично генерал Х.Санхинес. Тем временем, 47 полк атаковал солдат М.Кастаньино с фланга. Попав под перекрестный пулеметный огонь, они дрогнули. 7 кавалерийский полк задерживался, и расстроенные эскадроны *Валуа Риваролы* с трудом сдерживали натиск врага. В этих трудных условиях майор М.Кастаньино принял решение оставить *Платанильос*. Впоследствии, за оставление *фортина* он был предан военному суду, который его оправдал и возвратил командование полком.

Падение *Платанильоса* обозначило угрозу западному флангу I парагвайского корпуса. Следствием его падения стало очищение парагвайской кавалерией фортинов *Лоа*, *Яюкуба* и *Боливар* без боя. Уже 14 декабря в них вошли авангардные части 3 дивизии. Для ее ликвидации КОМАНСУР перебросил на это направление свое единственное маневренное соединение – 1 кавалерийскую дивизию и загнуть к северу свой правый фланг. Освобождение рокадной дороги *Камачо – Баливьян* позволило восстановить прямую связь между обоими боливийскими корпусами. Победа была омрачена гибелью в патруле майора Ж.Хордана, строителя оборонительной линии на 7 километре. Через несколько дней войска генерала Х.Санхинеса вышли на подступы к фортину *Эррера (Фернандес)*, а 3 дивизия подполковника Ла Гамарры сосредоточилась в *Лоа* и *Боливаре*. Так, в канун Рождества 1932 года боливийским войскам удалось не только овладеть стратегической инициативой, но и занять исходные для последующего наступления позиции. Успешные действия генерала Х.Санхинеса подсказали генералу Г.Кундту решение продолжить наступление в этом районе. Для проведения операции, целью которой было овладение парагвайскими фортинами *Корралес* и *Толедо*, была выделена 3 дивизия. Она состояла из 1350 солдат 4 кавалерийского полка *Ингави* и трех пехотных полков *Вар-*

нес (N9), *Пари* (N13) и *Чоролоки* (N33), усиленных артиллерийской батареей капитана Соссы. 21 декабря части 3 дивизии выступили из *Лоа* в поход на *Корралес*

Генерал Г.Кундт прибыл на фронт на Рождество 1932 года, оставив руководить Генеральным штабом своего коллегу генерала фон Клюга. Несмотря на просьбы генерала Санхинеса, он запретил ему атаковать форти *Эрреры* (*Фернандес*), прикрывавший правый фланг парагвайской позиции у *Сааведры*. По-видимому, командующий опасался, что КОМАНСУР оттянет свои войска на север и избежит окружения. В распоряжении Г.Кундта имелось 10500 солдат. Они были распределены между двумя корпусами. Первый из них располагался в центральном районе Чако и насчитывал 6000 солдат, составивших 4 и 8 дивизии. Им командовал генерал Э.Гильен. Штаб Второго корпуса располагался в Камачо. В распоряжении его командира генерала Ф.Осорио было 4500 человек. Они составляли 3 дивизию и оперативную группу генерала Санхинеса.

КОМАНСУР воспользовался заминкой, связанной с приостановкой действий колонны генерала Санхинеса, и усилил гарнизон *Эрреры*, подновив её укрепления. На совещании старших командиров КОМАНСУР было решено правый фланг группы, усилив 1 кавалерийскую дивизию 6 пехотной под командование подполковника В.Мачуки. В новую дивизию вошли 5 (*Генерал Диас*) и 14 (*Серро Кора*) пехотные полки. Первый из них был взят из 3 дивизии, а второй был переброшен в форти *Толедо*, так и не закончив формирования. Таким образом, в течение целого месяца дивизия была небоеспособна. В начале 1933 года обе дивизии были объединены во II корпус под командованием полковника Х.Б.Айялы, бывшего начальника Генерального Штаба. Он был переведен на пост КОМАНСУР после гибели полковника Санчеса, а его место занял генерал Беляев, который, не сработавшись с Эстергаррибией, оказался в Асунсьоне. Согласно его мемуарам, он представился генералу М.Рохасу, который сам предложил ему взять на себя ведение дел в Генеральном Штабе. Главным помощником Беляева был Бенитес, будущий генерал. Кроме него к работе штаба были привлечены молодые офицеры-выпускники Военной Школы (Акунья, Фалкон, Ванчес и другие). Болезнь генерала М.Рохаса не позволяла ему заниматься текущими делами, но его должность открывала путь в Президентский Дворец. Обладая опытом оперативной работы генерал Беляев быстро наладил работу оперативного отдела, который лучше и качественнее информировал президента и его кабинет о положении на фронте.

Уже на следующий день после своего прибытия генерал Кундт приказал полковнику Э.Пеньярранде атаковать *Кампо-Хордан*. Подготовленные к атаке части 4 дивизии представляли собой сборные отряды 11 различных полков (1, 5, 6 кавалерийских, 2, 4, 6, 15, 18, 25, 38 и 45 пехотных полков) общей численностью 3135 человек. Их поддерживали три батареи (12 пушек) и легкий танк. Боливийские самолеты к этому времени полностью господствовали в небе над *каньядой*. 27 декабря 4 боливийская дивизия перешла в наступление и легко выбила заставы противника из *ислас*. В наступающих боевых порядках были развернуты подразделения семи полков. Пехотинцы *Лоа* и *Сукре*, поддержанные спешенными кавалеристами *Абароа* наступали на правом фланге, роты полка *Перес* продвигались в центре, а подразделения *Сокобаи*, *Мурги* и *Хунина* развернулись слева. Резерв 4 дивизии составили еще 4 полка. Наступавшим противостояла 1 парагвайская пехотная дивизия, усиленная 7 пехотным полком. Ее позиции растянулись по северному краю *каньяды* на восемь километров. Траншеи были усилены деревянными балками, а сектора обстрела перед окопами были расчищены на расстояние до 800 метров. Замысел Пеньярранды заключался в охвате позиций противника с обоих флангов. Однако его разведка не смогла выявить истинную длину фронта противника. При разработке приказа об атаке штаб 4 дивизии посчитал его равным пяти километрам. В результате этого просчета боливийские обходные колонны ударили в лоб на укрепления противника и, потеряв около 700 человек, отошли к концу дня на исходные позиции. Первая танковая атака этой войны также не удалась, поскольку вследствие жары температура в танке поднялась до 60С.

Экипаж вынужден был оставить его на поле боя, так и не добравшись до позиций противника. Постепенно рождественские атаки 4 дивизии переросли в бои местного значения, интенсивность которых к Новому году постепенно спадала.

В канун Нового года авангард 3 боливийской дивизии вышел на дальние подступы к фортину *Корралес*. План командира дивизии подполковника Гамарры заключался в окружении его защитников с трех сторон. Согласно первоначальной диспозиции, кавалеристы *Ингави* под командой майора Феликса Таберы должны были сковать противника с фронта, в то время как пехотинцы 9 полка охватят его с юга, а 13 и 33 – с севера. Помимо этого, сто солдат под командой капитана Эдуардо Варно были выделены в засаду на *Campo de los Muertos* (поле мертвых), через которое проходил единственно возможный путь отступления противника в Пуэсто Бетти. Однако во время выдвижения на исходные позиции командир дивизии поменял диспозицию 4 кавалерийского и 9 пехотного полков. Гарнизон *Корралеса* состоял из 400 солдат 7 кавалерийского полка *Сан Мартин*, командир которого узнал о движении противника от своих патрулей задолго до того, как первые боливийские солдаты появились в окрестностях фортина. Новогодней ночью один из дозоров полка *Варнес* заблудился, попал в засаду и был полностью вырезан мачете. Впоследствии, факт резни у *Корралеса* долгое время использовался боливийской прессой для описания зверств парагвайцев. Утром солдаты 9 полка во главе с его командиром подполковником Санчесом направились на поиски своих пропавших товарищей и неожиданно попали под кинжальный пулеметный огонь. Бросив своего смертельно раненого командира, полк побежал. Только поддержка со стороны батареи капитана Соссы и кавалеристов майора Феликса Таберы позволило восстановить порядок и продолжить бой.

Под давлением втрое превосходящих сил противника 7 кавалерийский полк оставил свои позиции в надежде выскользнуть из кольца окружения до того, как оно замкнулось. Впереди отступающей колонны ехали 6 санитарных и интендантских автомашин. Они первыми попали под огонь солдат капитана Варно, расположившегося на *Campo de los Muertos*. Большинству пассажиров автоколонны удалось бежать: они предупредили основные силы полка о том, что дорога к Пуэсто Бетти отрезана. Однако, командир полка решил прорываться с боем. Стрельбу услышал командир парагвайского пехотного батальона, шедшего на помощь полку *Сан-Мартин*. Пехотинцы 5 полка с тыла обстреляли солдат Варио. После нескольких залпов капитан приказал скрытно покинуть позицию. Прорывающиеся навстречу друг другу парагвайцы завязали между собой огневой бой и понесли потери от дружественного огня. Когда же ошибка выяснилась, ослабленные подразделения 7 полка и их спасители, вынуждены были отойти к Пуэсто Бетти, оставив надежду отбить *Корралес*. Таким образом, к концу 1932 года обе стороны остались, в основном на прежних позициях у *каньяды* 7 километра, причем, несмотря на неудачу рождественского наступления, боливийские войска сохранили инициативу. В центральных районах Чако им удалось достичь важных тактических успехов и отбросить слабые кавалерийские отряды противника.

В конце октября боливийское общество было обескуражено поражениями своей армии. Падение *Бокерона*, *Юкры* и *Алихуаты* и угроза Баливьяну рождали панические настроения. Однако бои на 7 километре, захват *Платанильоса* колонной генерала Х. Санхинеса и успешное продвижение войск 3 дивизии к *Корралесу* быстро восстановили самолюбие боливийцев. Публика требовала от военно-политической верхушки страны реванша за осенние поражения. Поэтому, когда 17 декабря Лига Наций предложила прекратить военные действия, и Парагвай согласился на ее посредничество, боливийский представитель, заявил, что его страна примет услуги только Комиссии нейтралов, явно настроенной в пользу Ла-Паса. Дипломатический демарш Ла-Паса фактически устранил Лигу Наций, контролировавшуюся Англией и Францией, от вмешательства в Чакский конфликт.

27 декабря новый командующий боливийской армией генерал Г. Кундт издал уникальную директиву, которая ставила под сомнение любые мирные инициативы:

«Руководство Боливии преисполнено решимости не принимать до 20 января никакого дипломатического вмешательства в конфликт с чьей-то стороны, сосредотачиваясь исключительно на мирных решениях. Месяц этот не следует считать фиксированным сроком, а лишь минимальным временем, которое имеется в распоряжении командования.»

Это ультимативное лишний раз заявление подтверждает, что боливийское военно-политическая элита была твердо убеждена, что США, опираясь на механизм Панамериканского союза, вынудит Асунсьон к уступке всего Чако, но это было не совсем так. К концу 1932 года под давлением общественного мнения Латинской Америки состав Комиссии нейтралов был изменен. В ее состав вошли Уругвай, Мексика, Колумбия и Куба. Однако, окончательные предложения комиссии составлялись под диктовку заместителя госсекретаря Ф.Уайта, лоббировавшего интересы *Стандард Ойл*. Колумбия и Куба действовали по его указке, в то время как Уругвай и Мексика единой позиции не выработали. В конечном счёте, давление госдепартамента США определило позицию комиссии, которая свелась к дипломатической поддержке боливийского наступления. Предложение нейтралов «оставляло боливийскую армию в самом центре Чако, тогда как Парагвай должен был бы очистить его целиком». Несмотря на изоляцию на международной арене реакция представителей Парагвая была предсказуема: они не согласились с решением «нейтралов». Через два дня после их начала парагвайская дипломатическая миссия, возмущенная предложениями нейтралов, покинула Вашингтон. Стороны стали готовиться к решающей схватке за «зелёный ад».

4

. Чакский «Верден».

Планы нового командующего. Состояние боливийской армии глазами немцев. Организационные мероприятия генерала Г.Кундта. Нанава. План АВСР. Генерал Швейцер и эмбарго.

Генерал Х.Л. Ланса оставил своему преемнику более выгодную оперативную ситуацию, чем досталась ему. Он добился изменения оперативно-стратегической обстановки и сформирова-

ровал боеспособную армию. Активные операции по овладению *Платинильосом* и *Корралесом* еще более укрепили авторитет немецкого генерала, который твердо обещал президенту в короткие сроки разбить противника. Хотя операции I боливийского корпуса в центральном Чако оказались безрезультатными, на фоне успешного продвижения войск II корпуса им не придали значения. Получив отпор на седьмом километре, генерал Г.Кундт выбрал новую цель для наступления. Ею случайно оказалось русская колония в Чако – *Нанава* (*фортин президент Айяла*), которую прикрывала дивизия майора Л.Иррасабала. Это был важный узел дорог, захват которого стал частью амбициозного плана генерала Г. Кундта. Генерал и его начальник штаба Клюг были достойными воспитанниками германской военной школы, где господствующей была идея «Канн» Шлиффена. Разработанный ими оперативный план ставил своей задачей окружить основные силы КОМАНСУР в районе Исла-Пой и, отрезав пути снабжения, заставить их капитулировать. Овладение *Нанавой*, находившейся на дороге Консепсьон-*Муньос*, позволяло отсечь основные силы парагвайской армии от основных баз снабжения и столицы.

Возложив на себя функции командующего, Г.Кундт образовал эмбрион полевого штаба, который составил из прибывших с ним немецких и лично отобранных местных офицеров. Часть немецких офицеров во главе с генералом фон Клюгом осталась в столице, а другие разосланы по полкам. Каждый из офицеров штаба занимался конкретным вопросом под личным контролем командующего, который оставлял за собой право для окончательного решения и сводил их компетенцию до уровня адъютанта. Фактически, каждые 1-2 офицера выполняли функции целого отдела штаба. Такая структура привела к неполноте информации и снижению инициативы. При этом командующий игнорировал Генеральный Штаб, в котором, по его мнению, сидели «лентяи и бездельники». Это отношение к боливийским офицерам генерал вынес со времен неудавшегося переворота в пользу Э.Силеса, поскольку многие из сотрудников штаба в то время только на словах поддержали его, не прислав на помощь ни одного солдата. Заняв высшую должность в военной иерархии, Г.Кундт не собирался мстить им, а только игнорировал их наличие. Вместе с тем, командующий не имел при себе сотрудника, отвечавшего за сбор и анализ разведывательной информации. Таким образом, оперативное планирование и военное строительство боливийской армии опирались на твердолобое мнение одного *гринго*.

После успешного занятия *Платинильоса* и неудачи на седьмом километре, Г.Кундт и его штаб решили произвести широкий охват парагвайских позиций на их крайних флангах – *Нанаве* и *Толедо*. Успех обеих атак приводил к тому, что основная часть парагвайской армии оказались бы отрезана от Асунсьона силами 7 дивизии и охвачена с севера силами II корпуса. Операция против *Нанавы* была подсказана генералу подполковником Д.Торо. На протяжении последующей кампании она играла ключевую роль в оперативном замысле Г. Кундта, поскольку с ее взятием открывались кратчайшие дороги на Консепсьон и Асунсьон. Со временем, она превратилась в своеобразную *idea fix* немецкого генерала. По его мнению, угрожающее положение на флангах вынудило противника отходить на северо-восток, оставляя столицу и центральные районы страны без защиты. Дальнейшее концентрическое наступление обоих боливийских корпусов должно было загнать парагвайские войска в район *Кампо-Эсперанса* – *Исла-Пой*. При этом войска 3 и 7 дивизий должны были оказаться в *Минас-Куэ* и *Касанильо*: ближе к реке Парагвай, чем противник. Дальнейший ход операций в Чако должен был закончиться капитуляцией главных сил Южной группы. По позднейшим заявлениям генерала Кундта, его тактические комбинации на полях сражения Чако сводились к методу, опробованному им на Восточном фронте в своей 40-й бригаде. Он сводился к плотному «точечному» атакующему удару, сопровождаемому рядом отвлекающих атак. Так, в на другом континенте неожиданно продолжилось противостояние немецкой и русской военных школ.

Операцию по разгрому главных сил парагвайской армии планировалось начать в конце января, как только закончит формирование 9 дивизия, но оно несколько затянулось. К этому времени 10000 боливийские солдат были растянуты от *Нанавы* до *Корралеса*. На этом фронте им противостояло 13000 парагвайцев. 7 боливийская дивизия численностью в 3500 человек были сосредоточены у *Нанавы*, а две тысячи солдат из 4 располагалась у Сааведры. На этом направлении парагвайское командование сосредоточило 1 и 4 дивизии общей численностью в 5000 человек. 2600 солдат 2 парагвайской дивизия прикрывала фортин *Эрреру*, которой угрожал II боливийский корпус в составе 4500 человек. Для обороны Нанавы в распоряжении Южного Командования оказалось около 3000 человек, включая резервы.

«В течение месяца война закончится без дипломатического вмешательства», – заверял Г.Кундт Д. Саламанку в одном из своих писем. Уверенность командующего подкреплялась качественным превосходством Авиационного Корпуса Боливии, получивших и освоивших новую материальную часть. 2 января над *Нанавой* появился первый истребитель *Хок* фирмы *Кэртис-Райт*, разведывательно-бомбардировочная авиация сменила старые *Бреге* на *Оспри*. Ветераны пересели на самолеты, а оставшиеся *Бреге* и *Веспы* были переведены в *Бальвиан*. А в Муньос прибыло пополнение – дюжина новых пилотов. Вскоре в *Муньосе* были развернуты целых три боевые эскадрильи. Каждая из них была вооружена самолетами только одной модели: *Оспри*, *Хок* или *Скаут*. Новые американские машины легко уходили от французских *Вибо* и вызвали сильную озабоченность у руководства парагвайских ВВС, которое обратилось в Рим с просьбой продать современные истребители. К январю боливийские самолеты безраздельно господствовали в воздухе и беспрепятственно проникала вглубь вражеской территории на сотни километров. Самолеты базировалась на ВПП фортина *Муньос*.

Несмотря на меры, предпринятые Х.Л.Лансой, выучка даже элитных боливийских частей оставалась на низком уровне. Прибывшие с генералом Г.Кундтом в Боливию немцы открыто говорили об этом. Так, на смотре частей столичного гарнизона выявился ряд недостатков в обучении и боевом воспитании войск. В присутствии командующего и его свиты командир 2 дивизии произвел осмотр оружия и проверил знание уставов. Осмотр ограничился проверкой ухода за оружием и ствола: в некоторых подразделениях была обнаружена ржавчина. При этом выяснилось, что многие бойцы не умеют разбирать затворы винтовок. Настоящий боевой вид и выправка были только у личной охраны президента – карабинеров. Инспекция боевой техники свелась к проверке тактико-технических характеристик конкретных образцов оружия. Вслед за этим офицеры посетили плац и стрельбище, где отрабатывались ружейные приемы, велись стрелковая подготовка и обучение метанию гранат. Смотр закончился военным парадом, в котором участвовала тяжелая артиллерия (батарея 105мм гаубиц на механической тяге) и бронетехника (6 открытых бронемашин и 3 танка *Виккерс*). Общее мнение для 2 дивизии оказалось нелестным.

“Смотр показал чрезвычайно слабую стрелковую подготовку солдат: выявилось плохое прицеливание и заряжание, неумение устанавливать прицел, неправильная постановка приклада на плечо, неустойчивое положение винтовки и неумение определить дальность до цели. В еще большей степени это относилось к подготовке пулеметчиков. В течение 15 минут расчет копался у станкового пулемета, но так и не сумел произвести точную наводку в цель. Командир пулеметной роты и его взводный не смогли ответить на элементарные вопросы по баллистике. Отсюда, немецкие офицеры пришли к заключению, что огневой подготовке командованием не уделяется никакого внимания. Гораздо лучше у солдат получалось движение и ружейные приемы, особенно владение штыком. Во время проверки уставов экзаменовали командный состав отделений, взводов и рот. Инспекторы проверяли лишь точность ответа, а не практическое применение его на практике. Не лучше обстояло дело с полевой подготовкой. Некоторые офицеры проявляли поразительное неумение читать и работать с картой...” – писал немецкий инженер-майор В.Брандт в своём дневнике.

Несколько позже генерал Г.Кундт провел в I корпусе тактические учения в звене взвода роты. На них выяснилось шаблонное применение современных методов боя. Командиры подразделений не применялись к местности и не вели разведку. Приказ о проведении маневров отдавался из пункта, с которого не были видны ни поле боя, ни передний край. Управление подразделениями на поле боя осуществлялось голосом и только изредка сигналами. При проверке сектора обстрела подразделений, занявших оборону, выявилось наличие мертвых зон, позволявших противнику выдвинуться на рубеж атаки без потерь. Из учений генерал Г.Кундт и его окружение вынесли мнение, что уровень тактической подготовки подразделений не отвечает современным требованиям боя. На разборе маневров генерал Э.Гульен заявил, что его лучшие офицеры и солдаты находятся в боевой линии, а на учениях были исключительно новобранцы. При опросе адъютантами участников маневров, выяснилось, что они находятся на службе уже 3-4 месяца...

Следствием смотров и инспекций войск стала реорганизация системы подготовки солдат учебных и запасных частей. Выяснив низкий уровень подготовки командного состава, генерал Г.Кундт при помощи своих немецких помощников отобрал свыше сотни офицеров, которых стал использовать для обучения армии. Она была начата с переподготовки командиров всех уровней (офицеров и сержантов) на курсах при Военном колледже. На них стали учить кавалеристов и пулеметчиков, саперов и артиллеристов современным методам боя. К запасным депо и учебным частям были приставлены офицеры, специально отвечавшие за стрелковую подготовку. В штабы 1 и 2 пехотные дивизий инструкторами были назначены немцы, которые стали поднимать их выучку. Эти мероприятия растянулись на три месяца, но не остановили развитие военных операций.

Для атаки на *Нанаву* генерал Г.Кундт направил 7 дивизию полковника Герардо Родригеса. Ее усилили рядом полков 4 дивизии. После их передислокации на 7 километре остались только полторы тысячи штыков. Это были ветераны кампании и их, по мнению немецкого генерала, вполне хватало, чтобы удержать рубеж. Кроме боевых частей в состав 7 дивизии направлялись все пополнения, прибывающие на фронт из Вильясона. В самом начале 1933 года 7 боливийская дивизия состояла из 6 пехотных (6 батальонов) и 2 кавалерийских (6 эскадронов) полков. Их поддерживали 3 батареи артиллерии (12 75мм пушек Виккерса). С октября 1932 года солдаты кавалерийской бригады майора Л.Иррасабалья укрепили фортины, прикрыв дорогу на Асунсьон со стороны вражеского фортины *Агуа Рика*. В самый канун Нового года Л.Иррасабаль получил чин подполковника, а войска, стоявшие в *Нанаве* были реорганизованы в 5 дивизию. Командиром 1 кавалерийской бригады был назначен майор Т.Мендоса, а командирами 4 и 5 полков капитан Ю.Бутлеров и Л.Ласлотас, соответственно. Помимо 943 кавалеристов Мендосы Л.Иррасабалью был передан 13 пехотный полк *Туитиу* (кап.Ф.Андино), 2 отдельных эскадрона (дивизионный и разведывательный) и батарея крупнокалиберных пушек. Благодаря низкой интенсивности боевых действий на этом участке, численность дивизии постоянно росла и достигла 2500 человек. За три месяца затишья парагвайцы возвели вокруг *Нанавы* пояс земляных укреплений, получивших название фортин *Президент Айяла*. Главная позиция представляла незамкнутое к востоку полукольцо земляных траншей, усиленное пулеметными гнездами. Материалом для их оборудования и лучшей защиты служили стволы квебрахо. С фронта траншеи были опутаны колючей проволокой, недавно поступившей на фронт, перед которой были установлены фугасы нажимного действия. Они располагались на расстоянии пятидесяти метров перед линией окопов. Оборона прикрывалась с фронта двумя выдвинутыми вперед редутами, получившими имена *Марискаль Дуарте* и *Марискаль Лопес*.

Боливийское наступление на *Нанаву* обозначилось 30 декабря выдвиганием 7 дивизии к парагвайским аванпостам. С воздуха ее прикрывали три боевые эскадрильи Авиационного корпуса, базировавшиеся на *Муньос*. После боя гарнизон *Марискаля Дуарте* отошел к главной позиции в то время, как защитники *Марискаля Лопеса* отразили атаку. Бои вокруг редута затя-

нулись на двадцать дней. На его штурм была привлечена авиация: здесь впервые под прикрытием истребителей использовались новые бомбардировщики *Оспри*. Интенсивным бомбардировкам с воздуха подверглась не только укрепления *Нанавы*, но и ее дорога *Посо Колорадо* – Концепсьон, по которой осуществлялось снабжение *фортина*. Под непрерывными авиационными бомбардировками и артиллерийским обстрелом гарнизон *Марискаль Лопеса* держался до 19 января. Его гарнизон был вынужден покинуть свои разрушенные окопы под давлением превосходящих сил противника и отошёл к главной позиции. Сопrotивление редута притормозила реализацию плана Г.Кундта на три недели. Получив цветастое сообщение командира I корпуса генерала Э.Гульена о взятии редута, он отдал приказ о наступлении к реке Парагвай. Однако, вскоре выяснилось, что взята не сама *Нанавы*, а только редут на подступах к ней. Тогда генерал Г.Кундт отправил командира I корпуса генерала Э.Гульена в отставку. Командовать корпусом он решил сам.

Бои за *Марискаль Лопес* вскрыли направление главного удара I боливийского корпуса. После этого полковник Х.Ф.Эстигаррибия предпринял ряд мер по усилению этого фланга. Уже в первой декаде января в расположенный неподалеку от *Нанавы* фортин *Гондра* была переброшена 4 пехотная дивизия (3 кавалерийский (май. Ф.Смит), 5 и 7 (май. М.Муньос) пехотный полки) из *Кампо-Хордана*. 20 января 3 кавалерийский и 5 пехотный полки прибыли в *Нанаву*, сменив 4 кавалерийский полк. Даже после подхода подкреплений защитники фортина в полтора раза уступали противнику, который готовил решительное наступление. Командир 7 боливийской дивизии полковник Г.Родригес решил его окружить и взять штурмом. Для реализации своего плана он сформировал три колонны. Командиром северного участка был назначен полковник Х.Р. Теран. В его распоряжение были переданы два эскадрона 1 кавалерийского полка и батальоны 7, 26 и 39 пехотных полков. Всего в его распоряжение было выделено 1720 человек человек и 2 зенитные пушки SEMAG. Задача, поставленная перед полковником, состояла в глубоком обходе правого фланга 5 дивизии с севера и перехват дороги, соединяющей *Нанаву* с фортином *Рохас Сильва*. Подполковник Х.Кирога с солдатами 8 пехотного полка, усиленного эскадромом 1 кавалерийского полка при поддержке 2 пушек (*Виккерса* и *Крупна*) должен был атаковать *Нанаву* в центре. В его подчинении оказалось 770 солдат. Южную колонну, состоявшую из 16 пехотного полка и эскадронов 1 и 5 кавалерийских полков, возглавил подполковник Э. Фриас. У него было 1290 солдат и 2 75мм пушки *Виккерса*. Его отряд должен был обойти парагвайские позиции с юга и, перерезав дорогу в Концепсьон, соединится с северной колонной восточнее *Нанавы*. 35 пехотный полк составил дивизионный резерв и оставался в подчинении Г.Родригеса. Атаку поддерживали 16 горных пушек и авиация. Всего под *Нанавой* были собраны 4140 боливийских солдат.

Распределение войск на три независимые колонны, разделенных несколькими километрами густых зарослей, привело к потере связи между ними и привело к распылению сил дивизии. Утверждая план командира 7 дивизии, генерал Г.Кундт надеялся, что господство в воздухе боливийской авиации ограничит возможности парагвайской разведки и не позволит выявить обходное движение боливийских колонн, а неустойчивая связь не даст противнику вызвать резервы и изменить ход сражения. 19 января в 16:00 колонна Х.Р.Терана начала обходной маневр. В ночь на 20 января пошел дождь и превратил почву в труднопроходимое болото. Это затруднило выдвижение частей 7 дивизии на исходные позиции. Под утро подул *суразо*, и температура воздуха неожиданно резко упала. Готовившиеся к атаке солдаты оставили свои одеяла на бивуаке и замерзли. Вследствие таких резких погодных изменений значительная часть бойцов 7 дивизии пыталась как-то согреться и стала временно небоеспособной. Северной колонне достался самый длинный маршрут и ее движение затрудняли пушки. Из-за дождя они на два часа опоздала к началу атаки, назначенного на 4:00 следующего дня. Выдвигавшаяся в темное время колонна Э. Фриаса также опоздала, поскольку потеряла ориентацию и вынуждена была преодолевать залитые водой леса, уровень воды в которых достигал сорока сантиметров.

После выхода на исходные позиции солдатам требовалось время, чтобы привести своё оружие в порядок. Так, в результате игнорирования условий Чако первый штурм *Нанавы* должен был превратиться в ряд разрозненных столкновений.

Несмотря на запаздывание обходных колонн, Г.Кундт не разрешил Г. Родригесу перенести время артиллерийской подготовки. Артиллерийский огонь был открыт в 4:30 и длился полчаса. Вслед за ним последовала авиационная бомбардировка. Девять боливийских самолётов сбросили на фортин около пятидесяти бомб. Некоторые из них достигли цели, повредив укрепления и убив нескольких защитников. Шквал снарядов и бомб на время подавил огонь защитников фортина. Пользуясь этим солдаты Х.Кироги атаковали вдоль дороги на *Агуа Рику* и вклинились в центр парагвайской обороны. Боливийцы были близки к тому, чтобы прорвать фронт. Для того, чтобы их остановить в бой были брошены последние резервы, включая штаб 13 пехотного полка. Боливийская атака приостановилась. Это дало возможность Л.Иррасабалью подтянуть к месту прорыва две пулеметные роты из состава соседних полков. Восемь *Кольтов* своим огнем отбросили противника. Кризис боя на центральном участке обороны уже миновал, когда с юга в атаку перешли солдаты Э.Фриаса. Они были остановлены картечью и шрапнелью парагвайских *Круппов*. Увидев неудачу своих товарищей, подполковник Х.Р.Теран решил отложить атаку, вследствие чего тактическая внезапность на северном фланге была утеряна.

Утром 21 января все колонны развернулись на рубежах, предусмотренные диспозицией Родригеса. При поддержке авиации и артиллерии они предприняли ряд безуспешных атак. Для атакующих этот день закончился безрезультатно, поскольку солдаты Х.Р.Терана вместо того, чтобы зайти в тыл противника и перерезать пути сообщения, вышли к его правому флангу. Здесь они наткнулись на занимавший флангирующее положение опорный пункт *Isla fortificada*, занятый отдельным эскадром лейтенанта Мохоля, и уперлась в него. Неудача обхода и безуспешные атаки привели полковника Г.Родригеса и командиров его колонн в растерянность. Они предложили отменить штурм, но генерал Г.Кундт требовал от них продолжить штурм и направил в 7 дивизию 41 и 43 пехотные полки. На следующий день штурм, артиллерийский обстрел и авианалеты возобновились. От вражеских бомб и снарядов гарнизон *Нанавы* потерял полторы сотни человек убитыми и ранеными.

Неуверенно себя чувствовало и парагвайское командование. За два боя 5 дивизия понесла большие потери и израсходовала большую часть боеприпасов. Дождь, задержавший солдат Х.Р. Терана, превратил, ведущие дороги к *Нанаве* в болото. На них застряли обозы 5 дивизии, везущие боеприпасы и продовольствие в осаждённый *фортин*. Из-за перебоев в снабжении их паек был уменьшен вдвое, а боеприпасы выдавались по счёту. Был момент, когда у солдат оставалось всего по пять патронов на винтовку. В ночь на 23 января подполковник Л. Иррасабаль отправил в Исла-Пой запрос, в котором просил разрешение оставить *Нанаву*. Это ему было в категорической форме запрещено. Понимая сложность положения, КОМАНСУР предпринял лихорадочные усилия, чтобы поддержать её защитников. Несмотря на то, что в воздухе господствовала боливийская авиация, был организован воздушный мост из *Исла-Пой*. Четыре *Потеза* (№3, 4, 5 и 7) несколько раз пролетали над парагвайскими позициями и сбрасывали на них тюки с патронами и продуктами. Каждый самолёт брал на борт только 115 килограммов груза, поэтому они были максимально облегчены: с них сняли даже турельные пулеметы. Маршруты полётов пролегли над джунглями, которые только формально контролировались парагвайцами, но реальная опасность летчикам угрожала только у самой *Нанавы*: здесь они могли наткнуться на истребителей противника. За первый день полётов парагвайские лётчики сделали по три вылета и сбросили своим товарищам 1610 килограммов боеприпасов. Полеты к *Нанаве* продолжались еще несколько дней. Три самолета (№3, 4, 5) были повреждены и на некоторое время находились в ремонте.

Не достигнув успехов у *Isla fortificada*, полковник Х.Р.Теран решил глубже охватить фланг противника и поступить так, как это было предусмотрено первоначальным планом. Для этого он выслал один эскадрон 1 кавалерийского полка для перехвата дороги на *Гондру*. Боливийцы беспрепятственно обошли позиции противника и прочно оседлали дорогу, разорвав связь 5 дивизии с соседями, и доложили об этом в штаб дивизии по радио. Полковник Г.Родригес готовил очередной штурм *Нанавы* и никак не отреагировал на это известие. Не прислал подкрепления и полковник Х.Р.Теран, занятый разведкой подходов к *Isla fortificada*. Несмотря на свою малочисленность, кавалеристы прочно удерживали дорогу и, фактически, замкнули кольцо окружения вокруг *Нанавы*. Узнав из радиоперехвата о появлении боливийцев на дороге к *Гондре*, подполковник Л. Иррасабаль запаниковал. Он вновь у штаба Южной группы разрешения на оставление фортина. Несмотря на возражения некоторых своих советников, Х.Ф.Эстигаррибия подтвердил приказ от 21 января: «Удерживать фортин до последнего солдата!». Командующий считал, что с потерей *Нанавы* у противника окажутся развязаны руки для операций против КОМАНСУР. Для облегчения положения Л. Иррасабаль, штаб Х.Ф.Эстигаррибии отдал приказ 4 дивизии: выступить из *Гондры* на юг и восстановить связь с *Нанавой*. Превосходящие силы 4 кавалерийского полка Бутлерова и 7 пехотного М.Муньоса всеми силами обрушились на боливийских кавалеристов и заставили их отойти на восток.

С подходом 4 пехотной дивизии численность парагвайской группировки в *Нанаве* возросла до 2500 человек из состава 3, 4 и 5 кавалерийских, 5, 7 и 13 пехотных полков. Помощь из *Гондры* подошла вовремя: 24 января начался генеральный штурм *Нанавы*. Уже в 6:00 боливийцы достигли успеха: 41 пехотный полк майора Пантои, присланный в колонну Терана, пользуясь внезапностью прорвал линию обороны противника и оседлал дорогу *Нанавы* – *Сухин*. Он оказался в глубоком тылу парагвайской армии и вскоре потерял контакт с основными силами северной колонны. Для ликвидации прорыва на северном фланге подполковник

Л.Иррасабаль бросил в бой свой резерв – эскадрон 5 кавалерийского полка *Ака Вера*. Он был усилен тыловиками из обеих дивизий. 41 полк противника был сбит с дороги и, в свою очередь, попал в окружение. В бою погибли многие его солдаты и офицеры. Дорога на Сухин была чиста, а кавалеристам из *Ака Вера* удалось захватить часть тяжелого вооружения 41 полка и пленных. Однако, большинству его солдат удалось штыками проложить себе дорогу на запад – в расположение своих войск. Прорвавшись через расположение противника, они соединились с 43 пехотным полком, штурмовавшим на *Нанаву* с фронта. Как и действия 1 кавалерийского полка, атака солдат майора Пантои частично достигла своего результата – нарушила движение обозов и парков, прервав на какое-то время снабжение гарнизона *Нанавы*.

Одновременно с атакой солдат майора Пантои была атакована *Isla fortificada*. Её обстреливали прямой наводкой 4 боливийских пушки, выпустившие две сотни снарядов. После длительной артиллерийской подготовки на её штурм были брошены 8 и 16 полки из групп Кироги и Терана. Попав под кинжальный огонь пулеметов, боливийские солдаты залегли в мёртвой зоне, из которой смогли убраться только к вечеру. Пока они лежали, солдаты 39 пехотного полка смогли достичь главной линии парагвайской обороны. Здесь произошел один из немногих штыковых боев Чакоской войны, где скрестились штыки *чоло* и *патапилас*. Бой выиграли боливийцы, которые к полудню закрепились в первой линии парагвайских окопов. Во второй половине дня 39 полк был атакован свежим 7 парагвайским пехотным полком. Не получив поддержки со стороны дивизии, боливийцы отошли на исходные позиции. В ходе второго штурма *Нанавы* боливийцы понесли значительные потери, включая майоров Карраско и Агирре, а часть их подразделений была дезорганизована.

В течение трех последующих дней обе стороны отдыхали, готовясь к новой схватке. Воспользовавшись временным затишьем командование КОМАНСУР перебросила в район боёв оставшиеся части 4 дивизии: 6 пехотный полк и 1 артиллерийскую группу. В соответствии с приказом N16 подполковнику А.Брею было приказано удерживать фортины *Гондра* и *Фалькон*, обеспечивая связь между флангом 1 и 5 дивизий. Ждя завершения манёвра ему были выделены 30 грузовиков и 400 рекрутов, которые должны были пополнить ряды полка *Бокерон*. На это направления была переведена 1 артиллерийская группа. Было запланировано перемещение и 2 группы, но этого не произошло из-за нехватки грузовиков. В свою очередь, командование 7 дивизии проводило перегруппировку войск, усиливая колонну Фриаса. 26 января у *Isla fortificada* произошёл бой местного значения, который ухудшил позиции боливийских войск.

Третий штурм *Нанавы* начался 28 января и представлял собой фронтальное наступление. Генерал Г.Кундт, недовольный действиями Г.Родригеса во время предыдущих боев, сам взялся за планирование боя. Анализируя действия своих подчинённых, он обратил внимание на то, что максимальный успех достигался именно частями, которые атаковали противника в лоб (8 полк – 20 января, 39 полк – 24 января). Поэтому он решил бросить все силы дивизии в атаку на парагвайские окопы. Утром 28 января цепи наступающих после артиллерийской подготовки поднялись в атаку, но так и не достигли окопов противника. В полусотне метров от них они наткнулись на минные поля и колючую проволоку. Под ружейно-пулемётным огнём они залегли. Здесь они были накрыты минометным огнем и шрапнелью, после чего быстро откатились на рубеж атаки, оставив на поле боя четыре десятка трупов. После этого неудачного наступления атаки *Нанавы*, сопровождавшиеся авианалетами и интенсивным, артиллерийским обстрелом продолжались, но все они носили исключительно частный характер. Так, 31 января полк *Корралес* отбил атаку противника, уничтожив 140 солдат. 7 февраля его позиции были вновь атакованы. В этот раз противнику удалось овладеть частью траншеи. Однако, боливийские солдаты, как это уже повелось в 7 дивизии, снова не получили подкрепления и к вечеру отошли в исходное положение, оставив на поле боя 110 убитых. До 15 февраля боливийские войска предпринимали частные атаки отдельных участков обороны противника, после чего перешли к позиционной войне. Потери сторон в сражении за *Нанаву* до сих пор вызывают

споры. Например, парагвайские историки писали о 6000 убитых и раненых боливийцах, и это вызывает очень большие сомнения. Точно известно, что в боях погибло 17 офицеров г дивизии, 2 из которых были в звании выше майора. Экстраполируя эти цифры на общую статистику боливийских потерь, можно предположить, что *Нанав* не была такой кровавой бойней, как описывают. Вероятно, общие потери боливийской армии составили около двух тысяч человек, включая пленных. Официальные потери парагвайцев, приводимые ими в официальных отчётах, составляют всего 248 человек, также занижены, поскольку в них не включены санитарные потери, а также урон, понесённый тыловыми и вспомогательными подразделениями. Вероятно, они на самом деле раза в три больше, поскольку в противном случае, 5 дивизия сравнялась бы по численности с противником и смогла бы контратаковать. Вместе с тем первая *Нанав*, как оборонительное сражение, является несомненной победой парагвайской армии.

Прекращение боев под *Нанавой* было расценено парагвайским общественным мнением как победа. Хотя армия уже вела оборонительные бои на 7 километре, они не расценивались, как решающие. Здесь же пути открывались прямо на Асунсьон и Консепсьон. Поэтому парагвайской пресса окрестила фортин *Президент Айяла*, как официально называлась *Нанав*, «Верден в Чако», а ее коменданта – подполковника Л.Иррасабалю сделала главным героем. Это очень не нравилось Х.Ф.Эстигаррибии, ревниво относившегося к чужой славе. Однако, он был вынужден молчать, поскольку командир 5 дивизии был дружен с генералом М. Рохасом и после успешно проведённой операции пользовался обожанием прессы. Осада *Нанавы* выявили новые черты *пататилас* – стойкость под огнем и уклонение их от штыкового боя на равных. За полтора месяца боев штабу КОМАНСУР удалось закончить реорганизацию своих частей и создать оперативный резерв из нескольких тысяч человек. Полки и батальоны были сведены в 5 пехотных и кавалерийскую дивизии, распределённые между 3 корпусами. Теоретически каждая пехотная дивизия должна была состоять из кавалерийского и двух пехотных полков, а корпус иметь в своём составе 2 дивизии, инженерный батальон и артиллерийскую группу.

Неудачные бои под *Нанавой* дорого обошлись 7 дивизии, которая потеряла несколько тысяч человек. Атаки выявили слабое взаимодействие боливийских колонн между собой и отсутствие среди отдельных частей командиров взаимной поддержки и плохую связь между штабами. Другой причиной неудачи стало игнорирование генералом Г.Кундтом погодных условий, сделавших значительную часть его солдат небоеспособными, а местность – труднопроходимой. Несмотря на неудачу под *Нанавой* и невыполненные обещания о быстрой победе авторитет Г.Кундта в глазах президента не упал. Командующему удалось переложить вину на командира дивизии Родригеса и командиров обходных колонн, не выполнивших приказ. Тем временем, мероприятия по обустройству тыла, предпринятые в начале декабря, стали давать свои плоды. Фронт получил новые подкрепления, которые позволили восполнить потери и закончить формирование 9 дивизии. С начала февраля генерал Г.Кундт и его штаб начали планировать новую операцию, тщательно отработывая детали. Под влиянием *Нанавы* его приказы становились все более детализированы и вызывали все большее раздражение среди офицеров. Офицерскую фронду возглавил вездесущий подполковник Д.Торо.

В январе 1933 года Совет Лиги Наций рассматривал вопрос о направлении в Чако комиссии для выработки мирного решения на месте. Однако, этому воспротивился госсекретарь США Г.Стимсон. Ссылаясь на доктрину Монро, он заявил:

«...с точки зрения госдепартамента лучший шанс достижения мира – это сотрудничество соседних и нейтральных государств».

Поскольку комиссия нейтралов была абсолютно неприемлема для Асунсьона, возник новый, латиноамериканский вариант урегулирования территориального спора в Чако. В феврале 1933 года в аргентинском городе Мендоса министры иностранных дел Аргентины Сааведра Ламас и Чили Кручага Токоранль провели встречу, результатом которого стал новый план мирного урегулирования конфликта. Он был поддержан внешнеполитическими ведом-

ствами Бразилии и Перу. Предложения АВСР (по начальным буквам стран-участниц) привели к окончательному свертыванию работы комиссии нейтралов, которые присоединились к предложениям сторон. «План Мендосы» предусматривал:

- взаимный отвод войск противников к взаимоприемлемым рубежам (боливийских войск на линию *Бальивиан – Роборе*, а парагвайских – за реку Парагвай);
- сокращение их вооруженных сил;
- арбитражное решение спора.

Совместное выступление латиноамериканских стран, каждая из которых по-разному относилась к участникам конфликта, было негативно встречено в Вашингтоне. Госдепартамент помнил, как в 1915 году государства Западного полушария попытались вырваться из-под опеки межамериканской системы, основанной на доктрине Монро. Аргентина, Бразилия и Чили на переговорах в Ниагара-Фолс вынудили Вашингтон отказаться от интервенции в Мексику. Это было крупное дипломатическое поражение США. Новое коллективное выступление могло послужить стимулом к более тесному внешнеполитическому сотрудничеству стран АВСР между собой и существенно ограничить влияние США в Южном конусе.

Под влиянием военной истерии оба противника к этому времени ужесточили свои требования. Ла-Пас претендовал почти на всю территорию Чако вплоть до реки Парагвай, а Асунсьон требовал отвести боливийские войска за меридиан Вилья-Монтес. В конечном итоге, Парагвай с оговорками согласился с планом Мендосы, в то время как его противник требовал сохранить гарнизоны в *Муньосе* и *Камачо*. Боливия настаивала на применении принципа *uti possedetis* по состоянию на 1810 год, включив в область своих притязаний территорию арбитража Хейеса. Ла Пас требовал аннулировать все предыдущие соглашения по Чако, заключенные с Асунсьоном. Таким образом, согласно боливийской позиции арбитражу подлежала только территория между аргентинской границей, рекой Парагвай, 21 южной широты и 5955 западной долготы, т.е. территория занятая парагвайцами.

Из-за обструкционистской позиции боливийской стороны усилия С.Ламаса и его коллег оказались тщетными. Инициативы аргентинского министра, призывавшего Вашингтон оказать нажим на правительство Д.Саламанки, вызывали неприязнь государственного департамента, а председатель «комиссии нейтралов» Уайт публично назвал его «крайне честолюбивым и тщеславным человеком». План АВСР повис в воздухе. Для его спасения С.Ламас предложил Уайту сблизить позиции противников, предлагая надавить со своей стороны на Парагвай, прекратив импорт оружия. Несмотря на то, что поставка оружия обоим противникам была запрещена решением Лиги Наций, в Парагвай оно поступало через Буэнос-Айрес и Монтевидео. В ноябре 1932 года Уайт сообщал представителю США в Женеве: «Аргентина честно запрещает ввоз оружия в Боливию, поддерживая Парагвай, и, естественно, боливийцы не верят, что этот запрет сохраняется по отношению к их противникам». Военный атташе США в Асунсьоне сообщал в Вашингтон, что в феврале 1933 года через территорию Аргентины в Парагвай была доставлена партия оружия, а президент Э.Айяла сообщил послу Вилеру, что с Буэнос-Айресом ведутся переговоры об «аренде» летчиков для парагвайских ВВС. Таким образом, А.Ламас реально мог остановить войну.

Несмотря на то, что Аргентина была основным источником военной контрабанды в Парагвай, участие ее официальных кругов в ее организации было sporadическим. Большое число ее граждан было связано родственными и деловыми связями с этой страной и старалось оказать посильную помощь «маленькой и слабой стране» против агрессора. За годы войны примерно пятьсот аргентинцев служили волонтерами в парагвайской армии. Еще накануне войны в Асунсьоне действовала аргентинская военная миссия, состоявшая из двух десятков офицеров. Они под руководством полковника Швейцера помогали подготовке войск. После начала войны миссия была отозвана, но ее глава получил чин генерала и был назначен военным атташе в Асунсьоне. Он обеспечивал передачу парагвайскому командованию разведы-

вательной информации о противнике, собранной аргентинской военной разведкой (отдел G2, начальник полковник Эстебан Вакарейса). Она включала сведения о передвижениях боливийских войск и состояние коммуникаций вдоль Рио Пилькомайо. В канун войны Швейцер был посредником при выделении «секретного» займа Парагваю. При его посредничестве все 8 миллионов песо были израсходованы на приобретение оружия и транспорта. В начале 1933 года он обеспечил поставку большой партии стрелкового оружия из аргентинского арсенала (10000 винтовок), позволившую завершить формирование полков второй линии. После вынужденной отставки генерала М.Рохаса, его сотрудники принимали участие и в планировании боевых операций парагвайской армии.

Тем не менее, роль Аргентины в Чакоской войны сильно преувеличена историографией США, которая пытается оправдать свое дипломатическое поражение в этом конфликте. Буэнос-Айрес не мог оказывать Асунсьону столь же широкую материальную и дипломатическую поддержку, какую Вашингтон оказывал Ла-Пасу. Даже Б.Вуд признает отсутствие прямого подтверждения широко распространенного мнения об аргентинской военной помощи Парагваю. Асунсьонские источники характеризуют эту помощь как «спорадическую» и косвенную (предоставление разведывательных данных, вербовка добровольцев и специалистов). Обвинения аргентинцев в военной контрабанде не имеют под собой основания, поскольку по парагвайско-аргентинскому соглашению главный фарватер Параны и Парагвая считался нейтральными водами для судов под парагвайским флагом, а перегрузка оружия с океанских судов на речные проходила в Монтевидео. Правительство Уругвая, боясь в одиночку оказаться между молотом и наковальней – Аргентиной и Бразилией, последовательно поддерживала Парагвай в течение всей войны.

В качестве меры давления на Боливию Ламас предложил Уайту использовать положения пакта Бриана-Келлога и применить экономические санкции против Боливии, как агрессора. Ответ Уайта был отрицательным. Он лицемерно сослался на то, что Боливия не является участником этого пакта, санкции к ней неприменимы, а госдепартамент не может влиять на политику частных банков. Таким образом, дипломатия США открыто заняла сторону Ла-Паса. После столь явной поддержки, боливийская сторона стала настаивать на оставлении ее войск на занятых во время войны позициях, в качестве предварительного условия переговоров. Для того, чтобы «смягчить» позицию Ла-Паса, Чили запретила 20 января 1933 года транзит оружия через свою территорию в нарушение мирного договора 1904 года с Боливией. Таким образом, Ла-Пас оказался под сильным дипломатическим давлением со стороны соседей.

В скором времени в «плане Мендосы» выявилось слабое звено – республика Перу. В сентябре 1932 она втянулась в территориальный спор с Колумбией из-за «трапеции Летисия». Обороноспособность страны зависела от поставок американского оружия, поскольку в эпоху диктатуры Легии, ее армия перешла на стандарты США. Между тем, государственный департамент занял в летисийском споре сторону Колумбии, как бы расплачиваясь за Панаму. Тем не менее, перуанские дипломаты попытались использовать проблему Чако, чтобы склонить на свою сторону госдеп США. Американцы подхватили эту тему и тонко повели свою игру. После ряда дипломатических маневров Вашингтону удалось открыть перуанские порты для транзита оружия в Боливию. Понимая дальнейшую бесполезность эмбарго, президент Алессандри отменил его 21 февраля 1933 года. Одним из главных лоббистов этого решения в чилийском парламенте стала английская железнодорожная компания, владевшей линией Оруро – Антофагаста. Её владельцы не захотели потерять прибыль от транзита британского оружия. Указывая на экстерриториальный статус своей дороги, их адвокаты в судебном порядке добились отмены запрета на транзит оружия уже через месяц после его введения. В эти же дни в Асунсьоне разгрузился корабль, доставивший из Италии современные истребители и запасные части к ним. Он был пропущен вверх по Паране без таможенного досмотра, благодаря хлопотам пол-

ковника А.Швейцера, поддержанного военными кругами. Таким образом, «единый антивоенный фронт» распался, а эмбарго Лиги Наций оказалось пустой бумажкой.

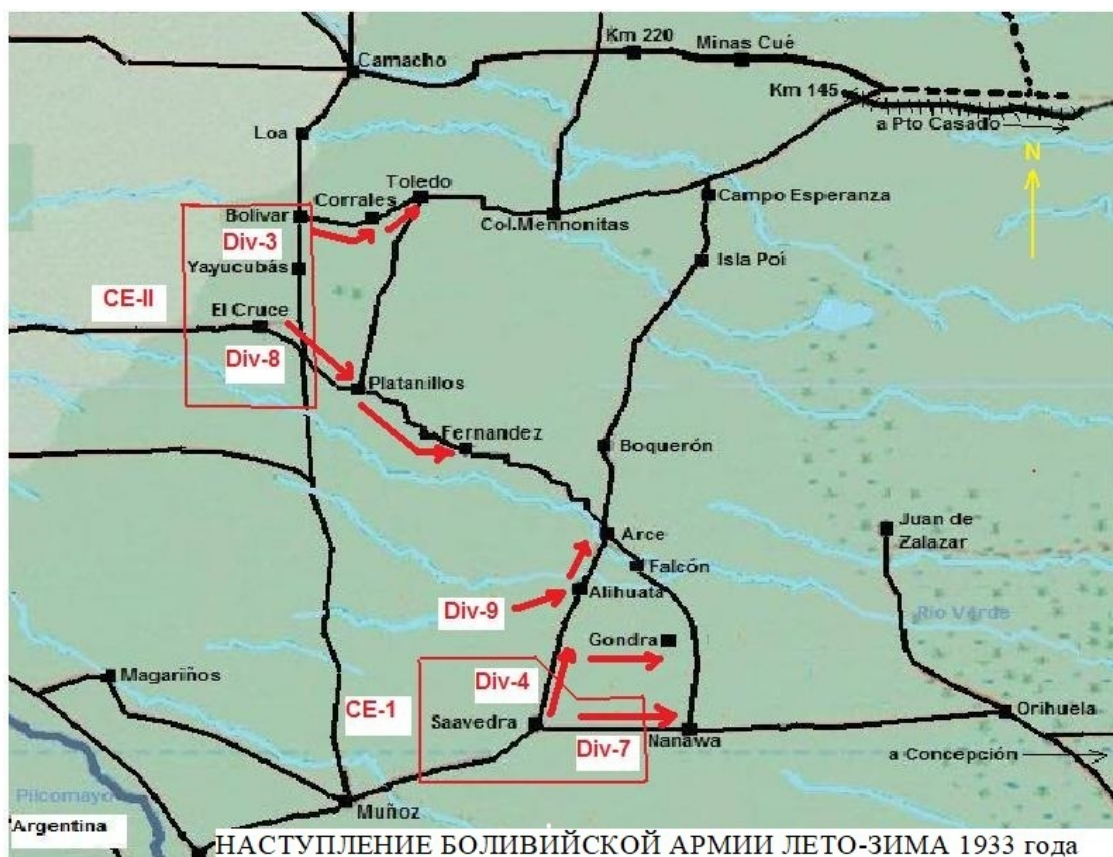
5. Второе боливийское наступление.

Эррера (Фернандес). Корралес. Новый оперативный план Г.Кундта. Толедо. Зентено (Алихуата). Провал второго наступления Г.Кундта.

Одновременно со штурмом *Нанавы* боливийские войска активизировались далеко на севере. Это была реализация второй части плана Г.Кундта – охват группировки КОМАНСУРа с левого фланга. 19 января боливийский командующий отдал приказ об атаке силами II корпуса фортиной *Эррера (Фернандес)*. Захват этого пункта в конкретной оперативной обстановке являлся не только угрозой парагвайской группировке в *Кампо-Хордан*, но и таил опасность разрыва коммуникаций всех войск КОМАНСУРа. Однако, в планах Г.Кундта *Фернандес* имел второстепенное значение по сравнению с *Нанавой*. Поэтому командир корпуса генерал Ф.Осорио мог рассчитывать только на собственные силы и планировал атаку самостоятельно и выделил для этого 8 дивизию генерала Х.Санхинеса. Вследствии слабой подготовки штабных офицеров, исходные рубежи и направление наступления оказались выбраны очень неудачно и позволяли парагвайскому командованию действовать по внутренним операционным линиям. Генерал Санхинес имел в своем распоряжении пять пехотных полков, насчитывавших 3200 солдат.

21 января авангард 8 дивизии выступил из *Платанильоса* в направлении фортин *Эррера (Фернандес)*. По данным боливийской разведки его занимали всего две сотни солдат противника. Благодаря радиоперехвату парагвайская разведка выявила этот манёвр противника, и в *Эрреру* была переброшена 2 парагвайская пехотная дивизия в полном составе. 22 января два передовых полка 8 дивизии с ходу атаковали гарнизон *Эрреры (Фернандеса)*, рассчитывая взять его с ходу. Обороняющиеся количественно превосходили силы противника. Они легко отразили атаку и контратаковали. Попав под удар *патапилас*, оба боливийских полка смешались и начали беспорядочное отступление. Опасаясь засады, парагвайцы их не преследовали. Утром следующего дня к *Фернандесу* подошли главные силы генерала Санхинеса: 3 пехотные полка и артиллерия.

Исполняя директиву генерала Осорио, он на следующее утро предпринял лобовую атаку на фортин. В течение нескольких дней боливийская пехота безуспешно атаковала парагвайские позиции. В ходе этих атак части 8 дивизии потеряли около четверти своего боевого состава. Два полка были выведены из боевой линии и направлены на пополнение. Наибольшие потери понес 1 пехотный полк *Колорадос*, солдаты которого считались элитой армии и до 1930 года несли охрану президентского дворца. *Колорадос* понес такие большие потери, что его остатки были распределены по остальным частям, а знамя и инсигнии были переданы 41 пехотному полку. Обескровленные полки 8 дивизии закрепились на подступах к *Эррере* и перешли к обороне. Несмотря на неудачу, демонстративные атаки дивизии Х. Санхинеса сыграли свою роль: они отвлекли значительную часть резервов КОМАНСУРа от *Нанавы*.

К этому времени все войска КОМАНСУР были разделены на три корпуса. I корпус под его непосредственным руководством занимал позиции у *Кампо-Хордан* (1 пд) и *Эрреры* (2 пд). II корпус состоял из вновь сформированных 1 кавалерийской и 6 пехотной дивизий, располагавшихся к северу от фортина *Эррера*. Его возглавил полковника Х.Б. Айяла, оставивший должность начальника Генерального Штаба. 4 и 5 дивизии, защищавшие *Нанаву*, были сведены в III корпус, начальником которого был назначен подполковник Л.Иррасабаль. Кроме них в резерве находились почти три тысячи солдат резервных и маршевых подразделений. Большая работа шла в тылу: обучались новые пополнения, формировались полки, ремонтировалось оружие. В составе сухопутных войск были развернуты 14 пехотных и 7 кавалерийских полков и по 4 инженерных батальона и артиллерийские группы. Усиливался корпус береговой артиллерии и перевооружалась авиация, которая должна была вскоре получить новые истребители, заказанные в Италии. Резко выросла моторизация войск: в армии насчитывалось уже до двух сотен автомобилей. Мероприятия по оснащению армии планировалось завершить к зиме 1933 года. К этому времени в парагвайской армии было развернуто 8 дивизий, и она достигла своей максимальной численности за войну – 36000 солдат и офицеров.

Чтобы отвлечь внимание противника от *Нанавы* и *Эрреры*, КОМАНСУР решило активизировать свои действия на правом фланге группы, выбрав объектом атаки фортин *Корралес*.

По данным радиоперехвата его гарнизон находился в плачевном состоянии. Неожиданный захват *Корралеса* создал бы угрозу левому флангу II корпуса противника под *Эррерой* и заставил Г.Кундта оставить *Нанаву* в покое. Проведение операция было возложено на 6 пехотную дивизию из состава II корпуса, командиром которого был бывший начальник Генерального Штаба полковник Х.Б.Айяла. По мнению большинства его коллег, это был самый образованный офицер парагвайской армии. 29 января ее солдаты атаковали фортин. Они охватили позиции его защитников с обеих флангов, но неожиданно наткнулись на развернутую для наступ-

ления 3 боливийскую дивизию, которой командовал полковник Л.Гамарра. В её составе было пять пехотных полков, 2 артиллеристские батареи и кавалерийский эскадрон. 6 дивизия ещё три дня вела бои за *Корралес* и понесла тяжёлые потери. Обеспокоенный ситуацией на своем левом фланге генерал Г.Кундт направил на помощь 3 дивизии 2 пехотных полка, выведенные в резерв после боев под *Эррерой*. С их прибытием численность боливийских войск увеличилась до 3600 человек, и они превосходили своего противника в два раза. 1 февраля *пататилас* с разрешения штаба 2 корпуса по развязшим от почти непрерывных дождей дорогам начали отступление к своей базе – фортину *Толедо*.

Этот фортин был основан в 1927 году, когда этот район Чако был выделен для колонии меннонитов. Причины их переселения в Парагвай из Канады были банальны: правительство доминиона решило распространить на них военную повинность. Нью-йоркский банк Metropolitan Phoenix и Trend Co пообещал выделить средства для переселения сорока меннонитов в Южную Америку. В 1919 году С. Мак Робертс направил в страны Ла Платы делегацию, целью которых было приобретение земли, достаточной для переселения общины, и получение особых привилегий, позволяющих его последователям соблюдать религиозные обеты. Бразилия, Аргентина и Уругвай отказались гарантировать последнее, но представитель Парагвая в Вашингтоне экс-президент М. Гондра пообещал удовлетворить все пожелания меннонитов. В 1920 году в Парагвай прибыла делегация меннонитов, которую возглавил представитель нью-йоркского банка. Они были уполномочены приобрести необходимые земли для обустройства колонии и вести переговоры с властями о предоставлении им особых привилегий. Асунсьонские политики действовали с дальним прицелом и предложили им приобрести 56250 гектаров в 160 км к западу от реки Парагвай. Эта земля принадлежала компании Карлоса Касадо, который уступил её по цене 12 долларов за гектар. 26 июля 1921 года парагвайский парламент принял закон N514, согласно которому община меннонитов получала автономию и экстерриториальность. Закон встретил сильное противодействие со стороны Колорадо, но М.Гондра, ставший президентом Республики, продал этот закон через конгресс, несмотря на то, что он противоречил духу и букве Конституция. Меннониты, поселившиеся группами или индивидуально, а также их потомки получали ледующие права и привилегии»:

- практиковать свою религию без ограничений, включая отказ от клятвы в суде и освобождение от военной службы как в мирное время, так и в военное время;
- право создавать и управлять, также без ограничений, школы и другие школы на немецком языке;
- право управлять общиной в соответствии с их собственными обычаями;
- освобождение от всех национальных или муниципальных налогов в течение десяти лет с момента прибытия первого поселенца.

Первая группа из 279 семей общей численностью в 1756 человек прибыла из Саскачевана и Манитобы в конце 1926 года. В 1928 году в колнии Менно поселились 1765 немцев из России. В 1930-32 годах к ним присоединилось еще 336 семей из Польши, Германии и Сибири общей численностью в 2008 человек. Каждая семья получала надел в шесть гектаров земель, пригодных для ведения сельского хозяйства. Поэтому руководители общины дополнительно приобрели у Касадо 15689 гектаров, Вэтот раз цена одного гектара выросла и составила 20 долларов. К 1930 году в центре Чако возникла «земля обетованная», которая занимала территорию в 71930 гектаров. По свидетельству Зейферхельда, посетившего Чако в сентябре 1930 года было 27 поселение с 6000 меннонитов. Пятнадцать из них были населены выходцами из Канады, 11 – из России, а одно было заселено поляками. Каждую из трёх колоний возглавлял управитель, избиравшийся общиной на три года. Ему помогали четыре советника, отвечавших за культуру, финансы, дороги и сельское хозяйство. Общественная и экономическая жизнь каждой колонии регулировалась кооперативом, членами которого в обязательном порядке были все поселенцы.

Фактически, эта модель социально-экономических отношений была скопирована организаторами израильских киббуцев. Меннонитские общины в Парагвае существуют и поныне.

Наличие процветающей европейской колонии обеспечило Парагваю значительный перевес в его территориальном споре за этот район Чако, поскольку политико-экономическое присутствие в глубине спорной территории являлось важным аргументом в дипломатической игре. Связь меннонитской колонии с долиной Парагвая обеспечивалось узкоколейной железной дорогой Минас Куэ – Пуэрто-Касадо. К июню 1932 года была построена ее большая часть – 145 километров из 160, а в последующие месяцы строительство было завершено силами армейских инженеров. Поселения меннонитов сыграли важную роль в обеспечении снабжения войск II корпуса фуражом, продовольствием, лошадьми и вьючными животными.

Строительство фортификации *Толедо* преследовало несколько целей. Формально, его гарнизон должен был охранять поселения и фермы меннонитов от набегов «диких» индейцев, а на деле, *Толедо* выполнял роль форпоста, выдвинутого далеко вглубь спорной территории. С самого основания фортификация представлял собой группу хижин, расположенных среди густого леса и не был приспособлен к обороне, а зона обстрела едва достигала полусотни метров. Во время его временной оккупации в 1932 году боливийский гарнизон готовился к обороне и отрыл несколько неглубоких траншей вокруг хижин. После освобождения *Толедо*, оперативное значение которого возросло с падением *Алихуаты* и *Арсе*, в фортификации начали производиться регулярные фортификационные работы, превратившие его в оборонительный узел.

Генерал Г.Кундт был удовлетворен результатами боёв под *Корралесом* и отдал новый приказ генералу Л.Гамарре. Его дивизия должна была преследовать противника и овладеть фортификацией *Толедо*. Это давало возможность контролировать район меннонитских колоний и использовать их как источник продовольствия. Из района фортификация можно было угрожать главной парагвайской базе снабжения в Исла-Пой и Минас Куэ – последней станции узкоколейной железной дороги, ведущей к Пуэрто-Касадо. Таким образом, главная коммуникационная линия, соединяющей парагвайские войска в Чако с центральными районами Парагвая, оказывалась под угрозой. В случае ее перехвата парагвайцы должны были либо, бросив тяжелое вооружение, отойти за реку Парагвай, либо отступить на юг к *Нанаве*.

2 февраля 3 боливийская дивизия начала преследование 6 парагвайской дивизии. Ее продвижение шло медленно: дороги развязали от дождей, а арьергард противника портил дороги. За девять дней войска Л. Гамарры преодолели только 13 километров и заняли Пуэсто Бетти, расположенный на дальних подступах к *Толедо*. Здесь выяснилось, что парагвайцы оставили этот пункт два дня назад и отошли на северо-восток. Последние 18 километров до фортификации *Толедо* 3 дивизия преодолела за десять дней. Только 21 февраля боливийский авангард вышел к парагвайским позициям и начал проводить рекогносцировку местности. Поскольку за неделю до выхода сил 3 дивизии к *Толедо* активные действия под *Нанавой* уже закончились, боливийская авиация, базировавшаяся на *Муньос* переключилась на ее поддержку. С 11 февраля значительная часть боливийской авиации непрерывно висела в воздухе над частями 6 дивизии, отступавшей по размытым дорогам к фортификацию *Толедо*.

С начала года фортификация входил в зону ответственности командования II корпуса. Его командир полковник Х.Б.Айяла понимал, что командование не сможет помочь ему резервами, поскольку все его усилия сосредоточены на юге. Готовясь к решающему столкновению с прекрасно вооруженным противником, он решил усилить оборону за счёт дополнительных инженерных сооружений и заграждений. Эту задачу он возложил на инженера-полковника С.Ф.Эрна, брата генерала. Укрепления *Толедо* по форме представляли полукруг, сильно вытянутый вдоль северного края большого луга к югу и немного к востоку. Строителям фортификация не хватало материалов, инструмента и, главное, времени. В связи с этим, С.Ф.Эрн отказался от создания сплошной линии обороны. По опыту мировой войны им была создана система ротных опорных пунктов, соединенных между собой сетью траншей. Расстояние между ними

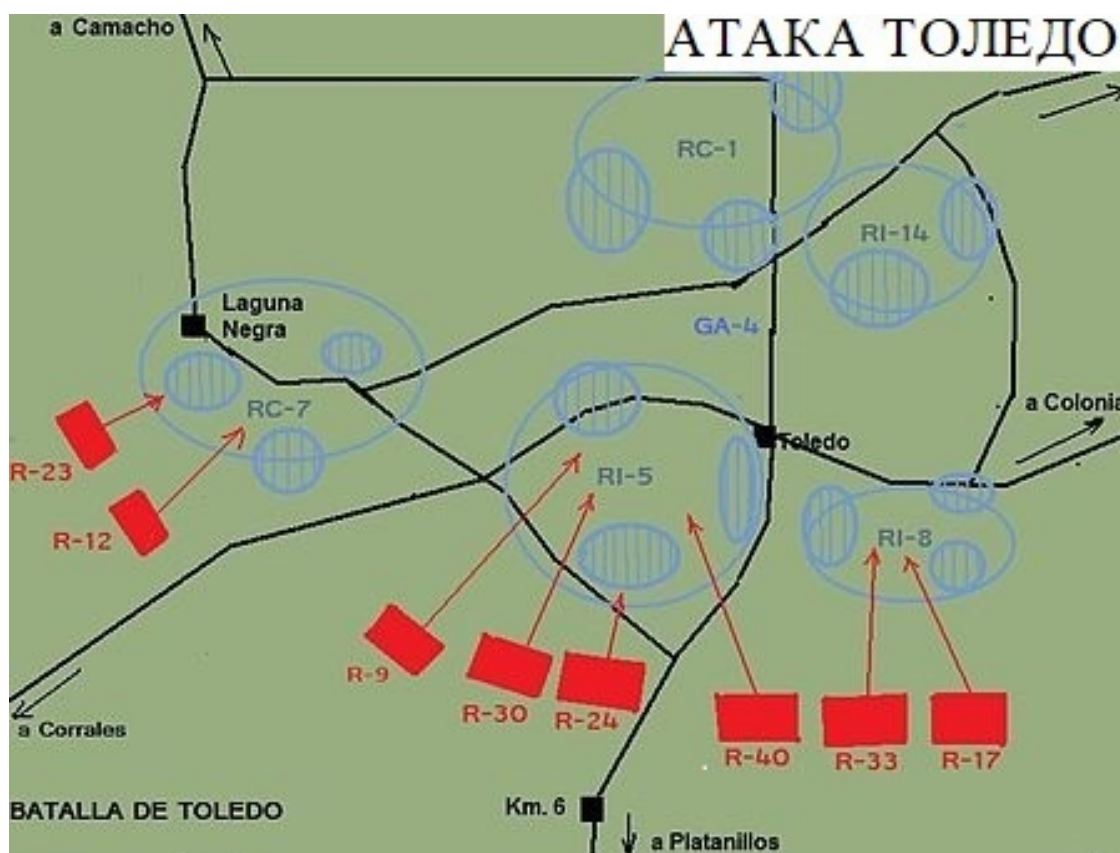
составляло около ста метров. Наиболее опасные направления перекрывались сплошной линией окопов, соединенных ходами сообщения с блиндажами.

Операция 3 дивизии против *Толедо* должно сопровождаться отвлекающими действиями I корпуса на 7 километре. Их должны были провести 4 и 9 боливийские дивизии, нанеся фронтальный удар по парагвайской 1 Железной пехотной дивизии подполковника К.Фернандеса. Основной удар должна была наносить 9 дивизия, переброшенная в Пуэсто Сосса. Ее командиром вместо Витторио Гутьерреса был назначен полковник Карлос Банцер. В его распоряжении были переданы четыре полностью укомплектованных пехотных полка, батарея и эскадрон. Части полковника Банцера должны были охватить левый фланг I корпуса противника с запада. По замыслу генерала Г.Кундта, 9 дивизия должна была прорвать оборону противника между *Эррерой* (*Фернандес*) и *Кампо-Хордан* и овладеть *Арсе* (*Франсиа*) и *Алихуатой* (*Зентено*). В случае успеха операции позиции I парагвайского корпуса оказались бы рассечены надвое. После этого можно было приступить к их уничтожению независимо от результатов наступления на *Толедо*.

Боевые действия на центральном участке фронта начались 16 февраля. Переход 9 дивизии в наступление оказался неожиданным для командования I корпуса, силы которого оказались разбросанными на обширном пространстве. Обходной маневр противника мог бы остаться незамеченным, если бы не разведывательный эскадрон I дивизии, которой командовал капитан Б. Касьянов. Патрулируя местность, его подразделение наткнулась на авангард полковника К.Банцера у Пуэсто-Навидад. Несмотря на то, что Б.Касьянов погиб при завязке боя, его солдаты связали боем 36 пехотной полк противника и задержали его выдвижение. Благодаря этому брешь в боевых порядках I парагвайского корпуса была заполнена частями 2 парагвайской дивизии. Считая дальнейшие атаки нецелесообразными, К.Банцер приказал полкам своей дивизии перейти к обороне. Однако генерал Г.Кундт приказал повторить атаку, подчинив командованию 9 дивизии 37 пехотный полк. К.Банцер неохотно выполнил приказ. Его настрой передался солдатам, которые, пробежав несколько десятков метров, залегли, после чего штаб 9 дивизии известил корпус о непреодолимой обороне противника. Скрепя сердце Г.Кундт отдал приказ прекратить операции у *Эрреры* и приказал генералу Ф.Осорио продолжить операции по овладению фортином *Толедо* силами своего корпуса. Впрочем, он обещал возобновить операции на фронте у *Сааведры* и *Эрреры* в ближайшее время.

Несмотря на неудачу, полковник К.Банцер отвлек большую часть парагвайских пополнений и резервов, лишив тем самым II корпус необходимых ресурсов. Пять тысяч солдат полковника Х.Айялы представляли собой довольно жалкое впечатление. Большинство солдат были недавно присланы из учебных лагерей и имели только начальную военную подготовку, а части 6 пехотные дивизии, измотанные боями под Корралесом и отступлением под дождём, частично утратили боеспособность. В дополнение к этому часть офицеров корпуса была переведена с речной флотилии и не имела представления о полевой тактике. Штатного оружия в полках не хватало, а 4 артиллеристская группа майора А.Зайаса была представлена допотопными пушками *Крупна*, не имевших прицельных приспособлений. В корпусе свирепствовали дизентерия и брюшной тиф. Первые выстрелы у *Толедо* раздались только через неделю после того, как стихли последние атаки 7 боливийской дивизии под *Нанавой* и через пять дней после первой неудачной попытки охвата 9 дивизией парагвайской позиции у *Кампо-Хордан*. Х.Ф.Эстигаррибия и его штаб получили радиоперехват, из которого следовало, что войска противника наступают на *Толедо*. Удержание этого фортина было жизненно важным для парагвайцев не только вследствие оперативно-стратегических, но и ряда политико-экономических соображений. Несмотря на затяжные дожди и опасное положение в районе *Эрреры* и *Кампо-Хордан*, командование КОМАНСУР перебросило к *Толедо* из-под *Нанавы* 5 пехотный полк и выделило боеприпасы, медикаменты и вооружение.

При планировании атаки Толедо штаб 3 дивизии действовал по шаблону и вновь совершил грубую тактическую ошибку. Вместо того, чтобы осуществить обходной маневр через кустарники, полковник Л.Гамарра отдал приказ атаковать парагвайские позиции с юга через луг. Принимая решение, он, по-видимому, не ожидал серьезного сопротивления от измотанной отступлением 6 дивизии противника. Заранее выявив направление наступления и силы противника, командир II парагвайского корпуса Х.Б.Айяла быстро принял решение и сосредоточил у *Толедо* пять полков (1, 7 кавалерийские, 5,8 и 14 пехотные) из состава 6 пехотной и 1 кавалерийской дивизий, оголив другие участки обороны. Вместо двух слабых пехотных полков солдаты Л. Гамарры наткнулись на изготовленные к бою войска всего II корпуса противника. 21 февраля авангард 3 боливийской дивизии атаковал парагвайские позиции, пытаясь овладеть ими с ходу. Атака была отбита с существенными для атакующих.

Штаб дивизии обратился в корпус за подкреплениями. Через день на помощь Л. Гамарре подошли еще 700 человек из состава 8 дивизии (17 и 47 полки и две артиллерийские батареи). К 23 февраля численность боливийцев под *Толедо* превысила 4000 человек. Их поддерживали 16 пушек (4 батареи) и 20 самолетов (3 эскадрильи), которые начали непрерывную бомбардировку укреплений *Толедо*. 25 февраля артиллерия 3 дивизии начала обстреливать гранатами фортов, а десять боливийских *Оспри* произвели на бреющем полете облет и обстрел парагвайских позиций. Во время налета самолет (пилот – капитан Артуро Валле Перальта, стрелок – младший лейтенант Хосе Ардилес) был сбит и упал в районе позиций парагвайской армии. Оба летчика погибли, при этом труп пилота сгорел, а тело стрелка нашли недалеко от остова самолета. Он, по-видимому, успел выпрыгнуть из горящего самолета, но парашют не успел раскрыться. Это была первая воздушная жертва Чакской войны. Младший лейтенант Арди-

лес был похоронен с воинскими почестями парагвайцами рядом с местом гибели самолета. Во время похорон Ардилеса подлетевший к могиле боливийский самолет сбросил над могилой венки. Это был один из многих актов проявления рыцарства в этой войне. В тот же день один из боливийских *Оспри* во время дальней разведки был сбит зенитным огнем над рекой Парагвай. Оба члена экипажа погибли. Через несколько дней второй такой же биплан стал жертвой парагвайских зенитчиков над фортином *Карайя*.

26 февраля в час дня интенсивный артиллерийский обстрел закончился, и боливийская пехота перешла в решительное наступление на позиции противника. План полковника Гамарры предусматривал охват позиций противника, однако глубина обхода оказалась недостаточной. Вследствие этого наступление пехоты 3 дивизии вылилось во фронтальный штурм парагвайских позиций. Четыре (9, 20, 34 и 40) пехотных полка, действовавшие в центре, атаковали позиции полка *Бокерон*, два левофланговых (12 и 23) – 7 кавалерийский полк *Сан-Мартин*, а правофланговые 17 и 33 – новобранцев 8 пехотного полка *Пиребибуи*. Уже в ходе выдвижения на исходные для атаки позиции один из полков Л. Гамарры был опрокинут артиллерийским огнем II корпуса. Наступавшие смогли проникнуть вглубь расположения противника через промежутки, разделявшие опорные пункты. Боливийские командиры полагали, что интенсивная бомбардировка подавила организованное сопротивление и праздновали победу. В этот момент они неожиданно для себя попали под перекрёстный огонь парагвайских пулемётов, миномётов и пушек. Несмотря на жестокий огонь, остальные полки 3 дивизии приблизились, примерно, на пятьдесят метров к позициям противника. Однако, их преодолеть и достичь окопов 5 парагвайского полка удалось только солдатам 33 полка. В завязавшемся рукопашном бою парагвайцы одержали верх, а их противник откатился на исходные рубежи. Штурм продолжался целые сутки и закончился безрезультатно. За 26 февраля 3 дивизия потеряла 450 солдат убитыми и ранеными. 27 февраля боливийцы возобновили атаки, но они велись с гораздо меньшей решимостью. Новый штурм *Толедо* повторился 1 марта и осуществлялся в прежней диспозиции. В некоторых местах атакующим цепям боливийцев удалось достичь линии заграждений перед траншеями. Запутавшись в колючей проволоке, пехотинцы 3 дивизии залегли в непростреливаемой пулемётами зоне. Здесь их закидали ручными самодельными гранатами – изобретением Л.Оранжеева. Атака сорвалась. Общие потери 3 дивизии с начала наступления достигли уже 1200 солдат, и ее командующий решил перейти к позиционной войне.

Неудача наступления вызвала гнев генерала Г.Кундта и привела к отставке полковника Л. Гамарры. Его на посту командира дивизии заменил полковник Куинтела, который стал готовить новую атаку фортинов. Вся следующая неделя прошла в стычках разведывательных отрядов сторон, старавшихся выявить слабые места своего противника. Во время поиска 8 марта командир патруля 5 пехотного полка младший лейтенант Мануэль Ирала обнаружил линию связи, соединявшую штаб 3 дивизии с командованием II корпуса. Ему удалось подслушать разговор между новым начальником дивизии полковником Куинтелой и генералом Ф. Осорио и выяснить маршрут движения эстафеты из штаба дивизии. На следующий день важный пакет был перехвачен. Из захваченных документов стало видно, что боеспособность 3 дивизии упала до 60%. Исходя из этих данных, командир II парагвайского корпуса сам решил атаковать противника, пока тот не хватился пропажи и укрепил слабые места в своей обороне.

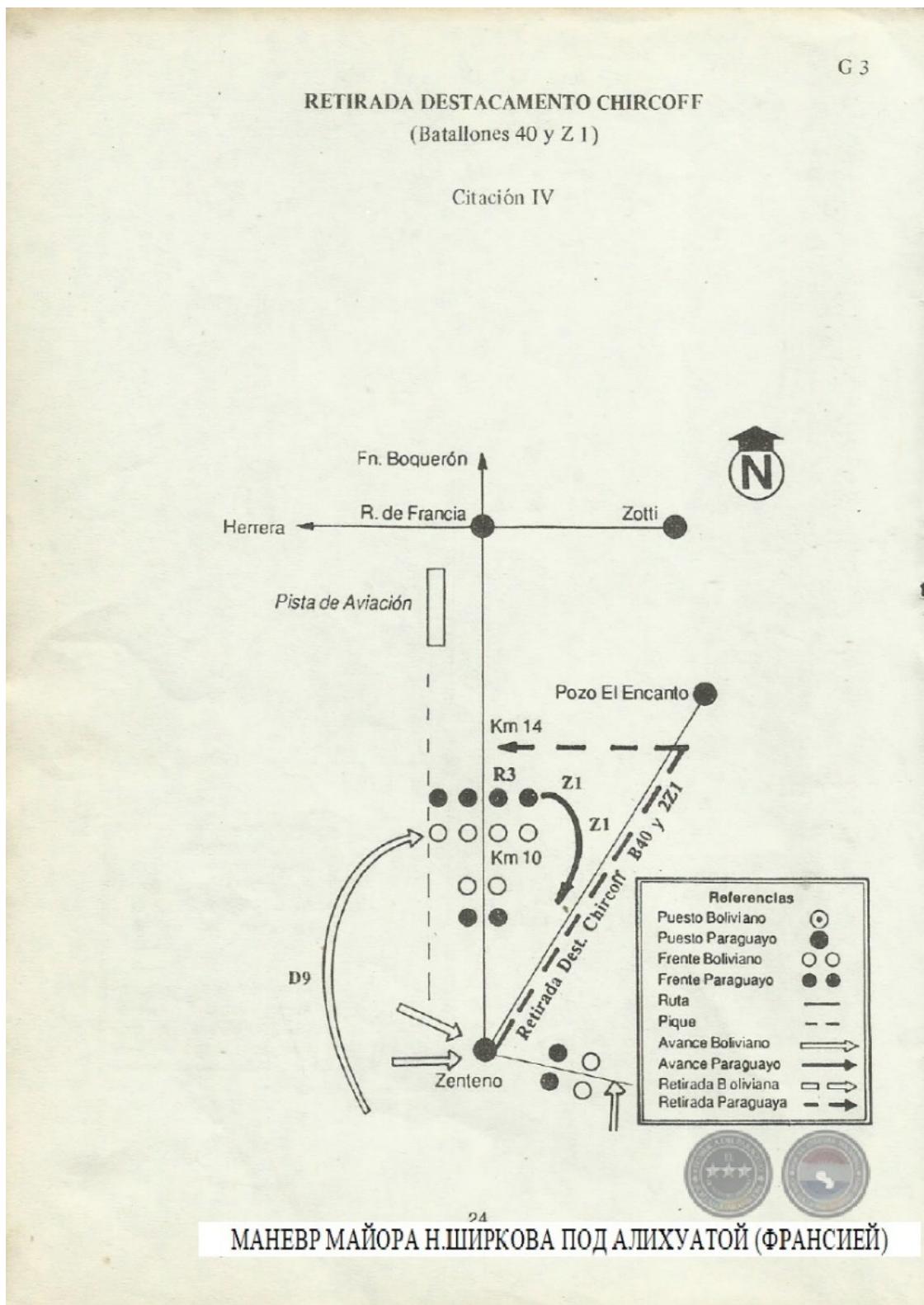
10 марта в 5:00 1 кавалерийская дивизия атаковала левый фланг 3 дивизии противника, в то время как части 6 пехотной нанесли по правому. Однако, удар парагвайцев пришелся по пустому месту: боливийцы ночью оставили свои позиции и отошли. Густые заросли, ранее позволившие задержать и дезориентировать штурмовые группы боливийцев, оказали плохую услугу парагвайской коннице: она вышла прямо в расположение 9 и 17 пехотных полков, составлявших арьергард дивизии Куинтелы. Тяжелый бой, в котором 7 кавалерийский полк потерял целый эскадрон, длился целый день. На следующий день, 11 марта, в арьергард был поставлен 12 пехотный полк *Флорида*, который прикрыл отступление частей 3 дивизии в Пуэ-

сто Бетти. Бросив часть своего тяжелого вооружения, 3 дивизия организовано отошла на юг. Потерявшие большинство своих офицеров арьергардные (12, 13 и 33) полки 3 дивизии были настолько дезорганизованы, что, не задерживаясь в Пуэсто Бетти, отступили на позиции, расположенные в 10-15 километрах к востоку от *Корралеса*. По парагвайским данным, II корпус дивизия в боях под Толедо с 21 февраля по 11 март потерял убитыми 250 человек, в то время как 3 боливийская дивизия – до 1000. Вместе с ранеными и пленными это составило половину ее состава перед началом наступления.

Следом за арьергардом 3 дивизии медленно продвигались парагвайцы, собирая по пути брошенное противником оружие. Части полковника Х.Б.Айялы не имели возможности активно преследовать противника, поскольку им не хватало транспорта, в первую очередь грузовиков. Их использовали для переброски 5 полка на юг, где вновь возникла угрожающая ситуация. Во время боёв за *Толедо* I боливийский корпус был пополнен резервами и активно готовился к переходу в решительное наступление. Согласно диспозиции, 9 дивизии вновь направлялась в обход левого фланга парагвайских позиций на *Алихуату*. По сравнению с февралём, её силы были увеличены в полтора раза. С запада ее ианёвр должна была обеспечивать боевая группа полковника А.Амеллера, целью которой была атака фортина *Эррера* (*Фернандес*). В неё вошли 27 и 34 пехотные полки, котрым были приданы 2 полевых орудия. После завершения манёвра 34 полк должен был атаковать *Алихуату*, усилив оперативную группу полковника Бильбао Риохи, состоявшую 37 пехотного полка и всей дивизионной артиллерии. Другая группа в составе 6 полка и эскадрона 5 кавалерийского полка капитана Буша должна была оседлать дорогу *Алихуата-Арсе* (*Франсиа*), в то время как 27 и 36 полки нанести удар с тыла по парагвайским позициям у *Кампо-Хордан*. Тем временем, 1910 солдат 4 дивизии должны были с фронта сковать главные силы 1 парагвайской дивизии, чтобы не дать ей выскользнуть из мешка. Для этого Э.Пеньяранда должен был демонстративно атаковать *Кампо-Хордан* с фронта. Командование наступлением взял на себя лично генерал Г.Кундт.

11 марта 34 полк атаковал *Эрреру* (*Фернандес*) в лоб и, попав под огонь станковых пулеметов, залег. Этот фортин представлял собой сильную позицию, поскольку ведущая к нему проходила через узкое дефиле. Выходя из него противник вынужден был атаковать позицию *патапилас* в лоб и правый фланг, которые по совету генерала Беляева были дополнительно укреплены. Залегших перед ними боливийских солдат накрыли минометы и заставили их отступить. Атака сорвалась, и полковник А.Амеллер приказал прекратить активные действия в ожидании подкреплений. Для того, чтобы восстановить положение, Амеллер был вынужден отозвать 27 полк, совершавший фланговый обход глубокий обход. Тем не менее, свою задачу его колонна выполнила, связав боем 1 полк 2 парагвайской дивизии.

Очень важного успеха добился капитан Буш, который со с эскадроном 5 кавалерийского полка прорвался к дороге Арсе-Алихуата и разгромил парагвайскую колонну. Однако, 6 боливийский полк не сумел пробиться через дебри и запоздал, вследствие чего кавалеристам капитана Буша пришлось очистиить дорогу. Появление противника на коммуникациях вызвало большую панику в КОМАНСУР. Тем временем, 37 боливийский пехотный полк вышел к *Алихуате* (*Зентено*), подступы к которой прикрывал бывший разведывательный эскадрон I дивизии. После гибели майора Касьянова на его место был назначен майор Н.Ширков, который реорганизовал его в особый батальон, получивший номер 40. Он обеспечивал патрулирование на её западном фланге позиции у Кампо Хордан.

Обнаружив движение противника, он попытался задержать его наступление, подсунав дезинформацию: боливийцам был подсунав фальшивый приказ, где указывалось, что у Алихуаты стоит свежий парагвайский полк. На самом деле, для защиты Алихуаты имелось только 350 человек. Командир 37 боливийского полка имел категорический приказ корпуса немедленно атаковать фортин. Несмотря на то, что 34 полк задержался на марше, боливийцы начали штурм

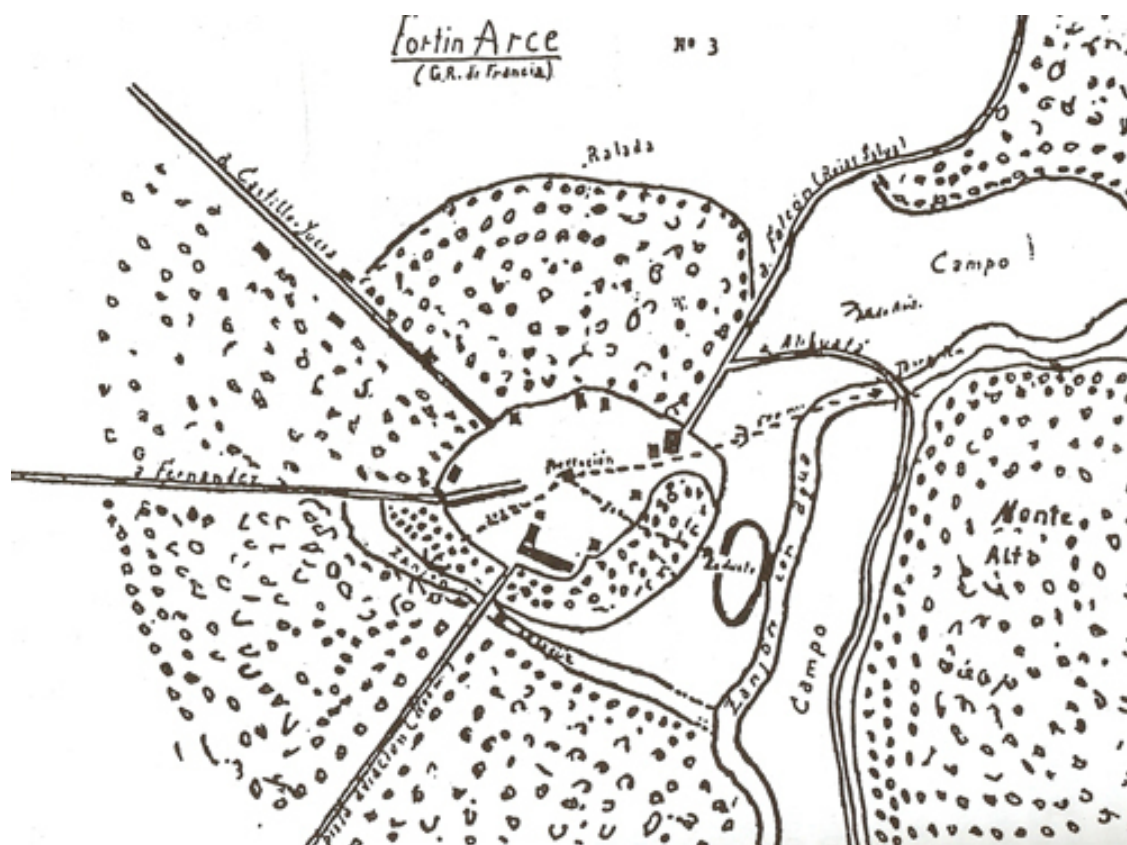
Алихуаты и попали под кинжальный огонь пулеметов. Рассчитывавшие на эффект внезапности, боливийские солдаты растерялись и отошли. В течение дня в район фортина подошли отставшие части 9 дивизии. Пользуясь малочисленностью её защитников, они стали обтекать их с флангов и постепенно затягивать кольцо окружения. К концу дня положение I корпуса оказалось критическим – путь для наступления на фортин *Арсе (Франсия)* был открыт, а лучшая его дивизия блокирована у *Кампо-Хордан*. Вечером Н.Ширков взорвал укрепления фортина и отошел со своими солдатами на северо-восток к *Позо эль Энканто*, выиграв для КОМАНСУР необходимое время. Его отход обеспечили сапёры, выдвинувшиеся навстречу.

Из-за боёв у *Толедо*, куда были направлены резервы, в распоряжении КОМАНСУР не было сил, достаточных, чтобы прикрыть образовавшуюся брешь. Для её защиты под командованием подполковника Саманьего были собраны все наличные силы. Костяк обороны составила охрана штаба, срочно переброшенная из Исла-Пой. Вместе с ней на фронт лично прибыл Х.Ф. Эстигаррибия. К концу дня подошли подкрепления, срочно вызванные из гарнизонов *Нанавы* и *Рохас-Сильвы*. Утром 12 марта у *Арсе (Франсия)* была сосредоточена тысяча солдат, составивших сводную группу. Важную роль на левом фланге приобрёл фортин *Гондра*, расположенный на левом фланге. Сюда был переброшен последний резервный пехотный батальон, который установил прочную связь с частями полковника Х.Фернандеса. Это позволяло начать операции по деблокаде 1 пехотной дивизии, продолжавшей удерживать позиции у *Кампо-Хордан*. Причиной катастрофического положения на фронте КОМАНСУР, по мнению генерала Беляева, была растянутость позиций и паталогическое желание Х.Ф.Эстергаррибии удержать любой ценой каждый квадратный километр, занятой им территории. «Для Чако не имеет значения потеря нескольких десятков квадратных километров,» – писал он. – «Гораздо важнее удерживать за собой источники воды и пути сообщения». В середине марта 1933 года вдоль дороги *Сааведра–Алихуата–Арсе* образовался слоеный пирог. 4 боливийская дивизия давила с фронта на 1 парагвайскую, в тылу которой находилась занимавшая *Алихуату* 9 боливийская. Войска К.Банцера в свою очередь оказались зажатыми между батальоном майора Ширкова, группой Саманьего и гарнизоном *Гондры*. При этом 9 дивизия не имела в ближайшем тылу базы, поскольку освобожденная *Алихуата* была полностью разрушена. Вместо того, чтобы развивать успех К.Банцер стал восстанавливать укрепления фортина, пользуясь тем, КОМАНСУР накапливает силы для наступления. 1 дивизия поддерживала связь со своими основными силами через *Гондру*, а 9 – через *Пуэсто Сосса*. Возникал вопрос: кто из них дольше выдержит?

Падение *Алихуаты-Зентено*, кровопролитные бои у *Толедо* и *Эрреры* вызвали глубокую озабоченность в Асунсьоне. Политическая оппозиция даже стала требовать от президента приостановить военные действия и начать мирные переговоры. Однако Э.Айяла понимал несвоевременность этого шага. Резонно полагая, что «план АВСР» из-за противодействия США не сможет остановить конфликт, отдал Х.Ф. Эстигаррибии распоряжение продолжать военные операции, не оглядываясь на тыл: «... в любом случае Вы можете рассчитывать на мою личную и официальную поддержку, как при хороших, так и плохих обстоятельствах», – писал президент командующему КОМАНСУР. Благодаря твердой позиции главы государства, операции у *Алихуаты – Зентено* продолжались. В 1 пехотную дивизию был послан приказ, оставив у *Кампо-Хордан* прикрытие ударить по противнику с юга. Но подполковник Х. Фернандес не выполнил приказ и отказался от проведения атаки. Более того, ссылаясь на нехватку продовольствия, он просил разрешения отступить. Тогда КОМАНСУР приказал К.Фернандесу вывести тылы в *Гондру*, а самому удерживать позиции у *Кампо-Хордан* еще три дня. Х.Ф.Эстигаррибия рассчитывал собрать в *Франсии (Арсе)* 4000 солдат и с двух сторон раздавить боливийскую дивизию. Однако это ему не удалось: подкрепления подходили медленно, а перебросить резервы с других участков он не решился.

Получив от патрулей сообщения, что в *Арсе (Франсии)* сосредотачиваются крупные силы противника, генералы Кундт и Клюг резонно предположили, что для дорганализации деблоки-

рующего удара парагвайское командование оголило свои позиции в других местах. В случае атаки из *Алихуаты* на *Гондру*, где располагался только один батальон противника, можно было завершить окружение 1 парагвайской дивизии, но этого не произошло. Боливийский командующий решил действовать по старому плану и атаковать противника в лоб. С опозданием в два дня части 4 боливийской дивизии перешли в наступление на *Кампо-Хордан*. Основным удар наносился по правому флангу и центру позиций противника. Ошибочность оперативного решения боливийского командования заключалась в том, что в случае успеха боливийцы, не отрезали дивизию К. Фернандеса от основных сил, а, наоборот, выдавливая ее части на восток, к *Гондре*. Только к вечеру пехота Э. Пеньяранды овладела всеми *ислас* и вышла к основным позициям *патапилас*. Медлительность командования 4 боливийской дивизии объясняется недостатком сил: в ней было не более 2000 солдат. К самому концу дня к нему прибыл свежий 7 кавалерийский полк из-под *Нанавы*, но он уже не смог изменить положение. Наблюдая за неспешным выдвиганием войск противника, полковник К. Фернандес отдавал отчет в опасности и положения своей дивизии и опять стал просить разрешения у КОМАНСУР на отход к *Гондре*, указывая, что у него осталось боеприпасов всего на шесть дней боев и чувствуется недостаток продовольствия. Однако, Х.Ф. Эстергаррибия требовал сохранять позиции и обещал в течение 36 часов занять *Алихуату* (*Зентено*) и восстановить сообщение с *Арсе* (*Франсиа*) к 20 марта.

Перед началом 1 дивизия состояла из 2 кавалерийского, 2 и 4 пехотных полков, общей численностью более 3000 солдат, составлявших цвет парагвайской кадровой армии. На вооружении дивизии имелось 8 75мм пушек и все гаубицы Шнейдера, 6 миномётов и 250 единиц автоматического оружия. Её основной коммуникационной линией была большая дорога *Франсиа* (*Арсе*)– *Алихуата* (*Зентено*) – *Сааведра*. После её перехвата снабжение дивизии оказалось

прерванным, что ставило ее перед необходимостью отступления через дебри Чако. В этом случае солдатам подполковника К.Фернандеса пришлось бы бросить все свое тяжелое вооружение. Поэтому, воспользовавшись предоставленной ему с 11 по 13 марта передышкой, он выделил лейтенанту Гарсиа Рикарди достаточное количество людей для того, чтобы прорубить тропу длиной пять километров. 16 марта дорога была полностью завершена и позволила протаскать грузовики и пушки дивизии к *Гондре*, избежав столкновения с противником. На протяжении трех последних дней войска дивизии отражали вялые атаки частей Э.Пеньяранды, которые в силу своей малочисленности не были в состоянии добиться успеха. В распоряжении К.Фернандеса оставалось боеприпасов на день боя, и тогда он направил в КОМАНСУР офицера связи с докладом. К сожалению, он не смог переубедить Х.Ф.Эстигаррибию и его штаб в целесообразности отступления. За день до этого, 15 февраля командование 1 дивизии обратилось через его голову прямом Генеральный Штаб и немедленно получил разрешение на отход. Приказ был подписан генералом М.Рохасом, который раньше почти не вмешивался в ход операций на этом участке фронта. Это вызвало неприятное удивление в КОМАНСУР, который не ожидал со стороны большого командующего такой активности. Он лично посетил президента Э.Айялу представил доклад о положении на фронте. По воспоминаниям генерала Беляева, глава государства был удивлен чёткости и точности информации и сделал комплимент: «Я никогда не думал, что так легко быть главнокомандующим!»

В ночь на 17 марта начался вывод 1 дивизии из мешка. Отход из полукольца проводился очень умело: противостоящие парагвайцам части противника только на следующий день выяснили, что окопы пусты, и их враги ускользнули. Марш солдат Х.Фернандеса занял два дня – 18 марта его солдаты беспрепятственно вышли к *Гондре*, бросив по пути только четыре пустые цистерны. Несмотря на то, что вследствие затяжных дождей грузовики и орудия утопали в грязи, маневр 1 парагвайской дивизии прошел беспрепятственно – только небольшие патрули противника несколько раз издалека обстреляли парагвайскую колонну. Следом медленно двигались войска Э.Пеньяранды: его патрули появились у *Гондры* только на третий день. Главной причиной позволившей солдатам подполковника Х.Фернандеса вырваться из окружения стал перенос атаки 4 боливийской дивизии у *Кампо-Хордан* с 11 на 13 марта, который позволил сконцентрировать усилия окруженных при прорубке тропы на *Гондру*. Таким образом, несогласованность действий и медлительность командования 4 и 9 боливийских дивизий позволили лучшей парагвайской дивизии избежать окружения.

Отступление 3 дивизии из-под *Толедо* совпало с выходом дивизии Х.Фернандеса из мешка у *Кампо-Хордан*. Это означало окончательный провал второго плана генерала Г.Кундта. Однако, успешная операция по освобождению *Алихуаты* скрыла от общественности поражение II корпуса у *Толедо*. Расстройство 3 дивизии было таково, что некоторые ее солдаты оказались за сотню километров от линии фронта. Только под угрозой применения пушек и авиации в частях был наведен порядок. Некоторые полки были переформированы, а солдаты были наказаны и раскассированы по другим частям. Столь жесткие репрессии против заслуженных полков дали нужный эффект: в боливийской армии на протяжении войны больше никогда не наблюдалось подобных явлений. Одновременно с наказанием дезертиров, генерал Г.Кундт отметил стойкость 9 и 30 пехотных полков, обеспечивших отход 3 дивизии. Они были награждены и отведены на отдых и переформирование в тыл. Главнокомандующий боливийскими войсками с немецкой педантичностью постарался выяснить причины неудач своих войск, которые не смогли выполнить прекрасно задуманный двусторонний охват более слабого противника. Проведенный генералом Г. Кундтом анализ выявил следующее:

– с продвижением подразделений вперед резко ухудшалось руководство боевыми порядками и организация боя, помимо объективной причины – слабой подготовки старших боливийских офицеров это усугубляли природные условия – труднопроходимая местность и распутица;

– организация наблюдения за полем боя и перемещение наблюдательных и командных пунктов всех степеней резко отставали от продвижения войск: многие командиры полков продолжали сидеть на старых местах, не ощущая боя, и вследствие этого не знали истинного положения своих подразделений;

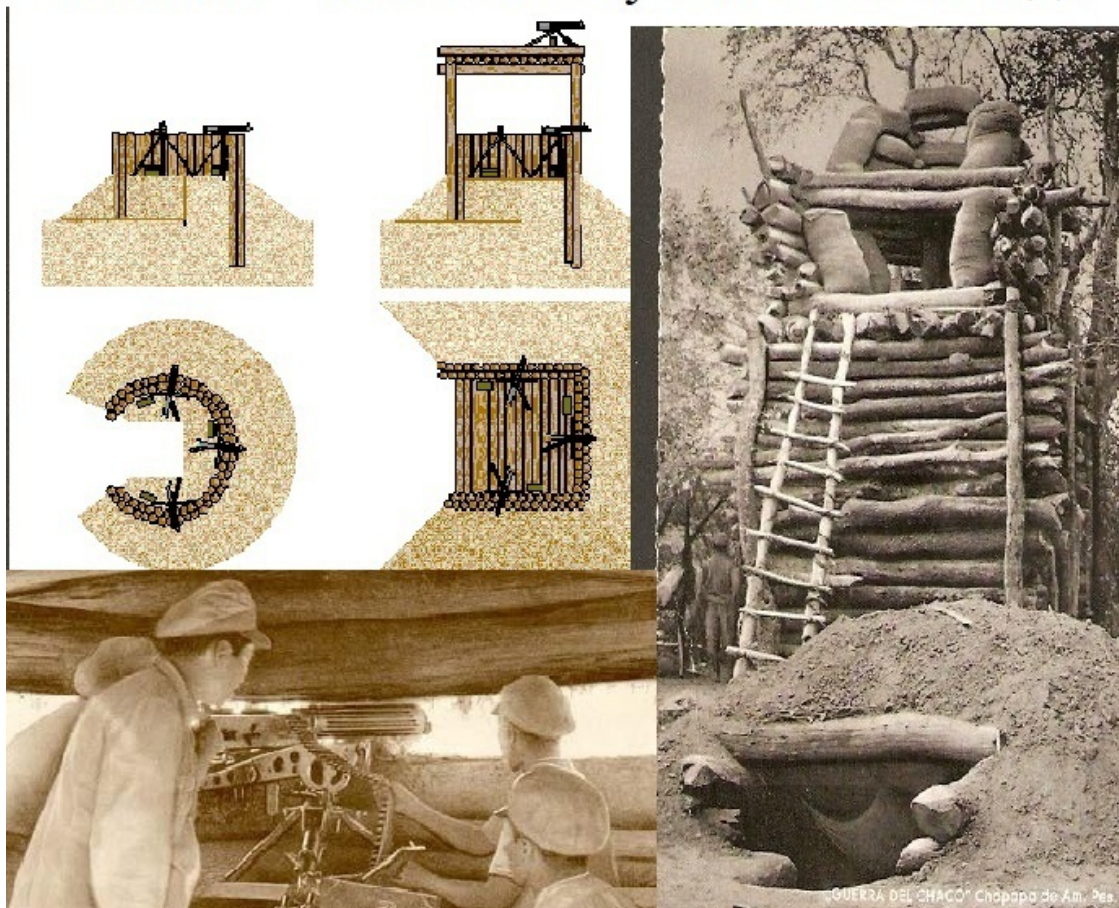
– действия немногочисленной техники не были увязаны с соответствующими пехотными подразделениями;

– пехота постоянно запаздывала с выходом на рубежи для броска и атаковала несинхронно, что позволяло противнику маневрировать огнем и резервами вдоль фронта;

– наконец, продвинувшаяся вперед пехота, теряла управление и залегала, а часто и покидала занятые позиции, что приводило к провалу наступательных операций и большим потерям.

Несмотря на неудачи, активность боливийцев на линии фронта была так велика, что Х.Ф. Эстигаррибия искренне полагал, что генерал Г.Кундт имеет на фронте до 80000 человек, то есть завысил их численность в два с половиной-три раза. В свою очередь, боливийский командующий, видя пассивность парагвайцев, полагал их боевой состав более слабым, чем он был на самом деле, а его штаб занижал численность войск противника в два раза. На самом деле численность парагвайской армии на ТВД составила 30000 человек и даже превосходила силы противника. Как следует из опубликованных позднее докладов обоих главнокомандующих, их войска оказались ослаблены боями и маршами ранней осени 1933 года. При этом парагвайскому командованию удалось сохранить в неприкосновенности свои лучшие 1, 2 и 4 пехотные дивизии и продолжить формирование дополнительных частей. Они пошли на пополнение 1 кавалерийской, 5 и 6 пехотной и вновь формируемых 2 и 3 кавалерийские дивизий.

ЧАПАПА - типичное пулемётное гнездо

6. Объявление войны.

Операции у фортин Эррера (Фернандес). Война в воздухе. Организационные мероприятия сторон и политические маневры. Завершающие бои кампании.

Части отступившей от *Толедо* 3 дивизии отразили атаки, преследовавшей их кавалерии Х.Б.Айялы. Это стало возможным благодаря затянувшимся дождям, сильно задержавших продвижение парагвайцев к Пуэсто Бетти, а также поддержке с воздуха. Отход 3 боливийской дивизии вовсе не означало перехода инициативы к парагвайской стороне. Его следствием стал только перенос всей тяжести военных действий к югу, где ситуация для КОМАНСУР продолжала оставаться весьма напряженной. Несмотря на то, что солдатам К.Фернандеса удалось выскользнуть из кольца, они части были измотаны боями и маршем. Боливийские войска также не были готовы к новому прыжку. В течение третьей недели марта по всей линии фронта воцарилось затишье, перемежавшееся короткими перестрелками, стычками патрулей и рейдами разведывательных партий. В этот период боливийские полки были пополнены и проведена ротация командования. Так, вместо К.Банцера начальником 9 дивизии был назначен полковник Р.Теран. Капитан Буш был произведён в майоры и приступил к формированию рейдовой группы.

Для того, чтобы снизить давление II парагвайского корпуса на *Корралес* и выпрямить линию фронта, генерал Г.Кундт решил возобновить атаку *Эрреры (Фернандеса)* силами 8 дивизии, в состав которой были возвращены 17, 44 и 48 полки. 22 марта в Платанильосе сосредоточилось 1700 человек. Те же дожди, что препятствовали маршу солдат Х.Б.Айялы на *Корралес*, задержали выступление 8 дивизии на три дня. 27 марта боливийцы развернулись на рубеже атаки и тремя колоннами атаковали фортин, гарнизоном которого командовал майор Антола. Один батальон его полка занимал траншеи, а второй расположился в резерве. Боливийское наступление велось по шаблону. Правая колонна состояла из 47 пехотного полка, центральная – из 17 пехотного полка, а левая – из 3 саперного и 24 пехотного полков, усиленных эскадронами дивизионной кавалерии. Как обычно, центральный боевой участок 8 дивизии выполнял функции сковывающей группы. Решающую роль в плане играла правая колонна, обходящая *Эрреру* слева. КОМАНСУР, узнав о боливийском наступлении на *Эрреру*, отдал приказ об его оставлении, но его распоряжение было отменено Главным Командованием. «Фортин Эррера», – говорилось в приказе генерала М.Рохаса, – «является ключевой позицией в обороне. Его захват противником приведёт к разделению армии и уничтожению её по частям...» Естественно, что Х.Ф.Эстергаррибия прекрасно понимал, кто стоит за этим документом и не простил генералу Беляеву такого «подрыва своего авторитета». К счастью, майор Антола прекрасно сознавал важность своей позиции и не собирался действовать в угоду амбициям полковника. В моём распоряжении имеется 74 пулемёта, четыре орудия, запасной резервуар с водой и не один из начальников не отступит», – ответил он КОМАНСУРУ, после чего вступил в бой. Парагвайские позиции у фортин *Эрреры* были намечены генералом Беляевым и с января месяца постоянно совершенствовались. К концу марта окопы были прекрасно оборудованы, заграждения выставлены, сектора обстрела пристреляны. Вследствие этого полк Антолы при отражении боливийской атаки потерял всего несколько человек.

Планируя атаку, штаб 8 боливийской дивизии повторил прежние ошибки: действия отдельных отрядов не координировались, а обходные действия фланговых колонн были неглубоки. Вследствие этих просчетов наступление всех трех колонн вылилось во фронтальные столкновения с гарнизоном *Эрреры*, в которых боливийцы потеряли 160 человек. Наиболее пострадала правая колонна. Под ожесточенным огнем ее командир потерял управление, а 47

полк был рассеян. После неудачного штурма генерал Х.Санхинес приказал своим войскам закрепиться на подступах к фортину и сообщил о своем тяжелом положении командующему. Изучив обстановку, генерал Г. Кундт утвердил приказ о переходе войск в окрестностях *Фернандеса* к обороне. Неудачные бои первых трех месяцев 1933 года показали ему, что боливийская армия неспособна вести активные боевые действия. Требовалось время, чтобы поднять ее боевую подготовку на должный уровень. Тем временем, на фронте шли бои местного значения. действовало очень активно в надежде захватить инициативу. Окопная война под *Эррерой*(*Фернандесом*) продолжалась до тех пор, пока части II парагвайский корпуса не охватили правый фланг 3 дивизии. Тогда майор Антола решил воспользоваться благоприятной ситуацией и приказал резервному батальону охватить левый фланг растянутых боливийских позиций. 5 апреля *патапилас* вышли в тыл 17 пехотного полка противника, который под угрозой окружения был вынужден оставить свои позиции. Положение спасло выдвижение из резерва 3 саперного полка, который восстановил положение после жаркой схватки. Несколько дней спустя парагвайцы просочились через боевые порядки 8 дивизии и стали угрожать коммуникациям 3 дивизии. Этот прорыв был ликвидирован с привлечением всех сил II боливийского корпуса.

Несмотря на частный успех, положение на фронте II боливийского корпуса продолжало оставаться довольно сложным. Это было следствием не только активности патрулей и летучих отрядов противника, которые сковывали активность войск, но и выдвинутого положения дивизии генерала Х.Санхинеса. Исходя из общей оперативной ситуации, генерал Г.Кундт разрешил отвести части 3 дивизии от *Эрреры* к *Платанильосу*. Этот манёвр имел вынужденный характер и не имел далёких последствий, но КОМАНСУР решил иначе. По его приказу 7 апреля 1 парагвайская дивизия провела вылазку против боливийской 4 дивизии. Естественно, она была легко отбита. В свою очередь боливийцы контратаковали позиции противника у *Гондры*. В этих боях местного значения 3 парагвайский кавалерийский полк потерял всех своих лошадей и мулов, превратившись в усиленный пехотный батальон. Опыт его применения подсказал парагвайскому командованию пути реорганизации боевых частей. По штатам кавалерийского полка начал формироваться батальон *Куарента* (*Сорок*), который планировалось сделать эталоном парагвайской пехоты. Однако, по его прибытии на фронт выяснилось, что у него в условиях маневренной войны в Чако он менее подвижен и хуже управляем по сравнению с обыкновенными стрелковыми батальонами. Боливийские атаки *Гондры* возобновились 21 апреля. В этот день солдаты Э.Пеньяранды прорвались через линию парагвайской обороны и, захватив *Кампо Асеваль*, оседлали дорогу *Гондра – Франсиа*. Они стали укреплять этот пункт и затребовали у штаба 4 дивизии подкреплений. В этот раз КОМАНСУР сориентировался быстрее противника: прорвавшийся боливийский был почти целиком уничтожен парагвайскими резервами, а дорога освобождена. В боях за *Гондру* дивизия Э.Пеньяранды потеряла 250 человек. Из-за разгула стихии до 6 мая по всей линии фронта сохранялось затишье, во время которого обе стороны продолжали готовиться к последующим боям.

Апрельскими боями заканчивалась летне-осенняя кампания 1933 года на центральном участке фронта. Во время них в районе фортины *Карайя* наземным огнем был сбит один боливийский *Оспри*, неосторожно снизившийся до 330 метров. Его экипаж, не имевший парашютов погиб. После этого случая штаб Авиационного Корпуса срочно заказал в США 18 парашютов. Благодаря своему качественному и количественному превосходству Авиационный корпус в апреле 1933 года захватил полное господство в небе Чако. Пользуясь почти полной безнаказанностью, боливийские самолёты стали совершать групповые налеты на глубокие тылы парагвайской армии. В середине апреля группа *Оспри* под командованием капитана Леонида Рохаса была переброшена на полевой аэродром Пуэрто-Суареса. Ее целью стало нанесение ударов по Баия-Негре, месту сосредоточения 3 парагвайской дивизии. В этом районе им противостояли только зенитные пушки парагвайских канонерок и звено гидропланов, пополненное в

апреле 1933 году двумя итальянскими летающими лодками МАССНІ М18АR. Боливийские налеты были, в общем, эффективны: одной из бомб был даже убит комендант фортина полковник Х.Санчес. 27 апреля в 10:50 шесть *Оспри* бомбардировали сооружения и дома Пуэрто-Касадо. 6 мая пять самолетов обстреляли госпиталь Касанильос. В тот же день боливийские самолеты атаковали промышленные корпуса и портовые сооружения Пуэрто-Пинаско. Капитан Х.П.Коэльо на своем *Оспри* пролетел до Консепсьона и сбросил над ним антивоенные листовки. Авиационный корпус к этому времени списал в утиль из-за крайней ветхости все имевшиеся на вооружении *Фоккеры С. Vb*. А из девяти *Весп* к началу 1933 г. в строю оставалось шесть, поскольку остальные пошли на запчасти. К июню их число исправных сократилось до трех, а их пилоты пересели на американские машины.

В дополнение к американским бомбардировщикам боливийское правительство приобрело Германии четыре тяжелых трехмоторных транспортных самолёта *Юнкерс Ю-52*. Большие фюзеляжи и широкие грузовые люки этих машин позволяли боливийцам перебрасывать по воздуху даже полевые орудия. Самолеты получили названия *Боливар*, *Хуан дель Балле*, *Хуанин* и *Хорольку*. Еще один летающий грузовик – американский *Форд Тримотор* по имени *Южный крест* подарил боливийским ВВС местный оловянный барон миллионер Симон Патиньо.

БОЛИВИЙСКИЙ АВИАЦИОННЫЙ КОРПУС ЮНКЕРС-43

Парагвайские ВВС тоже постепенно усилились. К концу мая 1933 года в составе парагвайской боевой авиации в Чако были три боевые эскадрильи – 11 истребительная, оснащенная *Вибо*, и 1 и 2 разведывательно-бомбардировочные, вооруженных *Потезами*. К этому времени страну прибыли последние предусмотренные французским контрактом *Потезы*, которые должны были образовать третью легкомоторную эскадрилью. Вместе с ними прибыли 5 итальянских истребителей Фиат CR20. Помимо истребителей итальянцы продали Парагваю две летающие лодки МАССНІ 18, которые пошли на усиление гидроавиации. Апрель и май были посвящены освоению новых машин. С их прибытием оставшиеся *Вибо* были переданы в Авиационную Школу, где на них стали обучать парагвайских летчиков-истребителей. 10 мая 1933 года *Фиаты* начали перелёт из Кампо-Гранде на фронт, где, по замыслу КОМАНСУР, они должны были составить воздушную составляющую парагвайских ПВО. Их маршрут пролегал через Консепсьон в Исла-Пой и закончился 25 мая. Во время перелета один из истре-

бителей потерпел аварию и приземлился у города Сан-Сальвадор. Несмотря на существенное обновление парка, как по числу, так и по качеству самолетов парагвайская авиация продолжала уступать противнику.

Итальянские истребители стали единственным пополнением парагвайских ВВС за всю войну. Ими была вооружена II истребительная эскадрилья, получившая названия *Индейцы* («Los Indios»). В новую эскадрилью были переведены 9 летчиков-истребителей (капитаны Б.К. Альварес, В. Порфиненко, лейтенанты В.У. Рохас, В. Гуин, Т.Руфинелли, Р.Гарсия, О. С.Нетто, А. Бертони, А.А. Альберт), ранее летавшие на *Вибо*. В Гуинн летчиком оказался неважным, поскольку уже 12 июня во время посадки разбил свой самолет. На бортах машин эскадрильи нарисовали ее эмблему – индейца, стреляющего из лука. Продолжая экспериментировать с опознавательными знаками, парагвайское командование нанесло на крылья «индейцев» вместо кругов диагональные красно-белосиние полосы. 3 июня шестерка парагвайских «Потэзов» в сопровождении трех «Фиатов» совершила налет на боливийский укрепленный пункт Платинильос. Никогда ранее боливийцев не бомбило столько вражеских самолетов одновременно. Этот эпизод показал, что парагвайскую авиацию рано сбрасывать со счетов. Появление на фронте пятерки новых машин придало уверенности парагвайским летчикам, но, конечно, не могло серьезно изменить баланс сил. Боливийцы попрежнему обладали стратегическим господством в воздухе.

Лёгкий бомбардировщик Потез 25А.

С наступлением сезона дождей войска обоих противников на короткое время перешли к позиционной войне. Из-за дождей *каньяды* превратились в озера и болота: стало практически невозможно было рыть траншеи, ходы сообщения и котлованы. Продолжительные осадки делали невозможным строительство земляных укреплений на ряде участков фронта. Поэтому во многих местах фортификационные сооружения делались по типу насыпных и даже «навесных». В первом случае окопы сооружались в виде валов, выложенных из дерна, с оборудованными в них бойницами, а во втором представляли собой площадки для ведения огня, расположенные в кронах деревьев и обшитые досками из квебрахо. Настилы на заболоченных участках приходилось делать многоярусными, а грунтовые дороги поддерживать всё новой подсыпкой. Основные инженерные работы велись боливийцами в окрестностях *Алихуаты*, где по последнему слову военного искусства строился батальонный опорный пункт. Надзирал за этой стройкой немецкий майор В.Брандт. К началу июля укрепление этого района было закончено. По

замыслу генерала Г.Кундта, *Новая Алихуата* должна была стать плацдармом для удара на север.

К середине мая в боливийской армии были развернуты штабы 9 дивизий, пять из которых (3,4, 5, 8 и 9) находились на фронте в составе двух корпусов (I и II). Основная их сила – пехота была представлена 31 полками из 45 полков. Их состав постепенно усиливался, а вооружение совершенствовалось. К маю 1933 года большинство полков, действующих на фронте, имели в своем составе по два батальона и получили на вооружение минометную секцию – по 2 миномета *Стокса* в британской версии. В кавалерии имелось 37 эскадронов, разделённых на дивизионную конницу и 7 четырёхэскадронных полков. Необходимость формирования подвижных резервов привела к развертыванию дивизионных эскадронов в полки и сосредоточению всей полковой конницы на фронте. К этому времени, она почти полностью лишилась своих лошадей и пересела на грузовики.

Оба кадровых саперных полка боливийской армии также были переброшены в Чако. Первоначально их планировалось использовать в помощь корпусным инженерам. Осенью 1933 года эти полки укрепляли *Алихуату*. Они не только восстановили старый фортификатор, но и построили рядом с ним новые земляные укрепления. После окончания этих работ сапёры были направлены на поддержание инфраструктуры и коммуникаций, в первую очередь, строительство колодцев и улучшение дорог. Все наличная артиллерия была распределена по дивизиям. И, хотя численность артиллерийских батарей на фронте возросла до 9, этого было явно недостаточно: противник имел на фронте 40 орудий против 36 боливийских. Организация боливийских дивизий также оставляла желать лучшего: несмотря на меры, предпринимаемые генералом Г. Кундтом, они представляли собой сборную солянку из 6-12 полков и 1-3 батарей артиллерии. Тем не менее, они стали лучше управляемыми, а их реальная численность возросла до 3-6 тысяч человек, равняясь порой по силе парагвайскому корпусу. Если в начале апреля численность боливийских штыков в Чако достигала 12000 человек, то через месяц она возросла почти вдвое. Впервые с начала военных действий их численность превзошла противника. Интендантская часть боливийской армии наладилась, хотя обеспечение войск в глубине Чако оставалось ее ахиллесовой пятой. В мае в связи с официальным объявлением состояния войны между Боливией и Парагваем была закрыта аргентинская граница. Это сразу вызвало перебои в поставках продовольствия в боливийских войска. Если ранее их маркитанты могли закупать значительную часть продовольствия за Пилькомайо, то теперь они должны были доставлять провиант из Вильясона. Снабжение продовольствием из этого удаленного пункта поставило новые проблемы перед транспортом боливийской армии. Для этого пришлось задействовать все грузовики, освобожденные на время зимнего сезона от доставки воды. Со временем, закрытая аргентинская граница стала более прозрачной: появилась целая сеть контрабандной торговли. Так, боливийские солдаты часто курили парагвайские сигареты, а парагвайские грузовики заправлялись боливийским бензином, поставленным одним из “поджигателей” этой войны – компанией *Стандард Ойл оф Боливия*.

За время этой короткой передышки поднялась боевая выучка и дисциплина боливийских войск, случаи *isquierdismo* (уклонения из боевой линии) были изжиты уже после событий в *Толедо*. Для поощрения инициативы солдат были введены бонусы в виде сигарет, которые стали своеобразным видом валюты. Они давались и в случаях, когда из нейтральной полосы выносилось брошенное оружие. Более слабым местом оставалось управление действующей армией, которое полностью сосредоточил в руках генерал Г.Кундт. Имея в своем распоряжении только эмбрион штаба, он, несмотря на свою работоспособность и память, не смог организовать компетентного управления вверенными ему войсками. Тем не менее, именно благодаря его руководству боливийцам удалось сохранить стратегическую инициативу в своих руках.

Парагвайская армия к этому времени превратилась в отлаженную боевую машину. Этому немало способствовало апрельское назначение генерала И.Т.Беляева на должность начальника

Генерального Штаба. С присущим ему энергией он взялся за дело, не оставляя своей прежне *идеи фикс*: создания многочисленной русской колонии. Ещё до своего официального назначения И.Т.Беляев предпринял ряд шагов, которые по идее должны были способствовать её продвижению. Этому способствовал случай с 7 кавалеристским полком *Сан-Мартин*, который был оснащён и укомплектован аргентинцами. Этот полк показал свою низкую боеспособность и после боев у *Толедо* был переформирован. Командовавший в нём эскадром, подполковник парагвайской службы Сергей Щекин сгустил краски, жалуясь на недисциплинированность и низкую боевую выучку добровольцев, после чего отказался от командования. В конце войны он был командирован в Бразилию, получив 20000 песо фуэрте на дорогу. Доклад товарища по оружию И.Т.Беляев использовал в своих целях: он убедил генерала М.Рохаса направить в министерство иностранных дел письмо, в котором «настоятельно рекомендовалось не привлекать на парагвайскую службу иностранцев, за исключением белых русских». Это письмо, датированное 19 февраля 1933 года, стало известно полковнику А.Швейцеру, который использовал всё своё влияние, чтобы дезавуировать требование Генерального Штаба. Вскоре он выяснил, кто был истинным автором этого письма и стал одним из опаснейших недругов И.Т.Беляева.

Заняв пост начальника Генерального Штаба И.Т.Беляев постарался отделаться от своего недруга Н.Ф.Эрна, которого перевели на должность инспектора пехоты. В этом качестве он прослужил до конца войны и сделал немало для подготовки резервистов. В 1936 году генерал Н.Ф.Эрн был назначен Генеральным инспектором парагвайской армии. Одним из первых его достижений стала реорганизация III корпуса. В частности, он поручил майору парагвайской службы Н.Корсакову переформирование «аргентинского» контингента полка *Сан-Мартин*. Так возник 9 кавалерийский полк *Аромас*, включённый во 2 кавалерийскую дивизию. Располагая достаточной оперативной и разведывательной информацией парагвайский Генеральный Штаб быстро определил место главного удара противника. Им должна была стать *Нанава*. В связи с этим было принято решение о формировании трёх дивизий (2 кавалерийская, 6, 7 и 8 пехотные). Генерал Беляев планировал усилить ими 3 корпус полковника Л.Ир-расабалы, который всё чаще проявлял свою самостоятельность по отношению к КОМАНСУР.

Трофеи, захваченные летом 1932-33 годов, и партии оружия, поступившие через Аргентину в феврале-апреле, позволили парагвайцам приступить к организации новых частей. К концу апреля в составе 2 кавалерийских и 6 пехотных дивизий были развернуты 9 кавалерийских и 18 пехотных полков, 4 инженерных и два отдельных батальона и 4 группы полевой артиллерии. Таким образом, парагвайская артиллерия на ТВД по количественному составу была равна противнику, а качеству и выучке даже превосходила его. Однако к маю боевой состав армии снизился до 20000 человек. Падение численности на треть было связано с эпидемиями и ужасным общим состоянием здравоохранения Парагвая.

В связи с развертыванием новых частей и потерями в живой силе была изменена штатная организация пехоты. Батальоны окончательно потеряли свои третьи роты. Уменьшение количества солдат компенсировалось ростом огневой мощи, за счет увеличения единиц автоматического оружия в ротах с шести до девяти. Организация парагвайских пехотных батальонов претерпела большие изменения. Этому способствовали, как особые условия театра военных действий, так и простая нехватка людей и оружия. К 1933 году парагвайскому командованию удалось достигнуть единообразия тактической структуры пехоты. Главным изменением стал отказ от пулеметных рот и передача легких пулеметов в состав стрелковых взводов. Парагвайский пехотный батальон 1933 года состоял из штаба (11 человек) и двух рот по 110 человек по три взвода. Каждый из них имел 35 человек, 3 ружья-пулемета и состоял из двух пулеметных и двух гренадерских секций по восемь бойцов в каждой. Таким образом, при неизменности штата огневая мощь роты выросла в полтора раза. В пехотном полку по новому штату должно было состоять 797 человек (41 офицер, 155 сержантов, 396 штыков). Их вооружение состояло

из 2 минометов, 4 станковых и 36 ружей – пулеметов и 716 винтовок. Таким образом, снижение штатной численности пехоты на 20% не привело к уменьшению ее огневой мощи.

Реорганизация коснулась парагвайской кавалерии, полки которой получили на вооружение станковые пулеметы и минометы в составе эскадрона тяжелого оружия. В начале военных действий полки были пополнены эскадроном тяжелого оружия (82 человека), состоявшего из 2 пулеметных (по 2 станковых пулемета) и минометного (2 миномета) взводов. Остальные эскадроны получили дополнительные ружья-пулеметы (по 6 на эскадрон). В феврале каждая стрелковая секция эскадронов получила по пистолету пулемету. К 1933 году кавалерийский полк по огневой мощи в полтора раза превосходил пехотный батальон парагвайской армии. Штаты кавалерийских подразделений не изменились. Эскадрон подразделялся на управление и три взвода, каждый из которых имел по две пулеметные и стрелковые секции. Эскадрон тяжелого оружия включал в себя два взвода станковых пулеметов и минометную секцию. Всего в кавалерийском полку по штату полагалось иметь 23 офицера, 64 сержанта и 377 рядовых, а его боевая сила насчитывала 216 сабель. Организация кавалерии 1933 года оказалась более эффективной, чем пехотная. Министерство обороны даже подумывало о переводе пехотных подразделений на кавалерийские штаты. Вскоре выяснилось, что действия спешенной кавалерии требуют усиленного снабжения и повышенной боевой подготовки, которую тыловые части не могут обеспечить. Из-за недостатка оружия от этого проекта «перевода батальонов в эскадроны» пришлось отказаться и батальон *Кюарента* остался единственным в своём роде. Немногочисленная артиллерия парагвайской армии также была реорганизована. Теперь артиллерийские группы состояли из 3 пушечных и гаубичной батарей, в каждой из которых было по 2 орудия. Лошадей и мулов в них сменили грузовики.

Важнейшим нововведением в парагвайской армии стала моторизация её тыла. К маю 1933 года автомобильный парк вырос с 24 до 176 грузовиков. Если в первые месяцы половина автомобилей стояла из-за нехватки запасных частей, то к 1933 году положение исправилось. Запасные части вытачивались в мастерских и приобретались за границей. Парагвайскому правительству удалось наладить их закупку в Италии, Уругвае и Аргентине под видом деталей

для сельскохозяйственных машин. Вместо повозок, запряженных волами, каждый пехотный полк получил по 4 грузовика, а дивизия – по 20. Кроме них в каждом корпусе начали формироваться парки. Некоторое время спустя автотранспорт получили саперы и кавалеристы, а затем была полностью моторизована артиллерия. За счёт отказа от возниц и коноводов был резко уменьшен штат тыловых частей. Это высвободило дополнительные людские резервы для пополнений и новых формирований. В связи с такой реорганизацией штатная численность дивизий достигала 2000-3000 человек и была, примерно, в два раза ниже, чем у противника. Зато дивизии были более устойчивыми в бою и лучше управляемыми. Несмотря на то, что парагвайская дивизия не имела в своем составе артиллерии, ей придавались отдельные батареи или артиллерийские группы, что позволяло сосредотачивать массированный огонь на решающих участках фронта. Важным подспорьем действующей армии стало эффективное использование транспортной авиации. Она была немногочисленна и состояла из трех самолетов: двух санитарных S-6000-B и одного пассажирского *Бреда* 44. Ее пилоты спасли не одну сотню парагвайских раненных. Транспортные функции также выполняли и гидропланы парагвайской речной флотилии *Савойя* S59 и *Сант*-10. В распоряжении Генерального Штаба было два самолета связи, составлявших отдельное звено. Сначала это были *Бреда* 15 и *Вако*, а затем их сменили *Робин* фирмы Кэргис-Райт и РТ-11. Эти самолеты перевозили высших офицеров, небольшие важные грузы и в особых случаях раненных.

На 6 мая 1933 года боевые силы сторон располагались следующим образом:

– в долине Пилькомайо действовали разрозненные боливийские патрули, которые еле сдерживали давление 2 парагвайской кавалерийской дивизии из состава III корпуса, образованной по инициативе И.Т.Беляева. Она должна была охватить с юга правый боливийский фланг и угрожать Муньосу – тыловой базе I корпуса противника. В силу труднопроходимости местности и отвратительного руководства дивизия с этой задачей не справилась и была подтянута к Нанаве.

– у *Нанавы* располагалась 5 пехотная дивизия и тылы III парагвайского корпуса. Им противостояла вновь образованная 7 боливийская дивизия, целью которой было действовать по операционной линии *Нанав*-Консепсьон.

– у *Гондры* 4 боливийская дивизия противостояла 1 парагвайской пехотной дивизии, занимавшей левый фланг I парагвайского корпуса. Оба соединения выполняли сковывающие действия и в общем и целом нейтрализовали друг друга.

– у *Арсе/Франсии* в позиционной войне сошлись левофланговая дивизия(9) I боливийского корпуса и 4 парагвайская дивизия. Последняя сохранила центр I парагвайского корпуса.

– у *Платанильоса* и *Эрреры* вели наступательные операции 8 дивизия из состава II боливийского корпуса. Здесь ей противостояла 2 пехотная дивизия парагвайцев.

– у *Корралеса* 3 дивизия из состава II боливийского корпуса вела бои с переменным успехом против всего

II парагвайского корпуса, состоявшего из 1 кавалерийской и 6 пехотной дивизий. Кавалеристы должны были, по директиве Генерального Штаба, охватить правый фланг II боливийского корпуса и угрожать их базе снабжения в Камачо, но потерпели неудачу. Причины те же, что и в долине Пилькомайо – труднопроходимая местность.

– верховья реки Парагвай защищала 3 парагвайская пехотная дивизия, поддержанная речной флотилей. Ей противостояла малоактивная 5 дивизия.

Как видно из дислокации войск противников, их группировки отражали общее военное планирование. Парагвайское командование планировало отражение ударов противника по всему фронту и пыталось охватить его кавалерийскими соединениями с флангов. Боливийское военное командование планировало удар по линии *Нанав*-Консепсьон, целью которого было отсечение основных сил парагвайской армии от столицы и густонаселенных районов Парагвая. Вспомогательное наступление должно было начаться и на правом фланге. Его целью был –

Исла-Пой, главная база снабжения парагвайцев в центральном Чако. Как показали дальнейшие события, обе стороны строили свои планы без учёта особенностей рельефа и погоды Чако. За это им пришлось расплачиваться жизнями своих солдат.

Достаточное оснащение парагвайской армии в условиях эмбарго стало результатом мобилизации тыла. В три раза выросло производство боеприпасов, был налажен ремонт винтовок, производились ручные гранаты и авиационные бомбы, противопехотные и минометные мины. Улучшилась ситуация с обувью и сбруей. С механизацией тыла потребность в последней постоянно уменьшалась. Это положительно сказалось на обеспечении пехоты обувью. *Мануфактура Пилар* полностью обеспечила войска обмундированием. Правительство президента Э. Айялы в целях координации экономических усилий по обеспечению войск всем необходимым и контроля за инвалютными поступлениями учредило новое министерство – министерство экономики, которое сыграло важную роль в организации победы. Для поднятия боевого духа войск правительство ввело надбавки для бойцов, находящихся непосредственно в окопах. Еще несколько *песо фуэрте* в месяц выплачивались общественными фондами. Эта, пускай небольшая дотация, способствовала поднятию боевого духа войск и символизировало единство народа.

С провалом запрета на транзит оружия через тихоокеанские порты «План Мендосы» канул в Лету, и иллюзии о прекращении военных действий в Чако испарились даже у наиболее оптимистично настроенных пацифистов. 6 марта Конгресс Республики Парагвай предоставил президенту право объявить войну Боливии. Тем не менее, Эусебио Айяла, не оставил попытки договориться о прекращении военных действий на базе плана АВСР. Расчеты президента Парагвая имели под собой основание: в марте в Монтевидео собрался Латиноамериканский антивоенный конгресс. Он вынес резолюцию, в которой призвал участников Чакского конфликта прекратить братоубийственную войну и решить территориальный спор мирным путем. Однако, противоборствующие стороны оказались заложниками ситуации и не смогли пойти на взаимные уступки. Лишившись последних иллюзий, Э. Айяла воспользовался правом, данным ему конгрессом и 10 мая 1933 года объявил Боливии войну. После этого популярного внутриполитического хода, Э. Айяла получил широкую поддержку внутри страны. Однако, в международном плане этот шаг имел прямо противоположный эффект: ссылаясь на 16 статье Устава Лиги Наций Боливия обратилась в Лигу Наций с требованием признать своего противника агрессором. Процедура оценки действий Парагвая зашла в тупик, поскольку в ходе дебатов выяснилось, что войска Боливия в Питиантуте первой открыли военные действия. Нечеткость определения агрессии в 16 статье Устава Лиги Наций уже не раз использовались реальными агрессорами в развязывании войны в Америке, Китае, Эфиопии. Отдавая отчет о происходящем, Совет Лиги в очередной раз призвал обе стороны решить спор, прибегнув к арбитражу. Парагвай соглашался на это предложение при условии сохранения за ним территории, полученной по арбитражному решению Хейеса и «равных условий по отводу войск». Этот шаг продемонстрировал гибкость парагвайских политиков, прекрасно понимавших, что правительство Д. Саламанки не сможет принять их условия. Находясь под гипнозом заверений генерала Г. Кундта, боливийский президент не хотел идти на какие-либо уступки и требовал одностороннего отвода войск противника за реку Парагвай. Воспользовавшись заминкой Лиги Наций, дипломатия США постарались перенести решение проблемы на межамериканский уровень, заявив, что конфликт разрешим в рамках доктрины Монро. Ей удалось добиться положительного решения Совета, передавшего спор по Чако в компетенцию Панамериканского союза.

Ещё одним из результатов официального объявления войны стали перестановки в высшем военном руководстве Парагвая. Ф. Х. Эстигаррибия был недоволен тем, что генерал М. Росас отменяет его приказы и тем самым «роняет его авторитет» в глазах подчинённых. Он использовал всё своё влияние, чтобы убедил президента, как верховного главнокомандующего и главу государства, отправить тяжело больного генерала М. Рохаса в отставку и занять этот

пост самому. Э.Айяла, с некоторых пор посчитавший, что командовать армией просто, легко поддался на уговоры. С уходом М.Рохаса в отставку влияние Генерального Штаба на ход военных действий стало минимально, но генерала И.Т.Беляева пока не трогали – он сохранял свой пост до конца года. Следующим шагом полковника-интригана было назначение командира 1 дивизии К.Фернандеса директором Военной Школы. На его место был назначен «герой Вангардии» честолюбивый и амбициозный майор Р.Франко.

6 мая Р.Франко решил совершить неожиданный налёт на передовые части противника. Солдаты Железной дивизии внезапно атаковали заставы 4 дивизии у *Гондры*. После скоротечного боя противник потерял 150 человек убитыми и оставил свои позиции. Захваченные документы и пленные указывали на подготовку нового боливийского наступления. Согласно ним, основной удар противник планировал перейти в наступление и нанести из района *Зентено(Алихуата)* строго на север. 10 мая боливийские войска после короткой артиллерийской подготовки атаковали позиции I парагвайского корпуса вдоль всей линии соприкосновения. 5 пехотный полк *Кампос* попытался овладеть окопами *Гондры*, но, потеряв 80 человек, отступил. Фортин *Франсиа* подвергся нападению 6 и 27 полков 9 дивизии. По замыслу полковника Х. Терана они должны были охватить парагвайские позиции с флангов. Как обычно, атака планировалась без рекогносцировки местности и сорвалась. В ходе выдвижения боливийских частей выяснилось, что парагвайские позиции находятся в 10 километрах к северу от рубежа, которым должны были завладеть солдаты 9 дивизии. Только 13 мая солдаты Х. Терана вошли в контакт с противником и завязали бой. Потеряв в скоротечном бою до 120 человек, полки 9 дивизии отошли на исходные позиции. Через четыре дня атака была повторена боевой группой полковника Браво. 17 мая атакующим удалось прорваться в расположение парагвайских войск и схватиться в рукопашную. Необстрелянные солдаты 7 парагвайской пехотной дивизии дрогнули, и командованию корпуса пришлось срочно ввести в бой резервы. В бою особенно пострадали пехотный полк *Баливьян* и 3 кавалерийский полк. Потеряв до сотни человек, боливийцы отошли до развалин старой *Алихуаты* и в спешном порядке стали их восстанавливать.

Вскоре здесь появились парагвайцы, которые попытался с ходу овладеть фортином. Старую *Алихуату* солдатам полковника Браво удалось удержать только благодаря помощи Х. Терана, приславшего на помощь 2 кавалерийский и 18 пехотный полки. Столкнувшись с превосходящими силами противника, *нататилас* быстро отошли на исходные позиции. Преследуя противника, солдаты 9 дивизии на следующий день вновь вышли на ближние подступы к фортину *Франсиа* и безуспешно попытались охватить его с флангов. Бои местного значения на подступах к фортину выявили возросшую плотность обороны парагвайцев, что оказалось неприятным сюрпризом для их противника. Тем временем, в наступление перешла колонна подполковника Ариеты. В нее вошли подразделения 5 кавалерийского, 6, 16, 34 и 41 пехотного полков общей численностью в 950 человек. На рассвете 20 мая она успешно обошла парагвайские позиции с запада и оседлала дорогу, соединявшую *Фернандес* с *Франсиа (Арсе)*. В устроенную Ариетой засаду попала колонна парагвайских грузовиков. После этого отряд двинулся дальше и оказался на фланге защитников фортина *Франсиа (Арсе)*. Солдаты Ариеты четырежды атаковали его защитников, но каждый раз неудачно: *нататилас* отбрасывали атакующих сосредоточенным пулеметным огнем пулеметов. За день боёв Ариета и потерял 240 человек. В последней атаке 41 полк понес большие потери и потерял боеспособность. Израсходовав боезапас, Ариета приказал отойти назад. Если бы его атаки были скоординированы с действиями остальных сил 9 дивизии, то, возможно, результат операции был бы иным.

Одновременно частями 9 дивизии под *Гондрой* активизировалась 4 дивизия. Хотя в распоряжении Э.Пеньяранды было только 1200 человек, он получил приказ из штаба корпуса о наступлении. Наткнувшись на плотный огонь, его части остановилась перед вражескими позициями и провели несколько вялых атак. Обозначив активность, командир 4 дивизии приостановил наступление и затребовал у штаба корпуса подкрепления, в ожидании которых

стал закрепляться на достигнутом рубеже. Однако, Э. Пеньяранда допустил ошибку: опасаясь охвата своих флангов он растянул свои небольшие силы почти на 8 километров по фронту. Этим воспользовался противник: 16 мая части майора Р. Франко нащупали разрыв в обороне 4 дивизии и перешли в контратаку. Она была отражена огнем артиллерии и введением в бой тыловых частей дивизии и подошедших резервов. Несмотря на отсутствие продвижения, боливийские 4 и 9 дивизии серьёзно растянули парагвайскую оборону, сковав силы лучших парагвайских частей и подразделений.

Запланированное на 10 мая выступление 8 дивизии на *Фернандес (Эрреру)* было перенесено на два дня. За пять дней дивизия смогла преодолеть двадцать километров, отделявшие их позиции от цели. Задержка марша была вызвана природными условиями – неожиданно сильным ливнем и налетевшим после него *суразо*, после чего многие солдаты заболели. Только 17 мая 2600 боливийцев, поддержанными 4 секциями минометов и 2 артиллерийскими батареями развернулись для штурма *Фернандеса*. Левую, наиболее сильную колонну составляли 3 саперный, 10 и 12 пехотные полки. В лоб наступал 24 пехотный полк, а справа действовали 17 пехотный полк и эскадрон дивизионной конницы. Им противостояла вся 2 парагвайская дивизия в составе 1, 3 и 9 пехотных полков, поддержанных артиллерийской группой. Парагвайские оборонительные позиции представляли собой замкнутую кольцевую траншею, опоясанную колючей проволокой. Стенки окопов и перекрытия блиндажей были укреплены стволами квебрахо, а пулеметные гнезда, выдвинутые впереди линии траншей, позволяли вести перекрестный огонь. По замыслу командира 2 дивизии, его самый многочисленный 1 полк 2 мая, численностью 900 человек, занимал основную позицию, в то время как *Корралес* прикрывал фортин с тыла. Роты 9 полка *Саука* составляли собой оперативный резерв дивизии. Подобное построение позволило парагвайским войскам организовать гибкую оборону, которая оказалась чрезвычайно устойчивой.

Утром 17 мая после мощной артиллерийской и авиационной подготовки все три колонны перешли в наступление. Левая колонна с трудом прорубала себе тропу сквозь кусты, пока не вышла к *Фернандесу*. Однако вследствие сильного пулеметного огня защитников фортина ни одна из колонн не достигла цели. Наибольшие потери на левом фланге понес 3 саперный полк, потерявший 60 из 250 штыков, а на правом – 17 пехотный. На следующий день 12 пехотный полк потерял связь с остальными частями. Как выяснилось впоследствии, снаряды противника накрыли его позиции и уничтожили все телефонные линии полка. Прибывший в штаб 12 пехотного полка полковник Овидио Кирога обнаружил его командира подполковника Ромуло Морено, спрятавшимся за деревом, в то время как его солдаты гибли под огнем противника. Следствием трусости начальника стала гибель его солдат на поле перед фортином, которое получило у боливийцев зловещее название – поле мертвых (*Campo de los Muertos*). Несмотря на неудачу первого штурма боливийские атаки *Эрреры* продолжались.

19 мая Г. Кундт распорядился отправить 400 человек пополнений в поредевшие полки 8 дивизии и в нее назначил нового командира – майора Айороа. В этот день части дивизии семь раз безуспешно атаковали позиции противника. В каждой из них участвовало до тысячи человек. Атаки фортина продолжались до 30 мая, пока к нему не подошла колонна Ариеты. Подполковнику выпала сомнительная честь провести последнюю, двадцать вторую атаку *Фернандеса*, которая была также безуспешна, как и предыдущие. Тем временем, рота парагвайцев под командованием капитана Гаоны совершила удачный рейд, просочившись через боливийскую боевую линию. Проникнув на артиллерийские позиции, она уничтожила одну из батарей и уничтожила склад боеприпасов. Продолжая свой рейд, *пататилас* перерезала дорогу, ведущую в *Платанильос*, и устроили на ней засаду. В неё попала автотранспортная колонна противника. При ней находился майора Мехия, который попал в плен. Рота вернулась в расположение своих войск вместе с ценным пленным почти без потерь. Показания майора, пре-

увеличившего слабость своих войск, спровоцировали гарнизон форта на вылазку, которую боливийцам удалось отбить.

К началу июня стычки под *Фернандесом* затихли, поскольку снова зарядили дожди. 8 боливийская дивизия начала медленный отход по размытым дорогам к *Платанильосу*. 2 июня колонна Ариеты вернулась в состав 9 дивизии и была расформирована. После возвращения 8 дивизии в Платанильос боевые действия приостановились до середины июля. Всего в боях под *Эррерой* боливийские войска потеряли только убитыми и ранеными 556 солдат, не считая 300 заболевших. 16 и 41 пехотные полки, понесшие особенно крупные потери были отведены Г.Кундтом на переформирование. По результату боев, немецкий генерал провел расследование, в ходе которого выяснился ряд причин, приведший к тактическим неудачам. Так, выяснилось, что пулеметчики при выдвижении в боевую линию оставляют свои треноги на прежних позициях, что снижает точность стрельбы. Во-вторых, многие офицеры ротного и батальонного уровня даже не знакомы со своими подчиненными и легко теряют управление своими солдатами в бою. В –третьих, командиры частей и подразделений перед атакой не проводят рекогносцировку местности, что приводит к лобовым атакам, вместо обходных маневров.

Затишье на поверхности сопровождалось интенсивной борьбой в воздухе, поскольку получившие новые машины парагвайские лётчики рвались в бой. Чтобы снизить риск потерь от собственного зенитного огня, с весны на их самолётах стали использовать новые опознавательные знаки. С 20-х годов года на крылья и фюзеляж парагвайских аэропланов наносили концентрические красно-бело-синие круги, повторявшие французские трехцветные «кокарды». Вероятно, это объяснялось влиянием французской военной миссии. Но в ходе воздушных боев за *Бокерон* и *Нанаву* выяснилось, что при наблюдении с земли красно-бело-синие парагвайские круги в лучах солнца довольно легко спутать с красно-желто-зелеными боливийскими. Поэтому на бомбардировщиках и транспортных самолётах вместо кругов стали использовать красные звезды с маленьким синим кружком, вписанным в центр. Все остальные типы машин – истребители, гидропланы и разведчики – сохранили прежние эмблемы.

3 июня 6 *Потезов*, эскортируемых 2 *Фиатами*, нанесли бомбовый удар по *Платанильосу*, где приводили в себя в порядок отступившие части 8 дивизии. Это был, пожалуй, самый крупный авианалет парагвайской авиации за всё время войны. Во время него было сброшено на позиции противника 70 14-килограммовых бомб. Бомбардировка с воздуха нанесла большие потери гарнизону, противовоздушная оборона которого оказалась неготовой к отражению воздушной атаки. При возвращении на базу на *Потезе* №14 оказались две несброшенные авиабомбы, которые детонировали при посадке. Экипаж самолета (лейтенанты Т.Ф. Санчес и С.Арсе) погиб. 11 июня 1933 года, три *Фиата* атаковали четыре боливийских *Оспри*, бомбардировавших Исла-Пой. Появление парагвайских истребителей было столь неожиданно, что боливийские самолеты быстро ретировались, сбросив бомбы куда попало. На следующий день у Исла-Пой появились пять *Оспри* в сопровождении трех *Хоков* и *Скаута*. Три *Фиата* 11 авиаэскадрильи вылетели им на перехват. Первоначально атаковав *Хоки*, они легко отогнали их и переключились на *Оспри*, которые вновь скинув бомбы куда попало быстро ретировались. В это время *Фиат* лейтенанта Гуина попал под огонь *Скаута* и загорелся, а пилот погиб. *Скаут*, пилотируемый немецким капитаном Эрнстом, был, в свою очередь, сбит перекрестным огнем истребителей Альвареса и Руфинелли и упал в лес.

7. Равновесие.

Оперативная обстановка в начале зимы. Вторая Нанава. Гондра. Рост недовольства генералом Г.Кундтом и нарастание антивоенных настроений в Боливии. Рохас Сильва.

Июньское затишье позволило обеим сторонам реорганизовать свои силы и подготовиться к новым боям. К этому времени план военных мероприятий по повышению боевого потенциала парагвайской армии был практически реализован. Он содержал три основных положения:

– налаживание материального обеспечения действующей армии (моторизация тылов, строительство дорог, создание резервов продовольствия и боеприпасов, организация военного производства и т.д.),

– организационные мероприятия, связанные с повышением боевой подготовки войск в соответствии требованиями ТВД и насыщением их автоматическим оружием,

– модернизация полевой связи.

В рамках этой программы, производство боеприпасов в Сайонии и других военных заводах было резко увеличено, благодаря которому удалось создать небольшой резерв. Несмотря на ожесточенные бои первого полугодия, обеспечение боеприпасами было удовлетворительным. Так, к началу кампании на артиллерийское орудие приходилось примерно 100 снарядов, на миномет – 60 мин, на винтовку – 100 патронов, а на пулемет – 1000. Оптимизация штатов боевых частей привела к высвобождению части солдат, которые были направлены на формирование новых полков и дивизий. Запасные части также подверглись существенной реорганизации: учебные депо были реорганизованы в полки, каждый из которых направлял на фронт по две маршевые роты в месяц. Освободившиеся бойцы были направлены на комплектование саперных полков, которые создавались на базе инженерных батальонов. Качество связи к этому времени в парагвайской армии резко возросло. В распоряжении войск было до тысячи километров телефонного кабеля при более чем пяти сотнях телефонных аппаратах, десятках мощных радиостанций и две с половиной сотни автомобилей. Качество полевой связи резко возросло: сообщения с поля боя до штабов поступали за считанные часы.

К началу июля Х.Ф.Эстергаррибия закончил реорганизацию командования. Пользуясь благорасположением президента, он подчинил все три корпуса КОМАНСУР, которое стало заниматься оперативным планированием. В распоряжении КОМАНОРа осталась только слабая 3 дивизия и речная флотилия. 3 пехотная дивизия включала 8 уланский (*Коронель Дуарте*) и 8 пехотный (*Пиребибуй*) полки, а также 1 батальон морской (речной) пехоты *Ричуэло* и гарнизоны *Баия-Негры* и *Фуэрте Олимпо*. Генеральный Штаб формально продолжал координировать операции обеих командований, но его возможности были с этого момента резко ограничены и фактически свелись к информационному обеспечению. Чтобы занять генерала Беляева, президент Э.Айяла поручил ему вербовку соотечественников за рубежом. Генерал с энтузиазмом взялся за дело и при поддержке брата М.Т.Беляева, осевшего в Париже, добился значительных успехов в этой области: в Парагвай стали прибывать военные специалисты и командиры среднего звена, такие как есаул Емельянов, Высоколян и другие. Их сразу направляли на формирование новых частей, поручая им командование батальонами и эскадронами. Вместе с волонтерами прибывали их семьи и родственниками. Основной поток иммигрантов шёл из Балкан, Чехословакии и Франции. Большую роль в их вербовке играл донской атаман А.П.Богаевский.

В прямое подчинение Оперативного командования, как теперь стали называть КОМАНСУР вошли:

– I корпус, командиром которого был назначен полковник Г.Нуньес. Он прикрывал главное операционное направление *Муньос – Исла-Пой* и состоял из 2, 7 и 8 пехотных дивизий.

2 пехотная дивизия в составе 1 (2 мая), 3(*Корралес*) и 9(*Соцес*) пехотных полков защищала *Эрреру (Фернандес)*, а обе вновь сформированные дивизии фортины *Франсиа (Арсе)* и *Фалькон*. 7 пехотная дивизия включала в себя 10 (*Ита Ибате*), 11 (*Ятаити Кора*) и 12 (*Рубио Ну*), а 8 – 15 (*Ломас Валентинас*) и 16 (*Марискаль Лопес*) пехотные полки. В резерве корпуса находились 1 артиллерийская группа(*Ген.Бругес*), 1 и 2 саперные батальоны. К

– II корпус полковника Х.Б.Айялы занимал район фортинов *Корралес* и *Тоledo*. Его состав оставался неизменным: 6 пехотная (5 и 14 пехотные полки *Генерал Диас* и *Серро Кора*) и 1 кавалерийская (1, 6 и 7 уланские полки *Валуа Риварола*, *Генерал Кабальеро* и *Сан-Мартин*) дивизии. Резерв корпуса состоял из одной батареи и кавалерийского эскадрона.

– III корпус находился под началом полковника Л.Иррасабалы. Его войска занимали пространство между *Гондрой* и *Пилькомайо*. *Гондру* обороняла 1 пехотная дивизия майора Р. Франко в составе 2 (*Коронель Монгелос*) кавалерийского, 2 (*Итороро*) и 4 (*Курипаити*) пехотных полка общей численностью 1800 человек. *Нанаву* по-прежнему прикрывала 5 пехотная дивизия в составе 1200 солдат. Ее командиром был назначен полковник Хорхе Брисуэла, отличившийся в конце прошлой кампании при защите *Арсе (Франсиа)*. Состав дивизии был полностью обновлен: в нее вошли 7 (24 мая) и 13 (*Тутити*) пехотные полки, усиленные кавалерийским эскадром. Промежуток между частями Х.Брисуэлы и Р.Франко охранялся 4 пехотной дивизией подполковника Артуро Брея. В его соединение входили 3 уланский (*Коронель Тоledo*) и 6 пехотный (*Бокерон*) полки, насчитывавшие 1300 человек. 2 кавалерийская дивизия майора Томаса Мендосы патрулировала Чако к югу от *Нанавы*. Она состояла из 4 (*Ака Карайя*), 5 (*Ака Вера*) и 9 (*Аромас*) уланских полков и насчитывала в своих рядах до 1000 человек. В резерве корпуса находилось 1700 человек: 2 артиллерийская группа *Генерал Роа*, 3 саперный, 1 и 2 стрелковые батальоны, разведывательный эскадрон и два отдельных отряда: лейтенанта Фретеса и особого назначения Х. Таким образом, в распоряжении командира III корпуса находилось 9000 солдат, 12 минометов, 8 75мм пушек и 4 105мм гаубиц *Шнейдера*. Это направление было признано наиболее опасным и сюда был командирован полковник С.Ф.Эрн, которому было поручено укрепление *Нанавы*. Он подошёл к задаче творчески и кроме собственно укреплений занялся обустройством ложных позиций и тщательной маскировкой основных узлов обороны. В резерве Оперативного Командования оставались 2 артиллерийские группы 3 (*Коронель Эрмоса*) и 5, вооружённые орудиями Шнейдера. Таким образом, оперативная организация парагвайских войск приобрела стройность, а принятие решений – порядок. Благодаря им можно было начать подготовку контрнаступления против основной группировки войск противника в районе *Муньоса*

К окончанию сезона дождей готовилась и боливийская армия. За июнь были подтянуты резервы, пополнены боевые части и собраны значительные интендантские запасы. Боевой дух и выучка боливийских солдат выросли. Постепенно приобретал боевой опыт и офицерский корпус. Всего в Чако в составе двух корпусов было сосредоточено уже свыше 30000 боливийских солдат. Нарращивание сил давало возможность Г.Кундту сохранить инициативу в своих руках и начать новое, третье по счёту наступление. Его замысел состоял в следующем:

– II корпус должен был демонстративными атаками сковать II парагвайский корпус у Пуэсто Бетти и 2 дивизию I корпуса у *Фернандеса*.

– 9 дивизия I корпуса сковывала остальные силы I корпуса в районе *Залихуата (Зентено)* – *Арсе (Франсиа)*. – 4 дивизия I корпуса у Гондры связывала боем 1 и 4 парагвайские дивизии,

– 7 дивизия полковника Г.Родригеса должна была нанести сокрушительный удар по частям, обороняющим *Нанаву* и взять её, открыв дорогу на Асунсьон. Для главного удара выделялось 7600 солдат, 2 105 мм гаубичные и 4 75мм пушечные батареи. С воздуха их должны были поддерживать все силы Авиационного Корпуса, базировавшиеся в Чако. Главной целью авиации было обнаружение и уничтожение артиллерии противника. Предположив, что 4 дивизии под Гондрой удастся сковать все силы 1 и 4 дивизий противника, Кундт и фон Клюг пла-

нировали обеспечить двукратный перевес в живой силе и артиллерии на направлении главного удара. Такой перевес достигался боливийцами впервые с начала войны. Однако вследствие пассивности полковника Пеньяранды, у которого просто не было средств сковать все силы майора Франко, и своевременного предупреждения парагвайской разведки, дивизия А. Брея была переброшена к *Нанаве* еще до начала штурма. Следом за ней подтянулись уланы Мендосы, и преимущество атакующих снизилось до соотношения 3:2.

За шесть месяцев, истекших с первого штурма *Нанавы*, парагвайские сапёры под руководством полковника С.Ф.Эрна значительно укрепили свои позиции. Теперь основная оборонительная позиция представляла собой замкнутое кольцо траншей, усиленных деревянными конструкциями, с бункерами и пулеметными гнездами. На линии окопов была размещена батарея пушек Круппа 1895 года. Она была предназначена для борьбы с танками и броневозами противника. Об их прибытии на фронт донесла парагвайская разведка. Помимо этого, для отражения танковых атак на каждый батальон было роздано по 1500 бронебойных пуль. Линия окопов была прикрыта проволочными заграждениями, а войска были вооружены гранатами в достаточном количестве. По предложению С.Ф.Эрна было сооружено несколько макетов батарей. Их периодически демаскировали при пролёте боливийских самолётов, давая ложные цели.

Когда авиационная разведка предоставила генералу Кундту исчерпывающую информацию о позициях противника и его укреплениях, он лично начал составлять диспозицию по атаке *Нанавы*. По его замыслу наступление должно было вестись тремя колоннами. Впервые с начала военных действий в Чако боливийскими войсками была проведена инженерная подготовка атаки. Памятуя опыт первой *Нанавы*, генерал Г.Кундт приказал подвести под опор-

ный пункт *Isla fortificada* минную галерею, которую её планировалось подорвать перед началом наступления. Колонна подполковника Энрике Фриаса состояла из 2700 солдат 1, 3 и 5 кавалерийских, 16, 41, 42, 43 пехотных полков должна была охватить *фортин* с юга. В качестве поддержки ей была придана дюжина огнеметов, 6 минометов, 2 65мм пехотные пушки и 2 легких танка. Центральная колонна подполковника Баллона включала в себя 1500 солдат 8 пехотного полка и маршевого отряда III. Она должна была провести демонстративную атаку и сковать гарнизон *Нанавы* с фронта. Левофланговая колонна под командованием подполковника Х.Кироги была самой многочисленной и насчитывала 3600 бойцов. Она в себя включала части 7 кавалерийского, 3, 7, 22 и 39 пехотных полков, поддержанных 6 минометами, 2 огнеметами, 3 65 мм пехотными орудиями и 2 легкими танками. Охватив противника с севера, она должна была перерезать сообщение с *Гондрой* и ударить с фланга и тыла. При прорыве укрепленных позиций *Нанавы* планировалось применить немецкий метод штурма, разработанный генералом Людендорфом во время последнего немецкого наступления на Париж в 1918 году. Для этого в колоннах Фриаса и Кироги были созданы штурмовые группы, вооруженные огнеметами. Советниками при колоннах были немецкие майоры Ахим Р. фон Криес и Вильгельм Вим Брандт, которые должны были координировать действия пехотинцев, огнеметчиков и танков. Однако, как обычно, боливийские офицеры среднего звена не уделили должного внимания тактической подготовке своих подчиненных. Это стало причиной несогласованности действий пехоты и поддерживающих её танков и штурмовых групп. Диспозиция атаки и время выдвижения колонн были разработаны вплоть до синхронизации часов командиров. Однако в общем плане наступления существовал изъян: каждая колонна выделяла треть сил в качестве тактического резерва, но общего резерва не было. По-видимому, Г. Кундт рассчитывал, что его роль будет выполнять центральная колонна.

4 июля в 8:30 начался артиллерийский обстрел *Нанавы*, возвестивший о начале ее второго штурма. Его вели 3 пушечные и 2 гаубичные батареи. Всего же под *Нанавой* было сосредоточено 32 артиллерийских орудия и миномёта. После окончания канонады на последовал авиационный налет, во время которого на позиции обороняющихся были сброшены 200-фунтовые бомбы. В 9:05 была взорвана мина под *Isla fortificada*. Взрыв был настолько силен, что защитники этого опорного пункта в панике отошли. Однако боливийские саперы ошиблись в расчетах, и сами укрепления почти не пострадали. Перед *Isla fortificada* образовалась воронка диаметром в 30 метров. Командир 7 полка майор Муньос, которому было поручено удерживать этот боевой участок, смог вернуть своих испуганных солдат на позиции с большим трудом. Через несколько минут в движение пришли штурмовые колонны 7 дивизии. Благодаря замешательству в рядах парагвайцев, возникшему в результате взрыва у *Isla fortificada*, колонне Кироги удалось преодолеть нейтральную полосу без существенных потерь. Его штурмовики ворвалась в парагвайское расположение и после рукопашной схватки захватили редут N1, а затем очистили от противника 2300 метров траншей. Колонне Кироги удалось достичь тактического успеха и окружить остатки полка 14 мая. Под руководством майора Муньоса они заняли круговую оборону на *Isla fortificada*. В самый разгар боя Кирога лишился своих танков: один из них был подбит, а второй отошел с поля боя. Его командир иайор А. фон Криес был серьезно ранен и эвакуирован в тыл. После ранения он демобилизовался и обосновался

в Ла Пасе, где несколько лет спустя возглавил ячейку нацистской партии. После отступления танков положение атакующих оставалось сложным и Кирога прекратил атаку и занял оборону. Вечером парагвайцы безуспешно пытались восстановить положение. Брисуэла при поддержке артиллерии поднял в контратаку всех солдат своей дивизии, способных носить оружие. В состав атакующих были включены ординарцы и повара. Орудия 5 дивизии, весь день молчавшие из-за недостатка снарядов, получила приказ вести интенсивный огонь по солдатам Кироги. По данным С.Л.Высоколяна, 2 артиллерийская группа *Генерал Роа* состояла из двух пушечных и одной гаубичной батареи, в каждой из которых было по 2 орудия. Командовал ею капитан Х. Ровира. По приказу командира корпуса он открыл заградительный огонь по колонне Кироги, выпустив 25 гранат. Несмотря на господство в воздухе и двойное превосходство в артиллерии, боливийцам не удалось заставить замолчать парагвайские пушки.

Занятые боливийцами позиции оказались под перекрестным огнем: парагвайские пулеметчики *14 полка* не давали боливийцам поднять голову. Несмотря на это они в этот день удержали захваченные позиции. Колонна Фриаса наткнулась на позиции 3 и 4 кавалерийских полков противника, которые практически не пострадали от огня артиллерии. Парагвайским снайперам удалось быстро перестрелять расчеты огнеметов, а пулеметчикам – отсечь пехоту от танков. Обороняющихся поддерживали с воздуха четыре *Помеза*, атаковавшие войска противника. Штурмовые группы под интенсивным огнем противника рассеялись, и атака сорвалась. В ходе боя большие потери понесли все четыре пехотных полка, составлявшие правофланговую боливийскую колонну. Их боеспособность настолько упала, что Э.Фриас не смог возобновить на следующий день свои атаки.

5 июля в 5:55 парагвайская артиллерия произвела пятиминутный обстрел позиций солдат Кироги. Вслед за этим второй батальон 7 пехотного полка, поддержанный эскадромом, атаковал занятый боливийцами редут N1. После трехчасового боя они отступили. В этот день защитники *Нанавы* отразили 14 вражеских атак. Семь боливийских самолётов, на борту которых находился немецкий офицер-корректировщик, буквально висели над районом артиллерийских позиций, сбрасывая на него бомбы, но пушки *Генерала Роа* не замолчали. За три дня ожесточённых бомбардировок и жестоких обстрелов весь район расположения парагвайской артиллерии был буквально изрыт воронками. К концу 5 июля не получившие поддержки из тыла полки северной колонны начали отход на исходные позиции. Принимая такое решение, Кирога опасался оказаться изолированным от основных сил. На следующий день боливийцы атаковали позиции III корпуса восемь раз. Не добившись успеха, они отошли на исходные позиции.

Всего в боях 4-6 июля 7 дивизия лишилась четверти своего состава, из которых пятьсот были убиты. Парагвайские потери составили примерно 600 человек, из которых четверть полегла на поле боя. Основная причина неудачного штурма *Нанавы* заключалась в отсутствии у генерала Кундта общего резерва, при помощи которого он смог бы развить успех колонны Кироги. Тем не менее, атаки продолжались: 6 июля 3 боливийский пехотный полк в очередной раз безуспешно атаковал *Isla fortificada*. Одновременно на северном фланге развернулись стычки за подбитый боливийский танк *Виккерса «6-тонн»*. Он находился недалеко от первой линии парагвайских окопов на открытом, простреливаемом обеими сторонами пространстве. Боливийское командование, считая, что парагвайцы могут его захватить, отдало приказ уничтожить его. Для этого на прямую наводку была выдвинута 75мм пушка Шнейдера. Однако рельеф местности не позволял быстро поразить цель. Парагвайцы, посчитав пристрелку боливийского орудия за подготовку противника к атаке, во время которой танк будет эвакуирован, предпочли его подорвать. Сохранившаяся после взрыва башня этого *Виккерса* установлена на постаменте перед Военным Музеем в Асунсьоне. Таким образом, боливийское командование повторяло свои прежние ошибки. Последние боливийские атаки и радиоперехват разговоров генерала Г.Кундта с командирами дивизий и колонн ясно свидетельствовали о том, что боли-

вийцы стали выдыхаться. На основании этих данных, командование III корпуса начало подготовку наступлению. 14 июля позиции посетил Х.Ф.Эстигаррибия, который был поражен полем боя. Командующий, равнодушный к чужой славе, имел довольно острый разговор с Л. Иррасабалем, который купался в лучах славы после второй *Нанавы*. Из разговора с ним он вынес мнение, что командир III корпуса является его главным соперником на военном поприще, и сделал соответствующие выводы. По возвращении в штаб, Ф.Х.Эстигаррибия попросил возвращением своего прежнего конкурента К.Фернандеса на фронт и его назначил его командиром 4 дивизии.

Неудача второго штурма *Нанавы*, где в общей сложности было потеряно 2000 солдат, впервые поставила под вопрос компетентность генерала Г. Кундта, которого вызвал для дачи объяснений президент. В беседе с Д. Саламанкой немецкий генерал с апломбом указал на ряд недостатков боливийской армии, которые, по его мнению, мешали победе. В беседе с президентом, требовавшим прекратить кровопролитные атаки *Нанавы*, немецкий генерал в качестве аргумента неудач приводил некомпетентность и безынициативность старших боливийских офицеров, а также то ужасающее положение, в котором он застал армию. Ему удалось убедить президента в собственной правоте и, сохранив в своих руках всю военную власть, генерал стал готовиться к возобновлению атак парагвайских позиций. Несмотря на то, что 9 дивизия, атаковавшая *Арсе* 4 июля, также не добилась успеха, генерал Г.Кундт решил перейти на этом направлении от демонстративных действий к решительным операциям. Он исходил из предположения, что основные силы противника связаны на юге, и парагвайскому командованию станет сложно удержать позицию. Овладение *Арсе* позволяло окружить 2 парагвайскую дивизию в *Фернандесе*. Прорыв в полосе I корпуса привел бы к расчленению парагвайского фронта в центральном Чако на два изолированных района и вызвал бы неминуемо очищение района *Толедо*. Для усиления 9 дивизии из-под *Нанавы* были взяты 7 пехотный и 7 кавалерийский полки.

Тем временем, Х.Ф. Эстигаррибия собрал совещание своих командиров корпусов и дивизий в Исла-Пой. На совещании обсуждался план перехода в контрнаступление на *Платанильос* и *Корралес* последующим выходом к Бальивиану. В ходе операции I и II боливийские корпуса должны были быть изолированы. 4, 7 и 9 дивизии противника оказывалась прижатыми к берегу Пилькомайо, а 3 и 8 дивизии отеснены в район северного Чако и окружены. Командиры I и III корпусов полковник Г.Нуньес и подполковник Л.Иррасабаль считали активизацию операций преждевременной и требовали усилить свои части. Идею наступления поддержал только командир II корпуса полковник Х.Б.Айяла, который брался решить поставленную задачу. Он предлагал усилить его корпус 2 артиллерийскими группами и 60 грузовиками. В ходе обсуждения оперативной обстановки командир 1 дивизии Р.Франко выдвинул альтернативный план наступления. Он предлагал скрытно сосредоточить три дивизии в районе *Гондры* и нанести удар в юго-западном направлении. Овладение дорогой *Арсе – Сааведра* позволяло прервать коммуникации 4 и 9 боливийских дивизий с тылом. При благоприятном исходе наступления часть боевых сил противника могли попасть в окружение. Присутствовавшие на совещании русские и аргентинские советники поддержали план Р.Франко и убедили Х.Ф.Эстигаррибию утвердить его. Данное решение шло в разрез с планами Генерального Штаба и сильно уязвило его начальника.

Чтобы подсластить пилюлю, парагвайский президент, как Верховный Главнокомандующий, поручил И.Т.Беляеву пригласить русских офицеров на парагвайскую службу. При участии брата Николая и парагвайского консула Х. Лапьера, в Париже возник «Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай», начавший вербовку бывших чинов белых армий в парагвайскую армию. Почетным председателем центра был избран известный деятель Белого движения донской атаман А.П. Богаевский. Два раза в месяц начала выходить газета «Парагуай», девизом которой стали слова: «*Европа не оправдала наших надежд. Парагвай –*

страна будущего». Первая партия русских офицеров была завербована очень быстро. Когда они прибыли в Парагвай, то почти сразу были распределены по частям. Так, один из вновь прибывших капитан Емельянов, который получил эскадрон в полку Бутлерова и уже 6 августа оказался в бою под *Нанавой*. Получили повышение и многие «старослужащие» белогвардейцы. Так, командирами полков были назначены майоры Сергей Салазкин и Николай Ширков. Прибытие группы военных профессионалов в парагвайскую армию и их назначение на командные должности повысило качество управления войсками на этом этапе войны, но сказалось на положении генерала Беляева. Многие парагвайские офицеры, обойдённые назначением, затаили недовольство против него.

Утром 11 июля патрули дивизии Р.Франко, просочившиеся сквозь боливийские позиции выяснили насколько тонкой является оборона 5 и 15 пехотных полков 4 боливийской дивизии. Их донесения окончательно склонили парагвайское командование к нанесению удара от *Гондры*. На следующее утро силы 1 дивизии неожиданно атаковали позиции 15 полка. Вскоре боливийские части оказались охвачены с юга, а их связь с тылом прервана. Для спасения своих солдат Пеньяранда бросил все наличные дивизионные резервы: эскадрон кавалерии и роту 15 полка. Они неожиданно наткнулись на выдвигавшиеся им навстречу части 2 кавалерийского полка противника. Весь день на левом фланге 4 дивизии шли кровопролитные рукопашные бои. Отбивая яростные атаки противника, боливийцы постепенно отступали к северу, группируясь вокруг командного пункта дивизии. Утром 13 июля атаки сил Р.Франко возобновились. В 8:00 его солдаты неожиданно вышли в тылы дивизии Пеньяранды и захватили дивизионный госпиталь. Командный пункт 4 боливийской дивизии был окружен с трех сторон: запада, юга и востока. Однако дальнейшее наступление парагвайцев остановилось, поскольку при дальнейшем продвижении, они неожиданно наткнулись на боливийскую засаду из солдат 5 кавалерийского полка и тыловых частей, поддержанных артиллерией. К концу дня ситуация на фронте стабилизировалась. Два полка боливийской дивизии (5 кавалерийский и 15 пехотный) вместе с тяжелым вооружением смогли закрепиться севернее своей прежней позиции у *Кампо 31*, в то время как 3 пехотный полк занял позицию у *Кампо Виа*, перекрыв дорогу на *Зентено*. В течение последующего дня боливийские силы под Кампо Виа постепенно росли за счет выходящих из мешка частей 4 дивизии. Боливийцам, окруженным у *Кампо 31*, сильно повезло с погодой: несмотря на то, что они все 3 дня боев не имели доступа к воде, прохладная погода позволила войскам сохранить боеспособность. В ночь с 14 на 15 июля арьергард 4 дивизии со всем тяжелым оружием прошел по *Camino de Salvacion* (пути спасения) из *Кампо 31* в *Кампо*

Ви́а. Несмотря на то, что 4 дивизия избежала окружения и план парагвайской операции был сорван, бой у Кампо 31 дорого обошелся частям Э.Пеньяранды. В этих боях боливийцы потеряли только убитыми 600 человек. Боливийские солдаты под *Гондрой* показали устойчивость в бою, разительно отличавшуюся от их поведения годом ранее.

События под *Гондрой* снова серьезно встревожили Д.Саламанку, не ожидавшего активных действий со стороны противника. Мнение президента Боливии о ходе военных действий в Чако формировалось на основании донесений генерала Г.Кундта, который преподносил положение на ТВД в искаженном виде. Не имея достоверной информации, боливийский командующий информировал главу государства о том, что войска противника обескровлены, а военные ресурсы исчерпаны. Устойчивость дивизии Э.Пеньяранды вместе с оптимистическим докладом командующего успокоили разнервничавшегося президента. Однако, оппозиционные настроения в армии ширились, критика действий Кундта со стороны профессиональных военных росла. Для ее пресечения он стал принимать меры. Так, подполковник Креспо Диас, открыто выступавший за изгнание гринго из армии, был отправлен в ссылку в гарнизон Тринидада (департамент Бени). Это не испугало фрондеров: в августе были арестованы командир 4 кавалерийского полка подполковник Феликс Табера и подполковник Хулио Лара, планировавшие насильственно сместить Г.Кундта с поста командующего.

Первые признаки недовольства ходом войны стали проявляться и в тылу. Встретившие начало войны с энтузиазмом общественные организации стали тихо саботировать усилия правительства по ведению войны. Большие потери и неудачи на фронте затруднили набор солдат. Военная полиция вылавливала сотни дезертиров и уклонившихся от призыва. Так, в августе вследствие дезертирства был отправлен на переформирование отличившийся в боях у *Кампо 31* 15 пехотный полк, а его оставшиеся солдаты пошли на пополнение других частей 7 дивизии. В этих условиях стало набирать силу антивоенное движение. Если раньше пропаганда *leftistas* была лишь поводом для индивидуального уклонения от военной службы, то теперь, в середине 1933 года, начали возникать массовые антивоенные организации, опиравшиеся на поддержку коммунистической партии Боливии и профессиональных союзов, наиболее активным из которых был шахтерский. В дополнение к поражениям на фронте арсенал *leftistas* пополнился фактами о деятельности *СОКОБ* – отделения *Стандард Ойл* в Боливии. Еще в июле 1932 она уплатила правительству 2 миллиона долларов за концессию в спорной части Чако и тем самым финансировала развязывание войны. Антивоенная пропаганда все более разлагала тыл армии, солдаты которой с честью отстаивали интересы своей страны во враждебных дебрях «зеленого ада».

В начале августа обе стороны закончили приготовления к весенней кампании. Отказавшись под давлением президента от идеи фронтальных наступлений генерал Г.Кундт решил провести несколько локальных операций и этим поднять боевой дух вверенных ему войск. В связи с этим командирам дивизий была предоставлена некоторая инициатива в определении характера последующих военных операций. Так, 3 августа полковнику К.Банцеру было дано распоряжение провести ранее задуманную атаку фортин *Арсе (Франсиа)*. К началу августа его 7 дивизия состояла из 2 кавалерийского, 6, 18, 27 и 36 пехотных полков. При разработке плана наступления он ошибочно предположил, что главные силы 7 дивизии противника будут прикрывать направление *Зентено – Арсе*, и сосредоточил здесь свои главные силы. Однако за

окопами полного профиля, защищавшими Арсе, стоял только один парагвайский батальон, в то время как основные силы 7 дивизии (3000 человек) располагались несколько западнее. Их появление на фланге наступающих боливийских войск привело к прекращению атаки.

Одновременно, с наступлением К.Банцера начались операции 4 дивизии по овладению фортином *Рохас Сильва*, расположенном к северо-востоку от *Алихуаты*. Занятие этого пункта прерывало прямую связь между *Арсе* и *Гондрой*. В случае успеха операции была бы прервана связь между частями III парагвайского корпуса и его главной базой снабжения в Исла-Пой. Дальнейшее удержание этого пункта давало возможность действовать во фланг противнику у *Нанавы* и *Арсе*. Для проведения наступления 4 дивизии были сформированы три колонны: северная (18, 36 пехотные полки под командованием майора Родригеса), центральную (3, 41 и 43 пехотные полк во главе с подполковником Ариетой) и южная (1 и 5 кавалерийские полки полковника Х.Кироги). 5 августа колонна Родригеса внезапной атакой овладела *Рохас Сильвой*. Однако импульсивная контратака *патапилас* выбила боливийцев из фортин. Бои местного значения продолжались в этом районе до конца августа. Обладая превосходством в живой силе и технике, части 4 дивизии постепенно вытесняли парагвайцев из фортин и его окрестностей. По мере утомления боливийских солдат, воюющих больше года в джунглях Чако, действия 4 дивизии становились спорадическими: инициатива постепенно переходила в руки противника. 23 августа частями Э.Пеньяранды был достигнут последний тактический успех. Его солдаты при поддержке танка овладели постом *Кампо Асеваль (Пириксаль)*. Захват этого пункта перерезал дорогу *Гондра – Арсе* и поставил противника в затруднительное положение. После этого активность боливийцев на этом участке фронта резко снизилась.

Активизация парагвайской авиации также не способствовала повышению боеспособности противника. В августе 1933 года два *Потеза*, эскортируемые тремя *Фиатами*, почти ежедневно совершали полеты над фортинами *Пириксаль*, *Фалькон* и *Гондра* без какого-либо противодействия со стороны боливийских *Оспри* и *Хоков*. Парагвайские самолеты изредка сбрасывали бомбы в расположение противника. Через некоторое время они осмелели еще больше и расширили радиус полетов. К концу августа парагвайские летчики освоили небо над *Эррерой*, *Самаклаем*, *Муньосом* и *Сааведрой*. Причиной такой пассивности боливийской авиации стала нехватка топлива, поскольку оба нефтеперерабатывающих завода не могли производить авиационный бензин. Получив панические запросы военных, президент дал министру финансов распоряжение приобрести необходимое количество топлива. В скором времени было приобретено столько авиационного горючего, что его хватило до конца войны. При этом часть его была впоследствии уничтожена или оставлена парагвайцам при эвакуации аэродромов *Баливьяна*, *Муньоса* и *Камачо*

Guerre du Chaco

Théâtre général des opérations militaires

(document paraguayen)

8. Перелом.

Кампо Гранде. Парагвай овладевает инициативой. Весна 1933 года. Боливийцы переходят к обороне. Оперативная обстановка в канун летней кампании 1933/34 года.

Падение боеспособности боливийцев стало заметным уже в последние дни зимы. 30 августа на центральном участке фронта парагвайские войска окружили 27 пехотный полк противника, укомплектованный необстрелянными резервистами. Результат оказался совершенно неожиданным для обеих сторон. Накануне командир I корпуса полковник Г.Нуньес приказал своим частям провести поиск вдоль дороги *Арсе – Алихуата*. Продвигаясь вперед парагвайцы наткнулись на свежие позиции противника и с ходу атаковали их. Солдаты 27 полка были захвачены врасплох и в панике разбежались, очистив дорогу на *Алихуату*. Тем временем, парагвайцы охватили боливийцев с фланга. В результате этого почти весь 27 полк оказался отрезанным от главных сил 9 дивизии. Начальник ее штаба майор Айяла не придавал этому эпизоду большого значения, поскольку подобные ситуации были на Чакомском ТВД в порядке вещей. Для восстановления положения он бросил на выручку окруженным деблокирующую группу, состоявшую всего 60 солдат 18 пехотного полка. Однако ее контратака оказалась безуспешной. Им на помощь был вдвинут 4 пехотный полк, который в течение суток прорывал кольцо окружения. Когда 1 сентября связь с 27 полком была восстановлена, выяснилось, что его солдаты были очень близки к сдаче в плен.

Этот бой продемонстрировал слабость боливийских войск, растянутых тонкой линией от *Нанавы* до *Эрреры* (*Фернандеса*). На основании рассказов пленных и перехвата сообщений противника парагвайскому Генеральному Штабу удалось выявить группировку войск противника. Разведка всех уровней доносила, что вновь прибывшие на фронт боливийские части сформированы в короткие сроки и не прошли полного курса обучения. Укомплектованные *колоко*, они не имели твердых навыков в обращении с оружием, а подразделения низшего уровня были плохо слажены. Вследствие этого солдаты боялись отстать своей роты или потеряться, и поэтому тянулись друг к другу. Полковые командиры, как и их подчиненные, им подразделения, не имели необходимой выучки и были плохо организованы. На основании имеющейся информации Генеральный Штаб рекомендовал КОМАНСУР перейти в наступление и овладеть фортином *Сорпреса*. Главной целью этого наступления стало овладение оперативной инициативой в центральном Чако. Против проведения частной наступательной операции резко выступил аргентинский военный советник – генерал А. Швейцер, считавший парагвайские войска неспособными к ведению активных военных действий по причине слабости вооружения и малочисленности. Дискуссия о проведении атаки в направлении на фортины *Сорпресу* вылилась в инспекционную поездку президента Эусебио Айялы в войска. С 31 августа по 2 сентября президент находился в Исла-Пой, нанося визиты в окрестные воинские части. В конце концов, Эстигаррибия уговорил президента разрешить проведение операции. Как и год, назад, осторожный президент не дал письменного разрешения на проведение наступательной операции, но и не выступил против него. По возвращении с фронта в столицу президент воздержался от комментариев. Это было многими истолковано, как разногласия между Х.Ф. Эстигаррибией и президентом – многие ожидали смены командующего. Как показало время, этот поступок Э.Айялы был лишь отвлекающим маневром: штаб КОМАНСУР готовил решительное наступление. Несколько недель, начиная с июля, инженеры I корпуса прорубали сквозь кустарники тропу, которая выводила в тыл противника. Её старательно маскируя от самолетов противника. Несмотря на все предосторожности, 5 сентября тропа была найдена боливийским лазутчиком. Однако начальник штаба 9 боливийской дивизии майор Айяла не поверил своему разведчику

– индейцу из Чако, обозвав его дармоедом. В этом заключались его ошибка и вина в будущей трагедии полка *Аякучо*. В указанном направлении даже не был послан патруль, и дорога оказалась без присмотра.

Захват фортин *Сорпреса* был поручен I корпусу. Его усилили свежим резервным полком из Асунсьона численностью 1300 человек и 2 полками из состава II армейского корпуса. 8 сентября отряд полковника Еуэнио Гарая в составе батальона 9 полка и двух батальонов 14 полка по подготовленной тропе вышел в тыл противника. На следующий день она отсекла в районе Кампо Гран (или как его называли парагвайцы Пампа Гранде) 2 кавалерийский и 4 пехотный боливийские полки от основных сил 9 дивизии.

Положение окруженных не было столь критическим, как у 27 полка за десять дней до этого, поскольку эти части были укомплектованы ветеранами и имели боевой опыт. Их командиры быстро сформировали из резервов и тыловых подразделений отряды, прикрывшие бреши в обороне. В последний миг перед тем, как кольцо окружения замкнулось, в расположение боливийцев проскочило несколько водовозов. Круговая оборона окруженных частей была крепкой и по своей устойчивости не уступала *Бокерону*. Три дня солдаты 2 кавалерийского и 4 пехотного полков отражали атаки противника с большими для него потерями. За это время можно было легко создать деблокирующую группу, но командование 9 дивизии проявило полную беспомощность. У соседней 4 боливийской дивизии не было свежих сил, чтобы поддержать соседа – ее войска также были измотаны боями местного значения. Проявил растерянность и генерал Г.Кундт, резервы которого оказались связанными боями под *Гондрой*. На паническую телеграмму генерала К.Банцера он саркастически ответил, что «все требуют резервов для затыкания дыр». По-мнению, командующего парагвайская операция у Кампо Гранде имела своей целью снять напряжение на других участках фронта. Тогда К.Банцер обратился за помощью к другому соседу – 8 дивизии. Получив подкрепления, он сформировал деблокирующую группу. Она состояла из остатков 4 полка, а также солдат 3 саперного и 8 пехотного

полков. Им удалось отбросить передовые парагвайские заставы к внешней линии обороны. Однако ее преодолеть боливийцы не смогли, все их атаки были отбиты парагвайцами. Тем временем, на позиции к югу от Пампы Гран выдвинулся 18 парагвайский пехотный полк, который образовал внешнее кольцо окружения. Его солдаты плотно перекрыли дорогу на *Зентено* и лишили гарнизон Кампо Гранде надежды на спасение. Маневр 18 полка позволил замкнуть кольцо окружения вокруг большей части 18 пехотного и подразделения 5 кавалерийского полков. Эта группа 9 дивизии защищала Посо Фаворито. Потери обеих сторон были невелики: 18 парагвайский полк потерял 43 человека убитыми и около сотни раненых, в то время как боливийские потери исчислялись в 170 погибших солдат. Отсюда можно сделать вывод, что К.Банцер не делал серьезной попытки деблокировать окруженные части.

12 сентября у окружённых у Кампо Гранде почти закончилась питьевая вода: вместе с ней начала иссыхать воля солдат *Аякучо* к сопротивлению. Когда 15 сентября в Кампо Гранде полностью иссякли запасы воды, старший офицер окруженных войск подполковник Хосе Каприлес приказал выкинуть белый флаг. В плен сдались 17 офицеров и 519 солдат, многие из которых были ранены. На следующий день капитулировали части в *Посо Фаворито*: 6 офицеров и 340 солдат. Причиной капитуляции боливийских солдат, не исчерпавших до конца возможность к сопротивлению были не голод и жажда, а общее утомление войск. Гибкость и прочность человеческого организма таковы, что в течение относительно непродолжительного времени он может выдерживать значительные физические и психологические нагрузки. Однако всегда наступает предел выносливости, когда солдат теряет волю к борьбе и даже жизни. Он уже не в состоянии разумно мыслить, отличать добро от зла, правду от вымысла. Такой солдат легко поддается панике, готов забыть о воинском долге, патриотизме и ненависти врагу и совершить самоубийство, членовредительство или подвиг. Конечно, нехватка воды и продовольствия сильно повлияли на состояние окруженных, но основным фактором, приведшим к капитуляции, стал провал операции по их деблокированию. Он привел к быстрому развалу командования и падению дисциплины. Всё это сопровождалось агитацией окруженных солдат на кечуа и аймара. *Колоко*, ранее попавшие в плен, по наущению специальных агитаторов из КОМАНСУР призывали своих соплеменников сдаться. К 15 сентября окруженными овладела апатия, а еще через сутки последние из них сложили оружие. Кроме тысячи винтовок в руки парагвайцев попало 70 единиц автоматического оружия. Таким образом, принимая во внимание потери боливийцев при попытках деблокады и полторы сотни погибших внутри кольца

окружения, их общие потери превысили 1200 человек. После окончания боев 9 дивизия оказалась обескровлена.

Несмотря на плачевный исход, поражение под Кампо Гранде не вызвало резкого падения боевого духа остальных частей боливийцев: если ровно год назад они в панике бежали после капитуляции *Бокерона*, то теперь они отступали в полном порядке. Навстречу им двигались не толпы плохо обученных новобранцев, не имевших представления о том, как держать ружье, а плотно сбитые маршевые отряды, которые могли быть сходу влиты в потрепанные части и подразделения. Поражение в районе *Кампо Гранде* и *Посо Фаворито* сильно уронило авторитет генерала Г. Кундта в глазах президента Саламанки. Он впервые стал прислушиваться к мнению фрондеров. После Кампо Гранде многие старшие офицеры присоединились к полковнику Д.Торо, которой открыто выступил против своего прежнего патрона. Тем не менее, Г. Кундт не терял оптимизма: в докладе от 17 сентября на имя президента генерал признавал, что был удивлен численностью противника и силой его атак. Одновременно, он заверял Д.Саламанку, что неудача произошла в неблагоприятный для его армии момент, когда происходила перегруппировка войск I корпуса. Немецкий генерал откровенно блефовал, сообщая о том, что отвод войск 9 дивизии был заранее предreshен и проводился в соответствии с его планом, в котором 2 кавалерийскому, 4 и 18 пехотным полкам отводилась роль арьергарда. Для успешного завершения войны он потребовал призыв новых солдат. Результатом этого доклада стал призыв в боливийскую армию резервистов 1921-22 годов призыва и расширение полномочий немецкого генерала. «Кундт уезжал в Ла-Пас побежденным, а вернулся победителем», – так резюмировал в своих мемуарах визит генерала в Ла-Пас Бильбао Риоха. Возвратившись на фронт, генерал Г.Кундт провел реорганизацию командного состава I корпуса, командиром которого был назначен Э.Пеньяранда. Сам генерал прибыл в 9 дивизию и энергично принялся восстанавливать ее боеспособность. По его приказу боливийские солдаты оставили свои передовые позиции и постепенно стягивались к *Зентено* и *Алихуате*. Здесь под надзором немецких офицеров возводился целый комплекс земляных укреплений, о которые должно было разбиться очередное парагвайское наступление. Поток маршевых пополнений теперь направлялся в 9 дивизию, оставив остальные четыре на голодном пайке. В течение сентября из уцелевших были восстановлены 2 кавалерийский, 5 и 18 пехотные полки. Как бы подтверждая, что в его положении ничего не изменилось, генерал Г.Кундт решил взять реванш и приказал Э. Пеньяранде и К.Банцеру провести ряд атак местного значения. Наиболее сильные бои шли у *Нанавы* и *Посо-Фаворито(Чаркас)*, где 22 сентября погиб капитан В.П.Малютин.

Тем временем, Асунсьон праздновал победу. Ее итог превзошел результаты *Бокерона*. В плен попали три старших офицера: два подполковника и майор, было захвачено три десятка младших офицеров и 860 солдат, а также снаряжение кавалерийского и двух пехотных полков. Многие принимавшие участие в боях офицеры получили награды. За успешное завершение операции Хосе Феликс Эстигаррибия был произведен в генералы. Учитывая, что войну он начинал в звании подполковника, это было единственное столь быстрое производство в офицерском корпусе за все годы Чакоской войны. Однако в отличие от *Бокерона* победа у Пампы Гран не имела оперативного значения – боливийский фронт в Чако устоял. Этому способствовала резкое снижение боеспособности парагвайских войск, вызванное очередной эпидемией и жарой: показания термометра достигали +42* С. Отказ от развития операций после победы у *Кампо Гранде* объяснялось еще тем, что в ходе боев парагвайцами было истрачено неожиданно большое количество боеприпасов, что не позволяло вести активные боевые действия до их пополнения.

Октябрь 1933 в Чако прошел в боях местного значения. Парагвайская армия готовилась к наступлению, а ее противник зализывал раны после *Кампо Гранде* и неудачных атак *Нанавы*. Боливийские войска растянулись с севера на юг от *Нанавы* до *Корралеса*. Самый южный фланг (против *Нанавы*) по-прежнему занимала 7 пехотная дивизия полковника Г.Родригеса в составе

четырёх (16, 27, 39, 43) пехотных и 1 кавалерийского полков. К северу от нее (к западу от *Зентено*) располагалась 4 дивизия полковника Г.Квинта в составе пяти (6, 12, 15, 26 и 36) пехотных и 5 кавалерийского полка. К ее левому флангу примыкала 9 дивизия полковника К. Банцера, восстановившая свой состав: шесть (5, 7, 8, 18, 20, 41) пехотных, 3 саперный и 2 кавалерийский полки. Все три дивизии входили в состав I корпуса, командиром которого числился Пеньяранда, но непосредственное командование осуществлял сам генерал Г.Кундт. Расположение его войск таким образом представляло таким образом полукруг радиусом в 50 километров. Артиллерия, состоявшая из 8 полевых батарей, распределялась по дивизиям неравномерно. Оперативный резерв I корпуса со штабом в *Муньосе* составляли три танка и 3 пехотный полк. В глубоком тылу располагались остатки десятка (2, 4, 14, 22, 25, 35, 37, 38 и 45) пехотных и двух (4 и 6) кавалерийского полков. Они были разбросаны на протяжении нескольких сотен километров по фортинам боливийского Чако.

С севера к I корпусу примыкал II корпус генерала Ф.Осорио, который состоял из 3 и 8 дивизий. 3 дивизия майора Айороа, занимавшая *Платанильос*, состояла из четырех пехотных (9, 17, 44, 48) полков, а 8 дивизия полковника Куинтанеллы, оборонявшая *Корралес*, имела четыре пехотных (10, 24, 34 и 47) и 7 кавалерийский полки. В глубине располагались подразделения еще шести (13, 23, 30, 33, 40, 42) пехотных полков. Они были разбросаны по многочисленным фортинам северного Чако, растянувшихся вплоть до верховьев реки Парагвай. Артиллерия корпуса насчитывала пять батарей. Этому корпусу боливийское главное командование почти не уделяло внимания. Вследствие недостаточного обеспечения автотранспортом и людьми его маневренность была чрезвычайно низка. Многие части корпуса после мобилизации вообще не получали пополнений. Согласно справке боливийского Генерального Штаба, на 1 декабря численность полевых войск в Чако составляла 15482 солдата и офицера, не менее 9500 человек составляли гарнизоны фортов и маршевые пополнения, что было сопоставимо с численностью противостоящих им войск противника.

Замысел весенней кампании генерала Кундта заключался в том, чтобы активной обороной выиграть необходимое время для пополнения своих ослабленных безрезультатными штурмами и неудачными маневрами частей. Для этого у него были все шансы: он легко мог, действуя на внутренних операционных линиях сдерживать противника по всей дуге обороны I корпуса. Единственным слабым местом в ней была брешь между позициями 9 и 4 дивизий у Кампо Виа. По мере выдвижения 6 парагвайской пехотной дивизии на левый фланг 9 дивизии, генерал Кундт выдвигал из своего резерва новые подразделения. Таким образом, фланг этой дивизии постоянно удлинялся к западу без всякой надежды сомкнуться со своим, застрявшим у *Платанильоса* соседом. Готовясь к летним оборонительным боям, боливийские войска не проявляли особой активности. Исключение составляла эскадрилья *Оспри*, беспокоившая коммуникации противника. Так, 5 октября три самолета из его состава бомбардировали парагвайские тылы, и в частности, госпиталь *Франсиа*, где находились на излечении пятьдесят пленных боливийцев. Самолеты сторон вели разведку, стараясь выявить сосредоточение войск противника.

23 октября президент Д. Саламанка, опираясь на мнение боливийских старших офицеров, обратился к Г.Кундту с предложением очистить район *Зентено* – *Алихуата*. Его предложение было основано на данных внешней разведки боливийского МИД, которые добыли информацию о готовящейся в этом районе операции. Послы Ла-Паса в Сантьяго и Буэнос-Айресе точно сообщали, что главной целью парагвайского наступления станет 9 дивизия. О сосредоточении войск противника к западу от *Зентено* сообщала и авиаразведка. Несмотря на все признаки готовящегося парагвайского наступления, генерал Г.Кундт, считая позицию под *Алихуатой* неприступной, бездействовал. Его мнение в правильности выбранной диспозиции укрепилось после того, как 9 дивизия отразила сильную атаку противника. В первой декаде ноября 3500 парагвайцев под командой подполковника Эдуардо Торреони атаковали боливийские позиции. В ходе нескольких безуспешных атак они понесли тяжелые потери, при этом

командир боливийского боевого участка даже не затребовал подкреплений. Неудача Э.Торреони была не только следствием его неумелого руководства, но и наличием большого числа новобранцев в составе его частей. Эта лёгкая победа вернула самоуверенность немецкому генералу, который доложил президенту о готовности отразить любую атаку противника. Другим важным фактором, который, по мнению боливийского командующего должен был сковать активные действия парагвайцев, являлось планируемое на середину ноября и декабрь прибытие полномочной комиссии Лиги Наций в зону конфликта.

Тем временем парагвайское давление на фронте нарастало. Оправившись от эпидемии, которая охватила армию в октябре-первой половине ноября, войска КОМАНСУР вошли в соприкосновение с частями I боливийского корпуса по всему фронту. К этому времени Х.Ф.Эстергаррибия имел три полноценных корпуса и провёл ротацию их командования.

I корпус полковника Х.Б. Айялы состоял из 6, 7 и 8 пехотных дивизий, отдельного отряда Лича (2 пехотных полка) и корпусного резерва (3 и 17 пехотных и 1 саперного полков) и насчитывал 5000 солдат. На пополнение его частей были мобилизованы последние боеспособные жители столицы: полицейские и чиновники, а также взяты некоторые части из 3 дивизии, численность которой снизилась до 1000 человек.

II корпус полковника Р.Франко имел в своём составе 1 кавалерийскую и 2 пехотную дивизии. Ему было поручено сковать II корпус противника в районе *Корралеса*.

III корпус подполковника Л Иррасабалы в составе 1, 4 и 5 пехотных и 2 кавалерийской дивизий прикрывал фронт *Гондра – Нанавы*, охватывая I боливийский корпус с юга

18 октября состоялось совещание старших офицеров I корпуса, где обсуждались возможные направления наступления. Несмотря на возражения командира корпуса Айялы, считавшего необходимым улучшить снабжение и транспорт, было принято решение о нанесении главного удара по правому флангу противника. Подполковнику В.Мачуке, командиру 6 дивизии, было отдано распоряжение подготовить плацдарм для охвата позиций 9 дивизии с запада: прорубить тропы для движения колонн, изучить систему обороны противника и выявить маршруты движения его патрулей. Для отвлечения внимания противника от направления главного удара КОМАНСУР распорядился провести разведку боем в полосе *Алихуаты* и демонстративную атаку силами 4 дивизии III корпуса в секторе Чаркас (Посо-Фаворито). Ею командовал К.Фернандес, в распоряжении которого были 3 и 4 пехотные полки. В предыдущих боях они понесли значительные потери: из 1200 солдат оставалось в строю только 910. Полковые командиры И.Мориниго и С.Салазкин попытались оспорить выполнение приказа. Это печально закончилось для Мориниго, которого Фернандес временно отстранил от командования. В ходе наступления, начавшегося 30 октября, 4 пехотный полк отклонился от оси атаки на восток, а его командир был ранен и отправлен в госпиталь.

Атаки Э.Торреони и К. Фернандеса обернулась тяжелыми потерями и показали силу противника на линии *Алихуата-Муньос*. Чтобы оттянуть силы противника с этого направления, КОМАНСУР решил нанести демонстративный удар у *Нанавы*. Для этого были выделены три эскадрона (разведывательного из состава 2 дивизии и по одному из 4 и 5 уланских полков) и два батальона (из состава 6 и 13 пехотных полков) общей численностью до 1000 солдат под командованием майора С.С.Салазкина, который к этому времени выписался из госпиталя. Их поддерживали миномёт и пушка с ограниченным боекомплектом. В ночь на 11 ноября они без артиллерийской подготовки неожиданно атаковали позиции противника у *Нанавы*. Уланы ворвались в расположение 16 пехотного полка *Кастильо* и 120 маршевого отряда. Боливийские солдаты были застигнуты врасплох и почти без боя оставили первую линию окопов. В плен попали 13 офицеров и 415 солдат противника во главе с майором Антесаной. Кроме винтовок парагвайцы захватили 8 станковых и 21 легкий пулемет, миномёты, орудия и около тысячи снарядов к ним. Атака *пататилас* была остановлена танкеткой, открывшей пулемётный огонь с фланга. Потеряв 60% своего состава наступающие залегли.

Утром следующего дня подоспевшие резервы 7 дивизии при поддержке бронетехники выбили солдат Салазкина с занятых им позиций. 13 ноября состоялась повторная атака парагвайцев, использовавших *Isla fortificada*, как плацдарм. Она была отражена при помощи частей 9 дивизии, переброшенных из-под *Алихуаты*. В этой атаке парагвайцы потеряли убитыми около сотни солдат, среди которых был майор Салазкин. Через два дня был нанесён новый удар по противнику. Примечательно, что 15 ноября в *Нанаву* прибыли новые части из состава 9 дивизии, но новых атак в этом секторе парагвайцы больше не проводили.

Бои у *Нанавы* с неясным результатом были преподнесены Г.Кундтом как «победа под *Нанавой*». В своем докладе президенту он сообщал о том, что солдаты 4 и 9 дивизий на подготовленных позициях без особых усилий отразили наступление вдесятеро сильнее противника. Их потери он исчислял в четыре тысячи человек, в то время как свои в семьсот. Парагвайские сообщения о разгроме полка *Кастрильо* он назвал вражеской пропагандой и сообщал, что считает оставление района *Алихуаты* нецелесообразным. Несмотря на явное передергивание фактов, президент Д.Саламанка посчитал мнение немецкого генерала более весомым, чем своих военных.

С конца октября в высшем военно-политическом руководстве Парагвая активно обсуждалась тема о дальнейшей стратегии войны. Оновными инициаторами наступательного ведения операций были полковники Ф.Х. Эстигаррибия и А.Швейцер, а также генерал Н.Ф.Эрн. Их поддерживал министр иностранных дел Х.Зубизаретта, который считал, что военные успехи даст ему дополнительные козыри в Совете Лиги Наций, и поэтому он присоединил свой веский голос к сторонникам скорейшего наступления. Их главными оппонентами был генерал И.Т.Беляев, полковники Х.Айяла и Л.Иррасабаль. Они считали, что организация наступления опустошит все военные запасы и обескровит резервы. Он предоставил доклад, где указывал,

что войска имеют боеприпасов к стрелковому оружию всего на 2-3 интенсивных боя. Так, войска I корпуса в последних числах ноября имели по 1-2 ручные гранаты на бойца, 70-100 патронов на винтовку, 300-400 патронов на ружье-пулемет и 500-600 патронов на станковый пулемет. С артиллерийскими боеприпасами было хуже. К началу наступления в парках находилось только по 25 снарядов на полевое орудие и около 3000 минометных мин. Этого, теоретически, могло хватить на неделю позиционной войны или один день интенсивного боя. Таким образом, на успех операции должно было поставлено все – в случае неудачи Парагваю не было чем защищаться. Однако Совет Обороны и президент прислушались к мнению Х.Ф. Эстигаррибии и одобрили проведение наступательной операции. Генерал И.Т.Беляев в знак протеста против этого авантюрного решения подал в отставку с поста начальника Генерального Штаба. Она была принята, после чего ему был предложен пост при военного советника при президенте и должность военного консультанта при комиссии Лиги Наций по прекращению огня в Чако, которая должна была прибыть в Асунсьон 18 ноября. Новым начальником Генерального Штаба стал подполковник Г.Бенитес.

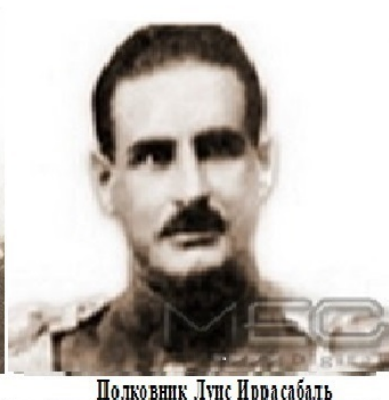
Комиссия Лиги Наций прибыла в Асунсьон. Она состояла из двух дипломатов Х.А. дель Вайо (Испания) и Л.Альдрованди (Италия) и двух высших офицеров: бригадира А.Б. Робертсона (Великобритания) и командующего мексиканской армией генерала Р.Риверы Фландеро. Согласно сообщению Ничолсона, посла США в Парагвае, президент Э. Айяла и его военный советник генерал И.Т.Беляев оказали весьма благоприятное впечатление на ее членов. Прием, оказанный комиссии, аргументы парагвайской стороны и тактичное поведение генерала Беляева расположили высоких гостей в ее пользу, что противоречило планам Вашингтона. После ознакомления с ситуацией в стране делегация 5 декабря отбыла в Ла-Пас через Формосу (Аргентина).

Активные военные действия в секторе Чако продолжались. Еще 16 ноября патрули сообщили полковнику К.Банцеру об обнаружении на правом фланге парагвайских саперов, строивших дорогу. Командир дивизии доложил об этом в штаб корпуса и попросил возвратить назад его части, переброшенные к Нанаве. Однако его сообщение и просьба были проигнорированы. Вероятно, там рассчитывали на скорое прекращение огня под воздействием Лиги Наций. Поняв, что Г.Кундта невозможно переубедить, К.Банцер 25 ноября по собственной инициативе оттянул танки и часть артиллерии, включая зенитную батарею, к *Сааведре*. Помимо желания спасти свое тяжелое оружие командир дивизии руководствовался простейшей причиной – отсутствием боеприпасов к своим пушкам. К концу ноября у него на орудие оставалось в среднем по 10-15 снарядов. Парагвайским радистам удалось перехватить несколько радиogramм К.Банцера, в которых он сообщал в штаб I корпуса о своем бедственном положении с боеприпасами. Криптографам также удалось расшифровать распоряжения полковника об отводе танков и артиллерии с позиций. Эту информацию незамедлительно передали Генеральный штаб, который имел агентурные сведения из Ла-Паса о скором прибытии новых маршевых пополнений на фронт. На рассвете 28 ноября парагвайцы провели разведку боем и атаковали передовые позиции противника у *Алихуаты*. Им довольно легко удалось опрокинуть оставшиеся без поддержки артиллерии 7 (*Азурдуй*) и 18 (*Хуни*) пехотные полки, состоявшие из только что прибывших из *Сааведры* новобранцев. Вслед за этим боливийские солдаты оставили пост *Пириксаль*, открыв прямое сообщение между *Арсе* и *Гондрой*. Для того, чтобы снизить давление на фронте 9 дивизии, II корпус получил приказ генерала Г. Кундта атаковать *Толедо*. Боливийская пехота при поддержке танка предприняла одну безуспешную атаку, после чего вернулась на исходную позицию. 30 ноября президент Э.Айяла, как верховный главнокомандующий, подписал директиву о переходе парагвайской армии в генеральное наступление. Согласно ей, главный удар наносился дивизиями I корпуса в обход левого фланга противника, III корпус должен был нанести отвлекающий удар вдоль всей линии своего фронта, а II корпус сковать действия II корпуса противника.

] **Военные руководители Парагвая**

Генерал Мануэль Скенони

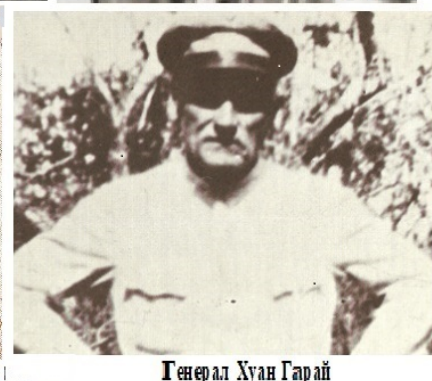
Полковник Луис Иррасабаль

Генерал Хуан Беллефф

Полковник Хуан Айяла

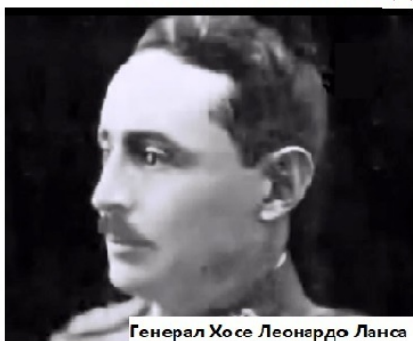

Генерал Хуан Гарай

Полковник Рафаэль Франко

ВОЕННЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ БОЛИВИИ

Генерал Хосе Леонардо Ланса

Генерал Карлос
Бланко Галиндо

Генерал Филберто Осорно

Полковник Б. Бильбао Риоха

Полковник Э. Пеньяранда

Генерал Карлос
Куинтинилья

КОНЕЦ 1 ТОМА

ПРИМЕЧАНИЕ: Все фотографии и рисунки взяты из военных архивов Боливии и Парагвая. Все изображённые на них люди давно умерли.